

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова

5

2016

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 5
Сентябрь – Октябрь

VESTNIK
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 5
September – October

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVIKH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,

Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),

Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,

Linguistic Investigations Institute

of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAJEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Берестнев Р.С.**
Лесостепное междуречье Хопра и Волги в позднесарматское время
- 12 Абдусаламов М.Б.**
Роль кумыкских феодальных владетелей в обеспечении безопасности торгового пути в Приморском Дагестане в первой половине XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива)
- 15 Мутиева О.С.**
Трансформация трудовых обязанностей женщин под влиянием Кавказской войны (на примере Дагестана)
- 18 Митрофанов В.В.**
«Мы отправляемся в Кострому...»: некоторые факты из жизни Н.Н. Шамонина
- 25 Максимов А.И.**
Положение российского реформатора в Царстве Польском в 1864 году
- 29 Миловидова Н.В.**
Воспоминания писателя и корреспондента В.И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. как исторический источник
- 32 Заяц Н.А.**
Деятельность воронежских губернаторов в годы Первой мировой войны
- 37 Булучевская Е.А.**
Социальное положение русских эмигрантов в Италии (1918–1939)
- 42 Веселов В.Р.**
Учительская интеллигенция и власть в 1920–1930 годы. Опыт политического доверия
- 47 Томина Е.Ф.**
Развитие системы образования в Оренбургской губернии в 1921–1925 гг.
- 51 Кривоноженко А.Ф.**
Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета
- 56 Рыбин А.А.**
Костромичи на освоении целинно-залежных земель Казахстана (1954–1964 гг.): по материалам периодической печати
- 62 Сазонов Д.И.**
Проблема «кадрового голода» в Русской Православной Церкви и ее разрешение с 1958 по 1988 гг. (по материалам Костромской епархии)
- 68 Киселев А.А.**
Реформирование сферы торговли и общественного питания в Карелии (1991–1993 гг.)
- 73 Голикова С.Н.**
Развитие немецкого миграционного законодательства накануне общеевропейского миграционного кризиса (1998–2013 гг.)
- 77 Федотов В.Е.**
Дореволюционная историография о Киево-Могилянской Академии
- 82 Кадымов А.А.**
История развития физической культуры и спорта в 1920–1940 годы в БАССР

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 86 Ненарокова М.Р.**
Учебный текст в раннесредневековой школе: единство в многообразии
- 92 Голубков А.В.**
«Смешные жеманницы» Мольера: к вопросу о типологии женских характеров

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 R.S. Berestnev**
Forest-steppe between the Khopyor and the Volga rivers in the late Sarmatian time
- 12 M.B. Abdusalamov**
Role of the Kumyk feudal lords in safety of the trade way in Seaside Dagestan in the first half of the 18th century (on the materials of Kizlyar commandant's archive)
- 15 O.S. Mutiyeva**
Transformation of labour responsibilities of women under the influence of the Caucasian War (in terms of Dagestan)
- 18 V.V. Mitrofanov**
«...We are leaving for Kostroma...»: some facts from Nikolay Shamonin's life
- 25 A.I. Maksimov**
The role of Russian reformer in the Kingdom of Poland in 1864
- 29 N.V. Milovidova**
Memories of the writer and reporter Vasily Nemirovich-Danchenko on the Russo-Turkish War of 1877–1878 as a historical source
- 32 N.A. Zayats**
Activity of Voronezh governors during the World War I
- 37 Ye.A. Buluchevskaya**
Social position of Russian emigrants in Italy (1918–1939)
- 42 V.R. Veselov**
Teachers intellectuals and power in the 1920–1930. The experience of political trust
- 47 Ye.F. Tomina**
The development of education in the Orenburg Province in the 1921–1925
- 51 A.F. Krivonozenko**
Some problems of formation of the Soviet higher school: experience of the University of Petrograd
- 56 A.A. Rybin**
Kostroma people participating in the Virgin Lands Campaign in Kazakhstan (1954–1964). According to the materials of periodical press
- 62 D.I. Sazonov**
The problem of «staff shortage» in the Russian Orthodox Church and its resolution from 1958 to 1988 based on materials of Kostroma diocese
- 68 A.A. Kiselyov**
Trade and public catering reform of in Karelia (1991–1993)
- 73 S.N. Golikova**
Development of the German migratory legislation on the eve of the all-European migratory crisis (1998–2013)
- 77 V.Ye. Fedotov**
Pre-revolutionary historiography on Kyiv Mohyla Academy
- 82 A.A. Kadymov**
History of development of physical culture and sport in the 1920s–1940s in Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic

SCIENCE OF LITERATURE

- 86 M.R. Nenarokova**
The didactic text in the Early Medieval school: unity in diversity
- 92 A.V. Golubkov**
Molière's «The Affected Ladies»: on the typology of female characters

- 96 Халтрин-Халтурина Е.В.**
Элементы детектива в пародиях Джейн Остен
- 100 Королева В.В.**
Черты гофмановского стиля в романе Ф.К. Сологуба «Мелкий бес»
- 106 Миркина Ю.З.**
Временная организация романа Макса Фриша «Хомо Фабер»
- 109 Володина Н.В.**
Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н.Д. Ахшарумова (статья вторая)
- 115 Лученецкая-Бурдина И.Ю.**
Особенности романного жанра в творчестве Ф.М. Достоевского 1860–1870-х годов
- 120 Ермолаева Н.Л.**
Образ героя в драматических хрониках А.Ф. Писемского («Поручик Гладков») и А.Н. Островского («Тушино»)
- 125 Овчинина И.А.**
«Минин» А.Н. Островского на перекрестке мнений
- 130 Кустова О.Б.**
Природа в зеркале сравнений и сопоставлений в книге очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»
- 135 Федотова А.А.**
Л.Н. Толстой и Н.С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года
- 140 Михалькова С.М.**
В. Маяковский и А. Вознесенский: от «поэта-моста» к «поэту-аэропорту»
- 145 Галанова В.А.**
Специфика поэтического нарратива в жанре поэмы и в поэмах Ф.Н. Глинки
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 149 Кюршунуова И.А.**
Тюркское имя в антропонимике Карелии XV–XVII вв.
- 156 Исаева Л.А., Буданова С.Г., Рябинина А.Г.**
Сюжетно-образная вторичность в современном рекламном тексте
- 162 Фрейдина Е.Л.**
Вариативность просодии как основа красноречия
- 166 Павловская И.Ю.**
Экспериментальное сопоставительное исследование английской и китайской интонации
- 172 Пчелина Т.М.**
К вопросу о соотношении понятий «качество голоса» и «тембр голоса» в современных лингвистических исследованиях
- 176 Волкова Е.Б., Ременникова И.А., Вечеринина Е.А., Коротун В.Л.**
Сопоставительный анализ структуры и семантики сложноподчинённых предложений изъяснительного типа в русском и романо-германских языках (на материале произведений математического цикла)
- 180 Ивкова Е.Ю.**
Многокомпонентные сложноподчинённые предложения как системообразующий фактор в двуязычной письменной речи персонажей художественных произведений (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)
- 184 Сафина А.Р.**
Ментальное состояние коммуникантов и его влияние на достоверность высказывания
- 188 Попова Т.Г., Мингалева О.В., Аниkeyева И.Г.**
Метафора в межкультурной коммуникации
- 191 Попова Т.Г., Сачкова Е.В.**
Метафора в официально-деловом стиле
- 96 Ye.V. Khaltrin-Khalturina**
Elements of detective fiction in Jane Austen’s parodies
- 100 V.V. Korolyova**
Ernst Theodor Amadeus Hoffmann’s style features in the novel «The Petty Demon» by Fyodor Sologub
- 106 Yu.Z. Mirkina**
Time Organisation of the novel «Homo Faber» by Max Frisch
- 109 N.V. Volodina**
Leo Tolstoy’s novel «War and Peace» in the evaluation of Nikolay Akhsharumov (article two)
- 115 I.Yu. Luchenetskaya-Burdina**
Novel genre peculiarities in Fyodor Dostoyevsky’s creative work of 1860s to 1870s
- 120 N.L. Yermolayeva**
Depicting the Character in the Dramatic Histories by Alexey Pisemsky («Lieutenant Gladkov») and Alexander Ostrovsky’s («Tushino»)
- 125 I.A. Ovchinina**
«Minin» by Alexander Ostrovsky: at opinions’ intersection
- 130 O.B. Kustova**
Images of nature in the mirror of similes and comparisons expressed in the voyage diary of Ivan Goncharov «Frigate “Pallada”»
- 135 A.A. Fedotova**
Leo Tolstoy, Nikolay Leskov and «the Terrible Issue» of 1891
- 140 S.M. Mikhail’kova**
Vladimir Mayakovsky and Andrei Voznesensky: from «the Bridge Poet» to «the Airport Poet»
- 145 V.A. Galanova**
Poetic narrative in the poem genre and in the poems by Fyodor Glinka
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 149 I.A. Kyurshunova**
The Turkic name in anthroponymicon of Karelia in the 15th—17th centuries
- 156 L.A. Isayeva, S.G. Budanova, A.G. Ryabinina**
A plot-figurative secondary nature in a modern advertising text
- 162 Ye.L. Freydina**
Prosodic variation as the basis of eloquence
- 166 I.Yu. Pavlovskaya**
Experimental contrastive research of English and Chinese intonation
- 172 T.M. Pchelina**
The problem of correlation of the notions «voice quality» and «timbre» in modern linguistic researches
- 176 Ye.B. Volkova, I.A. Remennikova, Ye.A. Vecherinina, V.L. Korotun**
Comparative analysis of the structure and semantics of compound sentences with object clauses in Russian and Romano-Germanic languages (on the material of mathematical works)
- 180 Ye.Yu. Ivkova**
Multicomponent complex sentences as system-forming factor in bilingual writing speech of characters in literary text (a case study of the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy)
- 184 A.R. Safina**
Communicants’ mental state and its influence on certainty of the statement
- 188 T.G. Popova, O.V. Mingaleva, I.G. Anikayeva**
Metaphor in intercultural communication
- 191 T.G. Popova, Ye.V. Sachkova**
Metaphor in official documents style

- 194 Олейник Н.Г., Дубова М.Е.**
Лингвистическая картина сил правопорядка в современном английском языке
- 198 Зиновьева Е.С.**
Создание стереотипного образа мужчины в глянцевого журналов (на материале русского и английского языков)
- 204 Титов О.А.**
Семантика собственных имён в рассказе В.В. Набокова «Катастрофа»
- 208 Любимова С.Е.**
Онимы «марсианского» языка как средство создания фантастического мира (на примере повести А.Н. Толстого «Аэлита»)
- 211 Зими́на Е.В.**
Особенности перевода современной польской поэзии
- 214 Зубова Ж.А.**
О парадигматических отношениях во фразеологии орловских говоров
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 217 Груздев В.В.**
Проблемы и перспективы реализации прав граждан на образование в непризнанных государствах юго-востока Украины
- 221 Бриль Г.Г.**
Политика Советского государства в отношении «старой» технической интеллигенции в 1930-е годы (по материалам Верхневолжского региона)
- 224 Розенко С.В.**
Система мер социальной защиты УК РСФСР 1926 г. как альтернатива наказанию
- 227 Несвит Е.А.**
Административно-правовая защита прав граждан: вопросы терминологии
- 231 Морозов Ю.В.**
Административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства с территории Российской Федерации: основные проблемы и пути их реализации
- 238 Хижняк Д.С.**
Специфика транснациональной криминалистической (следственной) ситуации и ее типовая модель
- 241 Саенко С.И.**
Роль концепции законопроекта в подготовке качественных источников норм административного права России
- 246 Галкин А.Г., Кайнов А.С.**
Взаимодействие институтов гражданского общества и прокуратуры
- 249 Захаревич Д.А.**
Эволюция понятия «Открытое правительство» в Российской Федерации
- 254 Белова Т.В.**
О праве частной собственности на пенсионные накопления: современное состояние законодательства и тенденции его развития
- 259 Коваленко Т.С.**
Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России
- 264 Бабичев Д.А., Бабичева Н.А.**
Криминологический портрет личности преступника, совершающего умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога
- 268 Разбейко Н.В.**
Юридические факты как элемент метода правового регулирования
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- 272 Цветкова Е.В.**
XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья»
- 274 SUMMARY**

- 194 N.G. Oleynik, M.Ye. Dubova**
Linguistic picture of law and order powers and those who break it in modern English
- 198 Ye.S. Zinov'eva**
The formation of a stereotypical male image in glossy magazines (in the Russian and English languages)
- 204 O.A. Titov**
Proper names' semantics in Vladimir Nabokov's story «Catastrophe»
- 208 S.Ye. Lyubimova**
Onyms of the «Martian» language as means of creation of a fantastic world (in terms of the story «Aelita» by Aleksey Nikolayevich Tolstoy)
- 211 Ye.V. Zimina**
Specifics of translating contemporary Polish poetry
- 214 Z.A. Zubova**
About the paradigmatic relations in phraseology of Oryol patois
- JURAL SCIENCES**
- 217 V.V. Gruzdev**
Problems and the prospects of realization of the rights of citizens for education in the unrecognized states of the southeast of Ukraine
- 221 G.G. Bril'**
Policy of the Soviet state with respect to the «Tsarist» technical intelligentsia in the 1930s (in terms of the Upper Volga region)
- 224 S.V. Rozenko**
The system of measures of social protection of the RSFSR criminal code as of 1926 as an alternative to punishment
- 227 Ye.A. Nesvit**
Administrative norm of right protection: issues of terminology
- 231 Yu.V. Morozov**
Administrative banishment of foreign citizens and stateless persons from the territory of the Russian Federation: main issues and solutions in relation
- 238 D.S. Hizhnyak**
Specifics of transnational investigation (forensic) situation and its typical model
- 241 S.I. Sayenko**
The role of the concept of the bill in the preparation of high-quality sources of Russian norms of administrative law
- 246 A.G. Galkin, A.S. Kainov**
Cooperation of institutions of civil society and the Prosecutor's office
- 249 D.A. Zakharevich**
The development of the «Open government» concept in the Russian Federation
- 254 T.V. Belova**
On the right of a private property to pension accruals: current state of the legislation and tendency of its development
- 259 T.S. Kovalenko**
The historical way of origin, formation and development of the judiciary in Russia
- 264 D.A. Babichev, N.A. Babicheva**
Criminological portrait of offender who commits intentional destruction or damage of property by arson
- 268 N.V. Razbeyko**
Legal facts as an element method of legal regulation
- UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE**
- 272 Ye.V. Tsvetkova**
The XV International scientific conference «The Povolzhye Onomastics»
- 274 SUMMARY**

ЛЕСОСТЕПНОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ ХОПРА И ВОЛГИ В ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Статья посвящена основным тенденциям этнокультурного развития лесостепного междуречья Хопра и Волги во II – середине IV в. н. э. В начале исследования характеризуются группы памятников в северной части междуречья Дона и Волги, на основании чего выделяются локальные варианты сарматской культуры. Далее основное внимание уделяется лесостепному хопёро-волжскому району как менее исследованному в этническом отношении. На материалах раскопок памятников из волго-хопёрского района доказывается наличие в регионе как минимум трёх этнических групп: две разновременные этногруппы имеют кочевой облик и являются сарматскими, одна – близкая позднезарубинецко-раннекиевским древностям (памятники типа Инясево). Анализу подвергаются традиционные для археологических исследований моменты: погребальный обряд и сопровождающий покойников инвентарь. Кроме того, внимание уделяется характеристике сопредельных территорий. В изучаемом районе обосновывается сосуществование двух различных этногенетических волн – южной сарматской (аорсы) и западной венецкой, на смену которым приходят племена с Северного Кавказа и Нижнего Подонья (этносы, входившие в аланский племенной союз). Подчёркивается своеобразие рассматриваемого района, так как здесь не фиксируется явление слитности сарматских и несарматских культур.

Ключевые слова: ранний железный век, сарматы, аланы, венецы, лесостепь, курганный могильник, этническая история.

Время, охватывающее вторую половину II – середину IV в. н. э., для Восточной Европы примечательно этническими процессами, предварившими эпоху Великого переселения народов. Не осталось в стороне и междуречье Дона и Волги. В археологическом отношении указанный период характеризуется распространением в волго-донской степи и лесостепи прежде всего позднесарматской культуры. Она не была однородной на всей огромной территории своего распространения от Урала до Дуная. Каждый регион имел свои локальные варианты. В зависимости от особенностей погребального обряда и сопровождающего инвентаря, в северной части междуречья Дона и Волги сейчас выделяются как минимум четыре группы памятников сарматского времени, обладающие локальной культурной спецификой [5, с. 9; 2, с. 43–46]:

1. Среднедонской район включает памятники южной части донской лесостепи, граничащие со степью. Здесь локализуются погребения всех трёх хронологических групп. Поселения синхронного времени практически отсутствуют.

2. Воронежский район расположен в подзоне типичной лесостепи и объединяет памятники второй и третьей хронологических групп. Здесь открыты большие курганные могильники. В этом районе выявлена весьма представительная серия городищ и неукрепленных поселений среднесарматского времени.

3. Верхнедонской район расположен в северной части донской лесостепи. Здесь представлены курганные могильники первого этапа позднесарматского времени (середина II – середина III в. н. э.). Также известны синхронные им городища и поселения.

4. Лесостепной – волго-хопёрский – район объединяет сарматские памятники по лесостепному течению Хопра и восточнее, включая саратовское правобережье Волги. В нём исследованы могильники всех трёх выделенных групп, включая большие курганные группы. В настоящее время здесь стали известны синхронные поселения инясевского типа, близкие позднезарубинецкой культуре.

Для позднесарматской эпохи в волго-донской лесостепи можно выделить два периода: середина I – середина III в. н. э. и вторая половина III – середина IV в. н. э. В первый период жизнь активно протекает во всех четырех районах; во второй – лишь в волго-хопёрском регионе, прежде всего в правобережье Волги. Кроме того, наиболее представительный массив позднесарматских памятников открыт именно в волго-хопёрском районе. Всего здесь насчитывается 62 погребения и 1 случайная находка. Попытаемся на примере данного района выделить основные тенденции этнических процессов, которые предварили наступление средневековья на территории Волго-Донского бассейна.

В первый период позднесарматского времени (середина II – середина III в. н. э.) здесь происходит постепенное угасание среднесарматской культуры. В волго-хопёрском районе зафиксировано более 15 погребений указанного промежутка времени. Все они локализуются в бассейне Хопра – в могильниках, принадлежащих представителям среднесарматской культуры (Третьяки, Власовка, Ключи, Машевка, Таптулино) и безкурганых ямах (Турки). Погребальный обряд соответствует среднесарматскому: большие прямоугольные, подквадратные могилы; положение умершего по диагонали; южная ориентировка. Однако инвентарь погребений содержит вещи, характерные для

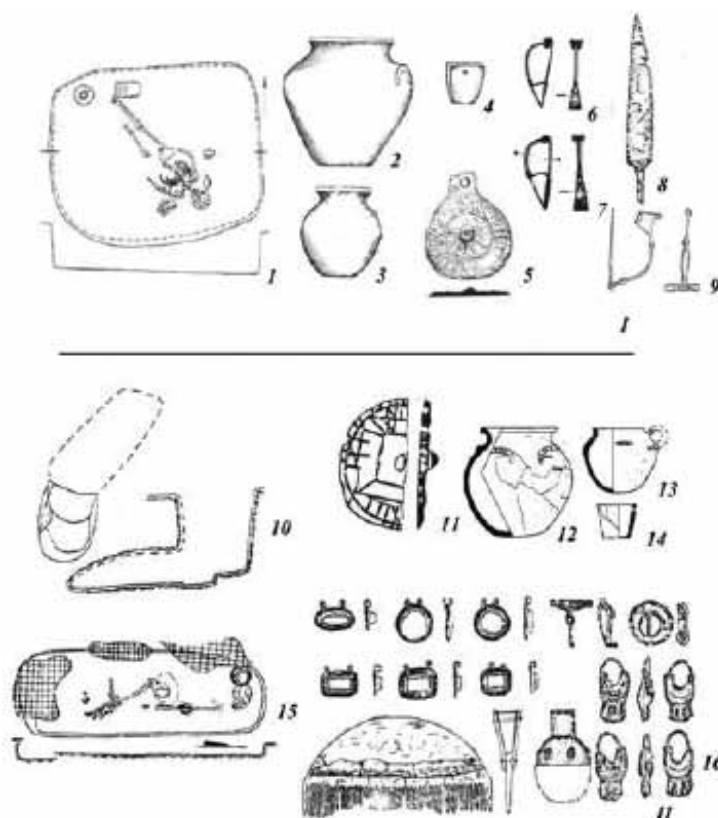

Рисунок 1. Сарматские древности эпохи освоения сарматами лесостепи между Хопром и Волгой в позднесарматское время.

I – древности середины II – начала III в. н. э. из могильников: *1* – Третьяки; *2–4, 8, 9* – Ключи; *5* – Власовка; *6–7* – Машевка; *II* – древности второй половины III – середины IV в. н. э. из могильника Большая Дмитриевка (*10–16*)

позднего периода сарматской культуры: кинжалы и мечи без металлического перекрестия и наверхия типа 3 (по А.М. Хазанову) [10, с. 15–21]; лепные сосуды с уплощенным дном и налечами типов II и IV (по классификации А.С. Скрипкина) [9]; кубические курильницы; железная пружинная фибула; сильно профилированная фибула боспорского образца; зеркала с боковым ушком и коническим утолщением и др. (рис. 1, *I*).

Скорее всего, все указанные могильники появились в лесостепном Прихоперье ещё в самом начале среднесарматской культуры в результате изменений этнополитической ситуации в волгодонских степях в I – начале II в. н. э., когда происходило массовое переселение новых кочевых племён с востока в степное Заволжье, а затем и в степное междуречье Волги и Дона [9, с. 96]. Не позже второй половины I в. н. э. ранние аланы вытеснили из степи Подонья часть старого аорского населения, которое появляется в лесостепи, в том числе и на Верхнем Хопре [5, с. 32]. Эти миграции, скорее всего, сопровождались столкновениями с местными сарматскими племенами, а позже и с пришлым с запада позднезарубинецким населением – носителями традиций так называемого инясевского типа. Находки начала позднесарматского периода говорят о том, что данные племена освоили терри-

тории бассейна Хопра и использовали могильники на протяжении нескольких поколений.

В волго-хопёрском районе кроме кочевнических погребений первого периода позднесарматской культуры со II в. н. э. известны синхронные им поселения, грунтовые могильники и культовые места, близкие позднезарубинецко-раннекиевским древностям [11, с. 325–336] или горизонту Рахны-Почеп [12, с. 26–38]. Среди этих памятников известны поселения Шапкино I и II, Подгорное (на р. Карай), могильники Инясево, Рассказань III и Борисоглебское 4. Они датируются концом II – второй половиной III в. н. э. Для этой разновидности памятников характерны находки лепной и лощеной керамики различных типов. Лепная представлена как сильно-, так и слабопрофилированными типами изделий, как округлобочными, так и острорезерными горшковидными сосудами с максимальным расширением тулова в середине или верхней трети высоты, а также банковидными формами позднезарубинецкого и раннекиевского облика. Лощеная керамика довольно распространена и представлена в основном острорезерными мисками, иногда с орнаментом по тулову в виде свастик, треугольников, пиктограмм и ромбов. Кроме керамики эти памятники характеризуются находками украшений круга «варварских» выемчатых эмалей и других

вещей. Материалы прихоперских памятников находят многочисленные аналогии среди позднезарубинецких и раннекиевских древностей левобережья Днепра (типа Терновки 2 – Картамышево 2, Шишино 5 – Шмырево, типа Гриней) [1, с. 16–17].

Как правило, памятники типа Инясево занимают песчаные всхолмления, останцы или пониженные участки пойменных террас. По мнению А.П. Медведева, они отмечают крайние восточные рубежи распространения многочисленного народа венедов [6, с. 11–24]. По данным археологии, это население мигрировало на Хопер из районов лесостепного левобережья Днепра, Донца, Оскола. На его западные, в том числе центральноевропейские, корни указывает находка серолощеной ребристой миски на поселении Шапкино II. Она покрыта орнаментом (соединенные свастики, кресты, ромбы, треугольники), характерным для центрально-европейской пшеворской и ранней вельбарской культуры [11]. Судя по всему, сарматы и венеды («инясевцы») занимали в Прихопёрье разные экологические ниши. Сарматы кочевали по остепненным водораздельным участкам плато, а поселения инясевского типа располагались в облесенных долинах рек, ближе к воде. Видимо, в первые века нашей эры здесь пересеклись две различные этногенетические волны – южная сарматская и западная венедская. Последнюю не без основания большинство современных исследователей связывают с этногенезом ранних славян.

Наиболее поздняя группа познесарматских памятников в северной части Волго-Донского меж-

дуречья представлена серией захоронений типа кургана 13 могильника Большая Дмитриевка и захоронения у слободы Котово (саратовское правобережье Волги), погребениями в могильниках, локализующихся от устья Бузулука до верховий Иловли, включая среднее течение Медведицы. Данный регион со второй половины III в. н. э. испытывает на себе приток новых сарматских племён. Очевидно, именно они оставили погребения в крупных могильниках – у с. Берёзовка, у хутора Короли, у д. Нехаево, у с. Большая Дмитриевка, у г. Аткарска; одиночные курганы у с. Красновка, с. Двоенка. Помимо старых типов погребальных сооружений здесь с середины III в. н. э. получают распространение узкие могилы и подбойные захоронения, являющиеся характерным признаком познесарматской культуры [9, с. 61], а также катакомбы (в Большедмитриевском могильнике). Катакомбы появляются у кочевых народов юго-восточной Европы ещё в раннесарматское время, но их количество было тогда весьма незначительным. Затем центр их распространения смещается на Северный Кавказ, а для рассматриваемой территории данный вид погребальных сооружений не характерен вплоть до познесарматского времени [7, с. 24]. Необходимо подчеркнуть, что все известные четыре катакомбы в Нижнем Поволжье зафиксированы к югу от Волгограда [9, с. 64; 8, с. 117]. Открытие четырёх катакомб в могильнике у Большой Дмитриевки А.Д. Матюхиным расширило зону их распространения в лесостепь [4, с. 182–198]. Все катакомбы были ограблены в древности, впрочем, как и подбой.

Рисунок 2. Заселение региона лесостепного междуречья Хопра и Волги:
I – познесарматские памятники; II – памятники типа Инясево

Что касается погребального обряда, то наиболее значимые его черты на рассматриваемой территории – ингумация; положение покойника на спине с ориентировкой в северную половину круга; искусственная деформация черепов у покойников. Широко распространен обычай погребать усопших с перекрещенными ногами, что знаково, так как этот ритуал у сарматов начинает применяться только во II–III вв. н. э., но и тогда составляет незначительный процент [3, с. 14].

Из погребального инвентаря в могильниках второго периода позднесарматской культуры встречены сильнопрофилированные фибулы поздних типов, зеркала с центральной петелькой на обороте, серьги-лунницы, медальоны, серебряные флакончики со вставками, украшения черняховского типа. Эта последняя волна могла появиться в Волго-Донском междуречье в конце III в. в результате вытеснения готами и их союзниками из более южных нижнедонских и северокавказских районов отдельных групп кочевого населения. Это подтверждается появлением здесь катакомбного обряда захоронения, северокавказских фибул, оружия, керамики, изделий, выполненных в полихромном стиле (рис. 1, II). Какова была племенная принадлежность позднесарматских памятников волго-хопёрского района, говорить преждевременно из-за недостаточного количества археологических источников. Памятники могли оставить и аланы, и сарматские племена, входившие в их племенной союз.

Таким образом, рассмотренные выше этнические группировки иллюстрируют нам как минимум три волны заселения региона лесостепного междуречья Хопра и Волги (рис. 2).

Наиболее ранние племена имеют кочевой облик. Очевидно, они пришли в Прихопёрье в результате появления в степях между Доном и Волгой ранних алан в среднесарматское время. Скорее всего, это были аорсы, которые расселились в лесостепи и жили здесь на протяжении нескольких поколений вплоть до конца II – начала III в. н. э. В этот же период времени территории в облесенных долинах рек, ближе к воде, начинают осваивать носители позднезарубинецкой и раннекиевской культур, пришедшие с запада (венеды). Данные тенденции этнокультурного процесса достаточно интересны и свидетельствуют о своеобразии региона. Дело в том, что здесь не прослеживаются каких-либо заметных контактов между сарматами и венетами, тогда как всё северное пограничье сарматского мира фиксирует явление слитности

сарматских и несарматских культур [7, с. 31], об этом же свидетельствуют памятники лесостепного Подонья [5, с. 114]. Новая волна сарматского населения появляется здесь позже, уже во второй половине III в. н. э., что, очевидно, было связано с вторжением готов в Северное Причерноморье.

Библиографический список

1. *Акимов Д.В.* Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III–V вв. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2001. – 22 с.
2. *Берестнев Р.С.* Сарматы между Доном и Волгой (этнокультурный аспект) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 2. – С. 43–46.
3. *Каменецкий И.С.* Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1965.
4. *Матюхин А.Д.* Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов, 1997. – Вып. 2. – С. 182–198.
5. *Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. – М.: Таус, 2008. – 235 с.
6. *Медведев А.П.* Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов-на-Дону, 2007. – Вып. 2. – С. 11–24.
7. *Мошкова М.Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. – С. 18–34.
8. *Сергацков И.В.* Позднесарматское катакомбное погребение из Бахтияровского могильника // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста. – С. 117–121.
9. *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – 150 с.
10. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М.: Изд-во «Наука»: Главная редакция восточной литературы, 1971. – 169 с.
11. *Хреков А.А.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. – М., 1997. – Т. 3. – С. 325–336.
12. *Шукин М.Б.* Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 26–38.

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович

кандидат исторических наук, доцент
Дагестанский государственный институт народного хозяйства
vikingpasha@mail.ru

РОЛЬ КУМЫКСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО ПУТИ В ПРИМОРСКОМ ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. (по материалам Кизлярского комендантского архива)*

В статье на основе анализа материалов Кизлярского комендантского архива рассматривается роль кумыкских владетелей в обеспечении безопасности торгового пути, проходившего через Приморский Дагестан. Этот значительный отрезок транскавказской торговой магистрали, оказавшей важное влияние на социально-экономическое и культурно-историческое развитие населения края, пролегал через территорию кумыкских феодальных владений. Благодаря выгодному географическому положению своих земель кумыкские князья держали под контролем всю торговлю в регионе.

Торговый путь, пролегалый через Приморский Дагестан, был опасным для проезжих купцов, курьеров и других российских подданных. В условиях феодальной раздробленности и междоусобиц обеспечить безопасность торговли в Прикаспии кумыкским владетелям удавалось не всегда. Проезжих могли не только ограбить, но и лишить жизни. Каждый владетель мог гарантировать безопасность только при проезде через его территорию и прилагал все усилия для этого. Находившиеся на российской службе кумыкские князья играли важную роль в обеспечении безопасности Прикаспийского сухопутного пути. Понимая это, кизлярские коменданты при отправке в Персию своих людей заранее в сопроводительном письме извещали об этом кумыкских владетелей, которых просили также обеспечить российским подданным безопасный обратный проезд.

Ключевые слова: Россия, Приморский Дагестан, феодальная раздробленность, кумыкские владения, кизлярский комендант, торговый путь, купцы, безопасность.

Кумыкские владения благодаря своему выгодному географическому положению играли важную роль в политических процессах, происходивших в Дагестане, так как через их территорию пролегал значительный отрезок транскавказского Прикаспийского пути, оказавшего значительное воздействие на социально-экономическое и культурно-историческое развитие населения края. Прикаспийская торговая трасса являлась частью Великого шелкового пути, связывавшего страны Европы со странами Закавказья и Востоком. Это обусловило возникновение здесь городов как культурных и торгово-экономических центров. Путь, пролегалый по Приморскому Дагестану, был тем важным коридором, по которому начиная с эпохи Великого переселения народов происходила массовая миграция тюркоязычных и ираноязычных кочевых племен – гуннов, берсилов, савиров, сарматов, алан, хазар и др., многие из которых осели на территории Прикаспийской равнины, тем самым сыграв решающую роль в этногенезе кумыков.

Таким образом, исторически сложилось, что именно кумыки явились тем народом, который обосновался в Приморском Дагестане и создал здесь свою государственность. Географический фактор сыграл детерминирующую роль в доминировании кумыкских владений в экономической и политической жизни региона. Казалось бы, контроль над важным в стратегическом и экономическом отношении Прикаспийским торговым путем должен обеспечить процветание Кумыкии на долгие века.

Однако обстановка феодальной раздробленности, междоусобиц, борьбы против иноземных завоевателей тормозила экономическое развитие кумыкских земель, как и Дагестана в целом [1, с. 4–5].

Торговый путь, пролегалый через Приморский Дагестан и XVIII в., таил в себе серьезные опасности для российских и иностранных купцов, дипломатических представителей и служилых людей, направлявшихся по делам в Дербент, Шемаху, Грузию, Персию и обратно. Однако их не пугали ни трудности, ожидаемые в дороге, ни пошлины, взимаемые феодальными правителями земель, по которым они проезжали, ни грабежи, случавшиеся в пути [2, с. 168].

Основанный в 1735 г. Кизляр сыграл важную роль в торгово-экономической, политической и культурной жизни Северо-Восточного Кавказа. Кизлярские коменданты в XVIII в. являлись главными военными и гражданскими наместниками на Кавказе, представителями российской администрации. Ни одно важное политическое событие в регионе, ни один вопрос, связанный с торгово-экономическими отношениями, междоусобицами кумыкских владетелей, выплатой им императорского жалованья и т. п., не решался без участия кизлярской администрации. В 1735 г. кизлярским комендантом был назначен полковник Юрлов, затем Ломин, после них комендантами Кизляра были И.В. Красногородцев, Н.А. Потапов, В.Е. Оболенский и др. [3, с. 127].

Документы кизлярского комендантского архива содержат интересный материал по обозначенной

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-01067 «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».

нами проблеме. В данной статье рассмотрим некоторые документы из данного архивного фонда и на их основе покажем, какую роль играли кумыкские владетели в обеспечении конвоем проезжающих через Приморский Дагестан российских подданных.

Российские власти, знавшие об опасности Прикаспийского торгового пути, прилагали усилия, чтобы обеспечить конвоем своих подданных и иностранцев, направлявшихся в Персию и обратно. В письмах к кумыкским владетелям кизлярские коменданты просили их помочь конвоем российским купцам и курьерам. Так, в письме от 25 мая 1738 г. кизлярский комендант Иван Михайлович Красногородцев просил костековского князя Алиша Хамзина обеспечить конвоем русского офицера-курьера по пути следования от Тарков до Кизляра. В нем комендант извещал костековского владетеля о том, что от него в Тарки к поручику Карлу Фон Эндену отправлен с узденем ордер. Согласно требованию И.М. Красногородцева, необходимо было дать четырех человек для доставки этого ордера к вышеупомянутому поручику, затем они же должны были сопроводить его обратно в Костек, а затем в Кизляр [4, д. 19, л. 18 об.].

Следует отметить, что костековский воевода Алиш Хамзин, находившийся на российской службе, как и другие засулакские князья, не раз сопровождал русских курьеров, направлявшихся в Персию к резиденту И. Калужкину и обратно в Кизляр.

В письме от 28 августа 1738 г. аксаевский владетель Алибек Солтанмамутов просил кизлярского коменданта Никиту Анфимовича Бунина сообщить, каких купцов надо обеспечивать конвоем в пути, а каких нет. «...Ежели не велите пропускать, – писал Алибек Солтанмамутов, – то не будем пропускать, и прикажите доносить, то будем вам доносить, о которых вы писали, что проехали купцы, и таких купцов наши люди не провожали, сами оные приехали в Костек и с костековскими переведены к Аксаю и отпущены ... а если б мы знали, что вы в не пропуске оных заботу иметь, мы б оных до Брагун не пропустили... ежели мы такое дело сделаем, то де можем за то жалованья потерять... чего вы не повелели нам делать, того мы и не делали...» [4, д. 16, л. 90 об.].

Приведенный документ красноречиво свидетельствует, что кумыкские владетели сопровождали только тех купцов, за которых заранее просил комендант. Без его предварительного на то приказа они не считали нужным обеспечить конвой проезжим. Ведь в этом случае они рисковали лишиться жалованья со стороны императорского двора. Заинтересованность и желание быть в курсе перемешавшихся через Приморский Дагестан купцов было естественным для комендантов, стремившихся пресечь возможную контрабанду запретными товарами.

Российские власти по достоинству оценивали заслуги кумыкских владетелей в обеспечении

конвоем своих подданных. В письме от 3 августа 1751 г. кизлярский комендант Леопольд Исаакович Дебеаусобрий выразил благодарность шамхалу Хасбулату за верную службу российской короне и оказанные услуги, то есть «в препровождении отправляемых из Кизляра людей услугах при высочайшем Ея Императорского Величества дворе» [4, д. 226, л. 55 об.].

Следует отметить, что в документах кизлярского коменданта, касающихся обеспечения конвоем проезжих российских подданных, среди кумыкских владетелей больше всего фигурирует имя костековского воеводы Алиша Хамзина. Именно к нему чаще, чем кому-либо иному владетелю, обращены письма кизлярских комендантов, требующих обеспечить безопасный проезд через Приморский Дагестан. Так, в письме от 27 августа 1751 г. комендант Л.И. Дебеаусобрий просил Алиша Хамзина, чтобы тот проводил до Тарков замененного Иваном Пигулевым в Дербенте дворянина Петра Киреева [4, д. 226, л. 59 об.].

Аналогичная просьба Л.И. Дебеаусобрия содержится и в письме от 17 сентября 1751 г., адресованном тому же Алишу Хамзину: «При сем отправлен от меня ротмистр Темир Максюттов к кубинскому Усейн Али хану для некоторой надобности и с ним в конвое надлежащее число казаков, которых дружески прошу до надлежащего места и обратно до Кизляра за безопасным конвоем приказать проводить и меня уведомить» [4, д. 226, л. 62 об.].

Однако, видимо, этих мер было недостаточно, и кизлярский комендант решил дополнительно обеспечить конвоем ротмистра Максюттова для большей его безопасности. В письме от 2 октября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий просил шамхала Хасбулата проводить ротмистра Максюттова из Тарков до Дербента: «...Чего ради вашего сиятельства дружески прошу предписанного ротмистра Максюттова с командою из Тарков безопасности до Дербента проводить вышеписанном крепкую надежду полагать изволите» [4, д. 226, л. 65 об.].

С аналогичной просьбой обратился к шамхалу в письме от 24 января 1762 г. кизлярский комендант Алексей Алексеевич Ступишин. Он требовал оказать «дружеское вспоможение» отправленному от него в Тарки знаменщику гребенского войска Прокофью Ларионову [4, д. 524, л. 129 об.].

В другом письме, от 14 апреля 1762 г., А.А. Ступишин просил костековского воеводу Алиша Хамзина с его «надежными подвластными людьми для безопасности» проводить ротмистра Терского войска Александра Киреева до Тарков [4, д. 524, л. 154 и об.].

Свидетельством того, что торговый путь, пролегавший через Дагестан, был действительно опасным для проезжих, являются слова самого шамхала Муртазали, произнесенные в разговоре с мурзой Алишем Киялкаевым, отправленным

в Тарки 13 апреля 1762 г. комендантом А.А. Ступиным. Шамхал говорил мурзе, что в случае необходимости готов за плату предоставить конвой российским купцам для препровождения до конечного пункта их назначения. Если при этом купцов все же ограбят, то «он, шамхал, повинен, все разграбленное возвратит и тем удовольствие оказать, а если без данных его проводников купцов ограбят, в том он нимало не виноват, и нужды ему в грабеже нет...» [4, д. 524, л. 106 и об.].

Со слов шамхала мы видим, что даже представленный конвой не мог гарантировать купцам полную безопасность на дорогах. Но в данном случае купцы как бы «застраховывались» от непредвиденных ситуаций. Ведь в случае ограбления шамхал обещал, что «все разграбленное возвратит».

Как правило, конвой предоставлялся кумыкскими владельцами не только проезжим российским купцам, но и курьерам. Так, в письме от 11 ноября 1764 г. кизлярский комендант Николай Алексеевич Потапов просил костековского владельца Хамзу Алишева обеспечить ротмистру Александру Кирееву безопасность пути в Персию через Костековское владение до Тарков. Судя по письму, А. Киреев был послан в Иран к находившимся при шахском дворе российским консулам с поручением государственной важности [4, д. 565, л. 161 об.]. Видимо, поэтому, чтобы дополнительно обеспечить безопасность ротмистра А. Киреева, в аналогичном письме от 11 ноября 1764 г. кизлярский комендант Н.А. Потапов требовал этого и у шамхала Муртазали. «При сем послан от меня в Персию до находящихся тамо от высочайшего российского императорского двора консулов почтенной ротмистр Александр Киреев с командою, – писал Н.А. Потапов, – которому дружески прошу в проезд его во владение ваше в потребном случае учинить всякое вспоможение и удовольствие, и до надлежащих мест безопасно, как при нынешнем следовании в Персию, и в обратной проезд приказать...» [4, д. 565, л. 162].

Из двух приведенных писем мы видим, что кизлярский комендант требовал от каждого из кумыкских владельцев, через территорию которого должен был проехать российский курьер, обеспечить его безопасность и проводить до пункта назна-

чения. Ведь территориально в рассматриваемый период Кумыкия не представляла единого целого и была раздроблена на ряд политических единиц. В условиях феодальной раздробленности было особенно важно заручиться поддержкой со стороны всех кумыкских владельцев, так как каждый из них был хозяином лишь на своей территории и, соответственно, мог гарантировать безопасность проезжим только на своей земле.

Таким образом, изложенный материал свидетельствует, что в рассматриваемый период приморский торговый путь, пролежавший через кумыкские владения, был опасным для проезжих купцов, курьеров и дипломатических представителей. Дороги таили много опасностей. Проезжих могли ограбить и даже лишить жизни. Грабежи на дорогах являлись обычным делом. В условиях феодальной раздробленности Дагестана не стоило ожидать большего. Каждый владелец мог гарантировать безопасность только при проезде через его территорию. Поэтому кизлярские коменданты при отправке в Персию своих курьеров и иных представителей российских властей заранее в сопроводительном письме одновременно извещали об этом всех кумыкских владельцев, которых просили также обеспечить и обратный безопасный проезд российским подданным.

Библиографический список

1. *Абдусаламов М.-П. Б.* Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. – Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2008. – 198 с.
2. *Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н.Д.* Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодальных владений с Россией в XVIII веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Воронеж, 2013. – Т. 9, № 2. – С. 165–170.
3. *Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2011. – 620 с.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). – Ф. 379. – Оп. 1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЖЕНЩИН ПОД ВЛИЯНИЕМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (на примере Дагестана)

В статье исследуются вопросы, связанные со спецификой труда женщин-горянок в период Кавказской войны. Автор исходит из предположения, что традиционные патриархатные отношения, сложившиеся на Кавказе, способствовали трудовой эксплуатации дагестанских женщин и в период Кавказской войны, но уже со стороны русских войск и гарнизонов. Вследствие влияния военного фактора женщинам приходилось не только выполнять привычный объем хозяйственных работ, но и взваливать на свои плечи новые тяготы и заботы о семье, проявляя предприимчивость и ответственность.

Изучение архивных материалов и других источников позволило выявить, что под воздействием военного фактора появлялись новые трудовые практики, куда вовлекались преимущественно женщины: содержание дорог, перевозка грузов и провианта для нужд военных. Делается вывод, что объективные условия, вызванные войной, привели к трансформации трудовых обязанностей дагестанских женщин.

Ключевые слова: Кавказская война, Дагестан, традиционное общество, женщина-горянка, женский труд, военный фактор.

Распределение хозяйственных обязанностей мужчин и женщин в Дагестане имеет давнюю историю и получило этическое и психологическое закрепление, обусловленное рядом обстоятельств патриархального и военного быта горцев. Анализ полового разделения труда и определение вклада женщины в экономику края показывает, что доля женского труда в хозяйстве была значительно выше, чем мужского.

Наиболее точно причину этого явления выразил известный этнограф-кавказовед Г.Ф. Чурсин. «Беспокойное боевое прошлое горских народов Дагестана, – писал он, – создало такое разделение труда между мужской и женской половиной населения, при котором большая часть хозяйственных забот приходилась на долю женщины. Мужчина, будучи прежде всего воином, брал на себя только такие работы, которые не могли быть возложены на женщин. Вследствие этого у всех дагестанских народов женщины обременены хозяйственными работами, в то время как мужчины принимают обыкновенно меньшее участие в хозяйстве» [14, с. 17].

В немногочисленных дореволюционных работах путешественников, чиновников разного ранга и военных, посвященных исследуемой проблеме, сложился определенный стереотип восприятия женщины Кавказа, и в частности дагестанской женщины, как человека бесправного, обремененного непосильными домашними работами. Традиционно сложившееся представление о неравноправном положении женщины в традиционном обществе дореволюционного прошлого отчасти верно, так как для возникновения такого представления имелись определенные объективные причины и условия. В основной массе женщине приходилось много и тяжело работать, выполняя самые разнообразные работы по дому, в поле, ухаживая за скотом и т. д. И от того, насколько женщина справ-

лялась с хозяйством, зависело благосостояние всей семьи. Однако эта работа не была, видимо, и тем бременем, о котором так любили живописать некоторые авторы, особенно говоря о тяжелом положении горской женщины.

Все без исключения авторы указывают на практически рабское положение женщины. Декабрист Бестужев-Марлинский, будучи на Кавказе, указывает, что «...участь их самая жалкая. Они исправляют все домашние и полевые работы; мужа ездят на грабеж или, куря трубку, целый день стругают кинжалом палочку» [3, т. 1, с. 301].

В известной работе Н.Ф. Дубровина повседневный труд женщины-горянки характеризуется следующим образом: «Тяжелая работа, лежащая на женщине с самых ранних лет, делает то, что они развиваются неправильно и скоро старятся... в домашнем семейном быту работает только одна женщина; она тклет и валяет ногами сукно, сучит шелк, приготавливает из войлока сапоги, подшивает под старую обувь подошвы, смотрит за скотом и домашней птицей, готовит кизяк, таскает с гумна солому и камни для возводимых построек. С рассветом, взяв топор и веревку, женщина гонит ишака в леса за дровами и к вечеру возвращается с двумя вьюками, из которых более тяжелый тащит на себе. Словом, нет возможности перечислить все разнообразные виды занятий женщины, но можно сказать, что трудно увидеть ее сидящей без работы» [5, т. 1, с. 551].

Аналогичную оценку мы находим и у других авторов [10, с. 11–12; 4, с. 15, 36; 11, с. 155].

Как видим, жизнь женщины-горянки в естественном ее течении представлялась дореволюционными исследователям чем-то ужасным и тягостным, хотя самим горянкам она такой, видимо, не казалась. Безусловно, горянки взваливали на себя практически все работы, но ясно осознавали, что

все это они делали исключительно для благополучия своих семей, и не считали такой труд слишком тягостным.

Что касается характеристики мужского труда, то, по мнению Н.Ф. Дубровина, «мужчина взял на себя только пахоту земли, посев и сенокос» [5, т. 1, с. 551], при этом автор подчеркивает, что «собранное и накошенное должна убрать жена» [5, т. 1, с. 551].

Описывая всю тяжесть положения женщины-горянки, Н. Дубровин довольно эксцентрично пишет: «Женщина в Дагестане есть не что иное, как самка для высиживания детей и рабочий скот, не имеющий ни минуты отдыха. В домашнем быту горца женщина и ишак – одинаково нагружаются» [5, с. 551].

Анализируя трудовую деятельность женщин Дагестана в период Кавказской войны, можно обратить внимание, что повседневность военного времени существенно отличалась от мирного времени, и новый уклад жизни отражался на женщине весьма ощутимо.

В ходе Кавказской войны царские власти обустроивались на захваченной территории: строили крепости для армейских подразделений, прокладывали прочные дороги, чтобы иметь возможность свободного доступа во все районы Дагестана. В архивных материалах содержатся сведения о строительстве сети дорог, связывающих различные районы Дагестана в первой половине XIX века: «...от селения Хосров до селения Казикумух, протяженностью 140 верст; а от нее были проложены побочные дороги: первая – от селения Рича до селения Хив, оттуда до селения Касумкент... от селения Чирах до селения Кайтаг... от селения Курах до селения Хив... от селения Кумух до селения Чох» [12]. При этом местное население постоянно привлекалось к строительству этих крепостей и дорог, на них были наложены обременительные подати и повинности: снабжение продовольствием, дровами, конной тягой и двухколесными телегами-арбами, а также содержание дорог в исправном состоянии» [8, л. 52]. «Все хозяйственные тяготы, – писал один русский генерал в 1841 г., – по обеспечению и поддержке нашего завоевания Дагестана лежали на маленьких усмирных обществах, которые к тому же давали нам еще и милицию» [7, с. 312–324].

В актах Кавказской археографической комиссии содержатся сведения, согласно которым «... работы по дорожному устройству были сделаны почти бесплатно жителями Дагестанского общества, Казикумухского и Кюринского ханств и Дербентской губернии [1, с. 888.]. Для работ по содержанию горных дорог в исправном состоянии военные власти нередко привлекали женщин. В частности, они должны были очищать дороги от образовавшихся завалов после камнепада, после таяния в горах

снегов и разлива вод. Следует сказать, что и в наше время на такие работы в горных аулах выходят преимущественно женщины, так как мужчины, в силу своего менталитета, считают это зазорным.

Другой источник сообщает: «Нельзя не заметить, что положение местных жителей в этих частях Дагестана, которые подчинились нам, было чрезвычайно трудным; под бременем наших требований они роптали и при первой возможности переходили на сторону врага. Например, поставка топлива в наши форты в Аварии была возложена на жителей этого ханства из общины Койзубу, а платили им лишь по 25 копеек за повозку дров, которые они с большим трудом собирали в 30–40 верстах от своих домов. Когда ослы не могли везти эти повозки, часто случалось, что женщины несли вязанки на спине – за ту же плату» [6].

Все перечисленные тяготы военного времени бременем ложились преимущественно на плечи женщин.

Влияние военного фактора предполагает, что женщине приходилось выполнять не только привычный объем хозяйственных работ, но и взваливать на свои плечи новые тяготы и заботы о семье, проявляя предприимчивость и ответственность. Так, например, женщины-горянки в годы Кавказской войны нередко нанимались в царские войска для выполнения сугубо мужских работ, например для переноса на себе тяжелых грузов. Об этом пишет Н.Ф. Дубровин, указывая на то, что «...горянка так привычна к тяжелой работе, что при транспортировке провианта для наших войск многие из них добровольно являлись и за положенную плату переносили на своих плечах, на расстоянии до тридцати верст, кули муки в три пуда весом, и притом по труднодоступным дорогам» [5, т. 1, с. 551–552].

Несмотря на действующий приказ М.С. Воронцова об организации бесперебойной доставки продовольствия, фуража и военных припасов к местам дислокации действующих отрядов, согласно которому генералу В.О. Бебутову и шамхалу Тарковскому поручалось выделить соответствующего транспорта 500 подвод [2, с. 33], женщин все чаще стали привлекали к такого рода работам. На наш взгляд, одной из причин столь неприглядной практики является объективная ситуация военной обстановки, которая была вызвана углублением царских войск в высокогорные районы, куда доставка грузов обозами была невозможна. Как следствие, военными властями было предусмотрено использование для целей транспортировки женщин. С другой стороны, терпя бедственное положение и не имея другой возможности заработать на хлеб, женщины были вынуждены наниматься на такие тяжелые работы.

Политика, которую проводили царские войска, «постоянно прибегая к практике выжигания поселений, уничтожения садов, полей и виноградников» [6], также вынуждала искать способы для про-

питания. Как справедливо отмечает Р.А. Фадеев, описывая бедственное положение горцев, «постоянно оттесняемые нашим наступлением, не имея времени работать в поле, теряя каждый месяц часть своих пашен и пастбищ, выгоняемые зимой на мороз с семьями, горцы стали видеть в войне уже не удалую потеху, а бедствие» [13, с. 132–133].

Случаи использования женщин для перевозки тяжелых грузов были нередки не только в период Кавказской войны, но и после ее окончания. Н. Дубровин в своей работе приводит слова Н. Львова, достаточно красочно описавшего эту столь неприглядную картину: «В 1862 году в проезде через Цунта-Ахвахское общество мне нужно было перевезти два вьючных сундука, весом около восьми пудов, из одного аула в другой, именно: из селения Тлисы до селения Тад-Махитль (15 верст расстояния) по очень дурной горной тропе. В ауле не оказалось лошадей, годных под вьюк, а ишаков пожалели послать и решили джамаатом (обществом) навьючить двух женщин, которые, по приказанию мужей, благополучно донесли сундуки до назначенного, а прогоны получили мужья» [5, т. 1, с. 552].

Именно такого рода практика и вызывала среди представителей русской интеллигенции и военных историков негодование.

Обычные повседневные работы в военных условиях также приобретали определенную специфику. В частности, это относится к снабжению семьи водой. Как известно, у народов Кавказа эту обязанность всегда выполняли женщины. Так как источник находился обычно достаточно далеко от дома, женщине приходилось приложить немало усилий, чтоб добраться до него. Суметь набрать воды во время осады аулов – почти героический поступок, и очень важно было, как справедливо замечает Джон Баддели, «чтобы источник воды находился на защищенной от врага территории. Дело в том, что обеспечение семьи водой было прямой обязанностью женщин. Ни один горец не опускался до столь “недостойной” работы» [6].

Таким образом, женский труд в период Кавказской войны имел свою специфику, о чем свидетельствуют архивные материалы и другие источники. В условиях военного времени произошла трансформация трудовых обязанностей горцев: на них были возложены многочисленные повинности для нужд царской администрации и военных. В силу традиционных патриархатных отношений, сложившихся на Кавказе, многочисленные повинности мужчины-горцы обычно перекладывали на плечи женщин. Под воздействием военного фактора преимущественно женщины привлекались для выполнения тяжелых хозяйственных работ по содержанию дорог, перевозке грузов, фуража

и провианта для военных нужд. С другой стороны, эксплуатация женского труда со стороны русских войск и гарнизонов была вызвана и объективными причинами – нехваткой мужского населения вследствие опустошительной войны. Из этого следует, что женщины, терпя бедственное положение, были вынуждены изыскивать дополнительные источники для поддержания своих семей и нести все трудовые повинности, не считаясь с их посильностью.

Библиографический список

1. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис, 1881. – Т. 10. – 974 с.
2. А.-Д. Г. Поход 1845 года в Дарго // Военный сборник. – Тифлис, 1859. – № 5.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Путь до города Кубы // Собр. соч.: в 2 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 1. – 880 с.
4. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1868. – Т. 3. – С. 1–36.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. – Т. 1. – 640 с.
6. Джон Баддели. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/djon-baddeli/zavoevan_263/page-2-zavoevan_263.html (дата обращения: 14.04.2016).
7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: сб. документов / под ред. В.Г. Гаджиева, Х.Х. Рамазанова. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 784 с.
8. Дагестанское отделение Кавказского округа путей сообщения // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). – Ф. 52. – Оп. 3. – Д. 295. – Л. 114; Оп. 1. – Д. 4. – Л. 52.
9. Кавказский календарь на 1881 г. – Тифлис: Типография Главного Наместника кавказского. – 545 с.
10. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. – Вып. 3. – С. 1–32.
11. Пржецлавский П.Г. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. – 1867. – № 3. – С. 141–192.
12. Строительное отделение Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура // ЦГА РД. – Ф. 30. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 5, 16, 19, 21.
13. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо, 2003. – 640 с.
14. Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / науч. ред. Р.И. Сефербеков. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. – 86 с.

«МЫ ОТПРАВЛЯЕМСЯ В КОСТРОМУ...»: НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ Н.Н. ШАМОНИНА

Сведений о жизни, учительской и организаторской деятельности Н.Н. Шамонина в области гимназического образования немного. Его имя в историографии упоминается лишь попутно. Наряду с вкладом Шамонина в развитие костромского образования следует отметить его выдающиеся способности к научной деятельности.

Основным источником сведений о его гимназических и студенческих годах являются опубликованные «Воспоминания» П.Н. Милюкова – известного политического деятеля. О деятельности Н.Н. Шамонина во время «костромского периода», когда он был директором местной мужской гимназии, вспоминает бывший ее ученик Л.А. Колгушкин, ставший впоследствии известным педагогом г. Костромы. В письмах Н.Н. Шамонина, адресованных С.Ф. Платонову, выдающемуся историку, который приходился ему родственником (старшая сестра Шамонина была женой последнего), впервые вводимых в научный оборот, содержится важная информация по истории развития гимназического образования.

Ключевые слова: Н.Н. Шамонин, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов, Л.А. Колгушкин, гимназия, студент, директор, воспоминания, переписка.

В плеяде замечательных деятелей гимназического образования малоизвестным остается имя Николая Николаевича Шамонина. Он родился 11 июля 1858 г. в г. Купянске, умер 11 марта 1917 г. в Рязани. Его сестра, Надежда Николаевна Платонова, была женой С.Ф. Платонова, известного историка.

Интерес к Шамониным появился у исследователей недавно и связан с публикацией петербургским историком Е.А. Ростовцевым материалов дневника Н.Н. Платоновой [13, с. 270–318; 14, с. 43–87; 15, с. 44–54]. Кстати, Ростовцев допускает ряд неточностей, указывая, что отчество Николая Шамонина было Дмитриевич и что он «обосновался с семьей в Рязани, а впоследствии в Костроме» [14, с. 48]. На самом деле (об этом свидетельствуют и публикуемые письма) семья Н.Н. Шамонина сначала поселилась в Костроме, а потом в Рязани [12, л. 1, 27]. Кроме того, Ростовцев называет отца Надежды Николаевны Николаем Ивановичем, а далее Дмитриевичем [15, с. 44, 47].

О Н.Н. Шамонине сведений немного, как и вообще о дворянском роде Шамониных, записанном по сведениям Е.А. Ростовцева, в «тамбовское дворянство». Однако «в пореформенное время семья, вероятно, уже не сохранила состояния» [15, с. 44].

У родителей Н.Н. Шамонина в Харьковской губернии Купянского уезда при деревне Ивановской имелось 240 десятин земли. Николай Иванович и Надежда Дмитриевна Шамонины и их дети Николай, Владимир, Надежда, Зинаида, Софья, Сергей переехали в Москву в начале 1870-х гг. Старший сын, Н.Н. Шамонин, начиная с 1874 г., после перевода из 3-й Харьковской гимназии, учился в 1-й Московской гимназии вместе с П.Н. Милюковым.

Известный ученик В.О. Ключевского, лидер кадетов в Государственной думе Российской империи, а затем министр Временного правительства П.Н. Милюков дал интересную характеристику «гимназическому товарищу», как он называл Н.Н. Шамонина,

на страницах своих «Воспоминаний», поэтому они являются важным источником при изучении его гимназических и университетских лет. «Николай Николаевич Шамонин славился среди всех нас феноменальным даром памяти», – читаем в «Воспоминаниях». Встречаются и такие характеристики, как «непонятное чудо», «запоминал целые страницы, раз прочтенные», «был превосходным знатоком библиографии». А среди человеческих качеств Милюков выделял его «необыкновенную скромность» [7, с. 80]. Н.Н. Шамонин, как и П.Н. Милюков, были среди четырех выпускников 1877 г., от которых «учебное их начальство ожидало дальнейших успехов в науках» [6, с. 21]. В этом же году оба товарища поступили в Московский университет на историко-филологический факультет. Н.Н. Шамонин окончил его в 1881 г. со степенью кандидата, П.Н. Милюков – в 1882 г., после чего был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.

О некоторых событиях их студенческой жизни узнаем из упомянутых «Воспоминаний». После летнего пребывания на Кавказе (1877 г., во время Русско-турецкой войны, когда П.Н. Милюков исполнял обязанности казначея войскового хозяйства, а затем уполномоченного московского санитарного отряда) он услышал, что «Шамонин с сокрушением говорил о казенной постановке классического преподавания, которое на первых порах нас особенно интересовало». Н.Н. Шамонин «оказался очень хорошим председателем курсовых собраний, но мало интересовался политической стороной дела, и вся “политика” перешла в мое заведование» [6, с. 29–30].

П.Н. Милюков пишет и о студенческой сходке 1881 г.: «По списку полиции мы были преданы профессорскому суду... Между прочим Шамонин просил у меня совета, как ему поступить. Я посоветовал ему, как мало прикосновенному к политике, сделать требуемое заявление» [6, с. 31]. Речь идет о заявлении участвующих в акции, что они

не знали ее целей, что освобождало от наказания. Кстати, П.Н. Милюков не пошел на компромисс и был исключен из университета, но в следующем году восстановлен.

Таким образом, у Н.Н. Шамонина в студенческие годы проявились и организаторские способности, он мог возглавить молодежь, которая шла за ним. В то же время можно говорить о формировании аполитичности – ещё одного значимого качества; у П.Н. Милюкова же главными становились другие качества, в конце концов определившие его основную сферу деятельности на почти 40 последующих лет.

О возможности научной карьеры Н.Н. Шамонина свидетельствует и то, что наряду с такими известными в будущем исследователями, как М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, М.Н. Покровский и др., он входил в историческое общество при Московском университете, где читались рефераты «по выдающимся вопросам и явлениям исторической литературы» [6, с. 81]. Также следует упомянуть публикацию переводов статей, редакция которых осуществлялась совместно с Д.М. Петрушевским [2].

Среди «товарищей по университету», как свидетельствуют письма, Н.Н. Шамонин называет Г.К. Ульянова, С.И. Анцыферова, в будущем занимавших высокие должности в Министерстве народного просвещения.

О хороших отношениях между П.Н. Милюковым и Н.Н. Шамониным свидетельствуют многочисленные факты. Например, в первом письме П.Н. Милюкова, адресованном С.Ф. Платонову, он пишет, что свой адрес он пока и сам не знает, «но Николай Николаевич Шамонин, конечно, будет знать». Можно также упомянуть ситуацию, когда С.Ф. Платонов хлопотал о почетном докторстве для П.Н. Милюкова в Санкт-Петербургском университете. В письме С.Ф. Платонову от 6 июня 1892 г. по этому поводу П.Н. Милюков писал: «кстати, мои опасения насчет разболтания – оказались напрасными: кроме Шамонина и Виноградова никто ни во что не посвящен...». Н.Н. Шамонин же в разговорах с П.Н. Милюковым иногда касался и жизни семьи Платоновых: «судя по сведениям, полученным от Шамонина, надеюсь скоро увидеть Вас в Москве»; он же «нескромно проговорился» об обстоятельствах, которые не способствовали посещению Милюковых Надеждой Николаевной [1, с. 11, 108, 123, 132, 134]. После окончания гимназии Софья, сестра Николая Николаевича, искала место учительницы и просила П.Н. Милюкова о содействии. О его роли в этом деле не известно, но 15 мая 1892 г. Софья получила место классной дамы в Покровской гимназии.

И еще один важный факт приводит П.Н. Милюков: «во главе петербургского кружка историков вполне заслуженно стоял С.Ф. Платонов, женатый на сестре моего московского друга Шамонина» [7].

Взаимоотношения между С.Ф. Платоновым и П.Н. Милюковым являются сферой пристального внимания исследователей, о чем свидетельствуют и публикация их полной переписки [1].

Личная жизнь Н.Н. Шамонина долгое время не складывалась, он оставался холостым, и только к сорока годам он женился на Елизавете Людвиговне Воронихиной (у нее это был второй брак). Постановлением Московского окружного суда в 1896 г. Шамониным усыновлены дети дворян Воронихиных: Николай – родился 27 июля 1888 г., Зинаида и Борис – родился 11 мая 1891 г. Следовательно, А.В. Макушин и П.А. Трибунский допускают неточность, когда пишут, что «Милюков в 1890 г. помогал вернуть Сергея Шамонина, сына Н.Н. Шамонина, в Московский университет, откуда тот был уволен за участие в студенческих беспорядках» [6, с. 96]. Здесь речь идет не о его сыне, а о младшем брате Сергее Николаевиче 1868 года рождения, хотя эти же авторы в примечаниях к письмам П.Н. Милюкова правильно указывают на их родственные связи [1, с. 170–171].

После окончания университета для Н.Н. Шамонина начинается не научная или преподавательская карьера, что было бы вероятней всего, а работа учителя истории и географии 6-й Московской гимназии, которая подробно прослеживается по формулярному списку, как и его наградной ряд [19].

После многих лет работы учителем, в 1906 г., как свидетельствует первое письмо, адресованное С.Ф. Платонову, он назначается инспектором Костромской гимназии, а затем и ее директором – долгожданный карьерный рост, но с оставлением Москвы. О ситуации, которая сложилась в этом заведении, свидетельствует публикуемое письмо № 12 от 29 февраля 1909 г.

Административная деятельность Н.Н. Шамонина в Костромской гимназии восстанавливается по источнику личного происхождения [5, с. 41–158] – «Воспоминаниям» Леонида Андреевича Колгушкина (1897–1972) – замечательного педагога, директора костромской школы для слепых детей, которую он возглавлял с 1933 по 1959 г., краеведа и автора автобиографических работ [3, с. 20–24; 4, с. 45–68]. Редколлегия краеведческого альманаха «Костромская земля», где были опубликованы труды Л.А. Колгушкина, называют их «энциклопедией быта и нравов той, навсегда ушедшей от нас жизни». А написаны они «с любовью, честно и объективно». Поэтому и мы сошлемся на последнее произведение, где подробно охарактеризована деятельность Костромской гимназии накануне приезда и в бытность ее директором Н.Н. Шамонина. Л.А. Колгушкин со знанием дела подробно пишет об организации учебного процесса, характеризует контингент гимназистов и педагогический коллектив в целом, а также отдельных преподавателей и классных наставников. Довольно много внимания уделено и политической обстанов-

ке в городе, интересным событиям в жизни гимназии и города Костромы.

В «Воспоминаниях» находим подробные сведения о самом учебном заведении: численности учащихся – более 700 человек, учителей – не менее 30 человек и др. [5].

Заметим, что имя Н.Н. Шамонина не упоминается в материалах, посвященных истории гимназии. Среди директоров называют только П.И. Величковского и Г.К. Виноградова как наиболее известных.

Особый интерес для заявленной темы представляют воспоминания Л.А. Колгушкина о его встречах с директором гимназии: «Если во время перемены проходил через зал в свою квартиру директор Николай Николаевич Шамонин, то он всегда останавливался среди зала и кричал на учеников громким голосом. Мгновенно шум и крики стихали, и ученики как бы замирали на месте и потом тихо направлялись к скамейкам».

Л.А. Колгушкин пишет о Борисе Шамонине, сыне Николай Николаевича: «Лучше всего в моей памяти сохранился образ последнего моего репетитора, Бориса Николаевича Шамонина, а попросту Борьки, гимназиста 6-го класса, сына директора гимназии Николая Николаевича Шамонина». Через несколько недель они стали «почти друзьями», хотя вначале, как вспоминал Л.А. Колгушкин, «я его боялся, а поняв его повадки, на его горячность только улыбался». При этом наблюдательный ученик заметил, что репетитор манерой общения «подражал своему отцу».

Представляют интерес сведения о быте семьи Н.Н. Шамонина: «Директор имел при гимназии большую казённую квартиру, комнат 6-8, во втором этаже правого крыла. У Бориса была отдельная комната, являвшаяся кабинетом и спальней, с ходом из общего коридора... Я нередко по вечерам бывал в их семье. Иногда горничная подавала нам чай с сухарями, конфетами и булочками: «В отсутствие директора приглашала меня в общую столовую. Бывал я и в гостиной, где Зина (сестра Бориса. – *В.М.*) играла на рояле, а Борис что-нибудь пел по нотам. Я присматривался ко всему и тщательно изучал манеры аристократического общества. У Бориса был старший брат Николай, который в то время учился в Московском университете и приезжал домой только на Рождество и летом» [5].

Такое знакомство с семьей директора служители гимназии расценили по-своему, «причислив и меня (Л.А. Колгушкина. – *В.М.*) к категории костромской аристократии. При входе в гимназию швейцар-гардеробщик открывал передо мной двери, снимал с меня шинель и убирал галоши, при уходе домой всё это проделывалось в обратном порядке, причём галоши всегда были вымыты. Таким почётом среди гимназистов пользовались только сыновья аристократов, фабрикантов и богатых купцов».

В Костроме Н.Н. Шамонин активно включается в работу местной Костромской губернской ученой ар-

хивной комиссии (далее КГУАК), которая, как и другие, переживала непростые времена в период Первой русской революции. После смерти председателя правления КГУАК Н.Н. Селифонтова найти среди ее членов такого же деятельного и самоотверженного руководителя не удалось. В таких неопределенных условиях комиссия начала подготовку к очередному Областному археологическому съезду. Неожиданно Н.Н. Шамонин был избран председателем оргкомитета по его созыву [11, с. 8–15]. К сожалению, имя Н.Н. Шамонина как одного из организаторов съезда не упоминается в исследованиях костромских исследователей последних лет [17, с. 47–51]. Подробности его работы в комиссии еще предстоит установить.

Н.Н. Шамонину хотелось назад, в Москву, о чем свидетельствуют его письма. В них же прослеживается желание получить должность во вновь организованных учебных заведениях купца П.Г. Шелапутина. С.Ф. Платонов, по всей видимости, со своей стороны тоже предпринимал шаги для перевода свояка в столицу. Однако эти попытки не имели последствий, и семья переехала в Рязань. Об этом пишут А.В. Макушин и П.А. Трибунский: «По странному стечению обстоятельств последним пристанищем близкого друга Милюкова Н.Н. Шамонина стала Рязань. Здесь он с 1912 по 1917 г. возглавлял I мужскую гимназию» [6, с. 181]. Об этой странице его деятельности также предстоит узнать более подробно.

На новом месте Н.Н. Шамонин активно включается в научно-краеведческую деятельность, о чем свидетельствует Е.О. Сафонова: «Большую научно-методическую работу развернул Рязанский общественно-политический кружок, открывшейся накануне Первой мировой войны». А «учредителями нового добровольного общества стали руководители рязанских учебных заведений: В.П. Екимецкая, Н.Н. Зелятров, Н.Н. Шамонин. Устав кружка был утвержден в начале декабря 1913 г.» [16, с. 80].

Публикация писем Н.Н. Шамонина, адресованных С.Ф. Платонову, является важным источником по истории развития образования в Костроме, они же дополняют скудные сведения о деятельности Шамонина в бытность его директором гимназии. Желание вернуться в Москву и получить такую же должность не было реализовано, несмотря на содействие именитого родственника и знакомых по студенческой скамье, занимавших высокое положение в структурах Министерства народного просвещения.

Здесь мы публикуем только те письма, которые раскрывают педагогическую деятельность Н.Н. Шамонина. Первое написано в Москве, последнее в Рязани, остальные в Костроме (№ 1, 12–19, нумерация писем сплошная, по архивной папке). Два письма (№ 9 и 10) косвенно связаны с указанной тематикой – они касаются ученика, за которого ходатайствует С.Ф. Платонов. Письма № 2–8 и 11 затрагивают вопрос организации Областного

археологического съезда [8, с. 42–52; 9, с. 53–56; 10, с. 164–192] и позволяют определить степень участия С.Ф. Платонова и Н.Н. Шамонова в этом деле. Данные письма были ранее опубликованы [11, с. 8–15]. Все письма Н.Н. Шамонова имеют деловой характер, семейные вопросы упоминаются только мельком, да и обращение на «вы» к С.Ф. Платонову указывает на определенную дистанцию в общении, хотя по возрасту они ровесники.

Л.А. Колгушкин допускает неточность, когда пишет: «Николай Николаевич Шамонов в 1915–1916 годах был переведён директором гимназии в Рязань, где вскоре и скончался, подавившись косточкой от сливы» [5]. Перевод, как свидетельствует письмо № 19, состоялся в конце 1912 г., так как Н.Н. Шамонов пишет С.Ф. Платонову из Рязани 30 января 1913 г.

Примечательно, что если «Воспоминания» П.Н. Милюкова являются важным источником информации о гимназических и студенческих годах Н.Н. Шамонова, то Л.А. Колгушкин дополняет их малоизвестными фактами костромского периода. Для более подробной характеристики деятельности Н.Н. Шамонова в Костроме необходимо привлекать местные архивные материалы, по всей видимости, содержащие немало сведений о его роли в развитии гимназического образования в Костроме и Рязани.

Кстати, младшая сестра Н.Н. Шамонова Зинаида Николаевна свою профессиональную деятельность также связала с гимназическим образованием. Она организовала в Москве мужскую гимназию, в свое время хорошо известную.

Можно констатировать, что выдающиеся способности к научной деятельности и организаторские способности Н.Н. Шамонова были реализованы далеко не в полной мере.

Приложение

№ 1

Москва. 19 июня, 1906.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Очень Вам благодарен за извещение о приказе.

Только сегодня получил об этом бумагу из Округа и завтра или послезавтра мы отправляемся в Кострому и, как только там немного устроимся, напишем об этом маме. Поклон всем Вашим.

Преданный Вам Н. Шамонов.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 1.

№ 9

Кострома. 3 июня. [19]08.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Ученик Парийский, о котором Вы мне писали, по общему отзыву отъявленный лентяй, целый год, несмотря на постоянные предупреждения, очень мало занимавшийся и потому получивший три годовых двойки. Ему остается одно из двух: остаться

на второй год в VI классе или выйти из гимназии, последнему все мы, преподаватели, были бы очень рады, тем более что отец его страшно нам надоел своими приставаниями. При таких условиях сделать для него решительно ничего нельзя.

Ваш Н. Шамонов.

ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 13.

№ 10

Воспитанник Костромской классической гимназии Владимир Парийский переходит из 6 в 7 класс, просим дать ему возможность держать переэкзаменówki осенью. Подпись 4-го июня 1908 г.

ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 14.

№ 12

Кострома. 29 февраля [19]09.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Позвольте обратиться к Вам за советом и содействием по делу о переводе меня в Москву. Я имел случай беседовать об этом с (А.М.*) Ждановым¹, приехавшим сюда на Масляной, и вынес из разговора такое впечатление, что округ не против перевода, но в настоящее время вакансий не предвидится, да и последнее слово в замещении могущих открыться принадлежит А.Н. Шварцу², который особенно интересуется личным составом Моск[овского] округа. Узнав, что в давние времена я с А.Н. Шварцем был несколько знаком, г. Жданов посоветовал мне съездить как-нибудь в Санкт-Петербург и напомнить о своем существовании. Но мне, признаться, мысль эта не особенно улыбается, хотя (и я был бы очень не прочь от исполнения ее уклониться). Потом я вспомнил, что теперь у меня в министерстве есть еще хорошие знакомые. Это Г.К. Ульянов³ и С.И. Анцыферов⁴, товарищи по университету. Нельзя ли было воспользоваться этим знакомством? А что касается оснований, по которым я считаю себя до некоторой степени вправе просить перевода в Москву, то заключаются они в следующем. В бурную осень 1905 г., когда масса педагогов, также потерявших голову, я оказался в числе немногих, сохранивших присутствие духа, и мне поручено было исправление обязанностей инспектора Костромской гимназии⁵. По общему мнению, с делом этим в промежуток между первой и второй забастовкой справился очень недурно, и весной 1906 г. Исаенков⁶, с согласия Герасимова, предложил мне первое свободное место директора в провинции, на что я после некоторого колебания и согласился. Досталась мне Кострома, представлявшая, по выражению Герасимова, очень тяжелое наследство. Моему предшественнику⁷ в окт[ябре] 1905 г. депутация учеников с почетным попечителем⁸ во главе предъявила требование подать в отставку, и он струсил и уехал в Москву, гимназия на целый бурный год

* Карандашная приписка С.Ф. Платонова.

осталась на руках недавно назначенного инспектора⁹, человека довольно слабого, и пришла в полное расстройство. Ученики делали что хотели, учителя были деморализованы, родители предъявили непомерные требования. Пришлось начинать с азов. Заняться на первых порах восстановлением основ школьного порядка. Самые скромные мои требования вызвали сначала ожесточенный отпор, для одоления которого понадобилось много энергии, но постепенно порядок стал восстанавливаться, самые буйные ученики должны были уйти, совсем распустившиеся преподаватели тоже уволились, родителям пришлось признать, что без некоторого порядка занятия сколько-нибудь сносно идти не могут. Поначалу дело не обошлось без массовых протестов, угроз и даже чего-то вроде покушений, но постепенно при помощи упорной настойчивости удалось мало-помалу наладить дело, даже не прибегая для этого к особенно крутым мерам, и уже весной минувшего года ревизовавший гимназию окружной инспектор заявил, что дела в ней обстоят очень недурно. То же было сказано и в присланном отзыве попечителя о результатах ревизии. Так вот теперь, когда дело успело в значительной степени наладиться, насколько это возможно при данных условиях среды, я могу считать свою задачу в общем разрешенною не без успеха, а сам имеющим и некоторое право просить перевода в Москву, с которою меня связывают тысячи нитей со времен гимназии.

Очень буду Вам благодарен, многоуважаемый Сергей Федорович, если Вы поможете мне в осуществлении этого моего задушевного и, надеюсь, не особенно нескрываемого желания.

Преданный Вам Н. Шамонин.
ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 17–19.

№ 13

3. III [19]09.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Очень буду Вам благодарен, если Вы возьмете на себя труд переговорить о моем деле с Г.К. Ульяновым. Вот еще некоторые дополнительные сведения. В Москве на средства известного богача Шелапутина¹⁰ предполагается рядом с гимназией его имени¹¹ учреждение образцового реального училища¹², обслуживающего предложенную к открытию Педагогическую академию¹³. Назначение туда директора зависит, конечно, прежде всего, от Шелапутина, желающего видеть тут человека энергичного, и от будущего попечителя академии Н.А. Зверева¹⁴, бывшего товарища министра А.М. Жданова, в разговоре со мною упомянул о каком-то реальном училище, чуть ли не этом же и прибавил, что оно уже обещано кому-то. Но замещение таких мест особенно интересует Министра (Шварца*). Директор соединенной с училищем

* Помета С.Ф. Платонова.

Академией гимназией Шелапутина, Корольков¹⁵, мой очень хороший знакомый.

Преданный Вам Н. Шамонин [5].
ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 20–21 об.

№ 14

Кострома, 5 апр[еля] [19]09.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Позвольте мне обратиться к Вам за советом. Когда я был на Страстной в Москве и беседовал с помощником попечителя о своих видах на перевод, он, как и Жданов, советовал мне съездить в Петербург и лично напомнить Шварцу о своем существовании. Мне очень бы хотелось узнать Ваше мнение на этот счет.

Преданный Вам Н. Шамонин.
ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 21.

№ 15

Кострома, 15 апреля [19]09.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Совсем было собрался по общему совету ехать в Петербург, но получил известие о смерти директора 10-й гимназии и раздумал, неловко проситься прямо на (**) место. Я помню, какое впечатление произвел в свое время, после смерти Бауэра¹⁶, приезд Кареева¹⁷ и Трачевского¹⁸ в 1899 г., после отставки Кареева прилет Гримма¹⁹ из Казани²⁰. Если понадобится, я лучше побываю в Министерстве как-нибудь потом, осенью, что ли.

Очень благодарен Вам за Ваши хлопоты и советы; прошу не отказать в них и впредь.

Преданный Вам Н. Шамонин.
ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 23.

№ 16

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Быть может, Вы не забыли здешнего «историографа» Скворцова²¹. На днях он обратился ко мне с просьбою написать Вам запрос касательно данных о происхождении патриарха Гермогена²². Почему-то он заинтересовался этим вопросом. Явление это столь необычно для нашей глухой провинции, что я думаю, Вы просто сделаете доброе дело, если Вашим разъяснением поддержите неожиданно проявившийся интерес к науке.

Преданный Вам Н. Шамонин.
Кострома, 16 ноября [19]09.
ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 24.

№ 17

Кострома, 23 февраля [19]10.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Посылаю Вам вместе с сим, по просьбе известного Вам г. Скворцова, три отгиска его сообщения в общем собрании Архивной комиссии, один для Вас, а прочие для раздачи по Вашему усмотрению. Вещь, как видите, не важная, но недурно характеризующая уровень местной «историографии».

** Одно слово написано неразборчиво.

С августа мы думаем ввести в 5 классе Ваш учебник. Мой поклон Вашим. Преданный Вам Н. Шамолин.

ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 25.

№ 18

Кострома, 13 мая, 1911 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

10-го числа я, наконец, имел случай в Москве видеться и говорить с Тихомировым²³ о моем деле. Он сказал, что пока в Москве предвидится одна вакансия, но и ту, по просьбе Георгиевского²⁴, он обещал одному Казанскому директору, а затем он будет иметь меня в виду. Вот результат нашего разговора. Глядя со стороны, мне, казалось бы, что человек, 30 лет проживший в Московском округе, выдержавший в 1906-7 гг. такое серьезное испытание в Костроме, заслуживал бы предпочтения перед лицом, Москве совершенно чужим, тем более, что еще в прошлом году Округ имел случай убедиться, как иногда бывает неудачны рекомендации Георгиевского. Назначенный им в IV гимназию бывший инспектор Лицея Добровольский чувствует себя в ней настолько плохо, что только и думает об уходе оттуда. Слышал я также, что Тихомиров пока мало занимается средней школой, представляя ее почти целиком ведению Исаенкова, а тот и независимо от письма Жданова, безусловно, за меня.

Несколько удивился известию о Вашем уходе из совета²⁵, но, услышав от З[инаиды] Н[иколаевны]²⁶ и Наденьки²⁷ Ваши отзывы, понял, в чем дело.

Преданный Вам Н. Шамолин.

ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 26–26 об.

№ 19

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Очень Вам благодарен за присылку 2-го издания «Статей по русской истории»²⁸. Из крупных вещей второй половины тома я не читал только «Боярской Думы». Ведь это, кажется, введение в историю Сената? Собираюсь просмаковать ее в ближайшем будущем на досуге. Историю земских соборов я прочел и с большим удовольствием, Правительство первых Романовых тоже.

Учебник Ваш я нашел введенным в здешней гимназии, пока в 5 и 6 классах, на будущий год он перейдет в 7, а затем и в 8.

Сам я, как Вы знаете, сию в Рязани, упорядочиваю новую гимназию и жду погоды; вопрос только, скоро ли она настанет.

Всего хорошего. Наш поклон всем Вашим.

Преданный Вам Н. Шамолин.

Рязань, 30. 01. [19]13.

ОР РНБ. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 27–27 об.

Примечания

¹ Жданов Александр Маркелович (1858–1914) – русский астроном, в 1907–1910 гг. был попечителем Московского учебного округа, с 1911 г.

управлял отделом промышленных училищ Министерства народного просвещения.

² Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, педагог, государственный деятель, министр народного просвещения (1908–1910).

³ Ульянов Григорий Константинович (1859–1912) – языковед, попечитель Рижского учебного округа, товарищ министра народного просвещения (1907–1911).

⁴ Анцыферов Сергей Иванович – директор департамента Министерства народного просвещения, действительный статский советник.

⁵ В 1804 г. Главное народное училище было преобразовано во всесословную четырехклассную мужскую гимназию.

⁶ Исаенков Владимир Дмитриевич – окружной инспектор (до 1896 г.), помощник попечителя (к 1901 г.), управляющий Московским учебным округом (к 1905 г.), попечитель округа (в 1905–1907 гг.).

⁷ Вероятно, речь идет о д.с.с. Викторине Ивановиче Стновичек.

⁸ В классической гимназии г. Костромы в 1905 г. почетным попечителем был тайный (в источниках иногда – действительный) советник Авдий Иванович Шипов (1831–1908).

⁹ Речь идет об Андрее Николаевиче Орлове.

¹⁰ Шелапутин Павел Григорьевич (1847–1914) – предприниматель, меценат, благотворитель.

¹¹ Гимназия им. Григория Шелапутина действовала в 1901–1917 гг., была открыта на средства П.Г. Шелапутина, названа в честь его сына Григория.

¹² Реальное училище имени сына Анатолия Шелапутина.

¹³ Шелапутин П.Г. финансировал и участвовал в организации в Москве Педагогического (Учительского) института имени Шелапутина. Институт был прекрасно оборудован, имел педагогический музей, издавал «Известия Педагогического института», проводил педагогические съезды. На базе института в 1919 г. была создана Академия социального воспитания имени Н.К. Крупской.

¹⁴ Зверев Николай Андреевич (1850–1917) – товарищ министра народного просвещения, с 1908 г. – профессор Императорского училища правоведения.

¹⁵ Корольков Дмитрий Николаевич (1858–1942) – профессор, с 1904 г. – директор частной гимназии им. Григория Шелапутина, с 1913 г. – также профессор Педагогического института им. П.Г. Шелапутина.

¹⁶ Бауэр Василий Васильевич (1833–1884) – историк, декан историко-филологического факультета Петербургского университета (1880–1882).

¹⁷ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – русский историк и социолог, с 1929 г. – почётный член Академии наук СССР.

¹⁸ Трачевский Александр Семенович (1838–1906) – историк, профессор Новороссийского университета.

¹⁹ Гримм Эрвин (Эрвин-Александр) Давидович (1870–1940) – российский историк, ректор Санкт-Петербургского университета (1911–1918).

²⁰ Э.Д. Гримм в 1896–1899 гг. был приват-доцентом в Казанском университете.

²¹ Скворцов Лев Петрович (1855–1918) – историк, член Костромской ГУАК, автор известной книги по истории Костромы (Скворцов Л.П. Материалы для истории города Костромы. Ч. 1. – Кострома, 1913), где отстаивал точку зрения, что город Кострома дал название реке).

²² Патриарх Гермоген (Ермоген, в миру Ермолай) (ок. 1530–1612) – второй (фактически третий, считая Игнагия) Патриарх Московский и всея Руси (1606–1612, в заточении с 1 мая 1611 г.), известный церковный общественный деятель эпохи Смутного времени.

²³ Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – доктор зоологии, в 1911–1917 гг. состоял попечителем Московского учебного округа.

²⁴ Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) – писатель и государственный деятель, в 1866–70 гг. состоял редактором «Журнала Министерства народного просвещения», председатель ученого комитета (1873–1898), член Совета министра народного просвещения (с 1871 г.).

²⁵ Имеется в виду Совет министра народного просвещения, членом которого был назначен С.Ф. Платонов в 1911 г.

²⁶ Шамонина Зинаида Николаевна – сестра жены (свояченица) С.Ф. Платонова, владелица основанной в 1902 г. в Москве частной мужской классической гимназии с правами казенной.

²⁷ Речь идет о жене С.Ф. Платонова Надежде Николаевне.

²⁸ См.: С.Ф. Платонов. Статьи по русской истории (1883–1912). – СПб.: Типография Александрова, 1912.

Библиографический список

1. Переписка С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова. 1886–1901 // Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2 т. / отв. ред. С.О. Шмидт; Ин-т славяноведения. – М.: Феофия, 2011. – Т. 2. – Кн. 1. – 318 с.
2. История Греции со времени Пелопоннесской войны: сб. статей / пер. под ред. Н.Н. Шамониной, Д.М. Петрушевского. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина. – Вып. 1. – 1886. – 451 с.; Вып. 2. – 1896. – 502 с.
3. Колгушкин Л.А. Костромская старина // Костромская земля: краеведческий альманах костромского общественного фонда культуры. – Кострома, 1992. – Вып. 2. – С. 20–24.
4. Колгушкин Л.А. Костромская старина // Костромская земля: краеведческий альманах костромского общественного фонда культуры. – Кострома, 1992. – Вып. 4. – С. 45–68.
5. Колгушкин Л.А. Воспоминания // Костромская земля: краеведческий альманах костромского общественного фонда культуры. – Кострома, 2002. – Вып. 5. – С. 41–158; Колгушкин Л.А. Воспо-

минания [Электронный ресурс]. – <http://kostromka.ru/kostroma/land/>.

6. Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). – Рязань, 2001. – 439 с.

7. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – 445 с.

8. Митрофанов В.В. О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов // Тюменский исторический сборник. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. – Вып. 10. – С. 42–52.

9. Митрофанов В.В. О роли С.Ф. Платонова в организации IV областного Археологического съезда // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 7. – С. 53–56.

10. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. – Челябинск, 2011. – С. 164–192.

11. Митрофанов В.В. «...попрошу Вас оказать нам с Вашей стороны возможное содействие»: письма Н.Н. Шамониной С.Ф. Платонову // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 8–15.

12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 585. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 4572. – Л. 1–27 об.

13. Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: сб. статей. – СПб., 2006. – С. 270–318.

14. Ростовцев Е.А. Обзор дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика С.Ф. Платонова: исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. – СПб., 2011. – С. 43–87.

15. Ростовцев Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2013. – Вып. 4. – С. 44–54.

16. Сафонова О.Е. Просветительные объединения Рязанской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2012. – Вып. 36. – С. 80.

17. Шитлов А.Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47–51.

18. Шитлов А.Д., Флейман Е.А. Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885–1917): организация и становление // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – Т. 17. – С. 205–211.

19. Формулярный список о службе учителя истории и географии Московской 6-й гимназии Статского советника Николая Николаевича Шамониной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%B%D0%B8%D1%81%D1%8C:589559//ru.rodovid.org/wk/Запись:589559>.

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО РЕФОРМАТОРА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 1864 ГОДУ

В статье рассматривается проблема роли российского реформатора в Царстве Польском после Январского восстания 1863–1864 гг. Обосновывается положение о том, что напряженная ситуация во властных кругах Царства Польского оказывала существенное влияние на деятельность директора комиссии внутренних дел Царства Польского – Владимира Александровича Черкасского. Автор утверждает, что в Польше высшие государственные чиновники, занимавшие главные посты, фактически были разделены на «два лагеря»: с одной стороны князь В.А. Черкасский и его приближенные – «лагерь реформ», а с другой – те чиновники, которые «следовали в фарватере» графа Федора Федоровича Берга, наместника в Царстве Польском. По мнению автора, несмотря на то, что В.А. Черкасского из Петербурга поддерживал Н.А. Милютин, который был близок к императору и являлся статс-секретарем по делам Царства Польского, главная роль в процессе реализации реформ в Польше принадлежала именно наместнику. В статье автор представляет мнение В.А. Черкасского о том, что же именно мешало «лагерю реформ» во главе с самим князем осуществлять преобразования на территории Царства Польского. К этим факторам относятся: польские помещики, местный генералитет и противоречия в Учредительном комитете. В статье главным образом использовались материалы фонда Черкасских Российской государственной библиотеки, в частности переписка В.А. Черкасского с Н.А. Милютиным.

Ключевые слова: Царство Польское, реформы, Российская империя, наместничество, Черкасский, чиновничество, государственная политика.

Проблема реформ – одна из наиболее важных в истории Российской империи во второй половине XIX века, она является актуальной и для изучения российской политики в отношении Царства Польского, отличавшейся переменчивостью и формировавшейся под влиянием событий начала 1860 г. Важным моментом в истории было Январское восстание в Польше 1863–1864 гг., именно после него процесс преобразований пошел с новой силой. Реализация реформ зависела прежде всего от чиновников. При этом очень важную роль играла личность политика, поскольку именно он решал, в каком направлении пойдет та или иная реформа. И хотя справедливо утверждение, что только император решал, как пойдут преобразования, он, по сути, определял лишь общий вектор политики, а непосредственно претворяли ее в жизни те, кого он назначал на ответственные за это посты. Одним из главных проводников и реализаторов реформ в Царстве Польском был князь Владимир Александрович Черкасский.

В статье показаны трудности, с которыми был вынужден столкнуться князь Черкасский в первые месяцы своей службы в Царстве Польском. Представлена ситуация, сложившаяся в высших кругах польской власти в первой половине 1864 г. Актуальность исследования состоит в том, что оно позволяет уточнить историю внешней и внутренней политики России в указанный период. Научная новизна заключается в привлечении и интерпретации источника, который достаточно редко использовался в научных работах, а именно переписки князя Владимира Александровича Черкасского с Николаем Алексеевичем Милютиным.

Владимир Александрович Черкасский – государственный деятель, политик, во многом разде-

лвавший славянофильские и панславистские убеждения, активный участник крестьянской реформы 1861 г. в Российской империи, был членом-экспертом в комиссии по составлению положений о крестьянах (1858–1861 гг.), а после 1861 г. – мировым посредником в Веневском уезде. В 1864 г. он занял пост директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском, помощником статс-секретаря по делам Царства Польского Николая Алексеевича Милютина. Черкасский и Милютин работали при подготовке крестьянской реформы 1861 г., после чего их связывали дружеские отношения. В очередной раз им представилось поработать вместе в 1864 г., однако поскольку Черкасский работал в Царстве Польском, а Милютин – в Петербурге, их общение и обмен мнениями по определенным вопросам происходило посредством переписки.

Говоря о первых месяцах службы Черкасского, мы подразумеваем прежде всего март – май 1864 г. Связано это с тем, что 19 февраля (2 марта) 1864 г. были оглашены указы о реформе крепостного права в Польше; маем ограничиваем указанный период ввиду того, что наиболее интересные моменты мы узнаем именно из майской переписки двух политиков. И именно в мае обнажается суть противоречий, которые имели место быть в Польше в период службы там Черкасского (1864–1866 гг.)

Одной из главных задач князя Черкасского на посту директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском была реализация крестьянской реформы, однако она не являлась единственной, сюда входили также задачи, связанные с преобразованиями по части духовных дел, а также с образованием. В целом же деятельность князя соприкасалась со всеми аспектами управления в Польше и ее общественного уклада.

Решать вопросы управления предполагалось при помощи Учредительного комитета, который являлся противовесом Совету управления при наместнике в Царстве Польском, поскольку прежде всего комитет считался Милютиным проводником идей наместника [5, с. 67]. Членами Учредительного комитета были Федор Федорович Берг, являвшийся председателем, Александр Иванович Кошелев, впоследствии назначенный управляющим финансами Царства Польского, князь Черкасский – главный директор внутренних дел, Яков Александрович Соловьев – заведующий устройством крестьянских дел, Виктор Антонович Арцимович – сенатор, который по преимуществу наблюдал за судебным ведомством и впоследствии был назначен председателем юридической комиссии, генерал Василий Иванович Заболоцкий, генерал-полицмейстер Федор Федорович Трепов. Позднее (июнь 1864 г.) председателем ликвидационной комиссии по удовлетворению землевладельцев за отошедшие от них крестьянам земли был назначен Рудольф Иванович Брауншвейг. Также впоследствии членом Учредительного комитета стал Федор Федорович Витте – директор народного просвещения – и некоторые другие [1, с. 148].

Наибольшее беспокойство князя Черкасского в первые месяцы работы в Царстве Польском после оглашения указов 19 февраля 1864 г. вызывал кадровый вопрос. В переписке с Милютиным он часто просит обратить внимание на тех или иных чиновников или поспособствовать появлению какого-либо определенного человека в Польше, или же консультируется насчет денежных вопросов, связанных с финансированием вновь прибывших или потенциальных кадров. Пожалуй, эти проблемы занимали большую часть переписки двух чиновников до мая 1864 года.

Наиболее существенные факты, касающиеся состояния дел и жизни в Царстве Польском, в переписке В.А. Черкасского с Н.А. Милютиным начинают обнаруживаться с мая 1864 г. Князь сообщает, что после отъезда Милютина из Варшавы идет достаточно активная работа, в частности, принимается множество постановлений в рамках Учредительного комитета, что он, по сути, занимается печатанием большинства статей в журналах Учредительного комитета, привлекая для этого наборщиков и работая в воскресенье. Кроме разного рода рабочих и не очень существенных моментов принимались и весьма значимые решения, например постановление о приостановлении всех денежных сборов с крестьян на строительство церквей.

В одном из писем князь Черкасский упоминает о том, что начались хлопоты с одной из крестьянских комиссий – Остроленской, и он в попытках разрешить эти трудности пишет непосредственно в саму комиссию, а также обращается к наместнику. Однако «...одновременно с этим пошли разные

происки и фанатерии Витгенштейна, Семеки и пр. против Комиссий. Затем пошли разные препирательства с Арцимовичем, который решительно сошел с ума... наконец, вчера в заседании Учр. комитета я претерпел сильнейшее совокупное нападение от Арцимовича с Наместником, коего первый предварительно сбил с толка, и, признаюсь, я должен был выдержать в течение более двух часов самый сильный напор и находился в самом неприятном положении» [2, л. 48]. Почему же такой рядовой, по сути, эпизод из жизни чиновника попал в поле нашего внимания? Суть проблемы кроется в реакции князя на случившееся, которая достаточно четко характеризует ситуацию, сложившуюся в управленческих кругах Царства Польского и которая фактически является основой всей дальнейшей борьбы за осуществление реформ на этих территориях. Черкасский пишет: «...я сделал немалую глупость, захав сюда; если бы не критическое положение Правительства, если б не страх, что если я уйду теперь, то едва ли найдутся из порядочных людей охотники сунуться в Варшаву; наконец, если бы не желание избегнуть того, что могло бы быть неприятно лично Государю и, наконец, не надежда на скорое прибытие новых сил и подкреплений извне, то, я думаю, не усомнился бы сегодня же кинуть дело и уйти окончательно... ибо то одинокое положение, которое мне здесь досталось среди целого сонма враждебных сил, едва ли может быть долго выдержано. Со своей стороны, Наместник, я полагаю, будет тщательно заботиться о том, чтобы содействовать развитию этой мысли» [2, л. 48–49]. Фактически, можно отметить, что ситуация в управлении Царством Польским была далека от благополучной. Те, кто был призван проводить реформы, находились в меньшинстве и их влияние было значительно слабее, чем влияние «лагеря Берга». Справедливо утверждать, что происшествие в Учредительном комитете, описанное князем, было одним из первых и одним из многих эпизодов противостояния двух подходов, двух центров силы в борьбе за преимущество не только в осуществлении реформ, но и в проведении своей линии политики в отношении Польши.

Скорее всего, эти опасения князя были связаны с тем, что он действительно переживал за дело реформ. Это подтверждалось и в дальнейших его письмах, где он постоянно выражал озабоченность, обеспокоенность, недоумение относительно действий наместника и его приближенных и редко позволял себе радоваться из-за локальных успехов, хотя каждое удачно реализованное или продавленное к исполнению решение стоило больших трудов.

Несмотря на колоссальную роль в политическом процессе в Царстве Польском В.А. Черкасского и Н.А. Милютина, осью все же являлся наместник – граф Ф.Ф. Берг. Именно от него по большому счету зависела деятельность реформа-

торов, и его полномочия могли позволить или не позволить реализовать те или иные акты. На многое было необходимо одобрение наместника, если не официальное, то по крайней мере формальное. Понимали это почти все – возможно, именно на этом и основывалось то, с какой легкостью чиновники оказывались в стане «лагеря наместника». Впасть в немилость к «лагерю реформаторов» в общем-то ничем не грозило обычному чиновнику. С другой стороны, потеря расположения наместника, чей социальный и политический вес был куда более серьезный, чем у того же Черкасского, для государственного служащего могла бы грозить не только трудностями в политической карьере в Царстве Польском, но и негативно повлиять на личную репутацию. Наместник практически всегда знал и умел привлечь на свою сторону того или иного служащего: «Сегодня Наместник говорил Оболенскому, что он действительно хочет просить Государя о назначении Минквица и еще какого-то генерала Корфа или Врангеля в Учредительный комитет. Надеюсь, что Вы и Д.А. успеете это отклонить. Соловьев... сегодня был у Наместника... и Наместник его очень уговаривал и старался его пленить. Наместник также пишет сегодня к Вице-Канцлеру, уговаривая его заехать к тому в Варшаву. Я полагаю, что это не лишено связи с монастырским вопросом» [3, л. 67–68].

Для поляков наместник выступал в качестве противоположности реформаторам, особенно это касается польских помещиков, которые в деятельности Черкасского видели посягательство на свои интересы: «...Польские паны, убедившись, что ни от Вас, ни от меня они никакого прока не получают, решительно обратились к самой умной системе: они пали ниц перед Наместником и лобзают пыль его сапог... Они перепуганы до мозга костей действиями Комиссий наших, чувствуют, что здесь они ничего не могут сделать и направляют все свои усилия к тому единственно, чтобы наружною покорностью и бесстыднейшей подлостью возбудить к себе сочувствие Наместника и даже Трепова или по крайней их состраданием убедить всех, что все умы покорились в Польше...» [4, л. 77].

Польские помещики прибегали к разного рода ухищрениям для борьбы с реформами. Распускались разного рода слухи, главным образом через «Бреславскую Газету» и «Час». Например, что Черкасский будет заменен Треповым в ближайшее время и соединит под своей властью полицию и Комитет внутренних дел, что Милютин больше никогда не появится в Польше, что весь «персонал», который призвал в Царство Польское Черкасский, будет заменен на новый [4, л. 78]. Характеризуя польское дворянство, князь пишет: «...оно так успело уже привыкнуть и приглядеться к нагайке, что оно охотно преклонится пред ее грубою силой, лишь бы не приходилось бороться с началами и ее силой

нравственной, какую носят в себе указы 19 февраля и Русские их в Польше представители. Для того чтобы достигнуть этой цели, опять повторяю, Паны не остановятся ни перед каким изъявлением подлости, ни перед ложью, ни перед мошенничеством» [4, л. 78]. В этой характеристике мы видим причины того, почему поляки более охотно сотрудничали с «партией Берга» и почему вообще могло такое сотрудничество случиться. Примеров того, что Берг был благосклонно расположен к шляхте, со временем становилось все больше, и Черкасский периодически сообщал об этом в письмах.

Поведение дворян, описываемое князем, лишь дополняет картину трудностей положения российских реформаторов в Царстве Польском. Уже тогда Черкасский говорил, что в связи с той ситуацией, которая складывалась в Польше, он проведет здесь «года два, по приближении окончания крестьянского дела в Польше» [4, л. 79]. По мнению Черкасского, это было первым элементом оппозиции реформаторам в Царстве Польском.

Вторым элементом оппозиции Комиссиям князь считал генералитет, и в особенности начальников отделов. Мотивы, на его взгляд, были сугубо личные, в малой степени помещичьи. Генералы, по мнению Черкасского, не могли простить поручикам и прапорщикам их независимое положение и бодрый дух; исполнители указов (прежде всего) и в меньшей степени сами указы были крайне неприятны для генералитета [4, л. 80]. Здесь стоит сделать небольшое пояснение – вероятно, недовольствие генералов в отношении прапорщиков и поручиков было связано с тем, что последние получили широкие полномочия в Комиссиях, и подчинены они были ответственному за работу Комиссии по крестьянским делам, а не военным чинам. По-видимому, подобные назначения могли происходить ввиду нехватки кадров, поскольку гражданских чиновников необходимо было вызывать из Российской империи (доверие к полякам было на тот момент крайне низким), а военные оставались на территории Царства Польского после подавления восстания, поэтому могли быть привлечены на должности в Комиссии. Во главе недовольных стояли В.С. Семека, за ним Э.К. Витгенштейн, далее А.Н. Корф, и уже после – младшие генеральские чины. Подобное положение дел сказывалось и на Черкасском: по его словам, его избегали «наподобии чумного». Князь, в свою очередь, уже сталкиваясь с подобного рода ситуациям во времена службы в России, старался не подавать виду ни Анненкову, который «передавал все эти ужасы» [4, л. 81], ни комиссарам, которыми он ведал. Поляки не могли не пользоваться подобными стремлениями русских генералов в Царстве Польском: «...все Генералы и начальники отделов думают и мечтают лишь об одном – как бы покончить с Комиссиями и забрать все дело в свои руки. Вы легко поймете,

что самые горячие желания панов совпадают с надеждами и желаниями этих мудрецов» [4, л. 81].

Третьим элементом оппозиции Черкасский считал непосредственно сам Учредительный комитет, где, с одной стороны, был Арцимович, «порабощенный юридической рутинной и иезуитизмом Заборовского», с другой стороны – сам наместник. Князь пишет об огромном количестве причин оппозиции Берга, правда они так или иначе выглядят достаточно персонифицировано: «В нем кипят все остатки Эстляндской крови, сохранившаяся в его жилах ненависть к Вам, явное нерасположение ко мне, невольная симпатия к польскому сепаратизму, злоба против Положения; нелюбовь к Комиссиям; ослабление, доведенное до бешенства за неожиданное возникновение монастырского вопроса и пр.» [4, л. 82]. Не забывает князь упомянуть и о приемах наместника: «Два дня кряду Наместник угощает у себя Польских Панов; вчера были, кажется, одни Поляки; сегодня я один Русский среди сонма других Поляков. Поляки смеются, подличают и при помощи немецких в Польше помещиков решительно надеются дать нашему кораблю обратный путь» [4, л. 82]. В отношении Учредительного комитета стоит добавить, что он был фактически поделен на два лагеря, как писал Кошелев: «Вскоре я увидел, что, и в “Учредительном Комитете”, и в “Совете Управления” имеются две партии, из которых одна под влиянием Наместника составляла большинство, мало говорившая и еще менее руководившаяся настоящими государственными соображениями; а другая, состоящая из князя Черкасского и Соловьева и поддержанная из Петербурга Милютиним, образовывала меньшинство и отличалась способностями и трудолюбием, предприимчивостью и дерзостью; она во много превосходила большинство и даже его угнетала» [1, с. 148].

Таким образом, можно заключить, что положение дел в Царстве Польском в высших кругах власти было крайне напряженным. Это, в свою очередь, создавало трудности в процессе реализации реформ и, конечно, в работе реформатора. Главными источниками оппозиции, противостоящей деятельности князя Черкасского, было польское дворянство, генералитет, Учредительный комитет, поделенный на два лагеря, как, в общем-то, и вся высшая власть в Польше, а также наместник, выступавший в качестве ядра противоборствующей стороны. Все это создало такую ситуацию в Царстве Польском, когда принятие каждого решения превращалось в противостояние, в котором князю Черкасскому было крайне трудно достигать успехов в претворении решений в жизнь. Это, в свою очередь, осложняло процесс реформотворчества и негативным образом влияло на российскую политику в отношении Царства Польского.

Библиографический список

1. Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). – М.: Наука, 2002. – 492 с.
2. Письмо Черкасского В.А. Милютину Н.А. от 13(25) мая 1864 года // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Ф. 327. – К. 30. – Ед. хр. 2.
3. Письмо Черкасского В.А. Милютину Н.А. от 16(28) мая 1864 года // НИОР РГБ. – Ф. 27. – К. 30. – Ед. хр. 2.
4. Письмо Черкасского В.А. Милютину Н.А. от 21 мая (2 июня) мая 1864 года // НИОР РГБ. – Ф. 327. – К. 30. – Ед. хр. 2.
5. Щебальский П.К. Николай Алексеевич Милютин и реформы в Царстве Польском. – М., 1883. – 123 с.

Миловидова Наталья Владимировна
 кандидат исторических наук, доцент
 Костромской государственной университет
 kaf_history@ksu.edu.ru

ВОСПОМИНАНИЯ ПИСАТЕЛЯ И КОРРЕСПОНДЕНТА В.И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье кратко рассматриваются основные этапы становления В.И. Немировича-Данченко, брата известного театрального деятеля Вл.И. Немировича-Данченко, как писателя, журналиста и военного корреспондента, чьи материалы в советские годы были мало востребованы. Более подробно представлен анализ его дневника под названием «Год войны. 1877–1878», посвященного разным сюжетам русско-турецкой войны, в том числе актуальной проблеме – повседневной военной жизни, страданиям, доблести и подвигу солдат и командиров, народа в целом; критике фразеров и шаркунов, которым не было дела до этих страстотерпцев; боевым командирам М.Д. Скобелеву, Н.Г. Столетову, М.И. Драгомирову, Ф.Ф. Радецкому. Таким образом, воспоминания, являясь интересным и ценным источником, расширяют наши представления о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Ключевые слова: военная история России XIX в., воспоминания, дневники, В.И. Немирович-Данченко, русско-турецкая война 1877–1878 гг., повседневная военная жизнь на Балканах.

Разные по причинам и целям, характеру и последствиям войны продолжают и в XXI в. сотрясать наш мир. Одним в них суждено победить, другим оказаться в лагере проигравших, но при этом всем предстоит оплачивать немалые жертвы.

На сегодняшний день по военной истории различных стран и народов написано огромное количество научных статей и монографий, собрано и частично опубликовано множество бесценных документов, но военная проблематика продолжает быть актуальной. Благодаря исследуемым нами материалам можно проследить особенности начального и конечного этапов войны, противоречивую роль властей придержащих, отношение общества, участие армии, ход боевых действий, помощь тыла, узнать имена героев, оценить масштаб жертв и разрушений, извлечь уроки.

Одновременно с именами новых исследователей перед нами предстают и менее востребованные (в частности, в советские годы) авторы мемуаров, записок, военных дневников, писем, заметок. Среди них – Василий Иванович Немирович-Данченко – русский писатель, пользовавшийся заслуженным успехом в дореволюционной России, журналист, военный корреспондент, эмигрант, брат известного театрального деятеля Вл.И. Немировича-Данченко.

Родился писатель, по одному из свидетельств, в Тифлисе в 1844 г., а по другому – в 1848 г. [6, с. 6; 1, с. 10]. С раннего детства он находился, казалось, в одном нескончаемом походе, так как отец его был боевым офицером. Затем семь лет, как и подобает потомственному военному, были отданы учебе в Александровском кадетском корпусе в Москве. Еще в училище Василий Иванович начал писать. Очевидно, что желание стать писателем в конечном итоге взяло верх. Оставив карьеру офицера, он поступил в Петербургский университет. После его окончания, увлекшись путешествиями, созда-

ет блестящее описание Русского Севера, посещает Кавказ, Урал, позже страны Европы, Ближнего Востока и Южной Америки, публикует различные художественно-этнографические материалы, печатается в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы», становится членом Русского географического общества [6, с. 7, 8, 9, 10; 1, с. 11]. У писателя есть и почти документальные материалы о сестрах милосердия. Романы же его помогают лучше представить нравы практически всех слоев русского общества.

Особое место в жизни и творчестве Василия Ивановича занимала военная тема. В 1876 г. он среди русских добровольцев сражался в действующей армии за свободу сербов, а через год продолжил борьбу в Болгарии. Получил солдатский Георгиевский крест. Был ранен. Историю русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сегодня можно изучать в том числе и по его материалам – он публиковал их, будучи военным корреспондентом суворинской газеты «Новое время». Часть этих событий писатель запечатлел также в романах «Гроза», «Плевна и Шипка», «Семья богатырей» и, конечно же, «Боевая Голгофа». В качестве корреспондента газеты «Русское слово» он был очевидцем русско-японской войны на Дальнем Востоке. Об этих событиях даже вышла отдельная книга – «Слепая война». Видел он и русско-германскую... Всего у писателя сто сорок томов изданного [6, с. 5, 8, 10; 1, с. 11, 12].

Из всех его военных материалов наше внимание привлек дневник о русско-турецкой войне под названием «Год войны. 1877–1878». Необходимо отметить, что ранее своеобразную апробацию в качестве репортажей боевого корреспондента эти материалы прошли, будучи перепечатанными из русской прессы всеми крупнейшими газетами Европы, Америки и даже одной газеты Стамбула [6, с. 5]. Тогда свидетельства очевидца войны захватили современников своей яркостью и достоверностью. А чем важен этот источник для нас, живущих в XXI в.?

Как известно, русско-турецкие войны были вызваны столкновением интересов России и Турции в районе Черного моря и Балканского полуострова. Утверждая свое влияние в этом регионе, Россия объективно способствовала освобождению балканских народов от турецкого господства. Очередная война началась в 1877 г. Боевые действия развернулись на Балканах и в Закавказье. Ценою невероятных усилий при повсеместной поддержке местного населения были заняты Тырново, Плевна, Шипкинский перевал. Последний позволил русской армии не только сдержать турецкую армию, но и развить успех вплоть до овладения предместьем Стамбула Сан-Стефано. Одновременно победу одержала и кавказская группировка русских войск. В 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мир, условия которого, также как военные и дипломатические успехи России, не устраивавшие западные державы, были вскоре пересмотрены на Берлинском конгрессе. Таким образом, при всех победах интересы России и балканских народов все-таки были урезаны.

В.И. Немирович-Данченко описывает в своих воспоминаниях разные сюжеты этой русско-турецкой войны. Что касается турок, то складывается впечатление, что им не было конца. «Трупам набились все лощины, – отмечал писатель. – Случалось, что треть колонны ляжет, и не достигнув вершины, кажется, вот-вот пойдут назад... Нет! Идут новые, свежие колонны, и бой кипит на том же месте, и слева с криком лезут целые ряды красных фесок, и справа сверкают тысячи ружей... [2]. На смену одним колоннам как будто из-под земли выростали новые. Турецкие рожки сзывали все новые подкрепления. Опять Шипка у турок... «И лавина их обрушится в долины Янтры и Лома, чтобы, испепелив Габрово, Дреново, Траяну и Тырново, облить кровью эту благословенную небом страну... Турки все заполонили. Беда...», – читаем у Василия Ивановича [2]. В войнах с Турцией сотни тысяч русских солдат и офицеров отдали свои жизни, сражаясь в составе Житомирского, Подольского, Эстляндского, Ревельского, Минского, Вольнского, Брянского, Углицкого, Казанского, Суздальского, Владимирского, Елецкого, Орловского, Ярославского, двух донских полков, среди сотни уральских казаков. «Когда приходилось встречаться и беседовать с шипкинским солдатом, – отмечал журналист, – нас поразило его достоинство, гордость даже <...> Говорили они: «Строго держись. Верой и правдой! На нас вся Россия теперь смотрит!» [2]. Величаво мрачен был вид Балкан. Вдвигались грозные вершины – одна выше другой, нависали грозною массой над нашими солдатами дикие утесы, с которых неприятель выбивал героев на выбор. Везде можно было увидеть целые груды человеческих тел. Святая солдатская кровь все лилась под дождем бомб, гранат и пуль, превра-

щавшихся в адский свинцовый ливень. Несмотря на весть, что подкреплений не будет, они стояли здесь каменной стеною и верили... Галлюцинация рисовала им целые полки, движущиеся на подмогу. Из уст же командиров продолжали вырваться слова: «За мной, покажем им русский штык!» [3], а погибая, они завещали им стоять «честно и свято». В данном контексте будет уместно привести строки и из романа В.И. Немировича-Данченко «Боевая Голгофа», также посвященного этой русско-турецкой войне. Герои романа рассуждают о смысле жизни, кровопролитии во имя «великого славянского» дела. Мы видим, как старики-ветераны крымской кампании шли вновь в армию, присоединялась к ним и молодежь. Женщины пополняли ряды сестер милосердия. Все они в тот момент испытывали великое счастье быть русскими и выполнять святой долг. Но рядом с героями были и такие, которые в разгаре общенародного несчастья считали барыши, наживались [4, с. 166, 183, 188, 189, 190, 191].

Не могут не заинтересовать и портреты боевых командиров, написанные Немировичем-Данченко. Как правило, это русские военные деятели, генералы от инфантерии, выпускники Академии Генштаба. Среди них – начальник Южного отряда Ф.Ф. Радецкий, славившийся своей мягкостью и добродушием по отношению к солдатам, храбростью, терпением, мудрой осторожностью, расчетом, являвшийся одним из популярных генералов той войны. Не раз вспоминал он свои бои на Кавказе. Подобный боевой опыт мог пригодиться и начальнику болгарского ополчения Н.Г. Столетову при обороне Шипки и в сражении при Шейново. Помнили солдаты и слова своего командующего генерала М.И. Драгомирова, руководившего переправой через Дунай у Зимницы, участника обороны Шипки в августе 1877 г., о том, что перед пулей гнуться им негоже. Портретная галерея русских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была бы неполной без характеристики М.Д. Скобелева. «Белому генералу» В.И. Немирович-Данченко посвятил специальную книгу «Скобелев. Личные воспоминания и впечатления». Писатель показал генерала на фоне боевых действий с турками и в воспоминаниях «Год войны». Начинал Михаил Дмитриевич при штабе главнокомандующего, был начальником штаба Кавказской казачьей дивизии, участвовал в нескольких штурмах Плевны, в бою при Шипке-Шейново, взятии Сан-Стефано. Скобелев осознавал весь вред и ужас войны, как отмечал Немирович-Данченко. До фанатизма изучал военное дело, много читал, был отважен, талантлив, справедлив по отношению к своим подчиненным, доступен и для прапорщика, и для генерала, серьезно относился к любому порученному делу, обладал избытком жизненности, любим солдатами, народом [5, с. 325, 334–335,

341, 349, 431, 450]. Современники сравнивали его с Суворовым.

Еще один интересный тема присутствует в воспоминаниях Немировича-Данченко – его повседневная жизнь. Сегодня в научных исследованиях мы все реже можем заметить употребление таких понятий, как «массы», «классы», а чаще задумываемся над словосочетаниями «человек и революция», «человек в эпоху реформ», «человек и война». Тема повседневности в наши дни актуальна, и, разгадав ее «код», мы многое сможем понять в нашей макроистории. В.И. Немирович-Данченко пытается нарисовать нам картинки из военной жизни на Балканах, показать проблемы и трудности, которые выпали тогда на долю людей, и без того взявших на себя непростую миссию. Как показывает практика, необустроенный фронтной быт увеличивает количество людских потерь. От голода, холода, болезней погибает немало бойцов. Вот и русско-турецкая война 1877–1878 гг. в этом плане не стала исключением. «Уже шестой месяц – в царстве вьюг и морозов, на негостеприимных высотах... Ночи, дни, дни и ночи. Недели проходили за неделями, – вспоминал писатель, – а конца сидению и не предвидится. Как кроты, люди зарывались в землю. Начиная от генерала и кончая последним кашеваром, всем здесь приходилось очень скверно» [2]. Шипка встретила бойцов рыхлым мокрым снегом, обледенелыми крутыми подъемами, узкими тропами, отвесными дикими скалами, непроходимыми чащами. Переходы были сложными. Отдыхали через каждые 25–30 шагов. Лямкой тянули на ужасную крутизну сани с орудиями. Кому повезло, преодолевали высоту шаг за шагом, а кому нет – срывались вниз, в пропасть. Выжить в таком «полете» редко кому удавалось. После очередного сидения начиналось новое восхождение. А после каждого перехода опять приходилось оборудовать лагерь. Рыли землянки или использовали под них траншеи. За ночь эти сооружения наполовину заполнялись водой. На головы спящих нередко обрушивались соломенные крыши. На прогнившей насквозь соломе лежали больные. Одежда мокрая, сверху капает, внизу лужи и грязь. Спасаясь от этой сырости и холода, поближе к людям забирались рыжие облезлые крысы, заползали и змеи. Грелись люди у костров, хворост для которых собирали ночью где придется. Такой обогрев часто заканчивался случаями отморожения. Целые полки замерзали и умирали. Солдаты одевали на себя все, что было под рукой, – башлыки, мешки после сухарей, шкуры от битого скота, так как присланные полушубки не сходились, а сапоги нельзя было натянуть на ногу без дополнительных разрезов вдоль подъема. «Шаркунам, фразерам, карьеристам не было дела, – отмечал писатель, – до этих сотен наших страстотерпцев и тружеников» [2]. Из-за каждой

болотины, из-за каждого угла голодных и холодных людей подстерегал тиф и всемогущая лихорадка, различные заболевания суставов. С этими «врагами» человека на войне шли сражаться сотни сестер милосердия и доктора. Они днями и ночами не отходили от раненых. Руки костенели, в висках стучала кровь. На свист пуль, пролетавших рядом с фургоном Красного Креста, они уже не обращали внимания [4, с. 237, 355, 357, 358, 359]. Со всех концов боевого поля неслись стоны. Люди молили о помощи. Санитары работали без устали, продолжая собирать раненых. Ситуацию усугубляло то, что в любой момент могли кончиться лекарства. Горячая пища была в особой цене. Одной отдушиной для этих уставших людей была встреча у полевой кухни, воспоминания о мирной жизни, о родном доме.

Конечно, можно по-разному относиться к В.И. Немировичу-Данченко как человеку и писателю, принимать или нет его романы, но нельзя не согласиться с ним как корреспондентом, которого он называл биноклем, сквозь который общество смотрит на все. Благодаря ему, – отмечал Немирович-Данченко, – оно видит свои язвы, своих богатей и своих настоящих врагов. А кто расскажет о страданиях солдата, доблести и подвиге народа? [4, с. 201].

Подытоживая сказанное, отметим, что знакомство с воспоминаниями В.И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., безусловно, интересно и ценно. При всей своей эмоциональности и субъективности, характерной для документов личного происхождения, данные материалы имеют право на существование как исторический источник.

Библиографический список

1. Дробышев В. Суворову равный... // Белый генерал. – М.: Патриот, 1992. – 539 с.
2. Немирович-Данченко В.И. Год войны. Дневники русского корреспондента: главы из книги // Московский журнал. – 2002. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=1270> (дата обращения: 11.03.2013).
3. Немирович-Данченко В.И. Год войны. Дневники русского корреспондента: главы из книги // Московский журнал. – 2002. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosjour.ru/index.php?id=1298> (дата обращения: 11.03.2013).
4. Немирович-Данченко В.И. Боевая Голгофа // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: Терра, 1996. – 544 с.
5. Немирович-Данченко В.И. Скобелев. Личные воспоминания и впечатления // Белый генерал. – М.: Патриот, 1992. – 539 с.
6. Сенчуков Ю. Немирович-Данченко – старший // Немирович-Данченко В.И. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. – М.: Терра, 1996. – 544 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОРОНЕЖСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность воронежских губернаторов с начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г. Показано, как изменились их функции во время войны, каковы были характер и итоги их работы. С началом войны значение губернаторов выросло, им были даны чрезвычайные полномочия для обеспечения порядка в тылу на время войны. На первом этапе они успешно справлялись со своей задачей, осуществляя контроль за населением и соблюдением законности в регионе, подавляя возникающие время от времени немногочисленные волнения и бунты. Однако с развитием экономического кризиса выявился предел их возможностей. Главными для них были вопросы снабжения населения топливом и продовольствием, решить которые им не удалось – старые полномочия, которыми они обладали согласно довоенному законодательству, были недостаточны в новых условиях. При этом губернаторы не смогли осознать необходимость кардинальных изменений в управлении во время войны и стояли на защите старого порядка. Это привело к рассогласованности и выходу из-под контроля управляющих органов экономических процессов, нарастанию революционного кризиса. Поэтому в целом деятельность губернаторов оказалась неуспешна.

Ключевые слова: губернатор, Первая мировая война, Воронежская губерния, земства, мобилизация, дороговизна, сухой закон, продовольственный кризис, топливный кризис, прорабразверстка.

Исторически сложилось, что в России многие аспекты Первой мировой оказались недостаточно исследованы, в том числе на региональном уровне. Это относится и к изучению деятельности местных органов управления, в частности губернаторов. В советское время эта тема была не востребована: деятельность самодержавных органов управления рассматривалась ограниченно, не говоря уже об изучении отдельных персоналий. В настоящее время изучение роли и функционирования государственных органов при самодержавии становится все более популярной темой у историков [1; 2]. Все чаще выходят статьи и о работе губернаторов в условиях кризиса Первой мировой войны [3; 4]. Однако данные о деятельности воронежских губернаторов отрывочны и разбросаны в ряде региональных трудов [5; 6]. Наиболее подробные сведения содержатся в книге «Воронежские губернаторы и вице-губернаторы» [7]. Однако это лишь сборник обзорных очерков. Данная статья ставит целью исследовать данную тему, рассмотрев основные направления деятельности губернаторов для выяснения степени успешности их работы во время военного кризиса.

В годы войны нередкими были смены губернаторов. Воронежцу относительно повезло – если в других городах за это время сменилось по 2–3 губернатора, то в Воронеже была лишь одна замена: Г.Б. Петкевича сменил М.Е. Ершов. При этом оба не были профессиональными управленцами и являлись лишь исполняющими делами губернатора. Думается, что стоит рассмотреть их деятельность в хронологической последовательности, что позволит выявить различия во внутренней политике во время развития военного кризиса.

До войны у Петкевича было мало времени для знакомства с городом – он был переведен в него лишь в феврале 1914 г. из Казани. Однако именно

на его службу пришлось начало войны, поставив первоочередную задачу – обеспечение мобилизации. С ее объявлением губерния перешла на положение усиленной охраны. 27 июля 1914 г. Петкевич издал целый ряд обязательных постановлений – об учете населения, безопасности движения, внутреннем наблюдении за спокойствием в городе, охране имущества, запрете собраний, запрете подстрекательств к забастовкам, запрете самовольных сельских сходов, запрете распространения вредных слухов, запрет на незаконное хранение оружия, запрет на продажу спиртных напитков на время мобилизации [8, с. 18–19]. В соответствии с правом внесудебных наказаний, дававшимся губернатору, нарушение любого постановления каралось 3000 руб. штрафа или 3 месяцами заключения. 31 июля он издал постановление об аресте австро-германских подданных мужского пола 18–45 лет [9, л. 3]. За успешную мобилизацию Петкевич был награжден медалью с правом ношения на ленте ордена Белого орла [7, с. 371].

Указом 15 февраля 1915 г. губернатору было предоставлено право главначальствующего, имевшего права на особые полномочия, а губерния переходила на чрезвычайное положение. Эти полномочия постоянно продлевались и действовали до самой революции. Итогом стало регулярное издание приказов губернатором, в первую очередь касающихся военной сферы. Летом 1915 г. им был издан ряд постановлений: запрещались разговоры на немецком, сдача квартир воинским чинам без документов, скупка мелких монет и прочие действия, направленные на подрыв бюджета страны, было издано постановление о постановке на учет материалов для военной промышленности и т. д. [8, с. 20–21].

Немалое значение имели и социальные вопросы. В Воронеже не было централизованной кана-

лизации. 11 марта 1915 г. Петкевич издал постановление о содержания сточных труб, канав, протоков и т. п. [8, с. 27]. Позднее в связи со вспышками болезни был издан приказ о мерах борьбы с ящуром и холерой, в том числе с требованием сохранять санитарное состояние города [8, с. 27–32]. В июле 1915 г. отдан приказ о запрете на время войны повышать арендную и квартирную плату на жилые помещения, за исключением случаев, когда «такое повышение в достаточной степени оправдывается расходами по улучшению квартирных помещений». Также запрещалось требовать оплату за квартиры у семейств, призванных более чем за месяц, а с прочих – за три [8, с. 19].

В обязанность губернатора вошли и некоторые хозяйственные функции. В апреле 1915 г. было издано распоряжение губернатора на основе указания Министерства внутренних дел об учете топлива на всех предприятиях и учреждениях с ежемесячным докладом об обследовании [10]. В 1915 г. с учреждением Особого совещания по топливу Петкевич был назначен его уполномоченным. Председателям земских управ, старостам и головам полагалось заниматься «всесторонним выяснением вопроса о местной нужде в топливе» [11].

Большое значение имело сохранение общественного спокойствия. В 1914–1916 гг. в деревнях произошло несколько громких волнений и бунтов, которые внимательно расследовались губернатором. Стоит отметить бунт в д. Козловка Бобровского уезда, когда 12–14 августа 1914 г. крестьяне провели погром отрубщиков и организовали отпор прибывшим стражникам, причем волнения перекинулись и на другие деревни. Было арестовано 75 человек, 29 осуждено [12, л. 25–26]. В целях сохранения спокойствия Петкевич приостановил землемерные работы. Внимательно следил он и за состоянием на заводах. С самого начала войны приказом Министерства внутренних дел губернаторам было указано на возможность забастовок, которые могут сорвать мобилизацию. В Воронеже произошло именно так. 12 июля 1914 г. в 8 часов утра рабочие завода «Столь и К^о» из солидарности с бастующими Петрограда разошлись, не приступая к работе. Ими была сделана попытка снять с работ служащих типографии Яковлева. В тот же день Петкевич, рассмотрев дознание полиции, признал пятерых задержанных рабочих виновными. Они были арестованы и осуждены на три месяца тюрьмы. Также были задержаны двое рабочих. 2 августа губернатор предложил Министерству внутренних дел выслать рабочего П.Н. Герасимова на три года, остальных – на два каждого [13, л. 4–15]. В 1915 г. ему также пришлось внимательно следить по жандармским сводкам за положением на трубочном заводе и в железнодорожных мастерских, где сохранялась угроза волнений из-за дороговизны.

Из всех вопросов наиболее сложным оказался продовольственный. Уже в самом начале войны Петкевич вел речь о «необычайном, не вызванном притом действительным положением, повышении цен на жизненные продукты первой необходимости». Вскоре после начала войны некоторые города стали вводить таксы. 28 августа 1914 г. Воронежская дума установила таксы на продажу хлеба, чтобы скорректировать дороговизну, в сентябре, после совещания губернатора с представителями думы и промышленности, она утвердила новые цены на печеный хлеб и мясо. К началу 1915 г. таксы на разные товары распространились по всей губернии. Фактически представители думы были вынуждены выйти за пределы полномочий, так как согласно городскому положению 1891 г. они имели право на установление такс только на хлеб и мясо. В конечном итоге требования жизни победили: «Положение было чрезвычайное... некоторые города уклонили[сь] и назначили таксу и на другие предметы, которые можно назвать предметами первой необходимости, как-то: керосин, соль, спички, дрова, вода... я решил их все пропустить, и они были за отсутствием протеста подведены под мои обязательные постановления» [14, л. 50].

В начале 1915 г. глава Министерства внутренних дел Н.А. Маклаков направил губернаторам телеграмму с указанием выяснить причины подорожания и принять меры. Петкевич 3 февраля созвал совещание, на которое прибыли руководители губернских ведомств, земства, управления железной дороги, биржевого комитета и торговцы. Итоги были весьма скромными – не было принято определенных мер, не выяснены причины дороговизны и даже не определено точно количество хлеба в губернии [14, л. 80–83]. По сути, все ограничилось новыми таксами, которые обходились торговцами: несмотря на штрафы полиции, они торговали хлебом вместо 3 коп. за фунт по 3½ или даже по 7, да еще намного дольше положенного срока [15; 16].

В начале 1915 г. Петкевич широко пользовался особыми полномочиями, стараясь облегчить дороговизну. Однако, как и другие губернаторы, он пошел по пути ограничения вывоза продовольствия. Несогласованность его действий с органами самоуправления стала препятствием в решении проблемы. Стоит привести показательный пример – весной 1915 г. Воронежская дума несколько недель высчитывала новые цены на мясо и хлеб. После долгих проволочек проект был передан губернатору, но тот приказал созвать для проверки комиссию, которая состояла из городского головы, членов продкомиссии, члена присутствия и ветеринарных врачей. Это были, по существу, те же лица, что проводили расчеты. Губернатор дублировал уже проведенную работу. Комиссия собралась только 19 июля. В результате она оставила в силе прежние таксы, поскольку за это время цены успе-

ли понизиться. Итог почти месячной работы оказался нулевым [17, л. 36–37].

Снижение цен было связано с хорошим урожаем, что вселяло надежды на улучшение ситуации. На деле с середины 1915 г. цены вновь начали расти. Все это требовало смены управления продовольственным делом, но губернатор, стоявший на страже закона, не имел права на это. В конце ноября 1915 г. воронежская дума решила сконцентрировать снабжение в руках продкомитета, в состав которого ввести гласных уездного и губернского земств, торговцев и специалистов. Однако губернатор запретил это постановление – не из-за его неэффективности, а из-за противоречия городскому положению [18, л. 5].

Отдельно стоит отметить визит 6 декабря 1914 г. в Воронеж императора Николая II, к которому губернатору пришлось обстоятельно подготовиться. В рамках посещения было проведено молебствие, отмечено тезоименитство монарха, посещены военные госпитали. За благополучное состояние города царь вынес Петкевичу благодарность с занесением в формулярный список [8, с. 370–371]. Однако на В.Ф. Джунковского губернатор произвел впечатление человека забитого и малознающего [19, с. 468]. По его мнению, Петкевич оказался слаб как губернатор и плохо знал дела в городе.

Это было передано Маклакову. Сыграло ли это роль или нет, трудно сказать. Но позднее император счел нужным перевести Петкевича на пост главы департамента духовных дел иностранных вероисповеданий. Он уступил место и. д. губернатора, камер-юнкеру В.Н. фон Штейну, который стал вице-губернатором. Вступив в должность 26 октября, тот прибыл в город 11 ноября и энергично начал работу, занимая пост вице-губернатора до революции. На место главы губернии был переведен М.Д. Ершов. Для него этот пост был новым, до этого он был лишь мировым судьей и членом Госсовета. В город он прибыл 15 декабря и остался здесь до самой революции [8, с. 365–367]. Несмотря на малый опыт Ершова в деле управления, не было заметно никакого кризиса, связанного с заменой губернатора: новый глава губернии выполнял обязанности, почти не отличаясь от Петкевича. Важнейшей своей задачей он считал строгое соблюдение порядка и спокойствия. Это было важно и в свете произошедших вскоре в губернии нескольких крестьянских волнений.

Главными среди них были события в Бутурлиновке и Нижнем Мамоне в мае 1916 г. В Бутурлиновке жены запасных чинов, возбужденные из-за дороговизны сахара, намеревались в мае 1916 г. разгромить лавки. Беспорядки перекинулись на другие села. Срочно были вызваны три эскадрона, а на место выехал лично фон Штейн, обследовавший ситуацию. Для улучшения положения семей запасных он настоял перед волостной властью

на создании комиссии для обследования нуждающихся. Ею было решено отдать под распашку участок в 553 дес. с передачей доходов на обеспечение солдаток. Вместе с тем в слободе были расквартированы войска, зачинщики арестованы и осуждены [20, л. 23–25]. В деревнях Осетровка, Нижняя Гнилуша, Нижний и Верхний Мамон прошли погромы отрубщиков, причем волнения грозили перейти на соседние уезды. Двумя эскадронами было арестовано 88 участников. Похожие события прошли в Лосевке, где 18 мая на базарной площади солдатки «говорили, что не дадут разрезать землю, пока не окончится война и не возвратятся домой мужья» [21, л. 37, 73]. Все виновные были осуждены на 2–3 месяца тюрьмы. В августе Ершов решил передать дело в военный суд, который приговорил их к каторге и длительным тюремным срокам [8, с. 403].

Стоит учитывать, что подобное внимание проявлялось властями не всегда. На протяжении нескольких месяцев в с. Давыдовка, Дракино, Барское и Почепское Коротоякского уезда квартировали маршевые эскадроны 4-го кавполка, который и подавлял волнения. Его солдаты регулярно грабили местных крестьян, дойдя до прямого вымогательства на улицах. Все это проходило с попустительства командования полка. Выведенное из себя население «было вынуждено собрать сельские сходы», приговоры которых о переносе полка были представлены в губернское присутствие [22, л. 192, 248]. Полк, однако, так и остался на месте, а губернатор так и не вмешался в ситуацию.

Вскоре после приезда Ершову тоже пришлось заняться проблемой продовольствия. 14 января 1916 г. он созвал заседание торговцев и руководителей по поводу дороговизны. Как и год назад, поводом был приказ Министерства внутренних дел [23, л. 124, 145]. На совещании губернатор поделил меры на две части: муниципализация снабжения при поддержке кооперативов и финансирование этой сети [23, л. 125]. Собравшиеся начали обсуждать необходимость централизации снабжения, но теперь вопрос был поставлен на губернском уровне. Признавалось, что для этого больше всего подходят земства, которые должны работать с кооперативами. Многие высказали мысль, что решение может быть связано лишь с общегосударственным режимом регуляции экономики.

Несмотря на разговоры, итоги вышли скромными – по решению губернатора, самого же поставившего вопрос о «муниципализации», было решено передать функции статистического бюро и продовольственного распределения совещанию при уполномоченном, «тем более что состав этого осведомительного органа не может быть пополнен иначе, как силами земскими» [23, л. 133, 137, 145 об.]. В решении Ершова проявилась та же тенденция, что и в работе его предшественника –

ограничиться при решении проблемы действиями в рамках уже существующей системы, даже при ее откровенной неэффективности. Таким образом, несмотря на наличие полномочий, губернатор никак не способствовал решению проблемы, а фактически сам ее усугублял, следуя за событиями. Так, 1 марта 1916 г. воронежской продкомиссией очередное ходатайство хлеботорговцев о повышении цен на ситный хлеб было отвергнуто, заодно решено было поставить под контроль коллегии управы отпуск муки и сахара [24]. Но 28 марта мясоторговцы отстояли увеличение таксы, обратившись с жалобой к губернатору. Такса была принята, хотя все признавали, что проблемы это не решит [25].

Главной проблемой, которая мешала эффективности губернатора и иных органов, стала их раскогласованность. Несмотря на формально широкие полномочия, на деле губернатор выполнял координирующие и контрольные функции, что перекладывало исполнительную работу на плечи земств и уполномоченных. Кроме продовольственного вопроса это ярко проявилось и в топливном, который обострился в начале 1917 г. 30 января Ершов издал постановление о контроле за перевозкой дров: «1) все дрова, следующие в Воронеж от частных отправителей, принимать к погрузке и отправке только при условии адресования их на Воронежскую городскую ветку и 2) прекратить на станции Воронеж перевеску дров» [26]. Но это был вспомогательный шаг. Решить проблему дороговизны дров Ершов требовал от самого города. Он обратился к голове с предложением принять «самые решительные меры к обеспечению» жителей, так как 40 вагонов, которые может дать ежегодно железная дорога, «далеко не достаточны для обеспечения». Выход он видел в заготовке дров в ближайших лесных дачах города.

Чтобы ликвидировать очереди за дровами, 10 февраля он также приказал открыть новые склады дров. Ершов с негодованием указывал, как еще 25 января требовал от думы принять меры по разработке лесных дач, озаботиться увеличением числа служащих по выдаче дров и открыть три новых дровяных склада. Из ответа управы выяснилось, что работу нельзя провести из-за глубокого снега в лесах и недостатка занятых расчисткой путей рабочих [27]. Но даже если бы думе удалось выполнить заготовку дров, перевозка их зависела от железной дороги, над которой губернатор не имел силы. Ершов лишь обратился к правительству с ходатайством об отпуске городу вагонов, хотя было понятно, что это уже нельзя осуществить [28].

Последней крупной задачей губернатора накануне революции оказалось содействие продразверстке. Основная задача по расчетам и сборам хлеба ложилась на земства и уполномоченных. Также в конце 1916 г. на время праздников министерством земледелия были отменены запрещения на

ввоз в города молочных продуктов, масла, копченостей, дичи, свинины, гречки и пр. [29, л. 1], в январе 1917 г. – спущены правила о сдаче зерна, сена и соломы [30; 31]. Роль губернатора и здесь свелась к передаточному звену распоряжений сверху и изданий уточняющих постановлений. Так, он потребовал от полиции оказывать содействие в сборе зерна, но запретил проводить реквизиции [32, л. 9, 108]. 2 января он издал циркуляр по городским думам о введении надзора за соблюдением постановлений министерства торговли о твердых ценах на мануфактуру [33, л. 15].

Фактически губернатор оказался лишен возможности оказать серьезное влияние на решение социально-экономического кризиса, в который втянулась в 1916–17 гг. подчиненная ему губерния. Главное решение проблемы – централизация экономики – зависело от верховной власти, к которой губернатор даже не решился обратиться по этому поводу. Закупка и распределение товаров в губернии, социальная помощь, контроль за рынком осуществлялись в основном земствами и особыми уполномоченными, а губернатор мог лишь координировать их работу путем отдельных постановлений и перенаправления ходатайств различных организаций, что усиливало бюрократизацию управления. К началу 1917 г. в Воронеже стали нарастать признаки революционного кризиса, с которым губернатор оказался не способен справиться.

Библиографический список

1. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). – Самара; Оренбург, 2007.
2. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). – Орел: Орлик, 2011.
3. Марасанов В.М. Деятельность губернаторов Верхневолжского региона России в условиях Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. – 2013. – № 8 (151). – Т. 26. – С. 132–139.
4. Старков Д.А. Губернаторы в системе местного управления и их вклад в решение продовольственного вопроса в Российской империи в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 1. – Т. 10. – С. 65–69.
5. Иванов Р.Н. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Воронежской губернии: 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2012.
6. Очерки истории Воронежского края. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской

социалистической революции. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961.

7. Воронежские губернаторы и вице-губернаторы: Историко-биографические очерки / ред.-сост. А.Н. Акиншин. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000.

8. Памятная книжка Воронежской губернии / сост. С. Зверев. – Воронеж: Типолитография губернского правления, 1916.

9. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 391.

10. Воронежский день. – 1915. – № 23. – 12 апреля.

11. Воронежский телеграф. – 1916. – № 116. – 1 июня.

12. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2042.

13. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 1993.

14. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2237.

15. Воронежский день: газета. – 1915. – № 25. – 15 апреля.

16. Воронежский день: газета. – 1915. – № 43. – 7 мая.

17. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2223.

18. ГАВО. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 3109.

19. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. – М., 1997.

20. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2096.

21. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2097.

22. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 1252.

23. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 21. – Д. 2207.

24. Воронежский телеграф. – 1916. – № 49. – 3 марта.

25. Воронежский телеграф. – 1916. – № 71. – 30 марта.

26. Воронежский телеграф. – 1917. – № 26. – 1 февраля.

27. Воронежский телеграф. – 1917. – № 36. – 18 февраля.

28. Воронежский телеграф. – 1917. – № 29. – 6 февраля.

29. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2215.

30. Воронежский телеграф: газета. – 1917. – № 10. – 13 января.

31. Воронежский телеграф: газета. – 1917. – № 22. – 27 января.

32. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2084.

33. ГАВО. – Ф. И-21. – Оп. 1. – Д. 2347.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ИТАЛИИ (1918–1939)

Данная статья посвящена выявлению социальных аспектов проживания в Италии 1918–1939 гг. русских эмигрантов, среди которых значительную роль играли деятели культуры. В отличие от других центров русской иммиграции (Парижа, Берлина, Праги, Белграда), на Апеннинах сформировалось несколько центров русского присутствия (Рим, Милан, Флоренция, Венеция, Генуя, Лигурийское побережье, о. Капри). С 1917–1918 гг. консолидации эмигрантов способствовали академические центры (Русский институт) и благотворительные организации (Русское собрание, Красный Крест). Начиная с 1922 г. правительство муссолиниевской Италии, не создав социальных, экономических, правовых условий для размещения русских эмигрантов, не поддержало большинство инициатив по созданию русскоязычной прессы и объединений. На фоне отсутствия единой русской диаспоры, нестабильного социального и экономического положения, неопределенного правового статуса эмигрантов парадоксальным является высокий уровень творческой интеграции русских в итальянский культурный контекст, проявившийся в значительном влиянии отдельной творческой личности на культуру Италии 1918–1939 гг.

Ключевые слова: русская эмиграция в Италию, русская диаспора, социальное положение эмигрантов, Русский институт, Русское собрание, Красный Крест, Муссолини, творческая интеграция, культура Италии.

При изучении феномена отечественной эмиграции в Италию в 1918–1939 гг. именно социальное положение представителей русской культуры (9 тыс. чел. в начале 1920-х гг. и 2,5 тыс. чел. спустя десятилетие [9, с. 262]) отражает своеобразие их присутствия на Апеннинах. Наиболее заметную роль в итальянской жизни играли представители творческих профессий, среди которых численно преобладали художники, писатели, журналисты. Имеющиеся в настоящее время биографические сведения более чем о 200 русских эмигрантах – деятелях культуры в Италии позволяют проанализировать типичные характеристики их социального положения.

Русская эмиграция в Италию исследована значительно меньше, нежели в другие страны, что объясняется количественными и качественными характеристиками русского присутствия в Риме, Милане, Флоренции и других центрах. Во Франции, Германии, Чехословакии, Югославии возможно выявить четкие социально-экономические характеристики, присущие межвоенной творческой эмиграции. В Италии, где не образовалось единой русской диаспоры, социальная интеграция проходила у каждого эмигранта сугубо индивидуально, с чем связан основной метод изучения темы – просопографический. Второй подход – анализ данных фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Рима, архива Гуверовского института (США) – представляют, в частности: монография С. Гардзонио и Б. Сульпассо «Осколки русской Италии» [1], сборники статей «Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940)» [11], «Русско-итальянский архив» [15].

Несмотря на важность анализа, именно синтез накопленного материала позволяет выявить специфику положения русской творческой эмиграции на Апеннинах. Целью данной статьи является выявление характерных особенностей социального

положения русских эмигрантов – деятелей культуры в Италии в 1918–1939 гг.

В 1918 – начале 1920-х гг. уехавшие в Италию русские ассимилировались с дореволюционными эмигрантами и резидентами (М.К. Первухиным, Н.Н. Лоховым, Е.Ф. Шмурло, В.Н. Забугиным, Н.Д. Шаховской), образовав не один основной центр притяжения, подобный Парижу, Берлину, Праге, а несколько – Рим, Милан, Флоренция, Венеция, Генуя, Лигурийское побережье, о. Капри. Расселение по всей территории Апеннин, равномерное русское присутствие и влияние на итальянскую жизнь обусловило одну из характерных особенностей русской эмиграции в Италии.

Одной из центральных социальных проблем первых лет эмиграции из Советской России стала неопределенность правового статуса эмигранта. После Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны (1917–1922) Европа оказалась не готова к потоку русских беженцев. На 1918 г. русская эмиграция регулировалась единичными дореволюционными законодательными актами. Пятилетний срок пребывания русских подданных за границей в Уставе о паспортах (1903) [14] исключал возможность выезда за пределы Российской империи на длительные сроки. Российские подданные, после 1917 г. по разным причинам оказавшиеся в Италии, получали заграничные паспорта в советском представительстве. С 1922 г. правовая поддержка эмигрантов осуществлялась Комиссией Лиги Наций, выдававшей эмигрантам международные документы для апатридов – нансеновские паспорта. После фактического признания Италией РСФСР по римскому соглашению 26.12.1921 г. [8] проживавшие в России итальянцы могли вернуться на родину, а русские граждане, находившиеся в Италии, – в Советскую Россию, откуда с окончанием Гражданской войны (с 1.07.1922 г.) отъезд мог осуществляться лишь по особому разрешению НКВД. Согласно декрету 1921 г. [6], подтвержден-

ному Положением о союзном гражданстве (1924), российского гражданства лишались, в частности: лица, пробывшие за границей непрерывно свыше 5 лет и не получившие от советских представительств заграничных паспортов до 1.06.1922 г.; лица, не зарегистрировавшиеся в советском представительстве за рубежом; лица, выехавшие из России после 7.11.1917 г. без разрешения советской власти. После введения в СССР единой паспортной системы (1932) общесоюзное постановление (27.05.1933) лишило советского гражданства лиц, покинувших страну после 25.10.1917 г. и принявших иностранное подданство [4]. Наконец, статья об измене родине (любой попытке пересечения границы без паспорта [7]), дополнившая редакцию Уголовного кодекса 1934 г. [5] приравнивала эмиграцию к уголовному преступлению.

Иммиграционное законодательство Италии в 1920–30-е гг. также не было оформлено. Его изучение возможно на основании свидетельств самих эмигрантов. «...В смысле передвижения по Италии русские совершенно свободны... Для выезда за границу совсем документы выдаются легко...», – писал в 1929 г. князь А.М. Волконский баронессе М.Д. Врангель [1, с. 301]. Вероятно, в связи с легкостью выезда за пределы Италии, Апеннины до середины 1920-х гг. служили в первую очередь транзитным пунктом для русских беженцев. Случаи принятия эмигрантами итальянского гражданства были редки, являясь, как правило, реакцией на законодательную политику советских властей¹.

Не только неопределенный правовой статус, но и тяжелое экономическое положение определяли реалии жизни русских эмигрантов. Как писала в 1921 г. газета «Новая русская жизнь», «Италия сама переживает жесточайший экономический кризис... и ей не до иностранцев» [10, с. 79–80]. Ни после прихода к власти Муссолини в 1922 г., ни после признания Италией СССР 7.02.1924 г. политика в отношении русских иммигрантов не изменилась. В отличие от Франции, в начале 1920-х гг. принявшей деятельное участие в выработке системы международной гуманитарной помощи беженцам, Италия не создала экономических и социальных условий для размещения переселенцев. Не заинтересованная в привлечении деятелей русской культуры в такой степени, как Франция – в рабочей силе² или Чехословакия – в создании оплота антибольшевизма («Русская акция» Т.Г. Масарика), Италия не видела в создании эмигрантских организаций политических или экономических выгод.

В Италии проблемы жилья и поиска работы после 1917 г. встали особенно остро перед представителями творческих профессий. Основную материальную помощь русским оказывали Касса ссуд и вспомоществований русским в Италии, основанная в 1918 г. (Милан), и Комитет по оказанию помощи русским, действовавший с декабря

1917 г. (Рим). Комитет выплачивал пенсии до октября 1918 г., однако уже к 1921 г., ввиду финансовых затруднений, значительно сократил выплаты. Аналогичные процессы происходили в Королевстве СХС, где правительственные ссуды и кредиты начиная с апреля 1921 г. стабильно сокращались [13, с. 76–77]. В отличие от Франции, на Апеннинах беженцам не требовалось удостоверение на право работы по найму, что должно было облегчать процесс рабочей интеграции в итальянское общество. Характерно, однако, что на фоне экономического неблагополучия русские практически не служили рабочими на фабриках, предпочитая зарабатывать интеллектуально-творческим трудом. В 1929 г. А.М. Волконский сообщал М.Д. Врангель: «...Небольшая часть живет на остатки бывших средств, другая часть, также небольшая, устроилась на частной службе ... Около 60 человек работают на магазин при русском благотворительном обществе...» [1, с. 301].

Ни итальянское правительство, ни Париж как центр управления размещением и репатриацией беженцев не содействовали и созданию политического органа управления эмигрантской жизнью на Апеннинах. В 1921 г. Париж считал недостаточными предпосылки для открытия представительства Земско-городского комитета³ в Италии. В 1924 г. Муссолини закрыл российское генеральное консульство в Риме, в то время как российское дореволюционное дипломатическое представительство в Париже продолжало функционировать даже после признания Францией СССР. Уже к началу 1920-х гг. русские беженцы остались без правовой и финансовой поддержки.

В Италии, в отличие от других стран, не сформировался как фактор идейного сплочения эмигрантов и феномен русскоязычной прессы. В Берлине в 1922–1923 гг. функционировало 72 русских издательства⁴, в Чехословакии выходило более 120 русскоязычных газет и журналов. С середины 1920-х гг. центром русской прессы за рубежом стал Париж. В Италии же единственное русское издательство «Слово» просуществовало лишь год (1920–1921). Попыткой открыть русскоязычное печатное издание стал выход в 1921 г. двух номеров антибольшевистской газеты «На заре», среди корреспондентов которой упоминался, в частности, И.А. Бунин.

В первые годы эмиграции в Италию русские беженцы, как и в других странах, тяготели к консолидации в рамках общественно-культурных организаций. К началу 1920-х гг. в Риме работали еще дореволюционные Русское собрание в Италии (с 1902 г. – Читальня им. Н.В. Гоголя, в 1920–1921 гг. – Русский литературно-художественный кружок), Общество им. А.И. Герцена. В Милане с 1922 г. функционировало Общество помощи нуждающимся русским, а с 1925 г. – «Русская колония

Северной Италии». После Октябрьского переворота при Русском собрании были открыты: Бюро труда [2], столовая и Комитет помощи нуждающимся русским. При римском Комитете появились Русский женский кооператив [2] и мастерские – сапожная и для пошива белья. На местном уровне аналогичную помощь эмигрантам оказывали комитеты в Неаполе, Милане, Генуе. Впрочем, то главенствующее положение, которое заняло Русское собрание (тогда еще Русский литературно-художественный кружок) после 1920 г., было обусловлено его непримиримой политикой в отношении иных эмигрантских организаций. Так, К.Л. Вейдемюллер, директор издательства «Слово», писал М.Н. Гирсу⁵: «...Комитет читальни... узурпировал... права на читальню и... превратился в Комитет “Литературно-художественного кружка”. Теперь этот кружок (т. е. Комитет Читальни)... учреждает *картежную игру* в помещении читальни... Комитет читальни, чтобы иметь место для карточных столов и время для занятия “искусством”, самым бесцеремонным образом выгоняет все иного характера учреждения, как Комитет помощи, Кооператив и т. д.» [1, с. 197] Общества взаимопомощи (биржи труда, санатории, школы), которых в Германии начала 1920-х гг. насчитывалось 46 и которые хорошо финансировались во Франции, Чехословакии и Королевстве СХС, в Италии не получили распространения даже в столице.

Не только в прессе, но и во всех областях социальной жизни успех того или иного русского проекта зависел от конкретных личностей, инициировался самими беженцами, зачастую поддерживался вопреки обстоятельствам. Крайний «индивидуализм» русского присутствия на Апеннингах в сочетании со скудным финансированием эмигрантских объединений и органов печати привели к формированию системы благотворительных организаций, в своей основе еще дореволюционных. Социальная жизнь русской эмиграции концентрировалась вокруг Русского собрания, Российского общества Красного Креста и русских церковных приходов⁶. Римский комитет Красного Креста до начала 1930-х гг. возглавляла княгиня З.Н. Юсупова. Как в 1929 г. свидетельствовал князь А.М. Волконский, «...благодаря ее хлопотам устраивается ежегодно базар, дающий до 40 000 лир валового сбора; она устроила магазин для продажи русских изделий (одежда, вышивки, коробочки...), что обеспечивает... заработок 60 лицам; при магазине имеется чайная комната... доход от чайной идет на покрытие стоимости билетов, выдаваемых Красным Крестом нуждающимся русским за право получить обед в столовой при Русском собрании⁷» [1, с. 300]. Социальную жизнь русской колонии поддерживали: благотворительные сборы Красного Креста, благотворительные балы Русского собрания в гостинице «Plaza» (организуемые княгиней

М.А. Барятинской), амбулатория для детей из бедных семей «Regina Elena», библиотека при Русском собрании, насчитывавшая около 8 000 книг. Благотворительную помощь оказывали и итальянские секции международных организаций ветеранов и инвалидов царской армии (Союз российских офицеров в Италии, отдел Русского общевойскового союза с кассой взаимопомощи, Ассоциация российских инвалидов-ветеранов «старой России» в Итальянском королевстве, Союз русских раненых и увечных воинов в Италии).

Помимо благотворительных инициатив, русское присутствие в Италии в межвоенный период было отмечено созданием нескольких устойчивых академических центров. Их деятельность способствовала упрочению влияния русских на культуру Италии 1920–30-х гг. В феврале 1917 г. в Милане был открыт Русский институт во главе с К.Л. Вейдемюллером, ставший одной из самых жизнеспособных академических организаций (в июле 1918 г. институт переехал в Рим). Одновременно с Русским институтом был основан Папский восточный институт (Рим). В октябре 1920 г. в Падуе открылась первая в Италии кафедра славянской филологии, в 1921 г. – Институт Восточной Европы (Рим). Русские ученые нечасто, однако успешно интегрировались в академическую жизнь Италии: с 1930 г. историк Н.П. Оттокар занимал профессорскую кафедру флорентийского университета, археолог Т.С. Варшер работала в Немецком археологическом институте в Риме, Вяч. Иванов с 1936 г. преподавал в Папском восточном институте.

Несмотря на то, что именно в Риме была сосредоточена основная масса русских эмигрантов, столица Италии не стала столь же безусловным центром русской жизни, как Париж, Прага или Берлин. Около 75–80 русских (вероятно, без учета детей) проживало в 1930 г. во Флоренции [1, с. 305–306], где не существовало ни просветительских учреждений, ни книжного дела, а русская колония была сосредоточена вокруг частного благотворительного комитета. Среди русских иммигрантов во Флоренции выделялись копиист Н.Н. Лохов и историк Н.П. Оттокар. В Венеции, Милане, Генуе, на о. Капри социальные основы жизни беженцев были аналогичны римским и флорентийским – тем более парадоксален уровень творческой интеграции и самореализации русских в Италии: в живописи и театральном искусстве, в науке и литературной деятельности.

С одной стороны, традиции культурного взаимодействия России и Италии, в значительной степени общие культурные (византийские) основы, быстрое усвоение эмигрантами итальянского языка формировали предпосылки для успешной интеграции в новый социокультурный контекст. С другой стороны, неразрешенные правовые, экономические, социальные проблемы препятствовали данному процессу.

Италия, подобно Австрии, Швейцарии, Великобритании, оказалась в стороне от основных потоков русских беженцев. Как и в Германии, на Апеннинах в начале 1920-х гг. на первый план вышла интеллектуально-художественная деятельность русской диаспоры. Не экономический, но идейно-духовный мотив эмиграции представителей русской культуры обусловил одновременно и ее немногочисленность, и творческий потенциал.

Русские эмигранты – деятели культуры, оказавшись уже в начале 1920-х гг. без материальной и правительственной поддержки, с середины десятилетия осознанно выбирали Италию в качестве страны иммиграции. Данная осознанность выбора стала причиной того, что с середины 1920-х гг. Апеннины перестали служить транзитным пунктом перемещений беженцев, а доля русских существенно сократилась.

Немногие русские осознавали свой новый статус (например, художник-импрессионист А.В. Исупов не считал себя эмигрантом), что поначалу определялось, как и в других странах, надеждой на скорое возвращение на родину, а позже – субъективными причинами. Самосознание русских определялось и их идейно-политическими взглядами. После прихода к власти Муссолини (1922) среди эмигрантов появились сторонники фашистской идеологии (В.П. и Ц.И. Кины) и те, творческой реализации которых способствовала поддержка итальянского правительства (балерина Е.Ф. Борисенко). Были и примеры обратного: так, именно после 1922 г. из Италии в Чехословакию эмигрировал философ Б.В. Яковенко, антифашистскую позицию отстаивал Л.Ф. Гинзбург.

В отличие от других стран, прошедших путь от активной поддержки русских беженцев до кризиса середины – конца 1920-х гг., в Италии не наблюдалось столь явного упадка: материальные, бытовые аспекты жизни русских не были продуманы с первых лет их иммиграции в страну. Однако уже к концу 1920-х гг. в Германии, Франции, Чехословакии, Королевстве СХС и Италии в силу различных причин тяжелое экономическое положение беженцев стало сопоставимым.

Особый характер по сравнению с другими европейскими странами имело социальное положение русских в Италии. На Апеннинах, в отличие от других стран, в силу и географических факторов, и специфики русского рассеяния, правового и материального положения эмигрантов не сформировались ни крепкие внутриобщинные связи, ни русская диаспора (часть этноса, сплоченная и устойчивая, создавшая социальные институты для поддержания общности и идентичности). Социальной опорой жизни русских в 1920–30-е гг. служили благотворительные организации. Правительственная политика муссолиниевской Италии в отношении беженцев явилась препятствием для

становления и развития русскоязычной прессы и эмигрантских организаций: исключениями стали «Русское собрание» и ряд академических центров.

Рим, концентрировавший большинство русских эмигрантов, не стал столь же безусловным центром, как Париж, Берлин, Прага, Белград. Рассеяние русских по крупным итальянским городам способствовало равномерному влиянию эмигрантов на культуру страны. Ввиду своей малочисленности и разобщенности, в своих характерных особенностях русская эмиграция в Италию проявила себя в судьбах отдельных личностей, а не в рамках цельной диаспоры, что свидетельствует об «индивидуализме» русского присутствия на Апеннинах.

Тяжелое экономико-социальное положение и одновременно потребность в самореализации порождали тот внутренний конфликт личности, который формировал специфическое самовосприятие русского эмигранта. Развитие его творческо-интеллектуального потенциала происходило в большей степени вопреки обстоятельствам. Имплитная «конфликтность» эмигрантского присутствия в 1918–1939 гг. парадоксальным образом обусловила то влияние русских на искусство и научную сферу Италии, которое стало одной из основ культурных контактов России и Апеннин уже во второй половине XX столетия.

Примечания

¹ Известно, что в 1927 г. гражданином Италии стал композитор и дирижер А.Д. Амфитеатров, в 1931 г. – литературный критик и переводчик Л.Ф. Гинзбург, в 1936 г. – поэт Вяч. Иванов, в 1937 г. – художник Г.Г. Абхази.

² Подробнее о русской эмиграции во Францию см.: [3].

³ Земско-городской комитет, основанный в Париже в 1920 г., являлся одним из центральных органов регулирования вопросов размещения и репатриации русских беженцев.

⁴ Впрочем, к концу 1920-х гг. их осталось лишь пять.

⁵ М.Н. Гирс (1856–1932) – русский дипломат. С 1915 г. – посол России в Италии. С 1921 г. – глава русского представительства в Париже.

⁶ О русской церковной жизни в Италии 1920-х – 1930-х гг. см.: [12].

⁷ Таких обедов выдавалось около 30 в день. Кроме того, Собрание обеспечивало нуждающимся эмигрантам единовременные пособия, уплачивало по счетам лечение в больницах, похороны и т. п.

Библиографический список

1. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. – М.: Русский путь, 2011. – 454 с.
2. ГАРФ. – Ф. 6976. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1–2.

3. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 321 с.

4. О бывших российских подданных, уехавших за границу до 25 октября 1917 г. и принявших иностранное гражданство или подавших заявление о принятии их в иностранное гражданство // Собрание законов СССР. – 1933. – № 34. – Ст. 200.

5. О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине: постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. – Ст. 255.

6. О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – Ст. 11.

7. О наказании за выезд за границу или въезд в Союз ССР без установленного паспорта или разрешения: постановление ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г. // СЗ СССР. – 1936. – № 52. – Ст. 423.

8. Предварительное русско-итальянское соглашение // СУ РСФСР. – 1922. – Ст. 95.

9. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 295 с.

10. Россия и Италия // Русская эмиграция в Италии в XX веке. Вып. 5 / отв. ред. Н.П. Комолова. – М.: Наука, 2003. – 250 с.

11. Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) / под ред. С. Гардзонио, Б. Сульпассо. – Салерно, 2015. – 377 с.

12. Талалай М.Г. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. – СПб.: Коло, 2011. – 400 с.

13. Танин С.Ю. Русский Белград. – М.: Вече, 2009. – 302 с.

14. Устав о паспортах // Свод законов Российской империи, повелением императора государя Николая Первого составленный. Т. 14. – Пг., 1906. – Разд. 2, гл. 3. О сроках пребывания за границей. – Ст. 207. – С. 26.

15. Archivio italo-russo (Русско-итальянский архив) / a cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Vol. 1–10. – Trento-Salerno, 1997–2015.

УЧИТЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В 1920–1930 ГОДЫ. ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ

Актуальность проблемы определяется возрастающим значением политической культуры в современном социуме, необходимостью гармонизации противоречивых отношений власти, общества, интеллигенции на переломных этапах исторического развития, консолидации всех общественных институтов в деле укрепления российской государственности. Исторический опыт взаимоотношений власти и учительства, самого многочисленного отряда интеллигенции, в 1920–30-е годы при всей своей противоречивости, связанной с конкретно-временными особенностями, представляет не только теоретический, но и социально-практический интерес в контексте поисков оптимальной модели развития образовательного и культурного пространства современной России.

В статье на основе широкого круга источников, главным образом архивных материалов, выявлены и охарактеризованы основные направления деятельности государственных, партийных институтов по организации широкой и многоуровневой системы политического образования учителей в 1920–30-е годы, определена взаимосвязь идеологических и социальных аспектов профессиональной и общественной деятельности учительства, его социокультурной роли в российской провинции.

Ключевые слова: учительство, интеллигенция, политическое просвещение, идеология, система, образование.

Проблема политического доверия учителей к власти приобретала особо актуальное значение на селе в условиях перехода к массовой коллективизации деревни, обострения классового противоборства вокруг вопросов культурного и колхозного строительства, в решении которых немалая роль принадлежала сельской интеллигенции. В отечественной историографии эта тема не обойдена вниманием [1, с. 14–46]. Однако до сих пор слабо освещен такой аспект, как организация политического просвещения сельских учителей, идеологическая работа властных институтов среди учительства в 1920–30-е гг. В данной статье делается попытка восполнить в определенной мере этот пробел.

Большая роль в идейно-политической работе с учительством отводилась печатным органам, периодическим журналам. С начала 1920-х годов вслед за «Правдой» постоянную рубрику «Народная школа» ввели многие губернские партийно-советские издания. К концу 1920-х годов выпускалось свыше 300 центральных и местных педагогических журналов. В 1923–1925 годы оргбюро ЦК ВКП(б) специально рассматривало вопросы издания для учительства журнала «Народный учитель» и «Учительской газеты», призванных способствовать эффективному марксистско-ленинскому воспитанию учителей [2, с. 47]. Редакции «Учительской газеты», в состав которой наряду с видными деятелями народного образования вошли и представители школьного учительства, было рекомендовано выпустить две серии приложений к газете с информацией и советами по вопросам профессиональной и общественно-политической работы сельского учительства [3, с. 6].

В 1931 г. на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) несколько раз в атмосфере серьезной дискуссии рассматривались вопросы эффективной работы газеты «За коммунистическое просвещение», поли-

тической направленности её материалов, адресованных учительству. Без особой оригинальности, но довольно целеустремленно эту же линию проводил верхневолжский журнал «За коммунистическое просвещение ИПО», другие местные издания, основной читательской аудиторией которых являлось учительство [4, с. 8].

Широким каналом массовой политической пропаганды среди интеллигенции стали различные учительские съезды, совещания, конференции, созываемые в 1920–30-е годы довольно часто на всех уровнях: центральном, областном, районном, сельском. На них перед учителями выступали с политическими докладами руководители партийных и государственных органов, обсуждались программные материалы школьного строительства, развития народного образования и культуры. Подготовка к съездам и их работа проходили под непосредственным контролем со стороны партийных комитетов, неуклонно отстаивающих свою монополию на политическое и идеологическое руководство всей общественной жизнью и, в первую очередь, культурной, образовательной сферой.

Вопросы подготовки и проведения всесоюзных съездов работников просвещения рассматривались, как правило, на высшем партийном уровне. Например, на заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 7 декабря 1931 г. был утвержден состав комиссии по проведению очередного (восьмого) Всесоюзного съезда работников просвещения, рассмотрена программа его работы, в которую были включены и вопросы идейно-политического воспитания учительских кадров [5, с. 88].

Аналогичным образом контролировалась и работа губернских, областных съездов работников просвещения. В декабре 1931 г. секретариат Ивановского обкома партии дважды тщательно рассмотрел вопрос о подготовке и проведении Вто-

рого областного съезда работников просвещения. Были обсуждены и предложены съезду кандидатуры руководящих выборных органов профсоюзной организации, обращалось особое внимание на вопросы политического образования учительства [6, с. 90]. В материалах состоявшего вскоре съезда в духе того времени торжественно декларировалось, что учительство становится «действительно агитпропом партии и Советской власти на селе, надёжной опорой советского строя» [7, с. 198].

Помимо общих съездов и конференций работников просвещения проводились совещания представителей отдельных отрядов учительской интеллигенции: слёты учителей-ударников, собрания педагогов-коммунистов и др., что свидетельствует о дифференцированном подходе властных структур к работе с учительством. Практика идеологической, политико-массовой деятельности партийных и государственных органов среди учительства в 1920–30-е годы выдвинула такие дифференцированные формы работы, как совещания сельских учителей, собрания педагогов и колхозников, встречи учителей, вступивших в колхозы, объединённые конференции представителей различных отрядов сельской интеллигенции и пр. Их материалы свидетельствуют о целенаправленной политике органов власти по идейному сплочению учительства вокруг актуальных проблем социалистического преобразования деревни [8, с. 143].

Состоявшееся в 1929 г. совещание сельских работников просвещения Ивановской промышленной области выдвинуло перед учительством задачу «стать в авангарде общественных сил села, доверенным лицом Коммунистической партии» [9, с. 155]. При всей декларированности характерных для того времени заявлений, нередких стремлений выдать желаемое за действительное они тем не менее отражали реальную и последовательную идеологическую направленность организационных форм работы среди учительства.

Свой вклад в усиление идеологического пресинга на учительскую интеллигенцию вносили Дома работников просвещения (ДРП), стремящиеся стать центрами идейно-политической, культурно-просветительской работы с учительскими кадрами. Деятельность ДРП проходила под неослабным политическим контролем со стороны как центральных, так и местных партийно-советских органов. Анализ материалов переписки Агитпропотдела ЦК ВКП(б) с партийной фракцией Центрального комитета профсоюза работников просвещения, заседаний областных комитетов партии показывает стремление властных органов направить работу ДРП прежде всего на политическое просвещение учителей, пропаганду материалов партийных съездов, пятилетних планов хозяйственного и культурного развития, антирелигиозное воспитание и др. [10, с. 49]

Костромской Дом работников просвещения организовал в 1929/30 учебном году для учителей, в том числе сельских, 18 политических докладов. Здесь работали два кружка по текущей политике, 1 – по философии, 1 – по вопросам первой пятилетки, в которых обучалось свыше 150 человек [11, с. 9].

Содержательной формой идеологической, культурно-просветительской работы с учителями сельских школ, заслуживающей внимания и в наши дни, являлись так называемые «трёхдневники» – организованные экскурсии в город. В эти дни сельские просвещенцы знакомились с историко-культурными памятниками, с местами «революционной славы», посещали музеи, театры, встречались с трудовыми коллективами заводов и фабрик, с городскими коллегами, расширяя тем самым свой идейно-политический, общекультурный кругозор [8, с. 48]. О большом политическом значении трёхдневников говорилось в докладной записке руководителя партийной фракции ЦК профсоюза работников просвещения А. Коростелева в Агитпропотдел ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1927 г. [12, с. 158]

Сердцевину идеологической работы среди учительства составляла система его политической учёбы, которая формировалась на принципах классового, массового и дифференцированного подхода, учёта актуальных проблем общественной жизни страны, региональной специфики развития. В исследуемый период не было единой системы политической учёбы педагогических работников. Её отсутствие следует связывать не только с трудностями учебно-материальной базы обучения, обеспечения её преподавательскими кадрами и т. д., но и с объективной невозможностью использования единых форм и методов учебного процесса в реальной ситуации идейно-политической, социально-профессиональной, образовательной и прочей неоднородностью учительской интеллигенции. Теоретически или на уровне первоначального опыта партийные комитеты приходили к пониманию необходимости дифференцированного подхода к организации политической учёбы интеллигенции, обеспечивая её массовый характер и чёткую классовую направленность. Члены ВКП(б), комсомольцы, обществоведы вовлекались в сеть партийной и комсомольской учёбы, в заочные комвузы. Для беспартийных учителей организовывались кружки при Домах работников просвещения, профсоюзных уголках, школах политграмоты, составлялись программы самообразования и т. д. [12, с. 158]

Общие проблемы политического образования педагогов отразились и в жизни учительской интеллигенции Верхнего Поволжья. Хотя процент охвата учителей учёбой здесь был выше, чем в целом по стране (51 % против 30 %), всё равно и в этом регионе Центральной России ситуация с уровнем политической культуры интеллигенции оставалась

напряжённой. В принятом 10 сентября 1933 г. постановлении Ивановского ОК ВКП(б) «О развёртывании партийной учёбы в 1933/34 учебном году» намечалась задача повышения политического образования партийного и беспартийного актива, в том числе учительских кадров [13, с. 272].

Мировоззренческая позиция учителя, его политическая культура, конечно же, складывались не только под влиянием политики правящего режима, его целенаправленного воздействия на сознание, настроения, формирование гражданских позиций интеллигента. Определяющим объективным фактором формирования политической культуры сельского учительства, его внутренних убеждений была сама жизнь, напряжённая атмосфера того времени, острая классовая борьба, столкновение мнений и оценок, вовлекающие в свой противоречивый процесс каждого конкретного человека, заставляющие его сделать тот или иной выбор.

Переход к политике «ликвидации кулачества как класса» поставил деревню, по существу, на грань гражданской войны, вовлекая в свою драматичную орбиту сельское учительство, усиливая процесс идейно-политической дифференциации в его среде. Материалы центральных и местных партийно-советских, профсоюзных организаций тех лет до предела «загружены» фактами не только активного участия учителей в колхозном строительстве, но и в антисоветской пропаганде, агитации против колхозов, хлебозаготовок и др. [14, с. 177]

Особая чуткость сельских учителей к проблемам коллективизации определялась во многом их непосредственной связью с крестьянским хозяйством, в том числе и с теми хозяйствами, которые порой чисто по субъективным причинам объявлялись партийно-советскими функционерами «кулацкими». В 1927 г. пятая часть сельских учителей имела надельную землю, более половины из них были выходцами из потомственных крестьян.

Многие провозглашенные призывы большевистского руководства к заботе об учительстве носили декларативный характер и оставались зачастую только на бумаге. Положение учителей оставалось тяжёлым. Причём вряд ли справедливо обвинять в этом советское руководство, ибо государство не имело реальной возможности в условиях гражданской войны и последующей разрухи обеспечить педагогическим работникам хотя бы прожиточный минимум. В первой половине 1920-х годов Костромской губком ВКП(б) сообщал в Секретариат ЦК партии о том, что «учителя нанимаются в пастухи, идут в батраки к кулаку, учительницы занимаются стиркой белья в богатых семьях, идут в няни» [2, с. 154].

К концу 1920-х годов положение начинает меняться. Во-первых, с завершением восстановительного периода расширяются материально-финансовые возможности и резервы государства.

Во-вторых, возрастает, как уже отмечалось выше, востребованность учительского труда в условиях интенсивных темпов культурного, колхозного строительства. В докладных с мест в высшие партийные и советские инстанции обращалось внимание на связь материального положения учителя с политической позицией педагога, который попадает в экономическую зависимость от кулака. Констатировалось, что выпускники педвузов и педтехникумов отказывались ехать на село из-за ненормальных условий быта сельского учителя [2, с. 133].

Проблема приобретала особый политический смысл. Неслучайно её рассмотрение шло на высшем уровне партийного и советского руководства. В 1926–1927 годы вопросы улучшения материально-правового положения учительства, особенно сельского, рассматривались на заседаниях политбюро ЦК ВКП(б) с участием И.В. Сталина, на июльском (1928 г.) пленуме ЦК партии [15, с. 62]. 21 апреля 1926 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по улучшению положения сельского учительства», в соответствии с которым педагоги обеспечивались за счёт местного бюджета бесплатными квартирами при школах, ежегодным двухмесячным отпуском, их дети освобождались от платы за школьное обучение и т. д. 3 июля 1929 г. принимается постановление ЦИК и СНК РСФСР «О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет». Решением СНК РСФСР от 3 августа 1930 г. сельские учителя и члены их семей в условиях нормированного обеспечения продуктами питания и товарами приравниваются к промышленным рабочим, привилегированному в СССР классу.

Высокий уровень и содержательность принимаемых решений об улучшении материально-правового положения сельского учительства далеко не означал и их автоматическое и немедленное претворение в реальную практику жизни и быта учителей. Анализ материалов местных партийно-советских, профсоюзных организаций, контрольных органов, инспекторских проверок, типичного явления бюрократической работы тех лет, свидетельствует о многочисленных фактах нарушения, невыполнения принятых решений, несвоевременной выплаты заработной платы учителям, грубого произвола по отношению к правам педагога, оскорбления его чести и достоинства [16, с. 50].

Негативно влияла на самочувствие педагогической интеллигенции и эйфория массовых «чисток» государственных учреждений, развернувшаяся в 1920–30-е годы по всей стране. Стремясь не отстать от других ведомств, ряд чиновников отдела народного образования, профсоюзных лидеров стали распространять сомнительные методы «чисток» и на школы, педагогические коллективы. Одновременно в атмосфере поисков «врагов наро-

да» росли настроения «спецедействия» среди отсталых слоёв населения, значительная часть которого была элементарно неграмотной и видела порой в образованном человеке, специалисте представителя свергнутого класса господ, «эксплуататоров».

Усиливающаяся тенденция «наступления на интеллигенцию», спровоцированная классовым курсом правящего режима и получившая поддержку в отсталых, неграмотных слоях населения, заставила органы власти выступить с настойчивыми, хотя и явно запоздавшими во многих случаях, разъяснениями и осуждениями ревностных сторонников чисток рядов интеллигенции, чьи действия противоречили курсу на интенсивные темпы культурного, колхозного строительства, невозможного без вовлечения в эту работу интеллигенции, особенно её массового учительского отряда.

В совместном постановлении Иваново-Вознесенского губкома ВКП(б), губоно и губпроса «Об удалении из учреждений народного образования работников, не заслуживающих общественно-политического доверия» от 12 июля 1927 г., в решении Костромского ГК ВКП(б) от 9 сентября 1928 г. подчёркивалась недопустимость «огульного увольнения учителей лишь на основе их социального происхождения без индивидуального учёта политической сознательности, общественной активности». Обращает на себя внимание противоречивый характер формулировок указанных документов, которые по существу не отрицают практику «чисток», а лишь осуждают конкретные её случаи, нарушения методов индивидуальной работы [8, с. 101].

Такая двойственная позиция «власть держащих» вносила определённую неразбериху в деятельность органов народного образования, школьных коллективов, в их отношении к кампаниям «чисток». Об этом свидетельствует и запрос Наркомпроса РСФСР во Всесоюзную комиссию по чистке партаппарата при ЦК ВКП(б) и НК РКК СССР от 18.04.1929 г. с просьбой дать разъяснения по указанной проблеме. В ответе Комиссии от 7 июня 1929 г. признавалась необходимость запретить «чистку» педагогического персонала, а «в случае ходатайства населения о замене преподавателя» вопросы решать с обязательным участием профсоюзной организации работников просвещения [17, с. 14].

Постепенно (начиная со второй половины 1930 г.) в условиях перехода к школьному всеобучу практика «чисток» педкадров, грубого нарушения прав учителя всё более решительно пресекается властными структурами.

За период с 1927 по 1932 годы заработная плата сельских учителей возросла более чем в два раза. Они обеспечивались бесплатными квартирами, льготами по коммунальному обслуживанию, санаторным лечением и т. д. Хотя многие пробле-

мы быта, трудности положения учителя на селе оставались и в последующие годы, исследуемый нами период был рельефным движением в сторону заметного улучшения материально-правового положения педагога в российской провинции. Указанные сдвиги, несомненно, способствовали большому доверию к власти со стороны учительской интеллигенции, активизации её участия в общественной жизни колхозной деревни.

Таким образом, рассматриваемый период являлся значимым этапом во взаимоотношениях советско-партийного режима и учительской интеллигенции. Эти взаимоотношения не были свободными от глубоких противоречий и деформаций. Вместе с тем объективные потребности социально-экономического, политического и культурного развития страны требовали от властных органов внесения серьёзных коррективов в свои первоначальные замыслы, идеологические схемы, всё большего учёта реальной ситуации, насущных жизненных интересов учительской интеллигенции.

Основополагающим принципом работы органов власти среди учительства стал дифференцированный подход к различным отрядам интеллигенции, строгий учёт её социально-профессиональной, идейно-политической неоднородности, а также специфики региона. Оценивая реальную ситуацию неготовности большей части сельского учительства к активному восприятию курса на коллективизацию деревни, большевистское руководство делает ставку на партийно-комсомольское ядро интеллигенции, максимально укрепляя его, стимулируя его деятельность как непосредственно по линии партийных, комсомольских комитетов, так и через ячейки и фракции ВКП(б) в органах народного образования, профсоюзе работников просвещения, периодическую печать и др. По отношению к беспартийному учительству используются широкие формы политической агитации через различные съезды, конференции, объединения, совещания, печать и др.

Эффективность идеологической работы среди учительства во многом зависела от её взаимосвязи с решением социальных вопросов, организации быта сельских учителей, создания нормальных условий работы, обеспечения прожиточного минимума, элементарных гражданских прав. Многочисленные факты грубого нарушения прав сельских педагогов со стороны властных структур, низкий уровень материального обеспечения педагогов осложняли существенным образом отношения интеллигенции и власти. Правящему режиму потребовалось немало времени для осознания не только на уровне высших инстанций, но и в низовом его звене необходимости решительного изменения ситуации в сторону укрепления материального положения сельского учителя, его правового статуса, создания условий для повышения профессиональ-

ного, культурного уровня педагога. Противоречивый опыт идеологической, социальной работы среди учительства в 1920–30-е годы как на общероссийском, так и на региональном уровнях требует своего дальнейшего исследования в контексте актуальных задач реформирования российского общества, в решении которых немаловажная роль принадлежала интеллигенции страны.

Библиографический список

1. *Веселов В.Р., Журавлев А.М.* Учительская интеллигенция и ее роль в социокультурной жизни российской провинции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 242 с.
2. *Веселов В.Р.* Интеллигенция и культура российской провинции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – 242 с.
3. Известия ЦК РКП(б): журнал. – 1925. – № 41.
4. Государственный архив Российской Федера-

- ции (ГАРФ). – Ф. 5462. – Оп. 12. – Д. 93.
5. Там же.
6. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 46.
7. ГАИО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 54.
8. Государственный архив Костромской области (ГАКО). – Ф. 161. – Оп. 2. – Д. 4.
9. ГАИО. – Ф. 427. – Оп. 1. – Д. 19.
10. ГАРФ. – Ф. 5462. – Оп. 18. – Д. 36.
11. ГАКО. – Ф. 161. – Оп. 2. – Д. 4.
12. ГАРФ. – Ф. 5462. – Оп. 10. – Д. 189.
13. ГАИО. – Ф. 327. – Оп. 6. – Д. 58.
14. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 9. – Оп. 69. – Д. 395.
15. Известия ЦИК и ВЦИК: газета. – 1929. – 17 июля.
16. РГАСПИ. – Ф. 9. – Оп. 32. – Д. 176.
17. ГАРФ. – Ф. 5462. – Оп. 18. – Д. 58.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921–1925 ГГ.

В статье рассматриваются региональные особенности процесса развития системы образования на территории Оренбургской губернии. Раскрывается деятельность подотдела, который прилагал все усилия для того, чтобы были открыты трудовые, опытно-показательные и летние школы. Подотдел поставил себе задачу ликвидировать неграмотность как среди детей школьного возраста, так и среди взрослого населения. Школы фабрично-заводского ученичества стремились прикрепить к предприятиям для всестороннего материального обеспечения. Особое внимание как со стороны парторганизаций, так и со стороны профсоюзов уделялось физическому воспитанию. Особое значение физкультура приобретала в деле военизации профсоюзных масс. После тяжелого периода (1921–1922 годы), массового голода комиссия по борьбе с неграмотностью (зубграмчека) приняла решение развернуть дополнительные сезонные ликпункты (т. е. пункты по ликвидации неграмотности). Для всего охвата образовательных учреждений учителями была организована губернская инструкторская школа в городе Оренбурге. Также возросло количество детских домов и детей, пребывающих в них. По сравнению с 1923–1924 годами, в 1925 году их количество значительно уменьшилось. В 1924 году в Орском уезде при полной поддержке Кирнаркомпроса была создана школа-коммуна для киргизских детей на 80 человек.

Ключевые слова: ликпункты, неграмотность, физическое воспитание, школа-коммуна, фабрично-заводское ученичество.

В начале 1920-х годов, несмотря на тяжелые материальные условия, количество школ увеличивалось, а количество учителей, наоборот, стремительно уменьшалось. Союз работников просвещения предлагал открыть в 1921 году краткосрочные курсы по подготовке учительства в Оренбурге, Орске, Исаеве, Кустанае, Покровке, Петровском, Шарлыкe и Темире. На работе школы, особенно в деревнях, отражалось отсутствие как учебников и учебных пособий, так и канцелярских товаров, например, на 10–15 учеников приходилось 2 карандаша и 1 перо.

В губернии большое количество детей и подростков не имели возможности посещать трудовую школу и оставались неграмотными. Таких подростков по губернии насчитывалось около 200 тысяч. На долю школьного подотдела выпадала обязанность сделать их грамотными, также требовалось ввести всеобщее обязательное обучение подростков в дополнительных школах с двухлетним курсом, придавая им характер передвижных для обслуживания мелких хуторов. В 1921 году предполагалось открыть 240 таких школ [2]. Школьный подотдел поставил себе задачу организовать опытно-показательные школы (по крайней мере по одной в каждом уезде). Но пока имелась только одна опытно-показательная школа в Воздвиженском соххозе Оренбургского уезда, еще одна была организована в г. Орске.

Кроме опытно-показательных школ, трудовой школы, важную роль, безусловно, играла летняя школа, где занятия проводились не в «душной коробке» – классе, а в поле, лесу и на огороде. Обучение происходило путем опытов, наблюдения и изучения природы; сбора коллекций, гербариев, лекарственных растений и других материалов для зимней работы; разведения и обработки школьных

садов и огородов. Школьный подотдел прилагал все усилия к тому, чтобы летние школы были организованы в возможно большем количестве, и рассчитывал на успех, если земотделы окажут в этом направлении должное содействие и население пойдет навстречу.

Подотдел единой трудовой школы уделял большое внимание физическому воспитанию учащихся. В городе уже имелось до 25 учителей и инструкторов по физическому развитию, в феврале или марте предполагалось открыть курсы учителей физического воспитания для уездов. Местные партийные и профессиональные организации уделяли недостаточно внимания работе по развитию физической культуры, не существовало соответствующих условий для ее развития: инвентаря и т. п. Усиливалось внимание к физкультуре как со стороны парторганизаций, так и со стороны профсоюзов. Особое значение приобретала физкультура в деле военизации профсоюзных масс. Проводя эту работу, союзы усиливали свое внимание к организации тиров, стрелковых секций при кружках физкультуры, снабжали союзные библиотеки и читальни необходимым количеством литературы, организовывали кружки военных знаний, способствуя усвоению массами военных навыков [1].

Школ по ликвидации неграмотности на 1 января 1921 года числилось: в городе Оренбурге – 28 (58 групп) при 979 учащихся, в Орском районе – 90 при 1 830 учащихся, в Темирском – 15, Актюбинском – 25, Илецком – 26, Покровском – 80 при 485 учащихся, Краснохолмском – 15 при 1 200 учащихся, Петровском – 12 при 450 учащихся, Исаевском – 30, Шарлыкском – 300 с 6 000 учащихся, Иргизском – 4, Кустанайском – 80, Оренбургском – 74, Адамовском – 30 русских и 170 киргизских. Всего в губернии было 979 школ [2].

На заседании коллегии Оренбургского губпрофобразования решился вопрос об открытии техникума путей сообщения в Оренбурге, которое состоялось 22 августа 1921 года. Ему предоставлялась в полное распоряжение школа 1-й ступени (бывшее железнодорожное училище), которое необходимо было оборудовать [5]. В период с 1920 по 1924–1925 годы в техникуме было обучено 44 тысячи человек.

7 сентября 1921 года на заседании СНК Киргизской АССР (КАССР) было решено открыть сельскохозяйственный техникум в Оренбурге [11, с. 256] и подтвердить прежнее постановление Совнаркома об его открытии [11]. Народному комиссариату финансов (Наркомфину) было поручено обеспечить сельскохозяйственный техникум необходимыми средствами. Также техникуму было предоставлено здание бывшей духовной семинарии.

Тщательная организация и правильная постановка дела в школах фабрично-заводского ученичества являлась главной работой, целью которой являлось создание новых кадров технически грамотных рабочих. Оренбургский губернский исполнительный комитет в соответствии с постановлением Совнаркома КАССР от 14 декабря 1921 года принял решение: «Все школы рабочей молодежи (фабрично-заводского ученичества) прикрепляются к предприятиям с возложением на них технического оборудования и хозяйственного содержания школы, снабжения продовольствием и продуктами первой необходимости наравне с рабочими и служащими предприятий». Предприятиям, где работали подростки и не было школы фабрично-заводского ученичества, надлежало произвести их регистрацию и под руководством губпрофобразования приступить к организации школы.

При малом количестве подростков на предприятиях школа могла создаваться и прикрепляться к нескольким предприятиям. Согласно возложенным обязанностям, заводоуправлению необходимо было выделять из подведомственного ему состава достаточный штат лиц, которые смогут вести как специальные технические занятия с учениками в школе, так и практические в мастерских. Преподаватели общеобразовательных предметов командировались губпрофобром» [6].

Из-за неурожая 1921 года заметно сократилась сеть школ и культурно-просветительных учреждений. На первый план выдвинулась задача спасения детей от голодной смерти. Многие школы превращались в питательные пункты. К 1923 году число детских домов возросло до 153. Вследствие недостатка бюджетных средств хозяйственное содержание многих сельских школ передавалось на обслуживание самого населения, клубы переводились на хозяйственный расчет.

В 1923 году сеть школ, профессионально-технических учебных заведений, культурно-просвети-

тельных учреждений губернии стали постепенно восстанавливаться.

В 1923/24 учебном году функционировало 142 сезонных ликпункта, на которых было обучено 3 142 человека [3]. По данным учета, численность неграмотного населения выражалась следующей цифрой: 70 512 человек, из которых главная масса приходится на город Оренбург – 3 863, Оренбургский уезд – 45 147, Каширинский уезд – 15 423, Орский уезд – 5 709.

В 1924/25 учебном году на Оренбургском рабфаке училось 439 студентов, из них 111 – на подготовительном отделении, которое состояло почти из одних киргизов. Экономическое положение рабфака было удовлетворительным, хотя и оставляло желать лучшего [10].

В соответствии с местным бюджетом было утверждено на всю губернию 59 годовых ликпунктов, что составляло 25 % планового предположения. Отпущенные единицы по территории распределялись следующим образом: Оренбург – 18, Оренбургский уезд – 19, Каширинский уезд – 10, Орский уезд – 12 [3].

Комбинируя различные средства (отправляя в сезонные ликпункты отпущенные годовые единицы, допуская на местах двойную нагрузку и 50 % оплаты по совместительству) комиссия по борьбе с неграмотностью (губграмчека) наметила развернуть 292 сезонных ликпункта, охватывая ими примерно до 10 тысяч человек. Охват неграмотного населения происходил в следующем порядке: а) в первую очередь – допризывники 1902–1903 г. р., оставшиеся необученными, 1904 г. р. (всего 887 человек); б) члены партии и РЛКСМ, число неграмотных среди которых не превышало тысячи человек; в) членов профсоюзов в общей массе до 600 человек, не включая сюда союзы горнорабочих и рабземлеса; г) остальную массу обучаемых составляло неграмотное неорганизованное население, примерно до 7 тысяч человек, из которых до 6 тысяч человек приходилось на крестьянство.

Для учебного руководства работой ликпунктов, групп и одиночек, а также для подготовки новых кадров работников в городе Оренбурге существовала губернская инструкторская школа. На местах из-за недостатка отпускаемых на губернию государственных единиц уездные инструкторские школы создавались за счет местных средств. Результаты работы губернской инструкторской школы выражалась в следующем: 1) с ноября подготовлено 50 работников, из которых половина послана в уезды; 2) проведен устный и письменный инструктаж работников ликпунктов путем объездов, обследований и обмена информационно-методическими письмами; 3) осуществлена показательная работа с группами обучающихся.

В области снабжения массовыми учебными пособиями губерния находилась в зависимости

от Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ), от которой в 1924 году было получено 3 759 букварей, 5 011 журналов «Долой неграмотность», 208 программ ликпунктов. Учитывая запас предшествующих лет – 17 тысяч букварей и тысячи азбук – можно сказать, что учебными пособиями губерния была обеспечена, за исключением книг для чтения после букваря. Канцелярскими принадлежностями в достаточном количестве был обеспечен только Оренбург, на местах в начале года ощущался острый недостаток канцелярских принадлежностей, так как деньги из местного бюджета не были своевременно ассигнованы. Благодаря специальному ассигнованию средств из фонда Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности (грамчека), уезды были временно обеспечены канцелярскими принадлежностями [3].

В 1924 году (по состоянию на 1-й квартал) сеть ликпунктов в городе и на местах была развернута более чем на одну треть. Так, в городе Оренбурге работало 26 ликпунктов, в которых было 780 обучающихся, в Оренбургском уезде – 34 ликпункта (1 190 обучающихся), в Каширинском уезде – 40 ликпунктов (2 000 обучающихся), в Орском уезде – 40 ликпунктов (1 000 обучающихся).

Кроме того, в Оренбурге существовало 12 школ малограмотных (240 обучающихся), в Орском уезде – 2 школы (50 обучающихся).

За счет общественных сил и средств помимо указанной сети школ в Оренбурге работало 7 ликпунктов и 4 профессиональных союза.

По генеральному договору с союзом Рабземлес проводил в губернии обучение тысячи батраков за счет средств союза. По договорам грамчека с союзами деревообделочников, советских работников и коммунального хозяйства установлено индивидуально-групповое обучение 75 человек (за счет союзов) [3].

29 ноября 1924 года в Орском уезде по почину Орского уездного исполнительного комитета при полной и всесторонней поддержке Кирнаркомпроса было принято решение создать школу-коммуну на 80 человек для киргизских детей. Местом открытия школы была выбрана Домбаровская волость как часть уезда, имеющая почти исключительно киргизское население [7]. Орский уездный исполнительный комитет (уисполком), сознавая всю важность открытия школ для обучения киргизского населения, создал сметно-плановое предположение и, получив через губоно тысячу рублей, немедленно приступили к организации школы-коммуны. В соответствии с заключенным договором, за 2–3 месяца напряженной работы были приспособлены дома под школу, интернат, баню; заготовлено топливо; помещения оборудованы классным и для жилья инвентарем. 15 октября школа-коммуна была открыта и к 25 октября имела

72 записавшихся. Среди них было 4 члена РЛКСМ, остальные – дети-киргизы, исключительно сироты, и дети бедняков в возрасте от 8 до 14 лет. Дети снабжались одной сменой белья, было налажено регулярное питание, произведена заготовка пищевых продуктов на зиму, занятия обеспечивались достаточным количеством учебников [7]. В школе-коммуне с 1 октября были введены две педагогические единицы – заведующая и учитель, а также две технические – кухарка и сторож. Детей разделили на две группы, посещаемость составила 100 %, пропусков не наблюдалось [7].

Возраст выпущенных из ликпунктов (всего их было 113) ограничивался за самыми малыми исключениями 16–25 годами [9].

В 1925 году работало 53 ликпункта, в которых обучалось 1 563 человека. Их окончили 905 человек, из которых в одиннадцати ликпунктах обучались киргизы (234 человека, окончили 129), в четырех ликпунктах – татары (91 человек, окончили 49) [8].

В г. Орске работали две школы для технически малограмотных взрослых (обучалось 83 человека, окончили 37 человек). Эти школы обслуживались главным образом силами уисполкомов (уоно). В целом работа библиотек, читален, школ, ликпунктов протекала более или менее нормально. Препятствия встречались главным образом материальные [8].

Оренбургский губисполкомом отдела народного образования (губоно) предоставлял сведения о состоянии народного образования и культурно-просветительской работы в губернии. Из дошкольных учреждений в Оренбурге на 1925 год имелось два детских дома на 225 детей и 5 детских садов с 364 детьми, из которых один – татарский. Других дошкольных учреждений не было. Воспитательно-образовательная работа в детских садах и дошкольных домах велась по программам Государственного ученого совета (ГУС) с 1923–1925 годов. Детское управление организовывало работу по прививанию детям навыков коллективной жизни. Сеть дошкольных учреждений обслуживала самый незначительный процент детей. По данным губстатбюро, в Оренбурге детей дошкольного возраста насчитывалось 9 635 человек, обслуживалось садами – 3,8 % [4, л. 71,75].

Существовало несколько типов детских домов: для детей школьного возраста – 9, дошкольного возраста – 2, для дефективных детей – 4, для детей смешанного возраста – 1 (дом беспризорного ребенка). Количество детских домов и детей в сравнении с 1923/24 учебным годом значительно уменьшилось, так как все время велась работа по отправке детей к родственникам, родителям и в другие губернии по месту жительства. Распределение детей детдома по семейному и социальному положению было следующим: сирот – 69,

полусирот – 28, имеющих родителей – 3, детей рабочих – 38, крестьян – 4, ремесленников – 2, служащих – 7, свободных профессий, торговцев и промышленников – около 1.

В школах и детских домах широко применялось самообслуживание: воспитанники занимались уборкой помещений, мытьем полов, приготовлением пищи, пилкой и колкой дров и др.; часть детей обучалась ремеслам на разных производствах: в школе сапожного ремесла – 80 человек, в школах кройки и шитья, шляпно-пошивочной мастерской – 60, при совхозе губоно – 20, всего в производстве было занято 160 человек. Кроме того, 267 человек было занято в организованных при детских домах сапожных, столярных, жестяных, переплетных и других мастерских. Частично было проведено в жизнь мероприятие, касающееся создания при детском городке производственных артелей – сапожной, столярной и других.

Работа, организованная в начале 1924 года ОДД в направлении борьбы с детской беспризорностью, давала реальные результаты. Общество в течение 1924/25 учебного года содержало детский дом, имевший постоянно до 22 детей. Кроме того, членами общества оказывалась помощь в работе по обследованию нуждающихся в опеке детей. Члены общества привлекались в качестве опекунов. В 2004 году этими учреждениями была осуществлена следующая работа: социально-правовая охрана несовершеннолетних (СПОН) – принято 407 человек, оказана помощь на дому – 147, учреждено опек – 164, патронировалось организациями – 13, патронировалось частными лицами – 18, выдано средств на проезд к родителям – 186, оказана юридическая помощь – 199, устроено на работу – 16, оказаны другие виды помощи – 27 (всего 1 177 человек) [4].

По учету через кварткомы на 1924/25 учебный год в городе числилось 3 863 неграмотных, было развернуто 37 ликпунктов и 14 школ малограмотных, обучено 1 480 человек. В городе работали 2 школы повышенного типа для взрослых, по 5 групп в каждой. Количество учащихся в 1923/24 учебном году составляло 458, в 1924/25 учебном году – 321 человек. Окончили курс в 1924/25 учебном году 65 человек [4].

Из общего количества учреждений, подведомственных отделу народного образования, некоторые заведения были специально предназначены для нерусских национальностей (татар). Вся сеть просветительных учреждений города в 1924/25 учебном году обслуживалась 505 работниками просвещения (из них членов РКП(б) – 44,

или 8,7 %). Работники просвещения распределялись следующим образом: а) соцвоспитание – 408 человек, б) профобразование – 62 человека, в) политпросвещение – 35 человек» [4].

В течение 1923/24 учебного года в целях повышения квалификации работников просвещения города были проведены следующие мероприятия: городская 10-дневная конференция, в которой приняли участие 120 человек; одномесечные курсы, где проходили обучение 200 человек; курсы для безработных, на которых обучались 85 человек. Всего в данных мероприятиях приняли участие 405 человек [4].

В 1924/25 учебном году были организованы: двухнедельная конференция для учителей школ 1-й ступени, двухнедельная конференция для учителей школ 2-й ступени; двухнедельная конференция учителей школ фабрично-заводского ученичества и двухнедельные библиотечные курсы-практикумы.

Таким образом, в период с 1920 по 1925 годы Оренбург получил новый статус, став столицей образованной Киргизской АССР. Преобладание административно-командных, ускоренных методов обучения грамоте населения как меры государственного принуждения в Оренбургской губернии не всегда достигало определенных результатов, а, наоборот, нередко тормозило его. Тем не менее благодаря грандиозной плановой работе, проведенной подотделами единой трудовой школы и коллективами заводов, включая рабочих и крестьян, наша страна поднималась из разрухи и голода, хотя у большинства отсутствовал интерес и потребность в образовании. Правильное воспитание детского населения с опорой на трудовое воспитание готовило наш народ к дальнейшему жизненному этапу.

Библиографический список

1. ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1063. – Л. 213–214.
2. ГАОО. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 246–252.
3. ГАОО. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 205. – Л. 17–18.
4. ГАОО. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 65–75.
5. ГАОО. – Ф. 453. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 79.
6. ГАОО. – Ф. 453. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 4.
7. ГАОО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 237. – Л. 434–435.
8. ГАОО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 297. – Л. 58–59.
9. ГАОО. – Ф. 747. – Оп. 1. – Д. 254. – Л. 385.
10. ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 515. – Л. 6–7 об.
11. Культурное строительство в Казахстане: сб. документов и материалов / под ред. М.А. Абдулкадырова, С.М. Бейсембаева и др. – Т. 1. 1918–1932 гг. – Алма-Ата: Казахстан, 1965. – 567 с.

Кривоноженко Александр Фёдорович
 кандидат исторических наук
 Петрозаводский государственный университет
 krivfed@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ОПЫТ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

В условиях современного поиска оптимального пути развития российского высшего образования обращение к истории взаимоотношений между государством и отечественной высшей школой видится логичным, актуальным и, безусловно, полезным. В статье рассмотрено отражение общих направлений советской реформы высшей школы на судьбе Петроградского (ныне Санкт-Петербургского государственного) университета, а также реакция вуза на действия Наркомпроса в 1918–1922 гг. Основной проблемой во взаимоотношениях между властью и университетом в контексте планирования и проведения реформы высшей школы стало сохранение университетской автономии. Для вуза она являлась основой университетской корпорации. Для Наркомпроса – символом консерватизма профессуры. В статье рассмотрены основные этапы проведения реформы и главные мероприятия, предпринятые Наркомпросом. Выявлено, что Октябрьская революция, в отличие от Февральской, в целом была встречена университетским сообществом враждебно. Следствием этого стала практика бойкота вузами решений СНК, которая не могла длиться продолжительное время из-за финансовой зависимости высшей школы от государства. Решения Наркомпроса в области реформирования высшего образования в 1918–1920 гг. следует охарактеризовать как недостаточно эффективные. На примере Петроградского университета показано, что вузовская общественность подходила к исполнению этих решений лишь формально. Создание в структуре Наркомпроса Главпрофобра позволило властям изменить ситуацию и ввести в 1921 г. новый университетский устав, что стало решающим этапом проведения реформы.

Ключевые слова: реформа высшей школы, Петроград, университетский устав, Наркомпрос, профессура, революции 1917 г., студенчество.

1917 г. полностью изменил все сферы общества России. Смена власти, которая произошла в этом году дважды, напрямую отразилась на высшей школе страны. Одним из крупнейших высших учебных заведений в то время являлся Петроградский университет. После переноса столицы в 1918 г. в Москву вуз лишился столичного статуса, но его авторитет, репутация и значение для системы высшего образования страны остались неизменными. Целью исследования является рассмотрение хода советской реформы высшей школы на примере Петроградского (ныне Санкт-Петербургского) университета. Анализ хода реформы на таком уровне позволяет уловить отдельные нюансы, которые неизменно теряются при изучении советской реформы высшей школы исключительно лишь в контексте действий Наркомпроса.

Видится логичным рассмотрение заявленной темы не с октября, а с февраля 1917 г. Без этого контекста невозможно объективно анализировать действия руководства Петроградского университета зимой 1917–1918 гг.

В абсолютном большинстве университетская общественность приветствовала свержение монархии и переход власти к Временному правительству. Совет университета – коллегиальный орган управления, состоящий из профессоров и возглавляемый ректором – выразил готовность оказать всестороннюю поддержку новой власти [12, л. 30 об.]. Такая реакция являлась закономерной, поскольку большая часть профессуры вуза или была кадетами, или симпатизировала этой партии. Этих же настроений придерживался и ректор университета –

Э.Д. Grimm [3, с. 29]. Студенчество вуза активно участвовало в революционных событиях на улицах города. В частности, на Васильевском острове и Петроградской стороне студенты принимали участие в демонстрациях рабочих, организовывали пункты питания для сил, поддерживающих Государственную думу, а позже – Временное правительство [5, л. 87].

Основным лейтмотивом сотрудничества Петроградского университета и Временного правительства стала работа по созданию нового университетского устава, который был призван заменить устав 1884 г. Главная цель, которую преследовала высшая школа, заключалась в закреплении за ней на законодательном уровне права на внутреннее самоуправление. Между тем, именно это стремление не находило должного отклика в Министерстве народного просвещения, исходившего из того, что в отношении внутреннего самоуправления вновь создаваемый устав должен ориентироваться на «Временные правила управления университетами» от 27 августа 1905 г., где прописывалось лишь право вузов на самостоятельное формирование своих штатов. Позиция Министерства в отношении ключевого положения нового университетского устава не устраивала высшую школу. В частности, ректор Петроградского университета настаивал на том, что вузы страны должны получить требуемую автономию [3, с. 36].

Вопрос о введении новой университетской автономии так и не был решён. В октябре 1917 г. к власти пришли иные силы, Временное правительство было свергнуто.

* Статья подготовлена в рамках комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

Отношение Петроградского университета к новой власти с первых дней её существования было подчёркнуто отрицательным. Некоторые попытки Совнаркома наладить контакты с представителями системы образования страны были отвергнуты. Университет присоединился к призыву Академии наук, обращенному к «служителям науки и просвещения», начать бойкотирование распоряжения СНК и продолжить подготовку к выборам в Учредительное собрание [13, л. 111 об.].

Политика бойкотирования распоряжений СНК практиковалась Петроградским университетом до начала весны 1918 г. В январе этого года представители Наркомпроса сумели занять здание Министерства народного просвещения, с которым университет по-прежнему осуществлял деловые отношения. В феврале внутренние финансовые ресурсы вуза подошли к концу. Именно острая необходимость финансирования заставила руководство университета начать в марте 1918 г. первые контакты с Наркомпросом [3, с. 58].

Советское правительство начало подготовку к проведению реформы высшей школы в январе 1918 г. По большому счёту она состояла в разработке нового университетского устава. Исходная позиция Наркомпроса заключалась в том, что молодое советское государство остро нуждалось в специалистах с высшим образованием для скорейшего восстановления экономики страны. В таких условиях, по мнению власти, об автономии высшей школы речь идти не могла. Данная логика находила всё больше приверженцев на фоне бойкота, который высшая школа устроила Наркомпросу.

Позиция высшей школы была диаметрально противоположна. Университеты не возражали против мероприятий по подготовке нового университетского устава, но видение сути будущей реформы отличалось от позиции Наркомпроса именно в отношении проблемы автономии. Это была высшая ценность и тот неприкасаемый идеал, к которому стремилась высшая школа. Проблема университетской автономии стала главной при разработке, обсуждении и реализации советской реформы высшей школы.

В апреле 1918 г. новость о начале процедуры подготовки нового университетского устава была официально обнародована [15, с. 61]. К этому времени в Москве уже был подготовлен проект документа, который разработала группа под руководством заведующего отделом вузов Наркомпроса П.К. Штернберга [3, с. 63]. Проект подразумевал создание принципиально новой системы управления вузами страны, которая должна была сосредоточиться вокруг Объединённого совета университетских ассоциаций (научной, учебной и просветительской). Для оперативного контроля за работой вуза при Объединённом совете создавался Президиум, состоящий из девяти человек.

Наконец, ежегодно должен был собираться Народный совет вуза. В него должны были входить представители от профсоюзов, политических партий, кооперативов, местного Совдепа [11, л. 6].

На лето в Москве было назначено первое совещание по реформе высшей школы, где Наркомпрос предполагал обсудить проект нового устава с представителями вузов страны. В ходе подготовки к этому мероприятию в Петроградском университете прошло обсуждение разработанного Наркомпросом документа. Мнение и профессорско-преподавательского состава, и студенчества совпало: предлагаемый проект в таком виде фактически упразднял университетскую автономию, сохранение и развитие которой было базовой частью предложений по реформе высшей школы со стороны вуза. Следует отметить, что обсуждение проекта реформы Наркомпроса в конце весны объединило студенческую и профессорско-преподавательскую корпорации университета перед лицом угрозы упразднения университетской автономии. Ранее эти корпорации относились друг к другу с недоверием, граничащим с враждебностью, что было результатом претензий студенчества на право участия во внутреннем самоуправлении университета [3, с. 74].

Очевидно, что аналогичные настроения были распространены в большинстве вузов страны. Это подтверждается тем, что на всероссийских совещаниях по реформе высшей школы, прошедших в июле и сентябре 1918 г., представители вузов отказались принять разработанный Наркомпросом проект нового университетского устава [6, с. 50].

Не сумев реформировать высшую школу в короткий срок, Наркомпрос поменял тактику. С конца лета 1918 г. стали приниматься декреты, которые повторяли отдельные положения неутверждённого университетского устава. Так, 2 августа 1918 г. Совнарком обнародовал декрет «О правилах приёма в высшие учебные заведения», согласно которому в вузы мог поступить любой желающий, достигший 16 лет, без каких-либо вступительных испытаний [8, с. 56]. Пользуясь непоследовательностью законодательства, Петроградский университет на легальных основаниях смог пролонгировать вступительные испытания (в форме различных проверок вновь поступивших) до ноября 1918 г., когда последовало чёткое указание на запрещение любых срезов знаний первокурсников [3, с. 79]. Несмотря на предпринятые меры, Наркомпросу не удалось существенно изменить социальный состав студенчества Петроградского университета. Доля выходцев из крестьян и пролетариата в приёме 1918 г. была крайне невелика [1, с. 192].

Другим вектором активности Наркомпроса стало стремление подорвать влияние профессуры на советы вузов, допустив к управлению высшими учебными заведениями молодых преподавателей.

Декрет от 1 октября 1918 г. отменил все существовавшие учёные степени и звания. Отныне в вузах оставались только преподаватели и профессора, причём в число последних вошло значительное число бывших приват-доцентов [7, с. 72]. Кроме того, по этому же декрету профессора и преподаватели, имевшие стаж более 10 лет, увольнялись из вуза, но могли затем переизбраться по открытому конкурсу [7, с. 73]. Однако итоги реализации этого декрета не могли удовлетворить Наркомпрос. Позиции старой профессуры были лишь немного поколеблены переводом приват-доцентов в профессора, поскольку система ценностей у обеих частей профессорско-преподавательской корпорации была единая. В Петроградском университете почти все уволенные по декрету от 1 октября 1918 г. люди переизбрались по открытому конкурсу [1, с. 186].

Декрет об отмене учёных степеней и званий, по мнению Наркомпроса, «...был последней попыткой обновить одряхлевший организм русской высшей школы силами самой этой школы...». Выход из тупиковой ситуации виделся СНК лишь один: «Университет могла спасти только та сила, которая спасла всю Россию в 1917 г. – сила организованного пролетариата» [6, с. 56].

Первые постановления о реформировании высшей школы выполнялись вузовским сообществом лишь формально, не принося реального результата. С 1919 г. Наркомпрос поменял тактику и приступил к «завоеванию» высшей школы «изнутри». По его мнению, главным оплотом сопротивления проведению реформы были профессорско-преподавательский состав и студенчество гуманитарных факультетов университетов. Задача состояла в том, чтобы изменить структуру и учебные программы этих факультетов, а позднее – и социальный состав студенчества и профессуры. С этой целью 3 марта 1919 г. Наркомпрос опубликовал постановление, по которому юридические факультеты, а также исторические отделения историко-филологических отделений упразднились. На их базе создавались факультеты общественных наук (ФОНы) [3, с. 105].

В Петроградском университете решение о реформировании гуманитарного образования было принято положительно. По мнению и профессорско-преподавательского состава, и студенчества гуманитарных факультетов, новые социально-политические условия создали возможность для введения в учебные планы целого ряда активно развивающихся дисциплин, связанных с этнологией, археологией, лингвистикой, религиоведением, культурологией. По общему убеждению университетской общественности эти нововведения были невозможны, пока университет подчинялся Министерству народного просвещения [4, с. 29]. Некоторые профессора подготовили свои программы, где был отражен их взгляд на проблему предстоящей реформы [9, с. 3], однако он сильно контрастировал

с теми принципами, которые стремился воплотить в ФОНе Наркомпрос, поэтому их предложения не были воплощены в жизнь. Осенью 1919 г. ФОН Петроградского университета начал свою работу. Его первым деканом стал Н.Я. Марр [3, с. 116].

Несмотря на видимый успех проведённой реформы, её конечные результаты не устраивали Наркомпрос. На ФОНе университета вели свои курсы прежние профессора, социальный состав учащихся также остался неизменным. Последний факт был особенно критичным. В связи с этим в 1919 г. началась работа по наполнению студенчества выходцами из пролетариата и крестьянства. Как уже было отмечено выше, первая попытка изменить социальный состав учащихся вузов была предпринята декретом от 2 августа 1918 г., по которому отменялись вступительные испытания. Она не принесла ожидаемого результата. 11 сентября 1919 г. вышло постановление Наркомпроса об организации при вузах страны рабочих факультетов (рабфаков). Согласно ему, рабфаки должны были стать автономными единицами в составе вузов, но обладать при этом полноценными правами факультета. Главная цель, для которой они создавались, заключалась в подготовке рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения [2, с. 166].

Социальный состав первого набора на рабочий факультет Петроградского университета был неоднороден. Лишь 32 % от общего числа зачисленных слушателей были рабочими [2, с. 167]. В дальнейшем количество выходцев из пролетариата на рабфаке университета увеличилось. К 1921 г. их было чуть больше половины от общего числа слушателей, что не могло удовлетворять планам Наркомпроса. Вдобавок, в конце 1921 г. выяснилось, что на рабфаке вуза учились даже бывшие дворяне [2, с. 168]. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что рабочий факультет Петроградского университета не стал реальным рычагом воздействия на социальный состав студенчества вуза. Из 27 слушателей, окончивших рабфак в 1921 г., лишь 11 человек поступили на основные факультеты университета, что составило лишь 0,2 % от общего числа первокурсников вуза в 1921 г. В следующем году эта цифра увеличилась, но составила лишь 1 % [3, с. 217].

«Красное» студенчество формировалось в университете крайне медленно. Большая часть студентов Петроградского университета в начале 1920-х гг. по-прежнему поддерживала профессуру в борьбе с Наркомпросом за сохранение автономии высшей школы. В отличие от первых выпусков рабфака, реально повлиять на социальный состав студентов смог так называемый «классовый» приём в высшую школу, который впервые был апробирован в 1921 г. Главным принципом отбора абитуриентов стало наличие у поступающего рекомендации от профсоюзной или комсомольской

организации. Кроме того, во главе приёмной комиссии вуза фактически встала университетская партийная организация [1, с. 259]. Лишь после этого голос нового, «красного», студенчества стал звучать более уверенно в многочисленных столкновениях (которые зачастую проходили не только в вербальной форме) со «старым» студенчеством.

«Классовый» приём стал результатом структурной реформы Наркомпроса, осуществлённой в 1920 г. В результате неё в рамках этого комиссариата появилась новая структура – Главпрофобр, в ведение которого были переданы, в частности, дела по осуществлению реформы высшей школы [3, с. 168]. Это нововведение ознаменовало начало реализации принципиально иной программы советского правительства в отношении высшей школы. С конца лета 1918 г. по начало 1920 г. Наркомпрос пытался проводить реформу через ряд отдельных декретов, которые, как было показано выше, не принесли ожидаемого результата. Главпрофобр, в чьём ведении отныне находилась одна лишь высшая школа, начал осуществлять реформу гораздо последовательней. «Классовый» приём стал только одним из пунктов этой программы, главной целью которой по-прежнему являлось принятие нового устава высшей школы.

Подготовительные работы в области разработки нового устава начались в апреле 1921 г. Эту работу возглавили А.В. Луначарский, В.П. Волгин и М.Н. Покровский. Согласно разработанному документу, управление вузами переходило от советов (коллегиального органа управления профессуры) к их правлениям. Правления в вузах существовали и раньше, но их деятельность ограничивалась лишь ведением хозяйственных дел вуза. Согласно проекту нового устава в правление входило 3–5 человек, назначаемых Наркомпросом из числа предложенных кандидатур. Необходимо заметить, что предлагать эти кандидатуры могли профсоюзы и губисполкомы, то есть сторонние организации. Аналогичная логика прослеживалась и при формировании совета вуза – периодически созываемого коллегиального органа управления. В него входили не только представители профессорско-преподавательского состава вуза, но и студенчества. Кроме того, своих делегатов в этом органе могли иметь представители профсоюзов, государственных и партийных органов [10, с. 72]. Исключительное положение профессуры подрывалось. Таким образом, введение нового устава высшей школы означало бы ликвидацию автономии вузов, то есть главного ценностного, мобилизирующего и интегрирующего фактора для вузов страны.

Обсуждение и принятие нового устава состоялось с 27 июня по 2 июля 1921 г. на конференции в Москве. Помня о неудачном опыте обсуждения аналогичного законопроекта летом 1918 г., Наркомпрос заранее обезопасил себя от возможного

провала. 53 % участников конференции были коммунистами [15, с. 118]. Наиболее радикальные по отношению к инициативам Наркомпроса профессора не были приглашены на конференцию. В итоге, несмотря на активные протесты части представителей университетов, новый университетский устав был принят большинством участников конференции [14, с. 431]. 19 сентября 1921 г. СНК утвердил «Положение о высших учебных заведениях», а 26 октября Главпрофобр издал циркуляр, регламентирующий реализацию нового положения [3, с. 176].

Введение нового устава было встречено в Петроградском университете крайне негативно. Вуз не мог вернуться к политике бойкота решений Наркомпроса, которая практиковалась им в конце 1917 – начале 1918 гг., так как был зависим от власти в вопросах финансирования. Отношение профессорской корпорации университета к новому уставу проявилось в череде самоотводов из кандидатов в состав правления университета. В конечном счёте это сыграло на руку Наркомпросу: в ноябре 1922 г. был утверждён окончательный вариант правления Петроградского университета, состоящий из симпатизирующих советской власти людей. На должность ректора Петроградского университета был назначен промарксистски настроенный профессор Н.С. Державин [3, с. 185]. Несмотря на формальное подчинение Наркомпросу, скрытые протестные настроения среди части профессорско-преподавательского состава Петроградского (позже Ленинградского) университета, связанные со стремлением вернуть университетскую автономию, отмечались ещё даже в 1926 г. [3, с. 198]. Данная активность имела место, по-видимому, вплоть до «Академического дела» 1929 г.

Таким образом, затянувшаяся почти на четыре года реформа высшей школы была осуществлена: руководство вузами перешло из рук профессорского совета к Наркомпросу. В саму профессорско-преподавательскую корпорацию вошли симпатизирующие советской власти люди. Постепенно стал меняться и облик студенчества: «старое» студенчество заканчивало своё обучение в вузе, а новое, пришедшее в стены высшей школы через «классовые» приёмы и рабфаки, обладало уже совершенно иным культурным кодом.

Библиографический список

1. История Ленинградского университета. Очерки / под ред. В.В. Мавродина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 663 с.
2. *Кривоноженко А.Ф.* Деятельность рабочего факультета Петроградского университета в 1919–1922 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2, История. – 2012. – № 4. – С. 166–171.
3. *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2014. – 262 с.

4. *Кривоноженко А.Ф.* Реформа гуманитарного образования в Петроградском университете в первые годы советской власти // *Carelica*. – 2015. – № 1. – С. 25–37.

5. Материалы к отчёту о работе университета за 1917–1919 годы. Сведения об учебном процессе, о положении в университете, праздновании юбилея 1819–1919 гг. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 14. – Оп. 27. – Д. 101. – Л. 87–88.

6. Народный комиссариат по просвещению. 1917–1920 (краткий отчёт). – М.: Государственное издательство, 1920. – 122 с.

7. О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных, учёных и высших учебных заведений РСФСР // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. – Вып. 1. – М.: Государственное издательство, 1919. – С. 72–73.

8. О правилах приёма в высшие учебные заведения // Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. – М.: Государственное издательство, 1919. – С. 56–57.

9. О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в Факультет

общественных наук (в части, касающейся историко-филологического факультета и факультета восточных языков. – Пг.: [б. и.], 1919. – 19 с.

10. Положение о высших учебных заведениях // Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг.: юбилейный сборник / под ред. О.Г. Аникст. – М.: Государственное издательство, 1922. – С. 66–72.

11. Проект положения о российских университетах // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 20. – Л. 1–7.

12. Протокол заседания Совета Петроградского университета 3 марта 1917 г. // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 1. – Л. 25–40.

13. Протокол экстренного заседания Совета Петроградского университета 26 ноября 1917 г. // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 1. – Л. 110–115.

14. *Стратонов В.В.* Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // Историко-астрономические исследования. – 1992. – Вып. 23. – С. 410–435.

15. *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. – М.: Высшая школа, 1988. – 256 с.

КОСТРОМИЧИ НА ОСВОЕНИИ
ЦЕЛИННО-ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ КАЗАХСТАНА (1954–1964 ГГ.):
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В настоящее время государством реализуется целевая программа по освоению территорий Дальнего Востока России, и для того, чтобы понять, как необходимо действовать в современных условиях, осваивая обширные новые территории, важно обратиться к опыту целинной кампании СССР. Многие граждане Советского Союза были отправлены по призыву партии в районы освоения целинных и залежных земель и столкнулись с различными негативными факторами, находясь в новых природно-климатических и экономических условиях. Изучение материалов периодической печати позволяет установить, насколько активно жители Костромской области принимали участие в мероприятиях, направленных на освоение целинных и залежных земель в различных районах Казахстана, выделить основные этапы отправки трудоспособных граждан на целину и охарактеризовать их, выявить особенности, связанные с проведением данной кампании на региональном уровне. Хронологические рамки данного исследования позволяют более комплексно изучить проблему, обратив особое внимание на различные изменения программы по освоению целинных и залежных земель Казахской ССР на протяжении всего периода ее действия.

Ключевые слова: освоение целинных и залежных земель, периодическая печать, костромичи, Казахстан.

В период с 23 февраля по 2 марта 1954 года под руководством первого секретаря Н.С. Хрущева состоялся пленум ЦК КПСС, на котором было принято постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» [9, с. 359]. С этого момента начинается масштабная кампания освоения обширных целинных земельных ресурсов, которые находились в Казахстане, Оренбурге, на Алтае [3, с. 5]. Данная кампания имела целью преодоление кризиса сельского хозяйства СССР в послевоенный период и введение в хозяйственный оборот неиспользованных на тот период земель [48, с. 170–173]. Стоит отметить, что Казахской ССР отводилась одна из главных ролей в решении зерновой проблемы Советского Союза. Из 42 миллионов гектар всех освоенных земель СССР свыше 25 миллионов было освоено на территории данной республики [3, с. 11]. В целинной кампании принимали участие граждане из разных регионов страны, в том числе и жители Костромской области.

Среди исторических трудов, посвященных проблеме освоения целины, стоит выделить работу Ф.К. Михайлова и И.Ш. Шамшатов [см.: 10]. В данном исследовании, включающем в себя большое количество архивных документов, отражены основные этапы освоения целинных земель Казахской ССР, дается комплексный анализ целинной кампании. Данной проблеме уделяли внимание и политические лидеры СССР. Наибольшую известность получила работа Л.И. Брежнева [2], в которой он вспоминает, как под его руководством проходила целинная кампания на территории Казахской ССР и какие проблемы при этом приходилось решать. Костромские исследователи также занимались изучением опыта целинной кампании. Можно назвать работы таких авторов, как Н.Н. Владимирский, Н.А. Верховский, А.В. Беляева и др. [1; 4; 5]. Ав-

торы дают описание целинной кампании на региональном уровне, указывая на то, что жители Костромской области принимали активное участие в освоении новых земель Казахской ССР.

Весомый вклад в освещение событий, связанных с проведением целинной кампании, внесла и периодическая печать: на союзном уровне – газета «Правда», а на местном уровне – газеты Костромской области «Северная правда» и «Молодой Ленин». Опираясь на материалы периодических изданий, можно установить, насколько активно принимали участие жители Костромской области в освоении целинных земель Казахской ССР, выделить основные этапы целинной кампании на региональном уровне, оценить вклад костромичей в развитие целинных и залежных земель Казахской ССР.

Первый этап освоения целинных земель Казахстана костромичами начинается в феврале 1954 года и заканчивается в январе 1957 года. Отправной точкой данной кампании на первом этапе явился февральско-мартовский пленум 1954 года. 24 февраля на страницах областной костромской газеты «Северная правда» появилось первое обращение ЦК КПСС и московских комсомольцев с призывом к комсомольцам, комсомолкам и молодежи Советского Союза [20] отправиться на освоение целинных и залежных земель. Эмоциональный характер призыва подчеркивал важность и необходимость данной кампании для подъема зернового хозяйства в СССР [20] в трудный период послевоенных лет.

Первыми инициативу поддержали выпускники Костромского сельскохозяйственного института в количестве 27 человек [21]. К 27 февраля, по сообщениям той же газеты, в райком ВЛКСМ поступило 50 заявлений от желающих. В их число входили: межрайонная мастерская капитального ремонта, слесари, трактористы Шунгенской ЛМС. Ещё около 100 заявлений поступило от молодежи в горком

комсомола [22]. В Судиславский райком ВЛКСМ также поступило большое количество заявлений от желающих отправиться на целину. Однако стоит заметить, что выпускники сельхозинститута изъявили желание отправиться на освоение целинных и залежных земель в Новосибирскую и Кемеровскую области, и упоминаний об отправке именно в целинные районы Казахстана в начале данной кампании не наблюдалось. Это можно объяснить тем, что костромичи мало владели информацией о далеких степях казахстанской земли. Выбор населением преимущественно регионов России подтверждается заявлениями 1955 года В.М. Милькова [8, л. 120] и других добровольцев, которые большей частью просили направить их в Алтайский край. По данным на 26 февраля, в райком комсомола города Галича поступило 26 заявлений от комсомольцев, в числе которых были два тракториста, агроном и другие работники [22]; 28 февраля изъявила желание отправиться на целинные земли костромская автоколонна № 76 [23].

Стоит обратить внимание на постепенный рост активности жителей города Костромы, и это подтверждает тот факт, что на 2 марта 1954 года в райкомы и горкомы Костромы поступило свыше 1000 заявлений от молодежи и комсомольцев и более 500 заявлений от молодежи промышленных предприятий Ленинского района [24]. Первое упоминание о костромичах-целинниках, изъявивших желание отправиться именно в целинные районы Казахской ССР, появилось на страницах изданий 3 марта 1954 года [25]. Желавшим оказался тракторист Мантуровской МТС В. Смирнов. 6 марта костромичи посредством газеты могли ознакомиться с принятым еще 2 марта 1954 года постановлением Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» [9], способствовавшим росту количества заявлений от желающих отправиться на целину. В данном документе подробно описывалась начавшаяся целинная кампания в стране. На призыв партии откликнулись трактористы Боровской МТС, Вохомской МТС, Мантуровского лесоучастка, Комсомольского леспромхоза, Межевской МТС, Якшангского леспромхоза, Антроповской МТС [26], которые заявили о своем желании отправиться на целинные работы. Данные свидетельствуют о том, что представители практически всех районов области были задействованы в отправке на целинные земли Казахстана. Отправка проходила, как правило, в торжественной обстановке, которая подчеркивала важность целинной кампании, целью которой был подъем зернового хозяйства страны: вследствие роста городского населения и заработной платы возникало несоответствие между количеством зерна, поступившего в распоряжение государства, и ростом потребностей [47].

10 марта 1954 года во Дворце пионеров г. Костромы прошел торжественный вечер, на котором состоялись проводы молодых трактористов [27]. Мероприятие открывал секретарь обкома ВЛКСМ Куликов, а 11 марта произошла первая торжественная отправка костромичей на целину. По сообщениям газеты «Северная правда», в 19 часов 40 минут со станции Кострома-Новая отправился поезд с отъезжающими на Алтай и в Казахстан комсомольцами-добровольцами. По воспоминаниям целинницы А.В. Алексеевой, поезд в Казахскую ССР проходил через Москву и уже оттуда шёл до целинных земель [19]. Сотни юношей и девушек пришли проводить своих товарищей в дальнюю дорогу [27]. Присутствие большого количества провожающих позволяло привлечь как можно больше внимания потенциальных рабочих кадров. В этой поездке принимали участие уроженцы Чухломского, Буйского, Солигаличского районов. Всего отправочная партия состояла из 130 человек [27]. Это были первые торжественные проводы целинников из Костромской области.

25 февраля 1955 года состоялась вторая торжественная отправка на целину со станции Кострома-Новая передовиков производства в количестве 40 человек [30]. На данном мероприятии состоялось выступление представителя управления сельским хозяйством Западно-Казахстанской области Черватова, который призывал отправиться трудиться именно в целинные районы Казахстана, где проходили масштабные сельскохозяйственные работы. Стоит отметить, что и в среде руководителей появилось желание принять участие в данном мероприятии. Например, инициативу поддержали: заведующая отделом культурно-массовой работы обкома профсоюзов рабочих лесной и бумажной промышленности М. Коптева, председатель строительного комитета К. Тюрин, председатель рабочего комитета сплавной конторы С. Маркин и председатель цехового комитета ткацкой фабрики льнокомбината имени В.И. Ленина А. Григорьева. Они направились в Акмолинскую область Казахской ССР [28]. Предполагалось, что они будут выполнять свои обязанности на руководящей профсоюзной работе в наиболее крупных МТС и совхозах республики [28].

Первый год освоения новых земель показал, что костромичи готовы и дальше активно продолжать целинную кампанию. Подтверждением этому служит тот факт, что уже 14 января 1955 года 1 500 молодых костромичей-добровольцев изъявили желание отправиться на целину [29]. Стоит обратить внимание на постановление январского пленума ЦК ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в выполнении постановления Пленума ЦК КПСС «Об увеличении продуктов животноводства»», в котором комсомольские организации были призваны мобилизовать всю сельскую моло-

дежь на борьбу за повышение урожайности [31]. Это означало, что юноши и девушки должны принять непосредственное участие в данной кампании. Уже в марте 1955 года небольшая группа молодежи уехала на освоение целинных земель в совхоз имени Амангельды Павлодарской области Казахской ССР [32]. Следующей группой были молодые рабочие Космынинского торфяного предприятия Нерехтского района [33]. Появились первые достижения костромичей-трактористов в работе. К примеру, В. Меглин, работник Космынинского торфяного предприятия, вспахал в совхозе имени Амангельды за 24 дня 615 гектаров, что в три раза превысило норму [34]. Данные показатели публиковались в периодических изданиях костромской прессы. Таким образом, действовала пропаганда, которая стимулировала новых добровольцев отправиться на помощь своим соотечественникам в районы освоения целинных и залежных земель.

24 июня 1956 года произошло еще одно значимое событие в целинной кампании. Центральный комитет ВЛКСМ обратился к комсомольцам, комсомолкам и ко всей советской молодежи с просьбой о помощи в деле уборки целинного урожая, для чего нужно был направить на целину 200 000 человек сроком на два месяца [35]. Это означало, что молодежь должна была выехать на сезонные работы, а по окончании уборки вновь вернуться на постоянное место жительства. На это обращение в короткие сроки ответили студенты 3 курса агрономического факультета сельхозинститута, изъявив желание отправиться в Казахстан и на Алтай [36]. Их примеру последовали студенты педагогического института [36] и более 400 студентов текстильного института [36]. В конечном итоге инициатива молодежи была поддержана: 500 молодых костромичей отправились на освоение целинных земель [37]. В торжественной обстановке состоялось вручение Красных знамен комсомольским организациям (городской и Свердловской районной), первой и второй молодежным бригадам [37]. 21 июля в 17 часов 30 минут состоялись проводы студентов сельскохозяйственного и педагогического институтов (в количестве 600 человек), направленных в Павлодарскую область в совхозы «Калининский», «Чкаловский», «Экибастузский» и другие [38]. На целину отправились зоологический и агрономический факультеты Костромского сельскохозяйственного института, для них был выделен специальный вагон [38].

Стоит отметить, что 1956 год был самым урожайным на протяжении всего периода действия целинной кампании. По итогам на октябрь 1956 года Казахская ССР сдала государству 1 миллиард 340 тысяч пудов хлеба, перевыполнив план на 402 миллиона [40]. За выдающиеся результаты указом президиума Верховного Совета Казахская ССР была награждена орденом Ленина [39]. Тре-

бовалось большое количество работников, для того чтобы вовремя убрать полученный урожай, и тем самым обезопасить его от негативных факторов природы. По итогам этой уборки была учреждена медаль «За освоение целинных земель» [39]. Ей награждались колхозники, работники совхозов, МТС, строительных и других организаций, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники за хорошую работу на освоении целинных и залежных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа [39]. Перечисленные партийные награжденные указы завершают первый этап целинной кампании, который показал активность костромичей в деле подъема зернового производства. По нашим подсчетам, за этот период поступило 3 000 заявлений от желающих отправиться на целинные земли, 1 652 человека отправились работать в различные районы Казахской ССР.

Второй этап освоения целины (в котором участвовали и костромичи) начинается с 1957 года и заканчивается в мае 1961 года. В этот период на сезонные уборочные работы целинного хлеба отправляли преимущественно студентов вузов или техникумов [11]. В июне 1957 года в газете «Северная правда» [42] и новой молодежной газете «Молодой Ленин» [11] выходит обращение ко всей молодежи страны с призывом отправиться на уборку целинного урожая. На это обращение первыми откликнулись студенты текстильного института и учащиеся Шарьинского училища механизации сельского хозяйства в количестве 300 человек [12]. Среди них были отличники учебы: начальник штаба отряда М. Кротов, Д. Попырин, Л. Потапов, В. Бугров, А. Егорычев, Г. Ельцов [12]. Этот отряд был одним из первых, кто отправился на уборку урожая в Западный Казахстан [12]. Следующими – 22 июля 1957 года – на уборку хлеба в Северо-Казахстанскую область отправились студенты третьего и четвертого курсов факультета механизации сельского хозяйства Костромского сельскохозяйственного института в количестве 170 человек [13]. Впоследствии два человека не смогли продолжить работу, а остальные 168 человек принимали активное участие в уборке урожая в Западном Казахстане [14]. В районах Западного Казахстана в совхозе «Березовский» Бурлинского района трудились 50 шарьинцев. Трактористы М. Кропотов, А. Ведерников, А. Добчин, И. Одегов перевыполнили нормы выработки [14].

Подтверждением того факта, что с 1957 года начались сезонные отправки желающих на целину, является торжественная встреча добровольцев двух институтов – текстильного и сельскохозяйственного [15]. Студенты текстильного института (31 человек) по итогам двух лет работы на целине были награждены медалью «За освоение целинных земель», многие за хороший труд получили почетные грамоты [15]. После этой поездки на

страницах газеты «Молодой Ленинец» стали публиковаться материалы воспоминаний целинников о работе в Казахстане. Так, Э. Шашков, студент педагогического института, рассказывает, что на целину отправились две группы студентов физико-математического и естественного факультетов под руководством Н.Н. Скатова¹ [16]. В 40 километрах от них трудилась костромская группа под руководством Ф.В. Цанн-кай-си² [16]. Мы также получаем сведения об условиях быта, которые поначалу были особенно трудными: студентам приходилось брать воду за несколько километров от жилья, при этом столовая работала нерегулярно, текла крыша здания, в помещении по ночам становилось холодно [16]. Со временем эти недостатки были частично устранены. Например, студенты сами закупили продукты, выбрали повара из своего коллектива [16]. Как мы видим, бытовые трудности приходилось решать самим рабочим. Целинники сообщали о том, что приходилось много работать. Так, одно из казахстанских заготовительных предприятий принимало в день по 600 машин с зерном и отгружало до 50 вагонов [16]. Нагрузка на зерноточках была значительная, вручную отгружали по 30–40 машин в день. По сообщению газеты «Северная правда», костромская бригада в колхозе «Путь к коммунизму» села Каканерки Павлодарской области переработала 50 000 центнеров зерна, заработав при этом 3 000 трудодней [45]. Один из студентов особо отмечает тот факт, что костромские работники очень ценились на целине. По воспоминаниям студента Э. Шашкова, «заведующий складом И. Банников обращался к технику с просьбой дать костромичей для работы, иногда заведующие складами даже ссорились – кому сегодня забрать нас к себе» [45]. По итогам работ директор хлебоприемного пункта произнес речь, в которой сообщалось о том, что студенты костромского пединститута показали себя сознательными и трудолюбивыми комсомольцами, выполняли честно и безупречно все поручения администрации и обеспечили тем самым бесперебойную работу пункта [45], после чего заведующий зачитал приказ о денежном награждении особо отличившихся комсомольцев.

В 1958 году также продолжилась отправка костромичей на уборочные работы. Костромской сельскохозяйственный институт готовил к отправке 200 человек [43], одновременно студенты проходили в целинных районах производственную практику. По решению членов штаба отправки целинников от сельскохозяйственного института В. Торопова³, Ю. Новикова, О. Морозовой, А. Кучина, на целину были отправлены механизаторы, 50 студентов отправились в Казахстан вторично [17]. Все студенты были направлены в Западно-Казахстанскую область. По этому случаю был организован прощальный вечер в актовом зале

сельскохозяйственного института, в торжественной обстановке были вторично вручены комсомольские путевки студентам В. Бажину, А. Смирнову, О. Лебедеву, Б. Лебедеву, Г. Доброхотовой, Э. Кондрашкиной [17]. В. Курилов вручил знамя городской комсомольской организации секретарю бюро ВЛКСМ факультета механизации О. Морозовой [17]. Стоит отметить, что многим желающим отправиться на целину было в этом отказано ввиду того, что в области не хватало квалифицированных механизаторов и простых рабочих [7, л. 3, 11, 17]. В первую очередь отправляли студентов костромских высших учебных заведений, в особенности учащихся института сельского хозяйства [6, л. 13].

На страницах газеты «Молодой Ленинец» в 1958 году появляются первые оценки вклада костромичей в освоение целинных земель Казахстана. В колхозе имени Калинина студентами сельскохозяйственного института было убрано около 13 тысяч гектаров пшеницы, а в колхозе имени Мичурина и совхозе Первомайский сданы и проданы государству сотни тысяч пудов отборного зерна. За короткий срок студенты отремонтировали 12 тракторов, 19 комбайнов, 8 лафетных жаток [44]. Немаловажно отметить, что многие были награждены медалями за освоение целины. Также Центральный комитет ЛКСМ Казахстана вручил отряду костромских студентов переходящее Красное знамя Западно-Казахстанского обкома ВЛКСМ, почетные грамоты, электрограммофон, радиолу «Аккорд». В числе награжденных была и первая трактористка, выехавшая в поле, – З. Белова [44].

Третий, завершающий, этап – это период с 1961 по 1964 годы. В 1961 году были подведены итоги целинной программы [3, с. 8.]. В это время наблюдается снижение количества отправленных на целину работников из Костромской области. В 1961 году студентки 5 курса филологического факультета педагогического института откликнулись на призыв Н.С. Хрущева о недостатке педагогических кадров на целине. Комсорг группы Л. Бабинцева, член группового бюро А. Фомичева, староста группы Г. Пухова, А. Медведева, Л. Землянская, Л. Белюсова, И. Дарова, Н. Филь, М. Иванова и другие [18] изъявили желание вместе со своими преподавателями отправиться на долгосрочную работу в качестве педагогов в целинные края. Кроме того, ими была отправлена телеграмма в Министерство высшего образования о рассмотрении просьбы 18 девушек-выпускниц, после чего поступил положительный ответ [18]. Педагогические кадры нужны были для новообразованных поселений целинных районов, в том числе и Казахстана. Как видим, костромичи принимали непосредственное участие в решении данной проблемы. Стоит отметить, что ни в одном из номеров газет «Северная правда» и «Молодой Ленинец» за 1962 год нет каких-либо упоминаний о костромичей

чах-целинниках и их отправке на целинные земли Казахстана. Только лишь в 1963 году на страницах газеты «Молодой Ленин» появляется статья с призывом ЦК ВЛКСМ к костромской молодежи отправиться на уборку целинного урожая. Также научный сотрудник Л. Гуляева обращается ко всем целинникам с просьбой сдать имеющиеся документальные материалы на постоянное хранение в областной архив [46]. Тем самым целинная кампания на страницах газеты «Молодой Ленин» возводилась в ранг исторически свершившейся.

Исходя из анализа публикаций в периодической печати Костромской области, посвященных освоению целинных и залежных земель в районах Казахстана, можно сделать следующие выводы:

1. На первом этапе освоения целинных и залежных земель (с февраля 1954 года по январь 1957 года) на постоянное место жительства было отправлено большое количество желающих. За этот период поступило около 3 000 заявлений, 1 652 человека были направлены на работы в различные районы Казахской ССР.

2. Второй этап данной кампании (с января 1957 года по май 1961 года) характеризуется изменением плана по отправке рабочей силы на целинные земли. В этот период на целину отправляли преимущественно студентов костромских институтов на сезонные уборочные работы. Ввиду нехватки в области квалифицированных рабочих кадров, многим желающим было отказано в отправке на целину, поэтому в районах освоения целинных и залежных земель Казахской ССР число работников из Костромской области резко сократилось.

3. На третьем этапе (с мая 1961 года и заканчивая 1964 годом) были подведены итоги целинной кампании на всесоюзном уровне. Тем не менее небольшое количество представителей Костромской области продолжали принимать участие в дальнейшем освоении целинных земель и укреплении полученных результатов кампании, работая в Казахской ССР.

Примечания

¹ Николай Николаевич Скатов – родился 2 мая 1931 года в Костроме; советский, российский филолог, литературовед, специалист в области истории русской литературы; доктор филологических наук, член-корреспондент РАН; почётный профессор РГПУ им. Герцена (2001).

² Фёдор Васильевич Цанн-кай-си – видный российский философ, профессор Владимирского государственного университета, доктор философских наук, народный депутат Российской Федерации (1990–1993). С 2013 – член Исполнительного комитета Российского гуманистического общества.

³ Владимир Иванович Торопов – первый секретарь Костромского обкома КПСС, в период с 1986 по 1991 годы работал председателем Костромского

областного Совета народных депутатов, являлся депутатом Верховного Совета РСФСР.

Библиографический список

1. *Беляев А.В.* Остановленные мгновения – 2. Невыдуманные рассказы. Воспоминания. – Кострома: Издательский дом «Ветлужский край», 2011. – 104 с.
2. *Брежнев Л.И.* Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана: речи и доклады. – М.: Политиздат, 1974. – 358 с.
3. Великий подвиг партии и народа, массовое освоение целинных и залежных земель: сб. документов. – М., 1979. – 420 с.
4. *Верховский Н.А.* Златополье. – Алма-Ата: Жазуши, 1957. – 128 с.
5. *Владимирский Н.Н.* Костромская область: историко-экономический очерк. – Кострома: Костромское книжное издательство, 1959. – 356 с.
6. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). – Ф. П.-1018. – Оп. 29. – Д. 31. – Л. 13.
7. ГАНИКО. – Ф. П.-1018. – Оп. 29. – Д. 31. – Л. 3, 11, 17.
8. ГАНИКО. – Ф. П.-1018. – Оп. 24. – Д. 148. – Л. 120.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1946–1955). – М., 1985. – Т. 8. – 542 с.
10. *Михайлов Ф.К., Шамиатов И.Ш.* Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане (1953–1960). – Алма-Ата: Акад. наук Казахской ССР, 1964. – 359 с.
11. Молодой Ленин. – 1957. – № 73. – 16 июня.
12. Молодой Ленин. – 1957. – № 85. – 17 июля.
13. Молодой Ленин. – 1957. – № 86. – 19 июля.
14. Молодой Ленин. – 1957. – № 108. – 8 сентября.
15. Молодой Ленин. – 1957. – № 118. – 2 октября.
16. Молодой Ленин. – 1957. – № 123. – 13 октября.
17. Молодой Ленин. – 1958. – № 87. – 18 июля.
18. Молодой Ленин. – 1961. – № 38. – 26 марта.
19. *Рыбин А.А.* Интервью А.В. Алексеевой. – Кострома, 2016. – 19 февраля.
20. Северная правда. – 1954. – № 40. – 24 февраля.
21. Северная правда. – 1954. – № 41. – 25 февраля.
22. Северная правда. – 1954. – № 42. – 27 февраля.
23. Северная правда. – 1954. – № 43. – 29 февраля.
24. Северная правда. – 1954. – № 59. – 2 марта.
25. Северная правда. – 1954. – № 45. – 3 марта.
26. Северная правда. – 1954. – № 51. – 10 марта.
27. Северная правда. – 1954. – № 52. – 12 марта.
28. Северная правда. – 1954. – № 98. – 15 мая.
29. Северная правда. – 1955. – № 9. – 14 января.
30. Северная правда. – 1955. – № 39. – 25 февраля.

31. Северная правда. – 1955. – № 40. – 26 февраля.
32. Северная правда. – 1955. – № 59. – 30 марта.
33. Северная правда. – 1955. – № 73. – 13 апреля.
34. Северная правда. – 1955. – № 221. – 7 ноября.
35. Северная правда. – 1956. – № 128. – 24 июня.
36. Северная правда. – 1956. – № 130. – 27 июня.
37. Северная правда. – 1956. – № 142. – 12 июля.
38. Северная правда. – 1956. – № 153. – 25 июля.
39. Северная правда. – 1956. – № 230. – 23 октября.
40. Северная правда. – 1956. – № 223. – 14 октября.
41. Северная правда. – 1956. – № 245. – 11 ноября.
42. Северная правда. – 1957. – № 44. – 15 июня.
43. Северная правда. – 1958. – № 99. – 26 апреля.
44. Северная правда. – 1958. – № 130. – 26 октября.
45. Северная правда. – 1958. – № 256. – 29 октября.
46. Северная правда. – 1963. – № 77. – 26 июня.
47. *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР. Т. 1. – 491 с.
48. *Шугай Л.Г.* Целинники Казахстана: к вопросу о мотивации трудовой деятельности // Вестник Оренбургского педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 170–173.

ПРОБЛЕМА «КАДРОВОГО ГОЛОДА» В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ С 1958 ПО 1988 ГГ. (по материалам Костромской епархии)

В результате хрущевского наступления на Церковь в конце 50-х гг. XX в. властью была поставлена задача ликвидации Церкви как института. Одним из решений этой задачи было создание дефицита кадров, при котором власти имели бы повод к закрытию «нерентабельных» приходов, не имеющих священников. Вопреки создавшейся обстановке и благодаря последовательно проводимой епархиальными архиереями стратегии по укреплению дисциплины и формированию кадров с ориентиром на образованных, морально безупречных и глубоко верующих священников, планы по резкому сокращению числа священнослужителей были свернуты. К 1980-м гг. был выстроен диалог с властью, заинтересованной в поддержке Церковью ее миротворческой и патриотической деятельности, что после юбилейных мероприятий, посвященных 1000-летию Крещения Руси и имевших церковно-государственный характер, позволило говорить о церковном возрождении.

Ключевые слова: Епархия, духовенство, образование, епископ, кадры, приход, община.

Постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и Постановлением ЦК КПСС от 18 февраля 1960 г. были разработаны инструкции, которые ставили задачу более тесного контакта партийных и советских органов в направлении ужесточения контроля за деятельностью духовенства. Направлением, могущим решить задачу ликвидации Церкви как института, было, по мнению партийных идеологов, создание напряженности (нехватки) в кадрах духовенства и проведение ограничительных мер по ремонту и строительству церковных зданий в церковных общинах с целью создания повода для их закрытия.

К середине 1950-х гг. кадровая проблема остро стояла в Церкви. Она была создана властями намеренно, в соответствии с идеологическими установками по искоренению «религиозных пережитков». В 1917 г. в Русской Православной Церкви (далее РПЦ) состояло 68 928 священников и диаконов, в 1946 г. – 9 254 священников и диаконов, в 1958 г. – 12 217, из них в десяти центральных областях России – 1 370 [25, с. 429–430; 19, л. 12, 73, 84–86, 142, 153]. После репрессий 1920–30-х гг. (в 1950-х гг.) основная часть дореволюционного поколения духовенства сократилось как в результате естественной убыли (умерли), либо находилось за штатом по болезни и старости. К 1960-м годам на грани закрытия было 6 епархиальных семинарий, открытых в конце 1940-х гг., что серьезно подрывало пополнение кадров духовенства. К 1964 г. в РПЦ осталось 3 семинарии и 2 академии. Кадровую проблему епископ Курский Хризостом назвал катастрофической. В его епархии без священников находилось 40 приходов [23, с. 16].

Абитуриентам, желающим поступить в семинарии, со стороны властей чинились различные препятствия. Людей с высшим образованием всеми возможными способами не допускали к посту-

плению в духовные школы. На местах проводилась работа по ограничению пополнения кадров за счет поступающих в семинарии и верующих мирян без духовного образования, кандидатов в священники. Управляющий епархией епископ Никодим (Руснак) в 1962 г. вынужден констатировать: «Самым актуальным вопросом для Епархии в настоящее время является отсутствие кадров священнослужителей; по этой причине Епархия на 1 января 1963 года имела 17 незамещенных приходов. И в течение всего года в Епархии было в среднем 14–15 вакантных приходов, а некоторые из них не имели пастыря более двух лет» [3, с. 9]. Некоторые приходы десятилетиями оставались без постоянного священника и богослужений. В конце концов они закрывались. В период хрущевского натиска на Церковь в Костромской епархии в 1960 г. было закрыто 4 прихода [19, с. 112–115], но и в относительно «благополучном» по сравнению с началом 1960-х годов 1983 г. постановлением Совета по делам религий снят с регистрации приход в с. Васильковке Парфеньевского района, находившийся в безлюдном месте (жители разъехались в города и перспективные деревни), стоявший без охраны и ремонтов более 10 лет [10, с. 3]. Проблема с наполняемостью приходов состояла еще и в том, что они располагались на территории епархии неравномерно – удаленный от промышленных центров и основных дорог северо-восток области при оттоке населения в города и укрупнении деревень в 1960-е годы обезлюдел, обезлюдели и деревенские церкви. Храмы в деревнях северо-востока области десятилетиями стояли без службы, впоследствии многие из них были закрыты. Ниже приводится таблица (табл. 1), показывающая количество действующих приходов Костромской епархии с учетом снятых с регистрации церковных общин. За основу берутся данные исторических периодов: 1958–1963 гг. – пик хрущевских гонений, 1963–1983 – брежневская стабильность, 1988 – год,

Таблица 1

Количество действующих приходов Костромской епархии в 1958–1988 гг.

Годы	1958 г.	1963 г.	1973 г.	1983 г.	1988 г.
Кол-во действующих церквей	80	72	68	64	67
Кол-во церквей без постоянного священника	3	10	13–15	9	10

обозначенный как начало взаимодействия Церкви и государства, отмеченный праздником 1000-летия Крещения Руси [1, с. 2; 4, с. 2; 7, с. 3; 10, с. 3; 13, с. 3, 12].

Из данной таблицы мы видим, что наибольшее количество храмов было закрыто в период с 1958 по 1963 гг. (период хрущевских гонений), далее идет относительная «стабильность» брежневского периода, которая постепенно идет на возвращение храмов в 1988 г.

Проблема с кадрами стояла как никогда остро, текучесть кадров была постоянна: в 1963 г. в епархию прибыли 5 человек, а покинули ее 10 человек [3, л. 4–5]. В следующем году (1964 г.) в Епархию пришли 11 священнослужителей, по различным причинам покинули ее 10 (4 было отчислено за штат, 2 выехали в другую епархию, 4 умерло), то есть фактически новые кадры едва покрыли убыль. В 1965 г. выбыло 9 священнослужителей, принято 12. В удаленные малоодоходные сельские приходы мало у кого возникало желание ехать. Причем в 1964 г. по линии Учебного комитета не пришло ни одного кандидата в священство (сказалось сокращение числа семинарий). В епархии на 1963 г. значилось 66 священнослужителей (63 священника и 3 диакона) на 77 действующих церквей (10 городских и 67 сельских). В годовых отчетах костромские епархиальные архиереи указывают, что в сельских храмах, находящихся без настоятеля, изредка совершаются богослужения

благодетельными и священниками близлежащих храмов. Такая тенденция сохранилась до 1988 года, когда Управляющий епархией вынужден констатировать, что 10 приходов постоянного священнослужителя уже не просят» [13, с. 3].

Епископ в годовом отчете в Патриархию жаловался на малочисленность священства с наличием духовного образования и преклонный возраст священства: в 1963 г. из 66 человек священнослужителей было 3 человека с высшим духовным образованием (закончили академию) и 20 человек, окончивших семинарию.

Таблицы 2 и 3 показывают постепенное повышение образовательного уровня духовенства [1, с. 3; 4, с. 4; 7, с. 5; 10, с. 5; 13, с. 14] и его омоложения [1, с. 4; 4, с. 4; 7, с. 4; 10, с. 4; 13, с. 13].

На численность кадров влияло постоянное давление партийных и государственных органов. С каждым кандидатом в священство уполномоченными организациями проводилась индивидуальная работа, направленная на то, чтобы кандидат в семинарию изменил свои намерения. А.А. Федотов в монографии по истории Церкви в период с 1943 по 2000 гг. справедливо объясняет преобладание духовенства пенсионного возраста «безопасностью» такого выбора; напротив, молодой человек с высшим образованием, решивший посвятить свою жизнь служению Богу, был вызовом советскому атеистическому государству [24, с. 120]. Упол-

Таблица 2

Образовательный уровень священнослужителей Костромской епархии

Образование/годы	1958	1963	1973	1983	1988
высшее богословское образование	3	3	15	17	18
незаконченное высшее образование	0	1	1	3	2
семинарское образование	40	20	15	12	17
неполное семинарское образование	1	11	13	14	7
среднее образование	2	2	1	1	7
неполное среднее образование	13	2	11	15	
начальное образование	28	17	11	6	6
Всего священнослужителей	86	66	67	68	72

Таблица 3

Возраст священнослужителей Костромской епархии

Возраст/годы	1.01.1958	1.01.1963	1.01.1973	1.01.1983	1.01.1988
до 40 лет	32	26	24	24	22
от 40 до 60 лет	13	14	25	41	24
от 60 до 70 лет	26	13	8	1	11
свыше 70 лет	16	17	10	2	3

номоченный по делам РПЦ по Костромской области в 1957 г. докладывал в Совет: «За истекший год со стороны бывшего епископа Сергия (Костин, управлял Костромской епархией в 1956–1959 гг.) были попытки посвятить в сан диакона галичского агронома т. Суворова, но после индивидуальной беседы в райкоме партии т. Суворов взял свое заявление обратно. Если бы запретить епископу посвящать в сан священнослужителей из других областей, то посвящение в сан людей, проживающих в области, вполне можно бы предотвратить» [16, л. 4]. Ограничен был и прием духовенства на заочный сектор обучения. Архиепископ Костромской и Галичский Кассиан (Ярославский, управлял Епархией в 1964–1988 гг.) в 1984 г. с сожалением писал Патриархии в годовом отчете о сокращении приема абитуриентов на заочный сектор обучения [10, с. 8]. Сам архиепископ Кассиан еще в бытность приходским священником, имея желание самосовершенствоваться, в 57 лет окончил Ленинградскую духовную академию. В епархии остро ощущалась нехватка образованных и молодых кадров. Епископ Костромской и Галичский Никодим (Руснак, управлял Епархией 1961–1964 гг.) писал в годовом отчете: «В нашей епархии очень мало священнослужителей с духовным образованием, и большая часть из них находится в таком престарелом возрасте, что постоянно ходатайствует об увольнении за штат. Но просьбу их удовлетворить невозможно за неимением кадров» [3, с. 10].

Уполномоченные по делам РПЦ (впоследствии по делам религий) последовательно выполняли задачу по уменьшению кадров духовенства, старались снять с регистрации авторитетных и образованных пастырей, не допустить пополнения священнических кадров в епархии за счет приезжающих из других епархий, оставить как можно большее количество приходов без священников. Так, в отчете уполномоченного по делам РПЦ по Костромской области говорится о такой мере по сокращению числа священства, как ограничение приема священников из других епархий на вакантные должности, об отказе в регистрации под любыми предложениями. К примеру, из направленных епископом Пименом (Извеков, временно управлял Костромской епархией в 1959 г.) 23 священников зарегистрировано двенадцать, одиннадцати отказано в регистрации под различными предложениями. Из подававших заявление четырех заштатных священников под благовидными предложениями не зарегистрирован ни один. Уполномоченный отмечает, что в результате контроля «больше стало поступать сигналов о нарушении законодательства о культурах, что позволило собрать достаточно материалов для снятия с регистрации и увольнения из епархии священников» [18, л. 3]. Одновременно партийными органами были приняты меры по опубликованию в печати компрометирующих материалов на свя-

щеннослужителей, что стало основанием для постановки вопроса об увольнении из епархии лиц, те или иные действия которых получили огласку. По этим причинам в 1960 г. уволено 7 священников. Подобная работа позволила в течение 1960 г. оставить без священников 10 приходов, или 13 % действующих церквей. Кроме того, расторгнуты договоры с общинами и сняты с регистрации 4 церкви, из них 2 – по причине нарушения общинами договора в связи с тем, что церковные здания были доведены до аварийного состояния, еще две были закрыты по требованию населения [18, л. 4].

Чтобы лишить священника регистрации власти, искали малейший повод для этого в проповеднической, финансовой, моральной стороне деятельности священника. Проповедническая деятельность священства тщательным образом контролировалась посредством антирелигиозных активистов. В 1962 г. был снят с регистрации и отправлен епископом за штат священник В. Степанов с формулировкой: «в связи с увлечением проповедями, в которых он касался политических вопросов, на что неоднократно жаловались представители местной гражданской власти» [3, л. 6]. На самом деле, как следует из отчета того же уполномоченного, священник Степанов в проповедях считал нужным призвать верующих к воспитанию подрастающего поколения, призывал задуматься о ответственности каждого человека за прожитую жизнь [16, л. 15]. Некоторые уполномоченные требовали приносить им проповеди для их исследования на предмет антисоветчины и использования их в целях антирелигиозной пропаганды [22, с. 37].

Несмотря на кадровый голод и неблагоприятную обстановку, костромские архиереи решали проблему кадров, укрепляли дисциплину, формируя качественный состав духовенства, что оказало существенное влияние на сохранение количества приходов и на развитие духовной жизни. В отчете уполномоченного указано, что епископ Сергей расстановку кадров духовенства производил так, чтобы «самые мощные по доходам церкви были обеспечены самыми сильными священниками, имеющими богословское образование, большой жизненный опыт и способными укреплять позиции церкви, а в малоходные, слабые приходы посылал менее подготовленных и менее авторитетных священников». Акцент в распределении священников на места и пополнении кадров духовенства епископ делал, смотря не на количественный рост кадров, а на духовно-моральный облик священника: «В этом деле епископ Сергей руководствуется принципом, что пусть будет меньше священников, но по своим качествам они будут лучше, от этого религиозное влияние не ослабнет, а только усилится, так как они сделают для церкви больше, чем морально разложившиеся священники [15, л. 6]. Именно руководствуясь соображениями качества,

он рукоположил в 1956 г. вдвое меньше священников (6 человек), чем в 1956 г. (12 человек). Особенно он уделял внимание образовательному и моральному облику кандидата в священнослужители, его поведению в быту, образованию. Своей позиции он придерживался несмотря на то, что 10 % приходов оставались без священников.

Положительный эффект от проведения такой кадровой политики не заставил себя ждать: распределение и расстановка кадров духовенства по церквям позволило Епархиальному управлению закрепить и расширить финансово-хозяйственную деятельность и, как свидетельствует уполномоченный, дало им возможность сильнее распространить влияние на верующее население или не допустить его спада. В 1955 г. из 80 церквей в области годовой доход менее 21 тыс. руб. имели 15 церквей, в 1956 г. 10 церквей, в 1957 г. 9 церквей, то есть за три года число церквей, имеющих годовой доход менее 21 тыс. руб., уменьшилось на 80 %, или на 1/3. Денежные остатки в размере менее 1000 руб. из 80 церквей в области были в 1956 г. у 13 церквей, 1957 г. - у 5 церквей, в 1958 г. - у 4 церквей, число церквей, имеющих денежный остаток менее 100 руб., за 3 года сократилось более чем в 3 раза.

Начиная с 1953 г. денежные доходы церквей ежегодно возрастали на 10–15 %, в 1957 г. увеличились по сравнению с 1954 г. на 2 289 тыс. руб., или на 43 %, а по сравнению с 1955 г. - на 1 млн 418 тыс., или на 23 %. Только в 1957 г. доходы церквей увеличились против 1956 г. на 963 тыс. руб., что в 2 раза больше, чем прибавка доходов за 1954 и 1956 гг.

Опора на образованных и авторитетных священнослужителей позволила поставить пастырскую, хозяйственную, и внутрицерковную жизнь прихода на новый уровень. Такого увеличения денежных доходов церквей в течение одного 1957 г. почти на 1 млн руб. в истории Костромской епархии за весь последний период не было [15, л. 8–12]. В последующие годы доходы также возрастали (табл. 4) [2, с. 1–6; 5, с. 1–5; 8, с. 1–6; 11, с. 1–5, 14, с. 9].

Несмотря на жесткий контроль со стороны властей, епископы обращались к духовенству с требованием неукоснительно проповедовать. Архиепископ Кассиан обращался по этому поводу к благочинным через циркуляры, поощрял внеочередными наградами наиболее радивых [12, с. 9].

Активизацию проповеднической деятельности духовенства отмечает и уполномоченный: «Выступают с проповедями каждый религиозный праздник, одни из них, имея богословское образование, сами лично составляют проповеди и систематически читают их в церкви, а другие 30 священников, не имея богословского образования, сами не могут составлять проповеди, то они зачитывают в церкви проповеди из журнала Московской Патриархии и таким путем ведут идеологическую работу среди верующих. Изучение проповеднической деятельности духовенства по области показывает, что 2–3 года назад духовенство не вело так усиленно проповедническую деятельность среди верующих. Таким образом, проповедническая деятельность духовенства по области дает свои результаты, то есть посещаемость церквей верующими не снижается, доходы церквей увеличиваются, и не уменьшается исполнение основных религиозных обрядов» [15, л. 17].

Из-за отсутствия возможностей в деле получения образования рукополагаемые епископом священнослужители постоянно вызывались им для проверки богослужебных действий и проповеднических навыков в кафедральный собор [9, с. 7], где они проходили практику и получали наставления от опытных и образованных священников. В 1970-х гг. в кафедральном соборе из 7 священнослужителей 4 были кандидатами богословия. Желавшие получить образование заочно и «ревнители веры», ведущие достойный образ жизни, поощрялись внеочередными наградами и достойными приходами. «Для противопоставления приведенным примерам, укажу на лиц, не заслуживающих награждения, даже срочных, - писал архиепископ Кассиан в 1984 г. - Есть священник, 25 лет служа - не протоиерей, за нетрезвость. Есть «академик», но не кандидат, за нежелание проповедовать, не представляется к протоиерейству 15 лет. Не подлежат награждению за распад семейной жизни...» [12, с. 9]. Из 6 благочиннических округов в 1963 г. 3 благочинных являлись кандидатами богословия, 1973 г. - 5, в 1983 г. - 3, в 1988 г. - 5. Архиепископ Кассиан писал в ежегодном отчете: «Благочиннические округа возглавляются лучшими образованными и авторитетными священнослужителями, зарекомендовавшими себя усердным служением Церкви Божией и без-

Таблица 4

Доходы Костромской епархии в 1958–1988 гг.

Годы	1958	1963	1973	1983	1988
Доходы Костромской епархии, в руб.	753 000	495 444	621 598	984 561	998 019
Расходы	31 762	324 130	463 784	762 163	888 495
Фонд мира	30 000	30 000	30 000	50 000	50 000
Пенсии священнослужителям	1 6831	14 862	15 013	12 881	9 834
Строительные и ремонтные работы	2 436	8 950	8 950	70 000	39 084

упречным поведением» [7, с. 8]. Из 4 городских приходов 3 возглавляли кандидаты богословия. В 1965 г. В возрастном отношении духовенство епархии распределялось следующим образом: до 40 лет – 26 священнослужителей, от 40 до 60 лет – 13 священнослужителей, свыше 70 лет – 17 священнослужителей [6, с. 4]. Как мы видим из данных таблицы 2, в период с 1958 по 1988 гг. образованных пастырей становится в 6 раз больше, доля людей с низшим образованием (в основном преклонного возраста) уменьшается в 4,6 раза. По свидетельству уполномоченного, «за 5 лет количество церквей, где имеются платные хоры, возросло с 49 в 1953 году до 66 в 1958 году», то есть число платных хоров увеличилось в 1,7 раза, то есть на 35 %, а расход денежных средств на содержание церковных хоров в 1957 г. стал больше, чем в 1953 г., на 149 400 руб., или на 69 % [15, л. 13].

Управляющими Епархии было найдено правильное решение кадровой проблемы. Доходы Епархии в период с 1963 по 1988 г. увеличились на 20,15 %, дефицит составил 16,35 %, что указывает на крепкое финансово-экономическое положение Церкви.

Устойчивое финансовое положение епархии дало ей возможность в начале 1980-х гг. расходовать средства на общецерковные нужды: строительство храма-памятника на Поклонной горе в г. Москве (9000 руб.), восстановление Толгского монастыря (9000 руб.) и Оптиной обители (6000 руб.), средства были направлены в фонд празднования 1000-летия Крещения Руси, в помощь пострадавшим в Армении (5000 руб.), Обществу Красного Креста (5 000 руб.) и Обществу инвалидов г. Костромы (2 000 руб.). Последнее свидетельствует о восстановлении благотворительной функции Церкви, запрещенной в 1960–70-х гг. Отдельная статья расходов, ранее, в 1960–70-х гг., невозможная – строительство храма в г. Кологриве (10 084 руб.), пособие на ремонт храма в Неве-рове (5000 руб.) [14].

Рост доходов епархии показывает, что политика на повышение образования духовенства оправдала себя, так как духовенство, воспитанное своим архиереем в патриотическом духе и любви к Родине (в этой области было возможно строить взаимоотношения с властью), активной проповеднической деятельностью, мудрым воспитанием прихожан, в том числе из числа церковных советов, сорвало попытки власти ликвидировать Церковь или загнать ее в резервацию, дало ей возможность взять курс на восстановление своих структур и развитие. Такой же курс при решении проблемы с кадрами духовенства был взят в большинстве епархий РПЦ. К примеру, можно указать на деятельность архиепископа Кирилла (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) в Смоленской и Калининградской епархиях, где он в первую

очередь стал решать кадровую проблему [21, л. 8]. В. Фуров в своем отчетном докладе указывает на необходимость разрешения этой проблемы как общецерковной [23, с. 59].

Постепенно время выдвинуло область, где Церковь и государство выявили общность интересов – поддержка внешней «миролюбивой политики» и воспитание патриотизма. Почти в каждом отчете костромской архиепископа упоминается о добровольных пожертвованиях в Фонд мира. Такая постановка вопроса помогала наладить диалог с властью, решать в том числе и кадровые вопросы. 17 октября 1980 г. по инициативе уполномоченного по делам религий по Костромской области М.В. Кузнецова (при согласовании с архиепископом Кассианом) началось патриотическое собрание духовенства и председателей церковных советов Костромской епархии. Местом заседаний был выбран зал Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, расположенного в бывшем Ипатьевском монастыре. Докладчики (уполномоченный по делам религий М.В. Кузнецов, лектор областного общества «Знание» Ю.В. Волкова, ответственный секретарь областного комитета защиты мира) выразили «благодарность архиепископу Кассиану и всем священнослужителям за активную миротворческую деятельность» [9, с. 9].

Уже в 1988 г. архиепископ Иов (Тювонюк, управлял епархией с 1988 по 1989 г.) находил, что «состав духовенства Костромской епархии по его пастырской деятельности и духовно-нравственной жизни можно считать вполне хорошим (см. табл. 2, 3). Факты недостойного поведения отдельных лиц довольно редки... продолжают заочное обучение в Семинарии, 3 в Академии» [13, с. 8–9].

В 1988 г. в Епархии открылись 3 прихода, которые были сняты с регистрации в 1940–50-е гг. В 1969 г. Воскресенская церковь с. Воскресенское Островского р-на по решению Костромского облисполкома была закрыта, в 1980 г. постановлением исполкома Костромского Совета народных депутатов открыта. То же можно сказать и в отношении Воскресенской церкви с. Нежитино Макарьевского р-на (закрыта в конце 1940 г.). За 1988 г. было открыто 3 прихода [13, с. 4].

Таким образом, постепенно Церковь выходила из определенного ей идеологическими лидерами маргинального состояния, укрепляла кадры, которые своей деятельностью утверждали авторитет Церкви, укрепляли веру в народе и подготавливали время (1990-е гг.), которое стало возможным называть «возрождением Церкви в России».

Библиографический список

1. Архив Костромского епархиального управления (далее АКЕУ). Отчет по Костромской епархии за 1958 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1959. – С. 21.

2. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1958 г. – Приложение: Приход – расход. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1959. – С. 4.
3. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1962 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1963. – С. 20.
4. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1963 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1964. – С. 22.
5. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1963 г. Приложение: Приход – расход. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1964. – 4 с.
6. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1965 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1966. – С. 22.
7. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1973 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1974. – С. 24–25.
8. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1973 г. Приложение: Приход – расход. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1974. – С. 12.
9. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1980 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1981. – С. 22.
10. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1983 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1984. – С. 21.
11. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1983 г. Приложение: Приход – расход. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1984. – С. 14.
12. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1984 г. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1989. – С. 25.
13. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1988 г. Приложение: Приход – расход. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1985. – С. 21.
14. АКЕУ. Отчет по Костромской епархии за 1988 г. Приложение: Приход – расход. [Машинопис. текст]. – Кострома, 1989. – С. 12.
15. Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). – Ф. Р-2102. – Оп. 5. – Д. 34. – Л. 38.
16. ГАКО. – Ф. Р-2102. – Оп. 5. – Д. 35. – Л. 37.
17. ГАКО. – Ф. Р-2102. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 41.
18. ГАКО. – Ф. Р-2102. – Оп. 5. – Д. 41. – Л. 36.
19. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 2. – Д. 136. – Л. 237.
20. ГАРФ. – Ф. Р-6992. – Оп. 2. – Д. 486. – Л. 216.
21. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). – Ф. 985. – Оп. 2. – Д. 74. – Л. 8.
22. *Исупов С., прот.* Жизнь вечная есть. – Киров, 2015. – 96 с.
23. Отчетный доклад зам. председателя Совета по делам религии В. Фурова членам Центрального Комитета Коммунистической Партии СССР. 1978 год. – Нью-Йорк; Монреаль: Изд.-е братства преп. Иова Почаевского., 1991. – 79 с.
24. *Федотов А.А.* Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизни, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2009. – 402 с.
25. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М: Вече., 2010. – 480 с.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В КАРЕЛИИ (1991–1993 ГГ.)

На основе неопубликованных ранее архивных и статистических данных в статье анализируется ход реформирования карельских предприятий торговли и общественного питания. Впервые подробно рассматриваются процессы коммерциализации, приватизации и освобождения торговли от государственной монополии в начале 1990-х гг. Советская система торговли была излишне централизована, что стало одной из причин кризиса на потребительском рынке. Реформирование торговой отрасли ликвидировало дефицит, однако несовершенство законодательства, крайне тяжелая экономическая ситуация и отсутствие опыта у региональных руководящих органов и коммерческой этики у населения образовало немало новых проблем, которые приходилось решать уже в ходе преобразований. К числу таких проблем можно отнести значительное увеличение продажи низкокачественной продукции, утрату прогрессивных форм торговли, незаконную торговлю без лицензии, уклонение от уплаты налогов и т. д. В работе отражены способы решения поставленных проблем, предпринимаемые карельским правительством в начале 1990-х гг. Обосновывается вывод о том, что, несмотря на все сложности, торговая отрасль быстро приспособилась к новым рыночным условиям в Карелии. Это позволило ей занять лидирующие позиции региональной экономики.

Ключевые слова: Карелия, свободная торговля, общественное питание, коммерциализация, приватизация, потребительский рынок, дефицит.

В процессе перехода на рыночные отношения сфера торговли и общественного питания претерпела существенные изменения, благодаря которым она начала демонстрировать устойчивые темпы развития. В Карелии предприятия торговли и общественного питания стали в 2010 г. лидерами по численности занятых в данной сфере по сравнению с другими видами экономической деятельности. Более 16 % населения республики работало в данной отрасли. К таким впечатляющим показателям рассматриваемая сфера пришла через трудный путь многочисленных преобразований. Ломка старой торговой системы и создание новой привела к возникновению многочисленных проблем, которые требуют комплексного изучения.

Первым шагом в реформировании сферы торговли и общественного питания стал Указ Президента РСФСР от 25.11.1991 г. «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР», который предусматривал реорганизацию государственных (муниципальных) предприятий розничной торговли и общественного питания путем выделения из их состава структурных единиц (магазинов, столовых, кафе, ресторанов и т. д.). Им предоставлялись права юридического лица. Указ не предусматривал изменения права собственности, но предприятия становились экономически самостоятельными. Для организации работы по выполнению данного указа в городах и районах Карелии были созданы комиссии, проведена подготовительная работа (разработка уставов, проведение собраний и т. д.). Из 1 325 магазинов государственной торговли подлежало коммерциализации 596 (45 %); предприятий общественного питания – 202 (67 %) [1, л. 47–51]. На базе объединения «Промтовары» началось формирование торгово-коммерческих фирм. Были ликвидированы объединения «Продтовары»,

трест ресторанов и кафе в г. Петрозаводске, а также Отдел рабочего снабжения Костомукшского горно-обогатительного комбината. В отдельных городах и районах республики произошло слияние торговых предприятий.

Определяющее воздействие на дальнейшее развитие торговли оказал Указ Президента РФ № 65 «О свободе торговли» от 29 января 1992 г., согласно которому предприятиям (независимо от формы собственности), а также гражданам разрешалось осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность, за исключением торговли товарами, реализация которых была запрещена или ограничена действующим законодательством. Для многих торговля стала основным видом трудовой деятельности. Появились оптовые, вещевые и продовольственные рынки, активное развитие получили мелкие коммерческие палатки (ларьки, «комки»), началось зарождение нового предпринимательского класса.

Свободная торговля на первом этапе приносила немало новых проблем. Существенное несоответствие товарного предложения платежеспособному спросу населения привело к свертыванию дополнительных услуг покупателям и прогрессивных методов продажи товаров. Негативно сказывалось на качестве торгового обслуживания населения нарушение ассортиментной специализации торговых предприятий, когда под видом коммерческой деятельности в продовольственных магазинах шла продажа промышленной продукции. Велась недопустимая торговля лекарственными средствами, различными алкогольными напитками сомнительного качества, косметическими товарами и товарами бытовой химии неизвестного происхождения.

Неконтролируемая свободная торговля также повышала криминогенную обстановку. Наличие в продаже большого количества спиртных

напитков приводило к массовому появлению лиц в нетрезвом состоянии и увеличению количества преступных и антиобщественных действий. Как отмечалось в докладе, предоставленном на рассмотрение Совету министров Республики Карелия «О порядке применения на территории РК Указа Президента РФ от 29 января 1992 года “О свободе торговли”», заметно снизилось качество продукции, завозимой из-за пределов республики [2, л. 231]. Реальной угрозой стал рост инфекционных заболеваний и пищевых отравлений. При этом государственные санитарно-эпидемиологическая и ветеринарно-санитарная службы республики в условиях общественного беспорядка, характерного для мест свободной торговли, и отсутствия действенной поддержки органов милиции фактически были лишены возможности выполнения своих контрольных и предупредительных функций.

Для наведения порядка на торговых площадях Совет министров Республики Карелия принял ряд мер. Во-первых, мэриям городов и районов республики, Карельскому центру санитарно-эпидемиологического надзора, государственной ветеринарной инспекции, Министерству сельского хозяйства Республики Карелия поручалось: обеспечить проведение обязательной гигиенической и ветеринарной регистрации и лицензирования всех предприятий, занятых закупкой, производством и реализацией продуктов питания; определить порядок и условия продажи особо скоропортящихся продуктов; разрешать продажу продуктов питания только после предварительной ветеринарно-санитарной экспертизы.

Во-вторых, были утверждены рекомендации по разработке санитарных правил торговли пищевыми продуктами в населенных пунктах [2, л. 234]. Документ устанавливал обязательные для исполнения правила торговли, список органов, отвечающих за контроль и надзор, определял лаборатории для проведения необходимых исследований в спорных случаях.

В-третьих, в марте 1992 г. было организовано Карельское республиканское управление государственной инспекции по качеству товаров, в составе которого были отделы по контролю за соблюдением законодательства, регулирующего торговлю, и по контролю за качеством товаров народного потребления [2, л. 94].

В-четвертых, продажа алкоголя была разрешена любым предприятиям и гражданам, но только при наличии специального разрешения (лицензии), выдаваемой органами местной исполнительной власти (мэрии городов и районов), и документа, содержащего сведения об изготовителе этой продукции [3, л. 103–104].

Кроме борьбы с некачественным товаром, предстояло решить проблему налогообложения. По данным Государственной налоговой инспекции, на ав-

густ 1992 г. около 70 % предпринимателей Карелии занимались торговой и посреднической деятельностью. В 1992 г. проверки, проводимые налоговыми органами совместно с органами МВД республики, постоянно устанавливали массовые случаи предпринимательской деятельности, осуществляемой гражданами без регистрации в районной или городской администрации. Незарегистрированным предпринимателям мэрии выдавали разрешительные документы на право продажи вино-водочных изделий [4, л. 119–122]. При этом не только предприниматели, но и работники мэрий допускали ошибочное толкование Указа Президента РФ «О свободе торговли» как отменяющего обязательную регистрацию предпринимательской деятельности, предусмотренную законами РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и «О регистрационном сборе с физических лиц».

Важнейшим требованием Закона РСФСР «О регистрационном сборе» являлся 15-дневный срок рассмотрения заявлений граждан о регистрации предпринимательской деятельности. Однако администрациями городов и районов этот срок нередко нарушался. Это приводило к тому, что доходы граждан не учитывались. Кроме того, местные администрации Петрозаводска, Кондопоги, Сегежи, Суоярви регистрировали предпринимательскую деятельность граждан, не проживающих на территории этих городов, и тем самым создавали дополнительные трудности налоговым органам по контролю за получаемыми ими доходами, а гражданам создавали дополнительные возможности по сокрытию доходов.

Подобные проблемы возникали не только в Карелии, они были типичны для всей России. В целях устранения недостатков в организации свободной торговли 31 августа 1992 г. Правительство Российской Федерации выпустило постановление «О дополнительных мерах по устранению недостатков в организации свободной торговли». Постановление предусматривало порядок реализации скоропортящихся продуктов, организацию деятельности по сбору налогов с доходов, координацию государственных органов, ответственных за сферу торговли и общественного питания, принятие дополнительных мер по обеспечению охраны общественного порядка в местах осуществления свободной торговли.

В феврале 1992 года был принят Закон РФ «О защите прав потребителей», который предусматривал создание при местной администрации органов по защите прав потребителей. Созданные органы подчинялись и координировали свою работу с подразделениями местной администрации, а также с территориальными органами Госстандарта России, Госкомсанэпиднадзора России. Помимо специальных органов при администрации создавались общественные организации потреби-

телей. Они имели право участвовать в разработке требований к качеству и безопасности товаров, проводить независимую экспертизу, совместно с соответствующими государственными органами участвовать в осуществлении контроля за применением регулируемых цен, проверять соблюдение прав потребителей, а также правил торгового, бытового и иных видов обслуживания [7, л. 250].

По данным Государственного комитета Республики Карелия по экономике, к марту 1993 г. были созданы отделы по защите прав потребителей в городах Петрозаводске, Сегеже, Пряжинском районе, введена в штатное расписание должность специалиста с соответствующими функциями в г. Кондопога. В остальных городах и районах эти функции были возложены на комиссии по защите прав потребителей при мэриях [10, л. 20]. В феврале 1993 г. при Карельском территориальном антимонопольном управлении был сформирован совет по делам потребителей, основной целью которого являлась координация работы органов государственного управления, осуществляющих контроль за безопасностью товаров (работ, услуг), обеспечение общественной защиты прав и законных интересов граждан [10, л. 21]. В совет входили представители антимонопольного управления, республиканского центра госэпиднадзора, карельского управления госторгинспекции. Заседания совета проводились при участии специалистов прокуратуры, министерства внутренних дел, таможни. Помимо создания органов по защите прав потребителей, предусматривалось поэтапное введение обязательной сертификации товаров. Для этих целей в октябре 1992 г. был организован Карельский центр стандартизации и метрологии [5, л. 105–106].

Одним из главных процессов в реформировании торговой системы стал процесс смены собственника. В 1992 г. начался первый (малый) этап приватизации в Карелии. Правовой основой преобразования собственности путем приватизации явился Закон от 03.07.1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» и Закон от 05.06.1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР». Закон определял требования к государственным программам приватизации, функции государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом как организатора приватизации и Российского фонда федерального имущества как продавца приватизируемых федеральных объектов. Приватизацию имущества, находящегося в собственности республики, организовывали комитеты по управлению имуществом, входящие в состав соответствующих органов государственного управления и местной администрации. Продажу республиканского имущества осуществляли соответствующие

фонды имущества и назначенные ими представители. Второй раздел закона определял порядок и способы приватизации. Заключительный раздел раскрывал дополнительные, но не менее важные вопросы: оформление сделок приватизации, обязанности продавца и покупателя, государственные гарантии прав участников приватизации, недействительность сделок приватизации, ответственность за нарушение закона.

Цели, классификация объектов по возможности их приватизации, задания, условия, способы приватизации на конкретный год определялись государственными программами. В 1992 г. основополагающим документом стала Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год от 11.06.1992 г. Отдельные положения закона конкретизировались различными указами Президента РФ. Законодательство Республики Карелия о приватизации состояло из закона от 21.10.1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РК» [12, с. 100–120], постановления о порядке введения в действие закона о приватизации государственных и муниципальных предприятий в Республике Карелия [12, с. 121–122], республиканской программой приватизации государственных и муниципальных предприятий в республике Карелия на 1992 г. (действие программы было пролонгировано на 1993 г.) и многочисленных дополнительных постановлений, распоряжений и других нормативно-правовых актов. В программе одна из целей предполагала «облегчение перехода к свободным ценам путем ускорения приватизации предприятий торговли и сферы услуг».

1992 г. по объему и характеру проведенных реформ стал определяющим для новой системы торговли. Однако статистические данные показывали неутешительные результаты. Всего за этот год в Республике Карелия было приватизировано 75 предприятий розничной торговли и 20 предприятий общественного питания [8, л. 103]. Розничный товарооборот за 1992 г. составил 34 млрд рублей, что почти в 10 раз больше, чем год назад, хотя товаров в физической массе население приобрело на 40,5 % меньше, чем за соответствующий период прошлого года [14, с. 134]. Рост товарооборота в действующих ценах был получен только за счет ценового фактора. Исходя из ограниченного круга предприятий торговли, отчитывающихся перед органами статистики, в общем объеме розничного товарооборота доля покупок продуктов питания составила 62 % (против 52,5 % за 9 месяцев 1991 г.). При этом за 9 месяцев население приобрело меньше продуктов, чем за этот же период прошлого года: мяса, рыбы, масла животного, сахара, чая в натуральном выражении – в 2–3 раза; колбасных изделий, сельди, консервов рыбных,

сыра, кондитерских изделий – в 1,5–2 раза; консервов мясных, маргариновой продукции, яиц – на 30–40 % [6, л. 122–123]. Снижение товарооборота в сопоставимых ценах, высокие цены на товары, недостаток собственных оборотных средств, ограничение кредитных ресурсов или получение их под высокие проценты привели к тому, что, получив максимальную самостоятельность, предприятия торговли оказались в крайне тяжелом финансовом положении.

Развитие торговли в 1993 г. проходило в условиях обострения общей экономической ситуации и значительных структурных изменений отрасли. Положение на потребительском рынке оставалось сложным. Проведенная в республике коммерциализация предприятий розничной торговли и общественного питания, ликвидация торгов и трестов; начатая приватизация отрасли пока не привела к должным результатам. Однако количественные показатели приватизированных объектов в торговле и общественном питании в сравнении с другими отраслями экономики впечатляли. Процесс смены собственника шел активно, особенно в Петрозаводске, Сортавале, Костомукше, Кеми. В то же время в Олонецком, Прионежском районах за весь 1993 г. не оказалось ни одного приватизированного предприятия торговли [11, с. 76].

Причины, объясняющие такой рост приватизированных предприятий торговли и общепита, таковы:

- высокий уровень доходности торгово-посреднической деятельности и быстрый оборот капитала;
- отсутствие у населения достаточного стартового капитала на долговременные инвестиции в производство;
- нестабильность законодательства и политической обстановки;
- отсутствие у коммерсантов производственного опыта.

Торговля и общепит оказались самой привлекательной сферой для частной инициативы. Согласно данным, приведенным в таблице [13, с. 2], в 1993 г. количество частных в общей доле товарооборота достигло 34 % (табл. 1).

При этом данная статистика товарооборота велась только по официально зарегистрированным предприятиям. «Теневики», «челноки», обычные граждане, которые вели торговлю «из-под полы», официальной статистикой не учитывались. Ста-

тистика отмечает также резкое снижение доли потребительской кооперации. Если в 1990 г. она составляла 18 %, в 1992 г. – 12 %, то в 1993 г. – всего 7 %. При этом снижался удельный вес товарооборота потребкооперации в районах республики, особенно в Лахденпохском, Медвежьегорском, Олонецком, Прионежском, Пряжинском, в то же время в г. Петрозаводске он увеличился почти в 2 раза [11, л. 75].

Приватизация сферы торговли и общественного питания образовала новый круг проблем. Прежде всего это касалось оптового звена. Первоочередная приватизация крупных оптовых предприятий, находившихся в федеральной собственности, разрушила сложившуюся систему товарообмена. Оптовые предприятия сворачивали деятельность, уклонялись от поставок товаров по районам республики, занимались распродажей товаров через собственную розничную сеть.

В деятельности небольших предприятий также возникли серьезные хозяйственные трудности, связанные с изысканием и поступлением товарной массы, транспортом, налаживанием связей с поставщиками, недостатком финансовых средств. Согласно расчетам, на 1 июня 1993 г. недостаток собственных оборотных средств только у предприятий розничной торговли составлял около 20 млрд рублей, у оптовых предприятий – 15 млрд рублей [19, л. 125]. Тяжелое финансовое положение вызывало потребность в дополнительных кредитных ресурсах, которые были ограничены. Существенно уменьшилось поступление в торговлю нового оборудования при большой степени изношенности старого, что усугубляло положение с техническим оснащением. Неплатежи торговых организаций приводили к тяжелому финансовому состоянию предприятий перерабатывающей промышленности и совхозов республики [11, л. 65–66].

Но не все торговые организации и предприятия общепита находились в бедственном положении. Несмотря на экономические и финансовые трудности, ряд предприятий, перейдя к новым формам хозяйствования, добились определенных позитивных результатов. Госкомсобственности Республики Карелия отмечал такие положительные тенденции, как рост товарооборота, расширение и обновление товарного ассортимента. Самостоя-

Таблица 1

Структура товарооборота Карелии по формам собственности

Удельный вес	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.
государственной торговли	82	82	79	45
кооперативной	18	18	12	7
частной			7	34
прочей				6
совместной			2	8

тельность в хозяйственной деятельности подняла на новый уровень коммерческую работу. Предприниматели быстрее искали поставщиков. Шире стали применяться активные формы обслуживания покупателей: выставки-продажи, выездная торговля, аукционы и др. Благодаря смене формы собственности предприниматели получили возможность укрепить материально-техническую базу магазинов. Руководители меняли интерьер помещений для более удобного и быстрого обслуживания покупателей и лучшей организации труда работников. Заработная плата ежеквартально пересматривалась, что являлось стимулом и залогом прямой заинтересованности работников в успехах своего предприятия [9, с. 57–58].

Однако в целом такие положительные тенденции были скорее исключением из правила. Процесс приватизации не привел пока к повышению культуры обслуживания покупателей, практически была уничтожена система самообслуживания. В большинстве магазинов не производилась подготовка товаров к продаже. Покупатели тратили много времени на стояние в очередях. В магазинах увеличилась доля импортных товаров не первой необходимости, которые вытесняли товары повседневного спроса, что приводило к ущемлению интересов покупателей различных социальных групп. Много проблем было с продажей сложнobyтовой техники. Магазины в нарушение Закона о защите прав потребителей продавали холодильники, теле-радиоаппаратуру и другие товары без гарантии или произвольно сокращали ее сроки, отказывались принимать обратно проданные бракованные изделия. За 1993 г. Карельским управлением госторгинспекции было проведено более 1 тысячи проверок, в 782 случаях (78 %) были обнаружены нарушения правил торговли и Закона о защите прав потребителей при продаже некачественных товаров. В результате с предприятий взыскали штрафные санкции в объеме 26,2 млн рублей [11, л. 76].

1993 г. характеризовался дальнейшим приростом розничного товарооборота за счет роста цен. При этом продажа товаров в физической массе осталась на уровне 1992 г., а в Пудожском районе она сократилась на 43 %, в Муезерском – на 35 %, в г. Питкяранта – на 33 %. Такое положение свидетельствовало о том, что коммерческие структуры вели свою деятельность в основном в городах и районных центрах. Если в городах наблюдалось относительное изобилие товаров, то в отдаленных населенных пунктах отсутствовали в продаже товары первой необходимости, такие как соль, спички, крупы, хлеб, картофель и т. д.

Экономические реформы привели к серьезной перестройке в сфере торговли и общественного питания. Демонполизация государственной торговли, приватизация и образование нового предпринимательского класса дали возможности развиваться новым формам организации потребительского рынка. Первые годы реформирования были самыми тяжелыми. Свободная торговля привела к практически бесконтрольному товарообороту некачественной импортной продукции, развитию теневого сектора экономики. Реформирование отрасли разрушило оптовую систему торговли. Увеличилась продажа через новые посреднические каналы, где товары многократно перераспределялись в интересах перекупщиков. Несовершенство законодательства и некомпетентность государственных органов позволили недобросовестным гражданам торговать нелегально, без уплаты налогов. Однако не стоит отрицать тот факт, что сложившаяся кризисная ситуация на потребительском рынке Карелии, связанная с необходимостью ликвидировать товарный дефицит, дала толчок для развития товаропроводящей инфраструктуры. Новый предпринимательский класс, ориентируясь на потребности населения, лучше освоился в новых рыночных условиях, так как торговые предприятия быстрее реагировали на изменения спроса и предложения и не требовали больших затрат для их создания и развития. Результаты приватизации и ежегодный прирост товарооборота позволили торговой отрасли занять лидирующие позиции в экономической структуре Карелии.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5314.
2. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5315.
3. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5317.
4. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5320.
5. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5322.
6. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5368.
7. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5381.
8. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5505.
9. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5507.
10. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5534.
11. НАРК. – Ф. 690. – Оп. 11. – Д. 5625.
12. Сборник законов Республики Карелия. – Петрозаводск: Издание Верховного совета Республики Карелия, 1992. – 253 с.
13. Торговля Республики Карелия в 199–1993 гг. – Петрозаводск: Карелстат, 1993–1994. – 71 с.
14. Экономические реформы в Республике Карелия: Состояние. Последствия. Перспективы. – Петрозаводск: Фолиум, 1997. – 203 с.

РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НАКАНУНЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА (1998–2013 ГГ.)

В статье рассматривается проблема правового регулирования иммиграционной политики ФРГ – изменения в немецком законодательстве, обусловленные спецификой миграционных потоков, потребностями развития страны и процессами евроинтеграции. В работе приводится дополненная автором периодизация послевоенной миграционной политики федерального правительства Германии. Основное внимание уделяется развитию немецкого законодательства на протяжении предкризисного этапа этой политики 1998–2013 гг. Проанализированы поправки, внесенные в Основной Закон ФРГ, дополнившие принцип получения гражданства «право крови» «правом почвы», а также несколько облегчившие процедуру натурализации. Рассматривается принципиально новый для Германии закон «Об иммиграции», а также внесенные в него поправки. Показана зависимость правового регулирования миграции от потребностей постиндустриальной экономики начала 2000-х гг.: происходит отмена введенного ранее запрета на трудовую миграцию в условиях недостатка высококвалифицированных специалистов. Проанализированы общеевропейские иммиграционные инициативы – введение в действие программы «Blue Card» («Голубая карта»), проведено ее сравнение с программой «Green Card» («Зеленая карта»), сделаны выводы об их результативности (с опорой на статистику). Автор статьи приходит к выводу, что миграционная политика была значительно либерализована, однако плохо адаптирована к возникновению кризисных ситуаций.

Ключевые слова: Германия, законодательство, иммиграция, гражданство, «Green Card», «Blue Card», евроинтеграция, миграционные потоки, иностранцы.

Одним из важнейших аспектов общественно-политического развития нашего времени является миграция и связанные с ней проблемы. Не стала исключением в этой связи и Германия. В начале XXI в. с новой силой разгорелись дискуссии относительно перспектив и эффективности немецкой иммиграционной политики. Этому немало способствовал начавшийся в 2013 г. общеевропейский миграционный кризис. Различные аспекты немецкой миграционной политики стали предметом многих научных исследований.

Современный исследователь И.А. Скорняков [5, с. 124], развивая периодизацию И.Н. Молодиковой [6], в послевоенной истории Германии выделяет пять этапов развития иммиграционной политики.

1. 1955–1973 гг.: начало притока иностранных граждан в Германию путем рекрутирования рабочей силы из-за рубежа.

2. 1973–1980 гг.: свертывание программы рекрутирования, возникновение необходимости проведения мер по интеграции иммигрантов в немецкое общество.

3. 1981–1990 гг.: переориентация миграционной политики на сокращение количества иммигрантов в стране, развитие программ поддержки добровольной репатриации иностранных граждан.

4. 1991–1998 гг.: начало формирования миграционной политики объединенной Германии, попытки реализации интеграционной политики в контексте мультикультурализма, окончательное осознание того факта, что Германия является страной иммиграции.

5. 1998–2013 гг.: официальное признание ФРГ страной иммиграции, отказ от прежнего «права крови» и конституционного закрепления «права почвы», а также пересмотр концепции интеграционной политики в отношении иммигрантов.

На наш взгляд, пятый этап иммиграционной политики Германии завершился с началом миграционного кризиса 2013 г., и целесообразно говорить о начале шестого этапа. Для правильного понимания причин и сущности этого кризиса и проводимых правительством ФРГ мероприятий необходимо определить, каким было правовое положение иностранцев и каким набором правовых средств располагали немецкие власти к этому времени, в связи с чем в данной работе рассмотрены изменения в правовом регулировании миграционных процессов на пятом этапе.

Начало пятого этапа связано с приходом к власти в 1998 г. коалиции СДПГ – «Зеленые» во главе с Г. Шредером, которая значительно либерализовала законодательное регулирование вопросов гражданства и иммиграции. В 1999 г. были приняты нормы, кардинально реформировавшие процесс предоставления гражданства (закон «О гражданстве и о правах иностранцев»).

Еще в 1913 г. в Германской империи был принят Закон о гражданстве, который ориентировался на принцип происхождения. Положения этого закона были инкорпорированы в текст Конституции 1949 г. Согласно ст. 116 Основного Закона немцем считается лицо, имеющее немецкое гражданство, беженец или высланное лицо из числа этнических немцев, а также их супруги и потомки, которые проживали на территории немецкого Рейха (по состоянию его границ на 31 декабря 1937 г.) [13]. Таким образом, в основе немецкой политики в вопросах о гражданстве было положено «право крови». Это существенно отличало ФРГ от «классической страны иммиграции» США и ряда стран Европейского союза (в частности, Великобритании и Франции), где действует территориальный «принцип гражданства» (или «право почвы»), согласно кото-

рому тот, кто родился в стране, считается ее гражданином.

Суть реформы, проведенной в конце 1990-х гг., заключалась во внесении поправок в Конституцию ФРГ, регламентирующих принятие германского гражданства. Благодаря этой реформе принцип наследования гражданства по «праву крови» стал уступать место «праву почвы» [13]. Согласно новому закону, дети иностранных граждан, родившиеся в Германии, могут получить германское гражданство в том случае, если как минимум один из родителей в течение 8 лет проживал в Германии и на момент рождения ребенка на законном основании пребывал в стране. Кроме того, был уменьшен срок натурализации с 15 до 8 лет. Таким образом, получение гражданства для иностранцев было облегчено [12].

Следующим значительным шагом в иммиграционной политике ФРГ стало принятие 1 июля 2004 г. Закона «О контроле и ограничении иммиграции и о регулировании пребывания и интеграции граждан Европейского союза и иностранцев» (или закон «Об иммиграции»), который вступил в силу с 1 января 2005 г. [9].

Новый закон ввел два вида на жительство: 1) временный вид на жительство; 2) постоянный (бессрочный) вид на жительство [7]. Закон улучшил положение лиц, окончивших немецкие вузы. Теперь можно было остаться в стране на один год после получения диплома для поиска работы. В законе появились абсолютно новые нормы, регулирующие бизнес-иммиграцию. Предприниматели получают вид на жительство, если Германия видит в этом свой экономический интерес, и они имеют финансовое подкрепление проекта собственного дела в стране. Бизнесмен, в свою очередь, должен вложить в экономику Германии минимум 1 млн евро и создать не менее 10 рабочих мест. В сфере обеспечения безопасности в закон внесен перечень лиц, которым может быть отказано во въезде в страну: лица, наносящие ущерб общественному порядку и безопасности; лица, совершившие военные преступления; лидеры запрещенных организаций; лица, подозреваемые в террористической деятельности; лица, проповедующие в Германии идеи расовой или религиозной нетерпимости. Официальное закрепление получила интеграционная политика. Основным инструментом интеграции и успешной натурализации становится обязательное прохождение языковых и интеграционных курсов [7]. Этот закон структурировал и обобщил разрозненную законодательную базу в отношении иммигрантов, принятую ранее. Основным итогом его принятия стало официальное признание федеральным правительством, что Германия является «иммиграционной страной».

28 августа 2007 г. вступили в силу поправки к закону «Об иммиграции» 2004 г. [4]. В области

бизнес-иммиграции был снижен размер допустимых инвестиций (до 500 тыс. евро), а также число новых рабочих мест (до 5). По истечении 3 лет успешной предпринимательской деятельности лицо может претендовать на бессрочный вид на жительство. Параллельно прописано наложение финансовых санкций в отношении иммигрантов, получающих социальную помощь, но при этом не желающих интегрироваться. Продолжилось ужесточение миграции по линии воссоединения семьи.

Отдельно следует коснуться тех изменений, которые произошли в начале нового тысячелетия в области регулирования интеллектуальной миграции. Этот процесс начался в 2000 г. после введения в действие программы «Green Card» и прошел несколько этапов: 1-й этап (2000–2004 гг.) связан с действием программы «Green Card»; 2-й этап (2005–2012 гг.) характеризуется отменой вышеуказанной программы после вступления в силу закона «Об иммиграции», в котором содержатся нормы, регулирующие трудовую иммиграцию; 3-й этап (2012–2013 гг.) связан с введением на наднациональном уровне в рамках Европейского союза программы «Blue Card».

К концу 1990-х гг. в ФРГ значительно вырос сектор экономики, связанный с информационными технологиями, что привело к росту спроса на услуги специалистов, задействованных в этой сфере. Согласно данным И.А. Алешковского, свободными оставались около полумиллиона вакансий [1]. Система высшего образования Германии удовлетворить эту потребность была не в состоянии. Оставался только один выход – приглашение иностранных специалистов, чему препятствовало действовавшее на тот момент законодательство. В феврале 2000 г. федеральный канцлер ФРГ Г. Шредер предложил решить проблему путем введения программы «Green Card für IT-Fachkräfte». В течение нескольких месяцев были приняты два постановления правительства, которые заложили правовые основы реализации программы: «Постановление о разрешении на работу для высококвалифицированных иностранных работников в области информационных технологий» и «Постановление о разрешениях на жительство для высококвалифицированных иностранных работников в области информационных и телекоммуникационных технологий» [1].

С 1 августа 2000 г. программа «Green Card» начала действовать. Основной целью проводимых мероприятий правительства стало привлечение в Германию IT-специалистов из государств, не входящих в ЕС. Важным условием участия в программе стало наличие у претендента высшего образования по специальности «Информационные и телекоммуникационные технологии» (или высокая квалификация в данной области, подтвержденная контрактом с немецким работодателем на

сумму 51 тыс. евро в год). Кроме того, программа предусматривала выдачу «зеленой карты» иностранным выпускникам немецких вузов по данной специальности. Отбор претендентов осуществлялся в соответствии со специально разработанной балльной системой оценки характеристик мигрантов. Следует отметить, что прием на работу иностранного специалиста мог быть осуществлен только при отсутствии претендентов на рабочее место среди немцев [11].

Первоначально планировалось, что программа будет действовать до 31 июля 2003 г. и будет выдано 10 тыс. «зеленых карт». Однако сложности с принятием закона «Об иммиграции» заставили правительство продлить действие программы до 31 декабря 2004 г. и увеличить квоту до 20 тыс. В целом современными исследователями программа оценивается положительно [1].

С 1 января 2005 г. вместо программы начали действовать нормы закона «Об иммиграции», которые помимо прочего регламентировали положение высококвалифицированных специалистов. Теперь к данной категории лиц относятся не только IT-специалисты. Согласно немецкому законодательству, к этой группе относят ученых, преподавателей (профессоров) и научных сотрудников, занимающих высокую должность, специалистов и менеджеров руководящего звена. Важным изменением стало предоставление высококвалифицированным специалистам бессрочного вида на жительство сразу по прибытии в Германию при соблюдении условий: наличие конкретного предложения со стороны работодателя, гарантия со стороны иностранного наемного работника самостоятельного обеспечения жизненного существования без помощи государства и отсутствие претендентов на рабочее место в ФРГ. Иными словами, ФРГ пошла по пути расширения интеллектуальной миграции, значительно увеличив возможности для данной категории лиц [8].

Однако процесс, направленный на смягчение условий въезда в Германию высококвалифицированных специалистов, с принятием этого закона не завершился. В 2009 г. на уровне ЕС было принято решение о введении «голубой карты». Затем последовало включение этих норм в национальное законодательство Германии. 27 апреля 2012 г. бундестаг утвердил поправки в закон о пребывании, в который был внесен § 19a, регулирующий порядок выдачи «голубых карт» в ФРГ [8]. Эти изменения вступили в силу 1 августа 2012 г.

Согласно этому параграфу, претендент на получение «голубой карты» должен иметь высшее образование. Это условие может быть заменено пятилетним стажем работы по специальности, требующей высшего образования. Важным нововведением стала отмена обязанности работодателя перед приглашением иностранца искать на

имеющуюся вакансию немецкого специалиста. Иными словами, высококвалифицированные иностранные специалисты теперь на равных стали конкурировать с местными кадрами. Произошло снижение минимальной заработной платы, необходимой для получения рабочей визы. По общему правилу эта сумма составляет 44 800 евро в год (ранее – 60 000 евро в год), а в виде исключения для учёных, врачей, математиков, инженеров и IT-специалистов – 34 944 евро в год [2, с. 232].

«Голубая карта» выдаётся на срок до четырёх лет. Первые два года по этой визе можно работать только на одного работодателя, а при его смене придётся получать новую карту. Если иностранный специалист без перерыва работает по контракту в течение 33 месяцев, то он может получить бессрочный вид на жительство. Этот срок сокращается до 21 месяца для лиц, предъявивших сертификат о знании немецкого. Кроме того, в интересах высококвалифицированных специалистов облегчен въезд членов их семей (не требуется знание языка, разрешение на работу для супругов).

Таким образом, за последние 13 лет подход к интеллектуальной миграции в значительной степени подвергся либерализации. Однако, несмотря на это, приток высококвалифицированных специалистов был не очень интенсивен. К 30 июня 2013 г. «голубую карту» получили 8 879 человек, но только 2 536 человек въехали в ФРГ, остальные же получили ее вместо другого разрешения на пребывание [15].

Подводя итог, необходимо отметить, что период с 1998 по 2013 гг. стал временем коренного изменения немецкой иммиграционной политики. Был достигнут консенсус в вопросе о необходимости стимулирования со стороны государства процессов интеграции. В то же время законодательная база была переориентирована на приём высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. Определённым достижением правительства ФРГ можно считать принятие основополагающих нормативно-правовых актов в области регулирования иммиграционных процессов, которые позволили дополнить «право крови» при определении оснований для предоставления гражданства «правом почвы» и признать Германию страной иммиграции. Вместе с этим следует отметить, что до 2013 г. миграционная политика правительства ФРГ развивалась исходя из своей внутренней логики, а переход к следующему этапу был спровоцирован внешнеполитическими факторами. Последовавшие события показали, что немецкое миграционное законодательство плохо приспособлено к условиям кризиса.

Библиографический список

1. *Алешковский И.* Иммиграционная политика и экономическое развитие стран, принимающих мигрантов (на примере действия программы «Зе-

ленная карта» в Германии) // Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентьевские чтения: сб. докладов. – М.: МАКС Пресс, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit04.php> (дата обращения: 25.12.2015).

2. *Большова Н.Н.* Политика регулирования интеллектуальной миграции в современной Германии // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6. – С. 226–237.

3. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Документы Европейского союза. Т. 1. – М., 1994. – С. 48–51.

4. *Жолквер Н.* Новый закон ФРГ об иммиграции обрадует не всех иностранцев // Deutsche Welle: онлайн-издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,2608991,00.html> (дата обращения: 24.12.2015).

5. *Скорняков И.А.* Иммиграционная политика Германии: сущность и динамика: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Чита, 2011. – 206 с.

6. *Молодикова И.Н.* Основные этапы и методы регулирования трудовой миграции в западноевропейских странах // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – М., 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0121/analit02.php> (дата обращения: 24.12.2015).

7. Новый закон об иммиграции: кого хотят видеть в Германии? // Deutsche Welle: онлайн-издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,1262853,00.html> (дата обращения: 17.12.2015).

8. Das Gesetz über die Einreise und den Aufenthalt von Ausländern im Bundesgebiet II // Ворота в Германию: интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vorota.de/WEB023.AxCMS> (дата обращения: 17.12.2015).

9. Das Staatsangehörigkeitsrecht II Bundesregierung der BRD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/BeauftragtefuerIntegration/Staatsangehoerigkeitsrecht/staatsangehoerigkeitsrecht.html> (дата обращения: 24.12.2015).

10. Das Zuwanderungsrecht II Bundesregierung der BRD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/E/Bundesregiemng/BeaunragtefuerIntegration/Zuwanderungsrecht/zuwanderungsrecht.html> (дата обращения: 24.12.2015).

11. Die Welt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.welt.de/print/welt_kompakt/debatte/article118578916/Seid-umarmt-ihr-Talente.html (дата обращения: 24.12.2015).

12. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_19a.html (дата обращения: 17.12.2015).

13. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bundestag.de/bundestag/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgeset> (дата обращения: 23.12.2015).

14. *Gutmann R.* 40 Jahre Ausländerrecht für Türken in Deutschland II Institut für Türkisch-Europäische Studien [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ites-europa.org/Gutmann.pdf> (дата обращения: 25.12.2015).

15. Zuwanderung gestalten – Integration für Srdern. Bericht der Unabhängigen Kommission «Zuwanderung». Berlin – 4. Mi 2001 // Bundesministerium des Innern [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bmi.bund.de/nn_174266/Internet/Content/Broschueren/2001/Zuwanderunggestalten-IntegrationId_48169.dhtml (дата обращения: 25.12.2015).

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

Статья посвящена исследованию Киево-Могилянской Академии в дореволюционный период. Первопроходцем в этом процессе был митрополит Евгений (Болховитинов), затем его дело продолжили митрополит Макарий (Булгаков), Аскаченский, Голубев, Петров и др. Киевская Коллегия, ставшая со временем Академией, являвшаяся первым учебным заведением в тогдашней Российской империи, вызвала огромный интерес у историков.

Ключевые слова: Пётр Могила, Киево-Могилянская Академия, Коллегия, образование, история, культура.

История Киево-Могилянской Академии не была обделена вниманием. Однако основной фундамент в ее изучении был заложен в дореволюционный период. Первым, кто отметил значимость трудов одного из своих предшественников, был митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов). Будучи студентом московской Славяно-Греко-Латинской Академии, молодой ученый имел в своем окружении немало украинцев: С. Гамалея, М. Антоновского, А. Могилянского, Л. Максимовича и других украинских интеллигентов. Все они интересовались историей и почитали украинскую культуру [16, с. 7]. Поэтому свой первый опыт украиноведения Болховитинов получил еще в семинарии, в которой было много выпускников Киево-Могилянской Академии. Он начал собирать материалы по истории юго-западной церкви, украинских земель, деятелей украинской культуры. В своей работе, посвященной истории Софийского собора [13, с. 35–47], автор отметил множество заслуг Петра Могилы по восстановлению древнерусских храмов, различных изданий, а конце этой книги автор дал список митрополитов (его также можно встретить и в работе Амвросия [9, л. 47–49]), в котором Пётр Могила находится под 50-м номером. Болховитинов изучает киевские каталоги, приводит данные о том, что Петр Могила знал греческий и латинский языки, словесные науки и богословие, о том, что будущий митрополит послан был в Парижский и другие иностранные университеты. Далее были приведены сказания Несецкого о прохождении воинской службы, монашеском постриге, избрании архимандритом. Отдельная глава «Прибавления» носит следующее название: «Краткие сведения о начале Киевской академии, её прежних учреждений, порядке и переменах».

Также стоит отметить, что незадолго до упомянутых изданий у Болховитинова вышла «История Российской иерархии». Первый том содержит историю духовного просвещения. Н.А. Колосов в своем отзыве отметил: «Заглавие “история” не определяет собою всего содержания её, которое гораздо обширнее, чем можно было бы судить по заглавию, так, кроме истории собственно русской иерархии, в ней содержится еще история русского духовного просвещения и описание русских духовных школ...» [10, с. 18]. В первой главе второго отделе-

ния есть разделы «О российских духовных Академиях», материалы «Краткое историческое сведение о Киевской Академии» [8, с. 458–498] и «Список ректоров и префектов Киевской Академии» [8, с. 499–512]. Кстати, рукописный вариант этого издания до сих пор хранится в Киеве [7]. Автору удалось обработать материалы из Синодального архива, а также записки Бантыш-Каменского, которые послужили одним из источников данной работы.

Еще тогда иеромонаху Амвросию довелось проделать колоссальную работу. В отделе рукописей библиотеки имени Вернадского в Киеве (далее – ИР НБУВ) можно встретить множество его записей, большая часть из которых впоследствии вышла в его изданиях [12, л. 1–98]. Ему довелось обработать труды Захария Копыстенского, Дмитрия Ростовского (святого) и Игнатия Кульчицкого, грамоты царей и собрать сведения о всех митрополитах.

В книге мы встречаем датировку, информацию о дарственной Галшки Гугулевичивны, о посещении монастыря патриархом Иерусалимским Феофаном и о его благословении от 17 мая 1620 года (публикуется текст грамоты). Мы узнаем, что в том же году другой грамотой от 26 мая патриарх подтвердил, что быть школе в Братском монастыре для обучения в ней православного Греко-Российского исповедания детей Греческому (в то время – Эллинскому), Славянскому, Латинскому и Польскому языкам и наукам, а сам монастырь пожаловал титулом патриаршей ставропигии [8, с. 459–463]. Правда, в ИР НБУВ нам удалось найти текст этой же грамоты, которая датируется 9 мая [4, л. 1–4]. В грамоте от 7 января 1622 года мы узнаем об учреждении двух братств между учащимися в киевских школах: Братия большого и малого собрания [8, с. 469–472]. В большое братство вписывались только обучающиеся богословию и философии, а в меньшее – риторики, поэзии и разным языкам. Распределение роли чинов было таким: старший – префект, далее – два ассистента, секретарь и другие. Из грамоты польского короля Сигизмунда от 19 февраля 1629 года мы узнаем о возобновлении П.К. Сагайдачным монастыря, церкви и школы после разорения их от разных набегов и нашествий [8, с. 473–474], а церковь позволяла иметь Братство милосердия, богадельню для «людей убогих, старых и увечных» [8, с. 473–474].

Отдельно отмечается Амвросием заслуга Петра Могилы, который позволил быть данному училищу в Киеве, а сам стал старшим братом, опекуном и смотрителем [8, с. 475]. «По сей-то причине долгое время училище оное называлось Киево-Могилянским. Сначала там построены были школы деревянные, и таков же был странноприемный дом, после названный Бурсою, в котором жили учащиеся сироты, лишенные родителей и всякого пропитания; а также приходящие из чужих стран для наставления в истинном благочестии и православии...» [8, с. 476]. Упоминает Амвросий о жалованных Братскому монастырю грамотах [8, с. 481], иеромонах обращает внимание на то, что при иждивении и попечительстве гетмана Мазепы здесь были построены каменная церковь на первом этаже и большая Богоявленская церковь, а верхний этаж здания был построен митрополитом Заборовским [8, с. 476].

Амвросий обратил внимание на то, что по примеру Киевской коллегии начали действовать многие духовные школы и светские особы, а вскоре составилось из них Братство. Некоторые епископы, которые были под ведением митрополита, поддерживали его собственным иждивением. Амвросий сообщает, что после смерти Петра Могилы Братский монастырь начал состоять под властью киевских митрополитов, а не Константинопольских. И делает предположение, что причинами этого стал поиск покровительства у митрополитов Киевских, которые были в почтении у гетманов и имели свободный голос перед Польским королем. При этом они испытывали неприязнь к Римскому духовенству, которое наряду с Иезуитской коллегией старалось уничтожить новоучрежденные киевские школы, но сталкивалось с сопротивлением митрополита, гетмана и народа. Также имел место факт снабжения митрополитами учителей и учеников [8, с. 479–480].

Амвросий опубликовал грамоту Патриарха Иерусалимского Паисия, который подтвердил учреждение данного училища [8, с. 482–483], проанализировал Гадацкий трактат, грамоты польского короля 1670 года, одна из которых касается возобновления киевского училища после опустошения. Он первым опубликовал содержание грамот Петра Алексеевича, в которых, кстати, речь идет о преподавании Греческого и Латинского языков [8, с. 481]. Из опубликованной грамоты от 11 января 1694 года мы узнаем, что Игумену Иосифу Кроковскому приказывалось преподавать «с усердным тщанием и радением», не отлучаясь от Восточной церкви, а противников веры Греческой и еретиков в «упомянутые школы не допускать», что ректору и учителям назначено было жалованье из царской казны.

Странно, но ни один из авторов работ по Киевской Академии, в том числе те, кто выпустил информативные издания с перечислением лите-

ратуры, среди которых много известных ученых, просто не упомянул об этом издании, как будто его не существовало вовсе. А отдельные издания не упомянули о таком исследователе, как митрополит Евгений, хотя он, безусловно, является первопроходцем в изучении Киево-Могилянской Академии. В его трудах были найдены ошибки, недочеты, на которые справедливо обращал внимание в своих исследованиях Петров, но в целом его труды представляют собою весьма ценный материал.

В дальнейшем Болховитинов отметил старания Петра Могилы, связанные с основанием Лаврской школы, которая со временем была соединена с братской, ставшей затем коллегией. «А наипаче Киевская академия, воспитавшая для всей России знаменитых просвещением и добродетелями пастьрей, государственных чиновников и во всех состояниях отличных граждан, есть бессмертный его памятник» [8, с. 481].

Необычайно высокую оценку всей деятельности Петра Могилы и его детища дал Митрополит Макарий (Булгаков), оставивший одну из первых больших работ, посвященных киевскому митрополиту [11, с. 445–580]. Митрополит Макарий показывает, что для Западной Руси и её церкви именно данная эпоха была временем нового, усиленного напряжения духовных и общественных сил. В Киеве в 1620 г. была восстановлена западнорусская иерархия и окончательно восстановлена начальная Киево-Софийская кафедра при Петре Могиле.

Историк со свойственным ему критическим талантом и добросовестностью воссоздал биографию Петра Могилы. Митрополит Макарий считает, что имя Петра Могилы – одно из наиболее значимых в нашей церковной истории. Перечислив услуги, оказанные им церкви, он особо отмечает основание своей коллегии, послужившей источником образования и образцом для духовно-учебных заведений. Ведь именно эту коллегию знаменитый иерарх в своем завещании называл «единственным залогом своим» [13, с. 35–47], давая понять, что именно в силе просвещения видит он главную силу, которая может направить страну и церковь к лучшему будущему.

Характеризуя деятельность этого учебного заведения, Макарий (Булгаков) писал: «Академия сия, по своему происхождению, служит живым памятником трех важнейших в истории событий. Она напоминает нам великую эпоху пробуждения Европы к просвещению, и вместе с тем первое участие России в умственной Европейской жизни; она служит <...> памятником наконец первой явной опасности для Западной России лишиться православия, и вместе памятником особенной ревности Киевлян к православной вере» [6, с. 11].

Отметим, что деятельность Петра Могилы и Академии рассматривались Макарием еще раньше. В 1843 году вышла книга «История Киевской

Академии», в которой тогда еще Иеромонахом впервые была затронута история учебного заведения и дана оценка личности его основателя [6, с. 35–43]. В работе автор рассматривает все периоды деятельности академии. Отмечая могилянский период, Иеромонах пишет: «Пятнадцать лет, при жизни Петра Могилы, были, словно одним прекрасным днем для устроенной им Коллегии» [6, с. 40]. Затронуты темы трудов Петра Могилы по благоустройству учебного заведения, распространению наук, организации библиотеки. «Училищный порядок, существовавший в Коллегии, можно видеть еще и ныне, хотя с некоторыми изменениями, в духовных наших училищах и даже низших училищах светских. Ибо Московская Академия, а вслед за нею все другие училища, заимствовали его собственно из Академии Киевской...» [6, с. 57].

За внедрение латинского языка в Коллегии Пётр Могила неоднократно подвергался критике. В защиту употребления латыни Макарий (Булгаков) приводит слова Сильвестра Косова. «Самая главная надобность в латинских школах та, чтобы бедную Русь нашу не называли глупой Русью. Поедет он, бедняга-Русин на трибунал, на сейм или на сеймик в уездный городской суд и земский: *bez łacini ptaci winy!* Ни судьи, ни стряпчавого, ни ума, ни посла. Смотрит только то на того, то на другого, вытаращив глаза, как коршун!» [6, с. 76]. Автор дает понять, что главная причина введения этого языка в том, что латынь в те годы пользовалась большим уважением, а владеющий ею человек считался образованным.

В этой книге упоминается и заложенная на территории Академии Петром Могилой церковь Бориса и Глеба (ныне Святодуховская). Позднее она была перестроена, и многие исследователи датировали её временем Мазепы. Однако ряд материалов и сведений, в том числе и упоминание, приведенное Макарием (Булгаковым), свидетельствует о том, что постройка храма принадлежит Петру Могиле.

Весьма лестно отозвался об Академии известный историк Николай Закревский. Описывая состояние Киева первой половины XVII столетия, автор отдает должное Петру Могиле и его «великим заслугам в пользу православия» [5, с. 39–42]. Упоминается преобразование Братской академии, издание нескольких исправленных богослужебных книг: «В это время и Киевская Академия была уже в славе; многие из её питомцев были знамениты в России и Польше» [5, с. 39–42].

Трудами профессоров Киевской духовной академии – В. Аскоченского, С. Голубева, и Хв. Титова [1; 17], дана высокая оценка митрополиту, создана научная основа для всех других исследователей созданной Петром Могилой Академии.

Особенно следует отметить монументальное творение главного исследователя жизни и деятель-

ности Петра Могилы – С.Т. Голубева [7], которое, без всяких преувеличений, можно назвать выдающимся вкладом в науку. В первых четырех главах было охвачено время мирской жизни Петра Могилы до его пострижения в монахи и до занятия им места архимандрита Печерского монастыря. Здесь говорится о молдавской воеводческой фамилии семейства, к которой принадлежал будущий митрополит, о несчастных обстоятельствах, которые заставили Петра Могила переселиться из Молдавии в Польшу, о его воспитании сначала в своем доме, а потом в заграничных училищах, о его военной службе в Польше и о лицах польской знати, под покровительством которых он состоял. Автор точнее определил время рождения Петра Могилы, указал некоторые данные о его воспитании (зависимость домашнего учителя, находящегося при детях Симеона Могилы, от Львовского братства [7, с. 16]), сообщил сведения о нравственных качествах тех лиц, под влиянием которых он находился в Польше [7, с. 46]. Далее речь идет о деятельности Петра Могилы в сане архимандрита Печерского монастыря. Третья глава освещает участие Петра Могилы в общих делах южнорусской церкви и в предпринимавшихся тогда попытках соглашения православных и униатов. Четвертая глава посвящена деятельности Петра Могилы по благоустройству Печерского монастыря. С. Голубев обращает внимание на то, что Пётр Могила «имел высокое, свято-отеческое понятие об иночестве», хотя в интересах дела иногда весьма далеко и решительно отступал от своих теоретических идеалов «с целью возвести сию святыню на подобающую ей высоту». В пятой главе излагается история учреждения Петром Могилой в Печерском монастыре школы высших наук или коллегии на фоне состояния школ в юго-западной Руси перед учреждением коллегии. Описывая основание Лаврской школы, автор прежде всего связал общее состояние киевской митрополии в конце XVI в. Он выразил мнение, что Пётр Могила хотел сделать из неё заведение, дающее высшее образование, и за свой счет совершить подготовку будущих профессоров в зарубежных коллегиях и университетах.

Голубев проводил кропотливую работу с 30 августа 1873 года, а личностью митрополита интересовался уже со второго курса. Именно в его тетрадках были найдены выписки про литературу и источники о Петре Могиле. В отдельных его тетрадках можно было встретить «львовские выписки» про Петра Могила и его род, про связи с Львовским братством, грамоты Петра Могилы, выписки из Перемышльского архива [18, с. 213–214].

Первое фундаментальное издание Голубева, посвященное истории Академии, вышло в 1886 году. Исследования были связаны преимущественно с могилянской тематикой, поскольку именно митрополит Пётр Могила стоял у источников фор-

мирования высшей школы и придания ей высшего статуса. Книга Голубева была оценена как «капитальный вклад в науку, дающей ей новые и ценные приобретения» [18, с. 213–214].

Работа Голубева состоит из четырех глав. Прежние историки считали достоверным существование братства и училища еще в XVI веке. Автор же, наряду с Максимовичем и Малышевским, доказывает, что братство получило свое название лишь в XVII веке. «Доводы таковы, что против них трудно спорить, можно думать, что мнение Голубева будет принято всеми» [18, с. 213–214]. В следующей главе речь идет о Галшке Гугулевичивне. Автор поработал с большей частью актовых книг центрального киевского архива, пояснил, что имя её не Анна, как упоминали некоторые предшественники и упоминается в церковных службах монастыря, а Елизавета. Голубев изложил сведения о её родных и дал оценку о пожертвовании. Затем уже речь пошла о причинах возникновения в Киеве Братства, о его уставе и фактах его истории. Третья глава посвящена самому Братскому училищу. В ней присутствуют сведения о преподававшихся науках, об учебных порядках, ректорах и учителях. Именно Голубев проанализировал изучение славянского, греческого, латинского и польского языков. Для этого он рассматривал и анализировал учебники, причем как оригиналы, так и рукописные. Автором были написаны биографии первых ректоров школы: Йова Борецкого, Касьяна Саковича, Милетия Смотрицкого и Фомы Ивлеевича. Также ему удалось составить список имен наставников и учеников школы. Однако, как отметил в своем отзыве на книгу Соболевский, сведения эти не всегда верны. Здесь можно сделать вывод о том, что информации за тот период было недостаточно.

Заслуга Голубева в том, что он извлек много документов и старопечатных изданий, которые не были опубликованы. Автору удалось пересмотреть большое количество книг, которые хранятся едва ли не в одном экземпляре и находятся в малодоступных книгохранилищах (Библиотека консистории во Львове).

Профессор Киевской духовной академии Ф. Терновский, начиная в своей статье [15, с. 1–24] характеризовать личность митрополита, приводит выражение одного из давних ученых Венелина, который сказал следующее: «Это еще вопрос, который Пётр произвел более значительную реформу и более заслуживает имя великого – Пётр ли I-й или Пётр Могила?». По мнению Ф. Терновского, отзыв парадоксальный, но не лишенный некоторой доли правды. Он считает, что обе эти личности – две исторические величины, если не равные, то, во всяком случае, соизмеримые, которых можно сопоставить между собой. Далее он пишет: «Оба они знакомили Русь с западным просвещением, оба были люди идеи, с той энергией и последова-

тельностью, с тем пренебрежением частных отношений и устранением препятствий, стоящих на пути к цели, одним словом – с теми качествами, которые всегда свойственны людям идеи» [15, с. 1–24]. По мнению автора, исходный пункт деятельности у обоих Петров был одинаков и направлен на сознание русской отсталости и невежества. «Существенное различие состоит, конечно, в том, что Пётр Могила пересаживал на Русь латинопольское просвещение, а Пётр I-й – просвещение, выросшее на почве протестантизма» [15, с. 1–24].

В конце XIX века появились труды Н. Петрова, который проделал значительный шаг в исследовании Академии, подметив недочеты, допущенные М. Булгаковым и Аскоченским, и назвав их труды устаревшими [14, с. 1]. От автора досталось даже другим его предшественникам – митрополиту Евгению (Болховитинову) и Мухину. Петров избрал для исследования период Академии, следующий за Могилянской эпохой. Ведь этот период является смутным, поскольку Академия постоянно подвергалась различным нападениям и разорениям. И, следовательно, пропали многие документы.

Именно Петрову удалось обратить внимание на открытые списки настоятелей Киево-Братского монастыря, найденные в Киевской духовной консистории студентом Серебренниковым, обратить внимание на то, что ими пользовался еще митрополит Евгений, но без указания этого источника и критического к нему отношения. Автор обратился к самой истории Киево-Могилянской Академии за вторую половину XVII века. При исследовании описаний рукописей Лилеева удалось обратить внимание на то, что после 1635 года в Коллегию стали приходить для преподавания воспитанники иноверных учебных заведений. Так, Иосиф Кононович Горбацкий преподавал курс риторики, а младшим его коллегой был Иннокентий Гизель, завершивший свое образование во Львовской Академии. Петрову удалось исправить ошибки Макария (Булгакова). Он обратил внимание на школьные порядки польско-католических учебных заведений, которые служили образцом не только для Киевской коллегии, но для тех, кто следовал по её образцу [14, с. 6]. У Петрова в основном раскрывается, что большинство преподавателей имели западное образование, автор старается подробно описывать, кто и какие предметы преподавал, вплоть до того, в какие это было годы. Он обращает внимание на то, что порядок преподавания после смерти Петра Могила не изменился.

Оценивая могилянский период, Петров совершенно справедливо делает вывод, что Пётр Могила учредил две коллегии по примеру иностранных и иноверных: в Киеве и в Виннице. В начальники и преподаватели приглашались люди, получившие на Западе образование, а затем туда посылались для приготовления «к профессорскому званию».

В результате обе коллегии удостоились значительного прогресса в научном отношении и могли соперничать с параллельными им польско-католическими, образовав в Южной Руси целое общество научно-образованных людей в духе Православной церкви [14, с. 16].

В заключении стоит отметить, что большинство дореволюционных историков за исключением, пожалуй, Петрова, мало уделили внимание тому, какое влияние Киево-Могилянская Академия оказала на образование в России. В отдельных главах эта тема затронута лишь поверхностно. В то же время этому стоило уделить куда больше внимания.

Библиографический список

1. *Аскоченский В.* Киев с его древнейшим училищем Академией. Т. 1. – Киев: Университетская типография, 1856. – 370 с.
2. *Голубев С.Т.* История киевской духовной академии. Вып. 1. Период домогилянский. – Киев: Университетская типография, 1886.
3. *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. – Киев, 1893. – Т. 1.
4. Грамота патриарха Иерусалимского Феофана от 9 мая 1620 г., дающая право ставропигии Киевскому и Могилевскому братствам с их учреждениями // Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени Вернадского (далее ИР НБУВ). – Ф. 175. – Д. № 1082. – [Архив Киевской духовной академии].
5. *Закревский Н.* Описание Киева. – М.: Университетская типография, 1858. – Т. 1.
6. *Иеромонах Макарий [Булгаков].* История Киевской Академии. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843.
7. ИР НБУВ. – Ф. 160. – Д. № 544.
8. История Российской Иерархии, собранная Новгородской Семинарии Префектом, Философии Учителем, Соборным иеромонахом Амвросием. Ч. 1. – М.: Синодальная типография, 1807.
9. История Российской Иерархии, собранная Епископом Пензенским и саратовским Амвросием. 1827. – Ч. 1. // ИР НБУВ. – Ф. 160.
10. *Колосов Н.А.* История Российской Иерархии, Преосвященного Амвросия Орнатского, епископа пензенского и саратовского. – М.: Университетская типография, 1894.
11. *Макарий [Булгаков], Митрополит Московский и Коломенский.* История Русской православной церкви. – М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Т. 6.
12. *Митрополит Евгений [Болховитинов].* Описание Киевского собора и Киевской Иерархии с присовокуплением разных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов Константинопольской и Киевской Софийской церкви и Ярослава надгробия // ИР НБУВ. – Ф. 160. – Д. № 489.
13. *Митрополит Евгений [Болховитинов].* Описание Киево-софийского собора. – Киев, 1825.
14. *Петров Н.И.* Киевская Академия во второй половине XVII века. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новинского, 1895.
15. *Терновский Ф.* Киевский митрополит Петр Могила. Биографический очерк // Киевская старина. – 1882. – Т. 2. – №4.
16. *Митрополит Євгеній Болховітинов.* Вибрані праці з історії Києва. – Київ: Либідь, 1995.
17. *Тітов Хв.* Стара вища освіта в київській Україні кінця XVI – поч. XIX в. (з 180 малюнками). – Київ: Друкарня Української Академії наук, 1924.
18. *Ульяновський В.І.* Двічі професор. Степан Голубев в академічному та університетському контекстах. – Київ: Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 2007.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В 1920–1940 ГОДЫ В БАССР

В статье рассматривается история развития физической культуры и спорта в 20–40 годы XX века в БАССР, дается характеристика рассматриваемого периода, как сложного времени, когда страна была в послевоенной разрухе, в экономическом и политическом кризисе.

С первых дней существования молодой Советской республики государство повсеместно начало заниматься вопросами улучшения физического воспитания трудящихся и крестьян, проводить всевозможные Всебашкирские олимпиады, спартакиады, открывать и организовывать курсы по подготовке инструкторов физкультуры. В Уфе был организован Городской совет по физической культуре (ГСФК) при Уфимском городском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, открылся Башкирский техникум физической культуры.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, БАССР, физическое воспитание, Городской совет по физической культуре, Всебашкирская спартакиада, национальные виды спорта.

К началу 20-х годов XX века в целом в стране сложилось не простое социально-экономическое и политическое положение. Не обошло это стороной и Башкирию. В условиях послевоенной разрухи, голода населению предстояло перейти к мирной жизни, начать восстановление промышленности и сельского хозяйства. Для Башкирии эти трудности усугублялись её общей экономической и культурной отсталостью. Башкирия была аграрным регионом, в сельском хозяйстве республики было занято до 94% населения, больше 3/4 от объема продукции народного хозяйства составляла сельскохозяйственная продукция.

Национальные и народные виды спорта, игры и развлечения были положены в основу советской системы физического воспитания, которая стала складываться в 20-е годы. Одной из первых забот Высшего совета физической культуры РСФСР (ВСФК) стало широкое распространение физической культуры на всей территории страны, особенно в национальных республиках.

В своем директивном письме от 25 мая 1920 г. ВСФК настоятельно требовал при развертывании физкультурной работы «обратить особое внимание на вовлечение в нее национальных меньшинств, тщательно учитывать национальные обычаи и традиции». В этом же году бригады спортсменов из Москвы и Петрограда выезжали в Башкирию и некоторые другие регионы России для налаживания работы и оказания помощи местным физкультурным работникам.

Особое внимание в Башкирии обращалось на развитие методов и форм физкультурно-массовой и спортивной работы, отвечающих бытовым и национальным особенностям населения. На основе национальных и народных видов спорта разрабатывались республиканские спортивно-массовые соревнования, олимпиады, спартакиады [1, с. 24].

Например, испокон веков каждый год жители Башкортостана отмечают праздник сабантуй, что в переводе с башкирского языка – праздник плуга, который остается главным для жителей Башкорта-

стана. Его обычно отмечают в начале июня, после окончания весенних полевых работ. В программе сабантуя особое место занимают спортивные мероприятия, которые собирают десятки тысяч людей [3].

Ухудшение общих условий жизни после ликвидации гражданской войны, а с осени 1921 года небывалые размеры голода в Поволжье, и в частности, в Башкирии, резко отразились на здоровье населения.

В 1922 году резко упала рождаемость, а смертность более чем вдвое превышала рождаемость. Население г. Уфы к 1923 году составило 85360 человек, и по сравнению с 1913 годом уменьшилось на 15%.

Наряду с такими неблагоприятными условиями приходится считаться с наличием в Башкирии социальных болезней, быть может, менее заметных, чем эпидемии, но более губительных для населения, так как они ведут его к вырождению. Это туберкулез, венерические заболевания и пьянство.

В то время считалось, что врагов трудовых масс могут победить только сами трудящиеся, «нужна самодетельность населения и дружная объединенная работа всех ведомств и организаций, необходимо наступление сомкнутым строем; только в такой совместной работе – залог победы» [2, с. 89].

На основе постановления Президиума Башкирского ЦИКа от 17 июля 1923 года при Башкирском ЦИКе образован Высший совет физической культуры (ВСФК).

В Башкирский высший совет физической культуры вошли представитель Башкирского обкома РКП(б) и РКСМ, Башпрофсовета, Башнаркомтруда, Башнаркомздрава, Уфимского кантисполкома, Башвоенкома, Башвоенсовета. Председателем БВСКФ был назначен Терегулов Али [4].

Придавая большое значение физическому воспитанию учащихся, Президиум Башкирского ЦИКа постановлением от 22 декабря 1923 года организовал при Башкирском намкомпросе Высший совет по физическому воспитанию детей [5].

В 1923 году на территории городского парка «Свобода» прошла первая Всебашкирская олимпиада, в программу которой были включены легкая атлетика, футбол, баскетбол, гимнастика, плавание, теннис, велогонки и татаро-башкирские национальные игры.

В августе 1925 года Башкирским Высшим Советом была организована 3-я Всебашкирская спартакиада, на которой были представлены лучшие силы из восьми кантонов и от города Уфы. Всего участвовало в ней 120 человек: 80 мужчин и 40 женщин. Спартакиада стала смотровой для всех достижений физической культуры Башреспублики. Эти достижения являлись относительно прошлого года большими, что характеризуется общим поднятием физической культуры в БАССР. Кроме этого, впервые на спартакиаде были участники от всех кантонов.

Проведен 1-й Всебашкирский съезд советов физической культуры в августе 1925 г. на котором были разрешены вопросы как организационного, так и методического характера, была одобрена линия БВФСК, а работа признана удовлетворительной.

Были организованы и проведены 1-е Всебашкирские курсы по подготовке инструкторов физической культуры. Предпосылкой этим курсам явилось настоятельное требование мест на инструкторов физической культуры. Курсы продолжались в течение 5 месяцев и были закончены в августе 1925 г. Всего с курсов было выпущено 45 человек: из них квалифицированы инструкторами – 38 человек, помощниками инструкторов – 7 человек, не допущено к исполнению – 4 человека. С начала 1925 года был организован Столичный совет физической культуры при Уфимском Городском совете [7].

Во исполнение постановления Центрального комитета РКП(б) от 13 июля 1925 года «О задачах партии в области физической культуры» в Уфе был организован Городской совет по физической культуре (ГСФК) при Уфимском городском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Первым председателем ГСФК был А.Н. Седловец. 4 ноября 1925 года было принято Положение Уфимского городского совета физической культуры для согласования и объединения научной, учебной и организационной деятельности различных ведомств и организаций г. Уфы.

Задачами городского совета были:

а) объединение и общее направление деятельности существующих организаций физической культуры при профсоюзах, партийных, комсомольских, учебных заведениях, воинских частях, и др. организаций, контроль над их деятельностью, а равно и инициатива, и содействие в организациях новых кружков физической культуры;

б) проведение в жизнь разработанных высшими органами по физической культуре программ,

положений, уставов, инструкций в кружках Физкультуры г. Уфы;

в) помощь организациям физической культуры в оборудовании ими площадок помещений и прочих сооружений по физической культуре;

г) устройство общегородских праздников физической культуры выступлений, состязаний, компаний и недели физической культуры;

д) руководство агитацией и пропагандой идей физической культуры в г.Уфе.

В состав Городского совета физической культуры входили ответственные представители следующих 29 различных ведомств. Председатель Городского совета физической культуры и его заместитель назначались президиумом городского совета. Городской совет физической культуры в своей деятельности был подотчетен горсовету рабочих и крестьян красной армии депутатов и БОСФК при БашЦИКе.

Взаимоотношения с ведомствами и организациями г. Уфы были следующими:

а) Горсовет непосредственно связан путем представительств в названный Совет со всеми общественными, партийными и прочими ведомствами.

б) Горсовет дает идейные направления в работе кружков физической культуры, непосредственно входя с ними в контакт, проводя свою линию через отделы физической культуры при ведомствах и организациях.

в) Городской совет физической культуры следит за проведением методических совещаний работников физкультурных ведомств по городу, активно участвует в них и, контролируя работу отдельных кружков физической культуры, проводит методические совещания, мероприятия, улучшающие работу кружков.

г) Городской совет проводит общегородские конференции работников физической культуры, компании общегородского течения.

д) Городской совет физической культуры следит за проведением директив, даваемых БОСФК при БашЦИКе по военным отделам физической культуры при ведомствах-организациях.

Городской совет физической культуры вел точный учет работы путем затребования статистических данных и отчетов о работе ячеек физической культуры при профсоюзах и других организациях [7]. В 1927 году Башпрофсовет открыл водную станцию со школой плавания. Проводившиеся 15–22 июля 1928 г. в Уфе финальные соревнования 5-й Всебашкирской спартакиады сыграли важнейшую роль в развитии массового спорта и объединений физкультурников Башкортостана. Эти состязания впервые позволили серьезно пополнить отряд физкультурников республики за счет коренного населения. Вместе с уфимцами на пьедестал почета поднялись спортсмены с периферии: Зилаира, Тамьян-Катая, Бирска, Белебея.

В это время спорт был одним из факторов культурной революции в башкирской деревне. Спартакиады проводились под лозунгом: «От сабантуя к спартакиаде, от спартакиады к поголовному вовлечению трудящихся деревни в физическую культуру».

В 1928 г. на Всесоюзной спартакиаде в Москве сотрудник уфимской милиции Г. Байгильдин, выступая в составе свободного коллектива Восточных национальных республик и автономных областей, в соревнованиях по национальной борьбе занял второе место.

В 1930 году был проведен лыжный пробег Хабаровск–Москва. Цель пробега: укрепление связи Рабоче-крестьянской Красной армии с рабоче-крестьянскими массами, популяризация Особой Дальневосточной армии, помощь проведению коллективизации в деревне, антирелигиозная работа, пропаганда физической культуры, помощь посевной кампании.

Пробег оформлялся как передача донесения о боевой готовности Особой Дальневосточной армии к защите границ советской страны. В пробеге участвовали бойцы Особой Дальневосточной армии, Рабоче-крестьянской Красной армии и гражданские лыжники.

В 1930 году был проведен первый звездный лыжный пробег пионеров г. Уфы под лозунгом помощи весенне-посевной кампании. В пробеге участвовали 4 бригады (45 человек). Они прошли 250 км.

На основании постановления правительства страны от 23 ноября 1931 года, летом 1933 года в честь окончания первой пятилетки в Москве состоялась «мировая» спартакиада. Как подготовка к проведению этой спартакиады летом 1932 года во всех областях и республиках проводились местные спартакиады.

Комитет по делам физкультуры и спорта руководил работой по физической культуре и спорту среди населения, направлял и контролировал работу спортивных организаций и обществ, руководил Башкирским техникумом физкультуры, направлял на работу специалистов. При комитете были образованы секции по видам спорта. Комитеты по делам физической культуры и спорта были созданы и при городских и районных исполкомах.

Для Башкирии важным событием в развитии физической культуры явилась Всебашкирская спартакиада 1932 года. В ходе кустовых и финальных стартов Всебашкирской спартакиады количественный состав физкультурников Башкирии возрос с 6 тыс. в 1931 г. до 25 тысяч на 1 ноября 1932 года. День спорта был накануне первой Урало-Кузбасской спартакиады.

По результатам Урало-Кузбасской спартакиады команда Башкирии заняла 3 общекомандное место. На соревнованиях по волейболу, городкам

и легкой атлетике команды заняли 1 место. По плаванию спортсмены из Башкирии заняли 2 место. Стоит отметить большое внимание к спартакиаде участников проходившей в то время сессии ЦИК Башкирской АССР. На сессии был объявлен перерыв для принятия отчета о занятости спортсменов о трудовых и спортивных достижениях.

8 ноября 1932 года президиум Центрального исполнительного комитета Башкирской АССР принял постановление об итогах Всебашкирской спартакиады и состоянии спортивного движения в республике.

В 1932 г. по решению президиума БашЦИКа в Уфе открылся Башкирский техникум физической культуры, который в 1935 году выпустил первых специалистов в области физической культуры и спорта. За 76 лет существования БашТФК (в 1971 году переведенный в г. Стерлитамак) выпустил более 11 тысяч специалистов – учителей физкультуры и тренеров среднего звена.

6 мая 1934 года был открыт стадион «Динамо» в г. Уфе, в 1935 году при нем оборудован стометровый стрелковый тир. В целях улучшения спортивно-массовой работы и согласно постановлению ЦИК и СНК Союза ССР от 21 июня 1936 года «Об образовании Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при СНК Союза ССР» постановлением ЦИК БАССР от 23 июля 1936 года был образован комитет по делам физической культуры и спорта. Председателем комитета по делам физкультуры и спорта при СНК БАССР был назначен Х. Кальметьев [6].

18 марта 1937 года на площади Революции в г. Уфе состоялся первый Всебашкирский слет лыжников. На слете участвовали команды 43 районов (479 человек), среди них было 60 женщин. Участники слета прошли на лыжах в общей сложности 5000 км [3].

В 30–40 годы в Башкирии организуются детский спортивные объединения. В 1938 году в Башкирии их насчитывалось 34. Большое внимание уделяется развитию физкультурного движения среди сельского населения. Особое внимание уделялось лыжному спорту. Часто проводились лыжные соревнования среди сельской молодежи на призы газеты «Комсомолец Башкирии», «Красная Башкирия».

В 1940 году состоялась Всебашкирская отборочная спартакиада физкультурников, где установлено 13 новых рекордов республики.

Таким образом, изучение и анализ истории развития физической культуры и спорта в 20–40 годы XX века в БАССР позволяют нам сделать вывод о том, что в республике был взят курс на проведение массовых спортивных мероприятий: олимпиад, спартакиад, пробега, где большую роль отводили национальным и народным видам спорта. Немаловажным фактом в развитии массового спорта было и то, что в республике был образован

Высший совет физической культуры (ВСФК), организован Городской совет по физической культуре (ГСФК), был открыт Башкирский техникум физической культуры. Все указанные выше мероприятия внесли значительный вклад в дело оздоровления местного населения и увеличения средней продолжительности жизни.

Библиографический список

1. *Аюпов Р.А.* Используя национальные спортивные традиции // Национальные виды спорта: история, традиции и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа, 1998. – 96 с.

2. *Куватов Р.Г.* Об организации окружного управления Российского общества красного креста в Автономной Башкирской Социалистической Советской Республике // Вестник БАШНАРКОМЗДРАВА. – 1923. – № 2–3. – С. 89.

3. *Рахимов М.Г.* Спортивная летопись Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bmsi.ru/doc/e1e66bb4-2533-4091-9aec-dda7b2b746da> (дата обращения: 14.07.2016).

4. ЦГА БАССР. – Р. 394 – Оп. 2. – Д. 18. – Л. 26.

5. ЦГА БАССР. – Р.108. – Оп. 2. – Д. 112. – Л. 85.

6. ЦГА БАССР. – Р. 394. – Оп. 5. – Д. 129. – Л. 2.

7. ЦГА МВД БАССР. – Ф. 1278. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 6–8.

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ШКОЛЕ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Статья посвящена признакам, характерным для многообразной учебной литературы Средневековья. Средневековая школа унаследовала свою программу от системы римского образования. Обзор наиболее значимых текстов показывает, что содержание программы было результатом сложного синтеза античной и христианской культур, а также народной культуры. Большое значение для включения античных текстов в круг чтения средневековых школьников имело мнение Беда Досточтимого, автора нескольких распространенных учебников. Школьный канон, сложившийся к IX в., включал лучшие образцы римской поэзии и прозы, а также христианские тексты. Средневековые дидактические тексты относились к разным жанрам: двуязычные словари, глоссарии, учебные диалоги, антологии, энциклопедии, комментарии. Своего рода «визитная карточка» раннесредневековых учебников включает такие черты, как энциклопедичность и аллегоричность, принадлежность к системе «семи свободных искусств». Учебник может быть оформлен как диалог или монолог, побуждающий читателя стремиться к знаниям.

Ключевые слова: раннее Средневековье, учебный текст, семь свободных искусств, аллегория, античность, христианство, народная культура, диалог, монолог.

Средневековые школяры сочинили стишок для того, чтобы запомнить порядок изучаемых ими предметов: «Грамматика говорит; / Диалектика истинам учит; / Риторика словами правит; / Музыка воспевает; / Арифметика считает; / Геометрия определяет; / Астрономия о звездах печется» [6, с. 37]. В этом небольшом стишке как в капле воды отражается весь мир средневекового образования. Собственно говоря, его и придумали для того, чтобы средневековый ученик не забывал, с какими науками, или «свободными искусствами», ему необходимо познакомиться, чтобы он имел право на гордое имя *litteratus* – «образованный, или ученый, человек». Семь «свободных искусств» представляли собой систему, в рамках которой средневековый человек открывал для себя окружающий мир, семь точек зрения на Вселенную – макрокосм – и человека – микрокосм.

Этих точек зрения на Вселенную не всегда было семь, да и мнение о том, какое из искусств должно быть включено в это число, менялось с течением времени. Начало формированию системы наук, позволяющих проникнуть в тайны видимого мира и посредством этого приблизиться к тайнам мира невидимого, было положено в Древней Греции. Тогда же появились и первые книги, с помощью которых и учили, и обучались, хотя их вряд ли можно назвать учебниками в современном смысле слова.

Согласно Платону, образованный человек, способный взять на себя ответственность за других людей или заниматься какой-либо деятельностью на благо государства, должен был пройти полный курс обучения, который можно было бы назвать начальным, средним и высшим образованием: «Начальное образование – гимнастика, музыка, грамматика – длилось до двенадцати лет, среднее образование, длившееся с двенадцати до

тридцати лет, охватывало науки: арифметику, геометрию, астрономию, музыкальную гармонию» [4, с. 2]. Изучив таким образом окружающий его мир по частям, с разных точек зрения, человек переходил к синтезу накопленных знаний и с тридцати до тридцати пяти – сорока лет изучал философию, которая должна была показать ему, что в многообразии есть единство, неизменное и вечное.

Платону вторит Аристотель: по его мнению, основой для познания мира должны были служить чтение и письмо, гимнастика, музыка и рисование, причем и гимнастику, и музыку Аристотель считал весьма важными [4, с. 2]. Если вспомнить учение Боэция о трех видах музыки, восходящее к античности, то связь музыки и гимнастики очевидна: ритм движений человеческого тела должен находиться в гармонии с ритмом музыки, которую производят музыкальные инструменты. Мировая гармония достигается тем, что движение Вселенной и человека – под музыку или без нее – связано единым ритмом.

К рассмотрению Вселенной с четырех точек зрения – при помощи грамматики, музыки, гимнастики и рисования – прибавлялись математические науки и диалектика. Таков был минимум образования «среднестатистического свободнорожденного человека» [4, с. 4] в эпоху эллинизма.

С течением времени, видимо, подобное значение гимнастики забылось, и в начале первого тысячелетия она больше не упоминается в списке «свободных искусств». Так, Филон Александрийский (ок. 25 до н. э. – ок. 50 н. э.) исключает из своего списка рисование и гимнастику, возможно, потому, что он как представитель еврейского эллинизма принадлежит к иной культуре, чем Платон и Аристотель. Филон прибавляет к «свободным искусствам» риторику и диалектику, однако ис-

ключает астрономию [4, с. 3]. Тем не менее, как и Платон, он считает, что «свободные искусства» дают возможность подготовиться к изучению философии [4, с. 3]. Хотя точное число и порядок изучения «свободных искусств» еще не были определены, в I в. н. э. уже изучалось шесть или семь предметов, которые позже входили в программу средневековой школы.

Римляне усвоили греческую систему образования и сформировали свою на ее основе, но учебники им пришлось создавать самим. Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) написал учебники по всем дисциплинам, которые в его время преподавали в школах Греции, но исключил рисование и прибавил астрономию. Его труд «Disciplinarum Libri Novem» («Девять книг наук») должен был полностью совпадать с программой римской школы, как он ее себе представлял, и включал в себя «трактаты по грамматике, риторике, диалектике, геометрии, арифметике, астрологии (астрономии), музыке, медицине и архитектуре» [4, с. 4].

Долгое время было неясно, куда отнести такие важные предметы, как риторика и диалектику. Часто их исключали из числа предметов, которым надо было учиться на начальном этапе образования. Например, Сенека (2 г. до н. э. – 65 г. н. э.) присоединял их к изучению философии [4, с. 5].

Число изучаемых предметов более или менее установилось в начале IV в. н. э., когда система римского образования начала приходить в упадок и некоторые предметы перекочевали в начальную школу. Программа римской школы начала IV в. состояла из семи свободных искусств – грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки и астрономии – «это был стандарт, принятый в языческих школах» [4, с. 6].

С распространением христианства стала создаваться новая школа, которая должна была отвечать потребностям иной, христианской культуры. О сложностях взаимодействия двух культур – античной и христианской, а затем и прибавившихся к ним народных, варварских культур будет сказано ниже. Потребовалось влияние Отцов Церкви для того, чтобы античная школьная программа, пусть и в измененном виде, была принята христианами. Большую роль в этом плодотворном синтезе двух культур сыграл Блаж. Августин (354–430), написавший трактаты по грамматике, риторике, диалектике, арифметике, геометрии и музыке. Благодаря его трудам «церковь признала “свободные искусства” пригодными для христианского образования» [4, с. 8].

Возникновение средневековой школы можно связать с именем Магна Аврелия Кассиодора (480/490–585/590), для которого авторитетом был уже упоминавшийся Варрон: «Мы должны знать, как говорит Варрон, что начала всех искусств возникли ради некой пользы» [7, 70, 1151С].

Кассиодор упорядочил позднеантичную римскую школьную программу. Он первым ввел в употребление термины «семь свободных искусств», «тривиум» и «квадривиум». Он же объяснил, почему именно семь предметов должны изучаться на первом этапе школьного образования: «Свящ. Писание часто выражает через это число [семь]... все неизменное и вечное, как говорит Давид: “Семикратно в день прославляю Тебя” (Пс. 118:164)... И Соломон: “Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его” (Притч. 9:1). В Книге Исход также сказал Господь Моисею: “сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его” (Исх. 25:37)» [7, 70, 1149D–1150C]. Семь столпов дома Премудрости и семь лампад, изливающих свет, становятся аллегорией семи наук, с помощью которых человеку открывается весь окружающий мир. Программа, сложившаяся в кассиодоровой школе в италийском монастыре Виварий, была принята повсеместно и сохранялась без изменений в течение всего Средневековья. Отдельные учебники, например те, которые были связаны с дисциплинами «тривиума», вышли из употребления только во второй половине XVI века.

Содержание программы средневековой школы было плодом сложного и проходившего не всегда гладко синтеза двух культур – античной и христианской. У христиан отношение к школе, унаследованной от позднеантичного Рима, было неоднозначным, а иногда и отрицательным. Так, свт. Григорий Великий, один из самых образованных людей своего времени, «был так научен с отрочества свободным искусствам, то есть грамматике, риторике, диалектике, что хотя в его время в Риме еще процветало изучение наук, его не считали вторым после кого-нибудь в городе» [3, с. 102], однако школы, которые в его время еще не были реформированы, не принимал. Отсюда возникло и прочно укоренилось в научной литературе мнение, что святитель «с молодых лет отрицательно относился к светской науке и литературе» [1]. Христианские авторы могли высказываться не только против школ как таковых, но и против самих предметов, которые в них преподавали. Св. Киприан Карфагенский и Афанасий Александрийский выступали против изучения риторики христианами, но были и те, кто считал возможным чтение и изучение светских наук и риторики в том числе: Блаж. Иероним, Блаж. Августин, Лактанций, упоминавшиеся выше Кассиодор и св. Григорий Великий [2, с. 29]. Беда Досточтимый (672/673–735), англосаксонский церковный писатель, историк, педагог, Отец Церкви, в своих сочинениях, оказывавших огромное влияние на культуру Средневековья, дал объяснение непримиримости одних и снисходительности других и, как бы сказали его современники, указал средний, «царский», путь желающим получить образование.

Изложение взглядов Беда на изучение светских наук, в частности риторики, находим в его «Толкованиях на I Книгу Царств». Рассуждения Беда о риторике включены в комментарий к 14 главе I книги Царств, где говорится о заклятии, которое Саул наложил на свой народ: «проклят, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим» (I Цар. 14:24). Ионафан же не знал об этом; обнаружив в лесу мед диких пчел, он подкрепил им свои силы, почувствовал, что усталость отступила, «и просветлели глаза его» (I Цар. 14:27). В комментарии Беда подчеркивает, что не сами «книги язычников» [7, 91, 589В] приносят вред, а их чтение «с более пылкой, чем подобает, радостью» [7, 91, 589В]. Если же «некий наставник» воспринимает «доводы или суждения язычников» [7, 91, 589С] только лишь как средство для того, чтобы «или вверенных ему [учеников] воспитывать, или жить без греха» [7, 91, 589С], светские науки могут оказать ему неоценимую пользу: «медоточным, скажем так, словно бы из медового сота, снадобьем слов из его уст просвещаются умственные очи для того, чтобы более хорошо и точно возглашать истинное знание» [7, 91, 589С]. Согласно Бедо, царь Саул, а вместе с ним, очевидно, и те, кто стремится искоренить преподавание светских наук, неправы: «Саул смущал [народ] тем, что все запретил, ибо если бы он отчасти запретил, а отчасти уступил, дело бы оказалось более удобным для исполнения» [7, 91, 589D]. И хотя «более надежен поиск спасительного совета на апостольских страницах, чем на Платоновых» [7, 91, 590А], пишет Беда, «тот смущает остроумию ума читающих и заставляет их приходиться в упадок, кто считает, что им должно всеми способами воспрепятствовать чтению светских книг» [7, 91, 589D]. По мнению Беда, «...если бы христиане в большей степени изучали образ мыслей и учение внешних, разве не с большей уверенностью и решимостью они могли бы смеяться над ними и вместе с тем неоспоримо доказывать их ошибочность; будучи более преданным Богу по причине своей неповрежденной веры, они радовались бы и воздавали благодарение Отцу светов» [7, 91, 590В]. Авторитет Беда и в раннесредневековой Англии, и в Европе начиная с VIII в., когда миссионеры-англосаксы пользовались его сочинениями, проповедуя язычникам-германцам, был чрезвычайно высок. Несомненно, его трезвый подход к восприятию светского знания оказал влияние на формирование программы средневековой школы.

Беда, как предписывают Святые Отцы, учил не только словом, но и делом: он первым стал использовать в преподавании «тривиума» примеры из Священного Писания наряду с текстами из латинских языческих авторов, а и иногда и вместо них. Его ученики и особенно ученик учеников, Алкуин (735–804), советник и друг Карла Великого, сыгравший огромную роль в образовательной

реформе императора Франкии, продолжали формировать «школьный канон» так, чтобы в него входили и памятники античной литературы. Известно, что Теодульф, епископ Орлеанский (750/760–821), изучал в школе произведения Вергилия, Овидия, Помпея, Седулия, Рутулия Намациана, Аратора, Фортуната, Ювенка, Пруденция [4, с. 27]. В эпоху Оттоновского Возрождения интерес к античным авторам не угас. Их произведения читали, изучая грамматику или риторику. Вальтер, князь-епископ Шпайера (1006–1027), изучал грамматику при помощи текстов латинского перевода Гомера, Горация, Персия, Ювенала, Стация, Теренция, Лактанция, Боэция, Констанция [4, с. 27]. В соборной школе Реймса, где преподавал Герберт Орильясский (946–1003), а позднее папа Сильвестр II, будущие риторы читали Вергилия, Стация, Теренция, Ювенала, Персия, Горация и Лукана [4, с. 27]. Упомянув о годах учебы в монастырской школе, Отлох Санкт-Эммерамский (ок. 1010 – после 1067) среди своих школьных учебников называл тексты Горация, Теренция и Ювенала [4, с. 27].

Если «Буколики» и «Георгики» Вергилия в раннесредневековой школе читали целиком (об этом говорят сохранившиеся на полях манускриптов записи и пометки), то многих других авторов читали в отрывках. Экберт Льежский (XI в.), пресвитер и помощник главы Льежской соборной школы, составил для нужд своих учеников книгу для чтения наподобие хрестоматии с красноречивым названием «Fecunda Ratis» («Богато груженный корабль») (ок. 1023 г.). В нее вошли отрывки из латинской прозы, как классической, так и христианской (Варрон, Цицерон, Корнифиций, Саллюстий, Сенека, Курций, Марциан Капелла, Боэций, св. Исидор Севильский), латинской поэзии и драматургии (Плавт, Теренций, Луцилий, Публий, Вергилий, Овидий, Гораций, Федр, Персий Лукан, Ювенал, Авиан). Наравне с литературой, которую можно с некоторой натяжкой назвать светской, изучались и отрывки их тех книг Священного Писания, которые можно назвать историческими или дидактическими: книги Бытия, Исход, Второзаконие, Царств, Эсфирь, Иова, Псалтырь, Экклезиаст, Пророки, Деяния Апостолов, Апостольские Послания, а также фрагменты святоотеческих сочинений, авторами которых являются Лактанций, Амвросий, Иероним, Хризостом, Августин, Седулий, Кассиан, Проспер, Петр, Григорий Великий, Исидор, Беда, Храбан, Ратхер [4, с. 20]. Таким образом, круг чтения ученика раннесредневековой школы был достаточно велик.

И тексты античных авторов, и цитаты из них использовались в преподавании грамматики, первого из «свободных искусств» и основы всего образования. Изучение грамматики в странах севернее Италии и Испании означало овладение латынью, без знания которой невозможно было

продолжать учебу. Наиболее распространенными учебниками были грамматические трактаты Доната и Присциана. Разница между ними была в том, что Донат писал свой учебник для тех, для кого латынь была родным языком, тогда как аудитория, которой предназначались сочинения Присциана, изучала латинский язык как иностранный. Необходимость изучать латынь с нуля привела к тому, что в странах, где родной язык населения принадлежал к германской группе, стали возникать учебники, весьма похожие на современные учебные пособия для изучения иностранных языков. Они включали в себя таблицы склонений и спряжений, примеры на употребление лексики и простейшие предложения, по аналогии с которыми можно было строить собственные предложения. Одним из наиболее популярных учебников стал диалог Алкуина, героями которого являются два мальчика – франк и сакс, и один из мальчиков объясняет правила латинской грамматики другому. С течением времени возникали и учебники на народных языках. Так, грамматика латинского языка была написана на англосаксонском языке Эльфриком Эйншамским. При этом латинский и англосаксонский языки, с одной стороны, противопоставлялись по принципу «свой – чужой», с другой, приобретали в сознании учащихся равный статус. Ноткер Немецкий написал учебники для всех семи дисциплин. В число этих учебников входило и пособие по изучению риторики. По образцу латинских грамматик составлен первый исландский грамматический трактат. В нем можно найти не только рассуждения о звуках и буквах языка, но и элементы пособий по орфографии.

Кроме грамматических трактатов, в распоряжении учителей и учеников было множество текстов разных жанров, включая двуязычные словари и глоссарии, учебные диалоги, сборники афоризмов и цитат, энциклопедические сочинения. Весьма распространенным жанром учебного текста был комментарий на важную по той или иной причине книгу. Поскольку произведения Вергилия были, пожалуй, самыми читаемыми сочинениями так называемой светской литературы, то и комментариев к ним было написано много. Они подразделяются на четыре группы: «литературные комментарии, самый знаменитый из которых принадлежит Сервию; комментарии, рассматривающие Вергилия как ритора (например, комментарий Тиберия Клавдия Доната); комментарии, восхваляющие Вергилия (таков комментарий Макробия); комментарии, рассматривающие Вергилия с аллегорической точки зрения (комментарии Фульгенция)» [4, с. 31]. Всеми этими текстами могли пользоваться равно и учителя, и их ученики. Однако существовали и книги, специально предназначенные для учеников, так называемые «книги, чтобы петь по ним и чтобы читать» [5, с. 112], о которых упоминает

Эльфрик Бага в своих «Латинских беседах». Судя по тому, что пишет о таких книгах Эльфрик, они изготавливались по числу учеников монастырской школы, и каждый ученик пользовался своим экземпляром для того, чтобы учить заданное. Состав таких книг определялся, видимо, нуждами школы. Так, например, «Собеседование» Эльфрика Эйншамского, учебный диалог о занятиях и профессиях, дошел до наших дней только в сборниках, куда входили извлечения из грамматики Присциана или грамматика, составленная самим Эльфриком, комментарии к грамматике Доната, глоссарий, англолатинский словарь. По такой «книжке для чтения» можно было знакомиться с разными аспектами языка: учить грамматику, расширять свой словарный запас, применять полученные знания в устной речи, заучивая диалоги и составляя по аналогии свои собственные тексты.

Необходимо отметить такую черту раннесредневековой учебной литературы, как энциклопедичность. Самой знаменитой и наиболее читаемой энциклопедией раннего Средневековья были «Этимологии» св. Исидора Севильского, содержащие в себе все сведения, которые могли бы пригодиться в монастырской школе. Открывает «Этимологии» книга, посвященная грамматике. В эпоху Каролингов появилась еще одна энциклопедия – «О Вселенной» Храбана Мавра (766/788–856). Храбан, ученик Алкуина, один из ученейших людей своего времени, составил эту энциклопедию для своего соученика и друга Хаймона, поскольку тот получил епископскую кафедру в городе Гальберштадте, на самой окраине тогдашнего христианского мира. Хаймону необходимо было открыть школу при соборе Гальберштадта и преподавать там по той же программе, что была принята во всех школах империи Каролингов, и энциклопедия «О Вселенной» была ему отличным подспорьем. Интересно, что материал в ней был организован по иному принципу, чем исидоровы «Этимологии»: «Для средневекового христианина вселенная двусоставна. Мир невидимый и мир видимый равно реальны, причем второй подчинен первому. Согласно св. Дионисию Ареопажиту, Бог “сохраняет порядок и благоустройство вселенной; сберегает бессмертное бытие беспорочных ангельских чинов; сохраняет неизменным расположение звезд и природу небесных светил... Силу огня... творит неугасимой, а источники вод неиссякаемыми... У животных... скрепляет связь души и тела, а у растений пробуждает силы питания и произрастания... [Людем] дарует обожение...”» [2, с. 34]. Так и энциклопедия Храбана начинается с «неизменного» – глав о Боге и ангельских чинах, а заканчивается описанием вещей, которые средневековый христианин считал тленными и преходящими. В качестве энциклопедии, рассказывающей об окружающем мире, средневековая школа рассматривала «Есте-

ственную историю» Плиния Старшего, причем ее читали и целиком, и заказывали сокращенные версии [8, с. 16]. «Естественная история» использовалась в качестве учебника для будущих врачей. Примером энциклопедичности может служить уже упоминавшийся «Богато груженный корабль» Экберта Льежского. Эта книга представляет собой энциклопедию литературы, входящей в круг чтения средневекового школьника, соединяя «мирскую литературу и священные тексты, конкретный и абстрактный материал. Басни и пословицы соседствовали с отрывками из святоотеческих писаний» [4, с. 19]. Энциклопедичность как качество присуща и тем текстам, которые не относятся к собственно энциклопедиям. Таковы, например, комментарии. Так называемые «Бернские схолии», комментарии, возникавшие и записывавшиеся на занятиях в монастырских школах в VIII–IX вв., представляют собой не только объяснения сложных слов и тонкостей латинской грамматики, необходимые при чтении вергилиевых «Буколик», но и источник сведений по римской истории, мифологии, географии, даже ботанике [9, с. 79, 80, 83, 82, 85, 86].

Еще одна особенность средневековых учебников связана с мировоззрением их авторов: «Средневековый человек ощущает постоянное присутствие инобытия в земном бытии, живет, “признавая видимые украшения отпечатками невидимого благолепия, чувственные благоухания – знаменами духовного раздаяния даров, вещественные светильники – образом невещественного света...”» [2, с. 35]. В представлении средневекового христианина весь мир полон аллегорий. Нужно научиться понимать их смысл, поскольку каждый предмет, каждое событие являются своего рода знаком, завесой, за которыми скрывается иная реальность. Поэтому и Священное Писание полно аллегорий, и к ним обращаются церковные писатели и педагоги. По мнению свт. Григория Великого, «аллегория для души, далеко отстоящей от Бога, представляет как бы некое орудие, чтобы посредством нее подняться к Богу. В то время как пускаются в ход загадки, когда она узнает в словах нечто свое, она в смысле слов понимает и то, что для нее не является своим, и чрез земные слова отделяется от земли. Ибо посредством того, от чего она не отвращается как от познанного, она понимает нечто непознанное» [7, 79, 473A]. Чтобы донести свою идею до читателя, свт. Григорий и сам обращается к аллегориям. Так, чтение Священного Писания (или любой другой книги) можно уподобить созерцанию «картины в красках и образах» [7, 79, 473D]: «весьма глуп тот, кто так прилежит краскам картины, чтобы не иметь понятия об образах, которые на ней нарисованы» [7, 79, 473D]. Невнимательный читатель, не старающийся понять глубокий смысл прочитанного, становится похож, как считает свт. Григорий, на

того глупца, который, глядя на картину, «не познает образов, которые нарисованы, а постигает одни лишь краски» [7, 79, 473D]. В другой аллeгории свт. Григорий сравнивает буквальный смысл прочитанного с мякиной, а духовный – с пшеницей: «“Буква убивает”, как написано, “а дух животворит” (II Кор 3:6); ибо буква так скрывает дух, как мякина покрывает пшеницу; но скоту свойственно есть мякину, а людям – пшеницу. Итак, кто питается в согласии с человеческим разумением, пусть отбросит мякину, и поспешит есть пшеницу духа; для того это полезно, что тайны сохраняются, покрытые буквой. Ибо здесь написано: “Мудрые сберегают знание” (Притч. 10:14). Ведь, без сомнения, под покровом буквы скрывается знание» [7, 79, 473D–474A]. Примером аллeгории в учебном тексте может служить трактат Марциана Капеллы «О браке Филологии и Меркурия», в котором каждое из «семи свободных искусств», изображаемое в виде прекрасной девы, гостя на свадьбе Филологии и Меркурия, образно рассказывает о той или иной дисциплине. Так, например, дева по имени Арифметика кратко пересказывает трактат Никомача «Арифметика» [4, с. 95–96]. В «Бернских схолиях» встречаем аллeгорические толкования отдельных строк или слов вергилиевых «Буколик», например: «Голос пастуха, призывающего другого из изгнания; аллeгорически поэта к поэту... Согласно истории, Мелибей говорит Титиру, что когда другие пастухи называли его отсутствующим, рощи и источники отвечали голосу Амарилиды» [9, с. 82].

Материал в раннесредневековых учебниках подается в виде диалога наставника и ученика или монолога наставника, но и монолог подразумевает ответную реакцию аудитории. Даже в текстах-монологах часто встречаются глаголы в сослагательном или повелительном наклонении, потому что эти тексты увещают или побуждают своих читателей к действию.

При всем многообразии учебной литературы раннего Средневековья можно отметить несколько общих черт. Вкратце перечислим их, создав своего рода «визитную карточку» учебников средневековой эпохи. Состав учебных книг по большей части определяется идеей «семи свободных искусств». Учебная программа унаследована средневековой школой от школы античной, внесенные в нее изменения отражают, с одной стороны, христианский взгляд на мир, с другой, восприятие и античности, и христианства через призму народной, чаще всего германской, культуры. Раннесредневековым учебникам присущи энциклопедичность и аллeгоричность. Учебник может быть оформлен как диалог или монолог, побуждающий читателя стремиться к знаниям. Эти черты прослеживаются во всех учебных текстах, будь то грамматика, которая «говорит» [6, с. 37], или астрономия, которая

«о звездах печется» [6, с. 37]. Вместе с античным наследием такие характеристики легли в основу аллегоричной и энциклопедической, символичной и дисциплинарной, вселенской и локальной учебной литературы Средневековья.

Библиографический список

1. Византийский словарь: в 2 т. / сост., общ. ред. К.А. Филатова. – СПб.: Амфора [и др.], 2011. – Т. 1. – С. 259–260 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/grigory_velik.php.

2. *Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. – М., 2003. – С. 272.

3. Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX вв. / отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М., 2006. – С. 480.

4. *Abelson P.* The Seven Liberal Arts, A Study in Medieval Culture. – NY., 1965. – P. 150.

5. Anglo-Saxon Conversations. The Colloquies of Aelfric Bata / ed. Scott Gwara, D.W. Porter. – Woodbridge: the Boydell Press, 1997. – P. 208.

6. *Curtius E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages / tr. W. Trask. – Princeton (the USA), 1953. – P. 658.

7. *Migne J.-P.* Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL) [Электронный ресурс]. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Chadwick-Healy, 1993–1995.

8. The Seven Liberal Arts in the Middle Ages / ed. Wagner D.L. – Bloomington: Indiana University Press, 1983. – P. 282.

9. Scholia Bernensia ad Vergilii Bucolica atque Georgica / ed. Hermannus Hagen, Georg Olms. – Hildesheim: Verlagsbuchhandlung, 1967. – S. 344.

Голубков Андрей Васильевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
andreygolubkov@mail.ru

«СМЕШНЫЕ ЖЕМАНИЦЫ» МОЛЬЕРА: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЖЕНСКИХ ХАРАКТЕРОВ

Статья посвящена анализу женских характеров в комедии Ж.Б. Мольера «Смешные жеманницы» и поиску их типологических истоков в западноевропейской культуре. В пьесе Мольера представлены две девицы – Като и Мадлон, названные «прециозницами». Прямыми прототипами этих сатирических образов были хозяйки двух крупных светских парижских салонов – Екатерина де Рамбуйе и Мадлена де Скюдери, однако глубинные истоки прециозного (салонного) женского типажа восходят к важному памятнику культуры позднего итальянского Возрождения – трактату «О придворном» Б. Кастильоне, посвящённому правилам аристократического поведения. Идеал «придворной дамы» был воплощён Кастильоне в образах Елизаветы Гонзага (супруги герцога урбинского Гвидобальдо Монтефельтро) и её подруги Эмилии Пиа, которые проповедовали идеалы приятного времяпрепровождения, светской учтивости и галантного обхождения, составивших основу «джентльменского» кодекса чести. Женщины, карикатуры которых представлены в пьесе Мольера, сыграли лидирующую роль в формировании нового аристократического типа, а французский светский салон, прообразом которого было описанное Кастильоне придворное общество Урбино, стоит у истоков разнообразных научных и светских организаций, в том числе и Французской академии, наделенной впоследствии официальным статусом.

Ключевые слова: Мольер, Б. Кастильоне, прециозница, аристократическое поведение, светский салон.

Одним из самых ярких событий французской культурной жизни середины XVII века стало представление мольеровской одноактной пьесы «Смешные прециозницы» (обыкновенно именуемой в русских переводах «Смешные жеманницы»), состоявшейся на подмостках парижского Пти-Бурбона 18 ноября 1659 года. Напомним, что эта комедия открывается диалогом двух парижских щёголей Лагранжа и Дюкруази, которые обмениваются репликами после визита к двум недавно обосновавшимся в Париже провинциалкам – Мадлон и Като, соответственно дочери и племянницы Горжибюса. В качестве главных своих героинь Мольер представил девиц, начитавшихся галантной литературы, которые признаются, что у кавалеров «дурные манеры», «нет тонкости общения», ведь те ведут себя согласно патриархальной маскулинной логике, сразу же, с первых минут разговора, предлагают законный брак. Девицы, однако, предпочитают риторические галантности («Хороша тонкость общения! Начинать прямо с законного брака!» [1, с. 34]). Отвергнутые поклонники решают подшутить над «жеманницами» и подсылают в их дом своих лакеев. Один из них – Маскариль, слуга Лагранжа – с присущей ему «манией строить из себя важного господина», «воображает, что у него изящные манеры, он кропает стишки, а других слуг презирает и зовёт их не иначе как скотами» [1, с. 33]. Вместе с Жодле, слугой Дюкруази, Маскариль проникает в дом Горжибюса и устраивает светский разговор, гипертрофируя все правила хорошего тона и изящного языка. Напомним, что в конце истинные кавалеры разоблачают подложных и высмеивают девиц, однако на протяжении нескольких явлений мы сами оказываемся свидетелями галантного светского разговора, в подлинности которого у девиц нет никаких сомнений. Для исследователя француз-

ской культуры данная беседа содержит поистине бесценный материал для литературоведческого, социологического и антропологического анализа, ибо оказывается примером приемлемого светского дискурса (хотя и в карикатурном его изводе).

Итак, провинциалкам оказалась не по душе искренность и прямота кавалеров, предложивших вполне приземлённые земные любовные утехы в законном браке, они избирают Маскарिला – кавалера фальшивого и предельно феминизированного: при первом же своём появлении он, ничем не отличаясь от провинциалок, причёсывается, обсуждает цену и качество своих чулок, наколенников («они у меня на четверть шире, чем теперь носят» [1, с. 45]), перчаток, парика (Мадлон отмечает его «дивный запах»: «в нём сочетается возвышенное и усладительное» [1, с. 45]), а также перьев и лент, которыми щедро украшен его костюм. Браку и вполне приземлённым, мещански-обыденным ценностям и удовольствиям девицы предпочли пустую галантную «лесть» и «симулякр соблазнения»: и Маскариль, и его приятель Жодле не представляют никакой «опасности» для чести девиц. Более того, мотив сексуального бессилия «подложных кавалеров» развит в гротескном ключе: Маскариль берётся за пуговицу панталон, дабы продемонстрировать последствия мнимого ранения в пах («Теперь я вам покажу самое страшное повреждение» [1, с. 48]), хотя дамы верят ему на слово. Прециозницы предпочитают бессильного мужчину, способного лишь на безобидные лингвистические упражнения («Мог ли я допустить, чтобы на пышность моих перьев обрушилось безжалостное ненастье и чтобы на грязи отпечатались следы моих башмаков» [1, с. 38]), «Скверная погода нанесла жестокий ущерб нежности моего голоса» [1, с. 43]). Дабы стать приятным, Маскариль вынашивает поистине грандиозные планы: «Я пе-

релагаю в мадригалы всю римскую историю» [1, с. 42]. Он стремится создать текст, который предназначен *женской* публике, будет ей понятен и приятен. Законному браку девицы предпочитают социальную активность – некое сообщество («академию»), где они будут «знать обо всём раньше всех» и чувствовать себя законодательницами вкуса. Заметим, именно это и обещает Маскариль, прекрасно осведомлённый в дамских желаниях: «Ваша правда, конфузно не принадлежать к числу тех, кто первыми узнают обо всём. Впрочем, не беспокойтесь: я хочу основать у вас в доме *академию острословия* (je veux établir chez vous une académie de beaux esprits) и обещаю, что в Париже не будет ни одного стишка, которого вы бы не знали наизусть раньше всех. Я и сам упражняюсь в этом роде. Вы можете услышать, с каким успехом исполняются в лучших парижских альковках (dans les belles ruelles de Paris) двести песенок, столько же сонетов, четыреста эпиграмм и свыше тысячи мадригалов моего сочинения, а загадок и стихотворных портретов я уж и не считаю» [1, с. 41].

Като, Мадлон и Маскариль, будь они реальными лицами, должны были знать о существовании Французской академии, основанной декретом Ришелье в 1635 году, однако эта академия даже в период создания мольеровской пьесы, то есть спустя почти четверть века после своего официального создания, еще не обладала «административным ресурсом», оставаясь одной из многочисленных академий, получивших распространение в Париже и французской провинции в середине XVII века. Собственно, создание пьесы Мольера приходится на период, когда официальная академия уже была оформлена декретом, но в реальности ещё не стала инструментом власти – эти «абсолютистские» функции ей будут приписаны лишь в 1680-е годы. Остановимся на мгновение на странном употреблении слова «академия» при обозначении таких разных, с точки зрения сегодняшнего читателя, институций, как официальный государственный экспертный орган и кружок провинциальных прециозниц. Дело в том, что только в конце XVIII столетия привычное нам слово «салон» приобрело современный смысл и стало обозначать «светское собрание». До этого времени, согласно словарю Фюретьера, слово «салон», восходящее к итальянскому «sala», обозначало лишь предназначенный для приёмов большой зал в особняке, то есть помещение, а отнюдь не компанию людей, в нём присутствующую, и тем более не некую статусно-сословную группу, объединение людей в соответствии с определённой системой ценностей. Вплоть до Французской революции XVIII века для обозначения данной реальности использовалось весьма внушительное количество самой разнообразной лексики, среди наиболее распространённых терминов – «ассамблея» («assemblée»),

«общество» («société»), «компания» (compagnie), «кружок» («cercle»), «двор» («cour»), «[кабалистическая] секта» (cabale), «альков», «уголок», «закуток» («alcôve», «ruelle»; вспомним, что именно это слово – «ruelle» – использует, анонсируя свой проект, Маскариль как синоним слову «академия»), «кабинет» (cabinet), «приют» (réduit), «толкучка» (cohue). Нет сомнения в том, что термин «академия» был гораздо более популярным, нежели все перечисленные выше наименования, и связано это с новым пониманием данного слова и стоящего за ним явления в итальянской культуре, которое с начала XVII века стало активно популяризироваться во Франции. Имена двух мольеровских «жеманниц» – Като и Мадлон – недвусмысленно указывали на Екатерину Рамбуи и Мадлену де Скюдери – хозяйки двух самых известных парижских салонов (тогда их называли «отели»), где культивировался тот стиль аристократического поведения, крайности которого и были подмечены Мольером. Во многом новые традиции дискуссии, в которой равными правами наделялись все её участники, были концептуально осмыслены Мишелем Монтенем, посвятившим им одно из своих эссе под названием «Искусство беседы» [2, с. 138–160]. Заметим, именно беседа (но не спор) оказывается, по мнению Монтеня, предпочтительной дискурсивной практикой и ключевой особенностью *академии* как институции в античности и в недавней (текст создавался в 1570–80-х годах) итальянской истории: «Самое плодотворное и естественное упражнение нашего ума – по-моему, беседа. Из всех видов жизненной деятельности она для меня – наиболее приятный. Вот почему, если бы меня принудили немедленно сделать выбор, я, наверное, предпочёл бы скорее потерять зрение, чем слух или дар речи... Афиняне, а вслед за ними и римляне придавали в своих академиях высокое значение этому искусству. В наше время итальянцы сохранили в нём некоторые навыки – к большой для себя выгоде, если сравнить их способность суждения с нашей. Учась чему-либо по книгам, движешься вперёд медлительно, слабо, безо всякого пыла; живое же слово и учит, и упражняет» [2, с. 140]. Монтень, в нескольких словах очертив историю академий и указав на их популярность у итальянцев, приходит к выводу, что разговор учит сам по себе, а утверждение истины не является единственной и главной его целью. По мнению Монтеня, в идеальном разговоре никакая идея не может быть отвергнута, коммуникация оказывается способом обучения настолько же, насколько и приятным досугом: Монтень *volens nolens* отрицает средневековый тип научного спора, в центре которого стояло стремление найти истину и победить противника, показав несостоятельность его идей, сведя их к парадоксу, искажению природы, абсурду: «В беседу и в спор я вступаю с лёгкостью, тем более, что об-

щепринятые мнения не находят во мне благоприятной почвы, где они могли бы укорениться. Никакое суждение не поразит меня, никакое мнение не оскорбит, как бы они ни были мне чужды. Нет причуды столь легкомысленной и странной, которую я бы не счёл вполне допустимым порождением человеческого ума. Мы, не признающие за суждением своим права выносить приговоры, должны снисходительно относиться к самым различным мнениям, и если мы с ними не согласны, будем их всё же спокойно выслушивать... Противные моим взглядам суждения не оскорбляют меня, а только возбуждают и дают толчок моим умственным силам. Мы не любим поучений и наставлений; однако надо выслушивать их и принимать, особенно когда они преподносятся в виде беседы, а не какой-нибудь нотации» [2, с. 142].

Такой отказ от нотационности, то есть агональной стратегии дискурса с выделенными оппонентами и проponentами, при которой противники отстаивают свои интересы, безусловно, был обязан усвоению итальянского академического опыта, который, в свою очередь, стал практическим воплощением идеалов трактата Бальдассаро Кастильоне «Придворный», изданного в Венеции у наследников Мануция в 1528 году и описывающего идеальную светскую академию – сообщество людей, разговаривающих друг с другом на разные темы, в том числе о том, как им же и следует разговаривать. Бальдассаро Кастильоне (1478–1526), автор знаменитого трактата «О придворном», описывающего аристократическое поведение при дворе Урбино, первая редакция которого с посвящением Франциску Ангулемскому (будущему французскому королю Франциску I) была завершена в Риме к началу 1516 года; окончательная версия обнародована в 1528 году. Книга очень быстро, уже в 1537 году, была переведена на французский язык (переводчик неизвестен). Напомним, что в этом тексте Кастильоне представлена небольшая группа придворных, которые в течение четырёх вечеров (3–7 марта 1507 года) уединяются для приятной беседы в sala delle Veglie урбинского замка, расположенного между частными апартаментами герцогини урбинской и тронным залом герцога Гвидобальдо Монтефельтро, то есть между зоной максимальной приватности и абсолютно публичным пространством: «Но поскольку синьор Герцог по причине болезни вскоре после ужина всегда удалялся, чтобы отдохнуть, каждый шёл обыкновенно туда, где в этот момент находилась герцогиня Елизавета Гонзага... Все лица благородного звания, находившиеся при дворце, имели обыкновение вскоре после ужина собираться у синьоры Герцогини, где меж всякими приятными развлечениями, музыкой и танцами, неизменно имевшими место, иногда предлагались занятные вопросы, иногда же по выбору одного или другого затевались какие-

нибудь замысловатые игры, по ходу которых присутствующие выражали свои мысли под покровом различных аллегорий, кому как больше нравилось. Порой начинались споры по различным поводам или подтрунивали друг над другом, обменивались колкими замечаниями; часто составляли девизы, как мы теперь это называем. И такого рода занятия доставляли необычайное удовольствие...» [3, с. 192]. Кастильоне неоднократно указывает на то, что светское общение ставит целью получение удовольствия (радости) от времяпрепровождения, досуга и не соотносится с постановкой или решением неких экзистенциальных или философских проблем: «Итак, здесь велись приятные беседы, звучали пристойные шутки, и на лицах у всех была написана некая жизнерадостная весёлость, так что дом сей по праву можно назвать настоящим приютом радости... Душа каждого из нас наполнялась необыкновенным счастьем всякий раз, когда мы собирались в присутствии синьоры Герцогини» [3, с. 191]. Вдохновительницей неофициального – светского, «ночного» – существования обитателей урбинского двора оказывается Елизавета Гонзага, супруга герцога Гвидобальдо Монтефельтро; именно вокруг неё объединяется придворное общество и выстраивается неофициальная урбинская социальная иерархия в моменты отсутствия Гвидобальдо, который не может участвовать в разговорах по причине своей болезни. Кастильоне так описывает состояние Гвидобальдо: «герцог Гвидо, не достигнув и двадцати лет, заболел подагрой, которая, доставляя тяжёлые страдания, в короткое время так повредила все его члены, что он потерял способность держаться на ногах и передвигаться. В результате тело, одно из самых красивых и правильно сложенных в мире, было изуродовано и покалечено в юном возрасте» [3, с. 189]. Елизавета (1471–1526) по причине болезни своего супруга жила в полном воздержании и отказывалась от развода (церковь ей это позволяла), даже когда Гвидобальдо предлагал ей оставить его и несмотря на то, что её родные подыскивали ей прекрасные партии. Она предпочла оставаться со своим мужем и во время изгнания, когда Гвидобальдо был сослан Цезарем Борджиа. Оставшись без детей, вследствие заболевания герцога, супружеская пара усыновила племянника Гвидобальдо – Франческо Мария делла Ровере, который стал герцогом Урбинским после смерти приёмного отца.

Елизавета – душа двора Урбино, она совмещает в себе идеалы абсолютной чести и добродетели, мягкости и доброты: «Я тоже не могу больше удержаться от того, чтобы не высказаться по поводу нашей Герцогини, которая прожила пятнадцать лет со своим мужем как вдова и которая не только имела терпение не открыть этого никому в мире, но когда её собственные родители настаивали на том, чтобы она оставила своё вдовство, то она предпоч-

ла переносить изгнание, бедность и все подобные несчастья, нежели чем принять то, что казалось всем остальным великой милостью и счастливым событием фортуны» (перевод наш. – А.Г.; напомним, что 3-я книга трактата Кастильоне к настоящему времени не переведена на русский язык) [4, с. 272]. Перед нами образ женщины, которой удалось, во-первых, найти свою социальную «нишу», отвергнув традиционные модели, навязываемые обществом и даже опрокидывающие традиционные представления по поводу женской природы, и, во-вторых, доказать, что участие в придворных развлечениях не приводит к отрицанию добродетели и чести: «Поэтому каждый старался равняться на нее, беря как бы за образец хороших манер то, что являла собой такая славная государыня... и хрупкой женщине, кроме необыкновенной красоты, могут быть присущи благоразумие, твёрдость духа и все те доблести, которые нечасты даже у привычных ко всему мужчин» [3, с. 191].

При описании вечернего досуга придворных Кастильоне указывает на лидирующую роль женщин в светских практиках: утверждаемые поведенческие и мировоззренческие стратегии как раз не предполагают схоластического или рыцарского агона (апологетом которого должен был выступать Гвидобальдо Монтефельтро, а символом – дневное существование придворного) и связанного с ним наличия побеждённых и победителей; на первый план выходит совершенно новая антропологическая и социологическая ценность – когнитивное соответствие внутри статусной группы, то есть стимулируемое общественное единодушие, достигаемое в границах избранного сообщества до артикулированного конформизма: «Казалось, что счастье это было некоей целью, соединившей всех в любви так, что и между братьев никогда не было большего единодушия и сердечного согласия, нежели у тех, кто находился там... То же было и между дам[ами], с которыми общались непринужденно и благопристойно. Каждый был волен, с кем захочет, разговаривать, сидеть, шутить и смеяться. Но почтение, испытываемое по отношению к синьоре Герцогине, было такого свойства, что сама же свобода становилась наилучшей уздой: не было человека, который бы не находил высшего удовольствия в том, чтобы угодить ей, а высшего наказания – в том, чтобы не угодить. По этой причине сочетались здесь величайшая свобода с величайшим добронравием, а смех и шутки в её присутствии были приправлены не только метким остроумием, но и привлекательной и величавой степенью» [3, с. 191]. Анонсируемым принципом организации светской группы оказывается почтение к Герцогине, а угождение женщине – смыслом существования и пределом удовольствия придворного, который должен редуцировать свою маскулинную сущность, подчиниться женщине:

в кастильоновом пространстве – как Герцогине, которая «казалось, настраивала всех на свой лад», так и Эмилии Пиа, «которая будучи одарена, как вам известно, весьма живым и рассудительным умом, выступала словно бы наставницей всех, учившихся у неё благоразумию и достоинству». Кастильоне указывает на наставнический, педагогический функционал женщины: только она способна привить мужчинам-рыцарям изящные манеры, традиционно идентифицирующиеся с женскими поведенческими стратегиями, то есть с мягкостью, конформностью и изяществом – «грацией». Книга фактически и представляет собой серию бесед, в которых собравшиеся решают создать образ идеальных придворных, то есть самих себя, и способность вести разговор оказывается среди наиболее значительных преимуществ. Беседа, описываемая Кастильоне, ставит своей целью не обретение новой информации, но исключительно удовольствие от процесса: идеальный придворный стремится приятно провести время с тем, кого считает себе подобным. В связи с этим идеальный, обладающий мудростью придворный должен воспитать в себе качество, которое, на первый взгляд, не соотносится с современными массовыми представлениями о придворной или светской жизни – культивирование посредственности, которая происходит не от недостатка ума, но от сознательного стремления скрыть свои способности, дабы избежать конфликта; во французском переводе XVI века книги Кастильоне, предпринятом Клодом Шапюи, этот принцип поведения в беседе переведён как «некая благородная посредственность» («une certaine médiocrité honnête»), в связи с чем оказывается логичным маскарилевское устремление к лести и угождению даме. В случае с герцогиней урбинской и её подругой Эмилией Пиа (супруга Антонио де Монтефельтро, брата Гвидобальдо, которая, оставшись вдовой, жила при дворе Урбино) мы наблюдаем фактически истоки прециозного женского этоса; образы этих двух дам, созданные в книге Кастильоне, предстают в качестве радикально новой модели женского поведения, наследниками которой и будут Като и Мадлон – как сами мольеровские персонажи, так и их реальные прототипы – Екатерина де Рамбуи и Мадлена де Скудери.

Библиографический список

1. Мольер Ж.-Б. Смешные жеманницы: комедия в одном действии // Мольер Ж.-Б. Комедии. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 27–52.
2. Монтьен М. Опыты. – М., 1996. – Т. 2. – Кн. 3, гл. 8. – С. 138–160.
3. Кастильоне Б. Придворный // Сочинения великих итальянцев XVI века. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 181–247.
4. Castiglione B. Il libro del Cortegiano. – Torino: Einaudi, 1965. – 365 p.

Халтрин-Халтурина Елена Владимировна
 доктор филологических наук, старший научный сотрудник
 Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
 elenahaltrin@yandex.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ДЕТЕКТИВА В ПАРОДИЯХ ДЖЕЙН ОСТЕН

Известная пародия на готический роман, созданная Джейн Остен («Нортенгерское аббатство», 1803/1817), прочитывается нами как произведение, содержащее протодетективные черты. Повествовательные приемы, использованные Остен, особенно близки ироническим детективам, всплеск популярности которых пришелся на середину XX в. – начало XXI в. Сегодня мы говорим об ироническом детективе как об одной из разновидностей более общего понятия «детективный жанр». Однако изучение британских романов начала XIX в. свидетельствует о том, что иронический детектив зародился отнюдь не как ответвление от «серьезного» детектива, и не после него. Ирония была одним из решающих факторов, благодаря которому романы ужасов пресуществились в литературу об успешном сыске. В статье приводится справка об исследованиях, в которых Джейн Остен позиционируется как мастер комических расследований, и рассматриваются отрывки из 11-й и 12-й глав «Нортенгерского аббатства».

Ключевые слова: Дж. Остен, пародия на готический роман, ирония, «саспенс», протодетектив, «Нортенгерское аббатство».

Непосредственной предшественницей детективных романов, повестей и рассказов в Великобритании принято называть литературу, полную сверхъестественных тайн и загадок: готику предромантической и романтической эпох, которая затронула все формы устной и письменной художественной речи: от легенд о привидениях, баллад и беллетристики до драматургии. В Англии середины XIX в. в результате скрещения *готической литературы* рубежа XVIII–XIX вв. (где очень важен элемент фантастического, паранормального) с так называемым *нью-гейтским романом* 1820–1840 гг. (где романтизировались приключения и судьбы известных авантюристов и преступников, отбывавших срок заключения в Ньюгейтской тюрьме) появился новый вид романа – *сенсационно-детективный*, в котором сочетаются две поэтики: литературы «мистической» и литературы «криминальной».

Установить точную дату первых проникновений детективных мотивов в английскую литературу едва ли представляется возможным: такие мотивы рассыпаны по огромному количеству произведений, создававшихся на протяжении столетий. А вот о становлении жанра детективного романа можно говорить конкретнее: оно завершилось в Великобритании к 1860-м гг. В «Лунном камне» У. Коллинса оказалась реализована модель, на основе которой в более поздние годы возникло множество объемных произведений детективного характера – детективных романов. (Ранняя модель детективного рассказа лучше всего, как известно, была реализована в творчестве американца Э. По.) Перечислим некоторые принципы построения «Лунного камня», которые также определяли суть зрелого британского детектива с 1860-х гг. вплоть до середины XX в. (см., например: [5]):

1. Место совершения преступления (убийства) – английский манор, тихое загородное поместье (иногда – очень ограниченное пространство: так называемая «запертая комната»).

2. Преступник – некто из тесного круга родственников и знакомых.

3. Подозреваемых несколько, многие из них имеют в обществе хорошую репутацию.

4. Описан опрос нескольких свидетелей.

5. Расследование ведет опытный и умный следователь (он может быть профессиональным сыщиком, а может быть человеком, не служащим в полиции).

6. На каком-то этапе к расследованию подключается полиция.

7. Следствию помогают или мешают ошибочные действия помощников следователя.

8. Следствие иногда сбивается на ложный след (так называемый прием *red herring*), что на нарративном уровне представлено перебивкой повествовательных ракурсов.

9. Процесс разгадывания тайны преступления описан весьма подробно и логично; ясность мысли торжествует вопреки запутанности истории.

10. В конце романа может произойти неожиданный поворот событий, ведущий к окончательной разгадке преступления.

Существуют иные перечни признаков «канонического» детектива: не описательного, а предписательного характера. Как это часто бывает, развитие жанра влечет за собой и уточнение его формальных особенностей, поэтому в XX в. появлялись детальные дефиниции детектива, содержащие наставления и ограничения: чего в детективе быть не должно (например, основной расследователь не должен дублировать роль преступника, обязательное преступление в детективе – убийство и т. д.). Согласно таким дефинициям, то или иное произведение можно было причислить к детективному «канону» либо отвергнуть как «маргинальное». Известны перечни, составленные основателями британского Детективного клуба (1920-е гг.), американским автором Стивеном Ван Дайном, а также критические отзывы об этих перечнях знатоков и любителей детективного жанра.

Однако в данной статье нас больше интересуют так называемые романы-«мистерии», готические предшественники детектива, в которых герой-расследователь узнает о чьей-то насильственной кончине и пытается добиться ясности: установить обстоятельства и причины гибели человека, найти и обличить виновного. Готические протодетективы отличались мистичностью, от которой авторы сенсационного романа и зрелого детектива постарались отмежеваться, поскольку в успешном расследовании должно торжествовать логическое мышление, а всё, что мешает нахождению решения – загадочность, страхи и вера в сверхъестественное – требуется развеивать. Романы и новеллы Ч. Мэтьюрина, Дж. Хогга, Р.Л. Стивенсона помимо детективных черт содержали следующие: мотив сделки с дьяволом; мотив двойничества (*doppelgänger*); присутствие среди персонажей человека сильного, харизматичного, обладающего удивительными талантами и паранормальными способностями; присутствие среди персонажей человека с особыми религиозными убеждениями; наличие необычных письменных свидетельств (писем, старых рукописей и пр.). Имелась у протодетективов еще одна общая особенность, которая – в отличие от перечисленных мистических составляющих – органично вписалась и в детективные романы: периодическое обращение к ироническому повествованию.

В самом деле: один из удачных приемов, позволяющий развеять страхи, привести ясность в толкование событий, рационализировать то, что кажется мистическим, – это снятие напряжения с помощью смешного. У героя открываются глаза на неожиданный факт, в результате чего всему пугающему находится простое логическое объяснение, и иллюзия действия сверхъестественных сил разрушается.

Этот прием часто используется в иронических детективах, всплеск популярности которых пришелся на середину XX в. – начало XXI в. Сегодня мы говорим об ироническом детективе как об одной из разновидностей более общего понятия «детективный жанр». Однако изучение британских романов начала XIX в. свидетельствует о том, что иронический детектив зародился отнюдь не как ответвление от «серьезного» детектива, и не после него. Ирония была одним из решающих факторов, благодаря которому романы ужасов пресуществились в литературу об успешном сыске.

Для иллюстрации сказанного обратим внимание на очень известный в Великобритании 1820-х гг. текст. Это «Нортенгерское аббатство» (1803/1817) Джейн Остен – пародия на готический роман.

Романы нравов, вышедшие из-под пера Джейн Остен, в XX в. привлекли не одного исследователя протодетективов. Назовем, к примеру, работы Х. Чарни [4], Р. Эйлвина [2], Э. Белтон [3], Л. Мон-

ка [6]. Наша современница, автор популярных детективов об Адаме Дэлглише и Корделии Грей, англичанка Ф.Д. Джеймс (1920–2014) неоднократно говорила в своих интервью: «Если бы Джейн Остен писала сегодня, то она почти наверняка сделала бы величайшим мастером детективного жанра» [7].

В упомянутых трудах под знаком детектива более или менее детально рассмотрены все произведения Джейн Остен, включая воспитательный роман «Мэнсфилд-парк» (1811/1814), в котором логика расследования представлена с меньшей выразительностью, чем в таких текстах, как «Нортенгерское аббатство», «Чувство и чувствительность», «Гордость и предубеждение», «Эмма», «Доводы рассудка». Все романы Джейн Остен подчинены логике разгадывания неких «страшных тайн». Эллен Белтон [3, с. 45–46] предложила для краткого описания остеновских сюжетов следующую схему: героиня встречает молодого мужчину (своего суженого, о чем она пока не знает), с которым связаны страшные секреты, что первоначально действует на девушку отталкивающе. Постепенно смысл действий героя проясняется – и он превращается в глазах героини из негодяя в благороднейшего человека. Параллельно раскрывается и тайна другого мужского персонажа, сначала казавшегося исключительно приятным человеком, а на деле скрывающего дурные стороны. Когда в начале истории завеса тайны слегка приоткрывается и обнаруживаются факты, противоречащие представлениям героини о добрых и злых характерах, возникает интрига. У героини пробуждается интерес к расследованию – и она уподобляется сыщику-любителю, чтобы разузнать необходимую информацию и понять скрытую суть происходящего. Героине это необходимо для того, чтобы определиться с тактикой поведения и найти свое место в обществе.

«Страшной тайной» у Остен может быть непростительный поступок, совершенный кем-либо из персонажей, или низость, граничащая со злодеянием. Человекоубийство остеновская героиня заподозрила только в одном романе – «Нортенгерское аббатство», на котором я остановлюсь чуть подробнее, сфокусировав внимание на отрывке, который в упомянутых выше работах об остеновских протодетективах не обсуждался.

«Нортенгерское аббатство» было опубликовано посмертно, в 1817 г., хотя является одним из самых ранних произведений писательницы. Известно, что после 1803 г. (когда Остен пробовала отдать рукопись печатнику) коррекций в текст она не вносила. Роман отмечен характеристиками нескольких жанров: роман о воспитании и о взрослении героини (в начале истории Кэтрин Морланд исполняется 17 лет) соединился здесь с романом нравов, с комедией положений, с реминисценциями из Сервантеса (проявления дон-кихотства, импульсивность

героини, правдоискательство без оглядки на действительность, полная погруженность в фантастические книжные сюжеты) и с пародией на готические романы ужасов. Любимым чтением Кэтрин были модные готические романы 1790-х гг., поэтому в сложных ситуациях, когда она гостит в старом замке семейства Тилни, и не знает, как себя вести и что предпринять, девушка подражает действиям героев романов А. Радклиф, М. Льюиса, Э. Парсонса, Маркиза де Гросса и др., отсылки к которым вплетены в канву повествования.

В начале романа Кэтрин Морланд в сопровождении старших отправляется на воды в Бат, где собиравшись весь цвет английского общества, устраивались балы и налаживались дружеские и семейные связи. Первые выходы героини в свет увенчались новыми знакомствами, в том числе и с состоятельным семейством Тилни. (Надо отметить, что отношение к Кэтрин некоторых знакомых меняется на протяжении романа в зависимости от того, какими сведениями они располагают о величине ее приданого.) Узнав о хорошем приданом, отец семейства Тилни, старый генерал и хозяин старинного готического замка Нортенгерское аббатство, устраивает так, чтобы его дети пригласили девушку погостить в аббатстве, находящемся в нескольких часах езды от Бата. В тайне от всех генерал вынашивает план женить на Кэтрин своего сына, молодого священника Генри. Тем временем Кэтрин, подружившаяся с Генри и его сестрой Элиной (незамужняя леди, на которой держится семейное хозяйство), вынашивает собственные планы: разобраться в тайне замка Нортенгерское аббатство. Тяжелый характер генерала, его почти тиранское отношение к домочадцам будят у Кэтрин подозрения, что несколько лет назад он сжил со света свою супругу. Кэтрин просит показать ей покои умершей госпожи Тилни, исследует дальние комнаты старинного дома, строит гипотезы о совершенных в Нортенгерском аббатстве преступлениях, попадает в ряд неловких ситуаций – и оказывается выдворена из замка генералом.

Позже, проехав более 70 миль из Нортенгерского аббатства, домой к Кэтрин является Генри Тилни с предложением руки и сердца. Выясняется, что генерал Тилни получил сведения о том, что родители Кэтрин якобы разорены – и прервал знакомство с Морландами, запретив сыну думать о неравном браке с бесприданницей. Вопреки воле отца-тирана, Генри решил жениться на Кэтрин. Генерал позже все-таки дает разрешение на этот брак, разобравшись в истинном положении дел: состояние Морландов достаточно велико, хотя обладателями больших богатств назвать их нельзя.

Успешно решается и загадка предполагаемого убийства госпожи Тилни: подозрения Кэтрин, подпитанные ее увлечением готикой, оказываются бесосновательными. Продиктованы они были пусты-

ми фантазиями и незнанием людских характеров. Таким образом, в лице юной Кэтрин Дж. Остен вывела пародию на неумелого горе-сыщика: взявшись за расследование надуманного дела, героиня совершает массу комических ошибок и понимает значение происходящего позже, чем другие участники событий. Даже читатель, которого в зрелых детективах сыщик опережает на несколько шагов, в «Нортенгерском аббатстве» понимает смысл происходящего раньше, чем Кэтрин.

Остен описывает похождения своей героини в замке, то умело нагнетая напряжение («suspense»), то ослабляя его ироничными замечаниями. В качестве примера приведем отрывок из 11 главы романа, в которой Кэтрин глубокой ночью исследует уголки старинного бюро и находит некий таинственный свиток.

Один из излюбленных приемов Остен – углубляться в описание мелких деталей, чтобы среди избыточного нагромождения как бы между прочим сообщить очень важную деталь, до поры до времени скрытую от внимания читателя. В нужный момент (обычно во время окончательного объяснения героев) писательница напоминает эту деталь, извлекая ее, как джина из бутылки. Вновь найденная, мелкая деталь творит чудеса: раскрывает секрет, долго мучивший героиню. Так построено повествование в «Гордости и предубеждении», в «Эмме», в «Доводах рассудка», да и в других остеновских сочинениях. Однако в цитируемом ниже отрывке множество деталей не содержит ничего, что серьезно повлияло бы на судьбы героев. Косвенная отсылка к запертым комнатам Синей Бороды – отсылка, осознаваемая героиней, – помогает создать атмосферу готического: «Поставив осторожно свечу на стул, она схватилась за ключ и дрожащей рукой попробовала его повернуть. Замок не отпирался несмотря ни на какие усилия. <...> Она снова взялась за ключ и, вращая его в обе стороны с отчаянием последней попытки, вдруг почувствовала, что дверца качнулась. Обрадованная одержанной победой, она распахнула обе створки. <...> Внутри Кэтрин увидела два ряда маленьких ящичков между более крупными ящиками сверху и снизу и маленькую дверцу посередине, также со вставленным в замочек ключом, прикрывавшую, очевидно, главное вместилище. <...> Она осмотрела все ящики до последнего, но ни в одном из них не нашла ровно ничего. <...> Прошло, однако, некоторое время, прежде чем ей удалось открыть дверцу, – внутренний замок оказался столь же капризным, как и наружный. В конце концов и он отомкнулся. И здесь ее поиски оказались не такими тщетными, какими были до сих пор. Жадный взор Кэтрин тотчас же заметил задвинутый в глубину, очевидно для лучшей сохранности, бумажный сверток – и ее чувства в этот момент едва ли поддаются описанию. Лицо ее побледнело, сердце тре-

петало, колени дрожали. Неверной рукой она схватила драгоценную рукопись, – одного взгляда было достаточно, чтобы различить на бумаге письма <...>. Мерцание свечи заставило ее со страхом оглянуться. Свеча не могла скоро погаснуть – ее должно было хватить на несколько часов. И чтобы избежать всяких помех, кроме затруднений при чтении старинного текста, Кэтрин поспешно сняла с нее нагар. Увы, при этом она ее погасила. <...> Лоб ее покрылся холодной испариной, сверток выпал из рук. <...> Рукопись, найденная при таких необычайных обстоятельствах, такое странное совпадение с утренним разговором, – какое этому могло быть дано объяснение? Что она содержала, к кому была обращена? Каким образом она так долго оставалась незамеченной? И как раз на долю Кэтрин выпало ее найти!» (здесь и далее текст приводится в переводе И.С. Маршака).

Кэтрин производит тщательнейший обыск запретного пространства, тайника, в надежде найти важные свидетельства, которые подтвердили бы или развеяли ее подозрения о мрачной истории замка. Дополнительное напряжение создает мерцающая свеча, заставляя героиню остро почувствовать меру времени, ощутить, что на расследование отпущено мало часов (которые полностью истекли в момент наступления мрака). Найдя рукопись, Кэтрин сопоставляет итоги своих розысков с утренним разговором, который здесь имеет силу «показаний очевидцев». Остен отмечает в этом отрывке и важную роль случая: некоторые свидетельства человека сыска может обнаружить благодаря удаче. Подробное описание процесса поисков и сопоставления фактов, представленное здесь, действительно напоминает детективное повествование.

Прочсть рукопись героине удастся лишь с наступлением утра (глава 12). Солнечные лучи прогоняют ночные страхи. А рукопись, рисовавшаяся в воспаленном воображении страшным документом, вещающем о преступном прошлом, превращается в обычные бытовые бумаги. Остен не жалеет иронии: «Жадным взглядом впилась она в одну из страниц. То, что она увидела, ее ошеломило. Могло ли это быть на самом деле или чувства ее обманывали? Перед ней был всего лишь написанный современными корявыми буквами перечень белья! Если можно было верить глазам, она держала в руках счет от прачки! <...> Еще два листка, исписанных той же рукой, содержали столь же незначительные статьи, как-то: пудру для париков, шнурки для ботинок и пуговицы для штанов, а самый большой листок, в который были завернуты все остальные, судя по первой корявой строке: “За примочки гнедой кобыле”, был счетом от коновала. Вот чем оказался бумажный сверток (по-видимому, очутившийся там, где его нашла Кэтрин, из-за небрежности прислуги), который вызвал у нее такую игру воображения и столько страхов, наполовину

лишив ее ночного отдыха! Она чувствовала себя совершенно уничтоженной».

Обманутое ожидание (и героини, и читателя), резкое снижение стиля (от возвышенно-ужасного к обыденно-живописному [1]) придают картине ироничный тон, что в конечном итоге помогает вернуть повествование в русло здравого смысла, где над эмоциями торжествует бесстрастная логика.

Заметим также: Джейн Остен прибегает к интересному приему оглашения мыслей героини: в романе получают звучание только мысли Кэтрин, которые временами сливаются с голосом «всезнающего рассказчика» (ср. изображение потока мыслей сыщиков в детективных романах). Голоса других персонажей «Нортенгерского аббатства» звучат лишь в письмах и диалогах – и никогда не сливаются с голосом автора.

Разумеется, романы Остен протодетективны и состоявшимися детективами их назвать нельзя. Расследование «преступления» у Остен всегда преобразуется в рассуждения о людских характерах. Хотя «Нортенгерское аббатство» Джейн Остен (1798/1817) принято характеризовать как пародию на готический роман, иронические отрывки из него звучат в унисон с гораздо более поздними детективными повестями Р.Л. Стивенсона о похождениях принца Флоризеля («Новые сказки 1001 ночи», 1878), в которых обыгрывается контраст между предполагаемым и реальным, а также с ироническими детективами XX в.

Библиографический список

1. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Английская эстетика «живописного» и «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина // Михайловская пушкиниана: материалы научно-музейных Михайловских Пушкинских чтений «1825 год» (август 2005) и научной конференции «Пушкин и британская культура. Пушкинский круг чтения» (декабрь 2005). – Вып. 41. – Сельцо Михайловское; Псков, 2006. – С. 151–167.
2. *Alewyn R.* The Origin of the Detective Novel // The Poetics of Murder: Detective Fiction and Literary Theory / ed. G. Most, W. Stowe. – N.Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1983. – P. 70–77.
3. *Belton E.* Mystery Without Murder: The Detective Plots of Jane Austen // Nineteenth-Century Literature. – 1988. – Vol. 43. – No. 1. – P. 42–59.
4. *Charney H.K.* The Detective Novel of Manners: Hedonism, Morality, and the Life of Reason. – L.: Associated Univ. Press, 1981. – 125 p.
5. *Milton H.* Sensation and Detection // A Companion to Sensation Fiction / ed. By P.K. Gilbert. – Oxford: Blackwell Publ., 2011. – P. 516–527.
6. *Monk L.* Murder She Wrote: The Mystery of Jane Austen’s “Emma” // The Journal of Narrative Technique. – 1990. – Vol. 20. – No. 3. – P. 342–353.
7. *Woman of Mystery: P.D. James* // Vis a Vis. – 1989. – Vol. 3. – No. 5. – P. 74.

ЧЕРТЫ ГОФМАНОВСКОГО СТИЛЯ В РОМАНЕ Ф.К. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»

В статье рассматриваются черты гофмановского стиля, нашедшие отражение в романе Ф.К. Сологуба «Мелкий бес»: романтическая ирония, гротеск, психологизм, двойничество, карнавальность, кукольность персонажей и комплекс зеркала.

В основе романа Сологуба, как и у Гофмана в «Эликсирах дьявола», лежит идея пути, которая реализуется по-новому: его герои не развиваются, а стоят на месте или деградируют. Каждая отрицательная черта Передонова превращает другого персонажа в его иронического двойника. Самый яркий его двойник – Недотыкомка, образ которой напоминает двойника Медардуса – сумасшедшего монаха из «Эликсиров дьявола».

В романе «Мелкий бес», как и в ряде других произведений Гофмана, находит отражение мотив кукольности и механистичности персонажей предметы и животные начинают активно действовать (карты, очки, тряпка, лента и др.). Особое значение у Сологуба имеет комплекс зеркала, семантика которого близка к новелле Гофмана «Песочный человек», так как кроме традиционных образов (зеркало, стекло, глаза) включает такие образы-символы, как круг, танец, огонь, двойник, безумие.

В романе Сологуба, как у Гофмана, персонажи накладывают на других стереотипы, присваивают им роли, которые они якобы играют, в результате человек начинает себя ощущать частью этой роли и попадает под ее влияние.

Ключевые слова: идея пути, романтическая ирония, гротеск, психологизм, двойничество, карнавальность, кукольность персонажей и комплекс зеркала.

Э.Т.А. Гофман – великий немецкий романтик – внес большой вклад в развитие русской литературы, оказав влияние на формирование творческого метода многих писателей XIX века: Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А. Погорельского и др. Гофмановские образы и мотивы прослеживаются и в литературе Серебряного века, особенно в творчестве символистов: А. Блока, А. Белого, Д.С. Мережковского и др. Черты поэтики Гофмана можно выделить и в произведениях Ф.К. Сологуба.

В творчестве Сологуба нашли точное выражение противоречивые тенденции эпохи конца XIX – начала XX веков, что стало возможным благодаря неповторимому стилю писателя, который сформировался отчасти через преломление гофмановского творчества под влиянием культурной традиции русской классики А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Создавая свои произведения, Сологуб часто пользовался реминисценциями и заимствованиями из классики. «Вся наша русская литература – сплошной плагиат, – говорил Ф. Сологуб, – а если бы это было не так, у нас не было бы великих поэтов, точно так же как не было бы ни Шекспира, ни Гете, которые, как известно, всегда работали на чужих материалах. <...> Гениальные поэты только и занимаются подражанием и перепевом. А оригинальные образы и формы – создают слабые поэты. И это – естественно. Зачем человеку – как грибу – питаться неорганическими соединениями, над чем-то думать, что-то изобретать? Надо обирать предшествующих поэтов – самым бессовестным образом» [цит. по: 9].

Однако, по словам О. Ивановой, «узнавание» сюжетных реминисценций влечет за собой обман читательских ожиданий: Сологуб смотрит

на тексты-«первоисточники» отстраненно, существенно преобразуя и «перетасовывая» их структурно-смысловые элементы и тем самым нарушая автоматизм читательского восприятия [5, с. 37]. Сам Сологуб утверждал: «Я когда что-нибудь воровал – никогда печатно не указывал источников» [9].

В литературоведении источники некоторых образов и мотивов в творчестве Сологуба, восходящие к Гофману, как правило, рассматриваются не напрямую, а опосредованно, через произведения русских классиков, на которых повлиял немецкий романтик, а они в свою очередь сыграли важную роль в формировании писательского таланта Сологуба. В связи с этим интересным представляется выявление гофмановского пласта в произведениях Сологуба, который будет рассмотрен на примере романа «Мелкий бес».

На актуальность этой темы указывает и исследовательница Н.Б. Барковская, которая обращает внимание на значимость романа Гофмана «Эликсиры дьявола» в формировании поэтики символистского романа вообще и «Мелкого беса» Сологуба в частности [1, с. 155].

На наш взгляд, гофмановские традиции в романе Сологуба «Мелкий бес» отразились в темах пути, двойничества и романтической иронии. Кроме того, большое внимание в своем романе Сологуб уделяет проблеме механизации личности, превращении человека в куклу-автомат, которая была так близка Гофману и нашла выражение в «Мелком бесе» в кукольности персонажей и комплексе зеркала. Маскарадная линия в романе Сологуба, связанная с мотивом переодевания, срывания масок и присваивания себе чужих ролей восходит также к Гофману.

В романе Сологуба отражена идея пути, которая, по словам Д.Е. Максимова, реализуется в твор-

честве писателя особым образом, «присутствует... только как тема» [7, с. 28], поэтому его герои не развиваются, а стоят на месте или деградируют.

Идея пути сближает роман Сологуба с романом Гофмана «Эликсиры дьявола», где в центре повествования – жизненный путь Франческо или Медардуса. Задача Гофмана в романе – показать эволюцию героя, которому суждено искупить грехи своего рода. Сама по себе эта идея была не нова, но Гофман разрешает ее по-своему: заставляет героя сначала пройти путь духовного падения, как это было с его предками, чтобы потом подняться духовно и искупить эти грехи. Гофман верит, что, несмотря на все перипетии жизни, утрату ощущения цельности мира и своей личности, герой способен преодолеть жизненную рутину и с помощью позитивной иронии обрести состояние гармонии.

Сологуб в разворачивании своего сюжета иронически отказывается от «наказания» и «возрождения» героя, так как считает их невозможными. Писатель концентрирует внимание только на одной стороне пути своего героя – процессе деградации Передонова, его полном духовном распаде, в результате чего происходит раскол его личности и появляются двойники, каждый из которых отражает одну из сторон его личности. По словам исследовательницы Н.Г. Пустыгиной, «именно многообразные превращения – от духовных до звериных метаморфоз – становятся у Сологуба эквивалентом “этапов” эволюции» [8, с. 124].

В романе «Мелкий бес» не случайно отсутствует предыстория Передонова, он предстает уже как духовно мертвая личность, а затем перед нами разворачивается картина антиразвития («антипути»). На это указывает и имя главного героя – Ардалион, что обозначает «нечистым творящий, замаранный». Мы наблюдаем процесс деградации человеческого разума, результатом которой становится сумасшествие, проявляющееся в галлюцинациях, мании преследования, навязчивых идеях, что приводит к разрушению и уничтожению им сначала вещей, а затем и к убийству.

Н.Г. Пустыгина отмечает, что в таком состоянии «в этом “малом” круге автор волен сотворить любое чудо, его фантазия приобретает истинную свободу (знаменательно, что своими учителями-предшественниками здесь Сологуб называл Э. По, Э.Т.А. Гофмана и Ж. Верна)» [8, с. 124]. Раскол сознания Передонова порождает двойников, образы которых Сологуб создает в рамках гофмановской традиции.

В романе Гофмана «Эликсиры дьявола» в начале своего пути Медардусу приходится волею судьбы присваивать себе чужие роли, в результате мы наблюдаем процесс распада его личности, который проявляется в появлении многочисленных двойников, каждый из которых отражает одну из сторон его личности. Однако путь Медардуса – это

искупление греха, очищение героя и возвращение к цельности. У Сологуба ситуация иная: перерождение его героя невозможно, поэтому он делает акцент на распаде личности – отсюда, как и у Медардуса, появление у Передонова двойников.

Жители города все под стать Передонову – похожи друг на друга: злые, завистливые, жадные, они практически лишены индивидуальности и духовности. Каждая отрицательная черта Передонова превращает другого персонажа в его иронического двойника. Таким двойником-антиподом Передонова выступает Володин, который карикатурно копирует его действия. Володин похож на Передонова своей ограниченностью, поэтому, убивая Володина, Передонов как бы уничтожает свою черту, которая ему в себе не нравится, поскольку она делает его уязвимым.

У Передонова появляются навязчивые представления о том, что его преследуют, поэтому «после обеда он запирается в спальню, дверь загромождает вещами, старательно заграждался крестами и чураньем и садился писать доносы на всех, кого вспомнит. Писал доносы не только на людей, но и на карточных дам» [10, т. 2, с. 341].

Передонову кажется, что Володин хочет попасть на его инспекторскую должность, а позже его страхи порождают идею, что Володин стремится захватить его личность: «И другие были в городе люди, которые враждебны ему и хотели бы помешать его назначению на инспекторскую должность. Вот Володин: недаром он все повторяет слова “будущий инспектор”. Ведь бывали же случаи, что люди присваивали себе чужое имя и жили себе в свое удовольствие» [10, т. 2, с. 81].

Особое значение в романе имеет двойничество Пыльников и Передонова. По словам О. Ивановой, «в ходе развития сюжета оба героя подвергаются испытаниям: Саша проходит проверку романом с взрослой женщиной, Передонов – испытание карьерными и “экзистенциальными” иллюзиями. Оба героя оказываются во власти неизведанных, неотвратимых и познаваемых чувств и демонстрируют слабость в защите целостности своего внутреннего мира» [5, с. 55]. В результате они приходят к одному и тому же – духовной гибели и раздвоению сознания.

Самый необычный тип двойничества в романе – это символически-гротескное двойничество Передонова и Недотыкомки. Появление Недотыкомки связано с полным моральным распадом героя, это гротескный образ, в котором сконцентрировано все зло, накопившееся в самом герое.

Как и у Гофмана в «Эликсирах дьявола», злая сторона души героя отделяется от него, превращается в его двойника и начинает жить самостоятельной жизнью.

В романе Гофмана изображен именно такой тип двойника. У Медардуса есть реальный двойник –

Викторин, который выдает себя за монаха Медардуса, но временами появляется некто, который похож на Медардуса и отражает его безумное поведение. При этом Гофман подчеркивает, что это не Викторин, который в этот момент находится в другом месте. Это порождение сознания Медардуса, его бред, который возникает от страха преследования и попытки завладеть его личностью. Этот двойник имеет человеческую природу, но ведет себя порой как дикое безумное существо, лишенное разума. Окружающие описывают его как «воюющую нежить», «включенную невидаль», «пугало с красными глазами и черными космами» [4, т. 2, с. 108]. Он «хихикает», всхлипывает, охает», «дразнится», «визжит», «кошунствует». Его поведение напоминает поведение Недотыкомки, которая «ревела», «стонала», «посмеивалась», «вертелась», «убегала», «ускользала», «дразнилась».

Сологуб идет дальше Гофмана, превращая бред глумящегося двойника в особый, ни на что не похожий образ «маленькой серой, безликой, юркой нечисти» [10, т. 2, с. 170] – Недотыкомки. Автор подчеркивает мерзкий, гадкий характер этого существа, в ней сконцентрировано все зло не только Передонова, но и окружающего мира. Поэтому можно говорить, что двойниками Недотыкомки является большинство персонажей романа, которые имеют устойчивый набор тех же черт, что и у нее: пошлость, коварство, злость, агрессивность, и это доказывает общий «демонизм» жизни. Недотыкомка становится главным героем романа, так как она обобщает все пороки общества.

Таким образом, у Сологуба, как у Гофмана, главным героем романа оказывается не главный герой Передонов, а второстепенный – Недотыкомка.

В романе Гофмана «Эликсиры дьявола» Медардус не понимает, что с ним происходит. Он сам порой говорит о том, что стал игрушкой судьбы и не знает, какова его роль. Он, как слепой, движется по жизни, в которой каждый его шаг прописан, и это рождает в его сознании ощущение безумия. Он не понимает, кто он и что делает. «Я все более убеждался, что не я, а посторонняя власть, внедрившаяся в меня, навлекает невероятное, а я сам – лишь безвольное орудие, которым она пользуется ради неведомой цели» [4, т. 2, с. 127].

Пассивная роль Медардуса в начале романа позволяет говорить о том, что он только внешне главный герой. На самом же деле – второстепенный, так как он пассивен. Медардус сам ничего не совершает, только принимает участие в развитии событий. Второстепенные персонажи, напротив, играют главную роль, так как именно они действуют, преображая Медардуса, проводя обряд перехода от одной ипостаси к другой.

В романе Сологуба Передонов тоже чувствует, что им кто-то управляет: «многое Передонов случайно делал, как труп, движимый внешними сила-

ми, и как будто этим силам нет охоты долго возиться с ним: поиграет одна да и бросит другой» [10, т. 2, с. 347–348].

П. Левин пишет о том, что «Сологуб, продолжая начатый Гоголем процесс анатомирования человеческих душ, приходит к все более и более пессимистическим выводам. Мир, по его убеждению, перевернулся, и то, что кажется жизнью, на самом деле смерть: разрушается не телесная оболочка, скрывающая бессмертную, жаждущую пробуждения душу, а сама душа» [6, с. 347]. Однако следует заметить, что этот процесс был описан еще Гофманом, а Гоголь и Достоевский продолжили это направление.

Гофмановские традиции у Сологуба прослеживаются также в использовании иронии и гротеска. Русский писатель применяет такой тип иронии, который имеет специфические черты, характерные только для Гофмана. Поскольку главное отличие гофмановской иронии, по мнению Д.Л. Чавчаидзе, от иронии других романтиков заключается в том, что страшная действительность у Гофмана неотделима от жизни человека, потому он обречен на трагизм: «Реальный мир, враждебный, игнорирован, но и идеальный, по сути дела, развенчан». [11, с. 348].

На сходство иронического принципа у Гофмана и Сологуба указывает и Л.И. Болдина: «Ирония Гофмана, как и у Сологуба, направлена на мир пошлости и мещанства, но не щадит она и иллюзорного, фантастически прекрасного царства мечты романтического художника. Гофман-ироник, как и много позже Сологуб, порой сближает мир мечты и мир филистеров до неразличимости» [2, с. 13]. В творчестве Гофмана фантазия часто основана на романтической иронии, которая перерастает в фантастику, где все раздваивается, и в результате возникает мир иллюзий.

Сологуб, создавая картину болезненных галлюцинаций Передонова, использует гофмановский прием: предметы и животные (например, карты, очки, тряпка, лента, ветка, флаг, тучка, собачка, баран, клоп и др.) оживают, гиперболизируются, действуют. Они выступают двойниками Недотыкомки. Вот, например, как писатель описывает ветку на дереве: «зашевелилась, съежилась, почернела, заркаркала и полетела вдаль» [10, т. 2, с. 300]. Точно так же Гофман в новелле «Принцесса Брамбилла» «оживляет» шляпу: «Стой! закричал, в свою очередь, Джильо, заметив, что удар его пришелся по шляпе противника. Тот сначала и слышать не хотел ни о какой ране; но поле шляпы свесилось ему на нос, и он невольно должен был принять великодушную помощь противника» [4, т. 3, с. 360].

Сологуб, как Гофман, часто использует самоиронию, которая сопровождается постоянными переходами от серьезного к смешному и наоборот. Так, в романе «Эликсиры дьявола» Гофмана

парикмахер Белькампо выступает ироническим двойником автора. Он описывает процесс стрижки как гениальное творчество, сам же при этом кривляется и паясничает, как шут. Своим поведением он напоминает Володина из романа «Мелкий бес». Сологубовская ирония в итоге приходит к иронии над «идеалами» и порождает гротеск и фантастику. Однако эта ирония не романтически-возвышенная, а гротескно-трагикомическая, когда на первый план выходят зло, безумие, уродство.

Таким образом, Сологуб унаследовал большую часть арсенала своей иронии от романтиков, в частности от Гофмана, соединив ее с символистской «творческой свободой», в результате чего сологубовская ирония усложнилась и стала ярче и острее.

В романе «Мелкий бес» находит отражение мотив кукольности и механистичности героев, что подчеркивает духовную мертвенность персонажей. Л.В. Гармаш в качестве источника кукольности в романе Сологуба указывает европейский романтизм и, в частности, Гофмана: «Мотив куклы в романах Сологуба восходит к образам оживающих кукол и человекоподобных автоматов у европейских романтиков – Гофмана, Андерсена, Кэррала и др.» [3, с. 15].

Кукольность проявляется в их облике и поведении. Вот, например, как описывается поведение Передонова: «Он шел быстро и ровно, однообразно махал руками, бормотал что-то, на лице его, казалось, не было никакого выражения, – как у заведенной куклы, было оно неподвижно, – и только какой-то жадный огонь мертво мерцал в глазах» [10, с. 285–286].

Особое значение в романе в связи с кукольностью приобретает комплекс зеркала, состоящий из образов глаз, стекла, очков, семантика которых близка к новелле Гофмана «Песочный человек». У Сологуба в мире, где все духовно мертвы или полумертвы, глаза – это единственный путь к перерождению, просветлению, поэтому Передонов так боится чужих глаз. Сам он носит очки, которые закрывают его душу от внешнего мира: «Вы моему глазу лопнуть наговорили, – продолжал Володин, – только смотрите, как бы у вас раньше очки не лопнули. Передонов схватился испуганно за очки» [10, т. 2, с. 269].

Очки – символический образ – они защищают его от прямого взгляда окружающих в его сущность, чего он так боится. Окружающие же пытаются сломать эту преграду, чтобы сделать его более уязвимым: «Гудаевский внезапно подскочил к Передонову, без всяких объяснений ударил его по лицу несколько раз, разбил ему очки и проворно удалился из клуба» [10, т. 2, с. 271].

Такую же смысловую нагрузку, как и очки, имеет в романе и образ стекла, поэтому Передонову разбивают окно в доме: «Незадача тебе на стекло, Ардальон Борисыч, – сказал Рутилов, – то очки

разбили, то окно высадили» [10, т. 2, с. 280]. Образ стекла преследует героя, даже пруд ему кажется грязным зеркалом.

В творчестве Гофмана комплекс зеркала представлен широко. Кроме традиционных образов: зеркало, стекло, хрусталь, бриллианты, глаза, вода, он включает такие образы-символы, как круг, танец, огонь, двойник, безумие [3].

Так, в повести «Песочный человек» Гофмана глаза – это зеркало души, они более полно раскрывают сущность человека, поэтому утрата глаз – знак духовной смерти человека. В основу гофмановской новеллы положена легенда о злобном Песочнике, который охотится за глазами детей. Торговец Коппола заменяет глаза Натанаэля оптическими инструментами – очками, подзорными трубами, стекляшками, создающими иллюзию жизни бездушного автомата-куклы Олимпии. Натанаэль, смотря на Олимпию через подзорную трубку, влюбляется в нее, поскольку стекло, преломляя действительность, создают иную реальность, в которой она кажется ему живой и красивой. «Одни глаза только казались ему странно неподвижными и мертвыми» [4, т. 2, с. 310–311]. При взгляде через стекло искусственные глаза Олимпии также приобретают жизнь и силу – не только «зрительную», но магическую, подчиняя душу человека, превращая его в автомат. Тем самым кукла Олимпия, подобно вампиру, всасывает тепло души живого человека: «Когда танцы начались, он... взял ее за руку. Как лед холодна была рука Олимпии; он содрогнулся, почувствовав ужасающий холод смерти; он пристально поглядел ей в очи, и они засветились ему любовью и желанием, и в тоже мгновение ему показалось, что в жилах его холодной руки началось биение пульса и в них закипела живая горячая кровь». [4, т. 2, с. 313].

У Сологуба глаза тоже являются символом жизни, поэтому духовное омертвление Передонова отражается в описании его глаз. Сначала у него «только какой-то жадный огонь мертво мерцал в глазах» [10, т. 2, с. 285], а позже «глаза Передонова стали совсем бессмысленными, словно они потухали, и казалось иногда, что это глаза мертвого человека» [10, т. 2, с. 326]. Страх быть увиденным изнутри пугает Передонова, он вырезает глаза у карт потому, что «лица у фигуры ему не нравились: глазастые такие» [10, т. 2, с. 275]. Но даже после этого «ему казалось, что ослепленные фигуры кривляются, ухмыляются и подмигивают ему зияющими дырками в своих глазах». «Может быть, – думал Передонов, – они теперь изловчились носом смотреть» [10, т. 2, с. 278]. Страх преследования приводит Передонова к состоянию безумия. Ему кажется, что все окружили его и хотят навредить. Образ круга у Сологуба, как и у Гофмана, связан с безумием главного героя.

У Гофмана Натанаэль, увидев, что его невеста – это всего лишь кукла, впадает в безумие, его на-

чинают преследовать «огненные круги безумия»: «И тут Натанаэль увидел на полу кровавые глаза, устремившие на него неподвижный взор; они ударились ему в грудь. И тут безумие впустило в него огненные свои когти и проникло в его душу, раздирая его мысли и чувства. “Живей-живей-живей, – кружись, огненный круг, кружись, – веселей-веселей, куколка, прекрасная куколка, – живей, – кружись – кружись!”» [4, т. 2, с. 319].

Образ круга у Гофмана в новелле «Песочный человек» имеет определение «огненный», что позволяет включать в комплекс зеркала и стихию огня. И это не случайно, поскольку стекло – это продукт огня. Эти понятия неразделимы. Мотив огня преследует Натанаэля постоянно: его отца находят мертвым после опытов, проводимых с Коппелиусом, пожар разрушает дом Натанаэля, да и сама легенда о Песочнике связана с огнем. Поскольку этот злой человек приходит за детьми, когда они упрямятся и не хотят идти спать, он швыряет им в глаза пригоршни песка, так что они заливаются кровью и лезут на лоб [4, т. 2, с. 291].

Мотив безумия у Гофмана, а вслед за ним и у Сологуба, тесно связан с образами танца, движения по кругу и огня. Недотыкомка часто пускается в пляс или видится Передонову «кровоавою», «пламенной». У Сологуба огонь – это стихия зла. По мнению Н.Г. Пустыгиной, символика огня более полно раскрывается в заключительной сцене романа – пожаре на маскараде: «На маскараде, во-первых, жители города показали, наконец, свои настоящие “лица” – зверей, на нем же, во-вторых, сгорело одно из “обличий мира”, одна его неправильная оболочка, что, хотя и ненамного, позволит приблизиться, по мнению Сологуба, к истинной сущности мира» [8, с. 125].

Гофман в своей новелле изображает реальный мир бездуховным. В нем нет различий между куклой и человеком. Не случайно в Олимпии практически никто не распознал куклы, а после ее разоблачения «многие влюбленные, дабы совершенно удостовериться, что они пленены не деревянной куклой, требовали от своих возлюбленных, чтобы те слегка фальшивили в пении и танцевали не в такт... а более всего – чтобы они не только слушали, но иногда говорили и сами, да так, чтобы их речи и впрямь выражали мысли и чувства» [4, т. 2, с. 320].

У Сологуба в сцене маскарада, как и у Гофмана, происходит гиперболизация ситуации. По словам О. Ивановой, «маска, вместо того чтобы скрывать лицо участника маскарада, высвечивает его сущность, гипербологически укрепляя ее; повседневный же, “незамаскированный” облик героев как раз и оказывается “личиной”, за которой скрывается звериный и одновременно демонический лик. <...> Маскарад у символистов, в том числе у Сологуба, служит моделью мира – за “ширмой” по-

вседневности таится уродливая и гротескная суть бытия» [5, с. 56].

Так, например, маска и костюм на Саше Пыльникове отражают его нравственный распад, причиной которого оказывается красота. Не случайно его одевают в женский костюм гейши, которая является для японцев символом женской красоты.

У Гофмана в романе «Эликсиры дьявола» Франческо сходным образом соблазняется физической красотой Венеры и создает вместо лика святой Розалии образ языческой богини, чем обрекает себя и своих потомков на великий грех.

Внешняя красота в романе Сологуба воспринимается как порок, дьявольское наваждение, она способна погубить, закружить, поэтому Варвара называет Сашу «оборотнем» и предлагает с него «сорвать маску», которой на нем нет. В романе Сологуба, как и у Гофмана, персонажи накладывают на других стереотипы, присваивают им роли, которые они якобы играют, в результате человек начинает ощущать себя частью этой роли и попадает под ее влияние. Саша Пыльников еще не сделал ничего предосудительного, а его уже обвиняют в том, что он переодетая девочка. Передонов также присваивает себе чужие роли: сначала он хочет получить новый чин, вопреки плохой службе в школе, примеряет на себя роль жениха к разным невестам, а затем мыслит себя вершителем правосудия, убивая Володина.

Именно так происходит в романе Гофмана «Эликсиры дьявола»: Медардус меняет свои роли, называет себя чужими именами, и так запутывается, что сам уже не знает, кто он: «Я тот, за кого меня принимают, а принимают меня не за меня самого; непостижимая загадка: я – уже не я» [4, т. 2, с. 31].

Большое значение в обоих романах имеет мотив переодевания. Медардус меняет свой костюм с монашеского на светский и начинает играть роль Викторина, который в свою очередь подготавливает себе костюм монаха-капуцина, за которого себя потом и выдает. Маска и костюм настолько прирастают к личности, что становятся второй сущностью героя.

Передонову кажется, что все за ним наблюдают, поэтому он воспринимает одежду как враждебный образ, который помогает скрыть свою сущность, зло, зависть, которые мерещатся ему в образе черта, спрятанного в этих одеждах: «Чего лаешься, дура! Ты, может быть, чорта в кармане носишь» [10, т. 2, с. 271]; «Одно Варварино платье привлекло внимание Передонова. Оно было в оборках, бантиках, лентах, словно нарочно сшито, чтобы можно было спрятать кого-нибудь. Передонов долго рассматривал его, потом с усилием, при помощи ножа, вырвал, отчасти вырезал карман, бросил его в печку, а затем принялся рвать и резать на мелкие куски все платье» [10, т. 2, с. 170]. На маскараде происходит обратная ситуация – его участники подбира-

ют себе костюмы и маски в соответствии со своим внутренним миром, тем самым они обнажают свою подлинную сущность.

Образ костюма, маски в романе связан с образом запаха. Людмила увлекается духами, которые действуют на человека одурманивающим образом, вызывая у него плотские желания. Передонов же чувствует в своей комнате запах разлагающейся плоти, что символизирует полное духовное омертвление героя.

Сходный образ можно проследить и в новелле Гофмана «*Datura Fastuosa*» (1820), где он создает двойственный символический образ цветка под названием «дурман обыкновенный», который своим чарующим ароматом завлекает героев и влияет на поступки Габриэлы. Евгений влюбляется в Габриэлу, которая завлекает его своими чарами (после встречи Евгения с Габриэлой Фермино «нашел друга одурманенным» [4, т. 6, с. 164]) и вынуждает пойти на преступление.

Интересно, что поначалу Саша воспринимает запахи духов, как зло, говорит, что они пахнут клопом, а потом, когда он попадает под разлагающее влияние Людмилы, от него самого окружающие чувствуют запах духов.

Таким образом, в роман Сологуба «Мелкий бес» нашел отражение ряд приемов и образов гофмановской поэтики. Однако Сологуб, опираясь на большую культурную традицию романтизма и русской классической литературы, сумел иронически создать свой неповторимый мир маленького городка, где все герои заражены пошлостью, утратили духовность, превратившись в глупые автоматы, которые способны только на обман, зависть, злобу и жестокость.

Библиографический список

1. Барковская Н.Б. Поэтика символистского романа: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 463 с.

2. Болдина Л.И. Ирония как вид комического: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – с. 18.

3. Вайнштейн О.Б. «Волшебные стекла Гофмана» // Литературные произведения XVIII–XX века в историческом и культурном контексте. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – С. 124–130.

4. Гармаш Л.В. Мотив куклы-автомата в романах Ф. Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес» // Наукові записки ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. – 2014. – Вип. 3 (79), ч. 1. – Харьков, 2014. – С. 206–214.

5. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Художественная литература, 1991–1999. – Т. 2. – 445 с.

6. Иванова О.В. Ирония как стилеобразующее начало в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Проблемы неклассической прозы / сост. и гл. ред. Е.Б. Скороспелова. – М.: ТЭИС, 2003. – 299 с.

7. Левин П. Певец лучезарной мечты // Сологуб Ф. Мелкий бес. – М.: 2000. – С. 345–351.

8. Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. – Л., 1975. – С. 6–143.

9. Пустыгина Н.Г. Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Биография и творчество в русской культуре начала XX века: Блоковский сборник IX: памяти Д.Е. Максимова / отв. ред. З.Г. Минц. – Тарту, 1989. – С. 124–137.

10. Смиренский В. Воспоминания о Федоре Кузьмиче Сологубе и записи его высказываний. – ИРЛИ. – Ф. 79. – Оп. 4. – Ед. хр. 146.

11. Сологуб Ф.К. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Интелвак, 2000–2004.

12. Чавчанидзе Д.Л. «Романтическая ирония» в творчестве Гофмана // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. – М., 1967. – Вып. 280. – 354 с.

ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА МАКСА ФРИША «ХОМО ФАБЕР»

В статье рассматривается творчество известного швейцарского писателя второй половины XX столетия М. Фриша. Особое внимание уделяется темпоральному пространству как одной из формообразующих категорий художественного мира произведений автора, а также выявляется специфика структурирования временного пространства текста романа «Хомо Фабер». Несмотря на то, что данное произведение написано в форме дневника главного героя – инженера В. Фабера – и имеет подзаголовок “Ein Bericht”, повествование в нем хронологически не выстроено, что дает нам право говорить о темпоральном дисконтинууме, характерном для текста романа. Время в структуре текста произведения многомерно и дискретно: в нем можно выделить три временные точки, взаимодополняющие и взаимовлияющие друг на друга (30-е годы XX века, март – май 1957 года и июнь – июль 1957 года). Еще одной характерной чертой временного континуума текста романа является его неоднородность: в результате темпоральных смещений и выделения центральных событий изображаемое время попеременно сжимается и/или растягивается. Все эти особенности временной организации текста анализируемого нами романа позволяют утверждать, что М. Фриш изображает главного героя произведения в его неразрывном единстве со временем, в котором он существует.

Ключевые слова: время, временная организация текста, темпоральность, временной дисконтинуум, М. Фриш, «Хомо Фабер».

Человек, время и пространство с давних пор являются предметом повышенного внимания как антропоцентрически ориентированной лингвистики, так и литературоведения. Однако наиболее сложной в данном понятийном ряду является категория темпоральности, тесно связанная с природой художественного творчества. Особый интерес представляет изображение времени в творчестве писателей XX столетия, для которого характерно «особое осмысление времени, сложное переплетение различных временных пластов, ломка хронологического ряда событий и вторжение в их последовательность» [1, с. 50–51]. Все указанные особенности темпоральной организации произведения можно проследить в романе известного швейцарского писателя второй половины XX века Макса Фриша «Хомо Фабер».

Рассматриваемое нами произведение представляет собой дневник главного героя – инженера Вальтера Фабера, в котором со скрупулезной точностью рассказывается о событиях, произошедших с ним весной и летом 1957 года. Вальтер Фабер – типичный представитель XX столетия: прагматичный, рационально мыслящий, порой циничный. Эти особенности характера центрального персонажа объясняют его «второе» имя – «Хомо Фабер», что в переводе с латыни означает «человек-мастер, создатель орудий труда, человек работающий» (подробнее см.: [3]). Таким именем называла главного героя его возлюбленная Ганна Ландсберг: „Ich nannte sie eine Schwärmerin und Kunstfee. Dafür nannte sie mich: Homo Faber“ [4, с. 47].

Интересен и подзаголовок романа – „Ein Bericht“, который сразу настраивает читателя на логически выстроенный и хронологически точный рассказ о событиях из жизни центрального персонажа. Действительно, уже на первых страницах произведения появляется указание на время. Так,

роман начинается с рассказа о взлете самолета Вальтера Фабера в аэропорту Нью-Йорка с трехчасовым опозданием из-за метели: „Wir starteten in La Guardia, New York, mit dreistündiger Verspätung infolge Schneestürmen“ [4, с. 7]. Чуть позже в произведении мы находим четко указанное астрономическое время и описание событий, происходящих в этот день и час, с отсылкой ко времени и событиям, рассказанным на первых страницах произведения: „Zeit 10.25 Uhr. Ohne unsere Verspätung wegen Schneesturm in den nördlichen Staaten wären wir jetzt in Mexico-City gelandet, ich sagte es meinem Düsseldorf – bloß um zu reden“ [4, с. 16–17]. Таким образом, автор указывает на взаимосвязь данных событий. Хотя Вальтер Фабер и подчеркивает, что упоминает это только для поддержания разговора со своим попутчиком из Дюссельдорфа („ich sagte es meinem Düsseldorf – bloß um zu reden“), очевиден тот факт, что благодаря использованию сослагательного наклонения прошедшего времени в повествование привносится элемент иррациональности. С большой долей вероятности можно утверждать, что события в романе будут развиваться совсем не так, как мог бы ожидать читатель. В этой связи необходимо отметить тот факт, что тема времени нередко является спасательной соломинкой для неразговорчивого героя. Находясь в самолете и не зная, как поддержать разговор, центральный персонаж романа снова спрашивает своего собеседника о точном времени: „Ich fragte nach seiner genauen Zeit...“ [4, с. 17].

В своем дневнике Вальтер Фабер не упускает ни одной мелочи, указывая порой продолжительность, на первый взгляд, абсолютно неважных событий. Так, например, в романе указывается время пребывания героя в туалете: „Nach dem Zoll, nach der üblichen Schererei mit meiner Kamera, die mich schon um die halbe Welt begleitet hat, ging ich in die

Bar... – und ging gradaus in die Toilette hinunter, wo ich mir, da ich nichts anderes zu tun hatte, die Hände wusch. Aufenthalt: 20 Minuten“ [4, с. 10–11]. Позже, не желая лететь дальше и скрываясь в баре, Вальтер Фабер сообщает: „Ich blieb in meinem Versteck, bis ich festgestellt hatte, dass der Lautsprecher mich aufgab, mindestens zehn Minuten“ [4, с. 13]. Однако по мере дальнейшего прочтения романа читатель убеждается, что случайных и незначительных событий в жизни центрального персонажа нет. Так, например, задержись главный герой в баре не десять минут, а больше, возможно, его не нашла бы стюардесса и он не попал бы на свой самолет, в результате чего смог бы избежать трагических событий, произошедших с ним далее.

Таким образом, подзаголовок „Ein Bericht“, а также указание уже на первых страницах не только точных дат, но и астрономического времени, а также продолжительности описываемых событий настраивают читателя на хронологически выстроенную организацию повествования. Однако несмотря на это логические законы композиционного построения романа не соблюдаются, что позволяет нам говорить о **временном дисконтинууме** (подробнее см.: [2]).

Время в структуре текста произведения **многмерно**: в нем можно выделить три временные точки, взаимодополняющие и взаимовлияющие друг на друга. Действие романа начинается в марте 1957 года. Однако часто временная последовательность произведения нарушается воспоминаниями героя об отношениях с аны Ландсберг, матерью его единственного ребенка – Элисабет Пайпер (30-е годы XX столетия). Так, например, случайно узнав от своего попутчика в самолете о дальнейшей судьбе аны Ландсберг, Вальтер Фабер вспоминает, почему он так и не смог жениться на этой женщине: „Ich hätte Hanna gar nicht heiraten können, ich war damals, 1933 bis 1935, Assistent an der Eidgenössischen Technischen Hochschule, Zürich, arbeitete an meiner Dissertation (Über die Bedeutung des sogenannten Maxwell’schen Dämons) und verdiente dreihundert Franken im Monat, eine Heirat kam damals nicht in Frage, wirtschaftlich betrachtet, abgesehen von allem anderen“ [4, с. 33]. Таким образом, благодаря воссозданию молодости героя перед читателем постепенно открывается вся предыстория описываемых в 1957 году событий.

Кроме этого в тексте произведения есть и третье временное смещение: так как Вальтер Фабер ведет свои дневниковые записи ретроспективно, он нередко заглядывает в будущее, о котором еще не знает читатель, но в силу упомянутой особенности ведения дневника знает главный герой. Так, например, в первой части романа (erste Station) постоянно присутствует информация о смерти единственной дочери центрального персонажа произведения: „Ich gebe zu: Ohne die Notlandung

in Tamaulipas (26.III.) wäre alles anderes gekommen: ich hätte diesen jungen Hencke nicht kennen gelernt, ich hätte vielleicht nie wieder von Hanna gehört, ich wüsste heute noch nicht, dass ich Vater bin. Es ist nicht auszudenken, wie anders alles gekommen wäre ohne diese Notlandung in Tamaulipas. Vielleicht würde Sabeth noch leben.“ [4, с. 22]. Необходимо отметить, что данный текстовый фрагмент написан в сослагательном наклонении. В связи с этим мы можем утверждать, что рассуждения главного героя о произошедших событиях носят ирреальный характер: историю его жизни невозможно повернуть вспять, о чем, возможно, и жалеет Вальтер Фабер. Очевидно, что ретроспекция и проспекция актуализируются в романе как «отсылки» к прошлому и будущему центрального персонажа, что не только повышает информационный потенциал дневниковых записей, но и помогает более точно охарактеризовать главного героя. Таким образом, мы можем говорить о **дискретности (прерывности) времени** в тексте анализируемого нами произведения.

Из-за постоянных нарушений временной последовательности континуум текста романа разбивается на эпизоды, связанные соответственно с прошлым, настоящим и будущим Вальтера Фабера, и только в конце произведения все три временные оси сливаются в одно целое – настоящее главного героя. Благодаря такой временной организации повествования в произведении *воссоздается не только частная история жизни Вальтера Фабера, но и дается, правда, весьма схематично, исторический портрет XX столетия*. Так, например, о 30-х годах прошлого века главный герой рассказывает: „Ich erinnere mich genau an jene Zeit, Parteitag in Nürnberg, wir saßen vor dem Radio, Verkündung der deutschen Rassengesetze. ... Es war die Zeit, als die jüdischen Pässe annulliert wurden. ... Das war 1936 [4, с. 46, 56–57]. О послевоенном времени в произведении имеется следующая информация: „Kein Deutscher wünsche Wiederbewaffnung, aber der Russe zwingt Amerika dazu...“ [4, с. 9]. В этой связи необходимо отметить тот факт, что историческая картина XX века дается не в хронологической последовательности, а в соответствии с логикой развития действия в произведении. На наш взгляд, это объясняется тем, что реальные исторические события являются лишь фоном для рассказываемой в романе частной истории жизни инженера Вальтера Фабера, что дает право автору ввиду сложного переплетения различных временных пластов из биографии главного героя нарушить хронологию и реальных исторических событий.

Еще одним свойством временной организации романа является **неоднородность**: в результате временных смещений и выделения центральных событий изображаемое время то сжимается, то растягивается. Так, например, расстояние в 70 миль

через джунгли преодолевается Вальтером Фабером за четыре дня. На первый взгляд, это легко объяснимо: герой двигался по бездорожью: „Die Strecke zwischen Palenque und der Plantage, in der Luftlinie gemessen, beträgt kaum siebzig Meilen, sagen wir: hundert Meilen zum Fahren, eine Bagatelle, hätte es so etwas wie eine Straße gegeben, was natürlich nicht der Fall war; die einzige Straße, die in unserer Richtung führte, endete bereits bei den Ruinen, sie verliert sich einfach in Moos und Farnkraut“ [4, с. 49]. Однако столь длительное пребывание героя в мире дикой природы неслучайно. Вальтер Фабер знакомится с новым, экзотическим миром, красотами которого пока еще не умеет восхищаться. Так, например, герой описывает свое купание: „Ich blieb im Wasser, obschon es mich plötzlich ekelte, das Ungeziefer, die Bläschen auf dem braunen Wasser, das faule Blinken der Sonne, ein Himmel voll Gemüse, wenn man rücklings im Wasser lag und hinaufblickte, Wedel mit meterlangen Blättern, reglos, ab und zu ein roter Vogel, der über den Fluss flog, sonst Totenstille... unter einem weißlichen Himmel, die Sonne wie in Watte, klebrig und heiß, dunstig mit einem Regenbogenring“ [4, с. 52]. Позже, сравнивая данное путешествие с последующими, читатель может заметить изменения, произошедшие в мировоззрении героя: центральный персонаж не только восторгается природой, но и подбирает для этого эпитеты, метафоры и сравнения. Например, восхищаясь вместе с Элизабет Пайпер красотами природы, Вальтер Фабер придумывает для них необычные сравнения: „Ein Saumpfad zwischen Felsen hinauf, steinig, staubig, daher im Mondlicht weiß wie Gips“ [4, с. 150].

Говоря о временной организации текста произведения, нельзя не упомянуть об исторической неточности, присутствующей в романе. Рассказывая о свадьбе бывшей возлюбленной главного героя – аны Ландсберг – с его другом Иоахимом, Вальтер Фабер сообщает, что это событие произо-

шло одновременно с аннулированием еврейских паспортов, то есть в 1936 году: „Es ist mir heute noch ein Rätsel, wieso Hanna und Joachim geheiratet und wieso sie mich, Vater des Kindes, nie haben wissen lassen, dass dieses Kind zur Welt gekommen ist. Ich kann nur berichten, was ich weiß. Es war die Zeit, als die jüdischen Pässe annulliert wurden... Das war 1936.“ [4, с. 56–57]. Но в реальности аннулирование еврейских паспортов произошло позже: в 1938 году. Из текста, однако, неясно, является ли данная ошибка неточностью самого Макса Фриша или же Вальтер Фабер, вспоминая свою молодость, ошибается в датах.

Таким образом, проведенный нами анализ временной организации текста романа Макса Фриша «Хомо Фабер» позволят констатировать тот факт, что писатель изображает своего героя – инженера Вальтера Фабера – в неразрывном единстве со временем, в котором он существует. Характерными чертами, определяющими специфику структурирования темпорального пространства данного произведения, являются многомерность, дискретность (прерывность) и неоднородность.

Библиографический список

1. Жукова С.А. Роль презенса в языковом структурировании пространственно-временного континуума художественного текста // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – Вып. 2. – С. 49–53.
2. Кузьмина И.Н. Языковая репрезентация временного дисконтинуума в немецком тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бийск, 2011. – 43 с.
3. Сидорина Т.Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 14–23.
4. Frisch M. Homo faber. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1977. – 203 S.

РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В ОЦЕНКЕ Н.Д. АХШАРУМОВА (статья вторая)*

Н.Д. Ахшарумов вновь обратился к роману Л.Н. Толстого «Война и мир» после публикации 1–4 частей романа, а последнюю статью посвятил пятому тому, обойдя молчанием завершающий, шестой, том. В этих статьях истолкование и оценка романа приобретают развернутый, концептуально-аналитический характер, сохраняя при этом стилистику художественного дискурса. В статье очевидно доминирование эстетического анализа, ибо Ахшарумов оценивает роман Толстого прежде всего как явление искусства. Неслучайно сравнение с картиной, которое не раз повторялось в первой статье, приобретает здесь еще более ярко выраженный и программный характер. Герои романа интересуют Ахшарумова прежде всего как люди определенной – «переходной» – эпохи; отсюда акцент сделан на типическом, повторяющемся, исторически детерминированном в поведении и характере человека. Позиция автора статьи по-прежнему лишена авторитарности, но теперь она значительно более критична даже по отношению к главным героям. Прямую полемику критика с писателем вызывает философская позиция Толстого, которую Ахшарумов определяет как фатализм и скептицизм, как актуализацию идеи бессознательности, предопределенности поведения человека и целых народов, подчиненное неким неведомым законам истории.

Ключевые слова: художественное мастерство писателя, реализм, психологический анализ Толстого, обобщение и концептуализация как приемы критики, полемика с философской позицией автора.

Вторая статья Н.Д. Ахшарумова о романе «Война и мир» («Всемирный труд», 1868, № 4) – теперь у него уже появилось название – была написана после опубликования 1–4 частей романа. Таким образом, Ахшарумов вновь писал не о завершенном тексте, но об очередном этапе осуществления творческого замысла Толстого, что, конечно, гораздо сложнее, чем оценка уже полностью сложившегося произведения. Какие-то общие суждения и принципы анализа, возникшие в работе критика, посвященной «1805 году», повторяются и здесь. В статье очевидно доминирование эстетического анализа, ибо Ахшарумов оценивает роман Толстого прежде всего как явление искусства. Неслучайно сравнение с картиной, которое не раз использовалось в первой статье, приобретает здесь еще более ярко выраженный и программный характер. «Поэтический очерк, напечатанный автором назад тому два года под заглавием «1805 год», – пишет критик, – вырос из маленькой книжки в обширное и многотомное сочинение и является теперь перед нами уже не очерком, а большою историческою картиною. Содержание этой картины полно красоты поразительной...» [2, с. 86].

Он действительно видит в романе «Война и мир» своего рода картину и, исходя из этого, говорит о способах ее создания. «Начнем с того, – поясняет Ахшарумов, – что пластический, живописный прием рассказа в общем итоге берет решительный верх над его драматическим и лирическим содержанием. Сочинение это – прежде всего картина. Количество ярких красок, употребленных автором в дело, число пестрых сцен и характерных фигур, изображаемых им по преимуществу с их наглядной и лицевой стороны, множество бесподобных

ландшафтов и разного рода сценической обстановки, встречаемых нами на каждом шагу, – все это дает перевес стороне картинной» [2, с. 95]. Не случайно важной особенностью художественного метода Толстого критик считает «пластический, живописный прием рассказа» [2, с. 95].

Как и в очерке, посвященном «1805 году», Ахшарумов стремится показать художественное единство романа, хотя признает, что сейчас это сделать гораздо сложнее, ибо в этих частях романа изображена масштабная картина русской жизни, вбирающая в себя как изображение военных событий, так и частную жизнь людей. Осмысливая ее, критик постоянно пытается найти связь между отдельными частями, сюжетными линиями, персонажами: «Мы не находим слов, способных выразить хоть отчасти ее ни с чем не сравненную красоту. Это множество лиц, метко очерченных и озаренных таким горячим солнечным освещением; эта простая, ясная, стройная группировка событий; это неисчерпаемое богатство красок в подробностях и эта правда, эта могучая поэзия общего колорита – все заставляет нас с полной уверенностью поставить «Войну» графа Толстого выше всего, что когда-нибудь в этом роде производило искусство» [2, с. 97]. При этом картина войны, с точки зрения Ахшарумова, куда более выразительна и целостна, чем картина мира. Отсутствие внутреннего единства в картине мира Ахшарумов объясняет характером самой жизни, изображенной Толстым: «Он не мог выдумать органической связи там, где жизнь еще не развила ее в себе; он вынужден был схватить на лету и урывками кое-что, выдающееся вперед и сквозящее, так сказать, сквозь мутные волны потока» [2, с. 98]. Среди эстетических вопросов в статье Ахшарумова возникает и проблема жанра, о которой он писал

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491 «Неисследованные “имена” в русском литературном процессе второй половины 19 века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик»).

прежде. Однако теперь он уже с определенностью говорит о «Войне и мире» как о романе, хотя предупреждает от ошибочного подхода к произведению Толстого в соответствии со стереотипными представлениями о жанре исторического романа («по образцу Вальтер Скотта» [2, с. 86]).

Для этой статьи Ахшарумова, как и для предыдущей, характерен ряд черт: способность критика к обобщениям и концептуализации, аналитичность оценок и одновременно признаки художественного стиля, проявляющиеся в его метафоричности, развернутых сравнениях, авторской субъективности. Это, несомненно, статья не только критика, но и писателя, со своим сложившимся стилем, свойственным ему художественным видением жизни и человека. Так, метафора «жизнь – игра», использованная в первой статье, вновь реализуется в сравнении героев романа с актерами, играющими свою историческую роль, а иногда ведущими свою «частную» игру; однако в этом сравнении теперь присутствует и критическая оценка.

В начале статьи Ахшарумов дает развернутый очерк русской истории XVIII – первой трети XIX века, ибо считает, что несмотря на «повидимому, второстепенную роль истории, она чувствуется везде и проникает собою все» [2, с. 91], а потому «лицо частного человека» [2, с. 91] определяется прежде всего его принадлежностью конкретной исторической эпохе. Ахшарумов, по сути (пользуясь его сравнением), создает картину эпохи «переходного времени», определяя его доминирующие черты. Согласно логике статьи, это переход от патриархальных форм жизни к европеизированным, причем переход очень сложный, исполненный противоречий, со своими приобретениями и потерями. В оценке этого процесса Ахшарумов не занимает крайних позиций – западничества или славянофильства, тем более что временная дистанция уже позволяет ему быть объективным. Однако снисходительно-сочувственный тон первой статьи, когда речь шла о стремлении русского образованного общества подражать Европе, исчезает, как исчезает сравнение персонажей романа с детьми, невинно подражающими страши.

Сам результат «встречи» с Европой, с точки зрения Ахшарумова, был крайне неоднозначным и сказался как на внешних формах жизни, так и на умонастроении людей: «Тысячелетний барьер, отделявший наше отечество от Европы, вдруг как будто был снят чьей-то невидимой рукою, и Россия вмешалась в водоворот европейской, международной политики... Борьба была неизбежна; барометр показывал шторм... Мы были обхвачены ураганом, втянуты в самый центр его. Но сложение нового члена европейской семьи оказалось здоровое. Он вынес пробу огня и меча так, как никто не вынес ее. Он вышел из десятилетней борьбы, покрытый честью и славой. Он отстоял свою политическую

независимость и утвердил ее на прочном, незыблемом основании» [2, с. 91]. Однако результат этих процессов в жизни отдельного человека, с точки зрения Ахшарумова, оказался иным: «Одновременно с шумным вопросом внешней политики, в тишине внутреннего развития, в сердцах и умах передового строя нашей народной жизни незримо тлела другая борьба и решался другой вопрос, давно уже поднятый у нас, вопрос о нашей нравственной самобытности. И тут-то мы дорого заплатили за честь, которая выпала нам на долю с другой стороны... Мы были поражены, разбиты и завоеваны самым позорным образом. Мы даже не можем похвастаться, чтобы мы выдержали упорную битву. Наше войско сдалось без боя, наш главный штаб изменил... Противоречие между такими двумя результатами было разительное. С одной стороны, цветущая сила, счастье и торжество молодого народа, покрытого славой; с другой – его слабость, бесхарактерность, уступчивость, отсутствие уважения к самому себе и позорное нравственное холопство!» [2, с. 91]. Если в предыдущей статье Ахшарумов с уверенностью говорил о том, что «очерк» Толстого свидетельствует о сохранении национального духа в европеизированной части русского общества, то теперь эта уверенность ослабевает. Развернутая метафора, на которой построено это рассуждение, по сути, включает в себя противопоставление «войны» и «мира», внешней политики государства и поведения человека на войне, с одной стороны, и самоопределения, самоощущения человека в мирной жизни. «Вот яркий, полный глубокого интереса контраст, и такой-то контраст составляет историческую основу в произведении графа Толстого», – заключает критик [2, с. 91].

Отдельный человек, герои романа вновь интересуют Ахшарумова как люди «переходной» эпохи; отсюда акцент сделан на типическом, повторяющемся, исторически детерминированном в поведении и характере персонажей. Едва ли не главной особенностью исторического типа этого времени (речь идет, конечно, о дворянской интеллигенции) критик считает «легкомысленное увлечение чужим и легкомысленное пренебрежение к родному» [2, с. 92], которое он и называет «нравственным холопством» [2, с. 91] и «нравственным лакейством» [2, с. 96]. Автор статьи склонен объяснять появление этого типа человека не столько национальными особенностями, сколько общечеловеческой психологией и общеисторическими законами развития, когда более высокоразвитая цивилизация оказывает влияние на остальные.

Позиция самого Ахшарумова, как и в предыдущей статье, определяется его отношением к толстовским героям как «нашим предкам» и потому лишена авторитарности и высокомерия: «И не осмеем по-хамски наших отцов за то, что они опьянели, хлебнув немного неосторожно из чаши

новых и мало знакомых наслаждений... Они согрели по-человечески, будем и мы судить их по-человечески» [2, с. 94]. Тем не менее его взгляд становится более критичным. Корректируется и его понимание авторской позиции. С одной стороны, она отличается, считает критик, «человеческим, мягким, сочувственным взглядом и теплым участием...» [2, с. 94]. С другой стороны, Ахшарумов говорит о способности психологизма Толстого добираться до самых скрытых мыслей, чувств, мотивов поведения персонажей, в том числе разоблачающих героя: «Он видит всю правду, всю мелочь и низость нравственного характера и все умственное ничтожество в большинстве людей, им изображаемых, и не скрывает от нас ничего. Напротив, он беспрестанно скребет тонкую кожу внешнего, европейского лоска и отыскивает под нею варварство; но он далек сердцем от сухого и строгого приговора» [2, с. 94]. О психологизме Толстого писали все критики, обращавшиеся к его творчеству. Ахшарумов, в чем-то совпадая с ними, объясняет эту особенность художественного метода писателя по-своему, делая акцент на подсознании, а как способе его выражения – потоке сознания героя.

Вместе с тем портреты почти всех главных персонажей романа, рассмотренные Ахшарумовым, не ограничиваются их истолкованием с точки зрения психологизма писателя. Они строятся как обобщающие характеристики личности того или иного персонажа, подчеркивающие его типичность – и как человека «переходной эпохи», и как индивидуального характера, наделенного множеством неповторимых черт. Ахшарумов обладает мастерством такого рода обобщений, когда развернутый портрет героя включает в себя всю его «романную» жизнь, предельно «уплотненную» в авторском (критика) повествовании. Это Пьер Безухов, Николай Ростов (именно в такой последовательности Ахшарумов говорит о героях романа), князь Николай Андреевич Болконский, его сын, князь Андрей, Наташа Ростова, Василий Денисов, Долохов, Наполеон.

Наиболее полное воплощение содержания и облика переходной эпохи, изображенной в романе, Ахшарумов видит в образе Пьера Безухова, представляющего в его трактовке своего рода «инвариантный характер» времени: «Этот граф – идеал в своем роде. Это детская кротость, податливость, искренность, доброта и детская глупость, бесхарактерность, но вовсе не детская непосредственность. Он беспрестанно осматривается, проверяет и разбирает себя. Он на каждом шагу обдумывает то, что ему следует делать, или критикует сделанное; но он никогда не знает: худо или хорошо, глупо или умно, прилично или позорно то, что он делает, и потому у него никогда не хватает решимости выполнить до конца обдуманное. Чувство стыда и, к несчастью, самого ложного, школьного

развито в нем до болезненной щекотливости. Это самая энергичная пружина во всей его рыхлой, кисельной природе» [2, с. 99]. Высоко оценивая авторское мастерство, Ахшарумов вместе с тем высказывает и определенные упреки в его адрес: «Мы видим готовый характер, но не видим, каким путем он сложился и что породило в нем эту крайнюю жидкость, это отсутствие всякого рода устоя» [2, с. 100].

Вынося за скобки «несходство» Пьера с другими персонажами, критик приходит к выводу, что «мы находим существенные черты его типа порознь едва ли не в каждом из главных актеров рассказа» [2, с. 100]. В качестве константных признаков характера Пьера, совершенно по-разному проявляющихся в героях романа, критик называет «те же черты непрактичности, или неустойчивости, или незрелости и распушенности», которые «роднят с Безуховым людей» [2, с. 100]. Так, например, Николай Ростов, при всем несходстве с Безуховым, «такой же нравственный недоросль» [2, с. 100], «человек, в высшей степени непрактичный» [2, с. 100]. Старому князю Николаю Андреевичу Болконскому, чудачу и педанту, тоже, как пишет критик, «не доставало практической жилки» [2, с. 101]. Нет «практической цели» [2, с. 102], полагает Ахшарумов, и в его сыне, Андрее Болконском.

Наиболее развернутую характеристику автор статьи дает именно младшему Болконскому и особое положение его в романе видит в том, что «князь Андрей принадлежит к числу очень немногих лиц в сочинении графа Толстого, на которых заметны следы легкой идеализации» [2, с. 102]. Однако эта идеализация, скорее, художественный просчет писателя, как следует из статьи Ахшарумова: «В человеке этом нет целостности – его жизнь разбита на части, не связанные между собою ни единством практической цели, ни постоянными убеждениями» [2, с. 102]. Анализируя и оценивая характер Андрея Болконского, критик учитывает материал всего романа, все ключевые моменты жизни героя, подчиняя их логике его внутреннего развития. Признавая очевидные достоинства Андрея Болконского, автор статьи все же относится к нему с известной долей иронии. «Его болезненный аппетит к жизни, возвращаясь к нему припадками, покидает его беспрестанно и оставляет после себя каждый раз однообразно-глубокое отвращение» [2, с. 102], – пишет Ахшарумов, показывая, что это касается и светской жизни героя, и военной службы, и государственной деятельности, и отношения к жене, и влюбленности в Наташу Ростову. Отсутствие внутренней цельности и определенной жизненной цели делают его поступки, как считает Ахшарумов, импульсивными и, при всей глубине и аналитичности его ума, подчас непредсказуемыми. Вот характерный пример рассуждений критика: «Слава Наполеона не позволяет ему уснуть спо-

койно. Ему грезятся планы кампании и блестящие подвиги на поле чести. Но в битве под Аустерлицем его стукнуло что-то в голову, и в один миг все эти мечты исчезли» [2, с. 102]. Проследив целый этап в жизни князя Андрея, Ахшарумов повторяет уже знакомый оборот: «Но вот под Бородиным его опять стукнуло, и только что стукнуло, как сердце его опять размягчилось и все озлобление (по отношению к Анатолию Курагину. – *Н. В.*) из него исчезло бесследно» [2, с. 103]. Итоговая оценка критиком этого героя оказывается двойственной: «Он благороден и горд – ничто мелочное и низкое не доступно его душе; он смел и готов отдать жизнь за то, что он любит... Но вся беда в том, что никто не может сказать, да и сам он не может сказать, что такое он любит. В нем нет устоя, нет личной инициативы, пылкие увлечения не рождаются в его душе живым плодом ее внутренней деятельности, а налетают, как вихрь, извне, совершенно случайно и, подхватив его на лету, мчат несколько времени до тех пор, пока их порыв не истощится, или что-нибудь, столь же внешнее и случайное, не остановит их механического размаха... Человек этот, несмотря на высокие свои добродетели, в сущности, человек праздный» [2, с. 103]. В своей последней статье критик практически уже не возвращается к князю Андрею. Такая концептуально-обобщающая характеристика героев, с одной стороны, помогает Ахшарумову создать определенную типологическую парадигму, с другой стороны, неизбежно схематизирует их, лишает той полноты художественного смысла, которым наделяет их автор. Так, например, Ахшарумов не упоминает о религиозной составляющей внутренней жизни персонажей романа, на что обратил пристальное внимание Н.Н. Страхов. Как отмечает современный исследователь В.В. Тихомиров, «Страхов явно имеет в виду духовную, религиозную направленность нравственных поисков героев Л.Н. Толстого» [4, с. 361].

Последний портрет, которым заканчивается в статье череда главных героев романа, – портрет Наташи Ростовской. Ахшарумов вновь дает нравственно-психологическую характеристику героини, передающую не только ее индивидуальность, но, как и в случае с другими персонажами, ее связь с эпохой, тем самым «переходным» временем, влияние которого так или иначе испытали все. Но в Наташе, с точки зрения критика, едва ли не сильнее, чем во всех других, проявляется русский народный характер, который «не затерт и пробивает живым ключом сквозь все наносные элементы развития» [2, с. 104]. Ахшарумов постоянно подчеркивает реализм Толстого, имея в виду всесторонность созданных им характеров, отсутствие их идеализации, даже если речь идет о центральных персонажах романа. В этом плане показательная завершающая характеристика Наташи Ростовской:

«Нравственной высоты и благородства в ней так же мало, как и в ребенке, и, как ребенок, она не знает великодушия, верность ей незнакома; она не способна жить чужою жизнью, быть счастливой счастьем других; не способна стерпеть ничего, ничем пожертвовать. Она понимает одну только личную жизнь и личное наслаждение. Но при всех недостатках своих она имеет живое чутье и живое сочувствие ко всему живому» [2, с. 105].

В заключение Ахшарумов приходит к неожиданному, на первый взгляд, выводу: при огромном количестве персонажей, «драматических, крупных, индивидуальных характеров в сочинении графа Толстого мы вовсе почти не находим» [2, с. 96]; «человек, как лицо, у графа Толстого выходит мелок. Его личный характер едва заметно участвует в драме событий» [2, с. 96]. Этот парадоксальный вывод связан с тем, что критик считает главным в романе «Война и мир» общую панораму, замечательно исполненную картину русской жизни 1805–1812 годов. Отметим, что в той картине, которую рассматривает Ахшарумов, нет описания, анализа, оценки наиболее важных исторических событий: ни встречи императоров, ни Шенграбенского и Аустерлицкого сражений. Даже Бородинская битва лишь упоминается в связи с ранением князя Андрея Болконского, а о партизанской войне вовсе не идет речь. В итоге становится понятным, что критика интересуют не столько личная судьба героев или исторические события, описанные Толстым, сколько тот общий смысл («сверхсмысл») происходящего, который объясняет как поведение человека, так и движение истории. Этот общий смысл Ахшарумов связывает с философской позицией автора; и внимание к ней постепенно начинает доминировать в статье критика – по мере того, как в самом романе появляется все больше авторских комментариев или отступлений по поводу происходящего. Уточним, что это не только философия войны, которая традиционно становится предметом осмысления историков литературы и критиков, но и, условно говоря, «философия мира». Ахшарумов оценивает «военную философию» автора, его объяснение исторических событий 1805 и 1812 годов как литературный критик, анализирующий художественную логику писателя, и как военный историк, руководствующийся знанием реальных фактов. И то и другое заставляет его полемизировать с толстовским представлением о свободе и необходимости, фатуме и предназначении человека. Сущность философской позиции писателя Ахшарумов определяет как фатализм и скептицизм: «Всего этого не нужно бы было рассказывать, если бы мы не имели перед собою военных мудрствований графа Толстого, звучащих как-то особенно странно ввиду простых и в наше время уже весьма очевидных вещей, которые почему-то кажутся ему непостижимыми без его мистического

и еще менее постижимого объяснения. Все актеры Отечественной войны: русские и французы, Наполеон и Барклай, и Кутузов, и войско, и русский народ – все это, по его объяснению, были простые пешки в руках судьбы» [2, с. 110].

Философская позиция автора, с точки зрения Ахшарумова, мешает ему как художнику не только в изображении и объяснении событий войны, но и событий мира. «В его (Толстого. – Н.В.) аналитическом изображении человека, – считает критик, – все люди выходят у него одинаковы. Все они скроены на один покрой; все перед делом и между делом и после дела мечтают и фантазируют, а в решительную минуту или совсем теряются и становятся чисто пассивной игрушкой случая, или действуют под влиянием необузданного, слепого порыва, не обусловленного никакою постоянною складкою в их характере и в их образе мыслей, а потому тоже случайного» [2, с. 107]. Конечно, Ахшарумов имеет в виду не всю полноту художественного образа героя, а ту авторскую тенденцию, которая, с его точки зрения, повторяется в мотивировке поведения персонажей. «Бесплодное этого взгляда на человечество, – считает критик, – быть не может. Это крайний и самый отчаянный скептицизм» [2, с. 115]. В то же время философские взгляды Толстого, по мнению Ахшарумова, не определяют в целом его эстетической позиции и, по сути, лишены собственно художественной природы. «К счастью, он поэт и художник в десять тысяч раз более, чем философ, – заключает критик. – И никакой скептицизм не мешает ему как художнику видеть жизнь во всей полноте ее содержания, со всеми ее роскошными красками; и никакой фатализм не мешает ему как поэту чувствовать энергический пульс истории в теплом, живом человеке, в лице, а не в скелете философического итога. Благодаря этому ясному взгляду и этому теплоте чувству и назло его отвратительной философии мы имеем теперь историческую картину, полную правды и красоты, картину, которая перейдет в потомство как памятник славной эпохи» [2, с. 114].

Ту же красоту картин и их «глубокую правду» [3, с. 55] критик видит в пятом томе романа. (Первое издание «Войны и мира» включало в себя не четыре, как позднее, а шесть томов.) Ему посвящена последняя статья Ахшарумова о «Войне и мире» («Русский вестник», 1869, №3). В центре внимания критика оказывается философская позиция автора, которая избирательно соотнесена Ахшарумовым с отдельными событиями пятого тома. Даже о смерти князя Андрея Болконского лишь упоминается как об «эпизоде», который «своим особым интересом отвлекает на время внимание от исторической сцены» [3, с. 55]. «Личным центром» [3, с. 56] этого тома Ахшарумов считает Пьера Безухова и, соответственно, события, происходящие в Москве, занятой французами. Критика

интересует, прежде всего, авторское понимание психологии и поведения русского человека на войне, даже если сам он и не принимает непосредственного участия в военных событиях. Ахшарумов показывает, как меняется Пьер в тот период его жизни, когда он находится в плену у французов: «Это рыхлое существо, этот изнеженный барин, вывернутый обстоятельствами наизнанку, оказывается простым здоровенным парнем, способным бодро переносить нужду и жить весело в таком положении, в котором другой на его месте совершенно упал бы духом» [3, с. 56]. Объясняя перемены, произошедшие с Пьером, критик вновь пользуется приемом ретроспективного анализа прошлого героя, но отыскивает главные причины поведения Пьера в его настоящем. Это те страшные испытания, через которые он проходит в плену, и знакомство с Платоном Каратаевым.

С эстетической точки зрения Платон Каратаев, считает критик, «один из самых живых и своеобразных типов простого русского человека, по сжатости, правде его очертаний и по отсутствию всякой карикатуры едва ли имеющий что-нибудь равное в нашей литературе» [3, с. 57]. Однако художественное мастерство образа Платона Каратаева не распространяется, с точки зрения Ахшарумова, на ту авторскую концепцию его личности, которая в конечном итоге принимает обобщающий характер и экстраполируется на общенациональные особенности. Это способность приспособиться, адаптироваться к любой обстановке, которая делает «единицу» частью целого, а также бессознательно-инстинктивный момент поведения, который определяет поступки человека, отвечающие сегодняшней исторической потребности и необходимости. Так понимаемая философско-историческая концепция автора «Войны и мира» вызывает категорическое и куда более резкое, чем в предыдущей работе, неприятие критика. Именно полемике с ней и посвящена большая часть статьи. При этом Ахшарумов выходит за пределы романа, руководствуясь здравым смыслом, логикой науки и знанием истории. «По нашему искреннему и глубокому убеждению, – пишет критик, – деятелей отечественной войны нельзя делить на сознательных и бессознательных. Громадное большинство их осознавало широкий народный смысл события, и все были одушевлены сознательным, однородным стремлением дать отпор врагу... Такие люди, как Каратаев, при всем простодушии их, сознавали отлично, что перед ними их враг чужеземец, за ними родина, со всем, что им мило и дорого...» [3, с. 64]. Если в предыдущей статье неприятие Ахшарумова вызывали фатализм и скептицизм автора в объяснении исторических событий и судьбы отдельного человека, то сейчас его принципиальное несогласие вызывает именно идея бессознательности и предопределенности поведения человека

и целых народов, подчиненное неким неведомым законам истории. Итогом подобных рассуждений является категоричное утверждение критика: «Нет, мы не верим графу Толстому, мы не верим, что только одни бессознательные влечения темных людей... имели в истории какой-либо смысл» [3, с. 66]. Авторская концепция истории приводит к тому, считает Ахшарумов, что в романе нет людей, которые должны быть «надеждой России, которые должны быть налицо в эпоху отечественной войны», людей, «которые бодро смотрели вперед и видели светлое будущее... верили в жизнь и в истину жизни...» [3, с. 72].

Полемика критика с автором достаточно регулярно возникает в критических статьях, и само это явление имеет не только конкретный историко-литературный, но и теоретический смысл. Писатель, если он является современником критика, всегда может доказывать свою правоту, реагировать на суждения критика, что и делал Толстой в своем предисловии к роману. Однако, как известно, будучи созданным, произведение в каком-то смысле уже не принадлежит автору, и читатель (критик) вправе воспринимать его по-своему. В самом тексте всегда остается некая «свободная зона» интерпретации, которая неизбежно наполняется новым смыслом. При этом открытая полемика с писателем, очевидно, имеет право на существование лишь в том случае, когда авторская мысль уже оказывается не художественной мыслью, а мыслью «философской или педагогической» [1, с. 335]. По сути, Ахшарумов решается на полемику с автором «Войны и мира» (во второй и третьей статье) именно

в таких случаях – прямого авторского вмешательства в текст, чаще всего – в развернутых рассуждениях этико-философского характера. В целом же Л.Н. Толстой является для Ахшарумова художником самого высокого уровня. И эта позиция остается неизменной на протяжении всего цикла статьей критика. Окончательной оценки «Войны и мира» Ахшарумов не дает, ибо он писал об еще не законченном произведении. Однако больше он не вернется к художественной эпопее Л.Н. Толстого (шестому тому), и потому в его отношении к роману останется определенная недоговоренность.

Библиографический список

1. Анненков П.В. О мысли в произведениях изящной словесности // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / сост., вступ. ст. и примеч. В.К. Кантора, А.Л. Осповата. – М.: Искусство, 1982. – С. 345–368.
2. Ахшарумов Н.Д. Война и мир. Сочинение гр. Л. Толстого. Части 1–4 // Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике: сб. статей / сост., автор вступ. ст. и комментариев И.Н. Сухих. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. – С. 86–114.
3. Ахшарумов Н.Д. Война и мир. Сочинение гр. Толстого. Том 5 // Всемирный труд. – 1869. – № 3. – С. 54–72.
4. Тихомиров В.В. Н.Н. Страхов о своеобразии литературно-эстетической позиции Л.Н. Толстого // Тихомиров В.В. От Радищева до Л.Н. Толстого: статьи о русской литературе и литературной критике. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 35–368.

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна

доктор филологических наук, профессор

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

lusciano55@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РОМАННОГО ЖАНРА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 1860–1870-Х ГОДОВ

В статье рассмотрены особенности художественного метода Ф.М. Достоевского, определённого им как «реализм в высшем смысле слова». Общеизвестно, что в противоположность классическим романам XIX века Достоевский создаёт особую жанровую форму, тип философского романа, в котором происходит своеобразная эстетизация идеи. В статье показан механизм воплощения этого творческого задания, определены идеологические координаты романов «Преступление и наказание» (1866) и «Идиот» (1868). Установлено, что идея является сюжетобразующим фактором и обуславливает многоуровневую структуру произведения. Доказано, что романы Достоевского, начиная с «Преступления и наказания», необходимо рассматривать с точки зрения показа в них эмпирической реальности, с одной стороны, и метафизической проблематики, с другой. Эти планы повествования объединяет уровень обобщённо-символической образности. Изображение жизни идеи как сюжетобразующего фактора философского романа обуславливает композиционную организацию произведений, систему образов, способы изображения самосознания героев-идеологов, особенности повествовательной организации и хронотоп. Рассмотрена роль общекультурных образов и интертекстуальный аспект романов. Выработанный Достоевским в 1860–1870-х гг. оригинальный жанр будет реализован в последующих философских романах. Новая жанровая форма романа определяется как универсальная, объединяющая в единое художественное пространство различные жанровые параметры: идеологический роман, полифонический роман, роман-трагедия, религиозная трагедия.

Ключевые слова: бытие идеи, герой-идеолог, жанровые формы, идеологический роман, полифонический роман, философский потенциал русской словесности.

Русские писатели на рубеже 1860–1870-х гг. осознали неизбежность смены идеологических установок и необходимость поиска нового художественного языка. В эти годы наиболее отчётливо проявился философский потенциал русской словесности, которую А.Ф. Лосев назвал «кладезем самобытной русской философии». «В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького, – писал он, – часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме. И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубеждённый и сведущий судья назовёт эти решения не просто “литературными” или “художественными”, но философскими и гениальными» [1, с. 196–197]. Вопросы философии, политики, религии решались в России с помощью искусства. При этом важно подчеркнуть, что собственно эстетические задачи нередко отодвигались на второй план во имя решения мировоззренческих проблем. Повышенный идеологизм русской культуры 1860–1870-х годов предопределил роль литературы, которая взяла на себя не свойственную ей функцию философского осмысления мира, когда в художественной форме решались важнейшие проблемы бытия.

Величайшими русскими романистами-философами по общему признанию явились Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Г.С. Померанец справедливо замечал, что сближает этих писателей то, «что любая проблема, которую они ставят, имеет духовные измерения и, в конечном счёте, есть духовная проблема» [9, с. 293]. Философская проблематика, за-

нимавшая их умы, охватывала широчайший спектр вопросов. Бессмертие души человека и идея вседозволенности, соотношение свободы и необходимости, веры и неверия, вечности и конечности жизни – вот лишь некоторые из тех вопросов, которые поднимались в эти годы.

В конце 1850-х гг. совершается исход Ф.М. Достоевского из «мёртвого дома» и возвращение в литературу. Писателю было важно осмыслить и заново оценить реалии русской жизни. Для воплощения идеологической позиции «символа веры» ему были необходимы новый художественный язык, новая писательская оптика и, соответственно, особые жанровые формы.

В предлагаемой статье предпринята попытка выявить основные способы воплощения идеологической проблематики в романном творчестве Достоевского 1860–70-х гг. Общеизвестно, что в противоположность классическим романам XIX века Достоевский создаёт новую жанровую форму, которую называли «идеологическим романом» (Б.М. Энгельгард), «полифоническим романом» (М.М. Бахтин), «романом-трагедией» (Вяч. Иванов), «религиозной трагедией» (К.В. Мочульский). Для уточнения жанровой природы этих произведений, определения основных принципов романного мышления представляется важным определить, какие писательские стратегии избирает Достоевский при создании романа нового типа.

Откровение совершилось в «Записках из подполья» (1864). В этом произведении «подпольным парадоксалистом» сформулированы проблемы, которые будут решаться в дальнейшем творчестве писателя:

– какова диалектика цели и средств;

– как соотносены законы природы и личное желание, нравственный закон и человеческая природа;
 – принять ли финал мироустройства с лозунгом земного рая, материального благополучия и всеобщего равенства без духовного братства?

Для ответа на эти и другие мучительные вопросы Достоевский избирает особый художественный метод, который называет «реализмом в высшем смысле слова». Полемизируя с журналистами и критиками, он даёт своё понятие реализма, выстраивая его на оппозиции «действительность» – «реализм». Традиционным реалистам писатель противопоставляет собственный «идеализм». Об этом он писал в конце 1868 года А.Н. Майкову: «Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм – реальнее ихнего. Господи! Пересказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавают!» [6, т. 28, кн. 2, с. 329]. Спустя несколько месяцев Достоевский продолжит эту тему в письме к Н.Н. Страхову: «У меня свой особый взгляд на действительность, и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд по-моему не есть еще реализм, а даже напротив» [6, т. 29, кн. 1, с. 19].

Исследователи неоднократно указывали на особый идеологический характер романов Достоевского. «Достоевский, – писал Б.М. Энгельгард, – изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании, ибо её он считал определяющим фактором интеллигентного общества. <...> Подобно тому, как центральным объектом для других романистов могло служить приключение, анекдот, психологический тип, бытовая или историческая картина, для него таким объектом была идея. Он культивировал и вознёс на необычайную высоту особый тип романа, который... может быть назван идеологическим. <...> Его героиней была идея» [11, с. 90]. Рассматривая особенности романного мира Достоевского, М.М. Бахтин утверждал, что «идея в его творчестве становится предметом художественного изображения, а сам Достоевский великим художником идеи» [3, с. 97]. Таким образом, философская идея в романах Достоевского определяет его систему координат, проблематику, структуру образов, особенности повествовательной организации, хронотоп.

Важным конструктивным принципом философской прозы, как отмечают литературоведы, является наличие в произведениях персонажей или сюжетных линий, выражающих различные концепции и «вытекающий отсюда принцип столкно-

вения или сопоставления сознаний и типов поведения» [12, с. 93]. Таким образом, полемика, спор, диалог становятся обязательным атрибутом философского романа.

В произведениях Достоевского мир раскрыт через самосознание героев, действующих лиц, которые неизбежно вступают в диалог. Не события, но дискуссии по поводу событий ставятся в центр повествования. Все происходящие события – внешние по отношению к обсуждаемой идее. Трагедия разыгрывается в духовном мире персонажей и означает преодоление математической истины и постижение истины абсолютной. Событийная сторона в произведении неизменно занимает подчинённое положение по отношению к идеологической: события ведут к дискуссиям и философским прозрениям, сиюминутное уступает место размышлениям о вечном и идеальном.

Философская идея становится объектом художественного изображения. При этом для соблюдения «чистоты эксперимента» автор нередко обращается к условно сконструированным ситуациям, вопреки их реалистической мотивировке. Так, появление Николая в сцене допроса Раскольникова Порфирием Петровичем («Преступление и наказание», ч. 4, гл. 6) актуализирует важную для Достоевского тему страдания и означает недостаточность юридической мотивировки преступления. Аналогично князь Мышкин чудесным образом получает наследство от друга отца Павлищева, что позволяет автору ввести его в высший круг и практически упразднить социологическую проблематику. Цель авторского «произвола» – показать «ландшафт идей», сосредоточить внимание читателя на философской проблематике. Движение мысли, её художественное обоснование и проверка жизнеспособности составляют главный интерес в романах и определяют особенности их сюжетной организации.

Романы Достоевского необходимо рассматривать как многоуровневую структуру, выделяя различные пласты текста: социальной конкретики и философского обобщения, эмпирических данных и метафизических прозрений, реалистического изображения и символического обобщения. Его романы не имеют, на первый взгляд, продуманной конструкции. Достоевский почти не заботится о реальном правдоподобию изображаемой человеческой жизни. Его цель заключается в ином: постигнуть хаотические движения души, представить её глубины, красоту и вызываемые ею страсти, показать испытания, которые должна пройти христианская любовь.

В романе «Преступление и наказание» (1866) события реальной жизни (встреча с Мармеладовым, посещение его квартиры, письмо от матери) подчинены задаче сформулировать проблему: должен ли Раскольников подчиниться обстоятельствам

или вступить с ними в борьбу? Может ли человек своевольно исправить пути промысла Божия? Возможно ли совершить малое зло (пролить «кровь по совести») ради большого добра, убить человека из «любви к человечеству»? В философском романе, по определению литературоведов [см.: 2, с. 95–96], должна присутствовать исходная философия. В первой части романа позиция героя-идеолога изложена в разговоре студента и офицера в распивочной (гл. 6). Этот разговор определяет вектор развития сюжета и прогнозирует итог. Студент становится лицом мировой драмы, а первая часть романа является философской завязкой, где формулируется художественная модель проблемы: «За одну жизнь – тысячи жизней, спасённых от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна» [6, т. 6, с. 54].

Координата будущего – второй сон-грёза Раскольникова. Он принципиально важен для решения проблемы: «Ему всё грезилось... что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе... Он же всё пьёт воду, прямо из ручья... И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блёстками песку... Вдруг он ясно услышал, что бьют часы» [6, т. 6, с. 56]. Африка и Египет – библейская земля, начало великого Исхода и утоления жажды, перспектива для героя. В эпилоге не произойдёт ничего нового: воскресение Лазаря-Раскольникова повторит сцену этого видения-сна. Первым обратил внимание на важность этого эпизода и прокомментировал его В.В. Агеносов в своей работе, посвящённой генезису философского романа [2, с. 94–95].

Большое значение в романах Достоевского приобретает герой-идеолог. Его изображение подчинено разработке философской идеи. К.В. Мочульский, определяя роль Раскольникова в системе образов романа, писал: «Раскольников не только композиционный, но и духовный центр романа. Трагедия происходит в его душе, и внешнее действие лишь обнаруживает его душевные конфликты». Важно финальное уточнение литературоведа: «Во всех романах Достоевского в центре стоит человек, решающий загадку своей личности (Раскольников, князь Мышкин, Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов)» [8, с. 366]. Определяя роль князя Мышкина в романе «Идиот» (1868), А.Л. Волынский называл его «главной идейной фигурой», отмечая важность не внешнего изображения, но внутреннего осмысления: «Мышкин не художественно изображённый живой человек, а, так сказать, идея человека в его мистической природе, в его назначении бросать на жизнь свет высшей

правды. <...> Образ Мышкина очерчен скорее психологическими, чем пластически-художественными приёмами» [5, с. 53, 55]. У Достоевского герой не столько персонаж с индивидуальным характером и поступками, сколько носитель кардинального вопроса человеческого бытия.

Автора интересует бытие идеи в индивидуальном сознании. Заметим, что в противоположность Достоевскому для Л.Н. Толстого наиболее важным оказывается отражение мира в индивидуальном сознании героя, психологическая мотивировка его поведения. Представляя своего героя, Достоевский в отличие от Толстого практически исключает пласт бытовых подробностей. На эту особенность художественного метода писателя указывал М.М. Бахтин: «У Достоевского нет объективного изображения среды, быта, природы, вещей, т. е. всего того, что могло стать опорой для автора. Многообразнейший мир вещей и вещных отношений, входящий в романы Достоевского, дан в освещении героев, в их духе и в их тоне» [4, с. 72]. Задача отмеченной писательской стратегии заключалась в том, что Достоевскому необходимо было обнаружить и показать самосознание персонажа. Мышкин живёт в другом измерении – странником на неизведанной земле. Масштаб мышления «последнего в своём роде» князя не исчерпывается привычными категориями обыденного сознания. Он предстаёт в романе ангельским духом, олицетворяющим невинную и свободную душу, человеком до его грехопадения, живущим вне реального пространства и времени. Подобным образом Достоевский разрабатывает и другие художественные образы: Рогожин оказывается носителем иррациональных тёмных сил человеческой природы; Настасья Филипповна являет образ бесовской красоты, гибнущей и губительной одновременно.

В мире романов Достоевского место и обстановка действия неизменно связаны с действующими лицами. Это и реальное пространство, и «духовный символ». Внешний мир не имеет у писателя самостоятельного значения: он очеловечен и одухотворен. Обстановка всегда показана через сознание персонажа, как его функция. Пространство, где находится герой, становится «ландшафтом его души» [8, с. 362–362]. Так, комнату Раскольникова Достоевский сравнивает со шкафом, сундуком, гробом. Дом Рогожина сопровождает такое описание: «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвету грязно-зеленого... И снаружи и внутри как-то негостеприимно и сухо, всё как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома – было бы трудно объяснить. Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну» [6, т. 8, с. 170].

Отличительная черта романов Достоевского заключается в том, что для раскрытия философской идеи писатель привлекает различные

художественные средства: организация времени и пространства, предметная детализация, использование литературных и общекультурных аллюзий и реминисценций. В романе «Идиот» философские проблемы решаются не путём абстрактных рассуждений персонажей, а через восприятие ими живописного образа Христа. Картина Г. Гольбейна-младшего оказывается средоточием философской проблематики романа и позволяет автору высказать важнейшие мысли и задать вопросы о существовании Бога. Право на голос получает каждый из персонажей; их идеи и идеалы проецируются на живописное полотно, и гольбейнов Христос становится «точкой диалогической встречи» [3, с. 100] различных самосознаний персонажей. Роль живописных образов в раскрытии философской проблематики романа «Идиот» детально рассмотрена нами в статье «Культурные реалии как способ выражения философской проблематики романа Ф.М. Достоевского “Идиот”» [7].

В романах Достоевского в отличие от Толстого нет всеобъемлющего видения автора, но есть множество изобразительных ракурсов, вследствие которых авторская позиция не декларируется как абсолютная истина, но представлена как одна из возможных точек зрения. Сопоставляя их авторские позиции, Г.С. Померанц писал: «Я сравнивал роман Толстого с монархией, в которой сталкивается много умов и воля, но окончательное решение, кто прав, кто виноват, принадлежит одному государю; а роман Достоевского – с парламентом, в котором автор сохраняет за собой только роль спикера. Можно также сравнить роман Толстого с ньютоновской вселенной, весьма сложной, но вложенной в пространство всеобъемлющего авторского ума с единой системой координат; а роман Достоевского – это вселенная релятивистская, в которой бесчисленное множество равноправных точек отсчёта» [9, с. 76–77]. Множественность субъективных точек зрения в романах Достоевского на проблему позволяет «открыть» героя, прояснить его мировоззренческие установки, организовать структуру полифонического романа, представить варианты разрешения философских проблем. Искомая истина рождается в споре голосов, а точки зрения персонажей высвечивают сокровенные духовные силы или человеческое бессилие перед Вечностью. Показателен в этом отношении диалог Свидригайлова и Раскольникова в 6 главе 4 части романа «Преступление и наказание». Безблагодатность Свидригайлова, его будущий грех проявляются в его представлении о вечности: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптёлая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете,

в этом роде иногда мерещится» [6, т. 6, с. 221]. В этом контексте отсутствие категоричности у Раскольникова возможно рассматривать как залог его будущего преображения. Вечность же, в представлении Достоевского, дано почувствовать лишь тем, кто принял свой Крест и уверовал в Красоту, спасающую Мир.

Для понимания идейно-философской концепции и системы образов романов Достоевского важное значение имеют тексты Нового Завета. Христос для него – «великий и конечный идеал развития всего человечества». Идея бессмертия души понимается писателем как высшая идея жизни: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные “высшие” идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают» [6, т. 24, с. 48]. Подобные мировоззренческие установки обусловили особенности повествовательной организации произведений и характер использования в них евангельских образов. В романах Достоевского при наличии примет времени, знаков эпохи, важны вневременные координаты, на которые указывают постоянные обращения автора к Священному Писанию. Присутствие евангельского материала в структуре романов обнаруживается на разных уровнях: от включения прямых цитат до символизации художественного текста. Обращение к мифу создаёт фон, на котором прочитываются произведения, а заимствованные сюжетные мотивы придают тексту символическое звучание. Так, в романе «Преступление и наказание» центральный мотив воскресения героя опирается на евангельскую притчу о воскресении Лазаря. Притча проецируется на сюжет романа, расширяя его повествовательное пространство. В «Бесах» мотив бесовства восходит к евангельской притче об излечении бесноватого. На страницах этого романа Достоевский по-своему переосмысливает Апокалипсис и в его символике находит сходство со многими реальными событиями. Практически все герои романа хорошо знакомы с текстом Апокалипсиса, они цитируют его, используют его образы для самохарактеристики. Важно уточнить, что писатель не мистифицирует конкретно-историческую действительность, но в мистике древних мифов открывает истоки двух противоборствующих сознаний, ибо Апокалипсис предупреждает о грядущем смешении понятий добра и зла, красоты и безобразия.

В центре романов Достоевского – проявление универсальной сущности мира. При этом особое значение приобретает категория художественного времени. Если Толстой сосредоточивает своё внимание на движении человека во времени, то для Достоевского более важным оказывается погружение героя во всемирно-исторический контекст,

что достигается использованием евангельских образов и параллелей. Так, судьба Раскольникова соотносится с новозаветной притчей о Лазаре; образ Мышкина задумывался автором как земное воплощение «князя-Христа»; Ставрогин объясняется при помощи символики Откровения Иоанна Богослова. Герои Достоевского предстают одновременно и участниками конкретных событий, и вневременными образами, воплощающими великие идеи. Библейские аллюзии, используемые Достоевским при создании художественных образов, переводят их во вневременной план и наполняют символическим звучанием.

Следуя логике развития идеи, Достоевский моделирует интересующую проблему на нескольких уровнях. Сюжет развивается в двойном измерении: внешний уровень прочтения текста – уровень описательности – дополняется обобщённо-символическим. Именно этот – второй – уровень становится для писателя основным. Определяя особенности художественного метода Достоевского, К.А. Степанян писал: «“Реализм в высшем смысле” есть такое изображение действительности, при котором метафизическая реальность, – именно *реальность*, – просвечивает сквозь происходящее; люди живут в мире, центром которого является Бог и в котором реально, бытийственно присутствуют Христос и Богородица, апостолы и святые, духовные силы различных уровней. События происходят здесь и сейчас, но на фоне совершающейся в вечности Евангельской истории. Эти два плана изображения – мир земной и мир Небесный, время и вечность – постоянно сосуществуют во взаимопроникновении и почти все персонажи в той или иной степени осознают это и действуют в соответствии с этим» [10, с. 54]. Таким образом, основным принципом организации романного мира Достоевского становится сочетание противоположностей, а основной чертой художественной структуры его романов – дихотомия, соответствующая характеру развития философской мысли автора.

В прозе Достоевского «реализм в высшем смысле» предполагает интерес писателя к постановке и обсуждению философских и религиозных проблем. Евангельский материал выполняет в его произведениях роль смыслового контрапункта. При этом евангельские элементы, ассимилированные поэтикой Достоевского, в художественной структуре его романов играют определяющую

роль в формировании нравственно-философской концепции.

Решение обозначенных проблем обусловило появление в творческой практике писателя универсальной жанровой формы – философского романа, сопрягающего в единый художественный образ идеологические и метафизические проблемы, трагический пафос человека XIX века, осознавшего своё одиночество в мире без Бога, коммуникативные установки, ориентированные на диалог в поисках утраченной истины. Выработанные Ф.М. Достоевским в 1860–1870-х гг. принципы романного письма станут основой для всей философской прозы писателя.

Библиографический список

1. ...Из русской думы // сост., авт. портретов и текста «От сложителя» худож. Ю. Селиверстов: в 2 т. – М.: Роман-газета, 1995. – Т. 2. – 256 с.
2. *Агеносов В.В.* Генезис философского романа. – М.: Изд-во МГПИ, 1986. – 131 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. Россия, 1979. – 318 с.
4. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. – Киев: «Next», 1994. – 510 с.
5. *Вольнский А.Л.* Достоевский. – СПб.: Тип. «Энергия», 1906. – 502 с.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
7. *Лученецкая-Бурдина И.Ю.* Культурные реалии как способ выражения философской проблематики романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – № 2. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 205–209.
8. *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.
9. *Померанц Г.С.* Открытость бездне. Этюды о Достоевском. – New York: Liberty publishing house, 1989. – 472 с.
10. *Степанян К.А.* К пониманию «реализма в высшем смысле» (на примере романа «Идиот») // Достоевский и мировая культура: альманах. – М., 1998. – № 10. – С. 54–64.
11. *Энгельгард Б.М.* Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. – М.; Л.: Мысль, 1924. – С. 78–93.
12. *Эсалнек А.Я.* Внутрижанровая типология и пути её изучения. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 184 с.

ОБРАЗ ГЕРОЯ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ХРОНИКАХ А.Ф. ПИСЕМСКОГО («ПОРУЧИК ГЛАДКОВ») И А.Н. ОСТРОВСКОГО («ТУШИНО»)*

В статье на материале малоизвестных и малоизученных драматических хроник А.Ф. Писемского «Поручик Гладков» и А.Н. Островского «Тушино» осмысливается одна из ключевых проблем художественного творчества – проблема героя и способов его характеристики. Сопоставительный анализ позволяет выявить принципиально различные подходы двух писателей-современников к её решению. Писемский идёт путями западно-европейских авторов (античная трагедия, творчество Шекспира). Он называет свои пьесы трагедиями и характеризует героев, используя приёмы, характерные для трагедии рока: вина предков перед потомками, роковая ошибка героя, сложное соединение в образе отрицательных и положительных качеств и др. Найденные Писемским в трагедии «Горькая судьбина» приёмы создания образа использованы и в исторических пьесах.

Островский в характеристике героя иной исторической эпохи исходит из вечных нравственных ценностей. В хронике противопоставлены герои «смирного» и «хищного» типа, герой-преступник охарактеризован противоречиво, «окаянный» герой у Островского, в отличие от «окаянного» героя Писемского, практически лишён положительных качеств. При характеристике защитника Отечества в пьесах Островского вступает в силу особая мера человечности: его «кроткий» герой (Николай Редриков) становится сильным, стойким, самоотверженным, в его характеристике драматург во многом совпадает с характеристикой подобного типа героя в романе Л.Н. Толстой «Война и мир».

Ключевые слова: драматическая хроника, трагедия рока, трагический герой, «окаянный герой», герои «смирного» и «хищного» типа, мера человечности.

К созданию исторических пьес А.Н. Островский и А.Ф. Писемский обращаются в шестидесятые годы XIX века. Оба автора руководствуются при этом единым побуждением: народ должен знать свою историю, и задача драматурга – познакомить его с ней. Писемский в письме к П.А. Валуеву от 8 мая 1867 года выразил, по сути, общее мнение, когда писал, что, создавая «Поручика Гладкова», он ставил перед собой цель «говорить правду», его пьеса имеет только одно свойство – «историческую достоверность и справедливость. Скрывать от народа его историю, я полагаю, более вредно, чем полезно; а между тем сцена есть единственный путь, через который масса публики может познакомиться с светлыми и тёмными сторонами своей прошедшей жизни, заинтересуется ею и полюбит её: никакой умный учебник, никакая строгая школа не в состоянии сделать этого для истории!»¹ [12, с. 217].

Цикл исторических пьес Островского: «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» (1861), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866) и «Тушино» (1866) – посвящён эпохе Смуты. Жанр этих произведений сам автор определил как «драматическая хроника». Писемский же произведения, близкие пьесам Островского по жанровым признакам – «Поручик Гладков» (1866) и «Милославские и Нарышкины» (1867), называет «трагедиями»². Его пьесы написаны на материале истории дворцовых переворотов в середине XVIII века, времени правления царевны Софьи³.

Одной из основных особенностей драматической хроники, как и любого исторического произведения, является то, что в оценке событий и по-

ступков действующих лиц в них автор не свободен. Авторские симпатии и антипатии всегда подвержены корректировке, продиктованной «результатом» хода истории. Этим обстоятельством во многом определяется и авторская концепция героя.

Пьесы Писемского по своей жанровой структуре заметно отличаются от хроник Островского. Писемский больше внимания уделяет показу исторического события, чем характеристике действующих лиц. Так, в «Поручике Гладкове» первое действие демонстрирует величие Волынского, во втором – показан его допрос и (за сценой) казнь. В третьем действии сообщается о смерти Анны Иоанновны, Бирон соглашается стать регентом при малолетнем императоре. Четвёртое действие – падение Бирона, пятое – вступление во власть Елизаветы Петровны. Фактически в пьесе главными скрепляющими действие факторами становятся само движение истории и наличие одних и тех же действующих лиц. Писемский, видимо, осознавал специфику произведений подобного рода на фоне других своих исторических пьес. В письме И.С. Тургеневу от 8 мая 1866 года он писал о «Гладкове»: «...я написал ещё Трагедию, совсем уже торическую из Времен Бирона» [12, с. 204]. Современники же отнеслись иронически к множеству исторических событий, введённых в пьесу, и к ссылкам на исторические документы. На «Поручика Гладкова» сразу же появилась злая пародия Ивана Маслова, а академик А.В. Никитенко назвал пьесу «чем-то в роде исторического перечня» [цит. по: 12, с. 677].

В отличие от Островского, для пьес Писемского, как и для Шекспира, почти не характерен лиризм, в них «даже частная, личная жизнь героев,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00323.

в том числе и их любовь, подчинена задачам государственным, политическим» [11, с. 27]. Поручик Гладков в одноименной пьесе женится на нелюбимой им фрейлине Анны Леопольдовны, чтобы быть ближе к самой принцессе, к которой он питает любовное чувство и которой поклялся возвести её на престол. Однако в изменившейся исторической ситуации поручик предаёт принцессу ради собственного возвышения. Любовные отношения героев в пьесе не показаны, а даны в пересказе персонажей. Только одна сцена пьесы – сцена сватовства Гладкова – включает показ любовных переживаний невесты, которая искренне любит поручика.

Создавая образ поручика Гладкова, Писемский ориентируется на традиционные представления о трагическом герое. В современной трагедии Писемский считал необходимым выразить и «простой древний трагизм». Об этом он писал не однажды. Вот, например, письмо к К.С. Веселовскому в ноябре 1865 года: «Два только народа могут по праву считаться хранителями и проявителями простого древнего трагизма – это Русские и Англичане, так по крайней мере говорит в нас наше народное чувство и понимание. <...> Наш народ, смело можно сказать, носит в своей душе, и в своем организме, и в своей истории семена настоящего трагизма, далеко ещё в нашей литературе не проявленного и неразработанного» [12, с. 190–192].

В трагедиях Писемский создает крупные, сильные характеры. Страсти героев становятся причиной поступков, влекущих за собой трагическую вину. По выражению Гегеля, «для великих характеров быть виновными – это честь» [1, с. 594]. Писемский, думается, разделял это убеждение. Концепция образа трагического героя у Писемского сложилась уже во время создания «Горькой судьбины». Эта пьеса явилась трагедией рока на материале современной крестьянской жизни. Поступки героев оцениваются в трагедии не только в социально-бытовом, историческом, нравственном, но и в мистическом планах. Главный герой вступает в единоборство не только с реальными силами, но и с вечным, всесильным злом. Ананий Яковлев, подобно героям эпохи античности, – носитель роковой страсти. Гордость и любовь заставляют его ещё до начала пьесы совершить ряд поступков, которые обретут силу рока: против воли родителей он женился на бедной, никогда не любившей его девушке, силой вступил в права мужа. Вот эта роковая вина и тяготеет над ним, и определяет его «горькую судьбину».

Перипетии в трагедии раскрывают положительные начала в характере героя, знание нравственных норм и стремление им соответствовать. Напряженность действия определяется величием духа личности, находящейся в центре трагедии рока. Такая личность приходит к совершению роковой ошибки: Ананию суждено совершить самое тяжкое из пре-

ступлений – стать убийцей невинного младенца. В трагедиях эпохи античности момент катастрофы становился и моментом «узнавания» и «преобразования» личности. То же происходит и у Писемского. Совершенное героем убийство приводит гордого героя к смирению, покаянию перед народом, признанию своей вины. Ананий осудил самого себя, назвал себя «окаянным». Покаяние Анания «преобразует» и души тех, кто с ним рядом. Перелом в судьбах героев совершился; как и в античной трагедии, этот перелом, страдания героев вызывают сострадание зрителей, переживающих в театре потрясение – сострадание – очищение – удовольствие, то есть катарсис (см. о нём: [4]).

Воплощённый в «Горькой судьбине» образ трагического героя станет для Писемского в определённом смысле образцом, на который он будет ориентироваться в более поздних трагедиях. В «Поручике Гладкове» в качестве истинно трагического героя изображён Артемий Волынский. Образ его писатель трактует как образ положительного героя русской истории, патриота, любимого народом, сподвижника Петра, верного его памяти и заветам. Это крупная историческая личность, выражающая общенародные интересы: он сторонник возведения на престол законной наследницы Елизаветы Петровны. Волынский охарактеризован противоречиво: он горяч, смел, дерзок, деятелен, честолюбив, со своими подданными груб и не сдержан; это политический авантюрист, мечтающий о русском троне. Преследуя политические цели, Волынский пользуется безнравственными методами: подкуп, заговор. Однако в изображении Писемского на нём нет греха предателя и убийцы. Эти грехи на совести его врагов и прежде всего поручика Гладкова.

В кульминационный момент, перед смертью, Волынский осознаёт свою трагическую вину. Как человек своего времени Волынский живёт в кругу религиозных представлений, он помнит о Боге и о главном своём грехе – гордыне. В момент покаяния он говорит: «Каюсь, я виноват перед Богом и её императорским величеством: много в мерзких словах и в продерзостных поступках прегрешений учинил...» [13, с. 260]. Но Волынский – и слабый человек, сломленный пытками и угрозой гибели. В тот момент, когда Бирон объявляет ему о смертном приговоре, он встаёт перед ним на колени и просит о пощаде.

Мера величия человеческой личности в пьесах Писемского определяется степенью их причастности к историческим событиям, их положением на историческом Олимпе: поручик Гладков выступает как пособник крупных исторических деятелей Бирона, Миниха, Остермана, поэтому на сцене он всегда на втором плане. В сравнении с Волынским, Гладков – личность мелкая. Однако и этот образ Писемский выстраивает как образ героя трагедии рока. Это прежде всего преступник, духовно отор-

вавшийся от Бога и предков, душа его во власти тёмных сил. Ещё в детстве Гладков был непочтителен к родителям. Отец говорит о нём: «С малых лет мать и я были мы у тебя только на пересмешках!.. Что тебе ни делай, – всё тебе мало и ничем ты не благодарствуешь...» [13, с. 262]. Герой одержим страстью: «...Словно змея какая, сосёт мне сердце непрестанное желание возвыситься... От царства небесного, кажись, готов бы был отказаться для того!» [13, с. 267]. Гладков влюблен в Анну Леопольдовну, он поклялся возвести её на престол и мечтает оказаться при ней в роли фаворита. Ради достижения собственной цели он доносит на своего благодетеля Волынского, помогая Бирону низвергнуть его; затем он же принимает участие в низвержении Бирона, а в конце пьесы готов предать Анну Леопольдовну, убить друга. Но и Гладков у Писемского тот преступник, живущий с сознанием своей вины, о которой говорит в финале пьесы: «...я на благодетеля моего донёс смертный донос!.. Отцом моим, как Каин-братоубийца, проклят... Честь мою офицерскую проиграл... за ничто...» [13, с. 290].

Для характеристики героя Писемский использует приём противопоставления образов – предателя Гладкова и верного Волынскому, честного офицера Салтыкова. На фоне живого, подвижного, щедрого, открытого, прямого, искреннего, простодушного в дружбе Салтыкова особенно очевидны двоедушие, скрытность, корыстолюбие, злой умысел Гладкова. Салтыков с полным моральным правом убивает на дуэли Гладкова. За свои преступления Гладков справедливо наказан родительским проклятием, всеобщим осуждением, разочарованием и смертью. И всё-таки о нём сожалеет представитель народного мира Краснобаев: «Ловко цапнуто, не пикнул, сердечный!» [13, с. 292], его оплакивает жена.

Финалы в хрониках Писемского катарсичны, они проливают новый свет на образы героев. Пьеса «Поручик Гладков» заканчивается вступлением на престол Елизаветы Петровны. Её приход к власти – желанное для русских людей событие. С её воцарением уйдут в прошлое такие методы политической борьбы, какими пользовались Гладков и ему подобные, будет отменена смертная казнь. Не случайно Писемский увяжет в пьесе образ Елизаветы с образами утренней зари, наступающего дня.

Образ поручика Гладкова у Писемского – во многом плод авторской фантазии. В этом смысле трагедия близка драматической хронике Островского «Тушино», в которой главные действующие лица – вымышленные персонажи. Как и «Поручик Гладков», пьеса «Тушино» мало привлекала к себе внимание критиков и литературоведов, традиционно характеризовалась ими как менее удачная, в сравнении с «Дмитрием Самозванцем и Василием Шуйским»⁴. Однако хроника имеет свои ху-

дожественные достоинства, в ней значительно определённое, чем в других произведениях исторического жанра, выразилось своеобразие представлений драматурга о человеке, герое времени.

Образы героев драматических хроник Островского в значительно меньшей степени, чем у Писемского, ориентированы на традицию античной трагедии и трагедии Шекспира. Для них актуальна та мера человечности, которая выразилась во всех других пьесах драматурга. Н.А. Шалимова справедливо считает, что, «создавая своих персонажей, Островский исходит из содержания действительной жизни... ориентируется на прозу живой реальности» [17, с. 15]. Островский «не нагружает» героя духовными исканиями, как Достоевский или Толстой, но требует от него быть нравственным и иметь душу. Шалимова пишет: «Онтологическая сущность души понимается драматургом как ведущая способность человека, связующая его со всеми другими людьми: способность чувствовать и сочувствовать – любить, жалеть, понимать, сопечаловаться и сорадоваться» (выделено автором. – Н. Е.) [17, с. 21]. Однако в исторических хрониках Островского вступают в силу и иные критерии человечности.

Пьеса «Тушино» о Смуте, о братоубийственной войне. Как и в «Поручике Гладкове», в ней два центра: на первый план выдвинуты образы вымышленных персонажей, двух братьев Редриковых. Они представляют два типа героя, названные Н.Н. Страховым, вслед за А.А. Григорьевым, «хищным» и «смирным» [15, с. 314].

Автор акцентирует природные качества характеров двух братьев. О старшем, Максиме, отец говорит: «Один-то весь в меня: / И драться зол, и ростом, и дородством, / Как вылитый» [10, с. 129]. Максим знает о себе: «Я зарождён на зло. / На свет с зубами / Родился я, меня не испугаешь...» [10, с. 166]. Младший же, Николай, по словам старухи-матери, «смирный, как девушка, и мухи не обидит» [10, с. 129]. В пьесе Максим выступает как олицетворение войны, Николай – мира. По сути, Островский одновременно с Л.Н. Толстым и используя тот же приём противопоставления «человека войны» и «человека мира», находит путь к соединению в историческом жанре темы войны и темы мира.

В драматической хронике параллельно развиваются тема любви братьев Редриковых друг к другу и тема братоубийственной войны. О любви Максима к брату говорит уже его стремление защитить Николая от насмешек Савлукова в самом начале пьесы: «Такой же воин будет, / Ничем тебя не хуже» [10, с. 134], – говорит он о брате. При встрече в тушинском лагере Максим, рискуя собственной жизнью, спасает от гибели Николая, захваченного в плен при исполнении им долга перед царём и Отечеством.

В отсутствие отца для Николая Максим – высший авторитет: «Приказывай, учи меня, ты старший...» [10, с. 154]. Из любви к брату Николай пытается остановить его, когда тот принимает решение отправиться в Тушино: «Подумай, образумься, / Родимый мой» [10, с. 155]. И горячо молится о нём: «О Господи! за брата / Молю тебя! / Наставь его на разум! / От гибели, от дьявольского кова / Освободи заблудшую овцу!» [10, с. 156].

Тема братоубийственной войны звучит уже в первой сцене пьесы. Тушинец Савлуков говорит старикам Редриковым: «Война не та, что прежде, брат на брата / С ножом идёт...» [10, с. 133]. Эта тема получает развитие в диалоге братьев перед их разлукой:

Николай Редриков

А если мы с тобой на ратном поле
Лицом к лицу сойдемся, как же руку
Я подниму на кровного, родного!
Родименький, подумай! Милый братец,
Ты враг царю, ты враг земле родной.
Щадить тебя грешно, убить – так вдвое.

Максим Редриков

Да полно ты!

Николай Редриков

Уж лучше ты при встрече
Убей меня вперед.

Максим Редриков

Изволь, убью [10, с. 156].

В пьесе Островский выстраивает рассказ о судьбе братьев Редриковых, для него важна не борьба между ними, а становление и развитие личности каждого. Отправившись вместе с отцом в Москву на службу законному государю Василию Шуйскому, братья присягают ему. Но страстным, горячим Максимом руководит одно желание отомстить за оскорбление, нанесённое ему, его родителям и брату ростовским воеводой Третьяком Сеитовым. Обида подогревает озлобление, жестокость в душе героя, становится причиной измены присяге, бегства в Тушино. Служение «тушинскому вору» ещё больше озлобляет Максима, делает из него убийцу. Он участвует в осаде Троицы и Ростова. «Смирный» Николай остаётся верен присяге.

Максим – клятвопреступник и убийца. Однако Островский, как и Писемский, выстраивает образ героя-преступника сложно. Горячий Максим не равен другому герою пьесы – боярскому сыну Беспуте. Этот персонаж охарактеризован драматургом как «окаянный» человек. Беспута сам признаётся, что попал во власть дьявола: «В меня посажен дьявол, да не один...» [10, с. 159]. Его душа не знает света, он забыл о Боге и вершит одно преступление за другим. В отличие от «окаянных» героев Писемского, «окаянство» Беспуты не знает предела. Казачий атаман Епифанец упрекает его в бессмысленном кровопролитии: «А ты резню и буйство затеваешь, / Ненужное кроворазлитие деешь! / Губил детей грудных, рубил на части, / Как бешеный из дома в дом кидался. / Избу зажжёт» [10, с. 159].

На глазах зрителя Беспута убивает татарина Ураза, ни в чём не повинного старика-священника. И поступки героя, и имя говорят о нём как об олицетворённом зле. Забывший о Боге герой у Островского лишён положительных характеристик. Однако, как и окаянные герои Писемского, Беспута помнит о том, что грешен и что кипеть ему в адовом огне. В минуту отчаяния он восклицает: «Разверзлись, Сыра земля, до самой преисподней / И поглоти воров проклятых стаю / И первого меня» [10, с. 166].

В отличие от Беспуты, Максим не вовсе забыл о Боге. Во время осады Троицы он убеждается в том, что у её защитников есть невидимая, но самая надёжная опора – за ними стоит Создатель. С самим Господом сражаться Максим не готов: «А год бороться с Богом... / Разбойником быть мало, – окаянным / Быть надобно» [10, с. 193]. «Окаянным» в пьесе Максим не назван, о том, что он не вовсе потерянный человек, говорит его поведение во время осады Ростова. Оказавшись вместе с тушинцами в тереме Сеитова, он готов спасти отца, брата и его жену. Защищая её, он убивает Беспуту.

Братоубийцей в пьесе становится не «хищный» Максим, а «смирный» Николай. Образ этого героя может показаться безликим и малоинтересным⁵, однако он выписан не менее сложно, чем образ его брата. В начале пьесы герой представлен как ребёнок. Отец говорит о нём: он «...матушкин сынок, – за печкой вырос, на калачах да сырниках вскормлён...» [10, с. 129]. Николай, в отличие от озлобленного на людей Максима, – олицетворённая любовь. Он любит родителей, брата, не таит от матери своей любви к Людмиле Сеитовой. Его душа открыта красоте мира и самым тонким переживаниям, о чём свидетельствует его общение с возлюбленной, рассказ о ней: «...и нет на свете / Белей её, румяней, точно цветик / Махровенький, цветёт она» [10, с. 134]. При встрече с возлюбленной он не умеет высказать ей своих чувств, но, будучи уже её мужем, проявляет весёлый, шуточный нрав гармонично развитого человека.

Именно в этом герое Островский соединяет качества влюблённого и рыцаря. Николай не способен на предательство и вероотступничество, он крепок в слове и решителен в деле. Оказавшись в плену, он готов пойти на дыбу. Максим уверен в нём, потому выпускает его из землянки для разговора, а бежит из-под стражи Николай только с разрешения брата. В тот момент, когда тушинцы приходят в Ростов, Николай, не раздумывая, вместе с Сеитовым отправляется на защиту города со словами: «Теперь я воин, я лютый зверь» [10, с. 201]. Он идёт защищать жену, отца, «родное гнездо».

Иван Ильин в своей работе «О сопротивлении злу силою» размышляет: «"Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли че-

ловек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и своё место в мире, – не сопротивляться злу мечом и силою?» <...> Ответ, добытый нами, звучит несомненно и определенно: *физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека*, и тогда он не в праве от них уклониться. Исполнение этой обязанности введёт его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада, и в этом бою ему придётся не только обнажить меч, но и взять на себя бремя человекоубийства» (курсив автора. – Н. Е.) [3]. Как и Л.Н. Толстой, Островский убеждён: на защиту Отечества и близких людей сможет встать и «человек мира», представитель «смирного» типа. О Николае можно было бы сказать словами Н.Н. Страхова о Пьере Безухове, что это «самый интересный, самый оригинальный и мастерской тип... Это, очевидно, сочетание обоих типов, смиренного и страстного, чисто русская натура, одинаково исполненная добродушия и силы» [15, с. 319].

Об убийстве брата Николаем нужно судить, учитывая именно эти обстоятельства. Он убивает Максима как насильника и убийцу в тот момент, когда тот кричит об отвоёванной им у Беспуты Людмиле: «Она моя!». На что Николай отвечает: «И не твоя, а Божья!» [10, с. 206]. Казалось бы, совершённый героем поступок достоин осуждения: Максим готов был спасти его жену. Отец, обращаясь к Николаю, говорит: «Кого убил ты, погляди! Максима! Родной тебе!». А ответ Николая: «Туда ему дорога, / Изменнику!» [10, с. 206] – представляется однозначно жестоким. Однако итог противостоянию двух братьев подводит отец: «От Божьего суда / Ты не ушёл, Максим! Отцову руку / Отвёл Господь; рукой родного брата / Отмстил тебе за крестопреступление» [10, с. 206]. В этих словах звучит однозначное оправдание поступка Николая. Отдавая сыновей на службу царю Василию Шуйскому, он сулил им отцовское проклятье за клятвопреступление «из рода в род, на чады их и внуки». Отец сам едва не убил Максима, готов был проклясть его при встрече в Ростове.

Ещё более наглядным итогом, оправдывающим поступок Николая, становится финал пьесы, в котором осенённые крестом Николай и Людмила, а за ними и отец Дементий Редриков, верные своему долгу, идут в огонь. Нравственная правда в пьесе, несомненно, на стороне Николая. Погибая, он остаётся победителем. О нём как о победителе говорит и его имя, имя почитаемого русским народом великого святого Николая-чудотворца.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее: сопоставительный анализ образов героев в хрониках Писемского и Островского позволяет открыть и наглядно продемонстрировать сходство и различие в понимании писателями человека иной исторической эпохи, способов создания его обра-

за. Если Писемский в «народной драме» «Горькая судьбина» и в исторических пьесах ориентировался на традицию жанра трагедии в мировой литературе (Античность, пьесы Шекспира), то Островский находит свои критерии оценки и способы изображения человека в истории, исходя из вечных нравственных ценностей.

Примечания

¹ В цитатах из писем Писемского сохранены авторская орфография и пунктуация.

² О принципиальных различиях трагедии и хроники см.: [2, с. 96–97; 5, с. 147–154].

³ О малой изученности драматических хроник Писемского свидетельствуют как давние исследования известных учёных (см., например: [6]), так и не свободные от разного рода ошибок статьи последних лет (см., например: [14]).

⁴ С. Машинский назвал пьесу «Тушино» «самой слабой» из хроник Островского [см.: 7, с. 159]. О том же писала И.А. Овчинина [см.: 9, с. 32].

⁵ Образ Николая Редрикова представлялся исследователям настолько неинтересным и малозначительным, что о нём даже не упоминается в авторитетных статьях о пьесе (см., например: [16; 8]).

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. – М.: Искусство, 1971. – 621 с.
2. Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 200 с.
3. Ильин И. О мече и праведности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rats.vrazvedka.ru/Ilyin/19.html> (дата обращения: 24.05.2016).
4. Костелянец Б.О. Драма и действие: Лекции по теории драмы. – М.: Совпадение, 2007. – 502 с.
5. Литвиненко Л.С. Историческая хроника А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» и традиции русской литературы «смутного времени» // Русская литература. – 1978. – № 1. – С. 147–154.
6. Лотман Л.М. Драматургия А.Ф. Писемского // Л.М. Лотман. История русской драматургии: вторая половина XIX – начало XX века до 1917 г. – Л.: Наука, 1987. – С. 194–222.
7. Машинский С. Об исторических хрониках Островского // А.Н. Островский-драматург. – М.: Советский писатель, 1946. – С. 132–160.
8. Овчинина И.А. Национальный характер в исторических пьесах драматурга // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв. – М.: Intrada, 2003. – С. 136–150.
9. Овчинина И.А. Человек и история в драматической хронике «Тушино» // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. Вып. 2. – Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2008. – С. 32–39.
10. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. – М.: Искусство, 1977. – 608 с.

11. Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. – М.: Художественная литература, 1971. – 603 с.

12. Писемский А.Ф. Письма. – М.; Л.: Academia, 1936. – 925 с.

13. Писемский А.Ф. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. – СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1911. – 784 с.

14. Скрынник Н.А. Своеобразие проблематики в исторической пьесе А.Ф. Писемского «Поручик Гладков» [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-problematiki-v-istoricheskoy-piese-a-f-pisemskogo-poruchik-gladkov> (дата обращения: 21.07.2016).

15. Страхов Н.Н. Литературная критика. – М.: Современник, 1984. – 432 с.

16. Уманская М.М. Народ в исторических пьесах Островского // Наследие А.Н. Островского и советская культура. – М.: Наука, 1974. – С. 188–202.

17. Шалимова Н.А. Человек в художественном мире А.Н. Островского. – Ярославль: Ярославский государственный театральный институт, 2007. – 272 с.

УДК 821.161.1.09"18"

Овчинина Ирина Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет

«МИНИН» А.Н. ОСТРОВСКОГО НА ПЕРЕКРЁСТКЕ МНЕНИЙ*

Статья посвящена исторической хронике А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» в рецепции литературной критики 1862–1864 годов. Рассматриваются основные суждения современников Островского о пьесе. Большинство отзывов содержало отрицательные оценки: критики говорили о вялости действия, об отсутствии конфликта, о неудачном и неверном изображении эпохи. Неубедительными представлялись характеры персонажей хроники. В различных рецензиях содержались упреки в преувеличении религиозного элемента, неприятие стихотворной формы «Минина». Современникам трудно было принять жанр пьесы, в которой соединились драматическое, лирическое и эпическое начала. А.А. Григорьев, в противовес другим критикам, причисляет хронику к крупным литературным явлениям, видит в ней «органическую связь с жизнью». А П.В. Анненков обращает внимание на то, что Островский показывает такой исторический факт, который сохранился в памяти народной как святое дело. Эта святость и определила особенность жанра, драматического действия, языка и основных характеров произведения.

Ключевые слова: А.Н. Островский, критика, жанр, персонажи, конфликт, драматическое действие.

Опубликованную в первом номере журнала «Современник» в 1862 году драматическую хронику «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» критика в целом встретила очень холодно. Драматурга упрекали в ходульности образов, в отсутствии живых характеров, конфликта, подлинного драматизма.

П.И. Мельников-Печерский в статье «Наши журналы» (Северная пчела. – 1864. – 10 марта (№ 67). – С. 265–267) пишет об отсутствии действия, излишнем лиризме, о явном преувеличении религиозного чувства у нижегородцев, которые за два года до описываемых событий сжигали и грабили церкви, о неверном изображении Минина. Кроме того, критик упрекает Островского в поверхностном знании истории, что проявилось в смешении Ландеха и Пуреха, в том, что к Пожарскому ездил дворянин Ждан Болтин, а не посадские люди, в том, что для похода на Москву нижегородцы наняли изгнанных поляками жителей других мест. Интересно замечание Н.П. Кашина о том, что «данные для этих подробностей» Островский нашёл в статье Мельникова «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время», другая же его статья «Несколько новых сведений о смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене», в которой исправлены некоторые неточности, «осталась драматургу неизвестной» [1, с. 194–195].

Суров был и В. Б-на, автор рецензии в журнале «Русское слово». Социологизированный и идеологизированный подход критика сказался на оценке «Минина», где вместо живых образов он видит лишь «бледные тени», «скелеты, поднятые из могил и названные женскими именами», которые «говорят текстами и думают одними молитвами, как будто в них нарочно замерли все другие стороны жизни», не вызывая «ни сочувствия, ни особой антипатии к себе» [2, с. 21]. По сути, Б-на не принимает как таковое произведение на историческую тему, считая, что «роман и драма могут интересовать нас ярким и точным воспроизведением самых мелких подробностей отжившей эпохи» [2, с. 22]. Но, по убеждению рецензента, невозможно искренно сочувствовать тому, что давно обратилось в прах» и не может потрясти в авторе «ни одной живой фибры, обрисовать перед ним ни одного живого образа» [2, с. 21]. И вообще настоящий художник не может вдохновиться «пыльными листами рукописей или остатками давно угасшей жизни» вместо «действительного мира, чувствующего и мыслящего подобно ему» [2, с. 22].

Позиция Н. С. К., критика газеты «День», основана на том, что быт русского народа – «исключительно сельский быт», и «для изображения нижегородских граждан и диктаторской власти Минина недостаточно было полного понимания» современного драматургу городского быта [3, с. 19]. Поэто-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта № 16-04-00323.

му, по мнению рецензента, в пьесе переданы лишь внешние приметы времени (разорение земли, жалобные грамоты патриарха, опасение иноземных врагов, продажность бояр и проч.) при отсутствии настоящих характеров. И все «неземные добродетели Минина плохо вяжутся с чисто материальными выгодами, которых он должен быть главнейшим толкателем и представителем». Неубедительным и непривлекательным получился характер Марфы Борисовны: «Не понятна в молодой цветущей женщине какая-то холодная, католическая экзальтация, столь чуждая нашему народу» [3, с. 19].

Отдавая должное Островскому, который «начал выводить на сцену живые лица, взятые из действительной русской жизни, заставил говорить их живым русским языком» [4, с. 215], критик «Отечественных записок» В.К. Иванов в «Минине» не видит «ни хроники, ни драмы», ни самого Минина. Рецензент категорически не принимает форму пьесы, видя в ней «неудачное покушение на стихотворство», «шероховатое сочетание строк» [4, с. 218]. По его мнению, все характеры неубедительны, ни одно лицо не представляет «русского человека эпохи» [4, с. 246]. И лишним персонажем является Марфа Борисовна, которая никакого участия не принимает в действии и лишь кокетничает с Пospelовым, желая окружить себя поклонниками, чем напоминает рецензенту современную женщину.

Как и Мельников-Печерский, Иванов несправедливо пишет о недостаточном знании драматургом эпохи, считая, что автор ограничился лишь несколькими страницами исторического труда С.М. Соловьёва и «не мог уяснить себе великой личности Минина», поэтому хроника «потеряла и историческое, и драматическое значение» [4, с. 244]. Несоответствие героя пьесы, представшим «неудачно сочинённым», ритором, «с широковетательною, но лишённую истинного чувства и силы речью» [4, с. 245], Минину историческому, а также искажённое представление о прошлом проявилось, как полагает рецензент, в преувеличении религиозного элемента и в непонимании автором того, что все поступки Минина, человека «с непоколебимым характером и несокрушимой силою воли», были следствием «глубокого внутреннего сознания, а не... видения» [4, с. 245, 244].

Похожие упреки в адрес Островского и его пьесы высказывает Н. Омега (Н.Ф. Щербина). Пьеса ему показалась скучной и написанной однообразным языком. Отметив, что в ней «нет ни драматических положений и столкновений, ни постепенного возрастания драматического интереса», то её следует считать диалогической хроникой [5, с. 14]. Главный же герой, Минин, изображён «решительно больным, расстроенным ипохондриком» [5, с. 20], что противоречит и истории, и «идее драмы» [5, с. 21]. Из всей пьесы критик как наиболее

удачное место выделяет разговор Минина и Поспелова (8 явление 1 действия), где отображена «русская жизнь, русские нравы, русская речь» [5, с. 16].

С.С. Дудышкин, всегда занимавший особую позицию, всё же отметил, какие затруднения стояли перед драматургом: «неустановившийся взгляд на эпоху», «обширность картины, в которую всё входит от царя до последнего крестьянина и казака», «все насильственные основы государства лопаются, выступает на сцену далёкая старина, со своими ещё незабытыми преданиями, верованиями». Критик «Отечественных записок» заметно упрощает содержание пьесы, считая, что Островский «взялся изобразить маленький уголок... большой картины»: действие не выходит за пределы Нижнего Новгорода, борьба «совершается в душе Минина и ограничивается одним вопросом: идти или не идти на Москву?» Религиозный мотив придал действию однообразный характер: «Все... точно выпущены из монастыря и в земском деле видят одно религиозное дело. Религиозное видение заставляет Минина, как Орлеанскую Деву, идти на Москву; религиозное чувство удерживает Марфу Борисовну выйти замуж <...> Этим-то религиозным чувством подвигается Нижний Новгород на то историческое событие, которое решает судьбу России» [6, с. 354].

В восприятии пьесы Дудышкин солидарен с Ивановым. Критик, у которого сложились свои представления об истории и о Минине, словно вступает в заочный спор с Островским: «... всего этого религиозного настроения мало, чтоб лицо Минина было ясно перед читателем. <...> Упущено то положение Руси, когда Минин *легко мог* двинуть силы свои на Москву; упущено единогласное желание всей земли, подготовленное Ляпуновым, отстаивать свои права. Упущена из виду сама земля – это второй недостаток» [6, с. 354]. Кроме того, Минин, как убеждён Дудышкин, слишком многословен, ему недостаёт той энергии характера, которая бы вызвала доверие у народа и которая могла бы объяснить его особую роль в истории. Не спасает пьесу «плавный, могучий, звучный» язык: «Но так как этим языком, хотя и прекрасным, говорят одно и то же, в течение шести действий; так как во всё время в Нижнем нет никаких событий... нет разнообразия характеров, и всё подернуто одним религиозным колоритом – то шесть действий хроники наконец *утомляют* слушателя» [6, с. 355].

Отрицательно отозвался о пьесе и приверженец реальной критики Д.И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы» (Русское слово. – 1864. – № 3. – Отд. II. – С. 1–38), поставив хроникой Островского на один уровень с пьесой Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла». Писарев не увидел в хронике глубоких общественных проблем, а отметил лишь то, что «на первом плане колоссальный Минин, за ним его страдания наяву и видения во

сне, а совсем назади два-три карапузика изображают русский народ, спасающий отечество» [7, с. 358].

Можно согласиться с тем, что хроника несколько отягощена пространными монологами Минина, мистическими элементами. К тому же персонажам подчас недостаёт живости, психологической глубины, что почувствовал И.С. Тургенев. «Стихи удивительные, язык прекрасный – но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где история, наконец? – писал он Ф.М. Достоевскому. – Я совсем другого ожидал от Островского – я никак не думал, что и он станет вытягивать каждый характер в одну струнку. Есть места чудесные – над всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким – но этого мало... особенно от Островского этого мало» [8, с. 333].

Но в целом упреки критиков совершенно безосновательны. Такое неприятие можно объяснить тем, что Островский нарушил существующую традицию, в соответствии с которой на историческом материале создавались трагедии или хроники трагедийного типа, как, например, у Шекспира. История у Островского предстала не в столкновении исключительных характеров, не в острой борьбе социальных и политических сил эпохи, а в эпически развёрнутом изображении событий, продемонстрировавших активную роль массового патриотического движения в борьбе с польской интервенцией 1611–1612 гг. – сбора народного ополчения в Нижнем Новгороде. Эта тема требовала необычного и нового для Островского, автора пьес со сравнительно ограниченным количеством персонажей, сценического решения – в «Минина» он включает массовые сцены, передающие настроение, переживания, образ мыслей нижегородцев. Драматург показал не безликую массу, а сознательно действующих людей, среди которых выделились степенный и рассудительный Аксёнов, стыдливый Губанин, жадный и эгоистичный Лыткин, любитель поспорить Тёмкин и др. Черновой автограф свидетельствует о том, насколько требователен был к себе автор, как глубоко обдумывал он основные черты персонажей, поставив перед собой задачу сказать о народе как можно правдивее. Сюжет строится по принципу чередования сцен, действие свободно перемещается из интерьера на городскую площадь. Создается не просто коллективный образ народа, а отражается движение раскрепощённого коллективного разума и развитие чувства патриотизма и национальной свободы. Тщательно работая над массовыми сценами, Островский стремился отразить народную боль, вызванную нависшей над Москвой и всей России угрозой.

Драматург своей хроникой хотел поставить особый памятник Минину, такой памятник, который произведёт сильное впечатление на читателя и зрителя: «Не всякий человек растрогается, прочитав, что Минин в Нижегородском кремле соби-

рал добровольные приношения на священную войну... но тот же самый простой человек непременно прослезится, когда увидит Минина живого, услышит его горячую, восторженную речь, увидит, как женщины кладут к его ногам ожерелья, как бедняки снимают свои медные кресты с шеи на святое дело» [9, с. 138–139].

Исследователями выявлено, что, обдумывая замысел пьесы, Островский самым внимательным образом изучил многочисленные источники, из которых он почерпнул необходимые сведения. «История государства российского» Н.М. Карамзина, труды Е.И. Забелина, С.М. Соловьёва, А.П. Щапова, «Летопись о многих мятежах», «Акты археологической экспедиции», «Акты исторические», «Никоновская летопись», «Собрание государственных грамот и договоров» – далеко не полный перечень того, с чем внимательно ознакомился драматург. Как отмечает А.А. Бочкарёв, драматург «обладал настолько серьёзной эрудицией в вопросах истории, что указывал на ошибки и неточности в сочинениях историков» [10, с. 54].

Диссонансом хору этих критиков прозвучали голоса А.А. Григорьева и П.В. Анненкова, по достоинству оценивших хроникера Островского.

В статье «Стихотворения Н. Некрасова» А.А. Григорьев причисляет «Минина» к крупным литературным явлениям, «важным и знаменательным» [11, с. 21], и сетует на то, что ничего не сказали о пьесе «специалисты дела, т. е. знатоки истории эпохи междуцарствия», а «неспециалисты могли разразиться только весьма краткою, но вместе с тем замечательною ерундою», которую он называет пренебрежительно «дрязгами» [11, с. 2]. Ошибочность современной критики Григорьев видит в том, что она исповедует идеалы литературного славянофильства, либо западничества, либо некоей «общей идеи» [11, с. 25], игнорируя особенности литературного творчества. Григорьева глубоко задело недоброжелательное, несправедливое и подчас высокомерное отношение критиков к драматургу. Страстно отстаивая Островского, рецензент отмечает, что он совершенно понятен «несколько уже развившейся душе», а «не тому народу», который себе создали эти хулители Островского [11, с. 28]. Приверженец органической критики, Григорьев силу Островского усматривает прежде всего «в органической связи с жизнью, действительностью, народностью» [11, с. 33].

В другой статье Григорьев призывает к уважительному отношению к драматургу, чей «Минин» – произведение великое, «явление небывалое, может быть, начало целого ряда небывалых явлений, и мыслящий человек обязан обойтись с ним по крайней мере “бережно”» [12, с. 21]. Отвечая тем, кто писал «ерунду», затевал «дрязги», критик даёт очень высокую оценку 5 акту, говоря об «изумительной целостности исторической картины,

где... даже частный эпизод любви сливается с целым в тоне и колорите», восторгаясь речью «высоко поэтической», с «новой своей правдой» [12, с. 23]. Григорьев резко возражает Щербине, которому хотелось «подорвать авторитет» Островского: «Он даже для этого за изучение старых памятников принялся; – ну и понарвал из них кой-чего для подтверждения своих выводов» [12, с. 23]. Для Григорьева, в отличие от всех «неспециалистов», все персонажи хроники – «живые личности, с известными отметками, а не куклы с ярлыками на лбу», и все они «говорят то, что могли говорить, и так, как они могли говорить», в чём невозможно сомневаться при всей разнице взглядов «на эпоху междоусобицы» [12, с. 24].

П.В. Анненков в оценке «Минина» исходил из того, что в хронике драматург запечатлел «святое» событие, «чтимое народной памятью» и ставшее частью духовной жизни народа [13, с. 397]. А святость ограждает происшедшее «от всех возможных открытий и убеждений» [13, с. 398]. Всей своей статьёй Анненков словно призывает уважать талант, право писателя на творческий вымысел, учитывать специфику художественного произведения: «... поэт не имеет права вызывать на смотр все элементы, из которых сложилось событие», он лишь обязан разрабатывать ту сторону события, «которой общим голосом приписывается наибольшая творческая сила» [13, с. 401]. Как справедливо замечает В.В. Тихомиров, «главный оценочный критерий Анненкова в характеристике Островского – достоверность, соответствие характеров, их поступков традициям, верованиям народа, этическому идеалу» [14, с. 109].

Ошибка критиков, по мнению Анненкова, состояла в скептицизме, в стремлении «изменить смысл исторического события и лица» сообразно со своими взглядами, делать «психические открытия на основании догадок и тёмных намёков собственного опыта», что искажает смысл художественного произведения. Ответил Анненков и на упреки в однообразии, в отсутствии яркой индивидуализации персонажей: «Однообразная духовная физиономия есть своего рода помазание, возлагаемое на все лица, приобщённые к святому делу» [13, с. 402]. Анненков решительно встаёт на сторону драматурга, терпеливо объясняя специфику действия и конфликта «Минина». Островский как драматург должен был «ограничить себя», отказавшись от «употребления своих сил в возможной для них полноте». Поэтому «борьба и столкновение интересов, составляющих жизнь драмы, поглощены здесь единодушием общего настроения» [13, с. 403], а истинный поэт «не может не идти с народом». Мало того, «покинуть народ или предание в то время, когда они делают самое Небо участником подвига, значило бы изменить соб-

ственному знамени» [13, с. 404]. Этим качеством, сделавшим драму «поэтической думой целой страны», по Анненкову, хроника Островского напоминает испанскую религиозную драму. Разочарованным критикам, ожидающим увидеть в «Минине» шекспировскую свободу и шекспировские страсти, Анненков доказывает, что сила Островского состоит в умении «прилично держать себя в сфере свободного творчества», при этом не подражая ни испанским авторам религиозных драм, ни Шекспиру, ни Шиллеру [13, с. 407]. Внешне подчинившись народному преданию, народной оценке, Островский «оставил за собой замечательную *цельность* вдохновения, столь редкую в нашем искусстве» [13, с. 408], проявившуюся в стройности речи, в живописности и выразительности стиха. Анненков недоумевает, почему критики обрушились на драматурга, которым двигали высокие нравственные побуждения и который «обратился к поэтическому воссозданию идеалов семейного и гражданского быта, некогда существовавших в стране». Критик подчёркивает, что Островский не отображает историю целиком, а передаёт нравы, понятия, общую атмосферу, «верования эпохи» [13, с. 408] через поступки персонажей, их речь, через описание обстановки, через мельчайшие бытовые подробности.

Неприятие критиками лица Минина Анненков объясняет влиянием западных историков, западных авторов различных дипломатических, политических и других документов, которые невозможно применить для художественного воссоздания изображаемой Островским эпохи. Драматург «сохранил Минину его эпическую физиономию», соответствующую «историческим свидетельствам и народному представлению» [13, с. 410]. Подводя итог, Анненков замечает, что пьеса Островского – «первый серьёзный опыт русской *исторической* драмы после “Бориса Годунова” Пушкина» [13, с. 412].

Хотя царь подарил драматургу перстень, пьеса к постановке была запрещена за совершенно очевидное отношение автора к народному патристическому движению и к чуждой подлинным интересам страны знати. Через шесть лет драматург написал новую редакцию пьесы и как новое произведение направил её в драматическую цензуру. Во второй редакции Островский смягчил религиозные и социальные мотивы, добавил эпизоды битвы нижегородцев под Москвой и возвращения ополченцев в Нижний Новгород. Изменена была и развязка любовной интриги: Марфа Борисовна не удаляется в монастырь (как в первой редакции), а даёт согласие боярину Пospelову стать его женой. Самое значительное изменение выразилось в том, что в новой редакции действие завершается избранием на русский престол Михаила Романова. Но это уже тема для другой статьи.

Библиографический список

1. *Кашин Н.П.* Драматическая хроника «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и её источники // Кашин Н.П. Этюды об А.Н. Островском. – М., 1912. – С. 153–203.
2. *Б-на В.* Новая литературная реакция («Князь Серебряный» А.К. Толстого) // Русское слово. – 1863. – № 2. – Отд. II. – С. 1–46.
3. *К. Н. С.* Отступники // День. – 1862. – № 43. – С. 17–19.
4. *Иванов В.К.* «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Драматическая хроника (1611–1612). В пяти действиях. С эпилогом, в стихах. Сочинение А.Н. Островского («Современник», 1862 г.) // Отечественные записки. – 1862. – Кн. 8. – С. 213–246.
5. *Омега Н.* [Щербина Н. Ф.] «Козьма Захарьич Минин-Сухорук». Драматическая хроника, в пяти действиях, с эпилогом, в стихах. Сочинение А. Н. Островского («Современник», 1862 г.) // Библиотека для чтения. – 1862. – Т. 171. Современная литература. – С. 1–24.
6. [Дудышкин С. С.] Новости русской литературы. Козьма Захарьич Минин-Сухорук, новая драма г. Островского // Отечественные записки. – 1862. – № 1. – С. 352–355.
7. *Писарев Д.И.* Мотивы русской драмы // Писарев Д.И. Литературная критика: в 3 т. Т. 1. – Л.: Художественная литература. – С. 323–358.
8. *Тургенев И.С.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 695 с.
9. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – Т. 10. – М.: Искусство, 1978. – 720 с.
10. *Бочкарёв В.А.* А.Н. Островский и русская историческая драма // Уч. зап. Куйбышевский гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. – Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева, 1955. – Вып. 13. – С. 54–61.
11. *Григорьев Аполлон.* Стихотворения Н. Некрасова // Время. – 1862. – № 7. – С. 1–46.
12. *Григорьев А.* По поводу одного, мало замеченного современною критикою явления // Якорь. – 1863. – № 2. – С. 22–25.
13. *Анненков П.В.* О Минине г. Островского и его критиках // Русский вестник. – 1862. – Т. 40. – С. 397–412.
14. *Тихомиров В. В.* Русская литературная критика середины XIX века: теория, история, методология. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 376 с.

**ПРИРОДА В ЗЕРКАЛЕ СРАВНЕНИЙ И СОПОСТАВЛЕНИЙ
В КНИГЕ ОЧЕРКОВ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»**

В статье рассмотрены особенности использования сравнений и сопоставлений при создании образов природы в книге очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Очевидно, что в сравнениях и сопоставлениях у Гончарова почти всегда можно вычленивать доминантные мировоззренческие установки и лейтмотивы. Приемы сравнения при описании природы активно способствуют выражению эмоционально-эстетических и этических взглядов писателя, отражают его символические представления о мироустройстве, воплощают мысли автора об онтологической общности процессов природной, психической и духовной жизни, связи природы и человека. Сравнения при создании образов природы способствуют реализации познавательно-иллюстративной, эмоционально-эстетической, символической и этической функций в произведении. Особое внимание уделяется сопоставлению гончаровских сравнений с романтической эстетикой, в частности, с эссе И.В. Гёте «Природа». В статье указывается на новаторство Гончарова в использовании сравнений при сопоставлении природных и урбанистических явлений.

Ключевые слова: сравнение, сопоставление, образы природы, пейзаж, И.В. Гёте, И.А. Гончаров, миф, романтическая эстетика, функции сравнений.

Образы природы являются одним из важнейших идейно-смысловых центров очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Ситуация «морского путешествия» предполагает тесное взаимодействие с природными стихиями, неразрывную связь человека и природы. Вслед за своим университетским преподавателем Н.И. Надеждиным Гончаров «исходил из шеллинговской идеи единства природы и духа, понятой как слияние этих противоположностей в полном философическом синтезе» [14, с. 68]. Близки взглядам писателя на природу и идеи И.В. Гёте, которого Гончаров много переводил в юности. Великий немецкий писатель видел в природе диалектическое единство бытия и сознания, общего и индивидуального, пребывания и становления, покоя и движения, творения и разрушения.

По Гёте, природа «творит вечно новые образы, что есть в ней, того ещё не было; что было, не будет, всё ново – а всё только старое. Мы живём посреди неё, но чужды ей. Она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает» [1, с. 139]. В своем знаменитом критическом этюде «Лучше поздно, чем никогда» И.А. Гончаров словно продолжает мысль великого предшественника: «Природа слишком сильна и своеобразна, чтобы взять ее, так сказать, целиком, померяться с нею ее же силами и непосредственно стать рядом; она не дастся... Она позволяет приблизиться к ней только путем творческой фантазии» [3, с. 107]. В своем творчестве писатель стремится приблизиться к ней «путем творческой фантазии», постичь «артистические мечты» природы, проникнуться великолепием и стройностью ее замысла.

Мастерство Гончарова при изображении природы отмечено как его современниками, так и литературоведами XX–XXI вв. Восхищались описаниями природы А.В. Дружинин [5], Н.А. Добролюбов [6], С.С. Дудышкин [7] и др. Интересно наблюдение Д.И. Писарева над модификацией стиля по-

ведования при описании природы во «Фрегате “Паллада”»: «изменяется общий тон рассказа: хладнокровный, добродушно-веселый, слегка насмешливый юмор... исчезает; поэт безраздельно отдается обаятельному впечатлению... он только смотрит, думает, чувствует и создает стройную, прекрасную картину, в которой отражаются и его думы, и его чувства» [13].

В работах советского периода обращалось внимание на разные особенности гончаровского пейзажа. А.Г. Цейтлин [15] писал об особой пластике морских пейзажей, отличающихся разнообразием световой гаммы. К.В. Пигарев отмечал, что для природных описаний Гончарова характерны стройность композиции, четкое деление планов, а строятся они преимущественно по перспективно-панорамному принципу [12, с. 12].

Однако тема природы в творчестве Гончарова, как оказалось, до конца не исследована. В XXI веке появляются работы, где предлагаются новые взгляды на проблему. В частности, Н.Л. Ермолаева увидела в описании природы во «Фрегате “Паллада”» «своеобразные стихотворения в прозе со своими ритмом, напевом, композиционной оформленностью, внутренним локальным сюжетом» [8, с. 107], утверждая, что в этом произведении «появляется едва ли не единственный эпический образ природы» [8, с. 318], воплощенный автором «ожившим, очеловеченным, олицетворенным, наделенным нравственными качествами» [8, с. 103]. Опираясь на эпитеты, используемые Гончаровым при описании пейзажей, В.Г. Кочетова рассматривает картины природы, изображенные Гончаровым, с точки зрения их эстетической функции, эмоциональной окрашенности, психологической содержательности [10].

На наш взгляд, в описаниях природы проявилась важнейшая черта художественного мышления писателя – ассоциативность, умение видеть мир во всем его многообразии, о чём свидетельствует

большое количество сравнений и сопоставлений на разных текстуальных уровнях. В сравнениях и сопоставлениях у Гончарова почти всегда можно вычлени́ть доминантные мировоззренческие установки и лейтмотивы.

Исследователи неоднократно говорили о приобщенности сознания Гончарова к мифу. Действительно, многие сравнения, сопоставления и противопоставления отсылают нас к мифологическим и архетипическим образам, тем самым способствуя символизации образов природы. Г.П. Козубовская в книге «Середина века: миф и мифопоэтика» пишет о том, что, «миф, осмысленный как поэтическая условность, бытует в истории культуры в двух разновидностях – собственно миф и театр» [9, с. 12]. Она разделяет писателей XIX века на представителей двух типов мышления – мифологического и немифологического. Первый тип предполагает идеалистический взгляд на природу как на «живой организм, обладающий душой, телом, функциями (Космос, подобный античному)» [9, с. 17], искусство для таких художников становится формой постижения мира и его сотворения по образу и подобию творчества демиурга-Бога. Второй тип воссоздает своеобразный «культурный миф», где литературный текст тесно взаимодействует с живописью, культурой, театром. Искусство для такого писателя остается «эстетической игрой, условность которой обнажается в поэтическом мире» [9, с. 18].

В творчестве Гончарова мы видим совмещение обоих этих типов мышления. Герой-путешественник, попеременно меняя точки зрения, то видит природу в роли Творца («*Какое богатство, какое творчество и величие кругом в природе!*») [2, с. 546], то, культурно отстраняясь, пытается осмыслить её с помощью игры поэтического воображения через призму разных видов искусства.

Первое, с чем сравнивает повествователь природу, – это «баядерка», храмовая индийская танцовщица. Данный образ в сравнении собственно и закладывает обе концепции восприятия мифа, связывая теургию (акт творения завуалирован словами, поясняющими данное сравнение: «природа, как баядерка, дышит сладострастием» [2, с. 10]) с танцем как театрализацией. В своем знаменитом эссе «Природа» Гёте также подспудно сравнивает природу с танцовщицей: «Непрошенная, неожиданная, захватывает она нас в вихрь своей пляски и несется с нами, пока, утомлённые, мы не выпадём из рук её» [1, с. 139]. То, что у Гончарова танцовщица восточная, принципиально важно: именно в этой части света, где встает солнце, по преданиям, берет начало сотворение мира, именно на Восток едет герой путешественник. Очевидно, что ещё до поездки Гончаров был приобщён к восточной культуре.

Во «Фрегате “Паллада”» мы встретим немало

сравнений природных явлений с явлениями театральными. К семантике театра (зрелищность) отсылает нас, в частности, сравнение морских животных с фосфорическими искрами [2, с. 30]. Описывая заснеженные сибирские леса на побережье Лены, писатель восторженно сопоставляет их с декорациями к опере Винченцо Беллини «Норма»: «Взошел молодой месяц и осветил лес, чего тут нет? Какой разгул для фантазии: *то будто женщина стоит на коленях, окруженная малютками, и о чем-то умоляет: всё это деревья и кусты с нависшим снегом; то будто танцующие фигуры; то медведь на задних лапах; а мертвецов какая пропасть!* <...> Сквозь эту ледяную решетку лес кажется совсем фантастическим. *Это природная декорация «Нормы»* [2, с. 705]. В воображении путешественника деревья становятся актерами, месяц – театральным прожектором.

«Культурная ориентация» мироощущения Гончарова проявилась и в сравнении пейзажа с картинами живописи: «наслаждаешься этими тонкими изделиями природы, *как произведениями искусств*. На каждом дереве и кусте лежит такая своеобразная и яркая красота, что не пройдешь мимо его незаметно, не смешаешь одного с другим» [2, с. 280]. Берег представляется повествователю как «уже оконченная, полная картина» [2, с. 492]. Один из пейзажей он сравнивает с эскизами художника Н.А. Майкова, к которому обращается в одном из посланий, вошедших во «Фрегат...»: «В таких же бледных очертаниях, *как ваши эскизы*, явились сначала мне Ликейские острова» [2, с. 492].

Гёте сравнивал природу с «художником» [1, с. 139], и Гончаров следует этой традиции, освежая в нашем сознании изначальное значение этого слова, пришедшего из французского языка: «Природа – *нежная артистка здесь*» [2, с. 252] (в словаре В.И. Даля: «артист – художник, занимающийся изящными искусствами, художествами» [4]). Как и у Гёте, это сравнение предельно развернуто в тексте: «Много любви потратила она на этот, может быть самый роскошный, уголок мира. Местами даже казалось слишком убрано, слишком сладко. Мало поэтического беспорядка, нет небрежности в творчестве, не видать минут забвения, усталости в творческой руке, нет отступлений, в которых часто больше красоты, *нежели в целом плане создания*. Едешь *как будто среди неизмеримых возделанных садов и парков всесветного богача*. Страстное, горячее дыхание солнца вечно охраняет эти места от холода и непогоды, а *другой деятель, могучая влага*, умеряет силу солнца, питает почву, родит нежные плоды и... убивает человека испарениями» [2, с. 252].

Природа у Гончарова изображается в тесной соотнесенности с человеком. Порой через сравнения Гончаров рисует пейзажные образы предельно антропоморфными: вот пальма «грациозно наклони-

лась; листья, как длинные, правильными прядями расчесанные волосы» [2, с. 248], а вот на гористом берегу «громады пиков, один другого выше, с такими сморщенными лбами, что смотреть грустно» [2, с. 612]. Кроме того, как видно из этих примеров, на образы природы часто ложится отблеск эмоциональности повествователя. Тропические пейзажи напоминают путешественнику страстную красавицу, которой перестаешь любоваться, поняв, что за её внешней красотой нет красоты духовной: «Едешь: от воздуха жарко, от воды чуть-чуть веет прохлада. И круглый год так, круглый год – подумайте! те же картины, то же небо, вода, жар! *Как ни приятно любоваться на страстную улыбку красавицы с влажными глазами, с полуоткрытым, жарко дышащим ртом, с волнующейся грудью; но видеть перед собой только это лицо, и никогда не видеть на нем ни заботы, ни мысли, ни стыдливого румянца, ни печали – устанешь и любоваться*» [2, с. 267]. Образ природы, напоенной сладострастием, заявленный в сравнении, близок романтической стилистике.

Ю.В. Лебедев отмечает: «Небо у йенских романтиков спускается на землю и животворит её <...> Романтики обожествляют человеческое изображение, творческую фантазию, сказку. В них они ищут разгадку смысла жизни, тайны мироздания» [11, с. 135]. Именно тайны мироздания и пытается открыть для себя герой-путешественник. Для этого он объединяет времена и пространства: «Но вот луна: она не тускла, не бледна, не задумчива, не туманна, *как у нас*, а чиста, прозрачна, *как хрусталь*, гордо сияет белым блеском и не воспета, *как у нас*, поэтами, следовательно, девственна. *Это не зрелая, увядающая красавица, а бодрая, полная сил, жизни и строгого целомудрия дева, как сама Диана*» [2, с. 123]. Образ целомудренной древнеримской богини женственности и плодородия Дианы отвечает этико-эстетическим идеалам автора.

Однако в представлении Гончарова природа не всегда идеальна. Устав от тропической жары, он воссоздает в своем воображении картины, при описании которых использует сравнения, отсылающие нас к символике ада: «Вдаль посмотреть нельзя: волны сверкают, *как горячие угли*, стены зданий ослепительно белы, воздух *как пламя* – больно глазам» [2, с. 575]. Природа-баядерка лишается своего прежнего очарования: «Нет, не вынесешь долго этой жизни среди роз, ядов, баядерок, пальм, под отвесными стрелами, которые злобно мечет солнечный шар!» [2, с. 259]. Море у Гончарова обладает мощной силой, нередко враждебной человеку: «палуба вырывается из-под ног и море *как будто опрокидывается на голову*» [2, с. 17]. В описании разбушевавшихся стихий активно проявляет себя семантика зверя: «Ветер ревел; он срывал вершины волн и сеял их по океану, *как сквозь сито*: над волнами стояли облака водяной пыли... да, *это*

толпа диких зверей, терзающих в ярости друг друга...» [2, с. 297]; «Вода крутилась и кипела, ветер с воем мчал ее *в виде пыли*, сек волны, которые, *как стадо преследуемых животных, метались* на прибрежные камни, потом на берег, затопляя на мгновение хижины, батареи, плетни и палисады» [2, с. 339].

Анализ сравнений и сопоставлений во «Фрегате “Паллада”» показал, что с природой у Гончарова связаны не только представления мифологические или эстетические, но и этические. Гармоничные отношения человека и природы являются для путешественника идеалом, глядя на неё, повествователь пытается поверить дружеские чувства. В дружбе им ценится прежде всего бескорыстное наслаждение отношениями без обязательств и долженствования: «Не лучше ли, когда порядочные люди называют друг друга просто Семеном Семеновичем или Васильем Васильевичем, не одолив друг друга ни разу, разве не нарочно, случайно, не ожидая ничего один от другого, *живут десятки лет*, не неся тяжести уз, которые несет одолженный перед одолжившим, и, наслаждаясь друг другом, *если можно, бессознательно, если нельзя, то как можно менее заметно, как наслаждаются прекрасным небом, чудесным климатом в такой стране, где дает это природа без всякой платы, где этого нельзя ни дать нарочно, ни отнять?*» [2, с. 37–38].

Слияние с природой, по Гончарову, позволяет человеку достичь чувства внутренней гармонии, а острое ощущение её красоты духовно преображает его: «Наверху царствует торжественное, но не мертвое безмолвие, хотя нет движения в воздухе, нет ни малейшей зыби на воде. Но сколько жизни покоится в этой мягкой, нежной теплоте, перед которой вы доверчиво, без опасения, открываете грудь и горло, *как перед ласками добрых людей доверчиво открываете сердце!*» [2, с. 254]; «Как прекрасен *этот союз северного и южного неба, будто встреча и объятия двух красавиц!*» [2, с. 575].

Новаторство Гончарова очевидно при сравнении им природных и урбанистических явлений: Финский залив, например, он сопоставляет с Невским проспектом [2, с. 23]. Описывая страшное безмолвие сибирских пустынь, он тем не менее замечает: «А пугаться нечего: вы едете безопасно, *как будто идете с Морской на Литейную*» [2, с. 681].

Во «Фрегате...» неоднократно встречаются сравнения образов природы с архитектурными сооружениями: «Под покровом черной, но прекрасной, успокоительной ночи, *как под шатром*, хорошо было и спать...» [2, с. 254]; «Исполинские скалы, почти совсем черные от ветра, *как зубцы громадной крепости*, ограждают южный берег Африки» [2, с. 126].

Особенно часто повторяются сравнения раз-

личных явлений природы с «башнями» и «храмами»: «высокие, как башни, деревья» [2, с. 14], камни «торчали из воды в бухте, как две башни» [2, с. 302]; «А замки, башни, леса, розовые, палевые, коричневые, сквозят от последних лучей быстро исчезающего солнца, как освещенный храм...» [2, с. 122]; «Я вышел вон и стал на холме. Пней множество, *настоящий храм друидов*» [2, с. 705].

Новый опыт, приобретенный путешественником, позволяет увидеть мир с новой стороны. Описывая сибирскую природу, повествователь замечает: «Не раз содрогнешься, глядя на дикие громады гор без растительности, с ледяными вершинами, с лежащим во всё лето снегом во впадинах, или на *эти леса, которые растут тесно, как тростник, деревья жмутся друг к другу, высасывают из земли скудные соки и падают сами от избытка сил и недостатка почвы*» [2, с. 681]. Как видим, сравнение далее разворачивается через ряды однородных членов, в которых деревья постепенно обретают олицетворенность, а новая образность создается посредством сопоставления хорошо знакомого и нового явления.

Противопоставляя русскую природу природе тропической, Гончаров выходит на своеобразное отражение национального характера: «А разве, скажете вы, нет никогда таких жарких дней и обаятельных вечеров и у нас?.. Выдаются дни беспощадные, жаркие и у нас, хотя без пальм, без фантастических оттенков неба: *природа, непрерывно творческая здесь и подолгу бездействующая у нас, там кладет бездну сил, чтоб вызвать в какие-нибудь три месяца жизнь из мертвой земли. Но у нас она дает пир, как бедняк, отдающий всё до копейки на пышный праздник, который в кои-то веки собрался дать*: после он обречет себя на долгую будничную жизнь, на лишения» [2, с. 576].

В описаниях увиденных стран (в сравнениях) просматривается единая этико-эстетическая позиция писателя. Мотив механизации английской жизни перенесен им и на природу: «какая там природа! ее нет, она возделана до того, что *всё растёт и живет по программе*. Люди овладели ею и сглаживают ее вольные следы. Поля здесь – *как расписные паркетные*. С деревьями, травой сделано то же, что с лошадьми и с быками. Траве дается вид, цвет и мягкость бархата» [2, с. 49–50].

Японию он видит прежде всего страной экзотической, отсюда и неожиданная образность в сравнениях: «Вдали видны японские лодки; на берегах никакой растительности. *Множество красной икры, точно толченый кирпич, пятнами покрывает в разных местах море*. *Икра эта сияет по ночам нестерпимым фосфорическим блеском*» [2, с. 610]. При описании Страны восходящего солнца становится особенно насыщенной «светоносная лексика»: «Вчера свет так был силен, что *изпод судна как будто вырывалось пламя*; даже на

парусах отражалось *заревом*; сзади кормы стелется широкая *огненная* улица; кругом темно; невестрево-женная вода *не светится*» [2, с. 610].

Суровая природа сибирской земли дана в сопоставлении с морской стихией: «*Пурга стоит всяких морских бурь*: это снежный ураган, который застилает мраком небо и землю и крутит тучи снегу» [2, с. 687]. Рассматривая огромные величественные утесы (щеки) по берегам Лены, путешественник отмечает, что таких «*мало видал и на морских берегах*» [2, с. 709].

Нередко сопоставление своей и чужой природы носит номинативно-аналитический характер: «Погода была сегодня так хороша, тепла, *как у нас в июле*, и так ясна, *как у нас никогда не бывает*» [2, с. 382]. Однако, как правило, такие сравнения помещены в контексте с другими изобразительно-выразительными средствами. В частности, когда герой в финале путешествия хотел выразить мысль о похожести звезд на всем мировом пространстве, он использует сравнения, главные семантические компоненты которых указывают на признаки света этих звезд («ярко», «лучисто»), да и объект сравнения (другие страны – «не столь суровые небеса») описывается поэтически иносказательно: «Звезды в этом прозрачном небе блещут так же ярко, лучисто, *как под другими*, не столь суровыми небесами» [2, с. 700].

Сравнения и сопоставления, являясь одной из стилистических доминант «Фрегата “Паллада”», способствуют реализации в художественной ткани произведения познавательно-иллюстративной, эмоционально-эстетической, символической и этической функций. Они воплощают представления автора об онтологической общности процессов природной, психической и духовной жизни.

Библиографический список

1. Гёте И.В. Природа // Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – С. 139–140.
2. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. – СПб.: Наука, 1997. – 746 с.
3. Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. – С. 64–113.
4. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://v-dal.ru/> (дата обращения: 2.06.2016).
5. Дружинин А.В. «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов»: Из путевых заметок И. Гончарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0320.shtml (дата обращения: 24.06.2016).

6. Добролюбов Н.А. «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия И. Гончарова: в 2 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/dobrolyubov_n/fregat_039pallada039.html#0 (дата обращения: 24.06.2016).

7. Дудышкин С.С. Из путешествия г. Гончарова: «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». «Из Якутска». «Атлантический океан». «Остров Мадера». «Ликейские острова и Манила» // Отечественные записки. – 1856. – № 1. – С. 35–50.

8. Ермолаева Н.Л. Эпическое мышление И.А. Гончарова. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2011. – 324 с.

9. Козубовская Г.П. Середина века: миф и мифопоэтика. – Барнаул: АлтГПА, 2008. – 273 с.

10. Кочетова В.Г. Пейзаж в художественном мире И.А. Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: науч. статьи о творчестве И.А. Гон-

чарова. – Сомбатхей: Изд-во «University of West Hungary Press», 2012. – С. 68–83.

11. Лебедев Ю.В. Религиозно-художественный космизм йенских романтиков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 134–138.

12. Пигарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство: Очерки о русском национальном пейзаже сер. XIX в. – М.: Наука, 1972. – 122 с.

13. Писарев Д.И. «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия И. Гончарова: в 2 т. – СПб., 1858 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1858_goncharov.shtml (дата обращения: 24.06.2016).

14. Постнов О.Г. Эстетика И.А. Гончарова. – Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 240 с.

15. Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 492 с.

Л.Н. ТОЛСТОЙ И Н.С. ЛЕСКОВ В ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ «СТРАШНОГО ВОПРОСА» 1891 ГОДА*

Публикация посвящена полемике вокруг имени Толстого в связи с участием писателя в организации помощи голодающим крестьянам в 1891–1892 годы. В статье анализируется как собственно позиция Толстого по поводу «голодного» вопроса, так и ее рецепция современниками. Автором представленного материала вводятся в научный оборот до сих пор не переизданные (доступны только прижизненные публикации) заметки Н.С. Лескова в «Петербургской газете»: «Голодные харчи Толстого» и «Нападки г. Михайловского на гр. Толстого». Непосредственным поводом к этим заметкам стало объяснение Лесковым причин обнародования обращенного к нему письма Толстого, которое не предназначалось для печати. Необходимость самооправдания становится для Лескова поводом для популяризации деятельности своего знаменитого современника среди трехсоттысячной аудитории «Петербургской газеты». Несмотря на то, что в художественной прозе и в эпистолярной поздний Лесков далек от солидарности со взглядами писателя, в этом предназначенном для массового читателя издании он неизменно публиковал заметки, характеризующие лучшие стороны личности и деятельности Толстого, ярким примером чему и являются рассматриваемые статьи.

Ключевые слова: Русская литература XIX века, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, полемика, Н.К. Михайловский, «Петербургская газета».

Ключевым, «страшным», по определению Л.Н. Толстого, «вопросом», который занимал русское образованное общество во второй половине 1891 года, явился охвативший почти половину губерний Российской империи голод. Уже летом газеты запестрели сообщениями о голодающих, стали предлагаться различные проекты помощи нуждающимся крестьянам. Толстой активно включился в общественную деятельность по предотвращению голода и смягчению его последствий. Многочисленные выступления писателя по поводу этой проблемы вызвали широкий резонанс в отечественной печати. Проанализируем основные моменты этой полемики на материале до сих пор не введенных в научный оборот заметок Н.С. Лескова в «Петербургской газете». Несмотря на то, что в последние годы внимание исследователей к поздней прозе Лескова усилилось [1; 2; 3], публикации писателя в этом популярном издании до сих пор относятся к числу его наименее изученных текстов.

Отношения Толстого и Лескова в 1890-е годы были достаточно близкими. Многочисленные письма Лескова в Ясную Поляну свидетельствуют о том, что писатель неоднократно обращался к Толстому за поддержкой и советом. Не стала исключением и проблема помощи голодающим. В июне 1891 в связи с неурожаем хлеба Лесков обратился к Толстому с следующей просьбой: «теперь во многих местах обозначается большой неурожай хлеба, угрожающий голодом... <это> взбудоражило дух мой до смятенья и слез, и я позволю себе беспокоить Вас просьбою написать мне, как Вы находите – нужно ли нам в это горе вступать и что именно пристойно нам делать? Может быть, я бы на что-нибудь и пригодились, но я изверился во все “благие начинания” общ<естественной> благотворительности и не знаю:

не повредишь ли тем, что сунешься в дело, из которого как раз и выйдет безделье? А ничего не делать – тоже трудно. Пожалуйста, скажите мне что-нибудь на потребу» [8, с. 491].

Толстой ответил Лескову обстоятельным письмом от 4 июля 1891 года, в котором развивал идею о том, что единовременная помощь крестьянам не является действенным средством для преодоления голода: «голод, то есть больший, чем обыкновенно, недостаток хлеба у тех людей, которым он нужен, хотя он есть в изобилии у тех, кому он не нужен, – отвратить никак нельзя тем, чтобы собрать, занять деньги и купить хлеба и раздать его тем, кому он нужен, – потому что все дело в разделении хлеба, который был у людей. Если этот хлеб, который был и есть теперь, или ту землю, или те деньги, которые есть, разделили так, что остались голодные, то трудно думать, чтобы тот хлеб или деньги, которые дадут теперь, – разделили бы лучше. Только новый соблазн представляют те деньги, которые вновь соберут и будут раздавать» [11, с. 12]. Слова Толстого отражают убежденность писателя в том, что дело милостыни приносит больше вреда, чем пользы. Эта необычная идея получила развернутое обоснование в трактате «Так что же нам делать?». В нем писатель отвергает подаяние как признанный в обществе и закрепленный религией способ преодоления общественного неравенства, подводя итоги своей мысли следующим образом: «давание мною денег не есть и не может быть для меня лишением; оно есть только потеха <...> Да, прежде чем делать добро, мне надо самому стать вне зла, в такие условия, в которых можно перестать делать зло. А то вся моя жизнь – зло» [13, с. 220].

Логика мысли Толстого в письме к Лескову движется по тому же пути, что и в трактате. Лучший

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Поздний Н.С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15–04–00192).

выход из социальных катаклизмов, утверждает писатель, – это постоянное самосовершенствование каждого члена общества: «и потому против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел, – вот и давайте, – так как мы люди, – стараться это делать и вчера, и нынче, и всегда. – Доброе же дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых» [11, с. 12]. В качестве иллюстрации этого основного тезиса Толстой проводит аналогию между человеческим обществом и «социальным» поведением животных: «Когда кормят кур и цыплят, то если старые куры и петухи обижают, – быстрее подхватывают и отгоняют слабых, – то мало вероятного в том, чтобы, давая больше корма, насытили бы голодных. Дело все в том, – так как убивать отбивающих кур и петухов нельзя, – чтобы научить их делиться со слабыми. А откуда этого не будет – голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души» [11, с. 11–12]. Писатель старается увидеть первоисточник всех общественных неурядиц и абстрагируется от конкретной проблемы и частных способов ее устранения. Склонность Толстого к генерализации отчетливо проявилась в том совете, который он дает Лескову: «если вы спрашиваете: что именно вам делать? – я отвечаю: вызывать, если вы можете (а вы можете), в людях любовь друг к другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и везде» [11, с. 12].

При сравнении двух писем бросается в глаза несовпадение их интонаций. Обращение Лескова подчеркнуто эмоционально («взбудоражило дух мой до смятенья и слез», «это горе», «ничего не делать тоже трудно»). Письмо Толстого, безупречное с логической стороны и в то же время несколько отвлеченное, безусловно, апеллирует прежде всего к рациональной сфере человека. Это отличие замечал и сам Лесков, что отразилось в его ответном письме: «Письмо Ваше о разноклёвах получил и усердно Вас благодарю, что Вы мне ответили. Суждения Ваши все мне по сердцу и по мыслям, а все-таки мучительно жаль тех, кого зобастые оклюют и оставляютдохнуть. Однако я, разумеется, послушаюсь Вас» [8, с. 493–494]. Соглашаясь с логикой толстовского высказывания («суждения Ваши все мне по сердцу и по мыслям»), Лесков в то же время подчеркивает его ограниченность («а все-таки мучительно жаль»). Дидактизм толстовского письма у Лескова сменяется несколько грубоватой интонацией разговорной речи, которая подчеркивается используемой им нелитературной лексикой («разноклёвы», «зобастые», «дохнуть»). Свообразно интерпретируя встречающийся в письме образ куриц, Лесков переводит рассуждения Толстого из сферы мыслительных умозаключений в план бытовой жизненной реальности. Логическому выводу Толстого («голод всегда будет»)

писатель противопоставляет конкретную трагическую ситуацию («жаль тех, кого зобастые оклюют и оставляютдохнуть»).

В сентябре 1891 письмо Толстого к Лескову неожиданно и для адресата, и для адресанта попало в печать. Лесков поспешил объясниться перед Толстым: «Вероятно, Вы видели напечатанное в “Нов<ом> времени” извлечение из письма Вашего ко мне “о голоде”. Я этого печатания не устраивал и им смущен. Дело вышло так: я прочитал Ваше письмо Ивану Ив<ановичу> Горбунову, а он попросил у меня с него копию и при этом сказал, что его вообще не надо скрывать, а надо сообщать людям, которые дорожат Вашими суждениями. Мы усмотрели и в самом письме Вашем как бы разрешение на это, выраженное в словах: “пишу это не для Вас, но для людей”, и т. д. После этого я списал собственноручно копию с Вашего письма для Ив. И. Горбунова, но прежде чем успел его послать, был застигнут неким Фаресовым (амнистированным лорисовцем), который очень дорожит всем, что от Вас к нам доходит. Я ему прочел о голоде, а он попросил у меня “списать” копию для себя. Я и дал, а через два дня увидел в “Нов<ом> времени” уже перепечатку из “Новостей”. <...> Таков весь ход дела, и в нем моей вины столько, сколько я Вам объясняю» (письмо к Толстому от 6 сентября 1891 года) [8, с. 499]. Статья А.И. Фаресова «Л.Н. Толстой о голоде» увидела свет в № 244 «Новостей и биржевой газеты» за 1891 год. На другой день выдержку из него в № 5574 поместило «Новое время», а 10 ноября выдержка появилась в № 197 «Киевлянина».

Выраженные Лесковым в письме к Толстому надежды на то, что «может быть, как оно вышло, – так и хорошо», «письмо... может зародить в головах думающих людей полезные мысли» [8, с. 499] не оправдались. Опубликованное Фаресовым в сокращенном виде, письмо вызвало ряд неблагоприятных откликов в прессе (Граф Толстой и «Толпа» // Новости и биржевая газета. 1891. 8 сентября. № 248; Несколько слов по поводу письма гр. Л.Н. Толстого о способах борьбы с голодом // Новое время. 1891. 13 октября. № 5612). По воспоминанию современника, «в столичных и провинциальных газетах появились по адресу гр. Толстого разные неприятные и неприязненные замечания. Он попал и в юмористические листки, причем его карикатурное изображение было снабжено подписью: люблю, денег не даю» [9, с. 121].

К этому времени Толстой уже активно включился в работу по содействию голодающим крестьянам. Она велась писателем в двух направлениях: во-первых, Толстой занимался оказанием практической помощи населению (им были организованы бесплатные столовые), во-вторых, он всеми силами старался привлечь внимание широкой общественности к проблеме голода. Так, осе-

нию 1891 года Толстой написал статью «О голоде», которая была запрещена к публикации в России и увидела свет только в январе 1892 года в «Daily Telegraph». 2 ноября 1891 года в «Русских ведомостях» было опубликовано письмо-обращение С.А. Толстой «Деятельность Льва Толстого среди голодных» с просьбой о помощи в устройении бесплатных столовых. 6 ноября 1891 года в «Русских ведомостях» вышла статья Толстого «Страшный вопрос». Показательно, что Толстой испытывал сомнения в необходимости сбора денег для нуждающихся, подобные тем, о которых он писал Лескову. Так, посылая статью в печать, Толстой сообщал 2 ноября жене: «Пошли ее поскорее в Русские ведомости, и, если будут предлагать, то возьми с них, чем больше, тем лучше, денег для наших столовых. Если пришлют, хорошо, а не пришлют, тоже хорошо. Я пишу это, и сам боюсь. Боюсь, чтобы деньги эти и всякие, если бы прислали их, не спутали нас, не увлекли в деятельность сверх сил. Нужнее всего люди» [12, с. 91–92]. Между тем эти сомнения никак не отразились на практической помощи писателя голодающим. Уже на следующий день после выхода «Страшного вопроса», 7 ноября, Толстой пишет супруге: «Нынче же хочу написать статью описание столовых... чтобы каждый знал, как пользоваться этим чудесным, практическим, простым, народным и лучше других достигающим цели [средством]» [12, с. 94]. Статья вышла в свет около 10 декабря 1891 года в сборнике «Помощь голодающим», изданном «Русскими ведомостями», а через несколько дней была выпущена редакцией «Русские ведомости» отдельной брошюрой.

Опубликованное Фаресовым июльское письмо Толстого к Лескову несколько «выпадало» из развернувшейся осенью активной деятельности писателя. Чувствуя это несоответствие, Лесков написал заметку «Голодные харчи Толстого», увидевшую свет в «Петербургской газете» день в день со статьей Толстого «Страшный вопрос» – в № 305 от 6 ноября 1891 года. Статья состоит из двух частей, самостоятельность которых писатель подчеркивает знаком астеризма. Первая часть заметки является преимущественно информационной, в ней Лесков сообщает об организации Толстым с дочерьми бесплатных столовых для крестьян: «План их, сколько до сих пор известно, – состоит в том, чтобы непосредственно запастись и самим готовить пищу для всех крестьян, у кого ее нет, – с тем, что всякий, кто приходит и хочет есть, – тот тут же садится за стол и ест столько, сколько ему надобно, – причем никаких хлебных “суррогатов” не предлагается и никакой платы не требуется: напившийся встает из-за стола и уходит, и опять снова приходит, если опять оголодает и не находит ни заработка, ни пищи» [6, с. 1].

Вторая часть статьи имеет полемический характер. Она написана в форме диалога между ав-

тором заметки и остающимся безымянным «литератором»: «Мы повстречались с тем литератором, к которому упомянутое письмо писано Толстым, и, к большому своему удивлению, узнали от этого нашего знакомого, что письмо Толстого *напечатано в «Новостях» не в полном виде, а с большими пропусками в самых существенных его частях...* Недурно! И об этом не было упомянуто ни слова!

– Кто же делал эти исключения? – спросили мы писателя, которому верим.

– Не знаю: вероятно, кто-нибудь в редакции «Новостей» или тот, кто отнёс туда список с полученного мною письма.

– Но ведь, конечно, вас же об этом спросили и вы дали своё согласие на сделанные сокращения?

– Нисколько. Меня и не спрашивали, и я вовсе даже не знал, что письмо, мною полученное, отдали в печать.

– Вы шутите!

– Нимало: я вам всё говорю так именно, как было: письмо взяли у меня *писать* ради его интереса, а между тем взяли и напечатали его без моего согласия, и притом охолостили это письмо.

...Вот это называется – *нравы!*» [6, с. 1].

Выбранная Лесковым композиция заметки показательна. Критиками письма Толстого указывалось на «доктринерскую черствость» его автора, который якобы противопоставлял реальной помощи голодным крестьянам необходимость «абстрактного» самосовершенствования. Начиная публикацию с информации об участии Толстого в организации столовых, Лесков тем самым приводит наиболее сильный аргумент в полемике с подобного рода критикой.

Во второй части заметки писатель обращается к тому факту, что письмо было опубликовано в сокращенном виде, подчеркивает искажение его смысла («*напечатано в «Новостях» не в полном виде, а с большими пропусками в самых существенных его частях...*»), «охолостили это письмо», «писано отнюдь не о настоящем письме Толстого, а о... *извлечениях* из него» [6, с. 1]). Знакомый с полным текстом оригинала и сам не вполне согласный с пафосом толстовского письма, в газетной публикации Лесков стремится убедить читателей в неосновательности каких бы то ни было упреков Толстому. Писателем, безусловно, осознавалась необходимость публичного опровержения собственной причастности к обнародованию неоднозначного письма Толстого. Однако такие защитные интонации не только связаны с конкретной ситуацией издания письма, но в целом характерны для публикаций Лескова о Толстом в «Петербургской газете» в 1890-е годы. Так, в вышедших в начале 1891 года статьях «Курская трель о Толстом. Письмо в редакцию» (№ 23. 24 января) и «Сплетни о Толстом» (№ 39. 9 февраля) Лесков, как и в заметке «Голодные харчи Толстого», вступал в спор с журналиста-

ми, представляющими Толстого и членов его семьи в нелюбимом виде.

Несмотря на публикацию заметки Лескова, письмо Толстого вскоре было вновь использовано в полемике против «яснополянского мудреца». В первом номере «Русской мысли» за 1892 год в разделе «Литература и жизнь» вышла большая статья Н.К. Михайловского. Одной из постоянных тем выступлений Михайловского в этой рубрике (а публицист регулярно вел ее с марта 1891 по апрель 1893) была критика взглядов и деятельности Толстого. Не являлась исключением и эта публикация: основной ее идеей является утверждение противоречивости взглядов писателя. Утверждение о непоследовательности взглядов позднего Толстого Михайловский неоднократно высказывал и ранее, в рубрике «Дневник читателя», которую он вел в «Северном вестнике», и в многочисленных заметках, написанных им для «Русских ведомостей» за 1888–1891 годы.

Одним из главных аргументов критика становится указание на неоднозначность, которой, как считал журналист, характеризовалась толстовская деятельность по помощи крестьянам, пострадавшим от голода 1891 года: «Восставая против жертвований, гр. Толстой находился во власти доктрины, которую он не раз излагал и в жизни своей осуществлял... На этой доктринерской точке зрения пробовал установиться гр. Толстой... но не выдержал... он не отказывается от жертвований, стекающихся в его даровые столовые в значительном количестве» [9, с. 122].

Те же самые факты, которые Лесков приводил в «Голодных харчах Толстого» для оправдания взглядов писателя, у Михайловского используются прямо противоположным образом. Несовпадение между «решительным отрицанием» [9, с. 122] Толстым милостыни и работой писателя по организации столовых для голодающих становится для критика знаком того, что «гр. Толстой – большой человек, слишком часто меняющий свои мнения и, следовательно, по крайней мере иногда, впадающий в заблуждение» [9, с. 125].

Статья Михайловского вызвала появление очередной заметки Лескова: «Нападки г. Михайловского на гр. Толстого» (Петербургская газета. 1892. 20 января. № 19). Важно отметить, что Лесков в целом с неодобрением относился к критической деятельности Михайловского, что ярко отразилось в воспоминаниях А.Н. Лескова: «Не меньшее возмущение вызывало в Лескове отношение к Толстому и “ортодоксальных” либералов, “либерального бубна” (Н.К. Михайловского), по адресу которых он говорил: “Они монахи с иерусалимского подворья... Монахи, но не простые. Они святее других. <...> Ну посмотрите на их борьбу с Толстым. Не напоминают ли они эту борьбу детей с сильным учителем? Они – то вертятся вокруг него, то

прыгают, то силятся свалить его... А он идет себе, не замечая ни толчков; ни криков. <...> Где у них ум, если они не считаются с его годами и требуют от старика-писателя, чтобы он не только поучал других простому образу жизни, но чтобы он сам пахал землю и сеял. Никто бы из них и не заикнулся о Толстом, если бы он получал литературный гонорар, какой ему вздумается, и проживал бы его так, как проживают свои заработки Михайловские, Глебы Успенские, Щедрины и другие!» [5, с. 415].

Заметка Лескова в «Петербургской газете» по тону вполне соответствует приведенным характеристикам сына писателя. В ней Лесков обращается к Михайловскому с резкой уничижительной критикой, указывая и на его «сомнительную ученость», и на «пустой ребяческий задор», и на «несоблюдение условий простой *порядочности*» [7, с. 2]. Показательно при этом, что Лесков никак не отвечает на основной тезис публициста о сбивчивости взглядов Толстого. Вместо этого Лесков сосредотачивается на одном из частных положений критика – об отрицательном отношении Толстого к науке, исключительно с ним связывая алогичность писателя: «В январской книжке “Русской мысли” г. Михайловский указывает на вредности, обнаруживаемые им в тенденциях Л. Толстого, который будто бы не уважает знания и сам непоследователен в своих суждениях. Для иллюстрации последнего приводятся места из известного письма Л. Толстого “О голоде”, напечатанного в газете “Новости”» [7, с. 2]. Лесков сравнивает критическое отношение к науке Толстого и М. Монтеня, отмечая, что «Паскаль, основательная ученость которого не чета сомнительной учености г. Михайловского, все-таки не почитал этого в Монтене ни за дикость, ни за стремление унижить достоинства знания» [7, с. 2]. Большую же часть заметки писателя составляет варьирование встречающегося уже в «Голодных харчах Толстого» утверждения о том, что письмо Толстого было опубликовано в сокращении, вследствие чего оно не может быть использовано в какой бы то ни было полемике.

Показательно несовпадение оценки Лесковым Толстого в этой заметке, написанной для «Петербургской газеты», и в частной переписке. В письмах Лескова идея о непоследовательности взглядов яснополянского мыслителя встречается неоднократно. Так, В.Г. Черткову Лесков признавался: «Где есть у него слабости, – там я вижу его человеческое несовершенство и удивляюсь, как он редко ошибается, и то не в главном, а в практических применениях, – что всегда изменчиво и зависит от случайностей» [8, с. 356]. В известном письме Суворину от 9 октября 1883 года писатель утверждал: «Вихляется он – несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение жизненное, а не отвлеченное» [8, с. 287]. Как известно, с осторожностью относился Лесков и к ут-

верждениям Толстого о вреде науки и образования, о необходимости отказа от товарно-денежных отношений. Между тем, не соглашаясь с отдельными «практическими» положениями учениями Толстого, Лесков, в отличие от Михайловского, никогда не ставил под вопрос искренность и важность нравственных поисков писателя, чем может быть объяснена резкость его ответа критику.

Трудно найти фигуру, игравшую в русском обществе конца XIX века роль, подобную роли Толстого. Показательны в этом отношении слова П.Т. Сергеевко, сравнивающего писателя с одним из наиболее значительных деятелей русской православной церкви этого времени: «Кого из современных деятелей можно было бы поставить в 80-е гг. рядом с Толстым и с отцом Иоанном Кронштадским по популярности в России? Это были два полюса, два антипода, но все же никто так долго и так властно не владел в России сердцами человеческими, – как Лев Толстой и Иоанн Кронштадский» [10, с. 256]. Атмосферу ажиотажа, связанного с именем писателя, хорошо выразил в статье 1891 года «Толки о Л.Н. Толстом» Н.Н. Страхов: «Малейшие известия о том, что пишется и как живет в Ясной Поляне, газеты помещают наравне с наилучшими лакомствами» [4, с. 45].

Постоянным участником полемики вокруг личности и деятельности Толстого с середины 1880-х годов и вплоть до своей смерти в 1895 году был Лесков. В художественной прозе и в эпистолярной поздний Лесков далек от солидарности со взглядами Толстого. Известны и его публицистические работы, посвященные критике отдельных аспектов учения последнего («Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н.И. Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э.Ф. Раден» (1886), «Рассказ кстати. По поводу Крейцеровой сонаты» (1890)). Однако в «Петербургской газете» Лесков неизменно публиковал заметки, указывающие на лучшие стороны личности и деятельности Толстого, ярким примером чему и являются рассмотренные статьи. «Голодные харчи Толстого» и «Нападки г. Михайловского на гр. Толстого» включают в себя не только и не столько объяснения причин публикации не предназначенного для печати документа. Необходимость самооправдания становится у Лескова поводом для популяризации своего знаменитого современника среди трехсоттысячной аудитории «Петербургской газеты», что

вполне соответствует позиции писателя, высказанной по поводу Толстого в письме к А.С. Суворину от 24 января 1887 года: «Чего его нахваливать? Его надо внушать в том, где он говорит дело, а не нахваливать, как выводного коня» [8, с. 385].

Библиографический список

1. Андреева В.Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 5. – С. 131–134.
2. Зенкевич С.И. «Выметальщик сора»: публицистика Н.С. Лескова и общественная гигиена // Историко-биологические исследования. – 2015. – Т. 7. – № 3. – С. 7–28.
3. Ильинская Т.Б. Неизвестный очерк Н.С. Лескова «О клировом нищеводстве» // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 145–152.
4. Интервью и беседы с Львом Толстым / сост. и комм. В.Я. Лакшина. – М.: Современник, 1986. – 525 с.
5. Лесков А.Н. Жизнь Н.С. Лескова: в 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1984. – 564 с.
6. Лесков Н.С. Голодные харчи Толстого // Петербургская газета. – 1891. – 6 ноября (№ 305). – С. 1.
7. Лесков Н.С. Нападки г. Михайловского на гр. Толстого // Петербургская газета. – 1892. – 20 января (№ 19). – С. 2.
8. Лесков Н.С. Письма 1881–1895 годов // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 249–607.
9. Михайловский Н.К. Литература и жизнь // Русская мысль. – 1892. – Т. 1. – С. 110–139.
10. Сергеевко П. Толстой и его современники. – М., 1911. – 263 с.
11. Толстой Л.Н. Письма 1891–1893 // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 66. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 527 с.
12. Толстой Л.Н. Письма к С.А. Толстой // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 84. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. – 444 с.
13. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 25. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. – С. 182–412.

В. МАЯКОВСКИЙ И А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ: ОТ «ПОЭТА-МОСТА» К «ПОЭТУ-АЭРОПОРТУ»

Цель исследования – выявить причины и специфику творческих переключек Вознесенского и Маяковского. Основная задача статьи – сопоставление понимания В. Маяковским и А. Вознесенским места поэта в мире, принципов организации поэтического материала, идей «конструктивного» преобразования мира. Методология исследования основана на сочетании сравнительного, типологического и структурного методов в их философско-эстетическом аспекте.

Результаты исследования показывают, что Маяковский и Вознесенский близки друг другу как экспериментаторы и утописты в поэзии. Общим для обоих является пафос романтического очищения жизни. Сходство прослеживается также в монтажно-коллажном подходе к архитектонике стихотворения. Оба поэта выступают за ускорение ритма жизни, за переделку мира методами утилитарно понимаемого искусства. Сходство между двумя поэтами в первую очередь глубоко архитектурно, что видно из сопоставления стихотворений «Бруклинский мост» и «Ночной аэропорт в Нью-Йорке». У Маяковского мост – это надмирный локус, с которого поэт обзирает современный мир, размышляя о будущем. У Вознесенского аэропорт – это уже сам мир, предназначенный для разномасштабной человеческой полифонии. Урбанизм и конструктивизм Вознесенского дополнительно модернизирован в духе эпохи НТР.

Ключевые слова: традиция, футуризм, архитектура, конструктивный принцип, преобразование мира, урбанистическое, монтаж, коллаж.

Для Андрея Вознесенского чрезвычайно важным было ощущение себя как преемника, наследника, «современника» великих традиций. В основе его отношения к литературной преемственности лежит представление о том, что само противопоставление авангарда и традиции по сути своей является ложным – «по крайней мере, в России. Авангард с его максимализмом и есть русская традиция» [1]; «Вознесенский – это кентавр. Это Маяковский, это Пастернак, это Николай Асеев и Леонид Мартынов. Словом, все те, кто исповедовал просодию русского футуризма» [8]. Гетерогенная природа поэтики Вознесенского делает актуальным вопрос о характере «братской переключки» («поверх барьеров» – на уровне: поэт – поэт...), без которой немислима жизнь в стихе и жизнь стиха» [4, с. 68]. На пересечении этих связей и возникает его художественный мир.

Авангардный эксперимент Вознесенского выходит за границы словесности: он ощущал мир «архитектурно», как непрерывно перестраивающуюся конструкцию. Среди поэтов, наделённых в восприятии Вознесенского особым архитектурным мышлением, главное место принадлежит В. Маяковскому, связь с которым несомненна и на уровне романтического идеала художника-бунтаря и строителя нового мира: «Вам Маяковский что-то должен. / Я отдаю. / Вы извините – он не дождал. / Определяет жизнь мою / платить за Лермонтова, Лорку / по нескончаемому долгу» («Записка Е. Яницкой, бывшей машинистке Маяковского», 1963) [3, с. 50].

Раскрытие специфики творческой связи-переключки Вознесенского и Маяковского и является целью нашей работы. Мы решаем следующие задачи: 1) установление общности в понимании А. Вознесенским и В. Маяковским места поэта

в мире; 2) сопоставление художественных принципов организации материала; 3) анализ ключевой для обоих поэтов авангардно-утопической идеи конструктивно-технического преобразования мира. Материалом являются поэзия А. Вознесенского и поэзия В. Маяковского. Методология исследования основана на сочетании сравнительного, типологического и структурного методов в их философско-эстетическом аспекте.

В одном из посвящений Маяковскому – «Разговор с эпиграфом» (1973), используя известное «представление» Маяковского Пушкину в «Юбилейном», Вознесенский подчеркивает прописными буквами свою включенность в их общую преемственность: «ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ / РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ – / ВОЗНЕСЕНСКИЙ» [3, с. 231]. Текст графически оформлен характерной для Маяковского «лесенкой», предпринимается попытка имитирования «весомой, грубой, зримой» манеры поэта-предшественника («У нас, поэтов, дел по горло, / кто занят садом, кто содокладом. / Другие, как страусы, / прячут головы, / отсюда смотрят и мыслят задом» и т. д.). Себя Вознесенский представляет как скромного поэта-исследователя («добыча радия» «онаучивается»): «Я занимаюсь биологией стиха. / Есть роли / более пьедестальные, / но кому-то надо за истопника...». Технический момент в восприятии поэзии проявляется и далее по ходу текста: «Как я тоскую о поэтическом сыне / класса “Ан” и 707-“Боинга”...» [3, с. 231]. Там, где речь заходит о месте поэта в обществе (одна из важнейших тем для Пушкина, Маяковского и Вознесенского) – «Среди идиотств, суеты, наветов / поэт одиозен, порой смешон», – в тексте появляется и отсылка к поэту-первоисточнику, то есть традиция мыслится как сквозная, однако «Аполлон» в трактовке Вознесенского осов-

ременивается, подменяясь «Стадионом» («пока не требует поэта / к священной жертве / Стадион!»), мотив служения чистому искусству как божеству (Пушкин) трансформируется в концепцию площадной поэзии, поэзии для масс (Маяковский). Народ, однако, воспринимается уже не столько как жизнестроитель, сколько как народ-поэт («лилипутье» в качестве аудитории не рассматривались). Понятие же преемственности относится не только к поэтам, но и к аудиториям: «И когда мы выходим на стадионы в Томске / или на рижские Лужники, / вас понимающие потомки / тянутся к завтрашним / сквозь стихи» [3, с. 231]. Вознесенский, всегда предпочитающий настоящее прошлому, пытается «показать» Маяковскому «колоссальнейшую эпоху», в которой поэзия стала неотъемлемой частью обыденной жизни, где «ходят на поэзию, как в душ Шарко» и «даже герои поэмы / “Плохо!” / требуют сложить о них “Хорошо!”» [3, с. 231]. Образ Маяковского здесь служит мостом, связующим поэтические поколения, и масштабным фоном для размышлений о современной эпохе.

В более раннем обращении – «Маяковский в Париже» (1963) – поэт предстаёт уже не как символический мост, а как мост почти буквальный. Вознесенский использует в тексте образы и приёмы предшественника. Это стихотворение также оформлено «лесенкой» (заметим, что в самом «Бруклинском мосте» Маяковский её избежал). Начинается оно с трагической ситуации урбанистического катастрофизма: «Лили Брик на мосту лежит, / разутюженная машинами» [2]. Сам Маяковский не присутствует на мосту, только его образ: «И как рана, / Маяковский, / шемаще ранний, / как игральная карта в рамке, / намалеван на том мосту!» [2]. Образ поэта здесь, с одной стороны, арт-объект, с другой – отпечаток судьбы, трагической («О свинцовую пломбочкой ночью / опечатанные уста») даже на уровне созвучий (рана – ранний). Трагическая составляющая в судьбе поэта представляется Вознесенскому чрезвычайно важной (для Маяковского – видеомая с пистолетом, для Есенина – с петлёй, для Пастернака – с «раной» и распятием и т. д.). Маяковский не может присутствовать лично: он претерпевает постепенную трансформацию в мост (Бруклинский, конечно же). Некогда центральный образ знаменитого его стихотворения в тексте Вознесенского разрастается в гигантскую фигуру самого «прародителя». И тот, отпечатавшийся «ликом, как Хиросимой» сам в себе, становится символическим феноменом, по сравнению с которым всё окружающее представляется маленьким и не таким серьёзным: «По груди Вашей толпы торопятся, / Сена плещется под спиной. / И, как божья коровка, автобусик / мчит, щекочущий и смешной» [2].

Впрочем, ситуация здесь трагична для всех. Маяковский-мост способен испытывать эмоции

(«Как волнение Вас охватывает!..») и преодолевать земное притяжение (мотив, характерный для Шагала – ещё одного великого певца Парижа): «Мост парит, / ночью в поры свои асфальтовые, / как сирень, / впитавши Париж» [2] (сирень – это уже характерный образ Вознесенского – вспомним стихотворение «Сирень Москва – Варшава», в котором предпринимается попытка построения поэтического пейзажа-натюрморта по новым правилам). Маяковский-человек подаётся в середине текста в мифологическом ключе: «Гений. Мот. Футурист с морковкой. / Льнул к мостам. Был посол Земли...» [2]. Здесь, как и позднее в «Разговоре с эпитафией», Вознесенский обращается к предшественнику от лица всего поколения: «Никто не пришел / на Вашу выставку, / Маяковский. / Мы бы – пришли»; «башмаками касаетесь РОСТА, / а ладонями – / нас»; «Вам шумят стадионов тысячи» [2]. Сравнение с мостом начинает разворачиваться, что называется, в лоб: «И не флейта Ваш позвоночник – / алюминиевый лет моста!» [2] (метафора «флейта-позвоночник» всегда вдохновляла Вознесенского на создание ярких физиологических образов: «Мой путь прямой и безошибочный, / как пищевод шпагоглотателя» и т. д.), «Маяковский, Вы схожи с мостом», «Маяковский, товарищ Мост» (конструкция, пришедшая на смену «товарищу Маузеру»).

«Поэтомост» располагается, с одной стороны, «надо временем, / как гимнаст», с другой – во вполне конкретном месте: происходит перемещение из Парижа в Москву (Вознесенский вообще смело играет локусами – ведь Бруклинский мост, о котором писал Маяковский, находится в Нью-Йорке, а не в Париже, хотя Париж также является для Маяковского важным городом; видимо, для Вознесенского значим прежде всего масштаб центрального образа), архитектурные городские объекты разного порядка (мост-поэт и площадь имени этого поэта) пересекаются в общем пафосе романтического очищения жизни от «подонков»: «Ваша площадь мосту подобна, / как машины из-под моста – / Маяковскому под ноги / Маяковская Москва! / Маяковским громит подонков / Маяковская чистота!» [2]. Далее – снова резкий перенос в Париж: «Мост. Париж. Ожидаем звезд» (звёзды – не только элемент пейзажной конструкции, но и, по-видимому, образ грядущих поэтов). Переход от традиции (пусть и огромной, как мост) к современности свершается стремительно: «Притаился закат внизу, / полоснувши по небосводу / красным следом / от самолета, / точно бритвою по лицу!» [2]. Это переход от поэта-моста к поэту-аэропорту.

Сходство между двумя поэтами в первую очередь глубоко архитектурно. «Ночной аэропорт в Нью-Йорке» Вознесенского и «Бруклинский мост» Маяковского – как будто две точки одного графика, с которых они смотрят друг на друга,

и между этими текстами нам видится прямая параллель. Это два своего рода автопортрета, причём Вознесенский заявляет в открытую: «Автопортрет мой, реторта неона, апостол небесных ворот – / Аэропорт!» [3, с. 26]. Автопортреты эти перекликаются. У Маяковского мост – это надмирный локус, с которого поэт обозревает современный мир, размышляя о будущем (о чём ещё и размышлять футуристу?). У Вознесенского аэропорт – это уже сам мир, предназначенный не для поэтов и/или самоубийц («Отсюда безработные / в Гудзон кидались вниз головой» [5, с. 86–87]), а для разномастной человеческой полифонии: «Каждые сутки / тебя наполняют, как шлюз, / звездные судьбы / грузчиков, шлюх. / В баре, как ангелы, гаснут твои алкоголики. / Ты им глаголишь! / Ты их, прибитых, / возвышаешь. / Ты им “П р и б ы т ь е” / возвещаешь!» [3, с. 26]. Аэропорт помогает простым людям стать ближе к небу: Вознесенский наделяет шлюх и грузчиков «звёздными судьбами», алкоголиков сравнивает с ангелами, а сам аэропорт у него – «апостол небесных ворот». У Маяковского тоже это есть, но его ощущение более сакральное, более интимное (в то время как у Вознесенского оно более игровое): «Как в церковь идет помешавшийся верующий, / как в скит удаляется, строг и прост, – / так я в вечерней сереющей мерещи / вхожу, смиренный, на Бруклинский мост» [5, с. 83]. Да и всходит поэт на мост трижды: как верующий («вхожу, смиренный»), как завоеватель («Как в город в сломанный прет победитель / на пушках – жерлом жирафу под рост – / так, пьяный славой, так жить в аппетите, / влезаю, гордый, на Бруклинский мост») и как художник («Как глупый художник в мадонну музея / вонзает глаз свой, влюблен и остр, / так я, с поднебесья, в звезды усеян, / смотрю на Нью-Йорк сквозь Бруклинский мост» [5, с. 83–84]).

Взгляд Маяковского – надмирный (он один на мосту, мост показан как средство нового видения, призма, сквозь которую созерцается мир; из неё весь мир можно воссоздать по кусочкам), Вознесенского – многомирный (призма не нужна, один – как всё сразу). Нью-Йорк с высоты Маяковского представляется чем-то настолько крошечным, исчезающим, что может быть приравнен к привидению: «и только одни домовьи души / встают в прозрачном свечении окон» [5, с. 84]. У Вознесенского к душам отношение модернизированное – он считывает «рентгеновский снимок души» с дюралевых витражей. Всё в нём до крайности умалено: «поезда с дребезжаньем ползут, / как будто в буфет убирают посуду», «под мостом проходящие мачты / размером не больше размеров булавочных», и впору забыть о том, что это «развозит с фабрики сахар лавочник» и смотреть на всё происходящее внизу, как на жизнь вещей (да ведь и сам Бруклинский мост – «это вещь!») [5, с. 84–87]. Однако вещь это выдающаяся: «Я горд вот этой стальной ми-

лей, / живьем в ней мои видения встали – / борьба за конструкции вместо стилей, / расчет суровый гаек и стали» [5, с. 85]. Вознесенский подхватывает этот конструктивно-технический принцип (ультра-романтический именно в силу безмерных притязаний рационального), выстраивая своё стихотворение (свой аэропорт, как и всё своё творчество) на основе жёсткого каркаса: 1) фасад; 2) лётное поле; 3) интерьер; 4) конструкции, да еще с подзаголовком «Архитектурное». Аэропорт открывается с разных ракурсов – не с позиции «над», а из положения «везде».

Мир, увиденный с моста, Маяковский приводит к катастрофе: «Если придет окончание света – / планету хаос разделает в лоск, / и только один останется этот / над пылью гибели вздыбленный мост, / то, как из косточек, тоньше иголок, / тучнеют в музеях стоящие ящеры, / так с этим мостом столетий геолог / сумел воссоздать бы дни настоящие» [5, с. 85]. Итак, от всего многообразия человеческой культуры остаётся мост – как код, как чудовище (останки ископаемых ящеров) или как частица ДНК. Воссоздавать из ребра машину (о Еве речь не идёт, современный мир технологичен; единственное «живое» существо в этой конструкции – сам мост: у него есть рёбра и стальные лапы) долженствует «геологу столетий» (любопытно, что профессия геолога становится весьма популярной в 60-е). У Вознесенского во второй части стихотворения («Лётное поле») также отчётливо звучит мотив катастрофы: «Пять полунощниц шасси выпускают устало. / Где же шестая? / Видно, допрыгалась <...> / Она прогноз не понимает. / Ее земля не принимает» [3, с. 26]. Позиция «допрыгавшейся» такая же надмирная, как позиция Маяковского на мосту: «Электроплитками / пляшут под ней города», но, в отличие от моста, сама она не всеохватна, а так же ничтожна – «сигареткой / в тумане горит» [3, с. 26] (этот, как и большинство образов в стихотворении, крайне визуален).

Следующая часть – «Интерьер» – как бы продолжает развивать тему катастрофы, хотя и с другого ракурса: «Худы прогнозы. И ты в ожидании бури, / Как в партизаны, уходишь в свои вестибюли», но тут появляется существо, в чём-то родственное «геологу столетий» – диспетчер, который «тих, как провизор», но «пророчит трассы». Но и он оказывается только предтечей нового божества в тексте: «Мощное око взирает в иные мира. / Мойщики окон / слезят тебя, как мошкара, / Звездный десантник, хрустальное чудище» [3, с. 27]. Наиболее огромным в этом мире оказывается сам аэропорт, он взирает уже не сверху вниз, а «по параболе» – «в иные мира»; это чудище, подобное ископаемым рёбрам маяковского моста, хотя и сделанное из других материалов (эволюция от плоти и кости через сталь к хрусталу показывается как органичное развитие традиции материа-

ла, естественная эволюция природы и человека); те, кто его обслуживает, мелки, как мошки. Силы природы подчинены ему: «Стонет в аквариумном стекле / Небо, / приваренное к земле», он же – их официальный представитель: «Аэропорт – озона и солнца / Аккредитованное посольство!» («Конструкции») [3, с. 27]. И если геолог Маяковского лишь гипотетически воссоздаёт мир, в котором «люди уже взлетали по аэро», то взгляд Вознесенского устремлён в идеальное будущее: «Сладко, досадно / быть сыном будущего, / Где нет дураков / и вокзалов-торгов – / Одни поэты и аэропорты!» [3, с. 27]. Нелепая архитектурная форма «устаревающих» вокзалов у него как у футуриста-архитектора приравнивается к самой глупости и оставляется в прошлом. У Маяковского связанное с вокзалами не выглядит устаревшим: «Смотрю, как в поезд глядит эскимос» [5, с. 87], то есть человеческий прогресс на любой стадии предстаёт как объект бесконечного природного удивления. Вознесенский как архитектор в своём футуристическом идеализме более радикален. Тем не менее он последователен и потому отваживается на прямое противостояние с предшественником: «Бруклин – дурак, твердокаменный черт. / Памятник эры – / Аэропорт» [3, с. 27]. Последняя часть текста посвящена преодолению материального: «Сто поколений / не смели такого коснуться – / Преодоления несущих конструкций». Конечный итог эволюции материалов – антиматериальность: «Вместо каменных истуканов / Стынет стакан синевы – / без стакана»; «Он, точно газ, / антиматериален!» [3, с. 27]. Словом, аэропорт – это не «вещь», а преодоление вещи.

Маяковский ставит в поэтический ряд слова заведомо прозаические, сниженные, низведенные с абстрактных эстетических высот, приспособляемые к шершавой материи самой жизни. И тем невероятно расширяет поле действия поэзии [9, с. 173], на котором Вознесенский уже орудует вовсю, осуществляя грандиозные стройки и активно используя открытый великим предшественником новый материал для строительства. Творчество обоих поэтов неотделимо от городской среды и от современности, направленной в будущее. Для Маяковского эта урбанистическая привязка эссенциальна. Пастернак в «Охранной грамоте» писал, что Москва «ночами <...> казалась вылитым голосом Маяковского» [7, с. 77]. Даже один из его автопортретов представляет собой изображение современного города, в линиях которого живут совершенно новые ритмы. Атрибуты урбанистической культуры появляются в самых ранних его стихах и уже никуда из них не уходят. «Новый быт», в котором оказался Маяковский в новой стране, был непосредственным фактом городской культуры; значимо и противостояние Маяковского как городского поэта Есенину как «последнему поэту деревни» –

отсюда осмысление поэзии как «той же добычи радия». Наконец, правильный индустриальный город будущего – мечта не только поэтов и художников-футуристов (а впоследствии и конструктивистов), но и новой советской власти. Вознесенский был не чужд великим стройкам и с энтузиазмом ехал «Братскую осуществлять» в поэме «Мастера». Да и вообще в его поэзии, пожалуй, с наибольшей полнотой воплотилась футуристическая идея запечатления мира в движении, а не в статике (к примеру, «Мотогонки по вертикальной стене»). Если Микеланджело XX века не хватает времени на живопись, он не утруждает себя копированием, а вырывает из иллюстрированных журналов необходимый ему «кусочек живой жизни» и вклеивает в свои поэмы, пользуясь монтажно-коллажным методом. Мир Маяковского – также раздельно-монтажный; эпохи сломаны и сдвинуты впритык, и энергия, которую излучают эти сломысдвиги, колоссальна [6, с. 483]. Вознесенский связывает с фигурой Маяковского два понятия: трагичности и популярности (индивидуальное и площадное сочетается в известной видеоме о Маяковском: «Поэт + пуля = популярность»).

В то же время у Вознесенского городской конструктивизм, сообразно эпохе, трансформируется, скорее, в хай-тек. И выражается это не только в прославлении века скоростей, но и в характерном для хай-тека децентрированном освещении – полифонии, многоголосии его весьма густонаселённых стихов, а также в осовременивании материалов. Так, витражи у Вознесенского «дюралевые» – но это не анахронизм, а «одновременность существования» с великими от Микеланджело до Шагала.

Можно сказать, что Маяковский, формально наиболее близкий Вознесенскому масштабностью поэтического эксперимента (в сочетании с масштабностью романтического идеала), смелостью и зримостью тропов, конструктивистским подходом к языку и архитектонике стиха, жаждой тотальной новизны, явился выражением идей конструктивизма в поэзии, подхваченных и развитых Вознесенским. Геометризация и монументализация форм, ускорение ритма, задача «конструирования» среды (переделки жизни методами утилитарно понимаемого искусства) – всё это соответствовало как природе поэтического дара обоих, так и идеалу *строительства* нового мира и человека (эпоха «оттепели» – последний всплеск этого энтузиазма). Модернизированный в духе эпохи НТР урбанизм и конструктивизм Вознесенского в итоге оборачивается авангардистским синтезом, выводящим в план поэтической визуальности (зримой, пластичной пространственности, объёмности) своеобразный каркас, жесткую конструкцию. Как и у Маяковского, овнешненное (каркас) оказывается выразителем архитектурного смысла (индивидуального стиля).

Библиографический список

1. *Быков Д.Л.* Интервью с Андреем Вознесенским. Андрей Вознесенский: Я не тихушник и другим не советую [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobesednik.ru/interview/sobes-8-10-voznesevskij> (дата обращения: 15.06.2016).
2. *Вознесенский А.А.* Не отрекусь. Избранная лирика. – Минск: БелАДИ, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/60s/voznesevskij/antimir/majavkovskij.htm> (дата обращения: 02.04.2016).
3. *Вознесенский А.А.* Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. – М.: Изд-во «Альфа-книга», 2012. – 1223 с.
4. *Марченко А.* Ностальгия по настоящему (Заметки о поэтике А. Вознесенского) // Вопросы литературы. – 1978. – № 9. – С. 66–94.
5. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. Вторая половина 1925–1926. – М.: ГИХЛ, 1958. – 536 с.
6. *Панов М.В.* Даниил Хармс // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995. – С. 481–505.
7. *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота // Пастернак Б.Л. Охранная грамота. Шопен. – М.: Современник, 1989. – 96 с.
8. *Таран Е.* Кентавр стиха. Вспоминая Андрея Вознесенского // НГ EX LIBRIS: сайт / 26.09.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2013-09-26/3_kentavr.html (дата обращения: 29.06.2016).
9. *Урбан А.* Мечтатель и трибун // В мире Маяковского: в 2 кн. – М.: Сов. писатель, 1984. – Кн. 1. – С. 147–173.

СПЕЦИФИКА ПОЭТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ЖАНРЕ ПОЭМЫ И В ПОЭМАХ Ф.Н. ГЛИНКИ

В статье раскрываются особенности поэтического нарратива в жанре поэмы, а также в поэмах Фёдора Глинки. Ряд критериев нарративности выделил Вольф Шмид. Тексты поэм делятся на нарративные и описательные, но граница между ними не всегда может быть чёткой. Событийность в поэме должна соответствовать критериям релевантности, непредсказуемости, консекитивности, необратимости и неповторяемости. Существуют различные виды нарративных дискурсов. Поэтический нарратив отличает прежде всего специфическая композиция – особая смыслообразующая сегментация, проявляющаяся в метричности и контрметричности и связывающая поэтический текст с нарративом. Критерии, отмеченные В. Шмидом, касающиеся нарративности, находят отражение в текстах некоторых поэм Ф. Глинки. Нами было рассмотрено несколько произведений, созданных Ф. Глинкой в разные периоды творчества. К таким поэмам можно отнести «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Дева карельских лесов», «Таинственная капля». Все они повествуют о событиях, прошедших много лет назад, их тексты могут служить яркой иллюстрацией современных теоретических концепций, касающихся жанра романтической поэмы.

Ключевые слова: словесность и литература, нарратив, дискурс нарративный, дискурс описательный, поэма, поэзия, романтизм, Фёдор Глинка.

В современном литературоведении определяются различные виды повествования, нередко называемого «нарративом». В роли нарратора может выступать, к примеру, вымышленный рассказчик, автор-повествователь или один из участников событий произведения. Поэтический нарратив остается особым и специфическим явлением в общелитературном процессе в силу его художественной природы, художественной коррелятивности различных эпох. Ф. Джеймсон считает, что нарративная процедура «творит реальность», при этом утверждая как свою относительность, так и независимость от полученного смысла [3, с. 11]. Сравнивая классический аспект произведения и постмодернистский текст, Р. Барт пишет, что произведение замкнуто, сводится к определённому означаемому. В тексте, же, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее [6].

Прежде чем определить нарративность в поэтическом творчестве, следует обратиться к понятию «нарратология». Определение данного термина дал Вольф Шмидт [9, с. 10]. По мнению исследователя, нарратология – это дисциплина, рассматривающая репрезентации, изменения состояний текста. Решение проблем историографии литературы по двум причинам не является объектом нарратологии: во-первых, нарратология литературой не ограничивается, а рассматривает нарративы во всех областях культурной деятельности, во-вторых, она является дисциплиной не историографической, а систематической, теоретической, аналитической. Ее объектом являются нарративные явления в разных культурах, жанрах и эпохах. Поэмы как раз представляют собой такого рода масштабно-поэтические явления на глобальном фоне эпохи (эпох) и культуры (культур), а не только исследование эволюционных процессов этих культур, жанров

и эпох. Тем не менее некоторые понятия и модели, разработанные в рамках нарратологии, могут внести вклад в методику историографии литературы.

Целью нашей статьи является рассмотрение специфики поэтического нарратива в жанре поэмы и в творчестве Ф. Глинки. Начав с прозы («Письма русского офицера» и другие произведения), Ф.Н. Глинка обратился к поэзии. Его поэмы, имеющие, однако, эпично-повествовательный характер, представляют собой материал для рассмотрения такого явления, как «поэтический нарратив». Нарративность поэзии остается пока неосвоенной областью нарратологии. В соответствии с определением С.В. Бессмертновой, нарративность в лирике предполагает наличие истории [1]. С одной стороны, есть поэтические тексты с ярко выраженной нарративностью, с другой – имеются случаи (их большинство), когда в стихотворении никакой истории не рассказывается. Впрочем, если трактовать нарративность в «структуралистском смысле слова», как ее понимает В. Шмид, то все поэтические опыты, в том числе в жанре поэмы, займут свою нишу во всеобъемлющей категории нарративности: «Тексты, называемые нарративными в структуралистском смысле слова, излагают, обладая на уровне изображаемого мира темпоральной структурой, некую историю. Понятие же истории подразумевает событие. Событием является некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире, или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [9, с. 15].

От остальных типов нарративных дискурсов поэтический нарратив отличает прежде всего специфическая композиция – особая смыслообразующая сегментация, проявляющаяся в метричности и контрметричности (ритмизации) и связывающая поэтический текст с нарративом. Историческое со-

отношение поэзии и прозы не противоречит самой поэзии, так как развивается до её возникновения. Ю.М. Лотман в его известной книге «Анализ поэтического текста» отмечает, что жанры не образовывали с поэзией контрастной двуединой пары и воспринимались вне связи с ней.

Учёный считает, что «проза» в фольклоре и средневековой литературе живёт по иным законам: она родилась из недр разговорной стихии и стремится от неё отделиться [6, с. 37]. На этой стадии развития литературы рассказ о действительности ещё не воспринимается как искусство нарратива, а летопись, в частности, не переживалась как проза не только читателями, но и самими летописцами.

В XVIII веке в литературной теории классицизма проза получает признание в качестве жанра, но считается низшим видом искусства. В современном значении понятие прозы появляется в русской литературе лишь во время Пушкина. Именно проза соединяет одновременно представление о высоком искусстве и о «не-поэзии». Таким образом, эстетическое восприятие прозы оказалось возможным лишь на фоне поэтической культуры. Ведущую роль сыграла не лирика, а именно поэтический нарратив, в частности поэмы. Несмотря на кажущуюся простоту и близость к обычной речи, проза является эстетически более сложной, чем поэзия, а её простота вторична. Разговорная речь равняется тексту, художественная проза представляет собой текст и «минус-приём» поэтической условной речи. При этом прозаическое литературное произведение не равно тексту: текст остаётся лишь одной из образующих сложной литературной структуры.

В дальнейшем, в постпушкинскую эпоху, поэзия и проза будут выступать как две самостоятельные, но соотносимые художественные системы. И при этом понятие о простоте как о синониме художественного достоинства появилось намного позднее. Б.В. Томашевский в своей работе «Стих и язык» выявляет ведущую роль акцента, который влияет на значение слова. Исследователь подчёркивает, что всякий акцент следует рассматривать не с точки зрения наличия его в механизме речи, а с точки зрения его выразительной функции. Действительно реальным акцентом является тот, который служит для образования значения слова.

Учёный дал известное определение термину «поэтика». По мнению исследователя, задачей поэтики является изучение способов построения литературных произведений, объектом изучения в поэтике – художественная литература, а способом изучения – описание и классификация явлений и их истолкование [8]. Классическая эпическая поэма получила широкое распространение в эпоху классицизма. Её форма берёт начало у античной эпической поэмы. Построение поэмы предполага-

ло многоплановость. Характеристикой эпических поэм стал историзм – тематикой произведений становились крупные исторические события. При этом в событиях обязательно принимали участие персонажи мифов и легенд – божества, тёмные силы, фантастические создания. Эпическая поэма нередко пародировалась. Позже получили распространение шуточные поэмы в жанре «burlesque».

Античные поэмы Гесиода «Труды и дни» и «Георгики» Вергилия стали родоначальниками описательных поэм, получивших в XVIII в. достаточно широкое распространение. Поэмы Делиля обрели наибольшую известность. Тематикой описательных поэм являются по большей части картины природы – как дикой, так и искусственно организованной. Довольно широко распространены стихотворные произведения о временах года: европейские поэмы на эту тему есть у Ж-Ф. Сенламбера, Ж. Руше, Д. Россе. Тематическое развертывание этих поэм связано с лирическим развертыванием отдельных избранных тем, как правило, в логике единого текстового рассуждения.

Зачастую между описаниями помещались исторические отрывки и стиховые новеллы. Фабула была напряжена слабо, а сами отрывки давались в лирическом развертывании – предполагалось сгущение эмоциональных мотивов, сравнение, описание. Дидактические поэмы также входят в число описательных. Таковой является, к примеру, поучительная поэма-трактат «Art poétique» Буало XVII века.

Дидактические и описательные поэмы были распространены до начала XIX в. Именно они стали в итоге предшественниками романтических поэм. Б.В. Томашевский определял свойства, роль и значение поэмы как большой стихотворной формы. Поэмы делятся на фабульные – эпические, бесфабульные – дескриптивные (описательные) и дидактические. Произведения Е.А. Баратынского, В.А. Жуковского можно отнести к описательным поэмам. К ним же в большей степени относится творчество раннего Ф.Н. Глинки. Произведения позднего Ф. Глинки, напротив, можно отнести к дидактическим поэмам. Исследователь Л.В. Татару подчёркивает, что романтическая поэма возникла после разложения огромных описательных поэм, достигавших по объёму 10 000 стихов [7]. Приёмы описательных поэм широко применялись в романтических поэмах. Их основой стала фабула, излагаемая, как правило, отрывочно. Фабулу зачастую перебивали описания и лирические отступления. Характерными чертами были: временная перестановка, недоговоренность, некоторые фабулярные несоответствия, которые необходимо дополнять воображением. Жанр романтической поэмы стал определяющим для больших стиховых форм, не в последнюю очередь благодаря творчеству А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Подобное влияние пережило и творчество Ф. Глинки, которое получило соответствующее развитие в XIX веке. Если воспользоваться указанным ранее определением С.В. Бессмертновой, поэтические тексты Ф. Глинки обладают ярко выраженной нарративностью, поскольку в них рассказывается определённая история [1]. К таким поэмам можно отнести «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Дева карельских лесов», «Таинственная капля». Все они повествуют о событиях, произошедших много лет назад. Своеобразным исключением стала «Дева карельских лесов». В предисловии, обращаясь к читателю, автор поясняет, что героями поэмы являются его современники, ныне живущие. Поэтому он считает себя обязанным скрыть имена героев поэмы. В основе произведения лежит жизненный опыт поэта. Находясь в Карельском крае, он познакомился с будущими персонажами своей работы, их биографией. В итоге, несмотря на некую дистанцию между читателем и автором, образовавшуюся вследствие сокрытия имён, автор убеждает читателей в правдивости произошедшей истории.

Нарративность текстов Ф. Глинки не противоречит и концепции события и событийности В. Шмидта. Ю.М. Лотман определил событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля», подчеркивая, что граница может быть не только топографической, но и «прагматической, эстетической, психологической или познавательной» [9, с. 50]. Тексты делятся на нарративные и описательные, но граница между ними не всегда может быть чёткой. Также событийность должна соответствовать критериям релевантности, непредсказуемости, консекутивности, необратимости и неповторяемости.

При релевантности, согласно определению В. Шмидта, событийность повышается по мере того, как то или иное изменение рассматривается как существенное. При этом события не образуют тривиальные изменения. Значимость событий рассматривается по меркам вымышленного писателем мира [10, с. 15].

С одной стороны, события поэм Фёдора Глинки соответствуют критерию релевантности. В ряде поэм речь идёт об исторических событиях, произошедших много лет назад. С другой стороны, в текстах «Дева карельских лесов», «Таинственная капля» присутствуют элементы христианской и языческой мифологии.

Вторым критерием В. Шмидт называет непредсказуемость. Предусматривается парадоксальность, противоречие последовательности действий, ожидаемой в нарративном мире. Отмечается, что речь идет об ожидании не читателя, а протагонистов. Эти два критерия, по мнению В. Шмидта, – наиболее важные, остальные три являются второстепенными. Непредсказуемость

событий наблюдается в отношении всех главных героев поэм Ф. Глинки. Судьба персонажей развивается в неожиданном направлении. В поэме «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» главная героиня получает известие о собственном освобождении из ссылки, а в поэме «Таинственная капля» разбойник получает чудесное спасение под конец жизни.

Событийность соответствует консекутивности – одни события ведут за собой другие. Героя нередко ожидает консекутивное прозрение и перемена взглядов. Такие события непременно сказываются тем или иным образом на его жизни. Именно такое прозрение получил главный герой «Таинственной капли» в самом финале и получил спасение. Героиня поэмы «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» с помощью прибывшего монаха также смогла искренне уверовать.

Этот критерий напрямую связан с необратимостью. В. Шмидт напоминает, что «в случае “прозрения” герой должен достичь такой духовной и нравственной позиции, которая исключает возвращение к более ранним точкам зрения» [9, с. 12]. Именно это происходит с разбойником в поэме «Таинственная капля», с главными героями поэмы «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» и «Дева карельских лесов».

Наконец, последний критерий – неповторяемость. При неповторяемости изменения должны быть однократными, а те изменения, которые повторяются, не становятся источниками события. С помощью повторяемости нарратив приближается к описанию. Сложнее определяется критерий «неповторяемость», поскольку изменения в текстах Ф. Глинки как однократны, так и многократны (описание времён года, природы). Характеристика событий меняется от описательной до легендарной. К примеру, в поэме «Таинственная капля», с одной стороны, идёт речь о библейских событиях, с другой – описывается экзотическая природа, также повествуется об исторических событиях. В поэме «Дева карельских лесов» также даётся развёрнутое описание природы карельского края, смены времён года. Там же автор использует не только библейско-христианские мотивы, но и эпизоды из карельского мифологического цикла. Таким образом, тексты Фёдора Глинки являются как нарративными, так и описательными.

Ранее было сказано, что поздние поэмы Ф. Глинки являются в большей степени дидактическими, нежели описательными. При этом поэмы писателя переживали эволюционное развитие. Если ранние поэмы являлись по большей части описательными, то в дальнейшем они эволюционировали до дидактических. Именно в дидактическом ключе шло дальнейшее развитие жанра романтической поэмы, представленное автором. Одной из наиболее ярких дидактических поэм является «Таинствен-

ная капля», которая, по сути, представляет собой развёрнутую христианскую притчу, основанную на библейских мотивах.

Если рассматривать вопрос о развитии жанра романтической поэмы в творчестве Ф. Глинки, следует вспомнить, как был определён подход к анализу жанрового состава искусства поэтики. Аристотель первым заявил о том, что анализ жанрового состава поэтического искусства – естественное продолжение определения поэтического искусства. Такой подход можно назвать логизированным. Также логизированным можно назвать такое развитие жанра, которое подразумевает эволюционное развитие. В отличие от Аристотеля, Платон исследовал поэзию с позиции поэтического вдохновения и различал классы текстов с помощью модальности высказывания, определяющей роль поэта.

Жанр испытывает перемены благодаря воздействию автора-поэта, происходит своеобразное пересоздание жанра, даже реутилизация жанра, как уже говорилось выше. Критерии, отмеченные В. Шмидтом, касающиеся нарративности, находят отражение во всех упомянутых произведениях писателя. С этим непосредственно связано то, что творчество Ф. Глинки подразумевает динамику, предполагающую стремительное развитие не только сюжета, но и характеров главных и героев поэм. Романтические поэмы автора, их сюжетная составляющая напрямую зависят от модальности высказывания, упоминаемой ранее. Именно благодаря определяющей творческой деятельности самого поэта становилось ясно, как будет определена жанровая природа его поэмы. И поскольку в собственном творчестве Ф.Н. Глинка стремился действовать в ключе дидактической ментально-

сти, романтические поэмы в итоге обрели природу не столько описательных, сколько дидактических жанровых принципов.

Библиографический список

1. *Бессмертнова С.В.* Нарративные и композиционные средства экспликации мотива экзистенциального опыта в поэтическом сборнике Брехта «Буковские элегии» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 4. – С. 75–82.
2. *Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3 – С. 29–42.
3. *Климова Н.К.* Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа. – Луцк: Волиньполиграф, 2012. – 251 с.
4. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – С. 18–25.
5. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис. – 580 с.
6. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интeрпрeссeрвeис: Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
7. *Татару Л.В.* Ритм темпоральности неклассического нарратива как когнитивная модель (Роман М. Спарк «Рассвет мисс Джин Броди») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bfsgu.academia.edu/LudmilaTataru/Papers/461384/>.
8. *Томашевский Б.В.* Теория литературы: Поэтика. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 320 с.
9. *Шмидт В.* Нарратология. – М.: Лабиринт: Языки славянской культуры, 2003. – С. 11–16.

ТЮРКСКОЕ ИМЯ В АНТРОПОНИМИКОНЕ КАРЕЛИИ XV–XVII ВВ.*

В статье исследуются антропонимы, имеющие тюркское происхождение, которые зафиксированы в делопроизводственной письменности Карелии донационального периода. Определяется их количественный состав в региональной системе именования лиц, устанавливается распространение тюркских именований в пределах Карелии и причины, влияющие на ареал использования таких имён. За основу при анализе берётся именник постоянного населения края – крестьян, бобылей, мастеровых, церковных служащих, представляющих местный социум. Тюркские имена членятся на ономастические группы, что обусловлено спецификой их функционирования в тексте памятников письменности. Выявляются причины их уподобления некалендарным личным именам из исконно русского ономастикона и прозвищам. Показаны особенности «новых» мотивов именования, связанных с отрывом внутренней формы тюркского имени от значения основы, представленной у апеллятива в языке-источнике. Делается вывод о месте антропонимов с тюркской основой в ономастической системе Карелии и Руси.

Ключевые слова: историческая антропонимия, региональная ономастическая система, тюркское имя, некалендарный именник, мотив номинации, функционирование ономастических единиц.

Известно, что имя человека – языковая, культурно-историческая и социальная универсалия. Любое общество в определённое время формирует систему значимых единиц номинации лица, в которой существование каждого имени мотивировано. Данное положение применимо как к родным, так и к неродным (заимствованным) именам, использование последних обусловлено различными причинами (лингвистическими и экстралингвистическими). При этом неродное имя не всегда находится в периферийной позиции. Примером того, когда заимствованное имя занимает центральные позиции, может служить принятие православных имён в связи с христианизацией Руси. Календарный антропоним из чужого, периферийного имени в самом начале функционирования превратился в господствующий элемент ономастической системы Руси, адаптировавшись на всех языковых уровнях к XIV веку. Контаминация русифицированного календарного именника с исконно русским личным и прозвищным, а также с онимами, являвшимися родными для разных этнических групп народов Руси, придала особый колорит русскому ономастикону. Однако процессы такой контаминации были различными в регионах. И потому выяснение этнокультурного состояния ономастикона определенной территории в определенное историческое время является актуальным для исторической антропонимии.

В статье для исследования выбрана антропонимия, имеющая тюркские основы и представленная в делопроизводственной письменности XV–XVII вв. территории Карелии. Данная группа онимов, несмотря на невысокие количественные показатели функционирования (репертуар около 100 антропонимических единиц; носителей око-

ло 240), может быть привлечена для исследования ономастических и этнокультурных процессов по следующим причинам.

1. Карелия – окраинная часть Северной Руси, в её ономастиконе нашли отражение, с одной стороны, процессы, характерные для всех русских регионов изучаемого периода, в том числе и этнокультурные переплетения, с другой стороны, в силу удаленности от центров сохранились в большей степени архаические явления. Например, еще в XVII в. активно использовались для наречения некалендарные личные имена [4, с. 103–108].

2. Карелия – территория, имеющая опыт толерантных взаимоотношений русских с финно-угорским этносом, что также нашло отражение в региональном ономастиконе [6].

Учитывая данные особенности, автор статьи ставит следующие задачи: 1) дать анализ функционирования антропонимов с тюркскими этнокультурными маркерами; 2) определить их значимость как единиц общерусской системы именования и как единиц, представляющих региональный ономастикон.

Тюркские именования – неременный атрибут не только русского ономастикона, но и, шире, восточнославянского [см.: 14; 15].

Тюркский именник представлен и в документах Карелии XV–XVII вв., ср. имена, данные курсивом, и тюркские материалы: Тимошка Кирилов сын *Бахмат*, олончанин, 1672 [Тупиков, 98] и сложное имя, состоящее из тюрк. слова *baj* ‘богатый’ + (A) *met* (← араб. *Ahmad*, букв. ‘похвальный’) [1, с. 100]; *Бусурман Казатулов* сын Скобелцын, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, с. 250] и *бусурман* ‘язычник’, др.-русс. ‘то же’ из кыпчатского [Фасмер, т. 1, с. 251–252]; Минка Пет-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

ров *Курбатко*, кр-н, п. Вытегорский, 1563 [ПКОП, с. 207] и тюрк. *qara(a)bat* ‘короткость, близость, родство’ [1, с. 251]; Федко Иванов *Кудаш*, Выгозеро, 1556 [Гейман, с. 183] и тюрк. *qudaş ~ qundaş* ‘дети одного отца от разных матерей’ или *qida* ‘сват’, *qudaşa* ‘сватья’ [1, с. 30, 254]; *Тарханко* Лукин, кр-н, п. Городенский, 1568 [ПКВП, с. 86] и тур., чагат. *tarخان* ‘привилегированное сословие’, др.-тюрк. *tarkan* ‘сан’, уйг. *tarخان* [Фасмер, т. 4, с. 25] и под. Кроме того, видим: эти именованья не только восходят к тюркской основе, но и имеют характерный фонетический признак – сингармонизм.

Однако анализ статистических данных показал, что в сравнении с другими регионами, где такие антропонимы достаточно активно используются для номинации лица [см. 1; 2; 3; 10; 11; 12; 13], тюркские имена в памятниках письменности Карелии фиксируются редко (см. статистику выше). При подсчетах учитываются и те случаи, где связь с тюркским ономастиком была косвенно опосредованной. Например, патроним *Бибииков* (Михаил *Бибииков*, грамота, п. Пиркинический, 1598; Гейман, 361) связываем прежде всего с диалектным *би́бик* ‘человек, имеющий какой-то физический недостаток’ *пск.* [СРНГ, вып. 2, с. 289], затем с близкими в фонетическом плане *тур. bebek* ‘маленький ребенок, кукла’, либо *чагат. bibek* ‘зрачок глаза’, которые могли иметь общее происхождение [1, с. 11]. Подобный «тюркский след» с разной долей вероятности можно увидеть в основах таких патронимов, как *Бакланов*, *Бачурин*, *Берсенева*, *Бутаков*, *Бухарин*, *Годунов*, *Кандаков*, *Колычев*, *Карташов*, *Мамонов*, *Озарев*, *Урусов*, *Чеглоков* и под. (см. монографии Н.А. Баскакова, А.Г. Мосина, словарь И.А. Кюршуновой).

Распространение таких именованья по погостам Карелии (см. рис.) в указанное время неравномерное, обусловленное использованием земель, пригодных для обработки, на юге Карелии земцами и помещиками, особенно на Карельском перешейке: Городенский, Сакульский, Ровдужский погосты. Выделяются «пустые» тюркские зоны или зоны с единичными случаями выявления тюркских именованья, совпадающие с присутствием там прибалтийско-финского населения края. Крестьянское население – носители имен с тюркской основой – отмечено островками: южные погосты Обонежской пятины, Заонежские погосты, а также Шуйский и Выгозерский, Кемь, то есть места поселения русских.

Невысокая частотность именованья, которые можно включить в тюркскую группу, обусловлена тем, что на данной территории не было прямых контактов с тюркским населением. Кроме того, обращает на себя внимание следующая особенность: большая часть антропонимов, имеющих тюркскую основу, зафиксирована в основах патронимов (*Букримов*, *Казатулов*, *Кутузов*, *Салтыков*, *Хазаров*,

Сабуров, *Тургенев* и под.), по этой причине можно говорить, что часть тюркской именной базы не была актуализирована в антропонимиконе Карелии.

Носителями имен с тюркской основой на территории Карелии были представители «статусных» сословий: церковные служащие, писцы, помещики, земцы, не являвшиеся постоянными жителями Карелии, ср.: *Рахманин* Болдырев, дьяк, 1628 [Мюллер, с. 35]; Будаев *Сартаков*, подьячий, Свирь, Ильинский мон., 1595 [Гейман, с. 346] и т. д. «Статусные» именованья вряд ли следует считать актуальными для региональной ономастической системы.

Тюркские имена фиксируются также у постоянных жителей края – крестьянского, мастерового населения, у бобылей, местных деревенских церковных служащих: *Бекет* Терехов, *крестьянин*, п. Шальский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 222]; *Берсень* Ефимьев, *крестьянин*, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, с. 78]; *Шаран* Давыдов, *бобыль*, п. Шуньгский, отдельные книги, 1594 [Гейман, с. 342]; *бобыль Шевел* Иевлев, п. Кижский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 156]; *Казаринко* Филипов, *дьячок*, п. Оштинский, 1582–1583 [там же, с. 310] и т. д.

Несмотря на немногочисленность (репертуар 57 антропонимических единиц; носителей 130), именно антропонимы местных жителей представляют особый интерес для исследования функциональных особенностей, вопросов интерференции иноязычных имен в региональном ономастиконе, для объяснения мотивов номинации лица тюркским именем.

Антропонимы с тюркской основой, отмеченные в крестьянском социуме, функционировали или как личное имя, или как прозвище¹. Формальным критерием разграничения считается позиция антропонима в структурной модели именованья (по отношению к патрониму и прочим единицам номинации лица). В постпозиции такие антропонимы выполняют функцию прозвища: Огафонко Ларивонов *Булат*, п. Пудоожский, 1563 [ПКОП, с. 183]; Гаврило Григорьев сын *Бухаря*, староста, 1571 [АСМ, с. 235] и под. В препозиции антропонимы с тюркской базой следует приравнять к личному имени, даваемому при рождении: *Шаранко* Иванов, п. Важинский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 98–99]; *Берсень* Ефимьев, п. Пиркинический, 1563 [ПКОП, с. 78] и под.

Дополнительным критерием того, что перед нами личное имя, является использование экспрессивных формантов: *Казаринко* Петров, п. Кижский, 1563 [ПКОП, с. 130]; *Муратко* Иванов, г. Корела, 1568 [ПКВП, с. 77]; *Назимко* Кареев, п. Никольский в Ярославичах, 1563 [ПКОП, с. 250]; *Ташлычко* Семенов, п. Оштинский, 1563 [ПКОП, с. 228]; *Чубарко* Логинов, п. Шальский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 221]; *Шевелко* Никифоров, г. Корела, 1568 [ПКВП, с. 61]. См. также примеры, приведенные выше.

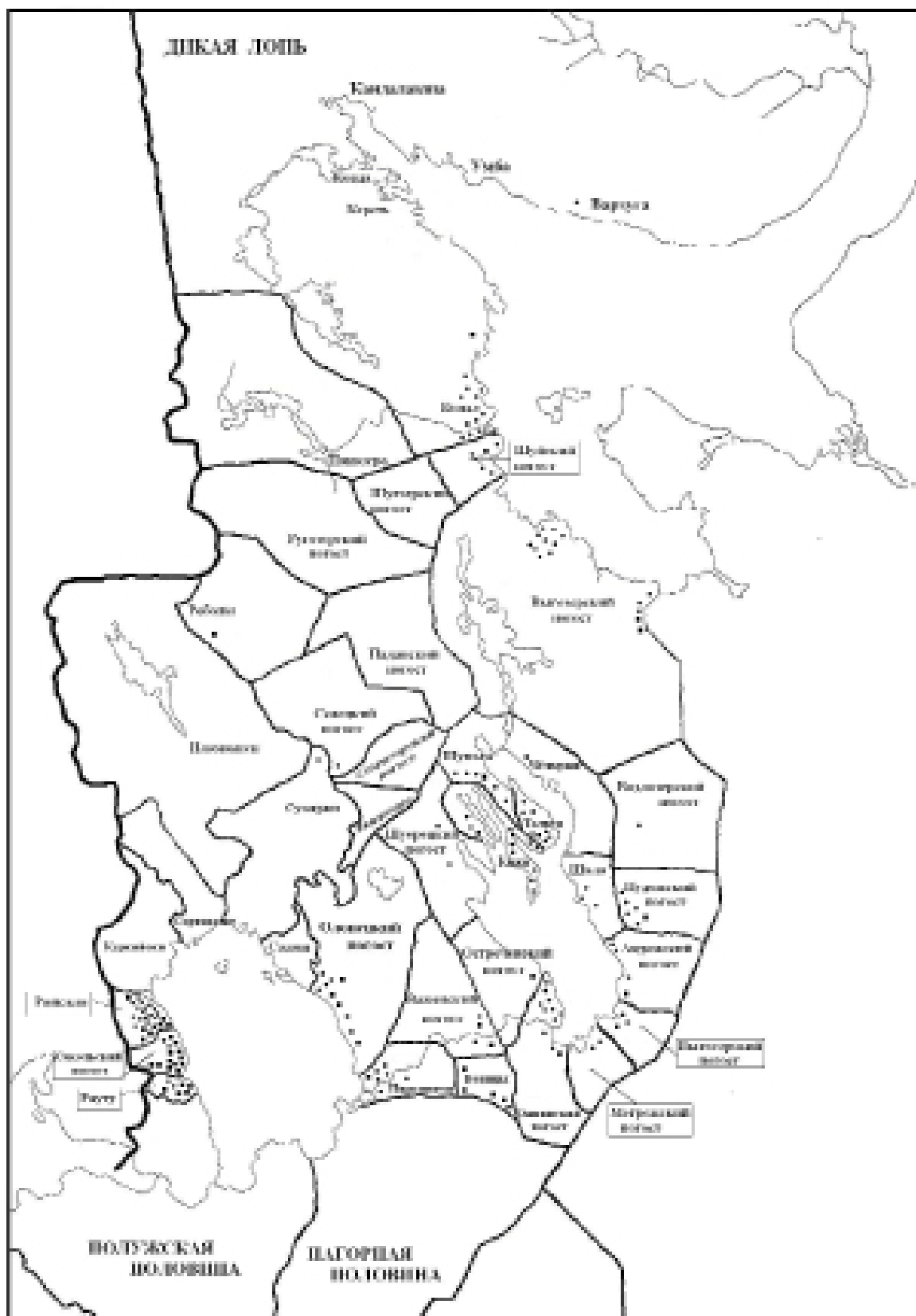

Рисунок. Ареал тюркских ономастических единиц на территории Карелии XV–XVII вв.

- – именованя крестьянского населения края;
- – именованя «статусных» лиц, представленных в документах Карелии

В данном случае они уподобляются таким календарным модификатам, как *Иванко*, *Онтонко*, *Павелко*, *Семенко*, *Федорко* и т. д., которые адаптировались в русской ономастической системе по аналогии с исконно русскими некалендарными личными именами: *Баженка* Боранов, Сенногубская вол., 1599 [Гейман, с. 375]; *Боранко* Васильев, п. Мегрежский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 293]; *Буданко* Ондреев, Оштинский, 1563 [ПКОП, с. 225]; *Вешнячко* Иванов, п. Кижский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 156] и т. д.

Модифицированные формы именовании (с тюркской, исконно славянской или календарной основой), с одной стороны – способ адаптации иноязычного имени, с другой – отражение особого отношения родителей к ребёнку у русских [7, с. 165, 168]. Следовательно, мотив именовании, близкий к значению тюркского апеллатива, вряд ли можно учитывать в полной мере.

Рассмотрим пример. Антропоним *Рахманин*, известный в разных регионах Руси [см.: Веселовский, с. 267; Тупиков, с. 391; Морошкин, с. 166–167; Полякова, с. 319; Мосин, с. 338; Чайкина, с. 85; Кюршунова, с. 455–456 и т. д.], по свидетельству исследователей, является тюркским по происхождению и возник на основе арабского апеллатива *rahman* ‘милосердный’ [1, с. 169–170]. Можно предположить, что в ономастическую систему XV–XVII вв. могло быть заимствовано само имя *Рахманин*. Однако ко времени его широкого распространения оно потеряло связь с генетически родственным апеллативом. Ср. основу антропонима с однокоренным прилагательным *рахманый*, известным современным русским говорам, которое является адаптированным и переосмысленным от тюркского *rahman*. Прежде всего, соотнесем именовании со значениями слова *рахманый*, отмеченными в русских говорах Карелии и сопредельных областей. На севере и востоке, как заметил В. Даль, со словом *рахманый* связаны положительные характеристики лица: ‘веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый, тчивый, шеголь’ [Даль, т. 4, с. 86], а также ‘щедрый, добрый’ Прион., Кондоп., Ленингр., Новг., Лод., Бат, Тихв., ‘веселый’ Прион., Новг., ‘красивый, нарядный’ Медв., Прион., Волог., ‘боевой’ Медв., ‘ловкий, мастер на все руки’ Прион., Кондоп., Новг., ‘толковый, приятный человек’ Медв., ‘бескорыстный человек’ Новг., ‘хороший, славный’ Новг., ‘бойкий’ Белоз. [СРГК, вып. 5, с. 500], ‘добрый, добродушный’ Олон., Вят., Твер., Петерб., Яросл., Нижегород., Пск., ‘обходительный, учтивый’ Олон., Яросл., ‘гостеприимный, хлебосольный’ Олон., Твер., Яросл., Влад., Моск., Брян., ‘не жадный, не скупой, щедрый’ Прион., Олон., Арх., Петерб., Новг., Твер., Влад. и т. д. [СРНГ, вып. 34, с. 343–344]. В других говорах *рахманый* означает ‘вялый, хилый, развязный’, ‘смирный’, ‘простоватый, глуповатый, нерасто-

ропный’ юго-зап. и юго-вост. от Москвы [Даль, т. 4, с. 86]; ‘развязный’ Костр. [Ганцовская, с. 333]; ‘хвастливый’ Чуд. Новг., ‘спокойный, равнодушный’ Новг., а также ‘скромный, смирный человек’ Смол. [СРНГ, в. 34, с. 343–344], ‘тихий, кроткий, смирный, ручной’ Пск., Зап. [Даль, т. 4, с. 86], ‘задумчивый’ Пск. [СРНГ, вып. 34, с. 343–344]. Такая полярность значений апеллатива в говорах, широкое распространение имени собственного по всей территории Руси – яркое свидетельство оторванности именовании от исторического корня, а как следствие, необходимость искать новые признаки мотива именовании.

Думается, за тюркскими именами могла стоять охранная функция, обусловленная значением ‘чужой’. Такая внутренняя форма могла наслаиваться на другие мотивы именовании. Если же сохранялась смысловая обособленность, то личные имена с тюркской основой и становились в один ряд с такими антропонимами, как *Ненаш* Михайлович Запольский, 1584, Рязань [Веселовский, с. 218], *Несвой* Григорьев, 1545, Новгород [там же, с. 219], а также *Нежданко* Федотов, п. Пудоожский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 229], *Нечайко* Истомина, п. Городенский, 1568 [ПКВП, с. 79] и под., где возможно выделение такого мотивировочного компонента, как ‘чужой’².

Косвенным подтверждением гипотезы является приведенный С.Б. Веселовским пример – *Чужой* Булгаков Айгустов, 1549 г. Переяславль [Веселовский, с. 356], где именовании *Чужой* как раз имеет охранную внутреннюю форму, занимает позицию личного имени, которое сопровождают компоненты с неславянской основой, одна из которых – *Булгаков* – в данном случае принимается как тюркская, ср. с материалами Н.А. Баскакова: *Булгак* из тюрк. *bulyaq* ‘гордый, важный’, ‘бездельник, праздничношающийся’, ‘непостоянный, ветреный, легкомысленный’, ‘беспокойный, суматошный человек’ [1, с. 7, с. 34].

Тюркские антропонимы, выполняющие функцию прозвища, также к XV–XVII вв. изменили внутреннюю форму. Прозвище *Булат* (Огафонко Ларивонов *Булат*, п. Пудоожский, 1563; ПКОП, с. 183) мотивировано не значениями ‘сорт стали’ или ‘стальной клинок’ [1, с. 139], а значением ‘рыжеволосый человек’, в памятниках письменности содержится указание на цвет булата: «А говорил шахъ: ...булатъ хорошей красной выходить въ наше государство...» [СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 352].

Патроним *Копылов* (Нечайко *Копылов*, п. Мегрежский, 1563; ПКОП, с. 221) от прозвища *Копыл* (ср. по другим регионам – Василий *Копыль* Спячий, московский посол на Афон, 1515 [Тупиков, с. 251] и под.), которое могло быть мотивировано значением ‘тупой, глупый человек’, зафиксированным у апеллатива *копыл* в ярославских гово-

рах [ЯОС, вып. 5, с. 63] и возникшего от одного из известных древнерусскому языку апеллятива *копыль* в следующих значениях: ‘каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней’, ‘род лопаты’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 299]. Используется слово и в составе названия бортного знамени с изображением брусков и санных полозьев [СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 299]. Апеллятив в прямом номинативном значении заимствован из тюркских языков и связан с глагольной основой *qor-* ‘подниматься, вставать’, к которой присоединялись аффиксы *-yl/-il*, придававшие слову *qoryl* значение ‘стояк, стоень’ [1, с. 135]³. Как видим, тюркский апеллятив в русской лексической системе подвергается метафоризации и в дальнейшем становится внутренней формой для именования.

В отдельных случаях возможна отдаленная связь с тюркской (первичной) этимологией. Ср. прозвище *Булыга* (Овдоким Максимов сын *Булыга*, 1552; АСМ, 111) и тюркское *balya* ‘палица с длинным черенком; молоток’ и *baldaq* ‘палица с ремнем для прикрепления к руке; сабельный эфес’ [1, с. 164]⁴. В говорах отражено преобразованное *булыга* ‘камень, булыжник’ [СРГК, вып. 1, с. 137], которое в дальнейшем послужило основой для переносного ‘болван, грубый, неотесанный человек, неуч, невежа’, отмеченного у лексемы *булыга*, например, в олонечких (русских) говорах Карелии [Куликовский, с. 7], ср. также *булыга* ‘пустой, никчемный человек’ Тихв., Медв. [СРГК, вып. 1, с. 137].

Следует обозначить примеры, где за именованием могла стоять как тюркская основа, так и апеллятивная база из другого языка. Имя *Улан* (*Улан* Рокульский, земец, г. Корела, 1568; ПКВП, 55) в конечном итоге можно связать с известным древнерусскому языку *улань* ‘член ханской семьи у татар, лицо княжеского рода’ [Срезневский, т. 3, с. 1194–1195] или тюркским *olan* ‘парень’ [9, с. 160]. Однако известны глаголы *улайдать*, *улайдать* ‘плакать’, заимствованные из прибалтийско-финских языков, ср. с *вепсским ulajdab* – в 3-м л., ед. ч. ‘вост’, финским *ulista* ‘выть, стонать, визжать’ [Фасмер, т. 4, с. 158], широко представленные в современных русских говорах Карелии [см.: СРГК, вып. 6, с. 601–602], как и девербатив *улайдун* ‘плакса’ Медв. [СРГК, вып. 6, с. 602]. На появление формы *Улан* на *-ан* могло повлиять отпричастное имя его брата *Ждан*.

Патроним *Шабанов* (Степанко Тимофеев *Шабанов*, г. Корела, 1568; ПКВП, с. 78) в конечном итоге восходит к апеллятиву *шабан*, для которого можно видеть связь с арабским *šaban* – названием восьмого месяца лунного календаря, или с тюркским *šaban* ~ *šaban* ‘чабан, пастух’ [1, с. 211–212]. Но более надежным видится соотношение с известной в русских говорах Карелии лексемой *шабáнь* ‘ягода, растение *Empetrum nigrum*’ [Фасмер, т. 4,

с. 391], а также с глаголом *шáбандать* ‘шепаться, тихо говорить, ворчать, делать что-л., производить тихий шум; искать, копаться’ русские говоры Карелии, арх., шенкурск., заимствованным из вепсского *šäbäñä* ‘производить шум, греметь, рычать’ [Фасмер, т. 4, с. 390], *šabaita* ‘шуршать, скрестись’, ‘копошиться, возиться с чем-л.’, ‘трепетать’ [СВЯ, с. 541], финского *sopistaa* ‘производить небольшой шум, бормотать’ [Фасмер, т. 4, с. 390].

У ряда антропонимов, имеющих тюркскую основу, внутренняя форма характеризуется высокой степенью гипотетичности, что обусловлено семантикой соотносимого с именем апеллятива. Например, неясен мотив именования *Чумбур* (Иванко *Чумбур*, п. Шуньгский, 1563; ПКОП, с. 151). Соотносимый апеллятив *чумбур*, *чумбур* ‘поводок лошади’, заимствованный из тюркских языков: ср. тар., тел. *čylbur* ‘то же’, алт. *čylbyr* [Фасмер, т. 4, с. 331], допускает разные предположения о мотиве номинации, одна из которых ‘название лица по роду деятельности’ (= ‘тот, кто изготавливал и продавал чумбуры’) позволяет поставить антропоним *Чумбур* в тематический ряд с такими именами, как *Оглобля* Федор Исаков, 1620, Соль Вычегодская [Веселовский, с. 227], **Супонь* ← Супонев Федор Васильевич, воевода, 1527, Чухлома [Веселовский, с. 306], **Хомут* ← Хомутов Иван Федорович, 1522, р. Клязьма под Москвой [Веселовский, с. 341] и под.

Примером открытого мотива именования может служить название деревень *Шалимовская* в разных погостах Карелии (п. Вытегорский, 1563; ПКОП, с. 207 и п. Веницкий, 1563; Веселовский, с. 224), где вычленяется антропоним **Шалим*, для которого находим ряд этимологий у Н.А. Баскакова: 1) тюркское имя собственного *šah ‘ālim* ← персидского *šah* ‘царь, властитель’ и арабского *‘ālim* ‘ученый, просвещенный’, 2) казахское, каракалпакское *šalyt* ‘горсть’, *šalytly kiši* ‘работоспособный, сильный, крепкий человек’ [1, с. 137].

Имеются случаи, подобные отмеченным в некалендарной антропонимии, когда провести границу между личным именем и прозвищем невозможно, ср. одни и те же имена в разных функциональных позициях: ср. *Тарханко* Лукин, п. Городенский, 1568 [ПКВП, с. 86] и Иван Федоров сын *Тархан*, 1550 [АСМ, с. 100]; *Шевель* Тимофеев, п. Кижский, 1582–1583 [КЗПОП, с. 189]; *Шевелко* Никифоров, г. Корела, 1568 [ПКВП, с. 61] и Игнашко *Шевел*, п. Толвуйский, 1563 [ПКОП, с. 142]; Якунь Звягин *Шевел*, Кемская и Подужемская вол., 1591 [Гейман, с. 321]. Если для личного имени определение мотива номинации лица возможно (*Тарханко* и *Шевелко* стоят в одном ряду с другими охранными именами), то для прозвищ *Тархан* и *Шевел* соотношение с семантикой тюркского апеллятива остается под вопросом. Ср. тур., чагат. *tarħan* ‘привилегированное словесие’, др.-тюрк. *tarkan* ‘сан’, уйг. *tarħan* [Фасмер, т. 4, с. 25] или *шевель* – название месяца [1, с. 42].

Таким образом, антропонимия с тюркской базой в периферийных регионах русского государства донационального периода может служить источником исследования особенностей языковой интерференции и выявления качественно новых процессов в русской антропосистеме. Так, личные имена и прозвища тюркского происхождения, зафиксированные памятниках письменности XV–XVII вв. у крестьянского и близкого к нему по статусу населения Карелии, являются полноправными членами некалендарного ономастикона Руси. На территориях, удаленных от мест прямого контактирования с тюркским этносом, языковая интерференция на ономастическом уровне имеет нулевой коэффициент. Те антропонимы, которые выполняли функцию личного имени, входят в группу имён с охранной функцией, отражая проявление мотива номинации, обозначенного семей 'чужой'. Другая часть именованний – прозвища – восходит к адаптированным в русской лексической системе апеллитивам, также формирующим новую внутреннюю форму, обусловленную переносными моделями русского языка.

Примечания

¹ Далее в статье представлены примеры именованний крестьян и близкого к ним по положению социума.

² Подобные размышления дают возможность предположить, что данный мотив именованния был дополнительным средством адаптации календарного (изначально чужого) именника и включения его в русскую ономастическую сферу.

³ Имеются другие гипотезы о мотиве номинации: не менее вероятна связь с *кoпѣл* 'незаконно-рожденный' в укр., болг., макед., сербохорв., слов. языках или опять же с тюркским *qaryl* 'небрежный' [1, с. 134–135].

⁴ Не следует пренебрегать возможной связью с *тюрк.* *bulqij* 'быть громоздким, толстым', ср. также *монгол.* *болхи* 'нерасторопный, неповоротливый, неуклюжий, грубый, дерзкий, невежественный, тупой' [1, с. 34].

Список источников

АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние; сост. И.З. Либерзон. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 328 с.

Гейман – Материалы по истории Карелии XII–XVII веков / под. ред. В.Г. Гейман. – Петрозаводск, 1941. – 440 с.

Докучаев-Басков – Докучаев-Басков К.А. «Строкина пустыня» и ее чернецы: Опыт исследования жизни монашествующих // Известия общества изучения Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1914. – № 4. – С. 17–32.

КЗПОП – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г. Т. 3 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500ja 1600-luvulta* / подгот. к печ. и ред. И.А. Черняковой, К. Катаяла. – Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. – С. 35–341.

Мюллер – Карелия в XVII веке: сб. документов / сост. Р.Б. Мюллер, под ред. А.И. Андреева. – Петрозаводск, 1948. – 222 с.

ПКВП – Писцовые книги Водской пятины 1539 г., 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах: *Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500 ja 1600-luvulta* / подгот. к печ. и ред. И.А. Черняковой, К. Катаяла. – Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. – С. 19–178.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подгот. к печ. А.М. Андрияшев / под ред. М.Н. Покровского. – Ленинград, 1930. – 268 с.

Лексикографические источники

Веселовский – Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 384 с.

Ганцовская – Ганцовская Н.С. Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Косторомы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – 512 с.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Русск. яз., 1981–1982.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. – Л.: Наука, 1972.

Куликовский – Куликовский Г.И. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1898. – VII. – 151 с.

Кюршунова – Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.

Морошкин – Морошкин М.Я. Славянский именослов, или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. – СПб.: Типография Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 321 с.

Мосин – Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. – 516 с.

Полякова – Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 464 с.

Полякова – Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVII веков. – Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. – 464 с.

Тупиков – Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 1032 с.

Чайкина – Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. – Вологда: ВГПИ, изд-во «Русь», 1995. – 122 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. – Вып. 1, 5.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. – СПб.: 1965–2015. – Вып. 2, 16, 34.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 1975–2015. – Вып. 1, 7.

Срезневский – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: репринт. изд.: в 3 т. – М.: Книга, 1989.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.

ЯОС – Ярославский областной словарь: учеб. пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1986. – Вып. 5. – 131 с.

Библиографический список

1. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979. – 279 с.
2. *Войтович М.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. – Познань, 1986. – 305 с.
3. *Добродомов И.Г.* Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – М., 1967. – С. 367–374.
4. *Кюришнова И.А.* Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2012. – Вып. 3. – С. 103–108.
5. *Кюришнова И.А.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. – 2013. – № 2 (15). – С. 108–127.
6. *Кюришнова И.А.* Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода // CARELICA: науч. электрон. журнал. – ПетрГУ. – № 1. – 2014 (11). – С. 22–30.
7. *Кюришнова И.А.* Ценностные ориентиры русского человека сквозь призму имени собственного (по материалам региональной антропонимии XV–XVII вв.) // Jezikoslovní zapiski (21). – 2015. – № 1. – С. 153–176.
8. *Лосев А.Ф.* Философия имени // Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 880.
9. *Мирославская А.Н.* Диалектизмы в антропонимах (на материале памятников письменности XVI–XVII вв.) // Лексика и фразеология севернорусских говоров: сб. статей / ред. Ю.И. Чайкина. – Вологда, 1980. – С. 154–160.
10. *Мосин А.Г.* Исторические корни уральских фамилий. – Екатеринбург: Изд-во «Гошицкий», 2008. – 782 с.
11. *Полякова Е.Н.* История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв. – Пермь, 2010. – 280 с.
12. *Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97–128.
13. *Соколова Е.Н.* Ономастическое пространство древнерусских памятников письменности Киевской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2010. – 39 с.
14. *Бірыла М.В.* Беларуская антрапанімія 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
15. *Редько Ю. К.* Сучасні українські прізвища. – Київ: Наукова думка, 1966. – 216 с.

Исаева Лидия Алексеевна

доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
vlisaev@rambler.ru

Буданова Светлана Геннадьевна

кандидат филологических наук
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
lanastar@bk.ru

Рябинина Алевтина Геннадьевна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

СЮЖЕТНО-ОБРАЗНАЯ ВТОРИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В данной статье рассмотрена специфика сюжетно-образной вторичности, основанной на взаимосвязанной организации нескольких текстов. Описаны прецедентные и внутрирекламные способы построения и визуализации материала. Прецедентные способы предполагают включение в медиаматериал узнаваемых, широко известных сюжетов и персонажей. Внутрирекламные используют действующие лица и события, становящиеся распознаваемыми посредством частой реализации в дискурсе рекламы. Выделены и проанализированы особые внутрирекламные виды вторичных текстов с точки зрения сюжетно-образного содержания: тексты-циклы, тексты-продолжения, тексты-дублиеты, тексты-реакции. Тексты-циклы наиболее распространены в рекламном дискурсе. Им свойственна общность авторской интенции, фабулы, системы образов при отсутствии событийного дополнения. Тексты-продолжения характеризуются сцеплением сюжетных линий в единое целое. Тексты-дублиеты имеют однотипную художественную организацию, но иную концепцию и авторскую интенцию. Тексты-реакции содержат лингвистические и экстралингвистические отсылки к другому медиаматериалу.

Ключевые слова: текст, вторичный текст, рекламный текст, медиадискурс, сюжетно-образная вторичность, тексты-циклы, тексты-продолжения, тексты-дублиеты, тексты-реакции.

Активное функционирование современного рекламного материала с включением компонентов других текстов предполагает взаимодействие не только языковых, но и сюжетно-образных элементов. Достаточно часто визуализация системы образов обеспечивает наиболее полную реализацию первичного(ых) речевого(ых) произведения(ий) в целом и/или содержащихся в нем(них) скрытых смыслов. Очевидно, что подобное совмещение разных по форме выражения компонентов позволяет адекватно передать интенцию автора и, следовательно, эффективно воздействовать на реципиента.

Использование видеоряда (графических приемов) и языковых средств при порождении рекламы рассматривается нами в рамках *сюжетно-образной вторичности*, которая основана на взаимосвязанной организации нескольких текстов (чаще всего первичных) в художественно-композиционном (завязка, развитие действия, кульминация, развязка), событийном и/или системно-образном плане, характеризующихся наличием общих лексико-семантических компонентов, единой идейной направленностью, сохранением элемента(ов) изображаемой действительности (место действия, портрет главного героя и др.).

Необходимо заметить, что для построения и визуализации подобных текстовых образований используются *прецедентные* и *внутрирекламные* способы организации материала. Одни тексты, соответственно, распознаются при помощи фоновых знаний реципиента, а другие посредством продуктивной и частой реализации становятся хорошо

узнаваемыми в медиадискурсе. Однако рекламные произведения последнего блока становятся вторичными благодаря созданию особых отношений внутри себя, причем каждое из них может включать не только прецедентные феномены, но и различные собственно рекламные узнаваемые сюжеты и образы. Сохранение художественной и графической составляющей текста в нескольких видеороликах, баннерах и других видах современной рекламы является своеобразной апелляцией к предыдущему тексту-источнику, что оказывает влияние на восприятие и запоминание материала в целом.

Более подробно проанализируем реализацию прецедентных феноменов в медиадискурсе. Например, в основу рекламного видеоряда лекарственного средства «Имудон» положен сюжет широко известной сказки Шарля Перро «Красная Шапочка». Действие начинается с того момента, когда маленькая девочка в платочке ярко-красного цвета подходит к дому своей бабушки и стучит в дверь. В эту же минуту она слышит хриплый голос и не узнает говорящего с ней собеседника: «*Дерни за веревочку – дверь и откроется*». Испугавшись, героиня начинает думать о самом страшном, а ее мысли визуализируются посредством графического изображения, содержащего самые яркие эпизоды сказки-источника, – нападение волка на бабушку, волк в ее роли. Войдя в комнату, девочка слышит обращение бабушки («*Заходи, внученька*»), рядом с которой на кровати сидит серый волк и собирается пить чай с медом и лимоном, и понимает, что она простыла. Тогда Красная Шапочка достает рекламируемый препарат и предлагает его заболевшим

персонажам («Если в горле воспаленье – / Ни жевать и ни глотать, / Может, “Имудон” поможет вам с ангиной совладать / И, конечно, облегчит гингивит и стоматит!»), которые начинают после применения лекарства мгновенно выздоравливать. Мы видим, что первичный сюжет несколько трансформирован, но внешние и поведенческие характеристики всех анимированных персонажей (кроме доброго, а не злого волка) и центральные события сказки переданы достаточно точно и подробно, несмотря на наличие добавочных элементов. В настоящем примере, таким образом, можно отметить присутствие прецедентных феноменов, легко распознаваемых сюжетов и героев.

Функционирование широко известных образов и использование отсылок к узнаваемым историческим событиям можно заметить и в рекламе сотовой компании «Билайн». Предлагаемый реципиентам видеоматериал напоминает о произошедших восстаниях и революциях. В роли главного героя-бунтаря выступает актер Сергей Светлаков, переодетый в простого человека из народа (штаны, рубашка, сапоги). Согласно сюжетной линии, палач (черная маска, рубашка, пояс) выводит борца за свободу на площадь с целью унижения перед людьми и последующего осуждения. Персонажи в офицерской форме прошлых столетий (треуголка, сюртук, жилет, узкие штаны, сапоги) с помощью трубы созывают уже столпившихся людей. А проезжавшая мимо дама (прическа, корсет, пышное платье с каркасом для юбки, украшения, веер) в окружении лиц высших сословий (парик, шейный платок, камзол, узкие панталоны, белые чулки, туфли) и народа начинает высмеивать революционера: «Ха-ха, бунтарь! Он хотел платить за все потом!». Но главный герой не сдается и вступает в диалог: «Люди, общайтесь! Общайтесь свободно и не думайте о деньгах! Ваше право платить потом!». На дальнейшие требования дамы («Нет, сейчас!») народ уже не обращает внимания, выкрикивая: «Потом! Потом!». В итоге простой человек одерживает победу и произносит преобразованный девиз времен Великой французской революции: «Это переворот! Свобода! Равенство! Постоплата!». Таким образом, в данном материале актуализируется не только предполагаемое широко известное историческое событие, но и прецедентные образы неоднородных сословий (от низших к высшим), что отражено в одежде, в манере поведения, в выполняемых действиях, в изображаемой действительности.

Внутрирекламные средства, порождающие сюжетно-образную вторичность медиатекста, используются в современном дискурсе рекламы не менее часто. Их специфика и особенности функционирования позволяют разграничить речевые медиапроизведения на *тексты-циклы* (термин Л.М. Майдановой [1]), *тексты-продолжения* (тер-

мин С.В. Первухиной [2]), *тексты-дублиеты*, *тексты-реакции* (термин С.В. Первухиной [2]).

Термины, введенные в научный обиход Л.М. Майдановой («циклизация первичных текстов») и С.В. Первухиной (тексты-продолжения, тексты-реакции), рассмотрены исследователями с несколько иных позиций и по отношению к другим видам текстов. Используя данные номинации, мы в настоящей статье вкладываем в них собственное содержание.

В рекламном дискурсе средств массовой информации наиболее распространенными, по нашим наблюдениям, становятся *тексты-циклы*. Данные вторичные образования обладают общей авторской интенцией, темой, а также системой образов (иногда и единством окружающей внетекстовой реальности) и/или сюжетной основой, переходящей из одного речевого произведения в другое, но не имеют свойства событийного дополнения. Построение их чаще всего отличается лексико-семантическими элементами, структурой, но концепция, по которой порождается взаимосвязанный блок текстов, представляющих собой единое целое, всегда сохраняется. В *широком смысле* циклом может быть названа вся совокупность рекламных роликов, посвященных одному и тому же объекту (определенной торговой марки), но имеющих разное художественное оформление. Однако наиболее продуктивным считаем *узкий подход*, при котором циклическими считаются произведения, объединенные не только конкретной однотипностью образа предлагаемого товара, но и общностью сюжета и/или персонажей, коммуникантов.

Подобной сюжетно-образной вторичностью обладают рекламные тексты-циклы мясной продукции «Останкино». В нескольких видеороликах, предлагаемых реципиентам, маленькие дети выступают перед аудиторией, поздравляя одного из родителей (папу). При этом необходимо заметить, что неизменным остается основной сюжет с учетом места действия (зал), обстановки (украшение в виде рисунков, шариков, надпись «День Папы», пианино, стулья), поведения зрителей (внимательно слушают выступающих, восхищаются, смеются, фотографируют и снимают на камеру) и образа воспитателя (учителя), находящегося недалеко от сцены и контролирующего проведение мероприятия. Главный персонаж изменяется: в одном ролике он подражает внешности А.С. Пушкина (боливар, фрак, жилет) и его поэтическому мастерству («Подруга дней моих суровых, / Сосиска сочная моя, / Хоть каждый день, / Всегда готова / На завтрак с папой съест тебя»), в другом – традиционной манере В.В. Маяковского («Я / достаю / из широких штанин / бутерброд нереального вкуса. / Смотрите, / завидуйте, / я – папин сын. / Я требую перекуса!») в соответствии с портретными характеристиками (кепка, пиджак, ру-

башка, галстук, брюки), в следующем – облику М.Ю. Лермонтова (стрижка, усы, мундир, эполеты, рубашка, брюки), А.М. Верещагиной (телосложение, локоны, нарядное платье), а также литературной стилистике мастера слова («Скажи-ка, папа, ведь не даром / Зовешься дома кулинаром, / Сосиску варишь мне / И мне, / И потому, любимый папа, ты наш герой вдвойне!»). Это свидетельствует о функционировании разных прецедентных феноменов текстового и образного характера, объединенных, однако, общностью авторского замысла, концепцией рекламного материала. Именно поэтому описанные видеоролики воспринимаются не как отдельные, независимые друг от друга тексты, а как единый блок взаимосвязанных произведений.

Таким образом, тексты-циклы можно понимать широко и узко. Это зависит от наличия в тексте одного или нескольких признаков циклообразования: от минимального их набора (сохранение образа рекламируемого продукта и авторской интенции) до максимального (практически полное совпадение сюжета, сохранение всех действующих лиц и образов, окружающей обстановки и т. д.).

Тексты-продолжения представляют собой ряд идейно-тематически связанных текстовых единиц, которые становятся логическим дополнением друг друга посредством сцепления с предыдущим материалом и образуют цельное произведение с законченной/незаконченной мыслью. В их основу всегда положена идея единства содержательных компонентов, действующих лиц, а также последовательное развитие сюжета. Поскольку они отличаются от текстов-циклов только свойством событийного дополнения, их можно рассмотреть и как особого рода цикловую разновидность.

В качестве примера рассмотрим несколько рекламных роликов шоколадного батончика «Twix», взаимодействующих друг с другом по типу продолжения. В первоначальном тексте представлена история братьев и описана возникшая между ними конфликтная ситуация: «Давным-давно Симус и Эрл, создатели батончика “Twix”, разорвали отношения, буквально поделив батончик на две палочки. Поэтому было принято решение разделить производства. Симус хотел создать фабрику для выпуска левой палочки “Twix”, а Эрл – правой. Выбирая место для строительства, Эрл решил уехать как можно дальше от своего бывшего партнера. Но, как выяснилось, уехал недостаточно далеко. Симус работал над своей фабрикой день и ночь, а Эрл над своей – круглые сутки! Оба хотели построить особые, неповторимые здания. Каждый восхищался своим творением, а постройку бывшего партнера считал заурядной. На каждой фабрике использовалась своя уникальная технология создания “Twix”. На левую палочку “Twix” карамель лилась волнами, а на правую струилась. На левую палочку шоколад наливался вертикально,

а на правую сверху вниз. Абсолютно разные создатели, совершенно разные фабрики, и такие разные палочки! Ничего общего, кроме обертки и узких ворот! Попробуй обе и реши, на чьей стороне ты!». Далее транслируются два видеоряда, в которых отражено продолжение этого же речевого произведения посредством ведения повествования от первого лица, что позволяет более конкретно выявить особенности деятельности Симуса («Левая палочка “Twix” изначально задумана мной как шеддер. Представьте, хрустящее печенье и текучая карамель, покрытые молочным шоколадом. Куда там какой-то правой палочки. “Twix”. Попробуй обе и реши, на чьей стороне ты!») и Эрла («Я создавал правую палочку “Twix” как произведение искусства. Вообразите, песочное печенье и густая карамель под слоем молочного шоколада.левой палочке такое и не снилось. “Twix”. Попробуй обе и реши, на чьей стороне ты!»). В еще одном ролике наблюдается развитие сюжетной линии и проявление новой черты характера (щедрости) главных героев: «Даже разделив фабрики, создатели батончика “Twix” продолжали соперничать. За выбор левой палочки Симус дарил подарок, а Эрл давал приз за выбор правой. Подарки были великолепными, призы – потрясающими. Симус буквально осыпал ими, Эрл задаривал. Сделай выбор и ты, участвуй в акции. Призы от правой, левой палочки ждут тебя в каждой пачке “Twix»». В итоге длительного противостояния братья безрезультатно стремятся сохранить добрые отношения («Однажды создатели батончика “Twix” решили помириться за чашечкой чая. Симус тут же понял, что чай гораздо вкуснее с левой палочкой. А Эрл осенило, что правая палочка намного аппетитнее с чаем. Пускай примирения не получилось, зато все узнали об удивительном сочетании чая и “Twix»»), и соперничество снова возобновляется («Сэр, мы делаем правую палочку “Twix” и наливаем шоколад на печенье и карамель вертикально. / – Да. / – И на соседней фабрике шоколад наливается вертикально. / – Не вертикально, а сверху вниз. / – Может, нам объединиться? / – Нет, они слишком много о себе думают. / “Twix”. Попробуй обе и реши, на чьей стороне ты!»). Затем следует реклама с включением реплик персонажей, направленных на имплицитное выражение неприязни: «– Пренеприятнейшее известие. / – Возмутительное происшествие. / – В результате ошибки. / – По недоразумению. / – В некоторых упаковках “Twix” / – Случайно оказались / – Две правые палочки, / – Две левые палочки. / – Поспешите! / – На всех точно не хватит! / Две левые палочки “Twix”. Две правые палочки “Twix”. Попробуй обе и реши, на чьей стороне ты!». Дополнением к описываемым событиям и новым элементом сюжета можно считать спор подростка и работника фабрики во время экскурсии: «– Только убедившись, что все

левые палочки “Twix” достаточно хрустящие, мы покрываем их карамелью и шоколадом. / – Мы были на соседней фабрике, и правую палочку “Twix” делают точно так же! / – А здесь карамель для левой палочки “Twix” равномерно перемешивается при определенной температуре, чтобы... / – Чтобы сохранить ее неповторимый вкус. Так же как и для правой палочки “Twix”. / – Клейкая лента на правой фабрике тоже есть?! / “Twix”. Попробуй обе и реши, на чьей стороне ты!». В последнем из зафиксированных нами видеороликов, помимо имеющейся, содержится иная причина вражды (любовный треугольник) братьев: «Как-то раз Симус, один из создателей “Twix”, по уши влюбился, а Эрл, второй создатель, в тот же день потерял голову от любви. Светлый образ возлюбленной побудил Синуса создать “Twix” в белом шоколаде. Такое же вдохновение посетило и Эрла. Возможно, Синусу и Эрлу не повезло в любви, но всем нам повезло, что появился “Twix” белый шоколад». Сцепление данных текстов способствует образованию объемного произведения, в котором материал организуется в композиционном плане (завязка, развитие действия, кульминация, предполагаемая развязка) по типу глав в художественной литературе или отдельных серий в кинематографе с сохранением основного замысла, системы образов и незначительным изменением некоторых сюжетных линий и пространства (улица, фабрика, домашняя комната, парк) в зависимости от ситуации. Выявленные признаки свидетельствуют об отсутствии трансформации ключевых образов, становящихся постепенно узнаваемыми посредством продуктивного включения в медиадискурс.

В рекламе сыра «Arla Natura» основной текст имеет стихотворную форму и восходит к басне И.А. Крылова «Ворона и Лисица». Согласно сюжетной линии, ребенок, находясь на импровизированной сцене, репетирует с мамой начало театральной постановки («И тут Лиса близехонько бежала, / Но сырный дух Лису остановил»). В это время другие персонажи (девочка и мальчик в роли Лисы и Вороны соответственно) сидят за кулисами, отдыхают и пробуют сыр. В другом ролике следует логическое продолжение, в котором перед зрителями разыгрывается спектакль с сохранением художественного оформления (обстановка, место, поведение детей и мамы). В начале видеоряда поднимается занавес с надписью «Arla Natura представляет» и в самом низу появляется наименование источника («Ворона и Лисица», И.А. Крылов»), затем ребята в сценических костюмах завершают свое выступление («И на приветливы Лисицыны слова / Ворона каркнула во все воронье горло: / Сыр выпал! / Сыр выпал!, / Мораль сей басни такова, что вкусный сыр не падок на слова»). Необходимо заметить, что в данном языковом материале представлено сюжетное про-

должение первого ролика, его возможное заключение, которое хоть и соотносится с прецедентным текстом-источником, но изменено в смысловом аспекте. Именно событийное дополнение является основной чертой рассматриваемого вида текстов.

Таким образом, тексты-продолжения характеризуются сюжетным взаимопроникновением, единством действующих лиц, общим семантическим наполнением.

Специфика следующего вида речевых произведений заключается в том, что они порождаются посредством близких (реже идентичных) сюжетов и / ли образов, а также иногда лексических единиц, но имеют разную авторскую интенцию и в целом содержательную составляющую и, следовательно, рассматриваются как *тексты-дублиеты*. Сюжетно-образные дублиеты не могут замещать или дополнять друг друга в медиадискурсе, потому что направлены на рекламирование однородных (реже неоднородных) объектов разных марок и производителей.

Так, большинство реклам торговых продовольственных сетей используют образы спелых фруктов и овощей, специализированные магазины для животных – изображения кошек, собак и других домашних любимцев, а видеоролики лекарственных препаратов, как правило, оперируют близким сюжетом – большой излечивается при применении того или иного средства.

Еще более схожую художественную организацию имеют видеоролик молочной продукции «Простоквашино» и рекламный анонс интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?». В первом случае текстовое сопровождение (« – Собирайте коллекцию полосатых подарков от Простоквашино. / – Красота – страшная сила. / – Ой! / – Даже из тебя, Шарик, сделает человека. / – А, может, не надо, а? / – Надо, Шарик, надо. Эх! Футболочка загляденье. В хозяйстве пригодится») предполагает появление соответствующих прецедентных персонажей – кота Матроскина, Шарика, почтальона Печкина, коровы Мурки и птички, находящиеся в вымышленной Эдуардом Успенским местности, а во втором наблюдается функционирование этих же героев (кроме коровы и птички) с включением дяди Федора и его родителей и изменением концепции в целом (« – Наша квартира мне телевизионную передачу напоминает: “Что? Где? Когда?” называется. / – Это почему же? / – А не поймешь, что где валяется, и когда все это кончится! / – Ла-ла-ла, ла-ла-ла... (апелляция к песне мамы из мультфильма) / – Ну и что это?»). Анализ материала позволяет выявить единство системы прецедентных образов при принципиальном различии содержания и авторского замысла.

Обратимся к рекламе чистящих средств «Mr. Proper» и «Mr. Muscle» с однотипным наименованием и сюжетом. В обоих произведениях («Mr. Proper с детства видел, как нелегко было

его бабушке мыть пол стиральным порошком, а потом еще и смывать разводы водой. Говорят, именно это сподвигло его создать моющее средство с формулой без смывания. Оно удаляет даже самую стойкую грязь, не оставляет разводов и его не нужно смывать. И пол чистый, и бабушка довольна. “Mr. Proper”. Чистота – это его призвание» и «Жил-был мальчик, который решил создать совершенное чистящее средство для всех мам. И вот он представляет обновленный «Mr. Muscle» с технологией 5 в 1, которая объединяет в себе силу и последние научные достижения для победы над грязью и микробами. “Mr. Muscle”. Сила науки для чистоты») ребенок желает облегчить домашний труд близких ему людей (бабушки, мамы) и, повзрослев, осуществляет свою мечту. Однако образы героев отличаются друг от друга по внешним характеристикам (блондин и брюнет, белый и оранжевый костюм, наличие/отсутствие защитных очков). При этом во втором ролике, в отличие от первого, представлена технология разработки (химические колбы с жидкостью, смешивание веществ, проверка результата с помощью прибора) репрезентируемого товара и наблюдается пространственное перемещение (из дома в научную лабораторию) персонажа. Исходя из обозначенных признаков, можно констатировать реализацию внутрирекламной вторичности в текстах-дублетах и на содержательном, и на сюжетном уровне.

Таким образом, тексты-дублеты обладают схожей художественной (реже языковой) организацией, однотипными визуальными образами, похожим сюжетом и не соотносятся между собой в концептуальном аспекте, передавая различные намерения авторов.

Речевые произведения, содержащие лингвистические и экстралингвистические отсылки к сюжету и/или образу иного медиаматериала, относятся к *текстам-реакциям*. В подобного рода вторичных образованиях авторская интенция всегда направлена на отражение особенностей восприятия уже функционирующей рекламы, радиопрограммы, телепередачи (шоу, мультфильма, кинофильма и т. д.) посредством полемики, рассуждения, авторитетного разъяснения или коммерческого ответа. При этом апелляция может иметь языковое/неязыковое воплощение, что позволяет разграничить реакцию *речевую* и *поведенческую*. Достаточно часто наблюдает *контаминация* обозначенных подвидов посредством использования близких в лексическом и структурном аспекте языковых элементов и имитации однотипных выполняемых действий.

Например, в рекламном ролике гигиенических средств «Arko men» основной текст («Пена для бритья втридорога? С этим покончено! Новая формула “Arko men”. Это плотная густая пена, легкое нанесение, идеальное скольжение. И все это по очень привлекательной цене. “Arko men”. Луч-

ше для мужчин – есть!») содержит имплицитный намек на продукцию «Gillette» посредством трансформации слогана «Лучше для мужчины нет». Включение в видеоряд риторического вопроса («Пена для бритья втридорога?») для акцентирования внимания реципиента, а также графическое изображение объекта в форме флакона как менее выгодного товара другого производителя усиливают полемику. Через имплицитное сравнение обоих средств в данном материале наблюдается реализация речевой реакции, при этом сохраняются детали (флакон, пена для бритья) и характеристики персонажей (мужчины разного возраста), имеющих общую цель (выглядеть красиво и привлекательно) и выбирающих однотипные способы для ее достижения.

Обратим внимание на рекламу молочного продукта «Bio Max», в которой содержится дейктическая апелляция к ролику йогурта «Активиа». Согласно сюжетной линии, девушки, пришедшие в магазин, выступают в роли реципиентов и отвечают на вопрос («– Почему Вы выбрали именно этот йогурт?»). Одна из них указывает на танец известной фигуристки, представленный в видеоматериале напитка иной торговой марки («– Ааа... Я увидела “вот это” (имитирует движение из рекламы “Активиа”) и решила купить. Вот!»), а другая высказывает свое мнение по поводу рекламируемого объекта («А я увидела, что “Bio Max” тоже улучшает пищеварение, и он выгодный, и решила купить. Вот!»). Затем следует описание его основных качеств («Сделать разумный выбор несложно, потому что есть вкусный, полезный “Bio Max” с бифидобактериями, которые улучшают работу пищеварения. “Bio Max”. Разумный выбор по разумной цене») и заключительная реплика первой героини («– А почему ты мне раньше не сказала?»), которая, очевидно, убедилась в качестве товара и изменила свой выбор в пользу предлагаемой продукции. Подражание движениям прецедентного персонажа (Маргариты Дробязко) и использование одинаковых звуковых эффектов (латиноамериканская музыка) позволяет выявить специфику поведенческой реакции.

Рассмотрим рекламный текст «Банка Москвы» и сопоставим его с источником трансформации: «– Господин Верхошинский, Вы всегда на стороне телезрителей и к тому же банковский человек. Где сейчас лучше хранить свои сбережения? Подскажите правильный ответ? / – Конечно. Держать деньги надо не просто в известном банке, а в надежном, таком как “Банк Москвы”. Банк с государственным участием. И вам наверняка понравится наш новый вклад со ставкой до 15 % годовых. И это правильный ответ. А снять деньги можно досрочно и без потери процентов». Данный языковой материал отсылает читателя (слушателя) к интеллектуальному шоу «Что? Где? Когда?», так как строится посредством диалоговой

формы с учетом лексических, структурных и про-содических особенностей и предполагает наличие соответствующего художественного оформления. Действие происходит в телеклубе, где собираются все участники соревнований и ведущий задает вопрос Владимиру Верхошинскому, незамедлительно разясняющему преимущества банка. При этом внешность главного героя (внимательный взгляд, прическа, строгий черный костюм с бабочкой) и детали обстановки (игровой стол, кресла, сова) включены в материал в первичном виде. В рекламном тексте наблюдается контаминация речевых и поведенческих реакций и функционирование прецедентных феноменов.

Таким образом, наличие в одной рекламе собственно языковых и/или художественно-графических апелляций к другой, вводимых с целью соотносительного анализа, становится особенностью текстов-реакций.

Итак, сюжетно-образная вторичность в дискурсе средств массовой информации достаточно частотна и продуктивна. Во-первых, несамостоятельно порожденные тексты могут включать прецедентные феномены и оперировать измененной или исходной фабулой того или иного произведения. Во-вторых, особенности организации и взаимодействия нескольких медиатекстов обуславливают внутрирекламную вторичность, которая может быть разделена на виды. Каждый из них обладает

отличительными признаками: *тексты-циклы*, понимаемые широко (минимальный набор признаков циклообразования) и узко (несколько циклообразующих признаков), имеют одни и те же образы и/или сюжеты, общую авторскую интенцию, но событийно не дополняют друг друга, *тексты-продолжения*, напротив, совмещают в себе единство замысла и развитие сюжетных линий посредством сцепления в одно целое, *тексты-дубли* различаются концепцией, но при этом предполагают использование однотипной художественной организации (похожие образы и сюжеты), *тексты-реакции* (*речевые и/или поведенческие*) предусматривает возникновение разного рода апелляций к функционирующему медиаматериалу. Разумеется, приведенная классификация вторичных образований рекламного дискурса достаточно условна, не является окончательной и может быть дополнена при возникновении новых текстовых единиц.

Библиографический список

1. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. – С. 81–104.
2. Первухина С.В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Филология / гл. ред. В.Н. Скворцов. – СПб., 2012. – Вып. 2. – Т. 1. – С. 116–124.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРОСОДИИ КАК ОСНОВА КРАСНОРЕЧИЯ

В статье рассматривается фонетическая составляющая ораторского красноречия. В центре внимания автора вариативность просодии в современной англоязычной публичной речи. В русле дискуссии о разграничении «красноречия» и «риторики» автор обосновывает необходимость изучения просодических средств, обеспечивающих экспрессивность речи и ее эстетическую ценность. Выбор оптимальных средств выражения, в том числе и просодических, на этапе исполнения публичной речи регулируется принципами разнообразия и уместности. Рассмотрение вариативности просодии в данном ракурсе предполагает, что в сферу изучения включаются общие закономерности голосового поведения, обеспечивающие комфортное взаимодействие оратора и аудитории, а также интонационные средства, придающие речи выразительность. На основании данных, полученных автором в ходе анализа образцов современной британской публичной речи, показано, что установка на коммуникативное сотрудничество оратора и аудитории проявляется в особой манере исполнения, при которой экспрессивность сочетается с естественностью. В статье представлен анализ некоторых просодических параметров, значимых для формирования красноречия: громкости, скорости речи и паузации, мелодических характеристик. Показано, что особая комбинаторика просодических параметров, речевой голос, а также просодические контрасты обеспечивают эффективное взаимодействие между участниками дискурса. Изучение просодического аспекта красноречия имеет особое значение для развития культуры речевого общения в рамках межкультурной коммуникации, поскольку благозвучность речи является одним из важных компонентов социокультурной компетенции.

Ключевые слова: красноречие, риторика, просодия, вариативность, уместность, просодический контраст, экспрессивность.

Звучающая речь обладает мощным потенциалом воздействия. Это ее свойство изучается и обсуждается на протяжении столетий, начиная с античных трактатов по риторике до современных исследований в области прагмафонетики и фоностилики. Несмотря на многовековую традицию изучения фонетической составляющей ораторского красноречия, проблема не утратила своей актуальности и социальной значимости. В первую очередь это обусловлено тем, что изменения социокультурных условий коммуникации привели к изменению представлений об эффективности речи и критериях красноречия. Необходимо также отметить, что привлечение данных фонетических исследований, опирающихся на современные методы анализа и интегрирующих накопленные наблюдения над звучащей речью, дает новый ракурс изучению фонетической стороны красноречия.

Вопрос о необходимости разграничения «риторики» (речи, направленной на убеждение) и «красноречия» (речи как источника красоты), восходящий к риторической системе Квинтилиана, обсуждается и современными учеными. Так, Д. Кристал подчеркивает, что убеждение является лишь одной из функций красноречия (eloquence), которое не следует отождествлять с риторикой (rhetoric): «We need eloquence in order to persuade, but we don't need to be persuading someone in order to be eloquent. With rhetoric, the focus is always on the intention, whatever that may be... Eloquence operates regardless of the intention behind it» [5, с. 17]. Аналогичные идеи высказывает и М.Я. Блох, выделяющий в теории риторики два четко выраженных направления: «Предметом узкого направления остается ораторское красноречие, первоначальное

учение о котором было провозглашено в глубокой древности. Предметом широкого направления стала убеждающая речь, и даже еще шире – убеждающее общение во всех своих формах и разновидностях» [2, с. 5–6].

В то же время в современных исследованиях (включая и работы самого Д. Кристала) красноречие изучается на материале публичной речи, т. е. риторического дискурса, направленного на убеждение. Это, на наш взгляд, свидетельствует о тесной взаимосвязи красноречия и риторики, которые не всегда можно разграничить в теоретическом и особенно в прикладном аспекте. Представляется, однако, что обращаясь к красноречию (а не к риторике), мы должны учитывать следующие специфические характеристики: во-первых, эстетический компонент, а, во-вторых, тот факт, что красноречие предполагает поиск оптимальных средств выражения на этапе исполнения публичной речи. Таким образом, при рассмотрении фонетической составляющей красноречия в центре внимания проблема выбора фонетических средств, обеспечивающих выразительность речи и ее привлекательность для слушателей.

Как известно, еще в античной риторике были сформулированы два главных принципа, регулирующих выбор просодических средств в публичной речи: разнообразие и уместность. Дионисий Галикарнасский (55–8 гг. до н.э.), описывая речь как источник «красоты и приятности», подчеркивал, что «приятной и красивой становится речь благодаря следующим четырем решающим и важнейшим вещам: мелодии, ритму, разнообразию и, наконец, уместности, соответствующей каждому из этих трех качеств» [1, с. 181].

Безусловно, современный риторический курс существенно изменился и в структурно-содержательном, и в стилевом плане, что отражено и в терминах, которые используются для его обозначения. В понятии «ораторская речь» (oratory) подчеркивается роль говорящего, оратора, «публичная речь» (public speech) – речь, ориентированная на аудиторию (публику), в понятии «презентация» (presentation) акцент делается не на участниках дискурса (ораторе и аудитории), а на самом сообщении, точнее на информации, которую оно содержит.

Возникает вопрос, повлияли ли эти изменения на интерпретацию понятия «красноречие», а также на то, какие просодические характеристики речи формируют основу современного красноречия. В статье представлены некоторые наблюдения, полученные автором в ходе анализа образцов публичных выступлений в исполнении британских ораторов. В качестве материала использовались аудиозаписи лекций, записанных непосредственно в момент их исполнения в рамках проекта TED (www.TED.com). Как известно, в данном проекте участвуют опытные ораторы, речь которых может служить образцом современного красноречия.

Анализ просодической составляющей красноречия по существу включает два плана описания: выявление общих закономерностей естественного голосового поведения, обеспечивающих комфортное взаимодействие оратора и аудитории, и рассмотрение тех приемов или интонационных техник, которые создают определенные голосовые эффекты и придают речи выразительность.

Характерная для современной публичной речи установка на коммуникативное сотрудничество оратора и аудитории проявляется в особой манере ее исполнения, при которой экспрессивность сочетается с естественностью. По мнению Д. Кристала, в этом и состоит цель красноречия («Speaking impressively, but naturally, is the goal of eloquence») [5, с. 132]. В реализации данной цели участвуют все компоненты просодии: мелодика, громкость, темпоральные характеристики. Характерно, что выбор просодических средств в рамках каждого из компонентов осуществляется или должен осуществляться в соответствии с нормами красноречия таким образом, чтобы удовлетворять требованиям разнообразия и уместности. Важное замечание делает по этому поводу П. Сергеев в своем знаменитом труде «Искусство речи на суде», опубликованном в 1910 году и заложившем основы современного юридического красноречия: «Какая речь лучше, быстрая или медленная, тихая или громкая? – Ни та, ни другая, хороша только естественная, обычная скорость произношения, то есть такая, которая соответствует содержанию речи, и естественное напряжение голоса» [3, с. 59].

Так, громкость (или звучность голоса в риторической терминологии) является важнейшим сред-

ством донесения сообщения до слушателей. Под звучностью понимается регулируемая мощность голоса, которая меняется в зависимости от размера аудитории, расстояния между оратором и аудиторией и риторических задач. Звучность связывают с такими психо-физиологическими качествами оратора, как активность, энергичность, живость. Очевидно, что недостаточный уровень громкости заставляет слушателей напрягаться, в то время как излишняя (форсированная) громкость может их утомлять и даже раздражать, создавая впечатление вторжения в личное пространство. Постоянный уровень громкости на протяжении всего выступления может приводить к потере контакта с аудиторией. Степень громкости должна варьироваться, причем ее уменьшение может быть столь же значимым, как и увеличение. В частности, переход к неформальной разговорной тональности общения обычно маркирован снижением громкости.

Уместность и вариативность как фундаментальные риторические принципы регулируют и темпоральный компонент. Как правило, рекомендуется придерживаться такой скорости, которая бы обеспечивала оптимальное понимание. Излишне торопливая речь свидетельствует о небрежности, неуверенности или излишней эмоциональности оратора, слишком медленная речь может быть результатом некомпетентности или плохой подготовки. В целом для публичной речи характерен более медленный темп реализации, чем для повседневной разговорной речи, что обусловлено спецификой риторического дискурса, в частности, условиями общения (размером аудитории, дистанцией между участниками дискурса), содержанием выступления и другими факторами. При этом изменения скорости придают речи выразительность и способствуют поддержанию контакта между оратором и аудиторией. Общеизвестно, что модификации скорости речи должны соответствовать содержанию выступления: медленный темп используется на наиболее информационно насыщенных участках текста, а также как сигнал высокой степени риторического давления на слушателей.

Красноречие связано и с уместностью использования пауз. Как известно, паузы обладают большим риторическим потенциалом и выполняют в публичном выступлении целый ряд функций: паузы обеспечивают физиологические механизмы говорения, осуществляют членение звучащего текста, выделяют особенно важные в смысловом отношении участки текста, участвуют в ритмической организации публичной речи, дают возможность оратору оптимальным образом организовать сообщение, способствуют поддержанию контакта. Чередование пауз различной длительности обеспечивает выразительность речи.

В связи с тем, что одним из признаков красноречия является естественность, а современный

риторический дискурс отличает неформальность, особое значение приобретают паузы хезитации. Паузы хезитации полифункциональны: они могут использоваться в ходе речевого планирования (самокоррекция, подыскивание слова), могут являться индикатором физического и психологического состояния оратора, могут выступать как средство контакта. В современном британском риторическом дискурсе паузы хезитации как маркер неофициальности, непринужденности, спонтанности общения участвуют в формировании разговорной тональности. Иными словами, паузы хезитации могут использоваться как прием, но и в данном случае принцип уместности ограничивает их использование в публичной речи.

В следующем фрагменте лекции можно проследить описанные выше тенденции.

So, we're really fascinated with body language, // and we're particularly interested in / other people's body language. // (lento, forte). You know, / we're interested in, / like, / you know /...er... / an awkward interaction, / or a smile, / or a contemptuous glance, / or maybe / a very awkward wink, // or maybe even something like a handshake. /// (allegro, diminuendo).

В первом высказывании отмечается высокая громкость и медленный темп, во втором высказывании скорость увеличивается, а громкость постепенно снижается. Во втором высказывании присутствует целый ряд маркеров «разговорности»: дискурсивные маркеры (*like, you know*), а также вокализованные и невокализованные паузы хезитации. Длительность пауз варьируется от коротких до длительных. Отметим также эмфатическую паузу в первом высказывании.

Описание тональных (мелодических) характеристик, которые ассоциируются с красноречием, строится, как правило, вокруг таких параметров, как диапазон голоса и мелодический репертуар. Сама специфика публичной речи требует от говорящего высокой степени голосовой энергии, а это, в свою очередь, проявляется в значительной тональной вариативности. Широкие голосовые модуляции и разнообразие интонационных структур придают речи экспрессивность. При этом следует отметить, что разнообразие в «интонировании» речи предполагает в то же время соответствие выбора мелодического оформления содержанию. «Поскольку аудитория слышит текст всего один раз, любой недостаток интонирования опасен, а серьезный недостаток может привести к катастрофическим последствиям. Отсутствие интонации не так опасно, как неправильная интонация» [6, с. 38–39].

Приведенный ниже фрагмент лекции предвзвешивает одну из ключевых идей всего выступления. Выбор просодического оформления обусловлен стремлением оратора привлечь внимание слушателей, заинтересовать их, придать драматизм общению:

I'd ~like to >suggest/ that there are \four/ 'really |powerful \cornerstones/ \foundations/ that we can \stand on/ if we →want our 'speech/ to be \powerfull/ and to \make 'change in the \world.//

В данном фрагменте отмечается расширение тонального диапазона. Используются такие эмфатические ядерные тоны, как высокий нисходящий и нисходяще-восходящий. Использование послонного акцентирования в сочетании с выраженным замедлением темпа, а также увеличение длительности пауз создают эффект ожидания.

Очевидно, что этом случае сложно провести разграничение между «красивым» («благозвучным») и риторическим, т. е. предназначенным для воздействия. Вся комбинаторика просодических параметров увязывается, с одной стороны, с содержанием сообщения, а с другой стороны, с ситуацией общения, иными словами, с необходимостью обеспечить оптимальное взаимодействие между участниками дискурса.

Как показывает проведенное автором исследование просодического строя современной британской академической публичной речи [2], а также наблюдения, сделанные в ходе анализа образцов публичных выступлений в рамках проекта TED, варьирование просодических средств в ораторской речи формирует просодические контрасты. Контрасты, реализуемые за счет сложной комбинаторики различных просодических параметров, могут проявляться в рамках фразы, диктемы и всего текста. В числе многочисленных функций подобных контрастов в связи с обсуждением просодической составляющей красноречия следует выделить их экспрессивный потенциал, а также их роль в обеспечении контакта. Известно, что резкое изменение звукового сигнала (увеличение или уменьшение громкости или скорости, расширение или сужение тонального диапазона, увеличение длительности паузы, «риторическое молчание») активизирует внимание слушателей. Это действие просодического контраста основано на психологическом механизме нарушения ожиданий слушающих. Умелое и уместное использование просодических контрастов входит в арсенал приемов, формирующих красноречие.

В представленном ниже фрагменте из популярной лекции “How to speak so that people want to listen” (лектор Julian Treasure) описывается роль контрастного изменения скорости речи и риторических пауз в публичном выступлении. При этом оратор иллюстрирует это положение, демонстрируя сначала резкое увеличение, затем замедление темпа, а также использование сверхдлительной риторической паузы.

Pace. // I can get very, very excited by saying something really, really quickly, (allegro) // or I can slow right down to emphasize (lento) //, and at the end of that, of course, is our old friend silence. ///

There's nothing wrong with a bit of silence in a talk, / is there?// We don't have to fill it with ums and ahs. // It can be very powerful.///

Красноречие ассоциируется и с особенностями речевого голоса оратора, которые придают речи дополнительную fascinatивность. Как известно, речевой голос раскрывает информацию о личности говорящего (его физиологических, психоэмоциональных, социальных характеристиках) и воздействует на оценочные реакции слушающего. Речевой голос – многокомпонентное явление, включающее качество голоса, интонацию, тембр голоса, голосовые модуляции и тон голоса, способствует формированию неповторимой манеры речи, делает выступление ярким и запоминающимся.

Изучение просодического аспекта красноречия имеет особое значение для развития культуры речевого общения в рамках межкультурной коммуникации. Анализируя роль интонации в межкультурном общении на английском языке, Т.И. Шевченко выделяет в числе важнейших компонентов социокультурной компетенции способность «обеспечить доступность смысла сообщения в благозвучной форме» [4, с. 207]. Это означает, что благозвучная, т. е. красиво звучащая речь соотносится не только с эстетической ценностью, но и с оптимизацией общения.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что красноречие предполагает не только высокую сте-

пень сформированности фонетических навыков и богатство просодического репертуара, но и способность применять их с определенными целями в процессе коммуникации. Представляется, что разграничение эстетического и риторического компонента просодии публичной речи не вполне оправдано. Красивая, благозвучная, выразительная речь высоко оценивается слушающими, и по существу способствует реализации эффективного взаимодействия участников общения.

Библиографический список

1. Античные риторика. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 351 с.
2. Блох М.Я., Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодический строй. – М.: Прометей, 2011. – 235 с.
3. Сергеев П. Искусство речи на суде. – М.: Госториздат, 1960. – 272 с.
4. Шевченко Т.И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М.: URSS, 2016. – 236 с.
5. Crystal D. The Gift of the Gab. How Eloquence Works. New-Haven and London: Yale University Press, 2016. – 243 p.
6. Joos M. The Five Clocks. – NY: Harcourt, Brace and World Inc., 1967. – 108p.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ИНТОНАЦИИ

В статье представлены результаты инструментального и аудиторского анализа китайской интонации в сравнении с английской. Просодические средства китайского языка рассмотрены не только с точки зрения смысловозначительных тонов слогоморфемы, но и с точки зрения передачи коммуникативной интенции. На основании слухового анализа отобраны типичные образцы речи носителей исследуемых языков, супraseгментно оформленные с использованием всех тонов и представляющие основные коммуникативные типы высказываний. Частотно-временные характеристики исследованы с помощью программы «Speech Analyzer». В статье представлены иллюстрирующие интонограммы. Проведен перекрестный аудиторский анализ восприятия стимульных фраз. Контрастивный анализ показал наличие как общих, так и различительных просодических характеристик речи в контактирующих языках. Эти характеристики могут проявляться как в виде интерференции, так и в виде положительного переноса производительных навыков с родного языка на изучаемый. Проведенное сопоставление релевантно в ситуации обучения английской интонации студентов из КНР и при обучении китайскому языку носителей английского языка.

Ключевые слова: фонетика, просодия, интонация, тон, китайский язык, английский язык, сопоставительный анализ.

Под интонацией в широком смысле обычно понимают такие просодические средства, как мелодика речи (изменение частоты основного тона голоса – ЧОТ), регистр (средний диапазон голоса и среднедикторский уровень произнесения), ударение, ритм, паузация, темп речи. Все эти характеристики определяются свойствами речевого аппарата человека и восприятием звукового сигнала, что обуславливает их универсальность. Однако во многих языках фонологические системы, сложившиеся в определенное время в определенных культурах, накладывают некоторые ограничения на универсальный частотный код. По мнению некоторых ученых, частотный код универсален не только для человеческих языков, но и для языка животных (этологическая теория) [4]. Просодические средства в китайском и английском языках, несмотря на то, что эти языки принадлежат к совершенно разным языковым группам (романо-германской и сино-тибетской с одной стороны и языкам фонемного и слогового строя с другой), во многом схожи. Из всех просодических средств мы рассмотрим прежде всего частотные и темпоральные характеристики. Анализ поводится по методике, разработанной в Санкт-Петербургской фонетической школе, и состоит из трех этапов: 1) слуховой контрастивный анализ двух фонологических систем; 2) инструментальный (осциллографический) анализ образцов речи, записанных носителями языка; 3) аудиторский анализ – реакция носителей языка на фонетические стимулы. Слуховой инструментальный анализ частотно-временных характеристик речи проведен с помощью программы «Speech Analyzer» [5], слуховой и аудиторский анализ – при содействии студентов иностранного бакалавриата СПбГУ, носителей китайского языка.

Тон в китайском языке

Известно, что в китайском языке тон, будучи супraseгментной характеристикой, выполняет

смысловозначительную функцию, являясь неотъемлемым атрибутом слога. Тоны используются для того, чтобы определить значение иероглифа. Например, zhī («знать»); zhí («прямой»); zhǐ («бумага»); zhì («делать») [3]. В английском языке ядерный тон не может влиять на значение морфемы. Однако в китайском языке в зависимости от тона изменяется и эмоциональная окраска высказывания. Коммуникативное же значение интонации в основном описывается как изменение регистра или произнесение последнего слога высказывания. Регистровые изменения сами по себе могут служить индикатором коммуникативного и эмотивного значения высказывания. Крупнейший отечественный китаист нашего времени Н.А. Спешнев в свое время писал: «Общее смещение регистра вверх с некоторым дополнительным повышением в самом конце предложения наблюдается при выражении удивления, вопроса или сомнения, восклицания, переспроса, приказа. Например: *zen³me⁰?/Ni³ yi⁴ dian² ye³ bu⁴ zhi¹dao⁴?* (Как? Ты ничего не знаешь?).

Постепенное понижение регистра характерно для выражения восклицания, просьбы, серьезноторжественной интонации, убежденности. Рассмотрим несколько примеров:

Yi²zhen⁴feng¹/chui¹guo⁰lai⁰/hao³liang²kuai⁰! (Подул ветерок, как прохладно!);

Lao³Zhang¹,/hai²shi⁰yuan²liang⁰ta¹la⁰ (Старина Чжан, прости уж ego!);

Tong²zhi⁴men⁰/sheng⁴li⁴/hai¹shi⁰shu³yu²wo³men⁰de⁰! (Товарищи, победа все равно будет за нами) [2, с. 104–106].

Однако не только регистровые изменения, но и сами слоговые модуляции могут передавать, по нашему мнению, коммуникативное и эмотивное значение высказывания, если они не входят в противоречие со смыслом слогоморфемы.

При обучении китайцев интонации английского языка преподаватель может ориентироваться как

на общие регистровые изменения в речи, так и на собственно тоны (в китайском – слоговые, в английском – ядерные, то есть мелодику ударного слога главного по смыслу слова синтагмы).

В китайском языке 4 тона. Условное обозначение тонов выражается цифрами от 1 до 5, отражающими уровень тона. Н.А. Спешнев описывал китайские тоны следующим образом: «Первый тон – ровный тон высокого регистра (200 Гц), обозначается как 5-5. Второй тон также относится к тонам высокого регистра. Это восходящий тон с исходной точкой на уровне цифры 3 и конечной точкой на уровне цифры 5 (140–200 Гц). Наиболее контрастным по сравнению с первым тоном является третий тон. Это низкий по регистру тон, имеющий ровное начало и восходящий конец. Иногда наблюдается некоторое движение мелодики вниз в самом начале звучания (120–100–180 Гц). Однако на слух это слабое движение вниз не ощущается, и поэтому практически можно считать, что третий тон начинается с ровной низкой мелодики и должен быть обозначен как 1-1-4. Четвертый тон в китайском языке характеризуется нисходящей интонацией от наивысшего уровня к самому низкому (200–100 Гц), что графически может быть обозначено цифрами 5-1. Четвертый тон относится к высокому регистру [2, с. 17–18].

Сравнительный анализ тонов китайского и английского языков

В английском языке насчитывается 7 ядерных тонов: 1) низкий нисходящий тон (Low Fall); 2) высокий нисходящий тон (High Fall); 3) низкий восходящий тон (Low Rise); 4) высокий восходящий тон (High Rise); 5) нисходяще-восходящий тон (Fall-Rise); 6) восходяще-нисходящий тон (Rise-Fall); 7) ровный тон (Mid-Level) [4].

В китайском языке первый тон: интонация ровная, выражает нерешительность, неожиданную остановку, используется для представления и объяснения без выражения чувств, но также может звучать торжественно, печально, апатично и передавать другие чувства.

Например: 这件事与我无关 → *Zhè jiàn shì yǐ wǒ wúguān* (Это не имеет ничего общего со мной).

В английском языке также существует ровный тон (Mid-Level), и в разговорной речи он тоже выражает нерешительность, неожиданную остановку, незначительность синтагмы или нежелание ее акцентировать.

Например: → *Fine*.

Кроме того, этот тон используется при разговоре на расстоянии.

Второй тон в китайском языке похож на низкий восходящий тон (Low Rise) в английском языке. Как правило, он используется, чтобы выразить сомнение, вопросительность, удивление и т. д.

Например: *He is a student, ↗ isn't he?*

他是个学生, ↗ 不是么? *Tā shìgè xuéshēng, bùshì me?*

Are you quite ↗ sure?

你非常 ↗ 确认么? *Nǐ fēicháng quèrèn me?* ↘

В китайском языке восходящий тон также используется для обозначения специальных вопросов. В противовес этому в английском языке специальные вопросы оформляются нисходящим тоном:

Например: *What's the ↘ time now?*

现在几点 ↗ 了? *Xiànzài jǐ diǎn le?*

Третий тон в китайском языке обычно начинается с падения и продолжается подъемом (нисходяще-восходящий). Этот тон используется для обозначения иронии, сарказма и упрёка.

Например: 你真厉害呀! ↘ ↗ *Nǐ zhēn lìhài ya!*

Вы такой могучий (сильный)! (ирон.)

Похожий тон в английском языке – нисходяще-восходящий (Fall-Rise) – служит для выражения большой степени незавершенности, неуверенности, а также вежливости (в вежливых поправках), для передачи сомнения, противоречия, контраста и упрёка.

Например: *Try not to be late (even if it's difficult).*

I hope you will be able to come (even if it's doubtful).

You are so ↗ clever! (It means you are stupid.)

Нисходящий тон (четвертый тон) в китайском языке обычно используется для утвердительных, восклицательных, императивных высказываний.

Например: 你今天好 ↘ 漂亮! *Nǐ jīntiān hǎo piàoliang!*

How ↘ beautiful you are!

Ты такая красивая!

↘ 关上收音机! *Guān shàng shōu yīn jī!*

Turn off the radio!

Выключите радио!

В английском языке существует похожий высокий нисходящий тон (High Fall). Он также может использоваться для утвердительных, восклицательных, императивных высказываний. Разница состоит в том, что он используется и в специальном вопросе.

Например:

When did you ↘ come?

Итак, при слуховом анализе относительная общность наблюдается между следующими китайскими и английскими тонами:

– первым тоном в китайском и ровным тоном в английском;

– вторым тоном в китайском и низким восходящим тоном в английском;

– третьим тоном в китайском и нисходяще-восходящим тоном в английском;

– четвертым тоном в китайском и высоким нисходящим тоном в английском языке.

Инструментальный анализ английских и китайских интонационных единиц

Материалы для эксперимента (высказывания на английском языке, содержащие все основ-

ные интонационные единицы) были записаны на электронный аудионоситель профессиональным диктором из Великобритании. Дикторские характеристики: женский голос, среднедикторский уровень – 270 Гц. Различия уровневых характеристик тонов (Low Fall – High Fall, Low Rise – High Rise) определялись относительно среднедикторского уровня в диапазоне 270 Гц + 20 Гц.

Было отобрано 18 английских высказываний, содержащих 5 коммуникативных типов: утверждение, общий вопрос, специальный вопрос, побудительные высказывания, восклицательные высказывания. Каждый коммуникативный тип представлен разными интонационными типами (тоногруппами). Измерялся частотный диапазон ядерного тона и временные характеристики. Примеры интонограмм представлены на рисунках 1–6.

Китайские примеры для эксперимента были записаны на электронный аудионоситель профессиональным диктором из Китая. Дикторские характеристики: женский голос, среднедикторский уровень – 200 Гц. Примеры интонограмм представлены на рисунках 7–10.

Результаты инструментального анализа, отражающие средние данные по реализациям тонов китайского и английского языков, представлены в таблицах 1 и 2 (где ΔF – диапазон частотных изменений; T – время; V – скорость изменения частоты).

Анализ данных показывает, что по сравнению с английскими тонами все китайские тоны, кроме первого (ровного), реализуются как более сглаженные, изменение частоты происходит медленнее. Английские тоны отличаются большей «крутизной» и большим диапазоном изменения частоты основ-

Рисунок 1. «Do you have a pencil?» (Low Rise).
Частотные характеристики тона: подъем от 260 Гц до 350 Гц за 200 мсек.

Рисунок 2. «What? You lost my money?» (High Rise).
Частотные характеристики тона: подъем от 240 Гц до 430 Гц за 400 мсек.

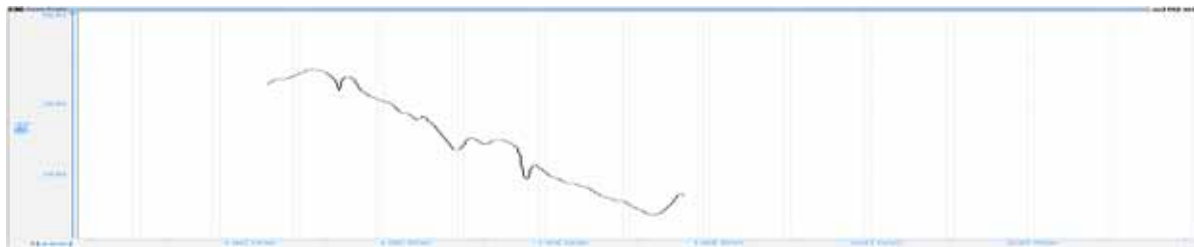

Рисунок 3. «Turn down the radio!» (Low Fall).
Частотные характеристики тона: падение от 220 Гц до 130 Гц за 350 мсек.

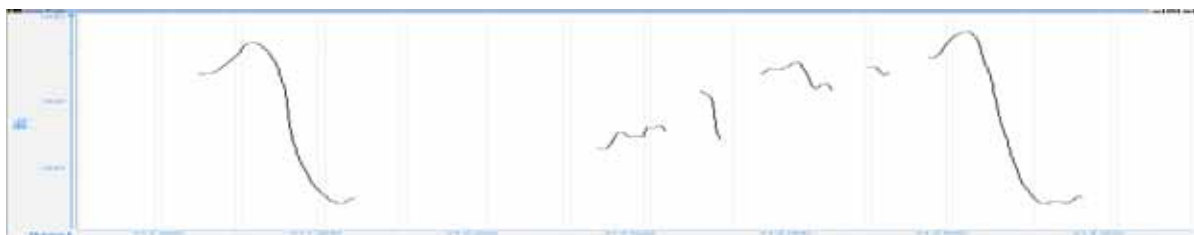

Рисунок 4. «Hi! What a surprise to see you!» (High Fall).
Частотные характеристики тона: падение от 460 Гц до 140 Гц за 200 мсек.

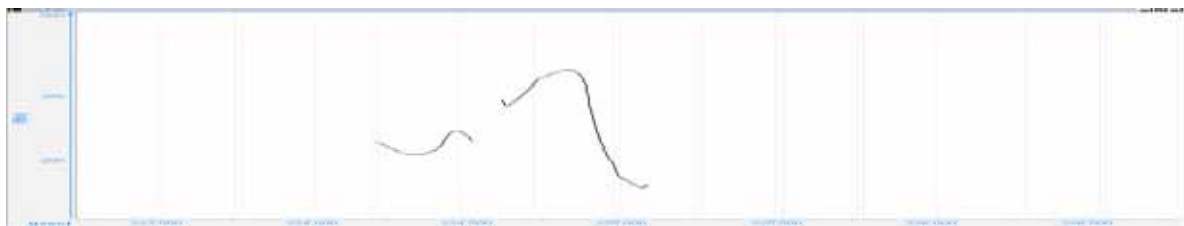

Рисунок 5. «She's nice» (Rise-Fall).

Частотные характеристики тона: подъем от 270 Гц до 340 Гц за 200 мсек, затем падение от 340 Гц до 160 Гц за 200 мсек.

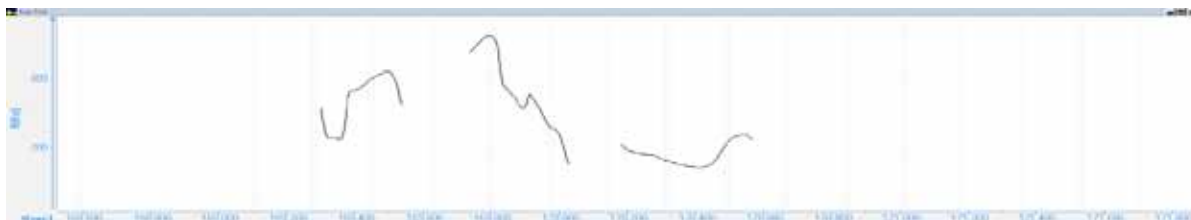

Рисунок 6. «That could be true» (Mid-Level).

Частотные характеристики тона: подъем от 200 Гц до 210 Гц за 350 мсек.

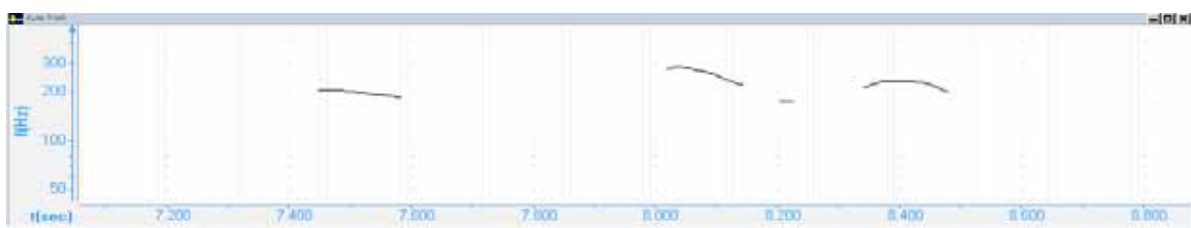

Рисунок 7. «Wǒ 'bú zài yì» (первый тон).

Частотные характеристики тона: падение от 200 Гц до 190 Гц за 150 мсек.

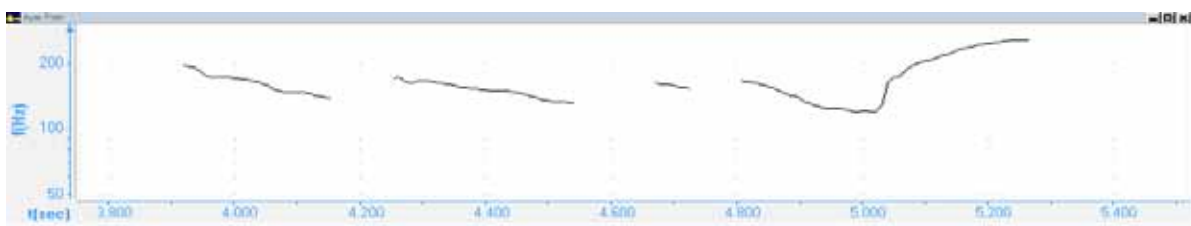

Рисунок 8. «Shì wǒ de cuò!» (третий тон).

Частотные характеристики тона: падение от 200 Гц до 120 Гц за 300 мсек, затем подъем от 120 Гц до 270 Гц за 300 мсек.

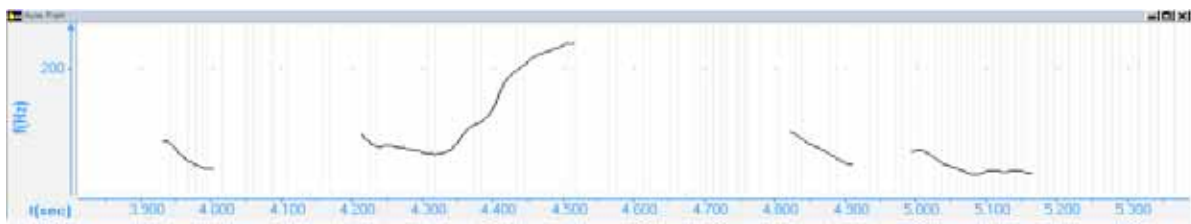

Рисунок 9. «Nǐ zhēn cōng míng» (второй тон).

Частотные характеристики тона: подъем от 150 Гц до 250 Гц за 300 мсек.

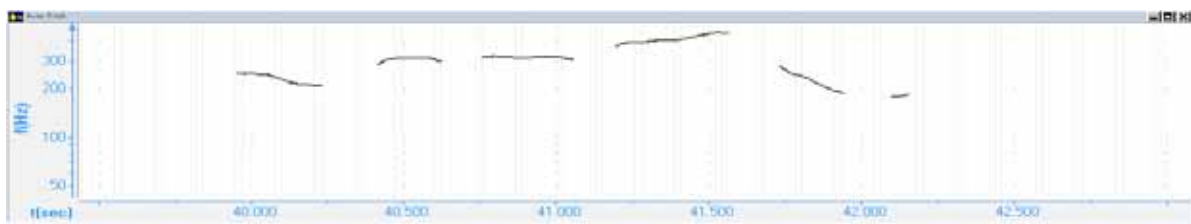

Рисунок 10. «Nǐ jīn tiān' zhēn piào liàng!» (четвертый тон).

Частотные характеристики тона: падение от 350 Гц до 200 Гц за 700 мсек.

Таблица 1

Реализация тонов китайского языка

Китайский тон	ΔF , Гц	T, мсек	V, Гц/мсек
Первый тон	10	287,5	0,035
Второй тон	132,5	412,5	0,321
Третий тон	70	200	0,35
Четвертый тон	156	450	0,347

Таблица 2

Реализация тонов английского языка

Английский тон	ΔF , Гц	T, мсек	V, Гц/мсек
Mid-Level	7,5	315	0,02
Low Fall	160	364	0,439
Low Rise	160	367	0,436
High Fall	210	332	0,632
High Rise	205	337	0,608

Таблица 3

Восприятие английской интонации китайцами

Пример	1-й тон	2-й тон	3-й тон	4-й тон
Kitty doesn't know Spanish (Low Fall)				10
Tom is a journalist (Low Fall)				10
Do you have a pencil? (Low Rise)		10		
What can I do for you? (Low Fall)				10
Do the task by yourself! (High Fall)				10
How beautiful the flowers are! (High Fall)				10
I like fishing (High Fall)	1			9
I can't eat anything (Rise Fall)				10
What a gorgeous car! (Low Fall)				10
Is he a student? (High Rise)		10		
What? 'You lost 'my money? (High Rise)		10		
Mrs Smith, this is Annie, my niece (High Fall)				10
Call him right now! (High Fall)				10
How is your life? (High Fall)				10
What's the time now? (High Fall)				10
Turn down the radio! (Low Fall)				10
Hi! What a surprise to see you! (High Fall)				10
She's nice (Rise-Fall)				10

ного тона (ЧОТ), изменение происходит быстрее. Средняя скорость изменения ЧОТ в китайском языке на 0,31 Гц/мсек медленнее, чем в английском.

Что касается ровного тона, то в английском языке он более длительный, чем в китайском, и модуляций частоты в нем меньше.

Аудиторский анализ

Было проведено два эксперимента на восприятие.

Цель первого эксперимента: определить, как воспринимают английскую интонацию носители китайского языка, находят ли они в ней общее и отличное.

Методика эксперимента: английский материал был представлен в качестве стимулов для носителей китайского языка, не владеющих английским языком (10 человек). Слушая английские примеры,

они должны были выбрать, на какой из китайских тонов похожа интонация английского высказывания. Результаты эксперимента представлены в таблице 3. Цифрой обозначено количество ответов.

90 % китайцев правильно ответили на вопросы анкеты. Такой высокий процент опознания подтверждает предположения, сделанные нами по слуховому анализу, и позволяет сделать вывод, что универсальность частотного кода наблюдается даже при сопоставлении неблизкородственных языков. Следовательно, при обучении китайцев английской интонации преподаватель может опираться на их родной язык.

Цель второго эксперимента – ответить на вопрос: можно ли определить с помощью интонации коммуникативный тип высказывания, не зная языка.

Материал эксперимента: 16 английских и 16 китайских высказываний следующих коммуникативных типов: утверждения, общие вопросы, специальные вопросы, императивы, восклицательные и ироничные высказывания. В эксперименте участвовали 5 испытуемых – носителей китайского языка, которые прослушивали английскую речь, и 5 испытуемых – носителей английского языка, прослушивавших китайскую речь. Китайцы не знали английский язык, англичане не знали китайский. Испытуемых просили определить коммуникативный тип высказывания по звучанию.

Результаты определения коммуникативного типа высказываний у китайских испытуемых оказались правильными на 65 %. Ошибки касались в основном опознания интонации специального вопроса. Все пять китайских испытуемых неправильно определили английские специальные вопросы. А все английские испытуемые определили китайские специальные вопросы как общие вопросы. 70 % английских испытуемых правильно определили остальные фразы, сделав только несколько ошибок. Ошибки касались ироничного высказывания. Например, китайское высказывание «*Nǐ dǒng de zhēn duō*» 2 из 5 английских испытуемых определили как специальный вопрос. Ирония была не всегда прочувствована и китайцами. Английское высказывание «*You know “everything!”*» 3 из 5 китайских испытуемых определили как повествовательное.

Заключение

Обычно считается, что основная функция тона в китайском языке – это дифференциация значения слоговой морфемы. Однако, как показало наше исследование, тон в китайском языке обладает и коммуникативной функцией, то есть передачей коммуникативного типа высказывания, как и интонация в английском языке. При этом испытуемые

правильно определяют коммуникативный тип высказывания, не зная языка, что указывает на универсальный характер частотного кода. Это предположение было высказано нами ранее на материале других неблизкородственных языков [1]. Поэтому при обучении английской интонации китайцев преподаватель-фонетист может опираться на просодические характеристики их родного языка. Различия в интонации схожих тонов важны на уровне реализации их в речи. Так, диапазон китайских тонов по сравнению с английскими тонами меньше, длительность и скорость изменения ЧОТ больше.

Примечание

Автор благодарит Ли Цзыбо и других китайских студентов иностранного бакалавриата СПбГУ за помощь в проведении экспериментов и сборе данных.

Библиографический список

1. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ речи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. – 291 с.
2. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. – Л., 1980. – 142 с.
3. Фонема и тон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hieroglyphs.ru/phonema_i_ton.html (дата обращения: 28.03.2014).
4. O'Connor J.D., Arnold G.F. Intonation of Colloquial English. – London, 1973.
5. Ohala J.J. Sound Symbolism [Electronic resource] / Leanne Hinton, Johanna Nichols, John J. Ohala (eds). – Cambridge University Press, 1994 [Electronic resource]. – URL: <http://bookre.org/reader?file=1469022&pg=5> (accessed: 25.08.2016).
6. Speech Analyzer [Electronic resource]. – URL: <http://speech-analyzer.software.informer.com/> (accessed: 01.04.2016).

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «КАЧЕСТВО ГОЛОСА» И «ТЕМБР ГОЛОСА» В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена проблеме соотношения двух понятий – «качество голоса» и «тембр голоса» – в современных фонетических исследованиях. Данные понятия имеют длинную лингвистическую историю и довольно часто являются предметом фонетических дискуссий, в результате которых значение терминов либо расширяется, либо сужается, либо отождествляется. Зарубежных исследователей больше интересует проблема акустической природы «качества голоса». Вслед за британским ученым Дж. Лейвером они рассматривают его как характерный звуковой образ голоса конкретного говорящего, создаваемый определенной работой ларингальной и надларингальной систем. Дж. Лейвер также отмечает, что качество голоса передает информацию не только о физических, но и социопсихических способностях говорящего. Кроме того, по мнению зарубежных исследователей, опытный оратор способен использовать строение мышечной ткани своего голосового аппарата с целью создания особого звукового эффекта. Что касается отечественных ученых, то они занимаются изучением как «качества голоса», так и «тембра голоса». При этом данные феномены могут рассматриваться как тождественные, обозначая средство выражения эмоционального состояния говорящего, которое преднамеренно эксплуатируется им с целью создания экспрессивных звуковых образов, оказывающих воздействие на слушателей. Однако ряд фонетистов не отождествляет тембр голоса с качеством голоса и относятся к нему как сложному психоакустическому феномену, являющемуся показателем психоэмоционального состояния говорящего и зависящего от характера фонационного процесса, артикуляционных позиций и резонансных качеств речевого аппарата.

Ключевые слова: качество голоса, тембр голоса, ларингальная и надларингальная системы, резонансные качества речевого аппарата, психоакустический феномен.

Понятия «качество голоса» и «тембр голоса» изучаются фонетистами на протяжении многих десятков лет. Интересно, что ряд исследователей отождествляют их, другие рассматривают как отдельные акустические феномены. Однако до сих пор вопрос, связанный с определением четких терминологических рамок данных понятий, остается дискуссионным.

Анализ зарубежных и отечественных фонетических работ показывает, что все разнообразие трактовок «качества голоса» и «тембра голоса» можно разделить на три основные группы. Зарубежные лингвисты чаще обращаются к изучению «качества голоса», не включая в сферу исследования «тембр голоса». Что касается отечественных фонетистов, то ряд ученых разграничивают данные понятия, другие, как уже отмечалось, их отождествляют.

В зарубежной лингвистической литературе разных лет мы находим различного рода определения «качества голоса» – от кратких, не перегруженных подробной информацией артикуляционно-физиологического характера, описывающих качество голоса как идиосинкратическую, относительно постоянную вокальную черту индивида, позволяющую отличать его от других людей [12; 15], до подробных научных описаний, которые раскрывают двухтерминантную природу качества голоса, состоящую, с одной стороны, в анатомо-физиологической организации речевого аппарата, а с другой стороны, в способности говорящего использовать строение мышечной ткани своего голосового аппарата с целью создания особого звукового эффекта [14, с. 156–157].

Заметный вклад в изучение «качества голоса» внес британский ученый Джон Лейвер, которому принадлежит большое количество трудов, посвященных данному феномену. Исследователь подробно объясняет анатомо-физиологическую природу данного явления и тесно связанные с ней механизмы функционирования гортанного и надгортанного укладов. По его мнению, качество голоса необходимо рассматривать как характерный звуковой образ голоса конкретного говорящего, создаваемый определенной работой ларингальной и надларингальной систем [13, с. 1]. Последние понятия в данном определении являются ключевыми при изучении природы качества голоса, так как именно эти две системы отвечают за придание голосу так называемой характерной окраски.

Что касается отечественной фонетики, то следует отметить, что «качество голоса» как объект исследования стало более актуальным именно в последние тридцать лет в связи с возросшим вниманием к проблеме эффективной речевой коммуникации и возрождением риторических традиций. Внимание, обращенное к речевой манифестации, распространилось, как результат, на теорию и практику вопроса, касающегося качеств голоса оратора.

Интересно, что рассмотрение «качества голоса» может выходить за рамки строго «артикуляторного подхода». Например, исследователи лингвистической школы МГУ М.В. Давыдов и Е.В. Яковлева в одной из своих работ предлагают классификацию комплексных качеств голоса, которые являются, по словам авторов, основополагающей базой для художественного чтения. В данной классификации

выделяются такие голосовые качества, как патетическое, лирическое, элегическое и драматическое [4, с. 36–48].

Расширение рамок понятия «качество голоса» мы находим и в работе М.Н. Козыревой, которая рассматривает его как особую функционально обусловленную звуковую окраску, представляющую собой результат изменений общей настройки голосового аппарата и присущую речи в определенных речевых ситуациях [7, с. 33]. Однако обсуждение может оставаться строго в рамках артикуляторного подхода и касаться изучения способа дрожания голосовых связок и преломления звука в надглоточных резонаторах [8].

Некоторые исследователи других отечественных научных школ так же, как и зарубежные ученые, придают первостепенное значение артикуляционно-физиологическому аспекту «качества голоса». Например, И.А. Анашкина в своей работе отмечает, что «“качества речевого голоса”... это не только качества фонации (звукопроизводящей деятельности голосовых связок и гортани), но и те качества, которые обусловлены деятельностью и других частей голосового тракта: велафаринкса, надгортанника, ротовой, носовой полостей, языка и других органов, относящихся к артикуляторной системе» [1, с. 78].

Иногда «качество голоса» может рассматриваться в качестве четвертой характеристики просодической структуры наравне с тоном, темпом и громкостью. В этом случае оно приравнивается учеными к понятию «фонация» [6].

Данный краткий обзор показывает, что в современных исследованиях наблюдается сужение или расширение понятия «качество голоса». Этот термин, как отмечает Н.Ф. Медведева, «стал, как это часто случается в лингвистике, своеобразным фетишем» [11, с. 5] и может рассматриваться под совершенно разными углами зрения, что приводит к терминологической избыточности понятия и двусмысленности.

Тем не менее очевидным фактом является то, что в большинстве определений «качества голоса» как зарубежных, так и отечественных лингвистов наблюдается «артикуляторный уклон». В связи с этим можно сделать вывод, что качество голоса – это, прежде всего, физио-акустический продукт общей работы гортанной системы (которая регулирует колебание голосовых связок, генерирование воздушной струи, а также выступает в роли артикулятора) и надгортанного тракта. При этом строение и мышечная активность обеих систем играют определяющую роль в качестве звучания голоса. Важно, что данная голосовая характеристика признается исследователями квазипостоянной и может меняться в процессе физиологических и возрастных изменений.

Рассмотренные выше концепции касались только одного понятия – «качество голоса». Однако

существует ряд теорий, в которых «качество голоса» отождествляется с «тембром» (А.М. Антипова, Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина, Т.И. Шевченко, С.Ф. Леонтьева и др.). В этом случае тембр (или качество) голоса часто рассматривается как особый оттенок голоса говорящего, который используется для выражения различного рода эмоций и настроений, таких как радость, гнев, грусть, негодование и др. [10, с. 203]. В этом случае качество голоса иногда признается еще одним компонентом интонации наравне с речевой мелодией, фразовым ударением, длительностью, темпом, паузацией и ритмом [2, с. 5].

Интересно отметить, что, приравнивая качество голоса тембру, некоторые исследователи трактуют его как выразительное средство, под которым «понимается комплекс высотно-тембральных характеристик, который дополняет мелодический компонент и передает определенную языковую информацию» [2, с. 5]. По мнению ученых, данное качество голоса выполняет экспрессивную роль при реализации риторического дискурса, создавая выразительные звуковые образы.

Чтобы ответить на вопрос, корректно ли отождествлять два понятия – «качество голоса» и «тембр голоса», необходимо рассмотреть теоретические положения в отношении последнего понятия.

Изучение тембра голоса имеет длинную лингвистическую историю. Исследования последних лет показывают, что ученые не пришли пока к единому мнению по поводу акустической природы данного явления, поэтому в некоторых работах тембр голоса рассматривается только как голосовая характеристика, присущая эмоционально-окрашенной речи. Прочитаем некоторые из них: «Для крайних по интенсивности эмоций как положительного, так и отрицательного знака наблюдалось вырождение мелодической кривой в прямую линию при самом высоком регистре основного тона (эффект ограничения натяжения голосовых связок). Это, в свою очередь, может свидетельствовать о возможности передачи эмоциональной окраски фразы другими параметрами речи. Одним из таких параметров может быть тембральный признак голоса» [5, с. 36]. «Голосовые признаки, и среди них прежде всего физические – такие, как высота... сила или громкость... тембр и фонации, обуславливающие общую и (преимущественно) эмоционально-чувственную окраску... все перечисленные признаки голоса уточняют, а порой и однозначно задают тот или иной конкретный тип речевого акта в коммуникации» [9, с. 459]. «В эмоционально окрашенной речи в качестве супrasegmentных средств могут использоваться и разные типы фонации, меняющие тембр голоса...» [6, с. 183].

Этот краткий обзор показывает, что ряд исследователей, не рассматривая детально акустическую природу, относятся к тембру как к голосовому каче-

ству, способному придавать речи говорящего эмоционально-чувственную окраску. При этом важно отметить, что в данном случае имеется в виду не индивидуальный тембр голоса, который помогает идентифицировать личность говорящего. Данное голосовое качество не является объектом лингвистического исследования. Внимание ученых привлекает тембр голоса, при помощи которого, например, оратор способен создавать особые звуковые образы, производящие особый эффект и вызывающие эмоциональный отклик у аудитории.

Следует отметить, что вплоть до недавнего времени при изучении тембра использовался импрессионистический подход. Как отмечает М.Э. Конурбаев, используя формулу «прилагательное + голос», фонетисты использовали такие тембральные характеристики, как «резкий», «звучный», «приглушенный», «тусклый», «безликий», «приятный», «сахарный», «елейный», «веселый», «холодный», «нежный», «грубый», «мягкий» тембр голоса. Часто эти описательные характеристики могли сводиться к выводам шаблонного характера: «Глухой или тусклый тембр голоса в нашем стереотипном представлении скорее отвечает характеру мрачному, угрюмому...» [9, с. 457]. Ряд ученых, среди которых М.Э. Конурбаев, Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина, Т.И. Шевченко, отмечают, что подобные описания акустических впечатлений слушающего («приятный», «загробный», «сахарный» тембр голоса и др.) не могут считаться строго научными и нуждаются в дополнительной демонстрации [3; 8].

Дать определение «тембру голоса» возможно, поняв его акустическую природу. Ряд ученых объясняют ее следующим образом. Обертоны образуются в результате колебания голосовых связок и усиливаются в резонаторных полостях. Резонаторные полости можно разделить на головную (полость рта, носа и носоглотки), фарингальную (гортанная область) и грудную (подгортанная область резонирования). Важно, что строение и артикуляционные установки данных резонаторов не меняются, и это позволяет им резонировать одни и те же группы обертонов и создавать индивидуальную окраску голоса, то есть тембр. Качество звучания зависит от места резонирования, формы, размера резонатора и его мускульной активности [3, с. 199–200]. Отметим, что акустическими показателями тембра можно считать обертоны, продуцируемые формантами спектра звука – третьей и четвертой. Следует добавить, что третья и четвертая форманты определяются «строением речевого аппарата, произносительными привычками говорящего, психическим состоянием, влияющим на соматику мышц речевых органов» [1, с. 89].

Это объяснение свидетельствует о том, что тембр голоса напрямую зависит от типов фонации, которые акустически отражаются в спектре голо-

сового источника, и от разных артикуляционных установок, влияющих на конфигурацию речевого тракта, а следовательно, и на его резонансные свойства. Физической базой данных модификаций являются интегральные спектральные характеристики [6, с. 183–184].

Рассмотренное выше описание акустической природы тембра голоса позволяет определять его как психоакустическую характеристику голоса, обусловленную совокупностью факторов: формантной структурой спектра, степенью выраженности шумовых компонентов и негармонических обертонов, модуляционными процессами, атакой и затуханием голосового сигнала [1, с. 88]. Следует отметить, что данный феномен является квазипостоянным, поскольку вся ларингальная и надларингальная база с возрастом претерпевает изменения. В результате этого меняется качество фонационного процесса и артикуляционных установок. Кроме того, мышечная активность голосового аппарата может зависеть и от психического состояния человека.

Безусловно, тембр голоса может эксплуатироваться говорящим в своих коммуникативных целях, однако это подвластно только профессиональным ораторам, к которым относятся также и пародисты-имитаторы. Только профессионалы могут понять, прочувствовать и создать в процессе речевой коммуникации разные тембральные окраски. Люди, не знакомые с искусством публичных выступлений, не могут продемонстрировать широкий диапазон тембров.

Таким образом, рассмотренные выше концепции в отношении «качества голоса» и «тембра голоса» позволяют сделать вывод, что данные понятия не являются тождественными, поскольку качество голоса является физио-акустическим продуктом общей работы гортанной и надгортанной систем, в то время как тембр голоса может быть определен как психоакустический феномен, являющийся показателем психоэмоционального состояния индивида и зависящий от характера фонационного процесса, акустически влияющего на спектр голосового источника, а также от артикуляционных позиций, усиливающих резонансные качества речевого аппарата.

Библиографический список

1. Анашкина И.А. Звучащий текст в аспекте культурной аксиологии. – Саранск, 1998. – 264 с.
2. Антипова А.М. Система английской речевой интонации: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. школа, 1979. – 131 с.
3. Бурая Е.А., Галочкина И.Е., Шевченко Т.И. Фонетика современного английского языка: Теоретический курс. – М.: Академия, 2014. – 288 с.
4. Давыдов М.В., Яковлева Е.В. Основы филологического чтения. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – 134 с.

5. *Долотин К.И.* Проблемы экспериментального исследования эмоциональной речи // Экспериментальные исследования звучащей речи. – М., 1998. – С. 29–51.
6. *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 591 с.
7. *Козырева М.Н.* Введение в изучение речевого голоса. – М., 1986. – 96 с.
8. *Конурбаев М.Э.* Стиль и тембр текста. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 328 с.
9. *Крейдли Г.Е.* Голос и тон в языке и речи // Язык о языке. – М., 2000. – С. 453–501.
10. *Леонтьева С.Ф.* Теоретическая фонетика английского языка: учеб. для студентов педвузов. – М.: Высш. шк., 1988. – 271 с.
11. *Медведева Н.Ф.* К вопросу о прагмалингвистике национального голоса. – М., 1987. – 27 с.
12. *Crystal D.* The English Tone of Voice. – London: Edward Arnold, 1980. – 198 p.
13. *Laver J.* The Phonetic description of Voice Quality. – Cambridge University Press, 1980. – 186 p.
14. *Pennington M.C.* Prosody // Phonology in English Language Teaching. – Longman, 1996. – P. 156–165.
15. *Roach P.* Introducing Phonetics. – Penguin English, 1992. – 128 p.

Волкова Елена Борисовна

кандидат филологических наук

Ременникова Ирина Александровна

Вечеринина Елена Алексеевна

Коротун Владилена Леонидовна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
lenka@mail.mipt.ru; vladrem@list.ru; vealek@mail.ru; vladakor@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО ТИПА В РУССКОМ И РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (на материале произведений математического цикла)

*В статье рассматриваются основные структурно-семантические качества двухкомпонентных изъяснительных сложноподчинённых предложений, функционирующих в произведениях математического цикла на русском, английском и французском языках. Материалом для исследования послужили труды выдающихся современных математиков в области дифференциальной геометрии и алгебраической топологии. Этим авторам принадлежат фундаментальные результаты в указанных областях, их произведения, написанные безупречным стилем, служат основой для дальнейших исследований. Для того, чтобы восприятие сложного материала было адекватным, язык математических произведений должен подчиняться определённым синтаксическим законам. Логичному, последовательному изложению текста математического произведения в значительной степени способствуют сложноподчинённые предложения с чёткой субординацией частей. Обладая более сложной структурой, чем простые предложения, они очевиднее по семантике, что облегчает восприятие передаваемой информации. Среди сложноподчинённых предложений нерасчлennного типа высокой продуктивностью обладают изъяснительные конструкции. Как правило, именно в придаточной части и заключается то новое, что продвигает ход рассуждения вперёд, тогда как главной части отводится служебная роль. В статье рассматриваются такие важные параметры исследуемых конструкций, как положение и построение главной и придаточной части, их средства связи, морфологическая и семантическая принадлежность опорного слова, наличие/отсутствие коррелята и др. В процессе анализа данных структур в трёх языках выявляются как общие черты (например, абсолютное преобладание препозиции главной части), так и существенные различия (например, отсутствие союза, аналогичного **чтобы**, в романо-германских языках), которые необходимо учитывать при работе с текстами математических произведений на данных языках.*

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, главная часть, придаточная часть, изъяснительное сложноподчинённое предложение, опорное слово, союз, коррелят.

Целью данной статьи является анализ структурно-семантических качеств двухкомпонентных сложноподчинённых предложений (далее СПП) изъяснительного типа, функционирующих в научном стиле современных языков: русского, английского и французского. Наиболее важной областью для исследования нам представляется подстиль точных наук, так как именно в нём оттачиваются исконные грамматические качества изучаемых структур. Известно, что математическому тексту свойственна краткость, логичность и ясность изложения содержания, будь то теорема или описание потока в аэродинамической трубе, расчёт количества потребляемого топлива или периоды вспышек на Солнце. Предположения, доказательства и выводы вписываются в строгие рамки синтаксических структур, способствуя адекватному восприятию передаваемой мысли.

Материалом для исследования послужили произведения выдающихся современных математиков на русском, английском и французском языках: В.П. Маслова [7], С.П. Новикова [8], Л.С. Понтрягина [9], Б.В. Федосова [11; 12], S.K. Donaldson [13; 14], N.J. Hitchin [15; 16], Yu.I. Manin [17], G. Comte et M. Merle [18], P. Lévy [20; 21]. Из них методом сплошной выборки было извлечено по 1000 СПП изъяснительного типа на каждом из языков. Полу-

ченные результаты о сходстве и различии данных синтаксических структур могут быть полезны при переводе и написании научно-технических текстов. В этой статье для краткости мы будем приводить данные по разным языкам через дробь в следующем порядке: русский / английский / французский.

Стоит отметить, что русский язык, с одной стороны, французский и английский, с другой, относятся к разным типам языков: если русский (славянская группа языков) – синтетический, то французский/английский (романо-германская группа языков) – аналитические. Это выражается в построении предложения. В русском языке возможен относительно свободный порядок расположения членов предложения, во французском и английском – прямой порядок, то есть на первом и втором месте стоят обязательные подлежащее и сказуемое соответственно, далее может быть прямое или косвенное дополнение, и только место обстоятельства достаточно свободно. Предложения в научном стиле могут обособляться обособленными обстоятельственными группами, если необходимо указать время, место, способ действия, то есть детали, без которых текст не будет иметь научно-технической информативности [10, с. 90]. Это различие имеет большое значение при изучении синтаксических особенностей изъяснительных СПП в данных языках.

Известно, что изъяснительные СПП (далее ИСПП) являются наиболее продуктивной моделью среди конструкций нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (61 %, по данным Волковой), поскольку всегда вводят новую информацию об объекте [3, с. 120]. Структурно-семантические качества данных СПП в математических текстах на русском языке были предметом детального рассмотрения в работах Е.Б. Волковой [1; 2; 3; 4]. Следует сказать, что широкое использование отсутствующих в русском языке инфинитивных оборотов в текстах математических произведений на английском и французском языках снижает продуктивность ИСПП. Простые предложения с инфинитивными конструкциями синонимичны СПП. Например: *Говорят, что подгруппа $H(M)$ порождена множеством M* [9, с. 32]. *Two functions are said to Poisson-commute* [15, с. 94] (ср.: *It is said that two functions Poisson-commute*); *Supposons au contraire que pour mesurer la distance de deux traits de repère, on déplace à chaque lecture la règle graduée* [20, с. 164] (ср.: *Supposons au contraire qu'on puisse mesurer la distance de deux traits de repère, ayant déplacé à chaque lecture la règle graduée*). Инфинитивные конструкции компактны и лаконичны, однако ИСПП с чёткой иерархической структурой более удобны для восприятия сложного материала.

Важнейшей структурной характеристикой ИСПП является абсолютное преобладание препозиции главной части. Лишь в некоторых немногочисленных случаях (5,3 % / 4,6% / 3,8 %; здесь и далее в скобках приводятся данные по русскому, английскому и французскому языку соответственно) придаточная часть занимает интерпозитивное положение по отношению к главной, смещая смысловую фокус на оставшуюся главную часть: *Допустим, что система Σ_n уже построена, и построим систему $\Sigma(n+1)$* [9, с. 77]; *Omitting the condition that ψ respects orientations, we get the notion of weak morphism* [17, с. 12]; *Supposons que l'origine de R^n soit dans X , et notons X_0 le germe à l'origine définissant X* [18, с. 226]. Во всех остальных предложениях нашей выборки роль главной части второстепенна: она невелика по объёму, редуцирована по содержанию, имеет яркий модальный характер. Всё её назначение – обслуживать придаточную часть, в которой заключено информативное ядро высказывания. Морфологическая характеристика опорных слов весьма разнообразна. Прежде всего, это позиция при глаголе (65,2 % / 59,8 % / 63,8 %). Как правило, данное опорное слово употребляется в настоящем времени несовершенного вида, что связано с абстрактным, вневременным характером повествования, принятым в текстах математических произведений. В исследуемом материале, как на английском, так и на французском языке, глагол в активном залоге употреблялся в 7 / 5 раз чаще, чем в пассивном. В 1/3 случаев

на английском и французском языке главную часть представляет глагол в повелительном наклонении: *assume, remind, suppose, note / rappelons, supposons, considérons*, что соответствует русским опорным словам *допустим, напомним, предположим, заметим*. Например: *Предположим, что условие леммы не выполняется* [7, с. 137]; *Finally note that the sheaf $\tau(5.4)$ gives rise to an exact sequence of sheaves* [15, с. 101]; *Suppose $A \in sp(mC)$ has distinct eigenvalues λ_i with eigenvectors v_i on C^{2m}* [15, с. 102]; *Rappelons que pour tout $z \in C, \exp(z) = \sum_{n=0}^{\infty} \frac{z^n}{n!}$* [19, с. 117]; *Supposons que f est k -lipschitzienne en y . Considérons le problème suivant : $y' = f(t,y), y(t_0) = y_0$* [22, с. 2].

Интересно отметить, что в английских текстах математических произведений только в таких предложениях в единичных случаях наблюдается бессоюзное присоединение придаточной части к главной. Союз *that* часто опускается в ИСПП в общелитературном языке, но для научного стиля характерна «полноструктурность и строгая нормативность регулярного оформления синтаксических элементов» [6, с. 295]. В отличие от русского языка в остальных СПП на английском языке в главной части обязательно присутствуют и подлежащее (часто формальное *it* или неопределённо-личное *one*), и сказуемое, поскольку они «неизменно входят в структурно-семантический минимум английского предложения» [5, с. 191].

Как правило, во французском математическом тексте при передаче информации отсутствуют элементы выражения субъективной оценки, ограничивается использование местоименных и временных глагольных форм, наблюдается преимущественное использование безличных и неопределённо-личных конструкций (неопределённо-личное местоимение *on, il*-нейтральное), пассивной формы глагола, выделительных, ограничительных, инфинитивных, деепричастных и причастных оборотов, тогда как в устном общении на французском языке чаще используются формы глагола настоящего, простого будущего и прошедшего времени изъявительного наклонения 1-го лица единственного числа, а также формы повелительного наклонения (l'Impératif) [10, с. 92]. Математический текст – это вид математического дискурса. Автор общается с читателем, а в его лице – с математическим сообществом. В этом случае во французском языке для структуры сложного предложения в его главной части логично употребление глагола в первом лице множественного числа (Présent / Future / Passé de l'Indicatif): *Nous dirons (le Futur simple de l'Indicatif) que $D_x(P)$ est l'image de X associée à P* [18, с. 228].

Далее следует группа предложений (19,39 % / 11,3% / 15,28 %) с составным глагольным сказуемым в главной части (слово модального значения + инфинитив): *нетрудно доказать, интересно отметить, можно проверить* и др. Например: *Интересно отметить, что пространство G^* гомотопно*

канторову совершенному множеству [9, с. 138]; *We may suppose by that result that the A_i are chosen to satisfy (1)* [10, с. 296]; *Il nous suffit de remarquer ici que $U < t$ pour être assuré qu'on diminue le poids des grandes valeurs de y en revenant de la formule à la formule* [21, с. 297]. Здесь наблюдается особое, опосредованное проявление авторского мнения.

В нашем материале в качестве подчиняющего слова главной части при логических рассуждениях частотны (7,6 % / 6,7 % / 6,9 %) слова модального значения *очевидно, ясно, известно / it is evident, it is clear, it is (well-)known / il est évident, il est clair, il est connu*. В математических текстах на русском языке, как правило, главная часть, представленная одним словом, формализуется настолько, что превращается в своеобразный «формулировочный штамп»: *Очевидно, что эйлеров класс мультипликативен* [12, с. 184]; *It is clear that $J(A(s,t)) < J_i$* [13, с. 275]; *Il est évident que la loi limite est une loi de Lévy, et non une loi normale* [19, с. 118]. Вводный характер главной части в английских и французских СПП выражен менее ярко в силу полноструктурного построения главной части (формальное подлежащее + глагол-связка + прилагательное или причастие), однако данные конструкции также достаточно стереотипны в текстах математических произведений.

Устойчиво (3,6 % / 5,2 %) употребляется в русском и английском (и не свойственно французскому) в данной разновидности научного стиля в качестве подчиняющих слов определённая группа отглагольных существительных, которые, сохраняя глагольное управление, требуют после себя придаточное с объектным значением: *факт, предположение, вывод, следствие*. Такие слова указывают на явление, которое раскрывается в придаточной части. В сочетании с коррелятом происходит десемантизация этих существительных. В английском языке роль коррелята, как правило, выполняет определённый артикль *the*: *Топология XX века долго исходила из предположения, что все её существенные законы инвариантны относительно непрерывных гомеоморфизмов* [8, с. 14]; *The fact that V is of odd degree only changes the isomorphism with the Prym variety* [15, с. 119]. В таких предложениях наблюдается дополнительная атрибутивная семантика.

Значительно более частотны (13,4 %) в английском языке «сказуемые» СПП: изъясняемое слово стоит в паре с составным сказуемым, где после глагола-связки и союза *that* следует развёрнутая именная часть, выраженная придаточным предложением. Данные конструкции соответствуют русскоязычным устойчивым лексическим сочетаниям с обязательным коррелятом в главной части: *дело в том, что...; состоит в том, что...; заключается в том, что...*. Например: *Дело в том, что квантовые наблюдаемые в деформационном квантовании не являются операторами* [11, с. 24]; *The advantage of this construction of V is that*

it depends only on the bundle V_i^ , the kernel of g* [15, с. 108]. И здесь смысловая нагрузка главной части минимальна.

Итак, из приведённых выше примеров видно, что в математических произведениях в изъяснительных СПП главная часть в значительной степени носит формульный характер, выполняет служебные, организующие функции, тогда как придаточная часть заключает в себе основной смысл предложения. Употребление штампов, стереотипность научной речи является оправданной теми задачами, которые решаются в данной области научного стиля: максимально точно, лаконично и недвусмысленно передать мысль.

В подавляющем большинстве ИСПП в исследуемом материале используется союз *что / that / que* (94,6 % / 95,2 % / 95,3 %). С ним сочетаются различные по морфологической принадлежности опорные слова с семантикой бытия, выявления, обнаружения, умственной деятельности, передачи информации, математические термины. Доля изъяснительных конструкций с этим союзом в английском и французском языках ещё выше, чем в русском языке, из-за отсутствия союза *чтобы*. Ирреальная модальность объекта в романо-германских языках достигается употреблением сослагательного наклонения в придаточной части, присоединяемой союзом *that / que*, и/или семантикой изъясняемого слова. Опорное слово в главной части имеет модальное значение: *необходимо, достаточно, важно / it is necessary, it is sufficient, it is important / il est nécessaire, il est important, il est possible, il est utile* или семантику требования: *потребовать, требование / to claim, requirement / demander, exiger*. Например: *Для его разрешимости, в силу следствия из теоремы 3.4, необходимо и достаточно, чтобы форма в правой части была плоской* [12, с. 249]; *Иначе это условие можно формулировать, потребовав, чтобы преобразование было тождественным* [9, с. 435]; *It is important that projections could be produced from such a set up* [17, с. 18]; *Then we claim that $B(M,n,k)$ is simply connected for $n > 3$* [14, с. 295]; *Il est important que dans la moyenne des quatre pentes, un poids plus grand soit donné aux pentes au point milieu* [22, с. 5]. Во всех примерах видно, что конструкция приобретает дополнительную яркую целевую окраску.

В исследуемом материале небольшую часть (4,9 % / 4,8 % / 7,6 %) составляют СПП с относительным подчинением и с союзом *ли / if, whether / soit*. В конструкциях с перечисленными союзами объект выражает не просто сообщение как таковое, а некоторую неопределённость, предоставляя варианты возможного двоякого решения. Альтернативное решение вопроса или подразумевается как противоположное данному утверждению, или вводится явно модификацией *или / or / soit ... soit*. Созданию вопросительной семантики

способствуют опорные слова со значением познания (незнания), непонимания, размышления: *В данный момент мы не знаем, приводят ли эти идеи к желаемому результату* [8, с. 33]; *It is not yet clear whether the methods which we use here can be extended to the intermediate cases* [17, с. 280]; *On peut se demander s'il ne suffirait pas que m_1, m_2, \dots, m_n , soient inférieures à ϵM* [20, с. 169]; *On en déduit que Soit m_1 , soient X_1 ; ... ; X_n des variables aléatoires réelles indépendantes* [19, с. 120].

Вопросительная семантика может создаваться в ИСПП с помощью различных союзных слов – относительных местоимений или наречий *какой, где, как, почему* и др. / *when, where, how, why / où, comment etc.* Данные вопросительные слова организуют форму косвенного вопроса (в придаточной части), одновременно удовлетворяя потребность изъясняемого слова в объектном распространении: *Представляет значительный интерес вопрос о том, каким образом топология группы преобразований определяется топологией преобразуемого пространства* [9, с. 151]; *To do this we consider how V_i arose and dualize the exact sequence (5.18)* [15, с. 108]; *C'est le cas où $\alpha = 1$ conduit à une loi de Cauchy* [21, с. 290]. Во всех косвенно-вопросительных предложениях наблюдается дополнительная семантика (например, в первых двух случаях – образа действия), которая привносится тем или иным союзным словом.

Стиль изложения математических текстов имеет свои ярко выраженные особенности во всех трех вышеупомянутых языках. Он ёмок, чётко, лаконичен, изобилует терминами и специфическими фразеологическими оборотами, математическими символами, формулами и уравнениями, осложняющими визуальное восприятие содержания текста при переводе с одного языка на другой. При сопоставительном анализе структуры и семантики СПП изъяснительного типа в русском и романо-германских языках можно выявить как их схожесть, так и существенные различия, которые необходимо учитывать при переводе произведений математического цикла.

Библиографический список

1. Волкова Е.Б. Оценочно-изъяснительные сложноподчинённые предложения в произведениях математического цикла // Сборник докладов VII Международной научной конференции ФИЯ МАИ (НИУ). – М.: Изд-во «Перо», 2015. – С. 24–32.
2. Волкова Е.Б. Роль изъяснительных конструкций в многокомпонентных сложноподчинённых предложениях (на материале произведений математического цикла) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 30–37.
3. Волкова Е.Б. Сложноподчинённые предложения нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического

цикла): дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2016. – 212 с.

4. Волкова Е.Б. Структурно-семантические качества двухкомпонентных сложноподчинённых предложений изъяснительно-объектного типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 1. – С. 86–90.

5. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. школа, 1982. – 285 с.

6. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

7. Маслов В.П. Фазовые переходы нулевого рода и квантование закона Ципфа // Теоретическая и математическая физика. – 2007. – Т. 150. – № 1. – С. 118–142.

8. Новиков С.П. Алгебраическая топология // Современные проблемы математики. – М.: МИАН, 2004. – 46 с.

9. Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.

10. Ременникова И.А. Синтаксический анализ предложения при обучении чтению и переводу аутентичных технических текстов на французском языке (авиационно-космическая тематика) // Роль современного университета в технической и кадровой модернизации российской экономики: сборник трудов IX Международной научно-методической конференции. – Костромской государственный технологический университет, 2015. – С. 90–93.

11. Федосов Б.В. Деформационное квантование и асимптотическое операторное представление // Функциональный анализ и его приложения, 1991. – Т. 25. – Вып. 3. – С. 24–36.

12. Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. – 1991. – Т. 65. – С. 165–268.

13. Donaldson S.K. A new form of a theorem of Narasimhan and Seshadri // Differential geometry. – 1982. – № 18. – P. 269–277.

14. Donaldson S.K. An application of gauge theory to four dimensional topology // Differential geometry. – 1983. – № 18. – P. 279–318.

15. Hitchin N. Stable bundles and integrable systems // Duke mathematical journal. – 1987. – Vol. 54. – № 1. – P. 91–114.

16. Hitchin N. The self-duality equations on a Riemann surface // Duke mathematical journal. – 1987. – Vol. 54. – № 1. – P. 59–90.

17. Manin Yu.I. Real multiplication and noncommutative geometry. – Bonn: Max-Planck-Institute für Mathematik, 2002. – 46 p.

18. Conte G., Merle M. Equisingularité réelle II // Annales scientifiques de L'École normale supérieure. – 2008. – Sér. 4, 41. – Fasc. 2. – P. 221–269.

19. La statistique face aux événements extrêmes // Pour la Science. – № 385 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pourlascience.fr/ewb_pages/a/article-la-statistique-face-aux-evenements-rares-23572.php (дата обращения: 14.08.2016).

20. Lévy P. Le théorème fondamental de la théorie des erreurs. – Paris: Annales de l'Institut Henri Poincaré, 1980. – Fasc. 2. – Vol. 1. – P. 163–177.

21. Lévy P. Sur certains processus stochastiques homogènes // Composito Mathematica. – 1990. – Vol. 7. – P. 283–339.

22. Méthodes de Runge-Kutta // Pour la Science. – № 389 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/Méthodes_de_Runge-Kutta (дата обращения: 31.05.2016).

УДК 821.161.1.09"19"

Ивкова Елена Юрьевна

Костромской государственной университет
ivkova.elena@gmail.com

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ДВУЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)

Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей многокомпонентных сложноподчинённых предложений (далее МСПП), широко представленных в письмах Марьи Болконской, героини романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», язык которого образует сложную систему взаимодействия ведущих функциональных стилей русского языка. Двухязычный текст писем, в которых отражён светско-разговорный стиль изображаемой эпохи, позволяет выявить богатство структурных моделей МСПП, разнообразие грамматических и грамматикализованных средств связи в их составе, а также когерентных структурно-семантических компонентов текстового характера, способствующих функционированию МСПП как единого целого. МСПП с последовательным подчинением компонентов являются самым распространённым типом композиционного развёртывания подобных предложений в письменной речи героини. Их композиция отличается более чёткой линейной направленностью, ясностью грамматической перспективы. Они способны включать в себя и соподчинённые компоненты, образуя контаминированные структуры. Письменная речь – это попытка преодолеть некоторую беспорядочность мысли. МСПП в письменной речи являются своеобразными «островками организованности». Обладая чёткой иерархической структурой, они в значительной степени помогают читателю проследить ход логических рассуждений персонажа. Будучи своего рода произведением, МСПП способны выполнять текстообразующую функцию и участвовать в организации единого художественного пространства.

Для воссоздания стиля эпохи Толстой разнообразно и исторически правдоподобно внедряет французский язык в языковую ткань произведения. Сопоставление МСПП на французском языке в письмах княжны Марьи с переводом из авторского подстрочника позволяет рассмотреть примеры полного совпадения и частичного несовпадения грамматической организации МСПП и тем самым более ясно проследить некоторые структурно-семантические особенности данных предложений.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, последовательное подчинение компонентов, союзные средства, художественный текст, двухязычная речь, французский язык, Л.Н. Толстой, «Война и мир».

Язык художественной литературы «использует и включает в себя все другие стили или разновидности книжно-литературной и народно-разговорной речи в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде» [3, с. 71]. Язык романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» образует сложную систему «сопряжения» ведущих функциональных стилей русского языка. Будучи не только художественным произведением, «Война и мир» являет собой как бы отражение тенденций развития разговорного, публицистического, научного, официально-делового стилей. В этот сложный авторский сплав внедряется язык исторических документов, памятников воспроизводимой эпохи. Известно, что, работая над романом-эпопеей, писатель использовал огромное количество исторических материалов. Так, например, светско-разговорный стиль изображаемой эпохи отражён в языке писем

и дневников представителей европеизированного стародворянского круга.

Речевая характеристика персонажа выявляет такие особенности речи, как уровень его образования, культуры, принадлежность к определенному классу, исторической эпохе. Речевой репертуар героя может также раскрыть перед читателем его внутренний духовный мир, особенности характера. Речь персонажа (устная или письменная), её грамматическая организация является одним из важнейших элементов целостного художественного образа.

По мнению Л.Д. Беднарской, синтаксические структуры во всём своём многообразии способны создавать художественный образ [2, с. 32]. В синтаксической организации романа-эпопеи «Война и мир» находит реализацию структурно-семантический и функциональный потенциал многокомпонентных сложноподчинённых предложений (далее

МСПП). Они употребляются как в авторском повествовании (более 80 %), так и в речевом репертуаре героев (12 %) [9, с. 213]. МСПП представлены как в репликах, так и во внутренней речи героев, а также в дневниках и письмах представителей придворно-аристократической среды.

МСПП в тексте «Войны и мира» служат ярким средством речевой характеристики героев, участвуют в создании сложных характеров. Речевой репертуар центральных персонажей произведения характеризуется широкой представленностью МСПП. Так, наиболее высокой частотность подобных предложений оказывается в речи Андрея Болконского, Пьера Безухова, княжны Марьи, Николая Ростова, Наташи Ростовской, людей, принадлежащих к аристократической среде.

Особый интерес в плане организации и использования усложнённых синтаксических конструкций вызывает речевой репертуар княжны Марьи Болконской. Анализ материала показал, что в целом на речь княжны Марьи приходится 17 % от всего числа подобных предложений, представленных в речи действующих лиц романа (ср.: Андрей Болконский – 20 % [8, с. 112], Пьер Безухов – 15 % [7, с. 266]). Достаточно высокую частотность МСПП в речи княжны Марьи можно объяснить тем фактом, что она получила блестящее образование, свободно говорит и пишет на русском и французском языках. В речевом репертуаре Марьи Болконской МСПП предстают во всём разнообразии своей структуры, семантики и условий употребления. Они представлены в устных диалогах княжны Марьи с разными персонажами (30 %), в её внутренней речи (13 %), но наиболее частотны в письменной речи (57 %), а именно в её письмах на русском и французском языках к Жюли Карагиной. В их письмах отражены светско-бытовой стиль и характерные особенности манеры разговорной речи изображаемой эпохи.

Большинство МСПП, представленных в письменной речи, – это МСПП неконтаминированного типа, то есть предложения с последовательным подчинением (52 %) и соподчинением компонентов (24 %). МСПП с контаминированным подчинением, сочетающие в себе соподчинение и последовательное подчинение придаточных, малопродуктивны в письмах – 24 %. Предельным по количеству компонентов является МСПП, включающее в себя шесть предикативных частей. Как представляется, МСПП с последовательным подчинением компонентов в книжных стилях русского языка являются базовыми и текстообразующими в системе всех разновидностей МСПП. Их композиция отличается чёткой линейной направленностью, ясностью и обозримостью грамматической перспективы [6, с. 130]. Однако они способны включать в себя и соподчинённые предикативные единицы, образуя контаминированные структуры.

Кроме того, их продуктивность можно объяснить тем, что они являются наиболее адекватной формой для функционирования ряда стилистических фигур (различного типа повторов, в том числе и репризы, градации, амплификации и других фигур речи), которые, реализуя свои когнитивные и экспрессивные потенции, способствуют гармоническому, органически целостному и в то же время динамичному построению всего МСПП, компактности целого. Они поддерживают грамматически выраженную идею МСПП как микротекста, своего рода произведения.

Так, общая представленность МСПП с «чистым» последовательным подчинением составляет 52 % от всех усложнённых сложноподчинённых конструкций в письмах Марьи Болконской. Большинство из них (61 %) – это трёхкомпонентные МСПП. Достаточно продуктивными оказываются и четырёхкомпонентные модели (33 %). Малопродуктивным и предельным по количеству компонентов является МСПП, включающее в себя пять компонентов (6 %). Анализ материала показал, что среди МСПП с минимальным количеством предикативных единиц, представленных в письменной речи княжны Марьи, самыми частотными являются конструкции с двумя придаточными нерасчлнённого типа (82 %). Наиболее продуктивными среди них оказываются модели МСПП с двумя придаточными присустановительно-атрибутивными (45 %), а также модели с придаточным изъяснительно-объектным, которое поясняется присустановительно-атрибутивным придаточным при помощи относительного местоимения *который* (33 %): 1) *Я никогда не могла понять страсть, которую имеют некоторые особы... к мистическим книгам, которые возбуждают только сомнения в их умах...* [11, т. 1, с. 146]; 2) *Я боюсь за него и рада, что он предпринял эту поездку за границу, которую доктора уже давно предписывали ему* [11, т. 2, с. 681]. Необходимо отметить, что «в художественной прозе частотность нерасчлнённых СПП превышает частотность расчлнённых довольно значительно на протяжении всего XIX столетия» [1, с. 43]. Е.Б. Волкова, которая рассматривала сложноподчинённые предложения нерасчлнённой структуры в составе МСПП на материале математических произведений, отмечает, что данные конструкции особенно способствуют укреплению всей структуры предложения, превращая его в цельную коммуникативную единицу [4, с. 8]. В частности, этому способствуют приместимённые сложноподчинённые предложения: *Он стал таким, каким я знала его ребёнком: добрым, нежным, с тем золотым сердцем, которому я не знаю равного* [11, т. 2, с. 681]. Подобные конструкции выражают корреляционно-сопоставительные отношения с помощью обязательного коррелята, к которому непосредственно присоединяется при-

даточная часть с относительным местоимением, наполняющая соотносительное местоимение своим содержанием. Однако, как отмечает Е.Б. Волкова, конструкции, построенные по модели «*такой* в главной части + *какой* в придаточной части» почти не встречаются в научном стиле в отличие от художественной литературы, где подобные конструкции придают повествованию эмоционально-оценочный характер [4, с. 20].

Стилю документов начала XIX в. свойственно двуязычие – русский язык сталкивается и смешивается с французским языком. Известно, что в первой четверти XIX в. французский язык был «домашним» языком образованного дворянского общества. В своём произведении Толстой разнообразно и исторически правдоподобно пользуется французским языком как разновидностью русского литературного языка для воссоздания стиля изображаемой эпохи. Княжна Марья Болконская является яркой представительницей своей эпохи. Её французский язык безупречен; она свободно пользуется им не только в устной, но и в письменной речи. Толстой смело и, как представляется, художественно целесообразно внедряет в языковую ткань романа огромный корпус писем княжны Марьи к Жюли Карагиной не только на русском, но и на французском языке. В последнем случае писатель всегда даёт подстрочный перевод к тексту писем.

Сравним некоторые МСПП из оригинала с их вариантами из подстрочника: *Il me paraît seulement que l'amour chrétien, l'amour du prochain, l'amour pour ses ennemis est plus méritoire, plus doux et plus beau, que ne le sont les sentiments que peuvent inspirer les beaux yeux d'un jeune homme à une jeune fille poétique et aimante comme vous* [11, т. 1, с. 143]. На русском языке: *Мне кажется только, что христианская любовь к ближнему, любовь к врагам достойнее, отраднее и лучше, чем те чувства, которые могут внушить прекрасные глаза молодого человека молодой девушке, поэтической и любящей, как вы* [11, т. 1, с. 145]. Перед нами МСПП с последовательным подчинением компонентов, которые, как было отмечено выше, являются самым распространённым типом композиционного развёртывания подобных предложений в письменной речи княжны Марьи. Обе конструкции представляют собой нерасчленённую структуру. Не может остаться незамеченным тот факт, что там, где во французском предложении употребляется союз *que*, в русском варианте пред читателем предстаёт многообразие союзных средств, а именно изъяснительный союз *что*, сравнительный союз *чем* и относительное местоимение *которые*, с помощью чего прикрепляется присубстантивно-атрибутивное придаточное. Отметим также, что там, где в русском МСПП имеется указательное слово *те*, выступающее в роли усилительно-выделительной частицы, во французском варианте использова-

но существительное *sentiments* с препозитивным определённым артиклем *les*, который в данном случае «выполняет при существительном индивидуализирующую функцию» [10, с. 48]. Таким образом, наличие артикля *le* непременно требует придаточной части, которая теснейшим образом характеризует свой антецедент, а именно существительное с определённым артиклем. Тем самым возникает неразъёмная конструкция, единый комплекс высказывания.

Среди МСПП, представленных в двуязычной письменной речи княжны Марьи, встречаются предложения, которые являют собой пример частичного несовпадения грамматической организации МСПП (33 %). Приведём примеры такого несовпадения во французской и русской фразах: *Si on me demandait ce que je désirerais le plus au monde, ce serait d'être plus pauvre que le plus pauvre des mendians* [11, т. 1, с. 144]; *Если б у меня спросили, чего я желаю более всего на свете, – я сказала бы: желаю быть беднее самого бедного из нищих* [11, т. 1, с. 146]. Первое предложение – это четырёхкомпонентное МСПП, тогда как второе предложение представляет собой конструкцию лишь из трёх компонентов. Это расхождение связано с тем, что там, где во французской фразе употребляется сравнительно-объектное придаточное (*plus ... que*), в русском варианте отдаётся предпочтение сравнительной степени прилагательного без союза *чем*.

Однако чаще всего обнаруживаются предложения, представляющие собой пример полного совпадения грамматической организации МСПП (67 %): *Ce sera une joie de courte durée, puisqu'il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre, à laquelle nous sommes entraînés dieux sait comment et pourquoi* [11, т. 1, с. 145]. На русском языке: *Радость эта будет непродолжительна, так как он оставляет нас для того, чтобы принять участие в этой войне, в которую мы втянуты бог знает как и зачем* [11, т. 1, с. 147]. Абсолютно главная часть данных предложений распространяется придаточным причины с помощью союза *puisque* и его аналога в русском языке – сложного союза *так как*. В свою очередь придаточное цели распространяет придаточное причины с помощью союза *pour* (аналог русского союза *чтобы*). И замыкает конструкцию МСПП присубстантивно-атрибутивное придаточное с относительным местоимением *à laquelle* (русский вариант – относительное местоимение *в которую*). И в том и в другом случае использован детерминатив *cette* (*этой*), который сближается с французским определённым «индивидуализирующим» артиклем *le*.

Итак, на примере французских МСПП с последовательным подчинением компонентов ясно виден процесс развёртывания сложной мысли, подобный тому, который наблюдается в МСПП в русском языке. Привлечение для анализа кон-

струкций на французском языке может позволить сопоставить их с МСПП на русском языке и тем самым более ясно проследить некоторые структурно-семантические особенности их грамматической организации.

Как отмечает И.Р. Гальперин, язык стремится преодолеть некоторую беспорядочность мысли [5, с. 10]. Письменная фиксация мыслей (внутренней речи) – это способ упорядочить то «взрывающееся случайное, незапрограммированное», что возникает в процессе речи (звучащей или внутренней). Являясь текстом в тексте, МСПП в письменной речи представляют собой своеобразные «островки организованности». Обладая чёткой иерархической структурой, они в значительной степени помогают читателю проследить ход логических рассуждений автора и персонажа.

Библиографический список

1. *Беднарская Л.Д.* Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественно прозы XIX–XX столетий: монография. – Орёл: Изд-во ОГУ, 2014. – 170 с.
2. *Беднарская Л.Д.* Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий: монография. – Орёл: Изд-во ОГУ, 2012. – 392 с.
3. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. – М., 1959. – 654 с.
4. *Волкова Е.Б.* Сложноподчинённые предложения нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вологда: Изд-во ВГУ, 2016. – 25 с.
5. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.
6. *Ганцовская Н.С.* О типах содержательной информации в композиционной структуре усложнённых сложноподчинённых предложений // Исследования по семантике русского языка: межвузовский сборник научных работ. – Кострома, 1990. – С. 130–137.
7. *Ивкова Е.Ю.* Многокомпонентные сложноподчинённые предложения как элемент речевой характеристики персонажа (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. – Иваново: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 264–271.
8. *Ивкова Е.Ю.* Особенности композиционного развёртывания многокомпонентных сложноподчинённых предложений в речи персонажа художественного текста (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 111–114.
9. *Ивкова Е.Ю.* Особенности функционирования многокомпонентных сложноподчинённых предложений в коммуникативном пространстве художественного текста (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки: материалы XXXIV Междунар. Толстовских чтений. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. – С. 211–216.
10. *Реферовская Е.А.* Синтаксис современного французского языка: Сложное предложение. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 240 с.
11. *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 2 кн. – М.: Эксмо, 2012. – 1856 с.

МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ КОММУНИКАНТОВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Настоящее исследование проводилось на материале произведений М. Хэддона и Д. Лессинг, оно посвящено изучению влияния ментального состояния коммуникантов на выбор лексических (модальные слова) и лексико-грамматических (модальные глаголы) средств выражения эпистемической модальности в современном английском языке. Автором статьи рассматриваются три уровня проявления ментальных состояний у коммуникантов: эмоциональный, когнитивный и социальный, которые имеют непосредственное отношение к теме данной работы. В ходе проведения исследования были задействованы коммуникативно-прагматический и когнитивный методы. Результаты исследования позволяют сделать вывод о прямой зависимости степени достоверности пропозиции высказывания (предоставление достоверных сведений или искажение положения дел в объективной действительности в сторону уверенности или, наоборот, сомнения, колебания) от ментального состояния говорящего и могут быть использованы в дальнейших исследованиях эпистемической модальности в рамках прагматики, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Стоит также отметить тот факт, что ментальное состояние коммуникантов, оказывая влияние на степень достоверности пропозиции высказывания, функционирует в неразрывной связи с другими прагматическими факторами, к числу которых относятся личность коммуникантов и особенности их межличностных взаимоотношений, регистры общения, иллюзивный замысел, ожидаемый перлокутивный эффект и другие.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эпистемическая необходимость, эпистемическая возможность, модальное слово, модальный глагол, ментальное состояние, прагматика.

Стремительное развитие такого раздела языкознания, как прагматика, ясно свидетельствует о возросшем внимании лингвистов к субъективному фактору, оказывающему существенное влияние на развитие и функционирование языка, оставляя «всё меньше надежд на возможность “чистого”, “незамутнённого” практически соображениями теоретизирования» [4, с. 5]. Прагматика как раздел лингвистики изучает функционирование языковых образований в речи – отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией) в аспекте человеческой деятельности [2, с. 360]. Более узко прагматику рассматривает Ю.Д. Апресян, трактуя её как закреплённое в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату [1, с. 136]. Необходимо подчеркнуть, что именно благодаря характеристикам и особенностям мыслящей личности происходит контекстуальная интерпретация и трансформация лексического значения.

Проблема соотношения языка и языковой личности как участника процесса коммуникации рассматривается в рамках когнитивной лингвистики, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный механизм, инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации [3, с. 53]. Принимая во внимание тот факт, что концепт представляет собой ментальное образование, отражающее смысловое наполнение какого-либо понятия в языке той или иной народности, необходимо учитывать психические процессы, одним из которых является мышление. Объективное, не искажённое отражение объекта действительности в сознании индивидов позволяет говорить не толь-

ко о формировании единой картины мира у представителей народности, но и о достоверности полученного мышлеобраза.

В настоящей статье рассматривается влияние ментальных (психических) состояний на выбор лексических и лексико-грамматических средств, выражающих эпистемическую модальность (ЭМ), с опорой на ресурсы художественного текста. Под ментальным состоянием нами понимается психическое состояние индивида, возникающее вследствие восприятия и логической интерпретации каузально обусловленных процессов, происходящих во внешнем мире. Ю.В. Щербатых [6] выделяет шесть уровней проявления психических (ментальных) состояний – физиологический, моторной сферы, эмоциональный, когнитивный, поведенческий, социальный. Из них лишь три представляют интерес для нашего исследования: это эмоциональный, когнитивный и социальный. Поясним причины, повлекшие за собой подобный выбор.

М.А. Шелякин, рассуждая о семантической системе языка, отмечает, что она отражает все структурные уровни сознания, к которым относится и истинность / ложность как установка на адекватность знания о действительности [5]. Возвращаясь к указанному выше определению прагматики, предложенному Ю.Д. Апресяном, отметим, что отношение говорящего подразумевает не оценку, свободно творимую им в речи, а лишь ту готовую лексикализованную или грамматикализованную оценку, которая встроена непосредственно в содержательную сторону языковых единиц и имеет поэтому постоянный статус в языке [1, с. 136]. Одним из таких параметров оценки выступает истинность (оценка говорящим содержания пропозиции с точки зрения достоверности / недостоверности). Справедливости ради отметим, что на достовер-

ность пропозиции говорящего оказывает влияние множество прагматических факторов. Роль эмоционального состояния говорящего в выражении его отношения к объективной действительности, несомненно, велика, поскольку степень достоверности информации, предоставляемой говорящим в момент переживания им сильных положительных или негативных эмоций, скорее всего, будет ниже, нежели в состоянии спокойствия или равнодушия. В силу того, что в коммуникативной ситуации, в которой говорящий не способен объективно воспринимать и трансформировать поступающую извне информацию посредством логического мышления, не приходится говорить о высокой степени достоверности высказывания, – в этом находит отражение когнитивный уровень проявления ментальных состояний. Переходя к социальному уровню, следует отметить, что именно здесь реализуется иллюкутивный замысел говорящего и достигается желаемый перлокутивный эффект. Благодаря социальному уровню происходит коммуникативное взаимодействие говорящего и слушающего, основной целью которого является достижение понимания.

Говоря о лексических средствах выражения семантики ЭМ, в первую очередь необходимо упомянуть модальные слова (МС). Основная функция МС заключается в передаче субъективного отношения говорящего к высказыванию, характеристике высказывания с его индивидуально-личностных позиций. Маркируя ЭМ, МС указывают либо на высокую степень уверенности говорящего в достоверности пропозиции (так называемая эпистемическая необходимость (ЭН)); в данной группе среди наиболее частотных можно выделить МС *of course, certainly, surely (sure), undoubtedly, really, obviously, evidently* и другие), либо на неуверенность, большую или меньшую степень сомнения в том, что пропозиция соответствует объективной действительности (к данной группе МС, отражающих эпистемическую возможность (ЭВ), традиционно относят *perhaps, probably, maybe, possibly, presumably* и некоторые другие).

Относительно модальных глаголов (МГ) английского языка, которые являются лексико-грамматическими средствами выражения модальности и реализуются в предложении лишь в составе составного глагольного модального сказуемого, следует упомянуть общеизвестный факт, что они выполняют две функции: первичную и вторичную. В противоположность первичной функции, в которой МГ выражают отношение субъекта действия к действию, во вторичной функции МГ выступают как средство отражения отношения говорящего к содержанию высказывания. Репрезентантами семантического поля достоверности в своей вторичной функции, которая представляет интерес для данной работы, выступают МГ *must, may (might), can (could), shall (should), will (would), ought to*

и *need*. Из них семантику ЭН эксплицируют *must* и *can (could)*, а семантику ЭВ – *may (might), shall (should), ought to, will (would)* и *need*.

Возвратимся к вопросу о роли ментальных состояний при выборе лексических и лексико-грамматических средств выражения ЭМ. Анализ произведений М. Хэддона и Д. Лессинг в рамках настоящего исследования позволяет нам выделить три типа героев. К первому типу относится подросток, страдающий выраженным дефицитом социального взаимодействия и общения, а также обладающий узким кругом интересов. Литературный персонаж – герой произведения М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» Кристофер Джон Френсис Бун, пятнадцатилетний аутист, увлечённый математикой. Второй тип – умственно отсталый человек. Герой дилогии Д. Лессинг «Пятый ребёнок» и «Бен среди людей» Бен Ловатт, ребёнок, которого собственные родители не считают психически нормальным человеком. Его социальные и коммуникативные навыки находятся на самой низкой ступени развития, поэтому многие герои считают, что он является неандертальцем или йети. Третий тип – психически стабильные, здоровые люди, персонажи из упомянутых выше произведений. Вначале обратимся к эмоциональному уровню проявления ментальных состояний. Рассмотрим два вида эмоций: положительные (среди которых в проанализированных произведениях были выделены надежда, любопытство) и отрицательные (гнев, злость, страх, шоковое состояние, неприязненное отношение) и их влияние на использование коммуникантами, обладающими различными ментальными состояниями, МС и МГ ЭМ для выражения субъективной оценки событий объективной действительности.

Примечательно, что представитель первого типа (подросток-аутист с узким кругом интересов) положительные эмоции не демонстрирует, что связано с особенностями его психического расстройства. В большинстве случаев герою присуще спокойствие, граничащее с апатией. *But whoever had killed him had probably killed him with Mrs. Shears's fork* [7]. Вследствие того, что говорящий прибегает к хладнокровному и отстранённому рассуждению, его предположения как не перерастают в уверенность, так и не утрачивают вероятности подтверждения. Например: «*And I thought she might be ringing the police and then I'd get into much more serious trouble because of the caution*» [7]. В приведённом выше примере опасения и страх говорящего ничем не подтверждены, поэтому он не делает твёрдых умозаключений, используя МГ ЭВ *might*. «*But I knew that the room couldn't be swinging backward and forward, so it must have been something which was happening inside my head*» [7] – данный пример демонстрирует, что в шоковом, паническом состоянии говорящему требуется приложить все усилия,

чтобы адекватно воспринимать реальность, не искажая объективную действительность. Он понимает, что комната не может кружиться, и причиной происходящего является его внутреннее смятение, что маркируется МГ ЭН *could* с отрицанием *not* и *must*. Второй тип, представленный пятым ребёнком Беном, как и в случае с рассмотренным ниже третьим типом, при переживании положительных эмоций демонстрирует склонность к субъективному повышению степени уверенности в оценке достоверности происходящих в реальности событий: «So he took the old, old road to London, rich London, where *surely* there must be a little something for him too» [8]. Присутствие в высказывании МС ЭН *surely* связано с положительно окрашенной эмоцией надежды, которая неоправданно повышает уверенность героя в том, что его мысли совпадают с реальностью. «Each of these noisy machines Ben knew was *probably* hostile to him» [8] – данный пример показывает, что незнание некоторых реалий современного мира не позволяет страху полностью завладеть разумом героя, оставляя место для сомнений, что маркируется МС ЭВ *probably*. И, наконец, третий тип (психически здоровые люди): «When he's gone, *perhaps* we could go and have a holiday together somewhere.» «Well, *perhaps* we could» [9] – надежда, которую испытывают коммуниканты, не позволяет им объективно оценивать собственную жизнь. В результате становится очевидным: вероятность того, что они действительно смогут отдохнуть, а следовательно, и достоверность данных высказываний, приближена к нулю, несмотря на использование МС ЭВ *perhaps*. Схожую ситуацию можно наблюдать и в следующем примере, где отчаяние изменяет смысловую нагрузку МС ЭВ *perhaps* на диаметрально противоположную (МС *perhaps* становится синонимичным наречию *never*): «*Perhaps* he would get over it» [9] – коммуникант сам не верит в достоверность своих слов. «*Of course* I'm bloody angry [7]» – в состоянии гнева даже при отношениях субординации мужчина не считает нужным снизить степень достоверности своего высказывания, что выражается МС ЭН *of course*. В следующем примере неприязнь женщины, обусловленная ничем не подтверждёнными подозрениями, является причиной открытого выражения своих истинных мыслей: «Christopher, I *really* don't think I want to see you right now» [7].

Когнитивный уровень ментальных состояний, как уже указывалось ранее, связан со способностью индивида к логическому мышлению. Выводы, полученные на основе логического осмысления фактов и событий действительности, в большинстве случаев являются объективными и обладающими высокой степенью достоверности. В наибольшей мере это проявляется у первого типа литературного героя, Кристофера, который увлечён математикой и строит всю свою жизнь, ба-

зируясь на логических умозаключениях. Приведём пример: «...and even though I *probably* won't become an astronaut, I am going to go to university» [7]. Мальчик знает о требованиях к профессии и своём заболевании, из-за которого даже при наличии хороших физиологических показателей он вряд ли сможет рассматриваться как подходящая кандидатура в астронавты. Здесь следует упомянуть о втором типе героя, представленном Беном. Поскольку Бен не относится к тем, кто достиг высшей ступени своего развития, мы не можем говорить о наличии и каком-либо проявлении у него когнитивного уровня. Отсутствие примеров из художественного текста подтверждает это умозаключение. Следующий пример является высказыванием представителя третьего типа: «He's a good little chap. He tries so hard... He is hyperactive, *perhaps*?» [9]. Здесь необходимо принять во внимание тот факт, что миссис Грейвз, директор школы, как и остальные жители города, никогда не сталкивалась с подобным Беноу явлением. Вследствие этого, основываясь на данных, полученных за счёт своих наблюдений, она приходит к логическому выводу, что у ребёнка, возможно, синдром дефицита внимания и гиперактивности. По сравнению с выводом о космическом происхождении Бена, которое высказывает его отец, данный вывод является более здравым, а потому более близким к истине.

Далее рассмотрим социальный уровень проявления ментального состояния, на котором реализуется не столько стремление говорящего передать достоверную, соответствующую объективной действительности информацию и достичь адекватной интерпретации её слушающим, сколько желание сделать это при помощи языковых средств, соответствующих сложившейся коммуникативной ситуации. Проиллюстрируем данное утверждение примерами из художественных произведений: «*Perhaps* it would be best not to talk about these things, Christopher... Because *maybe* your father is right and you shouldn't go around asking questions about this» [7]. Стремясь быть тактичной и не задеть чувства подростка, женщина намеренно снижает степень своей уверенности, эксплицируя это МС ЭВ *perhaps* и *maybe*. Вместе с тем её коммуникативный замысел остаётся открытым для второго участника коммуникации. Другой пример: «I think Mr. Shears *probably* killed Wellington... Because I think someone *might* have killed Wellington to make Mrs. Shears sad [7]. Не дождавшись какой-либо реакции на первую реплику, Кристофер усиливает её иллокутивную силу следующей репликой. Использование МС ЭВ *probably* указывает на сомнения говорящего в достоверности пропозиции, так как у него нет доказательств для подтверждения собственной догадки. Однако благодаря логическим рассуждениям он приходит к вполне обоснованному выводу о том, что убийство безобидной соба-

ки могло быть совершено с единственной целью: причинить душевную боль её владельцу, поэтому МГ ЭВ *might* в вышеприведённом примере сближается в своей семантике с МГ ЭН *must*, сигнализируя об уверенности говорящего в достоверности излагаемых сведений. «I've *certainly* seen energetic babies before» [9] – в приведённом выше примере МС *certainly* оказывает двойной перлокутивный эффект: во-первых, функционируя как маркер ЭН, оно доказывает слушающему, что высказывание соответствует действительности; во-вторых, оно преследует прагматическую цель убедить собеседника в том, что предположения последнего беспочвенны и не имеют ничего общего с действительностью, а значит недостоверны.

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать несколько выводов о связи ментального состояния коммуникантов с достоверностью пропозиции их высказываний. Во-первых, испытывая положительные эмоции, говорящий больше склонен преувеличивать достоверность своих суждений, эксплицируя это МС и МГ ЭН, в то время как использование аналогичных языковых средств при негативных эмоциях часто указывает на проявление истинных мыслей и суждений коммуникантов, которые в другой ситуации, возможно, не были бы высказаны из-за отношений субординации или родства. Тем не менее не стоит забывать о том, что любая негативно окрашенная эмоция, будь то гнев или страх, накладывает свой отпечаток на говорящего, поэтому лишь наличие способности сохранять рассудительность и ясность ума позволяет утверждать, что высказывание достоверно. Во-вторых, в случае, если человек не достигает высшей точки своего психического развития (вследствие различных генетических отклонений), нельзя говорить о наличии необходимых навыков для успешного осуществления коммуникации или необходимых условий для появления логического типа мышления. Таким образом, подобный человек может предоставлять недостоверную информацию, которую сам, вполне вероятно, будет оценивать как соответствующую истине. И наконец, в-третьих, общение становится продуктивным лишь в том случае, когда иллокутивный замысел говорящего становится понятным слушающему, следовательно, высказывание достигает предполагаемого перлокутивного эффекта. Это невозможно,

если коммуниканты предоставляют недостоверные сведения. Вместе с тем в повседневном общении нередки ситуации, когда степень достоверности информации снижена или, наоборот, завышена. В подобных случаях необходимо принимать во внимание такие социально-прагматические факторы, как социальный статус собеседников и степень их близости (родство, дружеские или враждебные отношения).

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Гак В.Г. Прагматика // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая российская энциклопедия: Дрофа, 1997. – 703 с.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика / В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
4. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
5. Шелякин М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/527693-yazyk-i-chelovek/toread> (дата обращения: 29.06.2016).
6. Щербатых Ю.В. Общая психология: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.no-stress.ru/Uchebniki/general-psych.html> (дата обращения: 29.06.2016).
7. Haddon M. The Curious Incident of the Dog in the Night-Time [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/Haddon_Mark/The_Curious_Incident_of_the_Dog_in_the_Night_Time.html (дата обращения: 29.06.2016).
8. Lessing D. Ben, in the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookmate.com/reader/LoJJOirg> (дата обращения: 29.06.2016).
9. Lessing D. The Fifth Child [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://brainteaser.narod.ru/books/fict/lessing_the_fifth_child.pdf (дата обращения: 29.06.2016).

Попова Татьяна Георгиевна*доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru***Мингалева Ольга Викторовна***Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва***Аникеева Ирина Годерзовна***кандидат исторических наук
Московский авиационный институт
lrganik3@mail.ru*

МЕТАФОРА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию роли метафоры в межкультурной коммуникации и ее передаче на переводящий язык (ПЯ). В работе метафора описывается как сложное, многоаспектное явление и рассматривается в двух аспектах: как троп и фигура речи, служащая для экспрессивности и выражения мнения автора в художественном тексте и как языковая метафора, утратившая в результате широкого употребления языковым сообществом свою образность и экспрессивность, тогда как процесс перевода рассматривается как психологический процесс. Авторы статьи подробно останавливаются на полисемантической основе перевода. В работе уделяется особое внимание важности процесса и результата перевода в современном обществе, поскольку перевод имеет общественное предназначение.

Ключевые слова: метафора, перевод, межкультурная коммуникация, язык, речь, общество.

Стремительное развитие новых технологий, в том числе информационно-коммуникативных, интеграционные процессы в экономике, политике, науке, образовании способствуют взаимопроникновению культур. Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности.

В этой связи можно вспомнить перечень «общекультурных универсалий» – обычаев, традиций, верований и т.д., присущих всем человеческим обществам, которые были составлены рядом антропологов, в том числе Кейт и Робинот Фоксом, Джорджем Питером Мердоком [4, с. 19]. Однако вместе с тем необходимо отметить, что основные ценностные установки передаются из поколения в поколение, воспроизводя законы общенародного менталитета.

Конец XX – начало XXI столетия в лингвистике отмечено провозглашением в качестве основополагающего того положения, что изучение языка может считаться адекватным лишь при описании его функционирования в процессе коммуникации. «Язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой» [2, с. 469–481].

Общение людей осуществляется в пределах определенной культуры с использованием того или иного этнического языка, языковой картины мира. Сознание носителя национальной культуры формируется в процессе овладения определенной

национальной культурой на основе свойственных ей образов и представлений. Национально-культурные факторы существенно влияют на элементы языкового кода каждого идиоэтнического языка, формирующие языковые картины мира и отличающиеся от концептуальных.

Попадая в другую национально-культурную и языковую среду, человек попадает в другой мир ценностей и правил, а также норм общения, которые необходимо знать и учитывать для полноценного общения с представителями других лингвокультур. Именно на основе правил проще выстроить систему «грамматики» самобытности народа [5, с. 86–96].

Термин «правило» в данном контексте используется в широком смысле. Поиск таковых правил неизбежно влечет за собой попытку понять и охарактеризовать культуру народа, т.е. совокупность моделей поведения, традиций, образа жизни, идей, верований и ценностей той или иной социальной группы.

Язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой. Язык понимается нами как условие для осуществления мышления и как средство, позволяющее хранить и передавать мысли, уже сформулированные в процессе мышления.

В настоящее время можно наблюдать усиленный поиск духовных опор в языке: предпринимаются попытки через язык по-новому осмыслить прошлое, осознать свое место в настоящем. В связи с этим необходимо отметить, что представления о языке неотделимы от представлений об отношении человека к миру в ту или иную эпоху, от характерного для нее миропонимания.

То, что возможны коммуникация и взаимопонимание людей, говорящих на различных языках

и принадлежащих к различным культурам, свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимообогащения культур различных народов. В этом отношении нельзя переоценить роль перевода.

В контексте наших рассуждений отметим, что процесс перевода предполагает сознательное установление соотношений между данными исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Следовательно, перевод является процессом воссоздания единства содержания и формы подлинника. Словарные дефиниции необходимо соотносить со знаниями человека не только о языке, но и со знаниями человека о мире.

Профессиональный перевод представляет собой умение конвертировать языковые формы одного структурного типа в другой тип через восхождение к языку как процессу [1, с. 45; 5, с. 34–44].

Таким образом, в контексте межкультурной коммуникации происходит контакт не только языковых систем и их речевых манифестаций, но также и соприкосновение разных культур. Говоря иными словами, перевод является не только взаимодействием языков, но также и взаимодействием культур, поэтому процесс перевода пересекает не только границы языков, но и границы культур.

Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий, рост глобализации способствует совершенствованию переводческих действий для решения растущих потребностей межъязыковой и межкультурной коммуникации. Однако вместе с тем необходимо отметить, что на современном этапе развития переводоведения исследователями отмечается «кризисное состояние переводоведения (и перспективе появления новой исследовательской парадигмы), о чем свидетельствуют следующие тенденции и факты:

- множественность и нетождественность терминологии;
- корреляция дефиниций и семантики различных терминов;
- комплементарность рядоположных и разномасштабных приемов, подходов, принципов, парадигм;
- конгруэнтность и неэквивалентность основных течений и тенденций;
- спецификация отдельных теорий, категорий, концептов;
- конвергенция терминов и методик из смежных гуманитарных дисциплин и несмежных областей научного знания (технических, естественных)» [3, с. 193–194].

Отметим, что в переводоведении принято концентрировать интерпретативный и трансформационный подходы. Как отмечает И.Н. Филиппова, «трансформационный перевод понимается как

преобразование материальной стороны ИТ (единиц и структур всех языковых уровней) в единицы и структуры ПЯ. Интерпретационизм рассматривает смысл (концепт, информацию) как главный предмет коммуникации, опосредованной переводом» [3, с. 193–197].

Далее на основе примеров остановимся на проблемах перевода, имеющих отношение к фоновым знаниям, и приведем примеры, иллюстрирующие, каким образом в метафорических единицах и их значениях отражаются специальные фоновые знания, относящиеся к определенным областям человеческой деятельности. Так, в значении метафор «black ink», «red ink» и дериватов данных ФЕ «(to be) in the black», «to go into the red», «to put in the red», «to come/get out of the red» отражены экстралингвистические знания о том, что в бухгалтерии ранее было принято записывать прибыль черными чернилами, убытки – красными.

На настоящий момент эта профессиональная практика несколько видоизменялась: красным цветом отмечаются исправления со знаком «минус». Однако для профессиональных бухгалтеров расшифровка понятий, обозначаемых фразеологизмами «black ink», «red ink», не представляет труда. Для большинства же людей, не знакомых с бухгалтерией, механизм метафорического смыслового сдвига при образовании перечисленных ФЕ остается в большей степени скрытым.

Адекватное декодирование значения ФЕ «poor debtor» также возможно только на основе специального юридического знания, которое отражено словарной дефиницией с глоссой «US, law»: «one, who, being imprisoned in a civil action for debt, is under the laws of several states entitled to be discharged after a short period, on proof of poverty, etc.» (OED).

Без специального знания о приложении метафорического образования «poor debtor» к строго определенной ситуации, связанной с заключением в тюрьму за долги, в силу кажущейся прозрачности внутренней формы, возможна ложная интерпретация значения фразеологической единицы.

Подобным же образом, из-за кажущейся ясности значения, вне приложения к конкретной экстралингвистической ситуации возможна ложная интерпретация значения ФЕ «poverty trap». Истинное значение этого фразеологизма «положение, когда в бедной семье, ранее жившей на пособие по безработице, кормилец находит работу и начинает получать заработную плату, которая ниже бывшего пособия по безработице», ревизуется только применительно к ситуации, связанной с получением пособия по безработице.

Таким образом, вне данного экстралингвистического знания значение фразеологической единицы «poverty trap» могло бы быть определено, например, как «невозможность подняться выше

уровня нищеты». Этот признак действительно присутствует в структуре значения фразеологизма, но является всего лишь частью этой структуры, не отражая всей полноты значения. Полное значение фразеологической единицы «poverty trap» реализуется только благодаря знанию об отражении узко определенной экстралингвистической ситуации.

В основе значений следующих фразеологических единиц лежат сведения, приобретенные людьми, выросшими в англоязычной ионациональной культуре. Например, для людей из английского языкового социума не предъявляет труда декодирование значения фразеологической единицы «to keep up with the Joneses» «жить не по средствам, стараясь не отстать от соседей». Универсальное для англоязычной культуры знание о том, что фамилия «Jones» – одна из самых распространенных в Великобритании и в указанном фразеологизме выступает как собирательный образ соседей и социально равных слоев, делает мотивацию метафорического сдвига прозрачной для носителей языка.

Понимание значения такой фразеологической единицы, как «(to be) in/on/upon (the) score of» подразумевает, что коммуниканты знакомы с обычаем, существующим и поныне в английских деревенских трактирах, записывать денежные задолженности постоянных посетителей мелом на доске. Подобные записи носят название «score».

Однако фоновые знания, имеющие этнонациональные корни, сводятся не только к естественному для проживающих в данной среде экстралингвистическому знанию национальных реалий. Язык, будучи всегда национально специфичным, отражает как особенности природных условий или культуры, так и своеобразие национального характера его носителей.

Наиболее ярко национальные особенности мировидения и миропонимания эмпирической действительности проявляются в системе образов-эталонов, которые сформированы в повседневной культуре и запечатлены в устойчивых сравнениях типа «глупый как баран», «трусливый как заяц», «хитрый как лиса» и т.д.

Языковой социум сначала приписывает тем или иным животным определенные свойства, выявляемые в них с точки зрения повседневно-культурного опыта и присущие также человеку. Затем сравнения, ставшие общепринятыми, эталонизируются и представляют «нечеловеческие» образцы человеческих свойств, которые говорят не о мире, а об «окультуренном» мировидении.

Одним из примеров реализации в метафорических значениях фразеологизмов этих имплицитных традиционных для американского языкового сознания образцов-эталонов является фразеологическая единица «fat cat». Значение этой единицы – «денежный мешок, богач-толстосум, думающий лишь о выгоде для себя» – вмещает прижившееся в национальном менталитете представление о кошке, наделенной таким качеством, как жадность.

Таким образом, мы приходим к заключению, что перевод призван удовлетворять определенную общественную потребность. Говоря иными словами, перевод имеет свое общественное предназначение: он призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации.

Еще один вывод, к которому мы приходим на основе описания роли перевода и межкультурной коммуникации на основе нашего иллюстративного материала, сводится к следующему заключению: язык, являясь средством общения, не только позволяет сообщать и хранить информацию о любых явлениях реального и ирреального мира, но и отражает все изменения, происходящие в сознании людей. Национальные особенности проявляются не только в образе жизни людей, в их материальной и духовной культуре, но и в языке, в том числе, и в лексике.

Библиографический список

1. *Нелюбин Л.Л.* Перевод и прикладная лингвистика. – М.: Высшая школа, 1983. – 207 с.
2. *Попова Т.Г.* Когнитивно-семантические факторы процесса перевода в интеракции культуры // Язык в пространстве коммуникации и культуры: Материалы VI Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (29 июня 2012 года). – М.: Военный университет, Факультет иностранных языков, 2012. – С. 469–481.
3. *Филиппова И.Н.* Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014.
4. *Popova, Tat'jana G.* Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009., god. 15., sv. 1. – 3. Str. 86–96.
5. *Popova, Tat'jana G.* Language Conceptualization // The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association (GCA) (22-23 November 2013, Ottawa, Canada), 2013. – P. 34–43.

Попова Татьяна Георгиевна

доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru

Сачкова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет путей сообщения императора Николая II
november29@yandex.ru

МЕТАФОРА В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ СТИЛЕ

Статья посвящена языковой метафоре и её функционированию в официально-деловом стиле. Рассматриваются такие вопросы, как метафора, языковая метафора и речевая метафора, их ключевые характеристики. Новизна исследования заключается в том, что проводится анализ явления метафоры в подстилях официально-делового стиля, для которых ранее она была не характерна, однако впоследствии появилась в силу действия различных факторов, определяющих процесс развития языка. В связи с этим метафора рассматривается в двух аспектах. Во-первых, как фигура речи, служащая для выражения экспрессивности в художественном тексте. Во-вторых, как языковая метафора, утратившая в результате широкого употребления языковым сообществом свою образность и экспрессивность. Однако она, так же как и речевая метафора, базируется на переносе значения на основе сходства или ассоциации и сохраняет в ослабленной форме эмотивный или оценочный компонент в своем значении. Функциональный стиль определяется как разновидность литературного языка в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей, особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере. Рассматриваются характерные черты официально-делового стиля и его подстилей. На примерах из деловой и военной документации иллюстрируется наличие метафоры в текстах данных подстилей и особенности ее функционирования.

Ключевые слова: языковая метафора, официально-деловой стиль, подстили деловой и военной документации.

Метафора является многоаспектным и многофункциональным явлением, которое представляет большой интерес не только для стилистики, но и для других областей языкознания и смежных наук, таких как психология, психолингвистика, когнитивистика и т. д. В данной статье анализируется функционирование метафоры в текстах официально-делового стиля. Актуальность работы продиктована тем, что современный язык меняется быстрыми темпами, изменяются характеристики основных функциональных стилей. И если ранее употребление метафоры в официально-деловом стиле отрицалось, задачей данного исследования является анализ текстов современных документов с целью подтверждения или опровержения нашего предположения, что в них тоже может присутствовать метафора.

Мы придерживаемся определения метафоры, согласно которому она является ментальным и языковым механизмом, который заключается во взаимодействии или сравнении двух сущностей, явлений на основании сходства между ними, то есть нахождения их общих признаков. Роль метафоры в познании с древнейших времен состоит в установлении связей, сравнений самых различных сущностей [6, с. 590]. Метафора возникает как индивидуально-авторская, проходит этап социализации и лексикализации в словарном составе языка [5, с. 227], где стирается и утрачивает образ, который сменяется понятием (значением слова). Таким образом, необходимо разграничивать речевую и языковую метафору. Речевая метафора – это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п.» [1]. Языковая метафора – это резуль-

тат сложного процесса метафоризации, когда у метафоризированного слова еще не сформировалось нового значения, но его употребление начинает входить в норму и становится привычным. Далее мы будем говорить именно о языковой метафоре, частично утратившей свою образность, вошедшей в узус и многократно повторяющейся в речи.

Как отмечал И.Р. Гальперин, «метафора является одним из средств образного отображения действительности. Значение этого стилистического приема в стиле художественной речи трудно переоценить» [3, с. 129]. Однако он не был первым или единственным, кто ограничил функционирование метафоры рамками стиля художественной литературы.

Наличие метафоры допускается в газетно-публицистическом стиле, стиле ораторской речи, так как эти тексты призваны воздействовать на адресата, обращаясь не только к его разуму, но также к чувствам и эмоциям. Такие тексты могут быть насыщены метафорами, что придает им эмоциональность и экспрессивность. В текстах этих стилей преобладает языковая метафора со стертой образностью.

Что касается стиля научной прозы, то наука требует однозначных терминов и четкой информации, а метафора двусмысленна и неточна. Она допустима в обиходной речи, но «когда мы рассуждаем и ищем истины, такие речи недопустимы» [4]. Однако, как показывают современные исследования, и научному стилю не чужда метафора. Конечно, преобладает языковая, стертая метафора, но нельзя игнорировать тенденцию современных ученых (особенно американских и британских) использовать в своих трудах и художественную метафору.

Функциональный стиль определяется как разновидность литературного языка, в которой язык вы-

ступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и специфика которой обусловлена особенностями общения в данной сфере. К важным стилиеобразующим факторам относят формы общественного сознания, социальные отношения, различные виды деятельности, а также автора речи, адресата, тематику и цели общения и т. д.

Официально-деловой стиль имеет несколько разновидностей: язык коммерческой или деловой документации, язык дипломатии, язык юриспруденции, язык военной документации. Основная цель текстов этого стиля – определить условия для нормального сотрудничества сторон, способствовать достижению договоренностей между заинтересованными сторонами. К данному стилю относятся документы, начиная с деловой переписки между фирмами до дипломатических нот между государствами, военных уставов, пактов, законов, приказов. Характерными особенностями языка этого стиля являются: наличие специфической терминологии и фразеологии, заимствования латинского и французского происхождения, всякого рода сокращения, аббревиатуры, сложносокращенные слова. Отметим, что слова употребляются в основном в предметно-логическом значении. Производные предметно-логические значения в данном случае И.Р. Гальперин рассматривает как терминологические. В связи с этим он утверждает, что в текстах официально-делового стиля нет образных средств – метафор, метонимий и других приемов создания образности речи. Любые эмоциональные языковые элементы теряют свою эмоциональную функцию и становятся условными формулами обращения, просьбы, отказа и т. д. Это обусловлено спецификой текстов данного стиля, роль которых состоит в создании такой языковой картины, которая не допускает двусмысленной интерпретации, поскольку любое неоднозначное понимание высказывания может привести к потере коммерческой прибыли, дипломатическому конфликту, неправильному исполнению военного приказа, юридическим проблемам. Тем не менее можно предположить, что на ранних этапах формирования этого стиля, особенно в текстах деловой переписки, эмоциональная сторона высказывания сохранялась, но постепенно при частом употреблении она ослабевала, и эмоционально окрашенные слова превращались в формулы вежливости [3, с. 433–434].

Рассмотрим особенности употребления языковой метафоры в текстах деловой и военной документации. Мы остановились на этих двух подстилях в силу их особенностей. Стиль деловой документации, особенно деловой переписки, отличается клишированностью, что не предполагает наличие метафоры, которая содержит в себе элемент образности. Стиль военной документации, представленный военными уставами, приказами и т. п., предполагает точность, объективность и отсутствие языковых элементов, противоречащих этим требованиям.

Несмотря на утверждения И.Р. Гальперина, что любая метафора в деловой переписке со временем утрачивает эмоциональность и превращается в формулу вежливости, обращаясь к деловой переписке, мы можем отметить, что эти формулы вежливости все же сохраняют признаки языковой метафоры и осуществляют эмоциональное воздействие.

Рассмотрим такие хорошо известные клише деловой переписки, как: *We were glad to receive your letter. We appreciate your letter of Spt. 25, 2000. We shall be grateful to you for any data. I will be happy to answer any questions you may have. We are looking forward to your prompt answer. We look forward to hearing from you soon. Looking forward to your early reply. Sincerely yours. Yours faithfully.* и т. д. Во-первых, все они отвечают определению метафоры как соотношения предметно-логического и контекстуального значения. Получая деловое письмо, адресат прекрасно понимает, что автор письма, возможно, не особенно рад, счастлив или благодарен. Это формула вежливости, но она сохраняет положительную оценку и демонстрирует уважение автора письма к адресату. Здесь реализуются положительные компоненты двух важных для человеческого общения оппозиций: вежливость / невежливость, положительная оценка / отрицательная. То же относится и к формулам прощания. Возможно, на ранних этапах формирования стиля эти высказывания и выражали преданность автора письма адресату и готовность ему служить. В современной деловой переписке они предстают как формулы вежливости, но в то же время соответствуют и характеристикам стертой языковой метафоры.

Однако принятые формулы вежливости в деловой переписке не только подчеркивают характер таких писем, но зачастую также служат способом вежливо и «красиво» урегулировать или скрыть конфликт заинтересованных сторон. Примером может служить письмо об отставке [10, p. 156]:

I am resigning my position as special accounts representative, effective July 30, 20XX.

Recent circumstances incompatible with my personal values require that I change my employment.

Thank you for the chance to work and learn at Marketing Towers.

Как видно из примера, метафоре есть место в деловой переписке, а предложение *Recent circumstances incompatible with my personal values require that I change my employment* не просто указывает на обстоятельства, несовместимые с личными убеждениями увольняющегося, но маскирует определенный конфликт и является развернутой метафорой, значение которой раскрывается в контексте письма. Фраза *I change my employment* представляет собой метафору, значение которой определяется контекстом всего письма и его целью сообщить в первую очередь об отставке, а не о желании сменить место работы.

Следующий подстиль, который мы рассмотрим, – это военная документация, к которой относятся уставы войсковой службы, приказы, распоряжения и т. д. Наиболее типичным военным документом является приказ. По содержанию приказы делятся на общие и специальные. Они имеют очень строгую форму, отклонение от которой является нарушением не только стилистических норм, но и установленного порядка переписки. Итак, строгая форма, нарушение установленного порядка переписки и сам характер военной документации – задача, цель которой – четко, ясно и однозначно описать ситуацию и отдать такой же четкий и однозначный приказ – все это должно исключить метафору из военного стиля. Однако, как показывают примеры, метафора в этом стиле присутствует.

Приведём ещё пример: *Nothing in this Directive shall detract from, nor be construed to conflict with, the authorities and responsibilities of the Combatant Commanders* («директива не должна вступать в конфликт с полномочиями командующих»). Данный отрывок является примером классической метафоры: переноса с конкретного на абстрактное и с одушевленного на неодушевленное. Директива и полномочия предстают как живые существа, способные вступать в конфликт.

В современном языке военного стиля метафора употребляется всё чаще. Это связано с тем, что военная политика многих правительств вызывает неодобрение как их собственных граждан, так и международной общественности. Министерства обороны и военно-промышленные комплексы многих стран стараются лоббировать свои интересы в законодательных органах, что вызывает недовольство и самих политиков. Избежать такого недовольства помогают слова, называющие те же объекты, но подчеркивающие не их негативные, а положительные характеристики или снижающие интенсивность негативной характеристики – эвфемизмы. Здесь необходимо отметить, что наиболее эффективным способом создания эвфемизмов является метафора, то есть создание смысловых ассоциаций по сходству. Явление эвфемизации наблюдается и в различных сферах социальной жизни человека и общества: дипломатии, репрессивных действиях власти, государственных и военных тайнах и секретах, деятельности армии, разведки, милиции. Метафорическая номинация при создании эвфемизмов является наиболее продуктивной [8, с. 452–458].

Эвфемизм, появившийся в результате метафоризации, позволяет создать совершенно иную картину мира, не столь устрашающую, если назвать нейтронную бомбу «устройством с повышенной радиацией». Именно это и было сделано Министерством обороны США при утверждении финансирования создания нейтронной бомбы, которую называли «*radiation enhancement weapon*», «*enhanced radiation device*», «*enlarged radiation weapon*».

То же относится к выражениям «*incontinent ordnance*» или «*friendly fire*», которые описывают взрыв снарядов на своих позициях или огонь по своим позициям.

Таким образом, можно сделать вывод, что языковая метафора не чужда официально-деловому стилю, она присутствует в его основных подстилях. Проблемой дальнейших исследований остается метафора в юридической и дипломатической документации, а также основные типы метафоры и ее функции в текстах официально-делового стиля.

Библиографический список

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения: 24.04.16).
2. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. – М.: Худ. лит, 1941. – 621 с.
3. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
4. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/hobbes/preface.htm> (дата обращения: 10.03.15).
5. *Попова Т.Г.* Мотивы метафорического переноса // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы международной конференции. – М.: РУДН, 2013. – 399 с.
6. *Попова Т.Г.* Роль метафоры в художественном тексте // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: материалы VIII Международ. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международные отношения», 2014г. – 666 с.
7. *Сачкова Е.В.* Функция метафоры в политическом дискурсе // Материалы IX Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs. национальные интересы». – М.: РАМИ, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://risa.ru/ru/ceksii-viii-konventa-rami/27-sektsii-ix-konventa-rami/216-sektsiya-30-problemy-i-perspektivy-razvitiya-sovremennogo-politicheskogo-diskursa-v-mass-media>.
8. *Уварова Е.А.* Семантический механизм эвфемизации // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тула, 2010. – № 2. – С. 452–460.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
10. *Carey John A.* Business Letters for Busy People. – Career Press, 2002. – 274 p.

Олейник Нелли Григорьевна
кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственной университет
inyaz@ksu.edu.ru

Дубова Марина Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственной университет
inyaz@ksu.edu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА СИЛ ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальность темы статьи диктуется возрастающей ролью сил правопорядка в современном обществе, способных противостоять изоцирленным способам, которые используют нарушители закона разного ранга в наше время. В данной связи представляется показательным проследить весь путь становления названий правозащитных подразделений, составляющих современную полицию, сквозь призму восприятия служителей и нарушителей закона. В статье проводится анализ способов номинации исследуемых явлений и стилистических особенностей полицейского жаргона с момента его возникновения в Англии в XVIII веке и по настоящий момент.

Характерно, что со времени появления в языке данного пласта лексики четко прослеживается тенденция использования таких стилистических приемов, как метафора и метонимия в различных структурных вариациях, которые за счет разной стилистической окраски демонстрируют противоположное, часто взаимоисключающее отношение говорящих к ситуации – пренебрежительно-уничижительное или эвфемистически завуалированное, но нередко имеющее мелиоративный характер.

В современном английском языке обозначение полицейских подразделений осуществляется системой синонимичных средств, отражающих их внутриведомственные отношения, задачи, которые они решают в повседневной службе. Лингвистический материал исследования ограничен терминами, обозначающими саму полицию, ее временные подразделения, методы их работы.

Ключевые слова: полицейский жаргон, антономазия, лексическая аббревиация, усложненные сокращения, аббревиационная синонимия, частичная аналогия с транспозицией стилистической окраски, вербальные метафоры, номинативные метафоры, расширенные метафоры с эффектом эвфемизма, групповые эпитеты с эффектом оксюморона.

В западном мире полиция возникла в начале XVIII века в Англии. Прообразом этой государственной организации явились так называемые *the Bow Street Runners*. Этимология названия связана с местом возникновения в Лондоне первых попыток организованной борьбы с беспорядками и преступностью. На протяжении всего XVIII века предпринимались разные меры упорядочения и организации всех противодействующих асоциальным силам структур.

Так, британский премьер-министр сэр Роберт Пиил (Robert Peel) объединил разрозненные усилия в единую общенациональную организацию. В просторечии члены этого объединения назывались *bobbies* (сокращенный дериват от его имени!) и *peelers* (производное от его фамилии). Существует и еще одно производное – вариант его имени на кокни – *rozzers*, который наряду с *peelers* используется в Северной Ирландии и в наше время. По существу, все эти термины отражают пренебрежение и плохо скрываемый бессильный гнев (ярость) противоборствующих общественных сил – стражей порядка и тех, кто его нарушает. Такое положение вещей естественным образом характеризует эти отношения на протяжении всех последующих веков, включая и текущий период.

Однако одновременно с этим возникла и другая тенденция при образовании терминов, связанных с разными сторонами системы правопорядка. Процедура казни, например, ставшая в одно время

очень популярным зрелищем, называлась *Beilby's* (форма слова *bailiff*) *ball*, то есть, дословно, «бал судебных приставов» [1, т. 1, с. 124]. Это явление нашло отражение и в художественной литературе. Даниэль Дефо в своем романе «Moll Flanders» описывает эту процедуру другой расширенной метафорой – *the steps and the string* (несколько шагов и веревка!). Просто и ясно! Пропать между сущностью явления и его названием очевидно.

Из приведенного выше материала следует, что с самого начала возникновения сил правопорядка в просторечии наметились две взаимоисключающие тенденции стилистической окраски соответствующей им терминологии – пренебрежительно-уничижительная и эвфемистически завуалированная, скрывающая в конечном итоге иронию и сарказм. Обе тенденции сохранились в наше время, но используются в значительно модифицированном виде.

Полицейских теперь называют не только с помощью приема переноса значения с имени личного на связанные с ним явления (*антономазии*), но и с помощью переноса значения по метонимии. В США, например, базой переноса значения может служить какой-либо признак их экипировки:

1) цвет формы – *blueboys* (ребята в голубом) – государственный или местный полицейский среднего ранга; *blue man* – офицер полиции;

2) форма головного убора – *big hat* – любой полицейский;

3) степень изношенности обуви – *new boots* – новичок;

4) знаки идентификации, характерные для определенных штатов – *button man, flash the tin, potsy* [5, p. 15, 16, 20, 123].

Для обозначения женщины в полицейской форме наряду с приемом антономазии – *Dickless Tracy, Jane Wayne syndrome, Dirty Harriet syndrome* – широко используются также мелиоративно окрашенные метафоры с оттенком юмора – *Charlie's angel*; а также усиленные иронией фамильярно-пренебрежительно окрашенные метафоры – *badge on a beaver* (бобреха с бляхой / дословно – «бляха на бобрехе»). Другие значения слова *badge* еще более четко определяют уничижительно-пренебрежительное отношение к обозначаемому – эмблема, кокарда, бляха [1, т. 1, с. 123–124].

Итак, антономазия, перенос значения по метафоре и метонимии – вот основной лингвистический механизм, используемый с самого начала формирования полиции для выражения сложных переплетений в отношениях обеих противоборствующих сил правопорядка. Так воплощается «взгляд изнутри» на данные явления, составляющие их и сопутствующие им.

Наше время, безусловно, вносит свои коррективы в лингвистические приемы, расширяя номенклатуру средств отражения вновь возникающих в жизни явлений. Обозначение полицейских подразделений, например, осуществляется в современном языке системой синонимических средств, отражающих не только их внутриведомственные отношения, но и задачи, которые решаются в повседневной службе, и пути реализации этих задач. Рассмотрим эти средства подробнее.

Каждое полицейское подразделение имеет теперь группы по освобождению заложников – печальное знамение нашего времени. Офицеры таких групп именуется *eagles* (орлами) в отличие от *parrots* (попугаев), то есть офицеров, надежность которых вызывает сомнения. Сами заложники называются *canaries* (канарейками), а их захватчики – *crows* (воронами). Подобные метафоры – это своего рода «говорящие имена», которые дают представление об иерархии отношений внутри полицейских подразделений, открывая тайники душ служителей закона. В особую группу выделяются также полицейские, которые подобно специально обученным собакам «нюхом» чувствуют мертвецов – *cadaver dogs* (ищейки мертвецов).

Среди других подразделений имеются также *brownies* (коричневые – по цвету их формы) – *traffic officers*, которых называют также *green onion, meter maid*, то есть полицейские, обслуживающие транспорт; *bunco squads* – полицейские подразделения для наведения порядка среди шулеров в картежном бизнесе; *bulls* (быки, буйволы) – охранники в тюрьме, а само это заведение именуется нейтрально-возвышенно – *big house* [5, p. 11, 15].

Необходимость надлежащего соблюдения субординации и правил проведения полицейских процедур, работы по закону – *by the book, by the numbers* (по правилам), без сглаживания острых моментов – *not cutting any corners* – обеспечивается наряду с другими мерами также за счет информаторов. Полицейские и правонарушители называют их красноречиво – *captain's moles* (родимые пятна капитана) или *bird dogs* (ищейки с крылышками). Словарь под редакцией И.Р. Гальперина регистрирует следующие значения существительного *mole* «родинка; родимое пятно; бородавка; зоол. крот», которые по-разному отражают качества полицейских доносчиков-информаторов, но все вместе точно передают негатив, который испытывают окружающие и коллеги от такого рода деятельности [1, т. 2, с. 58]. Прием использования расширенной метафоры, усиленной во втором случае оксюморонном, подчеркивает абсурдную нелепость, но жизненной устойчивый характер подобных явлений.

Приведенные термины свидетельствуют о разветвленной системе полицейских органов. Вместе с тем эти термины имеют разную степень презрительно-уничижительной окраски и знаменуют вполне четко выраженное отношение говорящих к обозначаемому. Характерно также, что основным лингвистическим средством переноса значения по-прежнему является метафора, а разное написание – слитно, через дефис или раздельно – подчеркивает, что этот процесс активен и далек от завершения и в языке нашего времени.

Так, традиционное орудие труда полицейских – дубинка – также имеет много способов обозначения, среди которых преобладают нейтральные термины, усиленные дескриптивными эпитетами – *billy club (police service baton), billy, baton*. Перенос по метонимии запечатлен навеки в слове *cocobola* как дань материалу, из которого первоначально изготавливались дубинки [5, p. 26]. Особняком стоит сращение *nightstick*, сохраняющее иронию.

Таким образом, возникновение значительной иерархии подразделений полиции не меняет отношение к ней, о чем свидетельствует лингвистический набор средств их отражения в языке.

Далее рассмотрим наименования, связанные с работой этих подразделений.

Иронически и уничижительно звучит расширенная метафора – *alphabet soup* – термин, обозначающий рутину в полицейском деле, разного рода бумажную, ведомственную волокиту, проволочки, которым не видно ни конца ни края [5, p. 3]. Самоирония в данном случае может расцениваться как положительный фактор присутствия реалистичности в трактовке подобной ситуации у членов рассматриваемой организации.

Особый интерес, безусловно, представляют языковые средства, воплощающие задачи, которые приходится решать полицейским, и пути их решения, то

есть конкретная практика реализации правил поддержания порядка, технология их воплощения в жизнь.

Недвусмысленно звучат термины – *batting practice* (beating up a suspect with nightsticks); *baseball bat therapy* (beating some sense into sb.); *attitude adjustment* (one major way to accomplish attitude adjustment using a baseball bat); *attitude arrest* (arrest made because a police officer doesn't like someone's attitude or behaviour); *body cavity search* (a complete search for drugs or smuggled jewels, including mouth and most intimate parts of the body); *bast balls* (tease, harangue, give a hard time, beat up) [5, p. 6, 7, 16, 17].

Ни ирония, ни метафоры, усиленные эпитетами, не скрывают жестокость, цинизм, пронизывающие подобные действия полицейских. Об этом же свидетельствует с виду вполне «невинный» термин *choir practice*, показывающий, как отдыхают служители закона: обычным является поездка в уединенные места, где они напиваются до бесчувствия, ездят куда попало без правил и стреляют по своей прихоти, даже не целясь [5, p. 24]. Дериватом является термин *choir boys*. Последний термин традиционно используется для обозначения мальчиков, поющих в церковном хоре. Пропасть, разделяющая их и распоясавшихся, неконтролируемых никем и ничем полицейских на отдыхе, очевидна, и она не в пользу последних.

При этом социально значимый контраст между противостоящими силами правопорядка разителен. Ведь законопослушные граждане должны всегда, на отдыхе также, следовать букве закона, обозначаемого как *blue laws*, то есть своду правил, регулирующих употребление спиртных напитков, проведение танцевальных вечеров и даже любых работ по воскресеньям [5, p. 24]. Контраст огромен, как и социальные гарантии обеих сторон. Язык четко и объективно фиксирует это.

Однако процесс называния имеет и определенные «ослабления». Сюда относятся необычные случаи, неординарные правонарушители, которые звучат на полицейском жаргоне эвфемистически, зачастую почти умиленно, ласково: *cat fight* – драка среди женщин; *chicken* – несовершеннолетний подозреваемый; *street hustler* – вор-карманник, работающий в толпе; *card mechanic* – картежник, прибегающий к обману; *booster* – профессионал, крадущий товары из магазина с целью перепродажи; *car booster* – угонщик автомобилей с их парковки; *cat burglar / creeper* – вор-взломщик, работающий бесшумно в ночное время, когда все спят; *carry-off* – особая форма вскрытия сейфов; *car-keyed* – порча автомобиля ключом путем нанесения царапин во время безмятежной прогулки, как бы мимоходом и случайно; *to Brodie* – прыгнуть с моста или многоэтажного дома, а *Mr. Brodie* – прыгун а ля Брудии, один из которых прыгнул, по преданию, с Бруклинского моста; *to be connected* – иметь «крышу».

Этот список пополняется за счет аббревиатур, широко используемых в речи служителей и нарушителей закона. Развитая стилистически маркированная синонимия включает 2–3 наименования обозначаемого явления. Например:

APB – all Points Bulletin [5, p. 5] равнозначен *BOLO* – be on the lookout for [5, p. 16] – «Внимание (Разыскивается ...)».

Характерно также совмещение аббревиации и переноса значения по метонимии, параллельное использование сокращенного и полного слова при неизменном сохранении значения. Например:

bis, biscuit – личное огнестрельное оружие, синонимичный ряд включает также *jammie, an oowop* [5, p. 12];

amp, синоним *MAV* – отсутствие доказательств из-за недостатка отпечатков пальцев [5, p. 5];

B.Y.O.B. gag – обманная схема формы найма барменов, при которой они приносят спиртной напиток сами и продают в баре для поддержания его доходов [5, p. 20];

ALJ – действовать на автомате (acting like a jerk). То же самое *DWI, DUI* – вести машину под хмельком (Driving while Intoxicated, Driving under the Influence...) [5, p. 4];

C.I. – личный информатор по аналогии с *confidential clerk* – доверенное лицо [5, p. 25].

Основная форма сокращений – буквенная или лексическая [2, с. 9; 4, с. 157]. Встречаются также и другие образования по аналогии. Например: *B and E* – *break and enter*; also known as a “*beanie*” – «ночная кража со взломом» по аналогии с “*Bread and Breakfast*” (ночлег и питание) [5, p. 21, 22, 23].

Что касается действий полицейских, то и в этом случае среди жаргонной терминологии преобладают эвфемистически окрашенные вербальные и номинативные метафоры: *to cap, to ice* – стрелять, застрелить; *to cancel one's ticket* – убить выстрелом; *to chill out* – успокоиться; *cheap education* – здесь: обвинение, добытое обманным путем; *chase paper* – здесь: вести расследование на основании документальных фактов, запечатленных на бумаге (счета, выступления и т. п.).

В случае завершения работы по какому-либо делу полицейские говорят “*the case goes down*” (закрыто, раскрыто), иногда за счет сверхурочной работы – *collars for dollars*, иногда за счет неоправданно значительных по числу сил, привлеченных к делу – *clusterfuck*. При этом часть из них остаются верными долгу и призванию – *clean cops*.

Естественна и достаточно показательна при обнаружении полицейского патруля реакция обывателя – она весьма однозначно настроенна: он или убегает, или просто сворачивает быстрыми шагами в сторону, стараясь не попадаться им на глаза. Этот феномен известен как *black and white fever* [5, p. 21, 22, 23]. Лингвистический механизм образования представляет конгломерат разных средств: *black and*

white – групповой эпитет с оттенком оксюморона и номинативная метафора – *fever* (горячка). В целом это словосочетание живописует гиперболизированное представление упомянутого состояния.

Как следует из анализа приведенного выше лингвистического материала, полицейский жаргон возникает за счёт использования широкой палитры средств языка. Характерно при этом, что тенденция применения взаимоисключающих по стилистической окрашенности средств базируется по-прежнему на тех же приемах, которые использовались в XVIII веке – метафора, метонимия и их разновидности, свойственные современному языку. Все вместе они четко фиксируют внутреннюю структуризацию современной полицейской организации, взаимодействие ее подразделений с точки зрения ее членов, а также дают представление о постоянно меняющемся состоянии дел в сфере взаимодействия сил поддержания и нарушений правопорядка в современном мире.

Примечание

¹ Дериваты от имени *Robert* – Bert, Bertie, Bob, Bobbie, Bobby, Dob, Dobbin, Pop, Rab, Rabbie, Rob, Robbie, Robin [3, с. 169].

Библиографический список

1. Большой англо-русский словарь: в 2 т. / под ред. И.Р. Гальперина. – М.: Русский язык, 1987–1988.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
3. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 224 с.
4. Учебное пособие по английской лингвистической терминологии / И.М. Деева, Л.Х. Ишо, А.И. Литвиненко и др. – Горький, 1975. – 404 с.
5. Poteet L.J., Poteet A.C. Cop Talk: A Dictionary of Police Slang. – New York, 2000. – 164 p.

СОЗДАНИЕ СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА МУЖЧИНЫ В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ
(на материале русского и английского языков)

В статье рассматривается категория «гендер» как предмет изучения гендерной лингвистики, приводятся характеристики понятий «гендерная картина мира», «гендерный концепт», «гендерный стереотип», «мужественность/женственность», прослеживается связь концепта и стереотипа, подчеркивается образно-оценочная природа стереотипа. Автор выявляет роль печатных СМИ в создании гендерной картины мира культурных сообществ на современном этапе и активное участие глянцевого журнала в этом процессе; определяет особенности дискурса гендерно-ориентированных изданий как средства формирования стереотипных представлений о мужчине и женщине в сознании читателя; анализирует, как содержание современного концепта маскулинности отражается в стереотипном мужском образе, создаваемом на страницах гендерно-ориентированных изданий в рамках устойчивых тематических блоков, общих для мужских зарубежных и российских глянцевого журналов; проводит сравнительный анализ образов мужчины на Западе и в России с позиций соотношения гегемонной и естественной маскулинности. Результатом проведенного исследования является вывод о том, что образ мужчины, репрезентуемый англо- и русскоязычным дискурсом глянцевого журнала, является стереотипным, соответствует современным метагендерным нормам и одновременно имеет отличительные черты, отражающие стереотипные представления о современной маскулинности различных национальных гендерных картин и языковые особенности разных культур.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, концепт, стереотип, стереотипный образ, мужественность, женственность, глянцевого журнала, гегемонная и естественная маскулинность.

В 70-х гг. XX века под влиянием второй волны феминизма в Западной Европе и США сформировалась самостоятельная научная дисциплина – гендерология, которая обратилась к изучению различий в поведении мужчин и женщин, объясняя их не столько биологическими особенностями, сколько спецификой воспитания, образования и другими социальными факторами.

Центральным понятием нового направления стала категория «гендера», введенная в научный оборот в 1963 г. психоаналитиком Р. Столлером, предложившим обозначить грамматическим термином «gender» социокультурный пол, чтобы отделить его от термина «sexus» – пола биологического.

Одной из первых идею рассмотрения гендера, а затем и «гендерных концептов» выдвинула английская ученая-историк Д. Скотт. Она отнесла к «гендерным концептам» образно-символическую систему, описывающую женщину и мужчину в культуре; комплекс норм, которые предопределяют образно-символическую систему и находят выражение в научных, правовых, религиозных и политических доктринах и течениях; социальные отношения и институты, ими формируемые; самоидентификацию личности [6, с. 2].

Многие ученые рассматривают концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [9, с. 43]. На базе концепта формируется стереотип, отражающий национальный характер, оценку событий и объектов, принятых в обществе. С позиций когнитивной науки стереотипизация концепта происходит в процессе обобщения и стандартиза-

ции некоторых концептуальных признаков в сознании представителей определенного сообщества. Все принципиально выделяемые в структуре концепта компоненты в стереотипе взаимодействуют в иной пропорции. Их можно условно обозначить как знание (когнитивно-информационный компонент) и отношение (эмоционально-чувственный и оценочный компонент) [12, с. 5]. Стереотипы в разных культурах не одинаковы, они зафиксированы в семантике языка, манифестируют систему ценностей и стандарты поведения в обществе и благодаря коммуникативной природе формируют коллективное и индивидуальное сознание.

Образное мышление человека способно от сравнительных характеристик мужчин и женщин перейти к обобщению их ментальных сущностей в метафорических концептах мужественности и женственности, лежащих в основе гендерной картины мира, которая «представляет собой интеграционное духовное образование, включающее в себя философские, научные, религиозные, атеистические и иные составные» [1].

«Мужественность» и «женственность» воспринимаются как концепты благодаря тому, что сознание человека как носителя определенного пола формируется под влиянием стереотипных представлений о мужских и женских качествах, определяющих отношение общества к мужчинам и женщинам в соответствии с половой идентификацией.

В процессе стереотипизации происходит обобщение, схематизация доминирующих в данной социальной группе образов и оценок, связанных с понятиями «маскулинности» и «феминности», которые И.И. Булычев считает «основными способами существования, или атрибутами гендерной картины мира» [2]. Таким образом, «гендерные

стереотипы – это схематизированные, обобщенные образы маскулинности и феминности» [14, с. 292].

Стандартизация определенных типичных признаков приводит к формированию стереотипных образов мужчины и женщины, социально разделяемых и имеющих эмоционально-оценочный характер [8, с. 4]. Исследователи признают образы маскулинности и феминности стереотипными, если они разделяются по крайней мере 3/4 индивидов в пределах социальной общности [13, с. 71–74].

Гендер как социокультурный феномен обладает совокупностью признаков речемыслительной практики и поведения представителей мужского и женского пола, поэтому его содержание может быть раскрыто через языковые репрезентации, что является предметом изучения гендерной лингвистики. Используя гендерный подход в лингвистическом описании, можно получить новые данные о языке и его функционировании: какие языковые средства языка используются для конструирования гендерной идентичности, как соотносятся метагендерный (общечеловеческий) и гендерный уровни в рамках одного языка, как различается содержание концептов «феминность» и «маскулинность» в разных языках и культурах.

В формировании гендера как социолингвистической категории активно участвуют средства массовой информации и, в частности, гендерно ориентированные издания об образе жизни. По мнению Т.Г. Добросклонской, «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного социально-идеологического фона» [4, с. 164].

Глянцевые журналы (далее ГЖ) транслируют социальные гендерные стереотипы как «стандартизованный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте» [11, с. 538]. В качестве объекта образной схематизации и стандартизации в дискурсе ГЖ выступают современные мужчина и женщина, поэтому медиалингвистические исследования позволяют систематизировать современные гендерные стереотипы, выявить особенности их формирования и влияния на сознание читательской аудитории с помощью различных лингвистических приемов. «При этом язык СМИ представляется инструментом манипулирования языковым сознанием реципиентов медиатекста, с помощью средств языка формируются оценки происходящих событий, транслируются социальные представления, стереотипы поведения» [7, с. 18].

Исследуя медиатексты ГЖ, можно определить, как гендерные стереотипы формируют представления о мужественности и женственности в конкретном обществе и влияют на соотноше-

ние традиционной (патриархальной) и либеральной (феминистской, эгалитарной) составляющих общепринятой гендерной идеологии. Создаваемые на страницах стереотипные образы мужчины и женщины имплицитно транслируют в сознание читателей социальные гендерные модели, соответствующие современному пониманию маскулинности и феминности.

В статье мы рассматриваем дискурс западных (американская (USA), британская (UK), австралийская (AU) и южноафриканская (ZA) версии) и российских ГЖ (GQ, Men's Health) текущего десятилетия в качестве материала для выявления стереотипного мужского образа, обладающего концептуальными качествами современной маскулинности. По мнению С.А. Ильиных, «в концепте маскулинности можно выделить два крайних варианта: гегемонную и естественную маскулинности» [5, с. 94]. Гегемонная маскулинность предполагает абсолютное мужское доминирование, власть и силу, которые закреплены в языке множеством гендерных стереотипов. Естественная маскулинность отменяет ограничения, наложенные на мужчину гегемонной маскулинностью, он получает право на эмоциональность, неуверенность, обеспокоенность будущим, на участие в жизни близких.

В основу данного исследования положена разработанная О.А. Глуценко модель стереотипного гендерного образа, она обладает универсальными аспектами организации: 1) характер и поведение; 2) социальная и социально-семейная роль; 3) внешность; 4) интеллект [3, с. 36]. По мнению автора, «модель описания гендерных стереотипов может быть адаптирована к любому языковому материалу и различным дискурсивным практикам» [3, с. 9].

Для анализа используются основные характеристики мужского образа, наиболее полно представленные в устойчивых тематических зонах дискурса ГЖ: 1) внешность, стиль, одежда; 2) характер, эмоции, поведение; 3) социальная и социально-семейная роль: а) карьера; б) отношение к деньгам, к современным атрибутам жизни; в) образ жизни (здоровье, спорт, вредные привычки, хобби); г) отношения внутри гендерной группы; д) отношение к противоположному полу, к браку.

Утверждение О.А. Глуценко, что «гендерные стереотипные образы в ГЖ характеризуются симметричной организацией структуры и содержания, но семантические области стереотипов заполнены неодинаково (особенно в стереотипном образе мужчины)» [3, с. 99], отражает дискурсивные особенности англо- и русскоязычных версий мужских ГЖ. Их изучение позволит выявить общие черты и различия образа современного мужчины в разных культурах.

В целом глянцевые издания пропагандируют образ социально активного представителя «сильного пола», обладающего чувством собственного

достоинства, достаточным интеллектом и стремлением к самосовершенствованию в любых своих проявлениях.

Герой западных ГЖ представлен как ухоженный, спортивный мужчина с развитым чувством стиля и чертами метросексуальности, он тщательно подбирает средства для ухода за лицом и телом, для него важна каждая мелочь, каждый аксессуар. В российских версиях чрезмерное внимание мужчины к собственной внешности не одобряется: *У вас короткие, аккуратно подстриженные волосы – вы следите за собой, но не выглядите метросексуалом* (GQ, декабрь 2015). Мужская красота – качество необязательное: *Поверьте, наличие незначительных изъянов во внешности избавляет вас от множества проблем в личной жизни. Внешняя привлекательность – это не только «бонусы», но и большое испытание. И для мужчин, пожалуй, даже большее испытание, чем для женщин* (МН, ноябрь 2015). А вот брутальность является признаком мужественности: *Хочешь выглядеть брутально? 3-дневная щетина придаст твоему образу необходимую нотку небрежности, грубости и пофигистичности* (МН, май 2015).

Признаки гегемонной маскулинности проявляются и в поведении отечественного мужчины. Весьма характерная для него эмоция – это гнев в положительной и отрицательной трактовке: *С течением времени мой гнев обернулся сильным конкурентным духом. Я страстно желал совершить прорыв в своей карьере* (МН, ноябрь 2015); *Большинство мужчин живут, поджариваясь на медленном огне гнева* (GQ, февраль 2013). Герой предпочитает скрывать свои эмоции от окружающих: *Мужчина скорее выберет удар в лицо от незнакомца, чем эмоциональное обсуждение чувств с подружкой, которое закончится рыданиями на плечах друг друга* (МН, ноябрь 2015). Он не позволяет себе быть слабым на людях: *Мысль про то, что мужчины не плачут, следует понимать, как то, что мужчины не ноют и не жалуются. А плакать – плачьте себе на здоровье (в одиночестве, в темноте и в подушку)* (МН, сентябрь 2015). Напротив, западный мужчина позволяет себе любые эмоции и даже слезы: *It's taken us a few thousand years, but congratulations, men, we've finally broken through the Kleenex ceiling: We can cry—in public!—and it's okay* (GQ USA, June 2015) – *Мы шли к этому несколько тысяч лет, но мои поздравления, мужики, наконец-то мы можем пользоваться носовыми платками и публично плакать – теперь это нормально* (здесь и далее все примеры из англоязычных журналов переведены на русский язык автором статьи). Для него важно не задевать чувства окружающих: *I like to keep my jokes about people safely way behind their backs. If I'm gonna make a joke at someone's expense, I'll do it so that they can never hear it* (GQ USA, June 2015) – *Я стараюсь не*

подшучивать над другими в их присутствии. Если мне хочется пошутить над кем-то, я сделаю это так, чтобы он об этом никогда не узнал.

В различных версиях мужских ГЖ герой сверяет свои поступки с кодексом «настоящего мужчины», но при внимательном прочтении легко заметить различия в содержании этих правил. Поступки настоящего мужчины в российских журналах часто напоминают поведение «мачо». Например, он обязан быть уверенным в себе: *Пореже используй в своей речи обороты из серии «в журнале написали», «по радио передали», «Вассерман сказал» и не злоупотребляй репостами чужих статей и мудрых мыслей на своих страничках в соцсетях. Ты сам себе авторитет и истина в последней инстанции* (МН, май 2015). Его уверенность может приобретать вызывающий оттенок: *Стремись быть самоуверенным с ноткой дерзости. Относь к смелости как к мышце, которую необходимо тренировать* (МН, ноябрь 2015). Кроме того, мужчина должен уметь стойко переносить физические страдания: *Ты – мужик, ты должен терпеть боль* (МН, июнь 2015). Храбрость считается проявлением благородства, а страх – недостойным поведением: *Если мужчина живет храбро, без страха перед неудачей, он может достичь таких высот, которые и не снились пугливым капризулям, которых всё выбивает из колеи* (МН, ноябрь 2015). Западный мужчина стремится быть джентльменом: *Every now and then someone re-writes the rules on how to be a man. I've heard it said that a gentleman doesn't offer unsolicited advice – but you asked for this, right? Good. Here goes. Always be on time. Keep promises. Make a decision, stick with it, be satisfied. Even when in a rush, remember your Ps and Qs* (GQ AU, February 2016) – *То и дело кто-то переписывает правила того, как быть мужчиной. Одно из них гласит, что настоящий джентльмен не дает непрошенных советов, но ты ведь сам хочешь их получить, так? Хорошо, вот они. Никогда не опаздывай. Держи слово. Приняв решение, придержи-вайся его и будь доволен. Даже когда торопишься, помни о правилах хорошего тона.*

С точки зрения социальной роли современный мир предъявляет к мужчине множество требований. Чтобы им соответствовать, западный мужчина постоянно работает над собой, не жалея ни времени, ни усилий, активно используя свой интеллектуальный потенциал: *Being a modern man can be overwhelming. But you can always get what you want if you're smart about it* (МН AU, March 2016) – *Быть мужчиной в наше время становится все сложнее. Но ты всегда можешь добиться желаемого, если будешь действовать разумно; Success requires a combination of determination, smarts and curiosity. Winners must be mindful of their circumstances but above all be opportunistic* (МН UK, September 2014) – *Чтобы добиться успеха, нужно*

быть целеустремленным, умным и любопытным одновременно. В выигрыше остается тот, кто внимателен к обстоятельствам и, что еще важнее, умеет к ним приспосабливаться.

Приоритетом для него является карьера: *Play to your strengths. It's knowing how to apply yourself best at any given moment, but also about applying risks in order to raise your standards when it counts* (МН UK, September 2014) – *Опирайся на свои сильные стороны. Необходимо уметь использовать их в любой момент, а также быть способным на риск, чтобы управлять ситуацией, когда этого требуют обстоятельства.* Кроме того, большое внимание уделяется так называемой корпоративной этике, умению соответствовать требованиям начальства, быть командным игроком: *There's no harm in putting some of your energy toward the part of your job that you enjoy the most, but don't lose sight of your top priority: making management happy. Your boss's goals should be your goals, even if that means spending a couple of hours each day doing work you don't particularly love* (МН USA, November 2015) – *Безусловно, нет ничего зазорного в том, чтобы вкладывать усилия в наиболее приятные для тебя рабочие обязанности, однако не стоит упускать из виду самое главное: как ты можешь угодить начальству. Цели твоего босса – это и твои цели, даже если это подразумевает несколько часов в день, проведенные за выполнением не самой интересной работы.*

Герой российских мужских журналов также способен добиваться карьерного роста, обходя конкурентов и используя всевозможные разрешенные и запрещенные приемы: *На вершине корпоративной горы конкуренция становится такой ожесточенной, что волей-неволей приходится идти на уловки. Только помни, что если ты ввязываешься в серьезную драку, то можешь и схлопотать* (МН, май 2015). Но в амбициозные устремления он привносит элемент игры, стремится получать удовольствие от работы, оставаться живым, непосредственным и испытывать разнообразную гамму скрытых чувств и эмоций: *Ты счастлив, когда любимая работа спорится. И даже мысли нет о том, счастлив ты или нет. Успешно закончил на работе какое-то большое долгое дело, пришел домой, рухнул на диван: фух! Когда видишь, что людей прет от того, что и как ты делаешь. Будь ты музыкант, или стритрейсер, или печку кладезь* (МН, июль 2015).

Современный зарубежный мужчина последовательно демонстрирует рациональное отношение к планированию своей жизни, к финансам: *We all dream of retiring early – whether to get out of a job you hate, or spend time doing something you really want to do. Whether you choose to invest your money in a pension, RA or unit trusts, the most important thing is to start early* (МН ZA, January 2016) – *Мы все меч-*

таем рано уйти на пенсию – либо потому, что ненавидим работу, либо чтобы заняться тем, что нам действительно интересно. Ты можешь вложить деньги в собственную пенсию, покупку ценных бумаг или паевый фонд, в любом случае сделать это нужно заранее. Российский мужчина понимает, что деньги не являются гарантией счастья: *«Не в деньгах счастье»: действительно, чем больше у человека зарплата, тем меньше удовлетворения приносят вещи, которые можно купить на эти мегарубли* (МН, сентябрь 2015). Но они могут мотивировать на новые свершения: *Деньги заставляют тебя лучше работать – причем не только те, которые ты получаешь, но и те, что у тебя уже есть. Главное – не заикливаться на них, не то станешь социопатом* (МН, январь 2013).

Современный западный мужчина осознает, что его деловую и жизненную активность поддерживает забота о собственном здоровье. Он систематически выделяет время на занятия спортом: *I just always want to be at a level where if someone asks me to do something, I can do it* (МН AU March 2016) – *Я просто хочу поддерживать оптимальную физическую форму, чтобы в нужный момент быть готовым к действию.* В его понимании здоровый образ жизни требует достаточного количества сна: *I aim for seven hours' sleep a night, which is optimal for someone post-40 like me. Burning the candle at both ends leads to adrenal fatigue and reduced testosterone levels* (МН AU, March 2016) – *Я стараюсь спать по семь часов каждую ночь, что очень важно для тех, кому за сорок. Хронический недосып вызывает болезни надпочечников и снижает уровень тестостерона; отказа от алкоголя: Cutting back on drinking helped me increase my T levels. It also helped me sleep better, allowing my body to replenish my T supplies* (МН AU, March 2016) – *Отказ от спиртного помог мне увеличить уровень тестостерона, улучшил мой сон, позволяя телу более эффективно восстанавливать запасы этого гормона.* Отечественный мужчина также понимает важность здорового образа жизни: *В здоровом теле – здоровый дух, как тебе уже должно быть известно. Оказывается, в нем еще и ясный ум* (МН, август 2015). Для него актуальна проблема вредных привычек: *Когда мужчина перестает уделять внимание своей физической форме, начинает переедать, топить стресс в алкоголе и сигаретах – и все это, естественно, обязательно сказывается на сердце* (МН, июнь 2015).

Кроме занятий спортом, общепринятым мужским увлечением в ГЖ является автомобиль. Герой русскоязычных версий воспринимает свою машину как способ снять стресс и отвлечься от повседневной рутины: *Вставить ключ в замок зажигания, взрыкнуть мотором и отправиться куда глаза глядят – вот какой терапии против стресса тебе не хватает. Такие поездки облада-*

ют и восстанавливающим эффектом – они улучшают настроение (МН, октябрь 2015). Западный мужчина к собственному автомобилю относится более прагматично: *Yes, a car transports you, but it also moves you. So try to treat it right. When the tyres are in good shape, the wheels are torqued, and the oil and filters have been changed, you feel a stronger sense of control. And people who feel in control also report greater happiness as a sense of mastery in one area of your life can extend to other areas* (МН USA, November 2015) – Да, машина перемещает тебя, но она и управляет тобой, так что обращайся с ней бережно. Когда шины в порядке, колеса крутятся, а масло и фильтры заменены, ты чувствуешь, что все под контролем. А люди, которые контролируют обстоятельства, ощущают себя счастливее, поскольку уверенность в одной сфере жизни может распространяться и на все другие области.

Для современных мужчин характерны стремление пользоваться в полной мере достижениями цивилизации: *Настоящий мужчина-европеец эту цивилизацию принимает, ценит ее комфорт и доступными способами старается получить от нее максимум материальных благ* (GQ, май 2013), а также излишняя зависимость от «благ» технического прогресса: *Поколение, помешанное на гаджетах, живет по принципу «техники много не бывает». Современная жизнь невысказана без технических новинок, поэтому болезненная зависимость от них – бич многих* (МН, апрель 2015).

В меньшем объеме в мужских ГЖ представлены тексты, посвященные мужской дружбе и отношениям с противоположным полом. Определенно герой журнала ценит настоящую дружбу и находит время на общение со старыми приятелями, несмотря на занятость: *“Mateship” is a concept that suggests men offering resolute support for one another during tough times* (МН AU, September 2015) – Дружба – это понятие, которое подразумевает безусловную поддержку друг друга в трудные времена. Он понимает, что друзей не бывает много и новых завести непросто: *Ты счастлив, когда во время очередной встречи с приятелями вдруг понимаешь, что у тебя есть настоящие друзья* (МН, июль 2015); *Друзей приобретать сложно и с годами все труднее* (МН, январь 2014).

Общаясь с женщинами, западный мужчина готов работать над отношениями, но порой ему мешает излишняя прагматичность: *Make her feel like the chosen one. Depending on her style, that could mean surprising her with an occasional small gift or just blocking off 30 minutes to listen—actually listen—while she rants about her jackass boss* (МН USA, November 2015) – Позволь ей почувствовать себя единственной. В зависимости от ее характера это может означать небольшие подарки время от времени или 30 минут непрерывного выслуши-

вания ее нытья по поводу босса-болвана; или боязнь нарушить чужое личное пространство: *Follow through. Women always tell me how foolish they feel when guys flake. It’s shocking how often it happens. So when you commit to a date, show you mean it* (МН USA, November 2015) – Не сдавайся. Женщины постоянно говорят мне, как глупо они себя чувствуют, когда парень идет на попятную. А происходит это на удивление часто. Так что, когда решаешься на свидание, стой до конца. Главным при этом остается равенство с женщиной во всем – финансах, эмоциях, затраченном на отношения времени: *Think about your relationship equity – financial, emotional and time* (МН AU, March 2016) – Позаботься о том, чтобы вы оба поровну вкладывались в отношения – в плане денег, эмоций и времени.

По мнению авторов российских ГЖ, современный мужчина привлекателен в глазах женщины, если он физически развит, уверен в себе, самодостаточен и материально обеспечен: *Женщины просто тают в присутствии мужчин, практикующих доминантное поведение* (МН, ноябрь 2015); *Ты вежлив. Заботлив. Тактичен. И скучен! Чтобы ее зацепило, учись быть настоящим мачо. Мужчины, игнорирующие правила, более привлекательны для женщин. Будь прямолинейным и избегай долгосрочных обещаний* (МН, ноябрь 2015). Популярность среди женщин повышает мужскую самооценку: *Чем больше вокруг тебя девушек, тем более заинтересованно начинают на тебя поглядывать все остальные особи женского пола* (МН, май 2015). При этом он должен быть надежным, внимательным, способным к диалогу: *Короче, дерзость и физическая мощь – вовсе не то, что следует называть силой мужика. Ну или так: наша сила не только в кулаках. Гораздо важнее, скажем, быть добрым, щедрым, выдержанным. Прощать и всегда находить выход* (МН, апрель 2015); *Подлинная мужественность – умение взять на себя ответственность, успокоить и поддержать в момент нервного перенапряжения* (МН, октябрь 2015).

На основании многочисленных примеров, частично приведенных в данной статье, можно сделать вывод, что образ мужчины, репрезентуемый в дискурсе англо- и русскоязычных мужских ГЖ, является стереотипным, так как соответствует принятому в обществе пониманию современной маскулинности. Но если в западных изданиях, успешно продвигающих эгалитарную идеологию, представлен образ «естественного мужчины» [5, с. 94], то в отечественных версиях ГЖ в мужском образе наблюдаются внутренние противоречия, связанные с попыткой совместить соответствующий национальной традиции «набор идеализированных черт “настоящего мужчины”»: хозяина, воина, защитника, руководителя» с нормами естественной маскулинности [10]. Следующий этап исследования требует сравнения лексико-грамма-

тических и синтаксических средств английского и русского языков, конструирующих стереотипный образ мужчины в западных и отечественных ГЖ.

Библиографический список

1. Булычев И.И. Гендерная картина мира: к постановке проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/journal3/fram1_bul.htm (дата обращения: 25.06.2016).
2. Булычев И.И. Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kommersant.org.ua/article_60.html (дата обращения: 03.07.2016).
3. Глуценко О.А., Прудникова Е.С. Стереотипные образы женщины и мужчины в зеркале русской языковой культуры: монография. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2013. – 208 с.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиоречь: учеб. пособие. – М.: Флинт: Наука, 2008. – 203 с.
5. Ильиных С.А. Феномен «нового мужчины» или снова о гендере // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 14. – С. 93–97.
6. Калугина Е.Н. Гендерные исследования в языкознании // Научный потенциал студенчества в XXI веке: сб. науч. трудов IV Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. 2. Общественные науки. – Ставрополь: Сев-КавГТУ, 2010. – С. 183–185.
7. Каюмова Э.Р. Сопоставительный анализ языковых особенностей женских и мужских глянцевах журналов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 22 с.
8. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2001. – № 3–4. – С. 3–12.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
10. Чернова Ж.В. Глянцевые журналы: издания для «настоящих» мужчин и современных женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/1116-----lg----> (дата обращения: 14.08.2016).
11. Шихирев П.Н. Социальные стереотипы // Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г.В. Осипова. – М.: Норма-Инфра-М, 1998. – С. 538.
12. Щекотихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 5 (19). – С. 69–80.
13. Ashmore R.D., Del Boca F.K. The Social Psychology of Female-male Relations: A Critical Analysis of Central Concepts. – N. Y.: Academic Press, 1986. – 120 p.
14. Renzetti C.M. Women, Men and Society. Fourth. – Boston, MA: Allyn and Bacon, 1999. – 450 p.

СЕМАНТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЁН В РАССКАЗЕ В.В. НАБОВОВА «КАТАСТРОФА»

Статья посвящена выяснению семантики собственных имён в рассказе В.В. Набокова «Катастрофа». В центре внимания оказываются способы организации собственных имён и соотношение их значений с различными уровнями содержательной структуры произведения. Автор работы приходит к выводам, что имя набоковского персонажа преимущественно оказывается многозначным и строится одновременно по нескольким принципам. Активно применяются палиндром, полная или частичная анаграмма. В большинстве случаев актуализируется исконное лексическое значение имён иноязычного происхождения. Герой произведения также может быть наделен фамилией реальной личности. Каждое из значений собственного имени является своеобразным ключом к одному из уровней имплицитного содержания рассказа. Семантика имени позволяет обратить внимание на ряд рассеянных по тексту деталей, из соединения которых выстраиваются уровни многослойного содержания рассказа. На каждом из содержательных уровней значения собственных имён обнаруживают новые системные связи, вместе с тем образуя сложную макросистему, без анализа которой невозможно более полное и глубокое прочтение произведения В.В. Набокова.

Ключевые слова: В.В. Набоков, рассказ «Катастрофа», семантика имени персонажа, имплицитное содержание, лексико-семантическое поле, палиндром, анаграмма, энтомологическая тема.

В прозе В.В. Набокова имена персонажей обычно оказываются не просто значимыми, а многозначными. При этом в каждом из своих смыслов имя соотносится с разными содержательными пластами произведения, а потому часто именно оно оказывается своеобразным ключом к обнаружению и выявлению того или иного имплицитного сюжета. Сама же семантика имени создаётся и актуализируется самыми разными способами, выявление которых позволяет не только проникнуть в глубинные пласты содержания прозы Набокова, но и определить общие принципы имплицирования информации в тексте художественного произведения. Цель данной работы – выделить способы создания многозначного имени и средства актуализации его семантики в набоковском тексте на примере анализа рассказа «Катастрофа».

Имена в этом произведении имеют лишь пять персонажей. Это главный герой Марк Штандфусс, его возлюбленная Клара, мать героя госпожа Штандфусс, мать Клары госпожа Гайзе и приятель главного героя Адольф. Безымянными оказываются четыре эпизодических персонажа: «нищий иностранец», «доктор» («усатый толстяк»), «продавец горячих сосисок», кондуктор трамвая. Ещё один персонаж занимает пограничное положение между отмеченными группами. Это «покойный отец» Марка, пришедший к герою во сне. Имя отца не названо, но о фамилии его можно догадаться: по всей вероятности, она такая же, как и у Марка, – Штандфусс. Таким образом, даже самым распределением персонажей на две почти равные группы – имеющих и не имеющих в тексте собственные имена с «промежуточным» персонажем, относящимся к обеим из них, автор актуализирует и структуру художественного пространства в тексте, где выделяются реальность героев, потусторонний мир и та

граница между ними, на которой происходит само действие рассказа.

Важно отметить, что полное имя, состоящее из эксплицитно представленных имени и фамилии, имеет лишь главный герой – Марк Штандфусс. Нелучайно в тексте рассказа его характер и внутренний мир обозначены с наибольшей полнотой. Невеста Марка названа лишь личным именем – Клара. Тем не менее появление в одном из эпизодов её матери, представленной как «госпожа Гайзе», позволяет дополнить собственную номинацию героини той же фамилией. Такое мысленное дополнение соотносится с тем фактом, что в тексте произведения Клара не изображена непосредственно. Она даётся лишь через восприятие Марка – в его воспоминаниях, воображении и заgrabной грёзе. Сами контексты, где появляется образ Клары, позволяют читателю понять, что представление Марка о героине не вполне соответствует её настоящей сути, она наполовину вымышлена влюблённым в неё молодым человеком. Одним лишь собственным именем обладает и второстепенный персонаж – приятель Марка Адольф. Отсутствие у него фамилии, с одной стороны, заостряет внимание читателя на его имени, а с другой – делает героя менее конкретным, как бы недоовплощённым в художественной реальности текста. В то же время наличие у матерей Марка и Клары только фамилий («госпожа Штандфусс» и «госпожа Гайзе») указывает лишь на родство их с главными героями без акцента на индивидуальных особенностях этих женщин.

Собственное имя главного героя представляется наиболее многозначным. Здесь вполне может обыгрываться возможное происхождение его от древнеримского бога Марса, что в тексте рассказа подкрепляется лексемой «полубог»: «Марк Штандфусс, приказчик, полубог, светловолосый Марк, счастливцев в высоком крахмальном во-

ротнике» [2, с. 112]. Постановка слова «полубог» в один ряд с лексемой «приказчик» может выражать не только своеобразную иронию автора по отношению к персонажу, но и вводить мотив творчества, которое уподобляет человека Богу. Скромный юноша, занимающий мелкую должность продавца галстуков, оказывается наделён сильным воображением и творит собственный мир, в который и погружается в финале, уходя из реальности, которая перестала соответствовать его мечте. И такую силу воображения даёт ему любовь, она пробуждает божественное, созидательное начало в человеке, превращая его в Творца, даже если на своём уровне бытия он остаётся всего лишь мелким служащим. Эти противоположные грани отражены и в самом имени. Помимо прямого значения, актуализированного лексемой «полубог», имя «Марк» может содержать и другой смысл – «мелкий товар», если предположить, что его графическая оболочка построена по принципу палиндрома. Чтение имени справа налево даёт слово «крам» (от немецкого «Kram»), что, по определению В.И. Даля, означает «мелочной, бабий, щепетильный товар» [1, с. 473]. К такому товару относятся и те галстуки, что Марк столь божественно продаёт.

Примечательно, что немецкая расчётливость у Марка не противоречит мечте, а органично в неё включается. В тех радужных фантазиях, что он озвучивает матери, есть и надежда на увеличение доходов: «Я думаю, мне удвоят жалованье, когда женюсь...» [2, с. 113]. Это актуализирует созвучие имени «Марк» с названием основной денежной единицы ряда германоязычных стран – «марка». Таким образом показана приземлённость мечтаний героя, не поднимающихся над уровнем быта, а потому и мир, создаваемый его воображением, оказывается на уровне ниже той реальности, в которой герой существует изначально. Связь имени с названием денежной единицы подкрепляется в тексте также их употреблениями в одном контексте с числительными «пятый» и «пять» и однокоренными лексемами «всходить» и «проходимец»: «Марк... всходил по тёмной лестнице на пятый этаж» [2, с. 113] и «...Она [Клара] недавно любила... иностранца, проходимца какого-то. Пяти марок не доплатил госпоже Гайзе» [2, с. 113]. Здесь же прослеживается и мысль о том, что именно Марку суждено «расплатиться» собственной жизнью за таинственного «иностранца», сначала увлёкшего его невесту, а затем исчезнувшего, чтобы появиться за неделю до свадьбы Марка с Кларой и окончательно расстроить их отношения. В этой связи фраза Марка «Хорошо... Но платить буду я», сказанная Адольфу относительно обеда, может органично вписаться в этот имплицитно представленный мотив расплаты.

Помимо прочего, имя «Марк» можно рассмотреть и как анаграмму слова «мрак». Мотив мрака,

темноты связан с главным героем и выражается целым лексико-семантическим полем, обильно представленном в тексте рассказа. Ядро данного поля составляют прежде всего лексема «мрак», её синоним «мгла», прилагательные, обозначающие чёрный цвет (6 употреблений) или отсутствие света: «тёмный» (4 употребления), а также слова «полутёмный», «потёмки». На периферии оказываются лексемы, ассоциативно связанные с темнотой: «тьень», «провал», «ночной», «вечерний».

Примечательно, что в последнем из перечисленных контекстуальных значений имя «Марк» оказывается антонимичным по отношению к изначальной семантике имени главной героини, поскольку «Клара» в переводе с латыни означает «ясная, светлая». Это значение подкрепляется ещё более обильно представленным в тексте лексико-семантическим полем «Огонь». Здесь и лексемы, называющие различные проявления огня («огонёк», «молния», «пожар», «искра»), и признак, связанный с огнём («огненный», «солнечный»), и слова с семантикой тепла («жаркий», «горячо», «тёплый»); наименования процесса горения и его результатов («горящий», «обгорелый», «обжечь»), световая лексика, выражающая разные степени яркости («блеск», «свет», «сияние», «светлый», «яркий», «блестящий», «блистая») и цветовые обозначения «огненной» части спектра («красный», «жёлтый», «рыжий», «оранжевый», «абрикосовый», «золотой», «охряной»). На периферии поля находятся названия предметов, ассоциативно связанных с семантикой огня («звезда», «лампа», «громоотвод», «плита», «спичечная коробка», «спичка»). Особенно стоит выделить дважды использованное наречие «ясно», которое, включая в своё значение сему «свет», входит в состав лексико-семантического поля «Огонь», но, употребляясь в тексте как синоним к слову «понятно», вводит также мотив просветления, идущий от огня. При этом данная лексема содержит русский корень, семантика которого наиболее точно соответствует значению латинской корневой морфемы «clar-», что связывает героиню (Клару) как с мотивом огня, заданным перечисленным полем, так и с мотивом просветления через причащение к огню.

Весьма важно, что всё движение Марка в рассказе изображено как путь из тьмы к свету. Одновременно происходит развоплощение (сгорание) прежнего, материального героя, и в финале торжествует светлая, огненная мечта, становящаяся теперь новой реальностью для Марка. При этом центром этого горящего и сияющего мира становится Клара. С самого начала рассказа Марк движется во тьме. Его окружают «мгла улицы», «косые провалы мрака», «тёмные дома», «чёрный вигвам» на площади; затем перед ним появляется «чёрный забор». В свою квартиру он поднимается по «тёмной лестнице», пытается найти замочную скважину, шаря

«в потёмках»; комната, где живёт герой, изображается как «полутёмная», куда вслед за Марком поднимается «его чёрная, горбатая тень», да и у самого героя, по словам его матери, «ладонь чёрная». При этом параллельно развивается и мотив света, огня. Всё чаще встречаются слова, входящие в состав лексико-семантического поля «огонь». Во «мгле улицы» сверкает бегущая по проводам «искра» трамвая, сравниваемая со «звездой», у «чёрного вигвама» горит «красный огонёк», в руке госпожи Штандфусс, встречающей Марка на тёмной лестнице, «керосиновая лампа», от которой появляется «жёлтый клин света». Сама темнота пронизана огнём. Отсюда и «тёмный блеск», сквозь который идёт герой. В воспоминаниях же и мечтах Марка о Кларе мотив тьмы полностью вытеснен мотивом света, огня. Герой вспоминает «рыжую Клару», представляет «рыжий пожар» её волос, «рассыпанный по подушке». И в другом воспоминании вновь появляются её «яркие волосы... цвета абрикосового варенья». Путь Марка к его возлюбленной, начавшийся ещё в его реальности, всё более освещается по мере его приближения к возлюбленной. Тьма вытесняется светом. Млеет «огненный закат», мост с «чёрными фигурками... окаймлён тонкой золотой чертой». Здесь же и блик света – «оранжевая стрела», и «нежный вечерний пожар», и «золотые громоотводы», и «охряный блеск», «жёлтая яркость» выступов, балконов, карнизов. Переход в иную реальность изображён как прыжок в некую светящуюся субстанцию: «Внизу гладким, блестящим потоком стремился асфальт. Марк спрыгнул» [2, с. 115]. Эта граница в потусторонность оказывается подобна огню: она опалает героя. Первое ощущение – «обожгло подошвы», а затем Марк «почувствовал, словно толстая молния проткнула его с головы до пят». Теперь герой оказывается в огненном, пылающем мире. «Дивно озарены» крыши домов, в глаза ударяет «жаркий вечерний блеск», уходят ввысь «шпалеры оранжевых роз», «золотые, нестерпимо горящие лиры». И сама Клара являет собой воплощение огня. «Рыжий пух» сквозит «в солнечных проймах» её «коротких рукавов», шёлк её платья «тёплый», а шепчет она «горячо». Гибель героя в его собственной реальности и переход в мир фантазий сопоставляются, таким образом, с движением из тьмы в обжигающий свет, в тот огонь, что дарует новое воплощение. И если реальная Клара не любит Марка и «потеряла голову», когда вернулась её настоящий возлюбленный, то Клара, созданная фантазией героя, не может жить без него, она именно такова, какой хочет видеть её Марк. И хотя герой опускается на более низкий уровень вселенной и умирает на своём собственном, он обретает то счастье, о котором мечтал. Возможно, здесь представлена имплицитная метафора, соотносящая Марка с ночной бабочкой, летящей в огонь, губительный для неё, но столь манящий.

В этом рассказе имеется и более глубокий энтомологический подтекст, и ключом к нему опять-таки служит семантика имён персонажей. Главный герой носит фамилию «Штандфусс». Здесь уже совсем иной принцип семантизации собственного имени – наделение литературного героя фамилией реального человека. Вне всякого сомнения, этим человеком оказывается выдающийся немецкий энтомолог Макс-Рудольф Штандфусс. Даже имя «Марк» в этой связи можно рассмотреть как производное от сложения начальных звуков собственных имён Штандфусса – «Макс-Рудольф». Будучи прекрасным специалистом в области энтомологии, Набоков, без сомнения, имел представление о проводимых Штандфуссом опытах. Суть их состояла в воздействии на куколку насекомого холодом и теплом, дабы изменить окраску будущей бабочки [4]. Таким образом, мотив огня, жара, связанный с Кларой, получает и другую интерпретацию. Здесь же необходимо прокомментировать и семантику принадлежащей Кларе фамилии. Хотя сама героиня названа всегда лишь по имени, в рассказе появляется её мать, госпожа Гайзе. В переводе с немецкого эта фамилия означает «истопник» («Heizer») [3, с. 422] и образована от глагола «гореть» («heizen») [3, с. 421–422]. Семантика фамилии актуализируется в тексте посредством включения в него, казалось бы, незначительных деталей, не имеющих отношения к эксплицитному сюжету. В эпизоде, где госпожа Гайзе сообщает матери Марка о том, что «вернулся тот жилец» и «Клара потеряла голову», упоминается «спичечная коробка с одной обгорелой спичкой», которая валется «на плите» [2, с. 114]. «Плита», «спичечная коробка», «обгорелая спичка» вызывают такие же ассоциации с огнём, как и сама фамилия «Гайзе». По всей вероятности, эту же фамилию носит и Клара. Потому данные детали приобретают ещё и символический характер: Марк, проникающий через огонь в светлый мир своей фантазии, уподобляется обгорелой спичке, а его замкнутая индивидуальная вселенная – это лишь «коробка» по сравнению с его прежней реальностью. Энтомологический сюжет позволяет дать ещё одну интерпретацию указанным деталям: плита символизирует тепло, которым осуществляется воздействие на куколку бабочки, соотносимой со спичкой, а коробка уподоблена кокону. Любовь-огонь действительно изменяет героя. Из обычного обывателя он превращается в творческую личность, создающую настолько отчётливую реальность, что сам сливается со своим alter ego в этом мире. Таким образом, Набоков проводит аналогию между опытами Штандфусса над бабочками и воздействием любви на душу человека. Как повышенная температура делает окраску бабочки более яркой, так и любовь расцветивает, окрыляет человеческую душу перед воплощением её в новом качестве в иной реально-

сти. Здесь же своеобразно преломляется и мысль о том, что испытания, посылаемые человеку, целенаправленно трансформируют его душу, а потому, помимо двух миров (реальности Марка и мира его фантазии, куда герой погружается в финале), в рассказе предполагается и наличие третьего мира – мира экспериментатора. Этот слой набоковской вселенной находится на уровень выше по отношению к реальности героев. Тем самым вселенная обнаруживает всё новые и новые пласты, которых может оказаться бесчисленное множество.

В семантике собственного имени проявляется и другой важнейший для Набокова мотив – мотив фиктивности реальности. Многослойность набоковской вселенной не только предполагает размещение низших миров внутри высшего, но и понимание нижерасположенной реальности как продукта творческой фантазии субъекта, стоящего на уровень выше в этой мировой иерархии. По отношению к прежней реальности Марка тот мир, куда перемещается герой, может восприниматься как продукт его бреда, предсмертная грёза, творимая угасающим сознанием, сон, что и отражается в самом тексте: «А Марк уже не дышал, Марк ушёл – в какие сны, неизвестно» [2, с. 117]. В этой связи имя «Марк» можно интерпретировать как неполную анаграмму слова «мара». В.И. Даль определяет его как «блазнь, морок, морока, наваждение, обаяние, грёза, мечта; призрак, привидение, обман чувств и самый призрак» [1, с. 778]. Примечательно, что «Мара» является и одним из вариантов имени славянской богини смерти и последующего возрождения Марены (Мораны), а также родственно слову «мрак» (исконно русское – «морок»). Однако творимый героем мир становится для него после перемещения туда не менее реальным, чем прежний. При этом и прежний в подобном контексте начинает рассматриваться как продукт творчества ещё более высокого сознания.

В произведениях Набокова довольно часто появляются и персонажи, выполняющие функцию посредников между героем и иной реальностью. Это и Иван Иванович Энгель (Ангел) в «Занятом человеке», и госпожа Отт (Чёрт) в «Сказке». Подобный персонаж есть и в рассказе «Катастрофа». Это «весёлый Адольф». Ключ к пониманию роли этого персонажа в имплицитном сюжете отчасти заложен в его имени. Для носителя русского языка оно вполне может вызывать ассоциации с преисподней, поскольку первые два звука этого имени соотносятся со словом «ад». Подобная связь подтверждается в тексте рассказа рядом последовательно расположенных деталей. Первое упоминание об Адольфе напрямую связано со сном Марка. Именно Адольф заставляет Марка вспомнить о «неприятном сне», когда «пальцем ткнул его в рёбра» [2, с. 114]. После идёт сообщение о «чём-то», распахнувшимся в душе героя. Приятель Марка наяву совершает

одно из тех движений, которые проделывает во сне «покойный отец». Таким образом, Адольф начинает соотноситься с умершим родителем героя, а через это соотношение и с инобытием вообще. Далее эта связь усиливается предложением «Адольф лениво опирался на трость, как на хвост» [2, с. 114]. Несмотря на то, что на эксплицитном уровне перед нами явное сравнение, в сознании читателя возникает образ вальяжного хвостатого чёрта. Теперь и другие детали приобретают дополнительное значение, создавая имплицитно представленный сюжет сделки с чёртом. Когда Марк, ещё ничего не зная об «измене» Клары, возвращается со службы, Адольф почему-то провожает его «до самого дома» [2, с. 114]. Далее следует фраза: «Оба остановились, пожали друг другу руки...» [2, с. 114]. Если внешне рукопожатие воспринимается как жест прощания, то в имплицитном сюжете оно может трактоваться как заключение соглашения. К тому же, как выясняется в дальнейшем, герои вовсе не попрощались, а вместе пошли в пивную. И если дальше в рамках внешнего сюжета Адольф уговаривает Марка не заходить домой, а закусить где-нибудь вместе и тот, наконец, соглашается, то имплицитное содержание данного фрагмента – это изображение некоторого колебания героя при совершении сделки. Весьма интересна и фраза Марка: «Хорошо... Но платить буду я» [2, с. 115]. Эксплицитно речь идёт об оплате за обед, но на имплицитном уровне здесь выражено окончательное согласие Марка заплатить за своё счастье. И плата оказывается весьма высокой – он отдаёт свою жизнь на этом уровне бытия, погружаясь в мир, расположенный на уровень ниже. Может быть, здесь выражается присущее автору представление о том, что ад есть мир, созданный воображением самого героя, в то время как рай – это реальность его автора. Неслучайно многие любимые герои Набокова, как, например, Цинциннат Ц. из «Приглашения на казнь», переходят через смерть именно в эту, более высокую реальность. Окончательно представление об Адольфе как своеобразном агенте потусторонности закрепляется его присутствием в том инобытии, куда погружается Марк. Здесь весёлый приятель героя уже явно обнаруживает свою нечеловеческую, чудовищную сущность. Он «смутный, с квадратной головой» [2, с. 117]. Таким образом иллюстрируется и ущербность мира фантазии по сравнению с более высокой по отношению к ней реальностью.

Безусловно, тексты В.В. Набокова отличаются чрезвычайно сложной содержательной структурой, отражающей многослойность изображённой в них вселенной. Многоуровневую семантику имеют и отдельные элементы художественного произведения, прежде всего имена. Основными способами их семантизации становятся у Набокова актуализация прямого значения имени (прежде всего иноязычно-го), наделение героя именем реальной личности,

направленное создание ассоциаций за счёт соотношения звуковой оболочки имени с определённым словом, широкое использование палиндрома и анаграммы в графической организации имени. Способами актуализации семантики имён становятся рассеянные в тексте слова-подсказки, объединённые общим имплицитным сюжетом детали и целые лексико-семантические поля, развивающие смысл, сконцентрированный в собственных номинациях, которые, в свою очередь, образуют собственную систему, соотносящуюся с содержательной структурой произведения в целом.

УДК 821.161.1.09"20"

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра – книжный клуб, 1998. – Т. 2. – 1024 с.
2. *Набоков В.* Рассказы. Воспоминания. – М.: Современник, 1991. – 653 с.
3. *Немецко-русский словарь / под ред. И.В. Рахманова.* – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 1136 с.
4. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.*

Любимова Светлана Евгеньевна

*Костромской государственной университет
solnyshtenok@yandex.ru*

ОНИМЫ «МАРСИАНСКОГО» ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО МИРА (на примере повести А.Н. Толстого «Аэлига»)

В статье рассматривается система онимов искусственного языка марсиан, созданного А.Н. Толстым в научно-фантастической повести «Аэлига», повествующей о полёте советских людей на Марс. Устанавливаются функции искусственного языка в создании образа марсиан, приводятся статистические данные о количестве нарицательных и собственных имён в повести, выявляется численный перевес последних. Это связано, по мнению автора, с основной функцией собственных имён – выделением явлений или лиц из ряда однородных. Немногочисленность объектов, не имеющих земных аналогов, обуславливает малое количество марсианских нарицательных имён.

Рассматриваются фонетические особенности марсианских слов (имена нарицательные содержат шипящие согласные, что делает их непривычными для русского человека, имена собственные – звонкие согласные и сочетания гласных, поэтому они благозвучны). Особое внимание уделяется исследованию имени главной героини повести – Аэлига, а также других антропонимов – имён Ихя, Тубал, Тускуб, Гор, Рама, Уру.

Анализу подвергаются также названия планет, стран, городов, гор и островов. Раскрывается феномен двойной номинации космических объектов (Марс – Тума, Земля – Талцетл, Солнце – Соацр) – наличие разных названий одного явления в разных языковых культурах, характерное для естественных языков.

В заключительной части статьи делается вывод о том, что собственные имена играют важную роль в системе искусственного языка марсиан. Они выполняют функцию номинации объекта, создают ономастический фон, необходимый для описания фантастического мира.

Ключевые слова: ономастикон, научная фантастика, литературная ономастика.

Главной жанрообразующей поэтической чертой фантастического произведения О. Чигиринская называет «невозможный» хронотоп. Она выделяет три метода его создания: невозможное время – ухрония, невозможное место – утопия, невозможная вещь в подчёркнуто реальном хронотопе – ускэвия [4]. Все эти элементы присутствуют в повести А.Н. Толстого «Аэлига».

Основой сюжета произведения является полёт инженера Мстислава Сергеевича Лося и его спутника Алексея Гусева на Марс. Знакомство с марсианами А.Н. Толстой начинает с описания солдат и их предводителя, встречающих инопланетный корабль: шуплые фигуры, с лысыми, в шишках, головами, узкими лицами голубоватого цвета. Они отличаются от людей цветом кожи, ростом, формой лица. Вербальный способ общения марсиан раскрывается в завязавшемся разговоре с путешественниками.

Для придания большей реалистичности инопланетной цивилизации А.Н. Толстой прибегает

к созданию марсианского языка. Рассмотрение особенностей онимов этого языка в повести «Аэлига» является целью данного исследования. Ранее анализ языка и ономастикона повести в современной отечественной филологии не проводился.

В исследовании используется термин поэтоним – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [2, с. 108]. Безусловно, повествование о путешествии на другую планету не может обойтись без такого вида поэтонимов, как космонимы – собственные имена зон космического пространства, галактик, звездных систем. Именно с них начинается знакомство героев повести с марсианским наречием. Герои, не понимающие друг друга, сообщают информацию посредством жестов, указывая на объект и называя его. Три планеты солнечной системы, знакомые обоим цивилизациям, имеют по два названия, на марсианском и русском языках соответственно: Тума («Тума,

то есть Марс, двадцать тысячелетий тому назад был населён Аолами – оранжевой расой¹⁾ – Марс («Итак, чтобы не расплавиться, вонзаясь в атмосферу Марса, мне придётся сильно затормозить скорость»), Соацр («Лёгким движением руки он указал на солнце и проговорил знакомый звук, прозвучавший странно: – Соацр») – Солнце («Знай, – потухшим углём станет Солнце»), Талцетл («Мы владели звездой Талцетл») – Земля («Земля раскрывала объятия, принимая блудных сынов»). Сочетание аффрикаты *ц* с согласными в названиях *Талцетл*, *Соацр* непривычно и труднопроизносимо для русскоговорящего человека. Явление различной номинации характерно и для естественных языков – один объект имеет разные названия в различных языковых культурах, развивающихся независимо друг от друга.

Всего в повести представлено 59 слов искусственного языка. Особенно много их в рассказах Аэлиты. Большая часть данных наименований представлена собственными именами – 47 единиц (80 % от общего количества слов). Это связано с особой функцией онимов – индивидуализировать объект или лицо, выделить его из множества подобных. Названия имеют планеты (*Тума*, *Соацр*), страны (*Азора*), острова (*Хамаган*, *Посейдонос*), племена (*Аолы*, *Земзе*, *Учкуры*, *сыны Аама*), песни (*Песня улы*) и природные явления (*гейзер Соам*).

Необычность, фантастичность, инопланетность места действия вынуждают автора создавать названия предметам и явлениям, которых не существует на Земле. Приводятся названия прирученных животных – хаши (*Туда, с унылым перевыванием, шло стадо неуклюжих, длинношёрстных животных, – хаши, – полумедведей, полукоров*), растений – хавра (*Дымится хавра*), водяных цирков – ро (*Тогда же начаты были постройкою шестнадцать гигантских цирков ро, куда собиралась вода во время таянья снегов на полюсах*). Немногочисленность объектов, не имеющих аналогов в объективной реальности, обуславливает малое количество марсианских нарицательных имен. В процессе рассказа Аэлита неоднократно повторяет их: например, слово *шохо* (обозначающее жителя Марса) употребляется в повести 7 раз, а *хаши* (название животного) – 10 раз. Следует отметить, что слова языка марсиан произносятся не только его носители, но и инженер Лось. Встречаются они и в авторской речи. Такие слова активно участвуют в создании хронотопа повести: действие разворачивается в необычном месте, и всё в нём – непривычное, странное, чужое.

Инопланетный язык не похож на русский. Марсианские слова изобилуют редко употребляющимися в русском языке звуками «х» и «ш» (*шохо*, *хаши*, *хавра*, *хацха*, *хао*), содержат много гласных, часто встречающихся группами (*аиу*). Большинство имен нарицательных короткие, чаще всего

двухсложные. Сам повествователь не единожды называет слова жителей Марса «птичьими». Они непривычны, труднопроизносимы, грубы. Особое внимание автор уделяет речи марсиан: они «шепчут птичьими голосами», «пищат»: «*Приблизился к людям, поднял крошечную руку в широком рукаве, и сказал тонким, стеклянным, медленным голосом птичье слово: “Талцетл”*»; «*– Аиу утара аэлита, – пропищал он, протягивая цветы*». Действительно, для птичьего щебета характерны короткие быстрые звуковые комплексы. Птичьи голоса находятся в таком высоком диапазоне, в котором человеческий голос превращается в писк. Именно с этими явлениями связывает А.Н. Толстой марсианскую речь. Особенно выделяется голос Аэлиты: «*Лёгким, как музыка, нежным голосом, почти шопотом, проговорила она, и наклонила голову*».

Именем главной героини – Аэлита – названа повесть. Оно создано воображением А.Н. Толстого, который предлагает следующее объяснение этого инопланетного имени: «*Теперь, когда Лось произносил имя – Аэлита, оно волновало его двойным чувством: печалью первого слова АЭ, что означало “видимый в последний раз”, и оиущением серебристого света – ЛИТА, что означало “свет звезды”*». Фоническая оболочка этого необычного имени создает приятное впечатление у читателя. После публикации этой повести имя Аэлита стало очень популярным в СССР и не потеряло своей актуальности по сей день. Имя, которого до повести не существовало, стали присваивать девочкам по всей стране, в отличие, например, от имени ещё одной марсианки – Иха.

Слова, которые произносит Аэлита, также выделяются: «*Эллио утара гео*» (перевод фразы отсутствует). Они состоят из звуков [а], [л], [р], [е], [и], тем самым разительно отличаясь от слов, произносимых другими представителями марсианской цивилизации, например: «*Тао хацха уталицилт*» (перевода фразы не дано), состоящих в основном из глухих и шипящих согласных и аффрикаты.

Мужские имена представлены следующими онимами: Тускуб, Тубал, Уру, Гор, Рама. Обилие звонких согласных в сочетании с гласными обуславливает их «приятное» звучание, взрывные звуки [б], [к], сонорный [р] требуют быстрой работы органов речи. Все эти персонажи – великие полководцы и правители. Стоит отметить, что все эти онимы – одно- и двухсложные, что ускоряет их произношение, тем самым делая их ещё более динамичными.

На марсианском языке произносятся целые фразы. Некоторые автор не считает нужным перевести на человеческий язык, их смысл неясен, они служат лишь фоном. Но с уст инженера Лося срывается вопрос, предвещающий любовную линию повести: «*– Аиу ту цахасхе Аэлита, – проговорил Лось, с изумлением прислушиваясь к странным*

звукам своих слов. Он выговорил их, как на морозе, с трудом. Его желание, – могу ли я быть с вами, Аэлита? – само претворилось в эти чужие звуки». Примечательно, что в конце фразы на русском языке отсутствует вопросительный знак, то есть она воспроизводится с невопросительной интонацией, что указывает и на интонационные различия земного и марсианского языка.

Из рассказов Аэлиты выясняется, что истории планет – Марса и Земли – переплелись ещё в древние времена. Спасшиеся земляне с погибшей Атлантиды (острова Хамаган) – магацитлы (что означает «беспощадные») – колонизировали Марс и стали родоначальниками новой расы.

Страны Марса представлены одним вариантом – страна *Азора* («Среди одного из племён, населявшего блаженную страну *Азора*, появился необыкновенный шох»). Факт, что территория Марса делится на страны, как и на Земле, снова указывает на близость двух планет.

Марсианский город, в котором разворачиваются события повести, носит название *Соацера*, что значит «солнечное селение». Соацера – оазис, расположенный в красной пустыне, жизнь в котором поддерживается сложной системой ирригации. Солнце, по-марсиански, *Соаир*. Значит, слова *Соаир* и *Соацера* можно назвать однокоренными. Следует отметить, что это единственный город на планете, пострадавшей от гражданской войны и взрыва водяного цирка, называющегося *ро*.

Название города Птитлигуа относится, согласно сюжету повести, к древней истории Земли: «Так снова расширялись и укреплялись владения Атлантиды. На крайнем западе, в стране красных, был заложен второй, великий город – Птитлигуа». Данное название также является вымышленным.

В повести встречается ороним (название горного объекта) – это горы на Марсе *Лизиазира* («Он был сыном пастуха, вырос в горах *Лизиазира*, и, когда ему минуло тринадцать лет, спустился в селения *Азоры*, ходил из города в город и говорил так...»). Наличие гор на Красной планете помогает автору добиться иллюзии реальности происходящего. Однако инопланетные топонимы являются в данной повести маркерами ирреальности.

Таким образом, А.Н. Толстой раскрывает перед читателем многогранность вымышленного языка в научно-фантастической повести «Аэлита». Собственные имена играют особо важную роль в системе марсианского языка. Именно они, выполняя функцию выделения объекта из ряда подобных, образуют ономастический фон, необходимый для создания фантастического хронотопа. Неантропимические поэтонимы создаются для именования явлений и объектов, не существующих в объективной реальности.

Примечание

¹ Здесь и далее сохранена орфография источника.

Библиографический список

1. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1981. – 124 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
3. Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина. Аэлита. – М.: Металлургия, 1985. – 184 с.
4. Чигиринская О.А. Фантастика как способ организации хронотопа [Электронный ресурс]. – URL: <http://pharisai.at.ua/publ/14-1-0-184> (дата обращения: 12.06.2016).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматриваются подходы к переводу современной польской поэзии, а также стратегии перевода, обусловленные появлением новых тенденций в стихосложении. Несмотря на то, что польский и русский языки являются близкородственными, переводчики на русский язык испытывают не меньшие переводческие трудности, чем переводчики на другие европейские языки. Эти трудности связаны с несовпадением польской и русской литературной традиции и различием в восприятии стихотворных размеров. Определённые размеры и польский силлабический стих воспринимаются русскоязычным читателем и слушателем как верлибр, что приводит к ошибочному переводу таких текстов также верлибром. Автор уделяет внимание графическому оформлению текста как смыслообразующей составляющей, которая требует использования дополнительных переводческих приёмов. Верлибр также представляет трудность для перевода на русский язык, так как он не столь распространён в русскоязычной поэзии, как в европейской поэтической традиции. В статье приводятся рекомендации по выработке подходов к переводу современных польских стихов с учётом жанровой принадлежности оригинала. Автор подчеркивает необходимость комбинирования традиционных и новых подходов для выполнения адекватного перевода.

Ключевые слова: перевод, современная польская поэзия, верлибр, перевод с близкородственных языков, переводческие трудности, стихотворный размер, графическое оформление стихотворного текста.

Современная польская поэзия остается сравнительно неизвестной широкому кругу читателей. Поскольку польский язык не относится к числу распространенных языков, как зарубежные, так и отечественные любители поэзии знакомятся с современными польскими стихами преимущественно в переводе.

Среди зарубежных исследователей, чаще всего англоязычных, существует убеждение в том, что известные в США и Великобритании Чеслав Милош и Збигнев Герберт получили признание вовсе не за качество поэзии, а за антикоммунистические и антисоветские настроения [6, с. 1], а слава Нобелевского лауреата Милоша перешла по наследству Виславе Шимборской и Адаму Загаевскому [9, с. 3].

Эта точка зрения довольно спорна. Кроме того, те же самые исследователи утверждают, что достойных переводов вышеупомянутых поэтов на английский язык крайне мало, а поэзия, написанная Милошем по-английски, звучит нейтрально и не обладает особым милошевским стилем.

Отсутствие качественных переводов с польского (и других славянских языков, в том числе русского) на английский часто объясняется на Западе двумя причинами.

1. Польский язык чрезвычайно «сложен и непонятен» [9, с. 2]. Этот аргумент нельзя воспринимать всерьез, так как такие высказывания свидетельствуют лишь о слабом владении польским языком теми переводчиками, которые пытаются переводить с польского на английский. Однако этот аргумент порождает неоправданные стереотипы «в польском языке мало синонимов», «польские слова очень длинные» и так далее [6, с. 6].

2. Вторая причина более универсальна, она касается не только пары «польский – английский» или «польский – русский». В данном случае речь идёт о личности переводчика. Считается, что великих поэтов должны переводить также великие

поэты. При этом существует опасность того, что поэт-переводчик привнесёт в текст собственное творчество или видение проблемы.

С этой трактовкой причин создания слабых переводов можно соглашаться или не соглашаться; на наш взгляд, они являются необъективными и служат скорее оправданием периодически появляющихся переводов, далёких от оригинала, в которых личность автора почти не угадывается или полностью исчезла из текста.

Многие англоязычные исследователи или критики также отмечают, что переводы, выполненные с польского польскими поэтами или переводчиками, написаны искусственным, неживым английским языком и дают лишь общее представление о теме стихотворения, не более.

Можно предположить, что переводчики с польского на близкородственный русский язык не испытывают таких проблем, как их англоязычные коллеги. Однако такое предположение не совсем верно. При переводе современной польской поэзии на русский язык переводчики сталкиваются с рядом объективных трудностей.

Мы не будем заострять внимание на «ложных друзьях переводчика», хотя в эту ловушку попадают не только начинающие переводчики. Д.А. Пелихов [5, с. 395] указывает на одну из таких ошибок: *morze niebieskie* в переводах стихотворения Милоша «Дар», выполненных Н. Далецкой или О. Чухонцевым, вовсе не «море небесное», а просто «синее море». Попутно отметим, что прилагательное в постпозиции, характерное для польского языка, в русском встречается в былинах, классической поэзии, в текстах возвышенного стиля, и не всегда подходит для перевода современных стихов.

Переводя современную польскую поэзию, переводчик сталкивается с выбором между двумя прямо противоположными подходами к переводу, которые, в свою очередь, основаны на двух проти-

воположных принципах современного стихосложения.

1. Традиционный подход к переводу предполагает передачу не только смысла, но и ритма и интонации оригинала средствами русского языка. При этом подразумевается, что и оригинал, и перевод будут читаться вслух и восприниматься на слух.

2. Подход некоторых польских исследователей [12, с. 172–173] строится на предположении, что начиная с середины XX века стихосложение и, соответственно, восприятие и чтение стихов начало адаптироваться к визуальной культуре, то есть зрительные образы стали намного важнее устных, а интонация и ритм стихотворения определяются графической сегментацией текста.

Здесь необходимо отметить, что данное утверждение относится в основном к верлибру. Стоит пояснить, что существует распространённое мнение, будто вся современная польская поэзия написана верлибром. Однако достаточно прочитать стихи Милоша, Ружевича, Карповича, Шимборской, чтобы понять, что эти поэты писали как верлибр, так и рифмованные стихи, при этом часто комбинируя их в рамках одного текста. Шимборска также использует довольно редко встречающуюся в современной поэзии внутреннюю рифму. К тому же верлибр вовсе не является прозаическим текстом, произвольно поделённым на строки [4, с. 20], а имеет свой ритм, определяемый разнообразными повторами (фонетическими, лексическими и графическими).

Рассмотрим более подробно вышеупомянутые подходы к переводу.

Сохранение ритмико-интонационного рисунка оригинала только на первый взгляд кажется простым делом. Недостаточно определить размер оригинального текста и в том же размере передать содержание. М.Л. Гаспаров [2, с. 18] отмечает, что в литературе той или иной страны каждый стихотворный размер свойственен определённой литературной традиции, тематике, настроению; Гаспаров называл это «семантическим ореолом стихотворного размера». Для переводчика проблема состоит в том, что этот «ореол» в польской и русской поэзии далеко не всегда идентичен. Некоторые стихотворные размеры не слышны русскоязычному читателю или переводчику и переводятся верлибром. Или, например, силлабические строки Шимборской переводят силлабо-тоническим стихом или тем же верлибром, хотя, как указывает И. Белов [1, с. 1], Шимборска далеко не всегда пишет верлибром.

Также русскоязычному читателю может показаться верлибром и традиционный польский тринадцатисложник, который довольно редко встречается в русской поэзии. Этой ошибки не удаётся избежать даже некоторым переводчикам со стажем.

Говоря о верлибре, следует сказать, что он не так широко распространён в современной русскоязычной поэзии, как, например, в польской

или английской. Многие переводчики (осознанно или неосознанно) стремятся сделать верлибр более ритмичным, приблизить его к отечественной практике стихосложения. В некоторых случаях эта стратегия себя оправдывает, например, при переводе стихов Тымотеуша Карповича.

Так, стихотворение «Эскалатор» благодаря коротким строкам звучит очень ритмично, и сохранение ритма помогает сохранить авторский стиль.

Ruchome schody Wniebowstępujemy ruchomymi schodami w obłok cywilizacji	Эскалатор Возносимся На эскалаторе На небо цивилизации
Są tam gwiazdy dla wzroku dziewczyny	Там есть звёзды Для взгляда Девичьих глаз
rękawiczki dla gorących rąk chłopca	Перчатки Для горячих Рук парня
Gwiazda przepala skórę rękawiczki	Звезда прожигает Кожу Перчатки
Ręce chłopca spalają dziewczyneę	Руки парня Испепеляют Девушку
Bez błędnie funkcjonują schody między popiołami	Бесперебойно Работает Эскалатор Соединяя Фигуры Из пепла

При переводе стихов Милоша такой приём неоправдан, так как его верлибры ритмичностью не отличаются.

Однако если предположить, что современная поэзия предназначена не для декламации, следует обратить внимание на подход, предлагаемый Элжбетой Войчик-Лиз [12, с. 173–174]. Под влиянием идеи Урбаньской [11] она утверждает, что в современной поэзии просодия больше не является основной характеристикой поэтического текста. Значение стихотворения определяется визуальным дизайном, поэтому стихи, в особенности верлибр, требуют зрительного восприятия в процессе чтения про себя. Такое чтение задействует не только звуковое, но и зрительное восприятие, в то время при чтении вслух усилия читателя сконцентрированы лишь на одном возможном значении стихотворного текста.

Поскольку в когнитивной лингвистике считается, что поэтический язык – это не система, диалект или код языка, а одна из его функций, стихосложение может рассматриваться как один из способов структурирования информации. Любое вербальное выражение осуществляется путём выбора го-

ворящим определённой структуры или языковых средств из всех, имеющихся в наличии. Этот выбор отражает нашу способность описывать одну и ту же ситуацию разными способами и, соответственно, создавать разные образы.

При таком подходе к стихосложению смысловой единицей становится строка, а конец строки знаменует как синтаксическое, так и семантическое изменение; некий перелом подготавливает читателя к восприятию контрастной информации. В конце строки также возникает некое молчание, которое не менее значимо, чем текст [7, с. 2]. Молчание не столько являет собой недосказанность, сколько приглашает читателя (именно читателя, а не слушателя) к размышлению на тему, предложенную автором, к интерпретированию сказанного различными способами, к созданию множественных образов.

Следовательно, переводчик должен сделать выбор между двумя вышеуказанными подходами: переводит ли он для чтения вслух или про себя? Разумеется, одно и то же стихотворение может оказаться в обеих ситуациях. Означает ли это, что даже самый талантливый перевод будет удачен лишь наполовину?

На наш взгляд, это не совсем так, однако новые тенденции в польском стихосложении побуждают переводчика комбинировать вышеперечисленные стратегии.

Некоторые зарубежные исследователи, например Клайв Скотт [10, с. 82], полагают, что сохранение ритмико-интонационной и графической структуры оригинала необязательно; более того, оно вредит переводу, так как загоняет переводчика в рамки формы, заставляя поступиться содержанием.

В отечественном переводоведении подход совершенно иной, поэтому переводчику приходится решать многокомпонентную задачу: сохранить ритм, интонацию и графику оригинала так, чтобы, оставаясь польскими, они не звучали или не выглядели чужеродно на русском языке; при этом сохранение смысла оригинала по-прежнему остаётся одним из приоритетов.

Добиться этого можно, применив стратегию, описанную В. Демецкой, которая полагает, что в первую очередь нужно определить жанровую принадлежность оригинала и выбрать для перевода те стилистические приёмы, которые характерны для жанра в целом [3, с. 4]. Например, политическая поэзия стилистически существенно отличается от философской или лирической.

Комбинируя все вышеописанные приёмы, можно добиться того, чтобы переводы были такими же качественными, как оригиналы.

Библиографический список

1. Белов И. Заметки члена жюри [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zawolnosc.eu/2016/03/заметки-члена-жюри> (дата обращения: 14.08.2016).
2. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. – М.: Фортуна ЭЛ, 2012. – 416 с.
3. Демецкая В. Верлибр и перевод: жанровая традиция элегии (на материале произведений У. Уитмена и их переводов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/123456789/207> (дата обращения: 10.08.2016).
4. Зимина Е.В. Проблемы перевода верлибра // Современное языкознание: проблемы и перспективы: сб. науч. трудов. – Нижний Новгород, 2016. – С. 19–21.
5. Пелихов Д.А. Особенности перевода поэзии Чеслава Милоша // Наука ЮУрГУ: материалы 66-й научной конференции. – Челябинск, 2014. – С. 390–397.
6. Altieri Charles. Polish Envy: American Poetry's Polonizing in the 1970's and 1980's [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://metre.ff.cuni.cz/article/385> (дата обращения: 27.07.2016).
7. Brent Frances Padorr. Review: Szymborska // Boston Review, 1998. – July 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bostonreview.net/poetry/frances-padorr-brent-review-szymborska>.
8. Karpowicz Tymoteusz Ruchome schody // Dzieła zebrane. T. 1. – Warszawa: Czytelnik, 2012. – S. 288.
9. MacArthur Marit. Some Problems with Modern Polish Poetry in Translation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cprw.com/some-problems-with-modern-polish-poetry-in-translation> 2010 (дата обращения: 27.07.2016).
10. Scott Clive. Free Verse and the Translation of Rhythm // Thinking Verse I, 2011. – P. 67–101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thinkingverse.com/issue01/clive%20scott,%20free%20verse%20and%20the%20translation%20of%20rhythm.pdf> (дата обращения: 26.12.2015).
11. Urbańska D. Wiersz wolny. Próba charakterystyki systemowej. – Warszawa: IBL, 1995. – P. 482.
12. Wójcik-Leese Elzbieta. Salient ordering of free verse and its translation // Language and Literature. – 2000. – №9 (2). – P. 170–181.

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ*

В статье представлены некоторые материалы готовящегося к изданию Словаря устойчивых сочетаний орловских говоров в двух частях. Первая часть словаря построена по алфавитному, а вторая – по идеографическому принципу. Такой подход позволяет не только уточнять дефиниции, но и выявлять парадигматические отношения между фразеологизмами. Поэтому в алфавитную часть словаря включены также сведения о парадигматических отношениях между фразеологическими единицами. В статье отмечается, что семантика ФЕ многослойна. Это, в частности, может проявляться в некоторых особенностях представления синонимических и омонимических отношений. Отмечены характерные черты, связанные с проблемой синонимии. Устанавливаются особенности синонимических отношений между полисемичными единицами и их синонимами. Для каждого из выделенных значений приводится синонимический ряд. Некоторые единицы (как правило, полисемичные) выступают как синонимы более чем к одному значению многозначной ФЕ. Вместе с тем многоуровневое основание значения фразеологизма закрепляет существование ФЕ с двумя и более равновесными ядерными семами. В основе значения ФЕ лежит двуединое основание: фразеологизм и называет, и характеризует того или иного человека, действие, состояние, время, меру и т.д. Вследствие этого выделение нескольких значений у ряда ФЕ не представляется возможным, они остаются моносемичными. Это позволяет приводить несколько синонимических рядов для такого фразеологизма в зависимости от активизации одной или другой семы в конкретном контексте. Анализ парадигматических отношений позволяет исследовать фразеологический континуум, устанавливать взаимосвязи и взаимозависимости между фразеосемантическими полями, ядерно-периферийную организацию фразеологического фрагмента орловских говоров.

Ключевые слова: орловские говоры, диалект, фразеологическая единица, парадигматические отношения, синонимия, омонимия, словарь.

Работа над готовящимся к изданию Словарем устойчивых сочетаний орловских говоров проводилась в двух направлениях: так называемом традиционном, где единицы располагаются в алфавитном порядке, и идеографическом, представляющим фразеосемантические объединения фразеологизмов (см., например, [1, 2]). Такой подход позволяет не только уточнять дефиниции, но и выявлять парадигматические связи фразеологических единиц (ФЕ). Источниками словарного материала стали Картотека словаря орловских говоров, создание которой началось в пятидесятые годы прошлого века, семнадцать выпусков Словаря орловских говоров [3, т. 1–17], фольклорные материалы, зафиксированные на Орловщине.

В первую часть словаря включены словарные статьи в алфавитном порядке (по грамматически опорному компоненту), а также сведения, отражающие парадигматику ФЕ. Например:

Набум-лазум <говорить, сказать и под.>. Сказать что-либо, не подумав, не к месту, невпопад; брякнуть. *Я совсем ни пра то гаварю; вот ты всигда так: ни паймёш, а чём гаварять, а слова вставить жилаши, вот и гавариши набум-лазум.* Урицк., Селихово. **Син.:** брюзнуть как в лужинку, бухнуть как телега в мешок, нерядом / нерядушком, несурзизу нести, хоть танцуй. **Ант.:** говорить рядом / рядушком.

Семантика фразеологической единицы многослойна, что, в частности, может проявляться в некоторых особенностях представления синонимических отношений. Отметим две характерные черты.

Первая связана с многозначными ФЕ. При вычленении нескольких достаточно автономных значений каждое из них может поддерживаться синонимическими рядами.

Например, ФЕ *анюта / анютка никудышная / никудышняя* имеет четыре значения: '1. Глупая, неумелая, бестолковая женщина' (*У мене мнучка – девка как девка, а у Любки-сасетки ну никудышняя анютка* (Ливенский р-н). Синонимами к этому значению выступают такие ФЕ, как *без мозги, без склёпки, беспонятная дуботолка, брянская коза, винтов нету, дурья башка, не знать ни толку, ни ряду, с бусорью / бусориной, чурка с глазами* и др. Второе значение ФЕ – '2. Ленивая, нерасторопная, медлительная женщина, никчемная работница, неумелая хозяйка' (*Эх ты, анюта никудышная, апать абет испортила* (Верховский р-н). *Вот анюта никудышная дажы в хати прибраца ни можыт* (Покровский р-н). Это значение синонимично соответствующим значениям единиц *божье бя, как арпеха, квашня квашнёй, хоть вагу подводи* и др. С третьим значением – '3. Неопрятная женщина; грязнуля' (*Па дароги анюта никудышная идет, усехта в грязнам платы да ничосаная* (Хотынецкий р-н). *Што и ты за анюта никудышная?* (Колпнянский р-н) – соотносятся синонимы *анчутка анчуткой, варюха отрпьева, как аука, мазепа мазепой, что гвазка* и под. К четвертому значению ФЕ '4. Блаженная, юродивая, дурочка' (*В каждой дивени была своя анюта никудышная* (Глазуновский р-н) в качестве синонимов выступают единицы *с бусорью / бусориной, с дуриной /*

* Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант №15-14-57001).

дуриной, ходить дурочкой, христовожий человек. Отметим, что в ряде подобных случаев находится ФЕ, которая может рассматриваться как синонимичная более чем к одному значению. Для единицы *анюта / анютка никудышная / никудышняя* это ФЕ с *бусорью* для первого и четвертого значений. Как правило, ФЕ-синоним также многозначна: с *бусориною / бусорью* – ‘1. Глуповатый, несообразительный, бестолковый человек’ (*Да з бусарью их Толк: машыну сламал, а щас ездит на автобуси. Новодеревеньковский р-н. Син.: а ну-ну, алёша-глупый, анюта / анютка никудышная / никудышняя, башка мякиной набита у кого, без мозги, без склёпки, беспонятная дуботолка, брянская коза, брянский казак, буслай буслаем, в ступе толкачом не попадёшь / попанеешь, винтов нету, галка в рот влетела, глупарь несусветный, дундук дундуком, дурак в клеточку, дурья башка, здоров, как бык, а дурак, как пень, как пешехонец, как глухой пень, как питка, как полоумка, как турка, как халилей, калган / колчан не варит, лыка не вязать, мешком трахнут, не знать дён полдён, не знать ни толку, ни ряду, пень головастый, пень с глазами, пустые глаза, пыльным мешком трёхнутый / трухнутый, с бестолковью, с вальком, с винтами, с глупиной / глупинкой, с дуриной / дуриной, с замолотцем, с лысинкой, с мусорью, с холминкой / холминой / с холмицей, склёпки в голове, телепень телепнем / телепень телепнём, трёх винтов нету, турок завоёванный, ума ни на шаг, чёрт с шелупиной, чурка с глазами); ‘2. Слабоумный, помешанный, юродивый’ (*Ну и малый был такой жы как атец, з бусарью, дурачок самый настаящий. Верховский р-н. Син.: анюта / анютка никудышная / никудышняя, с дуриной / дуриной, ходить дурочкой, христовожий человек*).*

Вторая особенность связана с фразеологическими единицами, которые имеют две или более ядерные, равновесные, равнозначные семы. В основе значения ФЕ лежит двуединое основание: фразеологизм и называет, и характеризует того или иного человека, действие, состояние, время, меру и т.д. Вследствие этого выделение нескольких значений у ряда ФЕ не представляется возможным, они остаются моносемичными. Поясним сказанное на примере единицы *дать выволочку* – ‘отругать и / или избить’, которая употребляется для характеристики либо одного из действий, либо обоих действий одновременно. В зависимости от активизации одной или обеих сем в конкретном контексте приводятся и разные синонимические ряды: а) *дать нотацию, открыть бучу* и под.; б) *взять в работу, дать парева, дать / задать холоду, по глазам стебать, разнести в тартарары, чистить перья* и под.; в) *в горбавую, виски повыдергать, вкатить горячих, всыпать под бока, зябрю дать* и под.

Единичны случаи фиксации омонимичных отношений. Обычно омонимия характерна для ФЕ,

первично активно развивающих многозначность. В конечном итоге отрыв одного из значений становится значительным, отдаляет его от других и в словаре фиксируется отдельной статьей. Так, например, ФЕ *глаза продавать*¹ имеет три значения: ‘1. Глазеть на товары, не покупая их’ (*Што и па магазинам лазить, када денех нет, глаза продавать. Орловский р-н*); ‘2. Бездельничать, слоняться’ (*Плахая баба, биздамовная, целыми днями шатайтца где придётца, глаза прадаёт. Покровский р-н*); ‘3. Засмотреться на что-кого-либо’ (*Как тот-та глядел на эту девку, ах ты, харашо, глаза прадал и дажы, мол, з глас ни спустил иё. Знаменский р-н*). Фразеологизм *глаза продавать*² означает ‘состояние человека, когда он хочет, но не может заснуть’ (*Усю ноц нончи глаза прадавала. Покровский р-н*).

Приведем еще один пример. Единица *не в памяти*¹ со значениями ‘1. В состоянии сильного душевного волнения’ (*Рибяты сказали, думала Катя приехала, ни в памяти шла. Колпнянский р-н*); ‘2. Вне себя’ (*Што ты кричиш, как ни в памяти. Знаменский р-н*); ‘3. В беспамьятстве, без сознания’ (*Он три дни ни в памяти был. Урицкий р-н*) омонимична ФЕ *не в памяти / память*² – ‘что-либо забылось, не помнится’ (*Ды раньше-та пели, а так-та ни в память, ни в память. Или хто што рассказывал, а я забыла – ни в памяти. Знаменский р-н*). Отметим, что единица *в памяти* в одном из своих значений – ‘в сознании, в здравом уме’ выступает как антоним к третьему значению ФЕ *не в памяти*¹.

Разграничение омонимов может обуславливаться видом глагольного компонента: *губы распустать / распустить*¹ – ‘1. Плакать’ (*Ну чаво ты губы-та распустил, малянкий што ли? Верховский р-н*); ‘2. Оскорбить кого-либо, обругать’ (*Он как разругалси, как губы распустил. Знаменский р-н*); ‘3. Обидеться на кого-либо, что отражается в гримасе’ (*Я ей правду сказал, а ана апать губы распустила. Верховский р-н*); ‘4. Быть слишком доверчивым, позволить себя провести, обмануть’ (*Мишка на базарам губы распустил, а иво апицтали. Ливенский р-н*); ‘5. По рассеянности, невнимательности, глупости прозевать, упустить что-либо’ (*Все уже заготовили корм, а ты распустил губы и наблюдаши, как люди работают. Краснозоро-ренский р-н*) и *распусть губы*² – ‘о вороватом человеке, который позарился на что-либо чужое’ (*Ну, губы распустил – эта на чужоя жадный. Покровский р-н*). У единиц *вывернуть слово* – ‘сказать что-либо не так, как принято’ (*Ды када гаварять ни так, то скажым: ну, вывирнула слова*) и *вывёрты-вать слова* – ‘сохранять в речи особенности говора’ (*Эта всё мы вывёртываем слава, па-старински гаварим*) видовые различия подкреплены различиями в форме числа именного компонента.

Фиксируется и омонимия моносемичных ФЕ: *взойти в память*¹ – ‘запомниться надолго’ (*Этат*

день мне *взашил в память, када Митька мой с вайны вирнулси*) и *взойти в память*² – ‘прийти в себя, выйти из бессознательного состояния’ (*Он лижал бис памяти, а патом взашил в память*). Или единицы *дать дуба*¹ – ‘нанести удары, избить’ (*Учера крику была: Калян таму дал дуба*) и *дать дуба*² – ‘мерзнуть, зябнуть’ (*Этай зимой Ваня дал дуба в сваей старой избе*). Отметим, что в обоих рассмотренных случаях первая ФЕ требует обязательного управления: *взойти в память*¹ и *дать дуба*¹ кому-либо.

Наибольшее число зафиксированных случаев синонимии, антонимии и омонимии наблюдается во фразеосемантических полях «характеристика человека», «характеристика состояния человека», «характеристика действия». Выявление парадигматических отношений позволяет анализировать фразеологический континуум, устанавливать взаимосвязи и взаимозависимости между фразеоло-

семантическими полями, ядерно-периферийную организацию фразеологического фрагмента орловских говоров.

Библиографический список

1. Зубова Ж.А. Некоторые проблемы фразеографирования диалектного материала (на материале орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2007 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2007. – С. 173–180.

2. Зубова Ж.А. Фразеологизмы, характеризующие внешний вид человека, в орловских говорах // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 165–167.

3. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991.

4. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 5–17. – Орел, 1989–2016.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОБРАЗОВАНИЕ В НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ

В статье рассмотрена ситуация в высшем образовании, сложившаяся на юго-востоке Украины в связи с военными действиями. Констатируется нарушение международных и внутригосударственных правовых норм, в том числе прав граждан Украины на образование: Украина не только не обеспечивает реализацию конституционных прав своих граждан на образование, но и активно и целенаправленно этому противодействует. Предлагаются варианты решения вопроса о признании документов об образовании на данных территориях: 1) выдача документов об образовании украинского образца; 2) принятие документов об образовании, выдаваемых непризнанными государствами, без процедуры признания; 3) выдача документов об образовании российского образца. Автор статьи считает, что в сложившейся ситуации наиболее реалистичным представляется второй и третий варианты.

Ключевые слова: государство, право, образование, Украина, Донецк, Луганск, документы об образовании, итоговая аттестация, экстернат.

Устойчивость любого государства находится в зависимости от воспроизводства знаний, развития соответствующих образовательных институтов, а также преемственности социокультурной составляющей общественного сознания. Стабильность их поддержки влияет на баланс общественных интересов, развитие государственности, обеспечивает привлекательность общества.

Недавние события «украинской революции» повлекли грубые нарушения международных и внутригосударственных правовых норм, в том числе прав граждан Украины на образование. Соответственно, минимально необходимые условия развития и существования в качестве социального государства Украиной не выдерживаются в полной мере нигде, а на территории Юго-Востока не выполняются полностью.

Ст. 53 Конституции Украины провозглашает, что «государство обеспечивает доступность и бесплатность дошкольного, полного общего среднего, профессионально-технического, высшего образования в государственных и коммунальных учебных заведениях; развитие дошкольного, полного общего среднего, внешкольного, профессионально-технического, высшего и последиplomного образования, разных форм обучения, предоставление государственных стипендий и льгот ученикам и студентам» [10]. Однако Украина не только не обеспечивает реализацию конституционных прав своих граждан на образование, но и активно и целенаправленно этому противодействует.

Так, правительство Украины не выдает выпускникам школ и вузов, находящихся на территории провозглашенных Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики (далее – ДНР, ЛНР), документов об образовании, а преподавателям не выплачивается заработная плата. Министерством образования и науки Украины изданы

приказы о переводе вузов из Донецка, Луганска, Горловки в районные центры, подконтрольные центральной власти Украины, а те из преподавателей, которые остались и продолжили научно-педагогическую работу на территориях провозглашенных республик, провозглашены «пособниками террористов» [7].

В настоящее время в ДНР и ЛНР осуществляют деятельность вузы, правовой статус которых не определен. Дипломы об образовании данных вузов не признаются ни Украиной, ни Россией, ни другими странами. Рассмотрение вопросов легитимизации высшего образования в непризнанных республиках, в том числе механизмов, предусмотренных законодательством Российской Федерации, несомненно, имеет не только научное, но и общественно-политическое, гуманитарное значение, выходящее за пределы сферы образования и науки.

Для обучающихся в вузах ДНР и ЛНР наиболее актуальным является вопрос признания документов об образовании. Его решение возможно несколькими способами. Основными из них являются: 1) выдача документов об образовании украинского образца; 2) принятие документов об образовании, выдаваемых непризнанными государствами, без процедуры признания; 3) выдача документов об образовании российского образца.

В сложившейся ситуации наиболее реалистичным представляется второй и третий варианты.

Принятие документов об образовании, выдаваемых непризнанными государствами, без процедуры признания.

В ст. 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1] закреплен фундаментальный принцип запрета дискриминации, который подлежит учету при формировании и применении национального законодательства: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы

то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, *не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся, или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете*» (выделено мной – В.Г.). Право каждого человека на образование, как одно из важнейших прав человека, провозглашается в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека и в ст. 13 и 14 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [3].

Поскольку международное право становится все более значимым и активным регулятором общественных отношений, даже тех, которые традиционно относились к домену внутригосударственного права [2], а право на образование как социальная ценность, входящая в систему прав второго поколения, получило всеобщее признание и закрепление в конституции и законодательстве Российской Федерации, конституции и законодательстве Украины, а также в международно-правовых документах, актуализируется вопрос принятия (и, в целом, – легитимизации) документов об образовании, без процедуры признания, выдаваемых образовательными учреждениями ДНР и ЛНР. Полагаем, что такое решение Российской Федерации будет вполне соответствовать нормам международного права и являться закономерным продолжением реализации гуманитарной политики.

Выдача документов об образовании российско-го образца.

Российское законодательство предусматривает, что в соответствии с частью 3 статьи 34 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») «лица, осваивающие основную образовательную программу в форме самообразования или семейного образования либо обучавшиеся по не имеющей государственной аккредитации образовательной программе, вправе пройти экстерном промежуточную и государственную итоговую аттестацию в организации, осуществляющей образовательную деятельность по соответствующей имеющей государственную аккредитацию образовательной программе. Указанные лица, не имеющие основного общего или среднего общего образования, вправе пройти экстерном промежуточную и государственную итоговую аттестацию в организации, осуществляющей образовательную деятельность по соответствующей имеющей государственную аккредитацию основной общеобразовательной программе, бесплатно» [9].

Учитывая, что в Российской Федерации образование может быть получено как в образовательных организациях, так и вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в форме семейного образования и самообразования), правовой статус экстернов выражается в следующем:

– во-первых, их обучение осуществляется либо в форме самообразования или семейного образования, либо по не имеющей государственной аккредитации образовательной программе;

– во-вторых, их зачисление в организацию, осуществляющую образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам, происходит только для прохождения промежуточной и государственной итоговой аттестации [4].

Поскольку, в соответствии со ст. 34 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», при прохождении аттестации экстерны пользуются академическими правами обучающихся по соответствующей образовательной программе, то они должны быть обеспечены доступом к электронным библиотечным системам образовательной организации, к фондам учебно-методических ресурсов и иным материалам, обеспечивающим возможность качественного предоставления образовательной услуги.

Несмотря на лаконичность, законодатель предоставил возможность образовательным организациям принимать локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения, в том числе определять условия и порядок (процедуру) прохождения экстерном промежуточной и государственной итоговой аттестации в организации, осуществляющей образовательную деятельность (ст. 30 «Об образовании в Российской Федерации»). Необходимо отметить, что с правом лица пройти экстерном бесплатно промежуточную и государственную итоговую аттестацию коррелирует обязанность организаций, осуществляющих образовательную деятельность по соответствующим имеющим государственную аккредитацию основным общеобразовательным программам, предоставить им такую возможность. Существует точка зрения, что соискателям вообще «не может быть отказано в праве на зачисление в образовательную организацию, осуществляющую образовательную деятельность по соответствующей имеющей государственную аккредитацию образовательной программе для прохождения промежуточной и государственной итоговой аттестации» [4]. Следовательно, принятие образовательной организацией локального нормативного акта, содержащего нормы, регулирующие отношения по прохождению экстерном промежуточной и государственной итоговой аттестации, становится обязательным.

На эту же практику ориентирует и письмо Министерства образования и науки Российской Фе-

дерации от 15 ноября 2013 г. № НТ-1139/08 «Об организации получения образования в семейной форме» [6], где применительно к прохождению экстерном промежуточной и государственной итоговой аттестации, определяется, что образовательной организацией должен быть принят соответствующий локальный акт, регламентирующий порядок организации и прохождения промежуточной и государственной итоговой аттестации, в том числе экстернами. При этом вышеуказанный локальный акт должен быть доступен для беспрепятственного ознакомления, в том числе на сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Рабочее наименование данного локального нормативного акта может быть определено как положение об экстернах той или иной образовательной организации.

Структуру такого положения целесообразно разбить на четыре части: общие положения, порядок зачисления экстернов, порядок прохождения аттестации экстернами и порядок отчисления экстернов.

В первую часть целесообразно поместить положения, определяющие требования к лицам, претендующим на прохождение в образовательной организации промежуточной и государственной итоговой аттестации. Как представляется, в образовательной организации высшего образования к прохождению промежуточной и государственной итоговой аттестации по программам бакалавриата и специалитета должны допускаться лица, имеющие аттестат среднего общего образования или диплом среднего профессионального образования, справку об обучении и (или) периоде обучения в другой образовательной организации соответствующего уровня образования и направленности образовательной программы. Что же касается программ магистратуры, то к прохождению промежуточной и государственной итоговой аттестации должны допускаться лица, имеющие диплом высшего образования любого уровня, справку об обучении и (или) периоде обучения в другой образовательной организации соответствующего уровня образования и направленности образовательной программы.

Поскольку к прохождению государственной итоговой аттестации допускаются лица, освоившие в полном объеме образовательную программу соответствующего уровня и направленности образовательной программы, необходимо определить документы, подтверждающие освоение образовательной программы. К таковым могут относиться: копия зачетной книжки и (или) справка об обучении и (или) периоде обучения в другой образовательной организации.

Данные документы должны рассматриваться на заседании аттестационной комиссии того

структурного подразделения, которое реализует соответствующую образовательную программу. В состав аттестационной комиссии могут входить: декан факультета (директор института) или их заместители; заведующий кафедрой, на которой осуществляется подготовка по направлению (специальности), на которую претендует кандидат в экстерны, а также один из ведущих преподавателей дисциплин профессионального цикла.

Аттестация может проводиться путем рассмотрения копии зачетной книжки, справки об обучении и (или) периоде обучения, собеседования или в иной форме.

По итогам аттестации целесообразно оформить протокол, в котором указать перечень и объемы возможных для перезачета дисциплин и практик с оценкой или отметкой о зачете. Те дисциплины, которые не осваивались кандидатом в экстерны или осваивались в недостаточном объеме или с несоответствующей формой отчетности (зачетом вместо экзамена), или с недостаточным количеством форм отчетности, будут считаться академической разницей.

Образовательная организация высшего образования может определить предельный объем академической разницы, наличие которой будет являться основанием для отказа к зачислению кандидата в качестве экстерна.

После зачисления экстерна может быть разработан и утвержден индивидуальный учебный план экстерна.

Промежуточная аттестация экстерна должна включать в себя виды отчетностей, предусмотренные учебным планом образовательной программы и проводиться аттестационной комиссией. Тем экстернам, которые успешно прошли промежуточную аттестацию, выдается справка об обучении и (или) периоде обучения установленного образца. С этого момента они приобретают возможность пройти государственную итоговую аттестацию экстерном.

Государственная итоговая аттестация проводится в соответствии с локальными нормативными актами образовательной организации высшего образования и включает в себя защиту выпускной квалификационной работы и (или) государственный экзамен в соответствии с требованием федерального государственного образовательного стандарта.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, принятие документов об образовании без процедуры признания, выдаваемых образовательными учреждениями ДНР и ЛНР, соответствует нормам международного права и является закономерным продолжением реализации гуманитарной политики Российской Федерации.

Во-вторых, существующие процедуры промежуточной и государственной итоговой аттестации экстернов принимаются образовательными организациями высшего образования самостоятельно.

С учетом того, что экстерны получают документы об образовании той образовательной организации, где они обучение не проходили (не получали образовательные услуги), а преподаватели данной организации оценивают их знания, умения и навыки лишь на промежуточной и государственной итоговой аттестации, отсутствие единых требований к условиям и порядку прохождения экстерном промежуточной и государственной итоговой аттестации может приводить к тем или иным злоупотреблениям как при определении данных процедур, так и при их проведении. Существует и другая опасность. Отсутствие единых подходов и вообще каких-либо рекомендаций по проведению данных процедур может оставить соответствующую норму федерального закона декларативной.

В-третьих, с учетом наработанного вузами Российской Федерации опыта по взаимодействию с образовательными организациями ЛНР и ДНР при проведении аттестации, полагаем необходимым принятие Министерством образования и науки Российской Федерации нормативного правового акта, регулирующего отношения по условиям и порядку (процедуре) прохождения экстернами промежуточной и государственной итоговой аттестации в организации, осуществляющей образовательную деятельность.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
2. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право как регулятор современных международно-правовых отношений // Государство и право. – 2013. – № 11. – С. 46–59.
3. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. (Пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII.).
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) / Н.С. Волкова, Ю.А. Дмитриев, О.Ю. Еремина, Т.В. Жукова, А.А. Кирилловых, А.В. Павлушкин, Е.В. Пуляева, Н.В. Путило. – М.: Деловой двор, 2013 // СПС КонсультантПлюс.
5. Николаев Б.В. Право на образование и международные стандарты Организации Объединенных Наций // Международное право и международные организации. – 2014. – № 2. – С. 215–222.
6. Письмо Минобрнауки России от 15.11.2013 № НТ-1139/08 «Об организации получения образования в семейной форме» // Вестник образования России. – 2014. – № 1.
7. Стещенко Т. Преподаватели университета Донецка приравнивали оставшихся в ДНР коллег к преподавателям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/donbass/78427-chast-kollektiva-donnu-potrebovala-ot-sbu-obratit-vnimanie-na-svoih-jeks-kolleg> (дата обращения: 09.07.2015).
8. Учителей из ДНР и ЛНР приравнивали к террористам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svopi.ru/hournews/9685-uchiteley-iz-dnr-i-lnr-priravnjali-k-terroristam.html> (дата обращения: 09.07.2015).
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 31.12.2012. – №53 (ч. 1). – Ст. 7598.
10. Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ «СТАРОЙ» ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1930-Е ГОДЫ (по материалам Верхневолжского региона)

Статья раскрывает особенности взаимоотношений Советского государства и технической интеллигенции в наиболее сложный исторический период – коллективизации сельского хозяйства. Автором используются региональные архивные материалы Верхнего Поволжья (Костромская и Ивановская губернии). Анализ архивно-следственных материалов выявил грубейшие нарушения норм уголовно-процессуального закона, когда обвиняемый и свидетели подвергались давлению со стороны следствия, фальсифицировались показания, обвиняемый лишался права отвода следователей, сокращались сроки следственных действий, дела слушались без участия сторон, обвиняемый лишался права кассационного обжалования приговоров и др.

Ключевые слова: интеллигенция, социальный конфликт, политический режим, нелегальная деятельность, судебный процесс, уголовная репрессия.

Обострение социальных противоречий в стране, вызванных коллективизацией, некомпетентным вмешательством в экономику не могли не повлиять на настроения специалистов, главным образом, из числа «старой», сформировавшейся еще до революции, интеллигенции. Критика интеллигенцией непродуманной и волонтаристской политики «большого скачка» вызывала жесткую ответную реакцию со стороны государства, формировала конфликтный характер взаимоотношений [7, с. 28].

Решающая роль в разрешении конфликтов между государством и интеллигенцией принадлежала органам НКВД-ОГПУ. С 1927 г. ОГПУ предоставлялось право рассматривать во внесудебном порядке, вплоть до применения высшей меры наказания, дела по диверсиям, поджогам, порче машинных установок и т.п., совершенных как «со злым умыслом», так и «без умысла» [10, с. 81].

На третьей сессии ЦИК СССР третьего созыва 25 февраля 1927 г. было принято Положение о государственных преступлениях, под которыми понимались контрреволюционные преступления и особо опасные для СССР преступления против порядка управления [12; 18]. Согласно Положению, контрреволюционными действиями считались в том числе: подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, кооперации; пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению или ослаблению советской власти; контрреволюционный саботаж.

Летом 1928 г. состоялся первый крупный судебный процесс по так называемому «Шахтинскому делу» [3, с. 279; 21, с. 10–18; 5, с. 279]. «Механизм» уголовной репрессии раскручивался все быстрее: дела «О контрреволюционной вредительской организации в военной промышленности СССР» (1929 г.); «Трудовой крестьянской партии» (1930 г.), «Промпартии» (1931 г.), «Союзного бюро (меньшевикова)» (1931 г.).

Государственные органы на местах активно включались в «выявление вредительства» «старых» специалистов. В развернувшейся борьбе вина любого из них заранее программировалась и не требовала особых доказательств, они «находились» еще до аварий, провалов в производстве и прочих хозяйственных трудностей.

В декабре 1930 г. в г. Костроме состоялся судебный процесс по делу так называемой подпольной контрреволюционной организации «Союзу возрождения России». 150 человекам было предъявлено обвинение в антисоветской работе на строительстве моста через р. Волгу, связи с белой эмиграцией. Среди них: бухгалтеры, инженеры, техники-строители, в прошлом 14 полковников русской армии, 13 капитанов и штабс-капитанов, 24 поручика и подпоручика, 20 прапорщиков, 59 человек из дворянского сословия [20; 11].

Руководителю организации (А.К. Рейнвальду) предъявлялось обвинение в сборе оружия, подготовке террористических актов против общественных, партийных и советских работников, разработке плана взрыва Дома Советов и здания ОГПУ, захвата местного отделения Госбанка.

По решению суда 13 бывших офицеров приговорили к расстрелу, 6 подсудимым расстрел заменили на десятилетнее заключение в концлагерях, 19 подсудимых получили по 10 лет заключения в концлагеря, 21 подсудимый – по 5 лет, 13 подсудимых – по 3 года, а 21 подсудимый выслан в Северный край.

Анализ архивно-следственных материалов позволяет отметить, что в ходе дознания и следствия, а также судебного рассмотрения дела нарушались многие нормы Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Так, нарушалась ст. 62 УПК РСФСР, согласно которой доказательствами вины должны быть не только показания свидетелей, но и вещественные доказательства, письменные документы и личные показания обвиняемых. В ходе следствия предпочтение отдавалось показаниям свидетелей.

При производстве предварительного следствия следователь, как правило, выяснял лишь обстоятельства, которые уличали обвиняемых, в то время как ст. 113–114 УПК требовали наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела, с выяснением в том числе обстоятельств, оправдывающих обвиняемого. Нарушалась ст. 125 УПК, в соответствии с которой обвиняемые могли использовать право отвода следователей. Следователи в ходе допросов обвиняемых, а также свидетелей применяли угрозы, насилие для получения необходимых показаний и признаний, что являлось грубым нарушением ст. 139, 168, 169 УПК, запрещавших подобные действия. Обстоятельства дела подтягивались к «прокрустову ложу» состава преступления путем их фальсификации.

Как правило, протоколы допросов не соответствовали реальным показаниям обвиняемых, свидетельствовали о самооговорах, что законом запрещалось. Ст. 141 УПК устанавливала порядок ведения допроса и протокола: допрос обвиняемых должен был начинаться предложением следователя обвиняемому рассказать все ему известное по делу; после дачи обвиняемыми показаний им задавались вопросы. В протоколе допроса излагались показания обвиняемых и отмечались заданные вопросы и ответы на них; показания обвиняемых заносились дословно.

Обвиняемые были лишены возможности обжаловать действия следователей, хотя процессуальный закон предоставлял такое право (ст. 216 УПК). По окончании судебного следствия прений сторон не проводилось, что нарушало положение ст. 308 УПК.

Архивно-следственные документы не позволяют дать исчерпывающую оценку происшедшей трагедии, когда десятки людей, уцелевших после гражданской войны, были преданы суду. Однако очевидным является то, что обвиняемых судили за их принадлежность к «буржуазной» интеллигенции, за взгляды и убеждения прошлых лет, при отсутствии деяний, направленных против Советского государства.

В 1931 г. органами ГПУ Ивановской промышленной области был сфабрикован еще один громкий судебный процесс по делу так называемой «Партии трудового крестьянства» [1, Л. 1–3], в ходе которого предъявили обвинение 27 человекам (среди них были дети священнослужителей, русских офицеров) в противодействии мероприятиям, проводимым Советским государством по социалистическому переустройству деревни, в подрыве экономической мощи страны, поджоге лесных массивов, общественных учреждений, в объединении антисоветски настроенной части крестьянства и создании вооруженных «зеленых банд» для антигосударственных выступлений, связи с контрреволюционной эмиграцией [1, Л. 2, 8].

К обвиняемым применялись физическое и моральное давление, добивались от них ложных самооговоров и необходимых следствию признаний. Так, например, И.К. Беляев вынужден был признать: «Целью организации являлось вредительство колхозам, то есть агитация против создания колхозов» [1, Л. 183, 192]; «с 1928 г. с моим приездом в село Николо-Шанга наша организация стала заниматься шпионажем в пользу капиталистических государств» [1, Л. 10, 27, 32]; в показаниях А.П. Дароватовского отмечалось, что «свою контрреволюционную работу организация осуществляла на протяжении всего периода существования посредством поджогов школ, лесов, деревень, предприятий» [13].

Обострение социальной напряженности и конфликтности в стране в результате голода 1932–1933 гг., широко проводившихся на местах судебных процессов над интеллигенцией, побудило партийно-государственное руководство пойти на некоторую либерализацию экономической политики и свертывание массовых внесудебных репрессий. В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» в секретной части, не подлежавшей публикации, говорилось о прекращении практики разверсток на изъятие классово-враждебного элемента [8, с. 102; 19, с. 38], а в открытой (опубликованной) части этого Постановления предписывалось провести проверку всех жалоб на незаконные аресты, высылки, конфискации и наложить взыскания на виновных должностных лиц.

Постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 г. учреждалось Особое совещание при НКВД СССР [15], полномочия которого ограничивались по сравнению с прежней Судебной коллегией ОГПУ [9, с. 117]. Особое совещание могло во внесудебном порядке применять ссылку и высылку в отдаленные районы или выдворение за пределы страны, а также заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет лиц, признаваемых «общественно опасными» [17]. В заседаниях Особого совещания предусматривалось обязательное участие прокурора СССР или его заместителя [15]. Тем не менее, жесткость уголовных санкций, применяемых государством к «старой», технической интеллигенции была максимальной. Это еще раз законодательно подтверждалось в Постановлении ЦИК СССР от 14 марта 1933 г. «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты» [14]. В документе отмечалось, что рассмотрение на судебных заседаниях коллегии ОГПУ дел данного характера должно приводиться с особой строгостью по отношению к служащим государственных учреждений и предприятий, уличенным в этих преступлениях.

Прямым следствием развязанного своего рода «красного террора», в связи с убийством в

1934 г. С.М. Кирова, являлась фабрикация органами НКВД новых политических судебных процессов. Постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» [16], подписанное Председателем ЦИК СССР М.И. Калининым и Секретарем ЦИК СССР А. Енукидзе, поставило следствие и суд по делам о террористических организациях и террористических актах, которые приписывались, как правило, интеллигенции, в условия, исключившие объективное выяснение всех обстоятельств дела.

Постановлением предписывалось: следствие по этим дела заканчивать в течение 10 дней; обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дела слушать без участия сторон; кассационного обжалования приговоров, подачи ходатайств о помиловании, не допускать; приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно после вынесения приговора [16].

По подсчетам В. Маслова и Н. Чистякова, только в декабре 1934 г. по закону от 1 декабря 1934 г. было репрессировано 6510 человек [2].

Продолжением своеобразного «красного террора», связанного с убийством С.М. Кирова в 1934 г., стало сфабрикованное органами НКВД Ивановской области дело о деятельности так называемой «Российской державной монархической партии» (РДПМ) [6]. 67 членам РДПМ (большинство из них по своему социальному положению, профессиональной принадлежности относились к интеллигенции: Л.А. Надионов, И.А. Шабалкин, М.Я. Коршунов, Г.И. Титов и др.) предъявлялось обвинение в создании 12 контрреволюционных организаций, в подготовке повстанческих вооруженных группировок, в связи с антисоветскими элементами других областей СССР.

Используя силовое давление на обвиняемых, были получены показания о наличии программы партии, главная цель которой формировалась как уничтожение Советского государства и установление монархического правления страной. Так, в показаниях руководителя организации Л.А. Надионова отмечалось, что «...Предполагалось произвести разрушение Сибирской магистрали в трех местах с уклонами на подъем... Разрушением путей и приостановлением железнодорожного движения предполагалось нарушить нормальную жизнь крупных центров, деморализовать правительственные органы, лишит возможности перевозки воинских частей к месту восстания для его подавления и будить деревню на повстанческое движение» [2].

В настоящий момент сложно восстановить полную картину происходившего в начале 1930-х годов в застенках НКВД. Мы не можем достоверно описать, в каких условиях обвиняемые давали по-

казания, подвергались или нет давлению свидетели, но с полной уверенностью можно утверждать, что большинство предъявленных обвинений были сфабрикованы, а сам судебный процесс являлся логическим продолжением политики преследования инакомыслия, выкорчевывания «классово-чуждой» интеллигенции, насильственного разрешения конфликтов.

Государство, прибегая к насильственным способам разрешения конфликтов с интеллигенцией, «изымало» те социальные слои, от которых можно, по его мнению, ожидать сопротивления проводимой экономической и социальной политике. Силовое разрешение конфликта было малоэффективно, речь в данном случае может идти лишь о частичном его разрешении, так как были защищены интересы только одного субъекта конфликта – государства.

Библиографический список

1. Архив УФСБ России по Костромской области. – Д. 6728 С. – ЛЛ. 1–3.
2. Архив УФСБ России по Костромской области. – Д. 7450 С. – ЛЛ. 21, 22
3. Известия ЦИК и ВЦИК. – 1928. – № 60
4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП (б). – М.: Госполитиздат, 1950. – 352 с.
5. История ВКП (б). Краткий курс. – М.: Правда, 1938. – 674 с.
6. Коммунист. – 1990. – № 10. – С. 105.
7. Куманев В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 26–34.
8. Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940 гг. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 232 с.
9. Курицын В.М. Советская политическая система 30-х годов // Коммунист. – 1991. – № 2. – С. 112–119.
10. О внесудебных органах. Разъяснение Прокуратуры СССР и КГБ СССР // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 10.
11. Северная правда. – 1992. – 21 марта.
12. СЗ СССР. – 1927. – № 12. – Ст. 123.
13. СЗ СССР. – 1932. – № 50. – Ст. 298.
14. СЗ СССР. – 1933. – № 19. – Ст. 108.
15. СЗ СССР. – 1934. – № 36. – Ст. 283.
16. СЗ СССР. – 1934. – № 64. – Ст. 459.
17. СЗ СССР. – 1935. – № 11. – Ст. 84.
18. СУ РСФСР. – 1927. – № 49. – Ст. 330.
19. Реабилитирован посмертно. Выпуск первый. – М.: Юрид. лит., 1988. – 336 с.
20. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 2. – Д. 7430. – ЛЛ. 2, 5
21. Экономическая контрреволюция в Донбассе. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928. – 306 с.

СИСТЕМА МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ УК РСФСР 1926 Г. КАК АЛЬТЕРНАТИВА НАКАЗАНИЮ

Статья посвящена содержанию и значению системы мер социальной защиты, закрепленных в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., как альтернативы наказанию. Данный социально-правовой эксперимент в области уголовного права отличался многими принципиально новыми подходами и оказал неоднозначное, существенное влияние на последующее развитие советского уголовного законодательства. В стране признавалась неизбежность уничтожения преступности как социального последствия классового общества путем реализации новой уголовной политики в отношении категории лиц, признаваемых общественно опасными. Советское государство не только наказывало за совершение преступных посягательств, но и превентивно обеспечивало собственную безопасность, исходя из субъективной оценки подсудимого: связей с преступной средой или прошлой антиобщественной деятельностью виновного. Особое внимание в статье уделяется положению о том, что указанные меры выступали динамичным проявлением карательной политики советского государства. Меры социальной защиты были закреплены как сложная система, которая по своей сути являлась карой, что позволяло расширительно применять меры уголовной репрессии в отношении неограниченного круга лиц, а также была комплексом воспитательно-принудительных мер борьбы с преступностью.

Ключевые слова: меры социальной защиты, уголовное наказание, Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.

В настоящее время актуальность развития института уголовного наказания обусловлена необходимостью эффективного противодействия преступности, где меры государственного принуждения, как правило, выступают единственным результативным средством борьбы с указанным общественно опасным явлением. В целях дальнейшего совершенствования системы наказания необходимо обращение к имеющемуся историческому опыту применения альтернативных уголовно-правовых конструкций и средств законодательной техники. В частности, в советском уголовном законодательстве особого внимания заслуживает система мер социальной защиты как альтернативного института, созданного взамен уголовного наказания. Данные меры, закрепленные в УК РСФСР 1926 г., выступают примером неоднозначного законодательного эксперимента, когда была представлена новая обобщающая правовая конструкция, основанная на принципах полезности и политической целесообразности, регламентирующая применение государственного принуждения [9]. Альтернативность наказанию проявлялась в том, что новая власть категорически отвергала уголовно-правовые традиции классической школы уголовного права и широко использовала предложения социологического направления теории уголовного права.

Следует отметить двойственный характер положений данного УК РСФСР: с одной стороны, был учтен опыт прежнего дореволюционного и советского уголовного законодательства, а с другой – внесены новые кардинальные структурные изменения в уголовное законодательство, базирующихся на материалистических идеологических принципах. «УК РСФСР 1926 г. вообрал не только взгляды коммунистов на уголовную репрессию; время

показало глубину и точность разработок многих содержащихся в нем норм и институтов, что дает основание для утверждения о преемственности положений, заложенных в первом российском уголовном кодексе, а в целом еще раньше – в дореволюционном уголовном праве» [3, с. 3]. Создание системы мер социальной защиты в советском уголовном праве было обусловлено политическими причинами и является следствием процесса модернизации и трансформации политических структур российского государства и общества 20-х г. XX в. Они признавались в качестве эффективного средства последующего искоренения и предупреждения преступности в целом в государстве нового типа, где формируются и развиваются новые – социалистические общественные отношения.

В этой связи признавалась неизбежность уничтожения преступности как социального последствия классового общества путем реализации новой уголовной политики в отношении категории лиц, признаваемых общественно опасными. В соответствии со ст. 7 УК РСФСР 1926 г., в отношении открытого перечня лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применялись меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера. То есть такие меры имели комплексный характер; если наказание выступало карой за совершенное преступление, то мера социальной защиты могла иметь и превентивный характер по отношению к социально «чуждым элементам», и, в отличие от наказания, могла быть бессрочной.

Возможность упредительного воздействия на преступность как теория социальной защиты была воспринята из предложений социологической шко-

лы уголовного права [2]. Э.Я. Немировский указывал в качестве причины появления мер социальной защиты развитие общественных отношений и назревшую потребность общества в новых способах защиты от тех, кто совершил (или мог совершить) преступление. «Для применения мер социальной защиты приоритетное значение имеет личность преступника, степень его опасности, а не значение совершенного им деяния. Исходя из этого, меры социальной защиты, в отличие от наказания, не преследуют цели кары или возмездия и являются неопределенными по времени» [6, с. 36].

Основанием для применения данных мер являлось признание конкретной личности общественно опасной. Таким образом, государство не только карало за совершение преступления, но превентивно обеспечивало собственную безопасность против последующего преступного поведения, исходя из субъективной оценки: связей с преступной средой или прошлой антиобщественной деятельности виновного. М.Ю. Козловский писал: «Для нас, детерминистов, аксиомой является положение, что преступник – продукт социальной среды, и что все его действия, все его побуждения от его и нашей воли не зависят. Нелепо поэтому воздавать ему “должное” за то, в чем он неповинен... Единственной целью налагаемой кары должна быть, в соответствии с нашими взглядами на причины преступности, самозащита или охрана условий общежития от посягательства» [4, с. 27].

Не случайно среди целей применения мер социальной защиты, наряду с предупреждением новых преступлений со стороны лиц, их совершивших, закреплялись: воздействие на других неустойчивых членов общества; приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся, то есть не их уничтожение, а перевоспитание и адаптация к новым государственным и общественным условиям. Декларировалось, что указанные меры не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства, а также не имеют задачи возмездия и кары.

Утрата преступлением его общественно опасного характера могла происходить вследствие изменения уголовного закона либо социально-политической обстановки, кроме того, общественно опасным мог быть не признан человек, совершивший преступление. И таким образом, содеянное не влекло за собой применение соответствующей меры социальной защиты.

Ограничение в применении мер состояло в том, что в отношении лиц, совершивших общественно опасные действия, меры социальной защиты судебно-исправительного характера могли применяться только в тех случаях, когда эти лица действовали либо умышленно, либо неосторожно. Данный вид мер социальной защиты сочетался с приме-

нением института аналогии, т.е. если то или иное общественно опасное действие прямо не было предусмотрено уголовным законом, то основание и пределы ответственности за него определялись применительно к наиболее сходным преступлениям. Таким образом, обеспечивалось расширительное применение уголовной репрессии, в том числе, и внесудебными органами в политических целях. Например, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР «Об особом совещании при Народном комиссаре внутренних дел СССР», в 1934 г. предусматривалась возможность применения мер социальной защиты в отношении лиц, признанных общественно опасными [8, с. 84].

Несмотря на столь кардинальное реформирование советского уголовного законодательства, термин «наказание» по-прежнему использовался в нормативных правовых актах того времени. Например, постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине» [7, с. 344], Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. [7, с. 403] и др. И в санкциях статей Особенной части УК РСФСР 1926 г. использовались термины: «наказывается», «карается». С момента принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине» официально стало применяться понятие «наказание». Это объясняется тем, что изменение терминологии не повлияло на содержание видов наказаний. В соответствии со ст. 20 УК, в систему мер социальной защиты судебно-исправительного характера были включены: объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов; лишение свободы со строгой изоляцией; лишение свободы без строгой изоляции; принудительные работы без лишения свободы (в дальнейшем – исправительно-трудовые работы); поражение политических и отдельных гражданских прав; удаление из пределов Союза ССР на срок; удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; увольнение от должности с запрещением занятия той или другой должности или без этого; запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом; общественное порицание; конфискация имущества, полная или частичная; денежный штраф; предостережение; возложение обязанности загладить причиненный вред, которые по существу содержали в себе карательный «элемент». Они

были изложены по степени уменьшения карательной строгости, что имело последующее значение при определении конкретной меры защиты виновного, наказуемого за совершение преступления, предусмотренного в Особенной части УК. Данный перечень включал как меры уголовно-правового характера, так гражданского, дисциплинарного и морального, что было обусловлено стремлением всесторонне воздействовать на преступника.

В последующем указанные меры динамично совершенствовались и дополнялись, что объясняется их новизной и реализацией практических задач. Постановлением ВЦИК и СНК от 5 июля 1934 г. было включено исполнение лишения свободы в виде заключения в тюрьму. При этом происходило как ужесточение наказуемости, так и ее смягчение, что предопределялось политико-экономическими задачами и особой общественной значимостью посягательств (преступления против собственности, разглашение государственной тайны и др.).

Правовая регламентация мер социальной защиты в данном УК отличалась динамичностью в течение всего периода его действия. А.А. Арямов считает, что если сравнить тексты УК РСФСР 1926 г. на момент его вступления в силу (1926 г.) и на момент завершения «сталинской эпохи» (1952 г.), то можно прийти к выводу, что перед нами два в большой степени самостоятельных юридических документа (по целям, объему, кругу решаемых вопросов и т.д.) [1, с. 4].

Если к середине 30-х гг. советское уголовное законодательство отказалось от термина «меры социальной защиты» (в ст. 3 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 года были закреплены понятия «кара» и «наказание»), то в начале 50-х гг. XX в. сложилась обстановка, когда стало ясно, что меры социальной защиты, закрепленные в УК РСФСР 1926 г., формально и содержательно устарели, и требуется восстановление института наказания в советском уголовном праве.

Закрепление в УК РСФСР 1926 г. системы мер социальной защиты является исторически значимым примером отчасти оправданного, законодательного экспериментирования в отечественном праве, когда взамен наказания был создан новый уголовно-правовой институт, который имел ряд положительных последствий. Но в последующем этот уголовно-правовой институт был исключен, так как не выдержал проверку требованиями законности и правоприменительной практики. С одной стороны, данная система была сформирована

как сложное структурное образование, по своей сущности являвшееся карой и проявлением карательной политики советского государства, что позволяло расширительно применять как меры уголовной репрессии в отношении неограниченного круга лиц, так и широкий комплекс воспитательно-принудительных мер борьбы с правонарушениями. С другой стороны, разработка этой конструкции послужила основой для дискуссионного обсуждения вопросов о целях мер социальной защиты, о соотношении общего и специального предупреждения в отечественном уголовном праве и др. Попытка «отрицания» наказания продемонстрировала его обязательность и незаменимость. Но указанные меры имели большое значение в теории уголовно-правовой науки, так как послужили основой для разработки мер уголовно-правового воздействия (мер безопасности, восстановления) [5].

Библиографический список

1. Арямов А.А. «Сталинский» уголовный кодекс, или Реальное состояние отечественного уголовного законодательства на 1952 г. / авт. вступ. статья, сост. А.А. Арямов. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 152 с.
2. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных органов. – Петроград: Типография «Правда», 1914. – 684 с.
3. Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2009. – 27 с.
4. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 1. – С. 21–28.
5. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / под науч. ред. Н.В. Щедрина. – Красноярск: СФУ, 2010. – 324 с.
6. Панкова А.П. Общая характеристика основных положений Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. // История государства и права. – 2014. – № 18. – С. 33–38.
7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. – 463 с.
8. Собрание законодательства СССР. – 1935. – № 11.
9. Шишов О.Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР: Проблемы Общей части, 1917–1936: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – 32 с.

Несвит Евгений Александрович

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородский институт управления,
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
4632316@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Цель статьи – раскрыть содержание понятия «административно-правовая защита прав граждан», значимость которого предопределена приоритетом прав и свобод граждан, обязанностью государства по обеспечению их защиты. Для этого составное понятие разложено на такие составляющие как «права», «административно-правовая защита», «правовая защита прав». Раскрытие содержания указанных понятий, в том числе путем отграничения от конкурирующих по содержанию «свобод», «законных интересов», «правовой охраны прав», обеспечило достижение поставленной цели. Отмечено, что основная смысловая нагрузка приходится на термин «защита», который имеет нормативное определение. Последнее раскрывается достаточно неоднозначно в различных источниках, а также отличается от «правовой защиты» и «правовой защиты прав». Наряду с этим тождественные сочетания применяются и в отношении охраны прав. Истолкование во взаимосвязи положений нормативно-правовых актов и теоретических разработок позволило определить правовую защиту прав как правозащитную деятельность, направленную на восстановление нарушенных прав и предотвращение угроз их дальнейшего нарушения. Полученный результат позволяет отделить правозащитную деятельность от правоохранительной, определить круг субъектов, в отношении которых предпринимаются меры защиты, а равно и круг субъектов, их осуществляющих, формы и средства административно-правовой защиты.

Ключевые слова: защита, охрана, административно-правовая защита, права, свободы, законные интересы, граждане, иностранцы.

Защита прав граждан, начиная с послевоенных лет, достаточно прочно укрепились среди основных задач современных демократических государств. С этой целью принят ряд международных правовых актов. Одним из основных среди таковых выступает Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Наряду с принятием правовых актов созданы международные организации, выполняющие задачи по защите прав и свобод человека. Ведущие позиции среди них отведены Европейскому суду по правам человека, Совету ООН по правам человека и Верховному комиссару ООН по правам человека.

Соответствующие тенденции не обошли и Российскую Федерацию – нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации 1993 года [7], получили свое дальнейшее развитие в действующем законодательстве, а также соответствующим образом отражены в системе и структуре органов публичной власти, их задачах и функциях.

Как отмечено Н.В. Витруком [3], каждая теория имеет собственный понятийный аппарат, позволяющий осуществить содержательный анализ предмета исследования на ее собственном языке. Понятийный инструментарий теории позволяет выразить специфические закономерности возникновения, функционирования и развития правового явления.

Конституция Российской Федерации, иные законы и подзаконные нормативно-правовые акты, определяя приоритеты прав и свобод человека в деятельности органов публичной власти, используют ряд терминов, содержание которых нормативно не раскрывается или раскрывается неоднозначно.

В частности, наряду с «правами», Конституция оперирует «свободами» и «законными интересами»; их носителем выступает любой человек либо только гражданин Российской Федерации; рассматриваемая деятельность, кроме термина «защита», характеризуется посредством таких терминов как «охрана», «обеспечение», «гарантирование»; действующее законодательство, оперируя термином «гражданин», в большинстве случаев охватывает также иностранцев и лиц без гражданства; в теории государственного управления различают административные и правовые методы. Это обуславливает неоднозначность понимания задач и функций государственных органов и представителей власти; определенным (не самым положительным) образом влияет на оценку их деятельности.

Соответствующим образом развивается и современное административное право, в котором все больший удельный вес приобретает правовая защита прав граждан. Используемый для обозначения указанной деятельности термин «административно-правовая защита прав граждан» предопределяет субъектов такой защиты и процессуальные формы их правозащитной деятельности. Однозначность и исчерпывающий характер указанного понятия предполагает однозначность определения терминов, его образующих. Такими терминами являются выступают «административно-правовая защита», «права граждан». Статья имеет своей целью отграничить обозначенные термины от близких по своему содержанию и используемых наряду с ними в действующем законодательстве (начиная с Конституции Российской Федерации) и юридической теории.

Для устранения имеющейся неопределенности, в первую очередь, остановимся на «правах», «свободах» и «законных интересах» как объекте административно-правовой защиты.

Права человека и основные свободы есть парная категория, используемая не только в Конституции Российской Федерации, но и в международном праве, в частности – в уставе ООН. Так, глава 2 Конституции Российской Федерации именуется «Права и свободы человека и гражданина». Чаще всего для краткости и то и другое понятие обозначают термином «права человека», поскольку речь идет о явлениях одного порядка. И право, и свобода – гарантированная законом мера возможного поведения лица или группы лиц. Разница только в том, что права предполагают регламентацию свободы и порядка их существования, а свободы предполагают, что человек сам выбирает пути, способы и средства ее реализации. Порядок и объем реализации прав в большинстве случаев регламентируются. Свобода же чаще всего рассматривается как область человеческого поведения, в которую государство не вмешивается. В общесоциальном смысле свобода – состояние человека, характеризующееся его возможностью действовать по собственному усмотрению. В этом значении – это право в естественном состоянии, не ограниченное и не стесненное формально-юридическими условиями, т.е. не выраженное в тексте юридического документа (не переведенное на язык права). Это право в фактической форме [4, с. 298].

Законным интересом выступает интерес, лежащий в основе субъективного права или юридической обязанности, и пребывающий под охраной закона. В связи с этим в литературе часто говорят об охране и защите интересов личности, подразумевая под этим охрану и защиту субъективных прав личности, ее юридических обязанностей [10].

Изложенное позволяет объектом административно-правовой защиты определять именно права, поскольку с точки зрения позитивного права «свободы» и «законные интересы» выступают изначально категориями неюридическими, которые выражаются посредством соответствующих им или обеспечивающих их прав.

Законодателем отмечено, что носителем прав и свобод является человек или гражданин. Понятия «права человека» и «права гражданина» соотносятся как общее и частное и представляют собой совокупность мер возможного поведения. Права человека проистекают из естественного права, а права гражданина – из позитивного, хотя и те и другие носят неотъемлемый характер [10].

В главе 2 Конституции Российской Федерации речь ведется о таких правах гражданина как: право проводить публичные мероприятия, право участвовать в государственном управлении, право обращаться в органы власти, право частной соб-

ственности на землю. Указанные положения находят свое дальнейшее отражение в действующем законодательстве. В частности, в Российской Федерации ограничены такие права иностранцев как право на публичную службу, право быть организатором публичного мероприятия, избирательные права, право на государственное пенсионное обеспечение. Для иностранцев установлен особый порядок реализации права на труд, медицинское обеспечение, образование. Носителем абсолютного большинства прав в Конституции Российской Федерации юридически определен каждый человек независимо от его гражданства. Исходя из этого, законодатель термин «гражданин» преимущественно использует как собирательный, подразумевая человека в качестве носителя прав, за некоторыми ограничениями и исключениями (в случаях их прямого выделения в законе), установленными для иностранцев.

Помимо соотношения прав граждан с правами иностранцев в контексте их административно-правовой защиты, необходимо также обратить внимание на соотношение прав граждан и юридических лиц. По данному поводу граждане и юридические лица пользуются практически равными правами согласно положениям Кодекса административного судопроизводства [5], Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [6], нормативно-правовых актов, регулирующих специальные процедуры административного обжалования [9]. Таким образом, административно-правовая защита прав граждан во многих случаях распространяется и на права юридических лиц.

Сравнивая административно-правовую защиту прав граждан и юридических лиц важно отметить наличие некоторых отличий, имеющих узкоспециализированный характер. Во-первых, предметом защиты (в случае с юридическими лицами) выступают преимущественно экономические права. Некоторые из них могут принадлежать только юридическим лицам. Например, право на защиту от недобросовестной конкуренции, право на занятие некоторыми видами деятельности (банковская деятельность). Во-вторых, имеется определенная специфика защиты прав юридических лиц. Последняя наиболее ярко выражена в защите прав посредством обращения в арбитражный суд [1].

Раскрывая содержание понятия «административно-правовая защита», необходимо отдельно остановиться на соотношении таких терминов как «защита» и «охрана». Несмотря на то, что они часто используются одновременно либо в качестве синонимов, их содержание различно.

Как отмечают М.В. Севостьянов и С.А. Шаронов [11], под категорией «охрана» в законодательстве РФ понимается: 1) совокупность органов управления, сил и средств (ведомственная охрана, федеральная службы охраны); 2) специализи-

рованные организации и подразделения (федеральное государственное унитарное предприятие «Охрана», караулы в Министерстве обороны Российской Федерации, пожарная охрана); 3) функции государства (государственная охрана); 4) комплекс специальных мер (охрана здоровья, охрана земель); 5) деятельность, направленная на обеспечение состояния защищенности личности, граждан, общества (законодательство о безопасности, охране окружающей среды и другое).

Изложенное наглядно демонстрирует, что законодатель при использовании терминов «охрана» и «защита»: 1) не ограничивается мерами правового характера; 2) «охрана» рассматривается как одно из средств обеспечения «защиты» (например, в федеральном законе «О Государственной границе Российской Федерации» [8]); 3) объектами «защиты» и «охраны» выступают не только права граждан.

Более предметно понятия «защита» и «охрана» раскрыты А.П. Смирновым применительно к правам граждан [12]. Проводя соотношение указанных категорий в юридической литературе и законодательстве, он отмечает наличие различных, в том числе и взаимоисключающих позиций по данному вопросу:

- «защита права» шире «охраны права»;
- «охрана прав» шире «защиты прав»;
- «охрана» и «защита» прав граждан – тождественные понятия, определяемые одно посредством другого;
- «защита права» отличается от «охраны права» спецификой субъекта, ее осуществляющего. Защита выступает основной функцией государства;
- «охрана» имеет место при правомерном поведении и не связана с вмешательством социальных институтов. «Защита» – при угрозе нарушения. Она связана с вмешательством социальных институтов. При нарушении права должно иметь место восстановление нарушенного права.

На наш взгляд, все точки зрения заслуживают признания с оговоркой на то, что некоторые авторы рассматривают указанные категории в определенном отраслевом аспекте и применимо к конкретным правоотношениям. Наряду с этим напрашивается вывод о существенных отличиях во взаимосвязи таких пар терминов как «защита» и «охрана», «защита прав» и «охрана прав», «правовая защита прав» и «правовая охрана прав». В связи с тем, что речь идет о различных категориях, различным является и соотношение указанных понятий. Учитывая правовой характер исследования, далее речь пойдет только о «правовой защите прав» и «правовой охране прав».

В юридической науке получила достаточную поддержку позиция, согласно которой «охрана» есть установление общего правового режима, а «защита» осуществляется лишь в случаях нарушения права [12]. Таким образом, в контексте

исследования под «правовой охраной прав» возможно понимать закрепление в нормативно-правовых актах положений, охраняющих права граждан, а под «правовой защитой прав» – правозащитную деятельность, направленную на восстановление нарушенного права и предотвращение угрозы его дальнейшего нарушения.

Говоря об административно-правовой защите, необходимо понимать ее соотношение с административной защитой. Так в теории государственного управления выделяются административные методы управления, которые по форме выражения подразделяются на правовые и организационные [2, с. 167–185]. Таким образом, «административно-правовая защита» отражает отраслевую принадлежность норм, регулирующих процесс ее осуществления. В рамках административно-правового регулирования защиты прав человека выделяется такая форма защиты как обжалование незаконных решений и действий органов публичной власти и их должностных лиц. Указанное обжалование может осуществляться как в судебном, так и в административном порядке. Выделение судебного порядка обжалования (с формальной точки зрения) ни в коей мере не умаляет административно-правовой природы обжалования, тем более что с недавнего времени соответствующие процедуры урегулированы специализированным актом – Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

Полагаем, на этом терминологический аспект административно-правовой защиты прав граждан можно считать раскрытым. Результатом выступают приведенные ниже резюмирующие положения:

- определение понятия «административно-правовая защита прав граждан», с одной стороны, предопределено смысловой нагрузкой, которую несут его составляющие, с другой, – их взаимосвязями между собой;
- «права» выступают юридической формой закрепления «свобод» и «законных интересов», носителем которых в большинстве случаев выступает человек;
- термин «гражданин» является собирательным и употребляется законодателем за рамками Конституции для обозначения любого человека, за исключением отдельных случаев, ограничивающих права иностранцев;
- «административно-правовая защита граждан» как правовой механизм во многих случаях применим и к защите прав юридических лиц;
- именно «защита» несет основную смысловую нагрузку в рассмотренном составном понятии;
- в нормативных актах «защита» характеризуется, с одной стороны, неоднозначно, с другой – во взаимосвязи с «охраной»;
- соотношение указанных понятий, а также таких пар понятий как «правовая защита» и «право-

вая охрана», «правовая защита прав» и «правовая охрана прав» в значительной мере отличается;

– «правовая защита прав» сводится к правозащитной деятельности, направленной на восстановление нарушенного права и предотвращения угрозы его дальнейшего нарушения;

– «правовая охрана прав» – это наличие и действие существующих правовых норм в сфере прав человека;

– административно-правовой характер защиты указывает на ее правовое и отраслевое регулирование, а также включает в себя и судебные формы ее реализации.

Достаточно детальный анализ терминологического аспекта административно-правовой защиты прав граждан выступает благодатной почвой для дальнейшего разграничения правозащитной и правоохранительной деятельности; позволяет определить круг субъектов, в отношении которых предпринимаются меры правовой защиты, а равно и круг субъектов, их осуществляющих; выделить формы и средства административно-правовой защиты.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Российская газета. – 27.07.2002. – № 137.
2. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. Курс лекций. – М.: Юрид. лит., 1997. – 400 с.
3. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. – М.: НОРМА, 2008. – 448 с. // СПС КонсультантПлюс.
4. *Ковалев А.А.* Международная защита прав человека: учебное пособие. – М.: Статут, 2013. – 591 с.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета. – 11.03.2015. – № 49.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 31.12.2001. – № 256.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс.
8. О Государственной границе Российской Федерации: федеральный закон от 01.04.1993 № 4730-1 // Российская газета. – 04.05.1993. – № 84.
9. О таможенном регулировании в Российской Федерации: федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
10. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей: монография / М.М. Аносова, А.А. Аюрова, Ю.Н. Беляева и др.; отв. ред. А.В. Габов, Н.В. Путило. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – 272 с. // СПС КонсультантПлюс.
11. *Севостьянов М.В., Шаронов С.А.* Гражданско-правовое регулирование концертных услуг и охрана прав их участников: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2009.
12. *Смирнов А.П.* О соотношении понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 331. – С. 123–125.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВЫДВОРЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА С ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Предметом исследования является институт административного выдворения иностранных граждан. Цель работы заключается в исследовании особенностей административного выдворения иностранных граждан, находящихся на территории России, выявлении актуальных проблем и формировании предложений по их решению. В работе раскрыта правовая природа административного выдворения и представлены особенности применения в отношении иностранных граждан данного вида наказания. Особое внимание в работе уделено выявлению причин, препятствующих результативной деятельности компетентных органов по привлечению к административной ответственности иностранных граждан. Автором представлены предложения и обоснования необходимости совершенствования правовых актов, регулирующих порядок административного выдворения иностранных граждан.

Ключевые слова: административное выдворение, высылка, институт, иностранные граждане, наказание, ответственность, суд.

Одной из основных задач миграционной политики, проводимой государством, является своевременное пресечение противоправных действий со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства¹, въезжающих, пребывающих и выезжающих с территории страны. Независимо от срока пребывания иностранные граждане, становясь участниками правовых отношений, в соответствии с законодательством Российской Федерации наделяются правами и обязанностями. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации: «Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации как правовом государстве, обязанностью которого является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с российскими гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ст. 1, ч. 1; ст. 2; ст. 62, ч. 3)» [10]. При этом к иностранным гражданам, совершившим правонарушения, в зависимости от тяжести могут быть применены меры юридической ответственности, предусмотренные уголовным или административным законодательством.

«Следует отметить позитивную роль административной ответственности в борьбе с преступностью, в профилактике преступлений. В этих условиях возрастает актуальность научных исследований института административной ответственности как целостного правового явления, факторов и условий развития и совершенствования законодательства в этой области, его материальных и процессуальных аспектов» [18, с. 6].

Между тем результаты исследования показали, что административно-процессуальное законодательство, являющееся составным элементом административного законодательства, не лишено

недостатков в части нормативного регулирования и практического его применения. Необходимо признать, что используемые меры административной ответственности не всегда достигают своих целей. Существующие на законодательном уровне правовые пробелы, во-первых, не позволяют уполномоченным органам в полном объеме реализовывать весь свой потенциал, связанный с пресечением противоправных действий со стороны иностранных граждан; во-вторых, способствуют уходу правонарушителей от ответственности.

Приведенные выше обстоятельства подтверждают необходимость объективного исследования административного наказания в виде выдворения иностранных граждан с территории России. Учитывая изложенное, представляется наиболее целесообразным рассмотреть указанную нами тему начать с института высылки иностранных граждан.

Так, правовую основу данного правового института составляют: Конвенция о защите прав человека и основных свобод [3], Конвенция о статусе беженцев [4], международные соглашения, заключенные Правительством Российской Федерации с иностранными государствами, о реадмиссии [20; 21], Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств [23], Конституция Российской Федерации [6], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [24], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2], Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [27], Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [26] и др.

Отметим, что основополагающим международным правовым актом, регламентирующим порядок высылки иностранцев с территории государств пребывания, является Конвенция о защите прав че-

ловека и основных свобод, которая, закрепляя правовой институт высылки, наделяет данную категорию лиц соответствующими гарантиями. К числу таких гарантий следует отнести процедурные гарантии высылки, а также условия, при которых высылка запрещена.

Рассматривая содержание понятия «высылка», Словарь международного права определяет, что высылка иностранцев – это «...удаление иностранных граждан и лиц без гражданства с территории государства пребывания по решению компетентных органов этого государства» [19].

Расширенная трактовка высылки также имеется в нормативных правовых актах. Так, например, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» к высылке относит депортацию иностранных граждан. КоАП РФ административное выдворение иностранных граждан рассматривается как перемещение указанных лиц через государственную границу России. В Международных соглашениях Российской Федерации о реадмиссии под реадмиссией понимается «передача компетентными органами государства запрашивающей Стороны <...> иностранных граждан и лиц без гражданства».

Что же касается дефиниции понятия «экстрадиция», то следует признать, что она на законодательном уровне не закреплена. Россия не ратифицировала Третий дополнительный протокол к Европейской Конвенции об экстрадиции ETS № 209, регламентирующий порядок выдачи (экстрадиции) лиц.

Более того, глава 54 УПК РФ, определяющая порядок выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения наказания, также не дает определение рассматриваемого нами понятия.

Несмотря на правовой «вакуум», в части закрепления указанного понятия на законодательном уровне, Российская Федерация добросовестно реализует международно-правые обязательства об экстрадиции (выдаче) для уголовного преследования или исполнения приговора преступников и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Так, в 2015 году исполнены постановления и поручения Генеральной прокуратуры России об экстрадиции, на основании которых осуществлена передача 1100 человек (за 2013 г. – 1130; 2014 г. – 1110), принято в Российскую Федерацию 220 человек (за 2013 г. – 250; 2014 г. – 230). В 2015 году исполнены решения российских судов о передаче осужденных в государства их гражданства, на основании которых осуществлена передача 200 человек (за 2013 г. – 300; 2014 г. – 200), принято в Российскую Федерацию 50 человек (за 2013 г. – 50; 2014 г. – 50) [15, п. 3.12, 3.13, 3.14; 16, п.3.5, 3.6].

Подводя краткий итог вышеизложенному, можно констатировать, что правовой институт высылки иностранных граждан включает в себя:

административное выдворение, депортацию, реадмиссию [21; 22] и экстрадицию [11; 24, гл. 54; 25].

Учитывая, что каждый из озвученных видов представляет собой достаточно сложное правовое явление, регулируемое индивидуальными правовыми актами, в данной работе будет исследовано только административное выдворение, применяемое в отношении иностранных граждан, совершивших правонарушения, предусмотренные главой 18 КоАП РФ.

Так, согласно главе 18 КоАП РФ, административное выдворение иностранных граждан с территории России может быть применено за нарушение правил в области защиты государственной границы Российской Федерации (законодательство о государственной границе Российской Федерации) и миграционного законодательства, к числу которых относятся:

- нарушение режима государственной границы Российской Федерации (ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ);
- нарушение пограничного режима в пограничной зоне (ч. 1.1 ст. 18.2 КоАП РФ);
- нарушение режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации (ч. 2 ст. 18.4 КоАП РФ);
- нарушение иностранным гражданином правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в России (ст. 18.8 КоАП РФ);
- незаконное осуществление иностранным гражданином трудовой деятельности в России (ст. 18.10 КоАП РФ);
- нарушение иммиграционных правил (ст. 18.11 КоАП РФ);
- несоблюдение установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности (ч. 2 ст. 18.17 КоАП РФ).

Административное выдворение иностранных граждан за пределы России может применяться в качестве основного и дополнительного административного наказания. Так, в 2015 г. за совершенные правонарушения на территории России выдворено и депортировано 117 493 иностранных граждан (за аналогичный период 2014 г. – 139 034), направлено представлений о закрытии въезда на 490 893 иностранных граждан (в 2014 г. – 644 918), закрыт въезд 481 404 иностранным гражданам (в 2014 г. – 682 893) [17].

Раскрывая содержание административного выдворения иностранных граждан за пределы России, КоАП РФ определяет, что данный вид наказания может исполняться в формах (ч. 1 ст. 32.10 КоАП РФ):

- 1) контролируемого самостоятельного выезда;
- 2) принудительного выдворения с территории страны путем официальной передачи иностранного гражданина представителю властей иностран-

ного государства, на территорию которого указанное лицо выдворяется.

Отличительной особенностью указанных форм выдворения является то, что в первом случае иностранный гражданин приобретает билеты за свой счет и самостоятельно выезжает с территории России. Во втором случае, билет иностранному гражданину, как правило, приобретается за счет федерального бюджета, и данное лицо выезжает из Российской Федерации под контролем компетентных органов.

Ранее нами указывалось, что выдворение иностранных граждан за пределы России может быть назначено судом или должностным лицом уполномоченного органа власти. В этой связи КоАП РФ, определяя подсудность дел об административных правонарушениях, установил, что дела об административных правонарушениях, влекущие административное выдворение иностранных граждан за пределы Российской Федерации, рассматриваются судьями районных судов (ч. 3 ст. 23.1). Суд, вынося решение о привлечении иностранных граждан к ответственности с назначением наказания в виде административного выдворения в форме принудительного выдворения, может указать о необходимости содержания данных лиц до исполнения решения в отдельных помещениях органов безопасности либо специальных учреждениях.

Устанавливая подведомственность административных правонарушений, КоАП РФ определил, что правонарушения, предусмотренные ч.ч. 2 и 3 ст. 18.1, ч. 1.1 ст. 18.2, ч. 2 ст. 18.4, ч.ч. 1 и 2 ст. 18.8, ч. 1 ст. 18.10, ч. 2 ст. 18.17, рассматриваются судьей в том случае, если орган или должностное лицо, получившее дело, передает его на рассмотрение судьей.

Говоря об административном выдворении как о виде административного наказания, следует обратить внимание на тот факт, что помимо КоАП РФ оно также регламентируется ст. 34 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Отметим, что данное положение противоречит п. 1 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ, определяющему, что к ведению Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится установление общих положений и принципов законодательства об административных правонарушениях, а также перечня видов административных наказаний и правил их применения.

Представленные обстоятельства указывают на отсутствие четких границ ведения административно-процессуального законодательства. Более того п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации характеризует данный вид законодательства как самостоятельный.

Следует согласиться с П.И. Кононовым, который указал, что «в действующем административном законодательстве Российской Федерации

система норм административного права четко не просматривается. Такое положение обусловлено тем, что нормы административного права не сосредоточены, как, например, нормы гражданского или уголовного права, в одном кодифицированном нормативном правовом акте, а разбросаны по разным федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации и многочисленным подзаконным нормативным правовым актам» [5, с. 6–11].

Не нарушая последовательность проводимого нами исследования, отметим, что отличительной особенностью административного выдворения иностранных граждан от иных видов наказания, является наличие негативных последствий в виде последующего запрета на въезд в Российскую Федерацию. Так, иностранным гражданам, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы России в течение пяти лет со дня выдворения въезд на территорию России не разрешен. Что же касается лиц, неоднократно привлекавшихся к ответственности за аналогичные правонарушения, то им въезд в Российскую Федерацию может быть запрещен на срок до 10 лет [26, ч. 2, 2.1 ст. 27].

Кроме того, законодатель, определив порядок привлечения иностранных граждан к административной ответственности, также установил процедуру исполнения решений об административном выдворении правонарушителей с территории страны. Так, решение суда об административном выдворении исполняется судебными приставами исполнителями. Иностранные граждане, в отношении которых принято решение о выдворении в форме принудительного выдворения за пределы России препровождаются судебными приставами в специальное учреждение и до пункта пропуска через государственную границу Российской Федерации [14]. В пункте пропуска иностранные граждане передаются сотрудникам пограничных органов.

Отметим, что Кодекс также предоставляет право исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 18.1, ч. 1.1 ст. 18.2 и ч. 2 ст. 18.4 КоАП РФ, в части административного выдворения сотрудникам пограничных органов.

Исполнение постановлений об административном выдворении иностранных граждан, вынесенных должностными лицами пограничного органа, в соответствии со статьей 32.10 КоАП РФ производится путем:

– официальной передачи иностранного гражданина представителю государства, на территорию которого данное лицо выдворяется;

– контролируемого самостоятельного выезда иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению, из пункта пропуска через государственную границу России на территорию государства, откуда он прибыл в Россию, либо

в государство, гражданином которого данное лицо является [13].

До исполнения решения об административном выдворении иностранные граждане могут содержаться в соответствующих помещениях или учреждениях.

Осуществляя административное выдворение, уполномоченное должностное лицо пограничных органов при наличии визы у выдворяемого иностранного лица аннулирует ее, а также в документе, удостоверяющем личность лица, проставляет отметку о запрете на право въезда в Российскую Федерацию.

В тех случаях, когда у иностранного лица отсутствуют документы, удостоверяющие личность, уполномоченное лицо пограничных органов, исполняющее постановление об административном выдворении, направляет в дипломатическое представительство государства, гражданином которого иностранное лицо является либо в нем проживает, обращение о документировании выдворяемого лица. В случае необходимости уполномоченное лицо вправе направить обращение в МИД России для оказания содействия в получении разрешения (визы), необходимого для транзитного проезда через территорию иностранного государства, с целью въезда выдворяемого лица в государство его проживания либо гражданином которого данное лицо является.

Из контекста следует, что законодатель, устанавливая ответственность в отношении иностранных граждан в виде административного выдворения за пределы России, определил:

1) формы реализации решения об административном выдворении: принудительное выдворение с территории страны (осуществляется в виде принудительного перемещения путем официальной передачи иностранного гражданина представителю соответствующего государства и контролируемого перемещения иностранного лица через государственную границу Российской Федерации [см., например, 9; 10, абз. 2 п. 4; 12]); контролируемый самостоятельный выезд;

2) лиц, уполномоченных применять данный вид наказания: суд; пограничные органы;

3) случаи, когда такое решение может быть применено: судом – при нахождении иностранного гражданина на территории России либо когда дело об административном правонарушении, передано сотрудниками пограничных органов на рассмотрение судье; пограничными органами – при въезде иностранного гражданина в Российскую Федерацию;

4) лиц, уполномоченных исполнять постановление об административном выдворении иностранных граждан с территории Российской Федерации: ФССП России и пограничные органы ФСБ России.

Миграционная обстановка в стране и за рубежом вынуждает законодателя постоянно реагиро-

вать на нее путем принятия мер по совершенствованию нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу правоотношений. Кроме того, толчком к совершенствованию миграционного законодательства послужила утвержденная Президентом России Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Концепция, определив цели, принципы и задачи, также установила основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики России. К числу таких направлений указанный правовой акт отнес также необходимость совершенствования правовой базы и мер ответственности за нарушение миграционного законодательства [7, п.п. «ж» п. 24].

Следует признать, что, несмотря на принимаемые меры со стороны государства по противодействию незаконной миграции, в то же время остро стоят вопросы финансирования расходов, связанных с административным выдворением иностранных граждан с территории России, и взысканием административных штрафов с выдворяемых лиц.

Так, по данным Федеральной службы судебных приставов, в 2015 г. из федерального бюджета на приобретение проездных документов выдворяемым 35 575 иностранным гражданам было затрачено более 412 млн. рублей [1], что в среднем составило около 11,6 тыс. рублей на одного иностранца.

В целях решения озвученной проблемы и реализации положения Концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 года, а именно «...совершенствования системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации» [7, п.п. «ж» п. 24] представляется необходимым детализировать и ужесточить порядок въезда и процедуру административного выдворения иностранных граждан с территории страны.

По мнению автора, следует обратить внимание на выступление Экс Президента Д. Медведева, который в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации сказал, что «...если взыскать штраф невозможно, то применять принудительные работы, которые необходимо ввести как самостоятельный вид наказания» [8].

Несмотря на то, что данное высказывание прозвучало в контексте совершенствования уголовного законодательства, по мнению автора, заимствование отдельных положений уголовного права административным законодательством способствовало бы не только его совершенствованию и регулированию отдельных вопросов правоприменительной деятельности уполномоченных органов, но и модернизации административной правовой системы в целом.

Кратко обоснуем изложенную нами позицию. Автор, придерживаясь точки зрения законодателя [27, ч. 1 ст. 34], также считает, что админи-

Стративное выдворение иностранных граждан с территории России должно осуществляться не за счет федерального бюджета, а самим лицом либо принимающей стороной.

Между тем, как показывают результаты правоприменительной деятельности, положение ч. 1 ст. 34 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» довольно часто остается не реализованным. Следует признать, что нередки случаи, когда юридические лица «однодневки», пригласив иностранных граждан на работу, по различным причинам прекращают свое существование. Как следствие, иностранные граждане вынуждены заниматься незаконной трудовой деятельностью, становясь потенциальными нарушителями.

Как указано в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: «Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами проявляется в наличии большого числа незаконных мигрантов. Ежегодно в стране от 3 до 5 миллионов иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения. Незаконная миграция, питающая рабочей силой теневой сектор экономики, является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения Российской Федерации» [7].

Для решения озвученных проблем считается необходимым на законодательном уровне обязать:

1) иностранного гражданина при въезде в Россию иметь билет на обратную дорогу либо предоставить подтверждение того, что необходимые денежные средства в размере стоимости билета переведены на депозит МВД России;

2) юридических и физических лиц, по приглашению которых иностранные граждане въезжают на территорию страны, предоставлять подтверждение того, что приглашенный иностранный гражданин имеет билет для выезда с территории России либо необходимые денежные средства в размере стоимости билета переведены на депозит МВД России.

Следует также отметить, что реализация указанных мер позволит компетентным органам своевременно получать первичную информацию об иностранных гражданах, въезжающих в Россию, а также осуществлять контроль маршрута движения данных лиц по территории Российской Федерации.

Помимо изложенного, в целях формирования уважения к законодательству Российской Федерации и чувства ответственности за содеянные правонарушения у иностранных граждан, своевременно не выехавших из Российской Федерации по причине отсутствия билета или денежных средств для его приобретения и (или) оплаты административного штрафа, необходимо указанных лиц в су-

дебном порядке привлекать к административной ответственности с назначением административного наказания в виде – «принудительные работы».

Для реализации указанного предлагается в ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ предусмотреть вид административного наказания – «принудительные работы». Главу III КоАП РФ дополнить статьей, в которой определить, что принудительные работы иностранного гражданина – это работы, выполняемые иностранным гражданином, совершившим административное правонарушение, с целью возмещения расходов, связанных с приобретением билета в страну проживания и (или) уплаты административного штрафа.

Срок привлечения к принудительным работам не должен превышать более 30 суток. Представленная мера административного наказания не должна распространяться на лиц, не достигших 16-летнего возраста, беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, инвалидов I и II групп, женщин, достигших пятидесятипятилетнего возраста, мужчин, достигших шестидесятилетнего возраста.

В связи с изложенным предлагается в статье 32.10 КоАП РФ предусмотреть, что: «в случае если иностранный гражданин или лицо без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда не выехал с территории Российской Федерации в установленные законом сроки по причине отсутствия билета или денежных средств для его приобретения и (или) оплаты административного штрафа в отношении данного лица применяется административное наказание в виде принудительных работ. При назначении принудительных работ суд вправе применить к таким лицам содержание в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”».

Следует также определить, что обязательные работы могут быть отменены по решению суда, в случае если лицо, в отношении которого такое решение принято, или его представитель (защитник) предоставило доказательства, подтверждающие наличие билета для убытия с территории России, либо необходимые денежные средства для приобретения билета переведены на депозит МВД России и (или) факт оплаты административного штрафа.

Помимо изложенного, п. 6 ст. 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» надлежит дополнить текстом следующего содержания: «...а также предоставить доказательства, подтверждающие, что необходимые денежные средства для приобретения билета переведены на депозит МВД России».

Как мы видим, применение в отношении иностранных граждан наказания в виде административного выдворения на практике порождает определенные проблемы организационного и финансового характера, которые негативно сказываются на правоприменительной деятельности уполномоченных органов и, как следствие, на обеспечении безопасности государства. Озвученные вопросы требуют комплексного подхода к их решению и обуславливают необходимость принятия соответствующих мер. К числу таких мер следует отнести, в частности, представленные в работе предположения, реализация которых позволит: устранить существующие правовые пробелы; регламентировать порядок въезда, пребывания и выезда иностранных граждан с территории страны; дисциплинировать иностранных граждан, въезжающих, пребывающих и выезжающих с территории России; избежать дополнительных финансовых затрат на административное выдворение, тем самым экономить бюджетные денежные средства; повысить эффективность миграционного контроля.

Примечание

¹ Категория «иностранец» используется в статье и по отношению к лицам без гражданства, за исключением специально оговариваемых случаев, когда федеральным законом либо международным правовым актом для лиц без гражданства установлены особые правила.

Библиографический список

1. Выборочные данные из формы № 1-1 «Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России» за 2013–2015 гг.: утв. приказом ФССП России от 07 ноября 2014 г. – № 636.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: введ. Федер. законом Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 31 декабря.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
4. Конвенция о статусе беженцев // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9. – С. 6–28.
5. Кононов П.И. О систематизации российско-административного права и законодательства // Административное право и процесс. – 2014. – № 6. – С. 6–11.
6. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом Российской Феде-

рации // Газ. «Ваше право. Миграция». – 2012. – № 13.

8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. // Рос. газ. – 2009. – 13 ноября.

9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2015 г. № 5-АД15-8 // Справ.-правовая система «ГАРАНТ» (дата обращения: 10 сентября 2016 г.).

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. № 5-П // Рос. газ. – 2016. – 01 марта.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Рос. газ. – 2012. – 22 июня.

12. Приказ Минюста России № 100, МИД России № 7509, ФМС России № 375, ФСБ России № 271 от 19 мая 2014 г. «Об утверждении Порядка организации взаимодействия Федеральной службы судебных приставов, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Федеральной миграционной службы и Федеральной службы безопасности Российской Федерации по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в форме принудительного и контролируемого перемещения через Государственную границу Российской Федерации» // Рос. газ. – 2014. – 24 июня.

13. Приказ ФСБ России от 23 декабря 2008 г. № 631 «Об утверждении Инструкции об организации деятельности пограничных органов по административному выдворению за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства» // Рос. газ. – 2009. – 20 февраля.

14. Приказ ФССП России от 02 мая 2012 г. № 232 «Об организации работы по исполнению постановлений судов о принудительном выдворении за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2012. – № 7.

15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02 июля 2014 г. № 1197-р «Об утверждении плана реализации в 2014 году и в плановый период 2015–2016 годов государственной программы Российской Федерации “Юстиция”»: док. фактически утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства Рос. Федерации от 23 апреля 2016 г. № 346 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 28. – Ст. 4088.

16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 августа 2013 г. № 1453-р «Об утверждении плана реализации государственной программы Российской Федерации “Юстиция”,

утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 04 апреля 2013 г. № 517-р): док. фактически утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312, утвердившего новую программу, и распоряжения Правительства Рос. Федерации от 02 июля 2014 г. № 1197-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 34, ст. 4479.

17. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации – Главное Управление по вопросам миграции МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guvm.mvd.ru/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskiesvedeniijapomigracionno> (дата обращения : 08 июля 2016 г.).

18. Серков П.П. Административная ответственность: проблемы и пути их совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 45 с.

19. Словарь международного права / Т.Г. Авдева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др., отв. ред. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2014. – 495 с.

20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о реадмиссии: закл. в г. Улан-Баторе 03 сентября 2014 г. // Бюллетень международных договоров. – 2015. – № 3. – С. 39–43.

21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о реадмиссии: закл. в г. Белграде 16 октября 2014 г. // Бюллетень международных договоров. – 2015. – № 9. – С. 12–19.

22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Советом Министров Боснии и Герцеговины о реадмиссии: закл. в г. Москве 22 июня 2015 г. // Справ.-правовая система «ГАРАНТ» (дата обращения: 10 августа 2016 г.).

23. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств: закл. в г. Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 5. – Ст. 541.

24. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: введ. Федер. законом Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 22 декабря.

25. Указание Генпрокуратуры Российской Федерации от 18 окт. 2008 г. № 212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения» // Справ.-правовая система «ГАРАНТ» (дата обращения: 10 августа 2016 г.).

26. Федеральный закон от 15 авг. 1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Рос. газ. – 1996. – 22 августа.

27. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Рос. газ. – 2002. – 31 июля.

СПЕЦИФИКА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ (СЛЕДСТВЕННОЙ) СИТУАЦИИ И ЕЕ ТИПОВАЯ МОДЕЛЬ

Криминалистическая (следственная) ситуация как научная категория имеет существенное методологическое значение в отношении деятельности следователя по расследованию преступлений. Криминалистическая (следственная) ситуация как модель типичных ситуаций обуславливает выдвижение следователем типичных версий, выработанных наукой и практикой, и характер конкретной реализации тактических приемов. Она непосредственно влияет на алгоритм производства следственных действий.

Обоснование транснациональных преступлений как особой разновидности криминальной деятельности в свое время стало причиной ряда новаций в криминалистике, поскольку такая деятельность характеризуется определенной спецификой. Естественно, что и транснациональные следственные ситуации также обладают некоторыми особенностями, рассмотрение которых является целью данной статьи.

На основе построения мысленной модели транснациональной следственной ситуации предлагается ее формализация средствами декларативного фрейма, что в свою очередь способствует соотнесению следственной ситуации с ситуацией расследования транснациональных преступлений и имеет практическое значение для расследования транснациональных преступлений.

Ключевые слова: следственная ситуация, ситуация расследования, транснациональная криминальная деятельность, моделирование криминалистических ситуаций.

Под следственной ситуацией следует понимать наиболее характерную для определенного этапа расследования совокупность факторов и обстоятельств. В специальной литературе отмечается, что «сложный, многокомпонентный состав следственной ситуации, значительное число объективных и субъективных факторов, влияющих на содержание и характер этих компонентов, образуют в своих сочетаниях неисчерпаемое количество вариантов следственных ситуаций, каждая из которых чем-то обязательно отличается от других, поэтому полная типизация их содержания невозможна» [3, с. 102]. Конечно, любая ситуация, возникающая при расследовании конкретного преступления, в том числе транснационального, по-своему индивидуальна, т.к. образована неповторимым сочетанием различных факторов. Тем не менее, можно и необходимо выделить общие характеристики, исследование которых позволяет осуществлять фреймовое моделирование и создание программ расследования таких преступлений. Формирование типичных следственных ситуаций происходит на основе изучения реальных ситуаций расследования транснациональных преступлений.

Учитывая многообразие видов транснациональных преступлений, необходимо типизировать следственные ситуации, что позволит выбрать следователю наиболее правильные формы взаимодействия в ходе расследования, выдвинуть версии и создать оптимальные программы действий.

Разные точки зрения приводят к научным дискуссиям по поводу того, какие компоненты необходимо включать в содержание типичной следственной ситуации. Исходя из определения следственной ситуации, на наш взгляд, целесообразно включить

в нее параметры, которые, будучи типовыми, способны повлиять на процесс расследования по конкретному уголовному делу.

Модель следственной ситуации – это искусственное (мысленное, материальное или иное) образование, описывающее основные параметры ситуации, помогающее оценке ситуации принятию решения на ее основе [1, с. 46]. При расследовании транснациональных преступлений складывается специфическая следственная ситуация, модель которой состоит из следующих информационных блоков.

I. Источники получения криминалистической информации. Данный блок включает следующие варианты источников: а) о событии преступления стало известно из заявления потерпевшего; б) о событии преступления стало известно от должностных лиц и представителей организаций или предприятий; в) о событии преступления стало известно правоохранительным органам РФ в ходе расследования другого преступления; г) о событии преступления стало известно сразу после его совершения от представителей правоохранительных органов иностранного государства; д) о событии преступления стало известно при мониторинге сети «Интернет» и средств массовой информации.

II. Место возбуждения уголовного дела (в целом этот информационный компонент является элементом ситуации расследования преступления, однако в отношении транснациональных преступлений он специфичен для следственной ситуации, т.к. имеет важное значение для типизации). В рамках этого блока отмечается следующая вариантность элементов: а) уголовное дело возбуждено правоохранительными органами РФ; б) уголовное дело возбуждено правоохранительными органами иностранного государства; в) уголовное дело воз-

буждено правоохранительными органами двух и более государств на основании признаков одного и того же транснационального преступления; г) уголовное дело возбуждено правоохранительными органами двух и более государств на основании признаков разных транснациональных преступлений, являющихся элементами единой транснациональной криминальной деятельности.

III. Информационный блок о расследуемом событии, состоящий из следующих соподчиненных блоков, каждый из которых также вариативен:

1. *Локусно-векторный блок информации* о транснациональной криминальной деятельности, который определяет трансграничный или трансграничный характер криминальной деятельности и ее направление. В содержании типичной следственной ситуации можно отметить вариантность, в русле которой транснациональная криминальная деятельность, направлена: а) из Российской Федерации на территорию иностранного государства, имеющего общую границу с РФ; б) из пограничного иностранного государства на территорию Российской Федерации; в) из Российской Федерации на территорию иностранного государства, не имеющего общей границы с ней; г) из иностранного государства, не имеющего общей границы с Российской Федерацией, на ее территорию; д) через территорию Российской Федерации из одного иностранного государства в другое, т.е. криминальная деятельность носит транзитный характер.

2. *Информация о субъектах транснациональной криминальной деятельности:* а) по составу (субъект транснациональной криминальной де-

ятельности представлен отдельным индивидом; субъектом является группа лиц, осуществляющих транснациональную криминальную деятельность по предварительному сговору; субъект представлен организованными преступными группами и преступными организациями, осуществляющими транснациональную криминальную деятельность); б) по отношению к их гражданству (граждане Российской Федерации; граждане иностранного государства; граждане РФ и иностранных государств (двух и более); лица без гражданства); в) по характеру причастности к расследуемому событию: (известны / неизвестны некоторые подозреваемые лица; известна / неизвестна их роль в транснациональном групповом или организованном преступном формировании; известны / неизвестны лица, являющиеся связующими звеньями транснациональной криминальной деятельности).

3. *Информация о потерпевших от транснациональной криминальной деятельности.* Соподчиненными элементами, проявляющими вариантность в этом блоке, являются следующие: а) известны все потерпевшие (известны не все потерпевшие); б) место нахождения потерпевших известно / неизвестно; в) известно / неизвестно гражданство потерпевших.

4. *Информация о специфике криминальной деятельности:* а) признак длительности; б) признак однонаправленности на специфический объект преступного посягательства; в) признак многонаправленности на ряд объектов (сочетаемость и преступных и иных противоправных деяний, эмерджентные свойства).

Таблица 1

**Информационный типизированный фрейм
«Транснациональная следственная (криминалистическая) ситуация»**

Имя слота	Значение слота
S1. Источники получения криминалистической информации	
S2. Место возбуждения уголовного дела	
S3. Информационный блок о расследуемом событии	
S3.1. Локусно-векторный блок	
S3.1.1. Локус инициации	
S3.1.2. Локус окончания	
S3.1.3. Вектор	
S3.2. Информация о субъектах криминальной транснациональной деятельности	
S3.2.1. Состав	
S3.2.2. Гражданство	
S3.2.3. Степень причастности к расследуемому событию	
S3.3. Потерпевшие	
S3.4. Специфика криминальной деятельности	
S3.5. Международно-правовая характеристика вида превалирующей транснациональной криминальной деятельности	
S3.6. Национально-региональный компонент, определяющий характер транснациональной криминальной деятельности	
S3.7. Информация о механизме транснациональной криминальной деятельности	

5. *Международно-правовая характеристика вида превалирующей транснациональной криминальной деятельности.*

6. *Национально-региональный компонент, определяющий характер транснациональной криминальной деятельности (состав преступлений, закрепленных в УК РФ и уголовном законодательстве государств, затронутых транснациональной криминальной деятельностью).*

7. *Информация о механизме транснациональной криминальной деятельности:* а) известны / неизвестны способы подготовки, совершения, сокрытия; б) известны / неизвестны закономерности, обусловившие возникновение материальных и идеальных следов; в) известны / неизвестны обстоятельства, благоприятствующие или препятствующие реализации криминальной деятельности; г) известны / неизвестны последствия криминальной деятельности.

Следовательно, типизированный информационный фрейм «Транснациональная следственная (криминалистическая) ситуация» (см. табл. 1) можно представить как структуру, включающую три основных слота с детализирующими соподчиненными слотами. Значение слотов во фреймовой модели остается пустым, так как в качестве значений следователь должен внести конкретную информацию, относящуюся к расследуемому событию, т.е. конкретное наполнение фрейма значениями дает возможность индивидуализировать следственную ситуацию, связанную с каждым конкретным транснациональным преступлением, а также определить направление сотрудничества с правоохранительными органами иностранных государств, Интерполом и Европолом в деле расследования транснационального преступления. Внесение конкретных значений слотов способствует формированию ситуации расследования. При этом каждое значение может дополняться и видоизменяться в зависимости от полноты полученной информации и данных на разных этапах расследования.

Модель расследования транснациональной криминальной деятельности строится на основании имеющейся на момент возбуждения уголовного дела информации (обстоятельств), из которой

складывается следственная ситуация. Основываясь на ней, следователь выдвигает версии. Версия, криминалистическая информация, следственная ситуация и модель расследования представляют взаимосвязанные структуры и инструменты познавательного процесса, обеспечивающие его взаимодополняющие функции: версия определяет направление познания, информация составляет его содержательное наполнение, а модель расследования – форму взаимодействия первых двух познавательных инструментов [2, с. 50].

Именно криминальная ситуация обеспечивает информационную насыщенность исходной следственной ситуации, что отмечается в исследованиях, посвященных разным видам криминальной деятельности [4]. Анализ полученной криминалистической информации позволяет моделировать следственную ситуацию и выделять варианты типичных следственных ситуаций. На основе выделенных вариантов типичных следственных ситуаций возможно выдвижение версий, которые динамически изменяются в зависимости от полноты криминалистической информации и являются системным элементом типовой информационной модели криминальной деятельности. Знания, полученные в ходе криминалистического анализа криминальных и следственных ситуаций, ложатся в основу фреймовой модели, которую следователь использует в ситуации расследования реального (конкретного) события.

Библиографический список

1. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия / под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М.; Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. – 248 с.
2. *Колдин В.Я.* Версионный анализ. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 152 с.
3. *Криминалистика* / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высш. шк., 2000. – 672 с.
4. *Макаренко В.Г.* Особенности осуществления экспертно-криминалистического сопровождения процессов расследования таможенных преступлений // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 233–236.

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОПРОЕКТА В ПОДГОТОВКЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА РОССИИ

В статье обращается внимание на то, что парламентарии, принимая законы, стараются позиционировать их гражданам России в качестве правовых и ориентированных на удовлетворение интересов социума нормативных актов. Однако ученые и простые граждане в большинстве случаев отмечают, что принимаемые российским парламентом законы подобными свойствами не обладают. У последних также возникают соответствующие сомнения по поводу того, способны ли законы в дальнейшей перспективе эффективно выполнять роль основных источников норм административного права России.

В работе называются причины, порождающие негативное отношение граждан к современному законотворческому процессу. Среди них выделяются: игнорирование научной технологии закона; отсутствие у законов конкретного социального адресата; низкое качество законов; отсутствие прямого действия закона. Акцентируется внимание также на том, что разработка и принятие необходимого закона тормозятся отличием позиций разработчиков, отражающих разные социальные интересы, партийные симпатии и потребности регионов.

Автор статьи доказывает целесообразность подготовки представителями административной науки обобщенной модели концепции законопроекта, которая имела бы четкое структурное строение с содержательным описанием своих элементов, и которая выступала бы в качестве ориентира и методического подспорья в административном нормотворческом процессе.

Ключевые слова: закон, законопроект, концепция, норма административного права, источники норм административного права России.

Российские праведы неоднократно на различных научных мероприятиях и в своих научных публикациях обращали внимание на то, что непрерывный рост числа законов в Российской Федерации не приводит к эффективному регулированию общественных отношений. Кроме того, в российском социально-правовом пространстве сегодня отчетливо прослеживается развитие двух противоположных тенденций: парламентариями любой закон презентуется как правовой или социально-ориентированный, но после того, как начинает реализовываться его положение в социальной практике, у субъектов общественных отношений часто складывается противоположная точка зрения. Последняя усиливается дополнительно еще некоторыми сомнениями, возникающими в общественном сознании по поводу того, способны ли законы и в дальнейшей перспективе эффективно играть роль основных источников норм административного права России.

Исследователи отмечают, что существование таких тенденций обусловлено наличием определенных деструктивных факторов. И первым таким фактором называют игнорирование научной технологии закона. Оно (игнорирование) проявляется в том, что с появлением качественно новых отношений, требующих правового регулирования, нормативные акты готовятся на скорую руку, с ошибками, без экономических и финансовых расчетов, без предвидения и прогнозов последствий их действия. Законодательный процесс доводится до абсурда, когда в один день принимается по 50–60 законов. Довольно часто законы принимаются без обсуждения, соответствующих консультаций.

Специалистов настораживает и то, что некоторые законы не имеют точного социального адресата, а реализация демократического принципа верховенства права и закона проходит неэффективно. Более того, не удалось преодолеть устойчивый правовой нигилизм в российском обществе. Словесное же признание подобных просчетов служит лишь прикрытием беззакония и произвола, массовых нарушений законности.

Еще одним деструктивным фактором ученые называют отсутствие прямого действия закона. По их мнению, сущность последнего проявляется в том, что на уровне ведомств, при отсутствии какой бы то ни было координации между ними, якобы «во исполнение законов», принимается огромное число правовых актов, которые довольно часто не соответствуют законодательным актам. Такое заисие ведомственного нормотворчества приводит к грубым нарушениям прав человека. И поэтому получается, что в море законов человек беззащитен.

Низкое качество законов – еще одна из важнейших проблем. Законы очень часто насыщаются декларациями, пожеланиями, определенными описаниями, в силу чего в них достаточно тяжело отыскивать нормы права. Низкий уровень ряда законов, поспешное их изменение и даже отмена, несогласованность с программами реформ ведут к потере престижа закона в обществе. В связи с этим закон воспринимается как доброе пожелание, которому можно и не следовать. Появляются даже такие негативные явления, как сопротивление закону или неповиновение ему. Налицо разрастание юридических конфликтов, а также расхождение между требованиями законов и ожиданиями членов общества.

Исследователи обращают внимание и на то, что в большинстве случаев разработка и принятие необходимого закона тормозятся отличием позиций разработчиков, отражающих разные социальные интересы, партийные симпатии и потребности регионов. Законодательные акты все чаще стали приниматься либо под чьим-то давлением, либо стихийно, в результате действия ситуационных, и, прежде всего, политических факторов. Лоббизм, влияние различных политических сил заметно сказываются на «протаскивании» той или иной позиции при подготовке и принятии закона. Этот процесс во многом стал отличаться хаотичностью и бесконтрольностью, что приводит к ослаблению внутрисистемных связей российского законодательства [4, с. 18–19].

Представители юридической науки особо акцентируют внимание и на том, что многие законы сегодня не способны оказать воздействие на какие-либо общественные отношения по причине объективной невозможности их исполнения. По мнению ученых, это обусловлено тем, что в процессе принятия закона законодатель не учитывает всей совокупности факторов, воздействующих на правоприменительную деятельность органов государственной власти по обеспечению прав человека [2, с. 4].

Ведущие российские правоведы к негативным тенденциям развития законодательства причисляют также разрастающуюся и неконтролируемую правовую инфляцию. Плохо реализуемое законодательство, на их взгляд, начало уже превращаться в «библиотеку законов», которой никто не пользуется. Неисполнение и нарушение законов ученые считают трагедией России [10, с. 7–9].

Не радует наличие обозначенных негативных тенденций в законодательном процессе и Президента Российской Федерации. В одном из своих ежегодных посланий Федеральному Собранию Российской Федерации он высказал следующие замечания: «Сегодня нам приходится принимать много законов для того, чтобы быстрее адаптироваться к изменяющимся экономическим и социальным условиям. Между тем, даже это не может оправдать, что принятые законы часто противоречат друг другу. Будучи принятыми, они не исполняются. Постоянно подвергаются изменениям, иной раз даже не вступив в силу» [9].

Нетрудно заметить, что соответствующие упреки звучат в основном в адрес российского законодателя. Но постоянно упрекать законодателя в таком подходе к законодательской деятельности – означает упускать из внимания тот факт, что сегодня он не имеет в своем арсенале в качестве методического подспорья такой научно-обоснованной концепции законопроекта, на которую могли бы ориентироваться при формировании административного законодательства России. Ответственность за это лежит, в частности, и на ученых-ад-

министративистах, которые, надеясь на коллег по научному цеху – представителей общей теории права – не смогли еще вооружить парламентариев соответствующими разработками.

Однако все понимают, что обозначенные выше проблемы следует решать в ближайшем будущем. Поэтому перед современной административно-правовой наукой России стоит ответственная задача разрешения указанных проблем и предложения для использования в качестве методического подспорья парламентариям и другим субъектам законодательских инициатив соответствующих научных рекомендаций.

Отметим, что на необходимость осуществления законодательской деятельности в Российской Федерации на основе четкой научно обоснованной концепции закона уже неоднократно указывали представители российской юридической науки. В.К. Гулиев, к примеру, акцентировал внимание на том, что обязательной составляющей процесса подготовки проекта законодательного акта должно стать создание концепции будущего закона, у которой, по мнению автора, следует выделять несколько составляющих: 1) предметную – правила определения предмета законодательного регулирования; 2) прогностическую – особенности учета экономических, социальных и политических последствий принятия закона; 3) системную – специфика тех изменений, которые повлечет принятие закона в системе права; 4) динамическую – определение действия закона во времени, в пространстве, по кругу лиц.

В.К. Гулиев убежден, что концепция будущего закона должна базироваться на четкой конституционно-правовой концепции закона в целом, а само содержание данного нормативного акта должно соответствовать объективным потребностям времени, экономическим условиям, учитывать национальный менталитет и особенности правоприменения. Принимая закон, – рассуждает ученый, – в нем нужно отражать не только внешние атрибутивные его качества как нормативного правового акта, но и его сущностную содержательную сторону как основного нормативного регулятора наиболее значимых, типичных, устойчивых общественных отношений [3, с. 3, 9].

На важность существования концепции закона указывает также А.Ю. Царев. Исследователь считает, что эффективность конкретного закона напрямую зависит от качества его концепции, поскольку ошибочная концепция может не только не привести к ожидаемому результату нормативного правового регулирования конкретных общественных отношений, но и в наибольшей степени повлечь за собой негативные последствия, в отличие, например, от недостатков текста закона. В хорошо продуманной концепции закона, – отмечает автор, – могут всегда быть предусмотрены необходимые

правовые нормы, а также те условия, в которых они будут применяться.

Вместе с тем, правовед сетует по поводу того, что сегодня в Российской Федерации еще существуют проблемы, препятствующие созданию качественных концепций законов. К числу последних публицист причисляет:

- отсутствие у участников законотворческого процесса адекватного понимания роли и значения концепции закона в законотворчестве;

- содержащуюся в научной литературе и нормативных источниках неопределенность понятия «концепция закона»;

- смешение специалистами по законотворчеству концепции закона с идеей закона, с обоснованием закона или с неким документом (программой, пояснительной запиской);

- отсутствие в научной литературе ясности в вопросе о содержании концепции, а также о ее структурных элементах;

- недостаточную разработку правил, которые необходимо применять при разработке концепции закона в целях обеспечения ее должного качества;

- отсутствие необходимых исследований о связи других правил законотворческой техники с концепцией закона [12, с. 3–4].

Следует упомянуть также о позиции Т.Н. Бациевой, которая призывает концепцию законопроекта рассматривать в качестве мощного средства совершенствования законотворческого процесса, создающего благоприятные условия для последующей деятельности всех субъектов законотворчества на этапах разработки законопроектов, их экспертной оценки, прогнозирования результатов действия принимаемых законов. Автор правильно утверждает, что концепция проекта закона не должна заменять и подменять проект нормативно-правового акта. Являясь особым видом правовой информации и своеобразным средством правового опосредования идей, решений, научно-практических рекомендаций, предлагаемых субъектом законодательной инициативы, она должна раскрывать общий замысел, основные идеи законопроекта, давать ему общую характеристику, официально выражать правовые позиции и установки её разработчиков.

Рассуждая преимущественно о концепции проекта федерального закона, Т.Н. Бациева отмечает, что последняя призвана обеспечить реализацию нескольких целей, а именно: 1) учёт специфики вида общественных отношений, подлежащих урегулированию принимаемым законом; 2) органичное «вписывание» в систему действующего законодательства; 3) исключение логических противоречий в проекте закона и обеспечение внутренней согласованности его положений; 4) определение системы приемов законодательной техники, способных обеспечить подготовку и формулирование качественно совершенных проектов законов и эффек-

тивно действующих норм права; 5) соответствие проектируемых положений положениям ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию, федеральных программ и национальных проектов Правительства РФ; 6) оценку предложений по совершенствованию законодательства, содержащихся в юридической литературе, прессе, иных источниках.

Бациева дополняет свои рассуждения по исследуемому аспекту проблемы также категорическим утверждением о том, что критериями научной обоснованности концепции проекта федерального закона должны считаться:

- степень соответствия реальной деятельности государства в сферах, подлежащих правовой регламентации, методам и средствам, представленным в концепции, способность выражать общегосударственные интересы;

- отражение специфики предмета правового регулирования в концепции предлагаемого закона, мера оптимизации конкретного вида общественных отношений;

- способность концепции иметь статус специфической формы научного обоснования;

- отражение в концепции закона роли юридического инструментария в решении задач конструирования проекта федерального закона;

- отражение в концепции возможности и способности упорядочения противоречий предмета и метода законодательного регулирования, выявление и устранение противоречий в существующем законодательстве;

- достоверность концептуальных положений проекта федерального закона;

- прогноз эффективности предлагаемых в концепции закона путей совершенствования федерального законодательства, возможность достижения поставленных целей;

- отражение в концепции проекта закона принципов объективной необходимости, всесторонности и полноты предполагаемого предмета правового регулирования [1, с. 3–10].

Если в спектре нашего исследования резюмировать вышеизложенное, то очевиден следующий вывод: одним из главных направлений оптимизации формы и содержания законопроектов, содержащих в том числе и нормы административного права, ученые-правоведы Российской Федерации обосновано считают подготовку их концепций. Вместе с тем, выражая подобную конструктивную позицию, представители юридической науки в тоже время оставляют до конца неразрешенными следующие вопросы:

1. Должна ли существовать единая научно-обоснованная модель концепции законопроекта, которая имела бы четкое структурное строение с содержательным описанием своих элементов, и которая выступала бы в качестве ориентира и методическо-

го подспорья для подготовки тем или иным субъектом уже авторской концепции соответствующего законопроекта?

2. Необходимо ли такой обобщенный вариант модели концепции законопроекта закрепить на законодательном уровне и каким именно нормативно-правовым актом?

Для того чтобы в ближайшей перспективе подготовить качественные научные рекомендации по разрешению указанных вопросов российские ученые-административисты, на наш взгляд, могли бы взять за основу уже существующие наработки по данному аспекту проблемы, а также в качестве ориентира тот вариант структуры концепции законопроекта, который предложило Правительство Российской Федерации в своем постановлении от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» [6].

Формируя свою точку зрения на структурно-содержательное построение концепции законопроекта, именно в обозначенном направлении мы и попытались продвинуться в своих научных изысканиях. Как результат, через непродолжительное время у нас появилась возможность представить на суд общественности авторский вариант структурного построения концепции проекта законодательного акта, которая, по нашему мнению, при условии ее использования субъектом нормотворчества, будет способствовать принятию оптимальных как по форме, так и по содержанию источников норм административного права России.

Итак, мы полагаем, что структура концепции законопроекта, как будущего источника норм административного права России, должна оформляться в документальной форме и включать в себя следующие структурные элементы:

– наименование концепции, соответствующее наименованию будущего закона и, таким образом, указывающее на предмет административно-нормативного правового регулирования;

– указание на автора (авторов) концепции, ибо за концепцией, разработчик которой не известен, могут скрываться недобросовестные ее создатели, то есть действующие вопреки интересам российского социума и конституционно определенным векторам развития Российской Федерации;

– основную идею и цели предмета административно-нормативного правового регулирования будущего закона, круг лиц, на которых будет распространяться действие содержащихся в нем административно-нормативных положений;

– обоснование внутреннего строения будущего закона (указание на разделы, главы, статьи, пункты, и т.п.);

– обоснование места будущего закона в системе действующего законодательства Российской Федерации, а также значение, которое будет иметь

законопроект для правовой системы Российской Федерации;

– информацию о соответствии законопроекта положениям международных договоров Российской Федерации;

– общую характеристику и оценку состояния административно-правового регулирования соответствующих общественных отношений с приложением анализа действующих в этой сфере нормативных правовых актов Российской Федерации. Общую характеристику состояния административно-правового регулирования желательно дополнять анализом российской и зарубежной правоприменительной практики, а также результатами проведения статистических, социологических и политологических исследований;

– описание административно-нормативных положений, устанавливающих новые права и обязанности субъектов административного права России, а также условия их реализации;

– научно-обоснованный механизм наступления социально-экономических, политических, юридических и иных последствий реализации будущего закона;

– указание на то, какие нормативно-правовые акты подзаконного характера должны быть приняты для конкретизации административно-нормативных положений планируемого закона;

– расчет стоимости (затратности) будущего законодательного акта.

Предложив для анализа научной общественности, практикам, парламентариям и всем субъектам законотворческих инициатив вышестоящее авторское видение возможного структурно-содержательного оформления концепции законопроекта, мы допускаем, что последнее может потребовать соответствующей корректировки при возникновении конструктивных замечаний. Вместе с тем, забегая наперед и не дожидаясь появления конструктивных рекомендаций в адрес автора данной статьи, мы уже сейчас хотели бы поддержать инициативу Правительства Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, а также российских ученых и практиков, высказывающихся за скорейшее принятие федерального закона «О нормативно-правовых актах в Российской Федерации» [5; 8; 11]. В последнем, на наш взгляд, следует в обязательном порядке зафиксировать определенную структуру концепции законопроекта. Попутно данную инициативу следует внедрить также и в часть 2 ст. 142 Регламента Совета Федерации [7].

Представляется, что результаты подобных шагов вполне предсказуемы. Это и достижение положительного эффекта в законотворческом процессе, и получение Российской Федерацией в качестве желаемых дивидендов одной из самых совершенных социально-ориентированных систем административного законодательства.

Библиографический список

1. *Бицьева Т.Н.* Концепция проекта федерального закона: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2011. – 32 с.
2. *Воробьева С.А.* Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – 31 с.
3. *Гулиев В.К.* Закон как источник конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. – 30 с.
4. Концепция стабильности закона (серия «Конфликт закона и общества»). – М.: Проспект, 2000. – 176 с.
5. *Кривцов В.* Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и правотворческая деятельность избирательных комиссий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rcoit.ru/discussion/detail.php?ID=23912> (дата обращения: 28.05.2016).
6. Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов: Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2001 № 576 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 32. – Ст. 3335.
7. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30.01.2002 № 33-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 7. – Ст. 635.
8. *Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф., Рахманина Т.Н.* Инициативный проект закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 76–86.
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 г. «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Российская газета. – 2002. – 19 апреля.
10. *Тихомиров Ю.А.* Общая концепция развития российского законодательства // Концепции развития российского законодательства. – М.: ИЗиСП, 1998. – С. 5–22.
11. Федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ib.ru/law/4295> (дата обращения: 28.05.2016).
12. *Царев А.Ю.* Концепция закона в законотворчестве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.

Галкин Александр Георгиевич
доктор исторических наук, профессор
Кубанский государственный аграрный университет
alex-amway@inbox.ru

Каинов Александр Сергеевич
прокуратура Краснодарского края, г. Краснодар
kainov-aleksandr@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОКУРАТУРЫ

В статье отмечается, что надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выступает самостоятельным видом прокурорской деятельности. Для ее эффективного осуществления прокуратура привлекает институты гражданского общества. Анализ взаимодействия надзорного ведомства с общественными объединениями, специализирующимися на защите прав человека, показал, что на практике выделяются разнообразные формы сотрудничества, в частности: совместное проведение научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов» по вопросам укрепления законности и правопорядка; информирование населения о роли прокуратуры и институтов гражданского общества в защите прав и свобод человека и гражданина, о состоянии законности в стране и принимаемых мерах по ее укреплению; правовое просвещение населения в виде консультаций, лекций, бесед, правовых викторин о правах, обязанностях, ответственности за правонарушения, в т.ч. посредством размещения разъяснений законодательства в СМИ; участие в судебных разбирательствах по уголовным и гражданским делам; проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в целях обеспечения, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций; совместное расследование нарушений прав человека институтами гражданского общества и прокуратурой. Для достижения общих целей и задач, стоящих перед государством и гражданским обществом, в ряде регионов органами прокуратуры заключаются соглашения о взаимодействии и сотрудничестве с институтами гражданского общества. В статье отдельное внимание автор уделяет осуществлению надзора за исполнением законодательства в определенной сфере деятельности.

Ключевые слова: сотрудничество, нарушение прав человека, законность, общественный совет.

Согласно Закону РФ от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации», самостоятельным видом прокурорской деятельности выступает надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Данная разновидность надзора весьма широка и многогранна. Поэтому для ее эффективного осуществления во исполнение Приказа Генерального прокурора РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» прокуратура привлекает различные институты гражданского общества, специализирующиеся на защите прав человека.

Этим правовым документом прокуратуре предписывается активным образом взаимодействовать с общественными объединениями, рассматривать разъяснение законодательства как деятельность, осуществляемую с целью правового просвещения граждан, в т.ч. при взаимодействии с различными общественными институтами, и считать ее неотъемлемой частью системы профилактики правонарушений. При этом эффективность такого взаимодействия возможна при условии, что действия одной стороны соотносятся с потребностями и интересами другой без причинения вреда друг другу.

Формы и способы взаимодействия прокуратуры и институтов гражданского общества могут быть самими разнообразными.

1. Совместное проведение научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов» по вопросам укрепления законности и правопоряд-

ка. Данная форма достаточно широко используется на практике. В каждом регионе ежегодно проводятся подобные мероприятия, приуроченные к обсуждению проблем взаимодействия общественности и прокуратуры в борьбе с коррупцией, исполнения законодательства в сфере ЖКХ, здравоохранения, социальной защиты, образования, трудовой занятости, рассматриваются возможные пути их решения, вырабатывается план совместных действий по устранению недостатков.

2. Информирование населения о роли прокуратуры и институтов гражданского общества в защите прав и свобод человека и гражданина, о состоянии законности в стране и принимаемых мерах по ее укреплению. В прокуратурах существует должность старшего помощника прокурора, ответственного за связи с общественностью, который обязан информировать общественность о деятельности прокуратуры, создавать положительный имидж органов и учреждений прокуратуры. Именно данное должностное лицо выступает связующим звеном между правозащитными организациями, СМИ и прокуратурой [7].

3. Правовое просвещение населения в виде консультаций, лекций, бесед, правовых викторин о правах, обязанностях, ответственности за правонарушения, в т.ч. посредством размещения разъяснений законодательства в СМИ. Причем пропаганда, направленная на повышение правовой грамотности и культуры населения, осуществляется не только среди несовершеннолетних, молодежи, детей-сирот, инвалидов, но и осужденных, лиц,

заключенных под стражу, представителей общественных организаций.

4. Совместное расследование нарушений прав человека институтами гражданского общества и прокуратурой [5, с. 85–86]. Общественные организации обладают огромным потенциалом реагирования на факты нарушений прав человека, выражающиеся в применении пыток, жестокого обращения, неприкосновенности частной жизни, жилища, незаконного лишения свободы и т.д. Данные общественные структуры осуществляют сбор и анализ первичной информации о нарушениях прав человека, готовят отчеты и доводят их содержание до общественности, органов государственной власти и международных организаций, проводят акции протеста (демонстрации, митинги и т.д.), создают структурные сети некоммерческих обществ правозащитного характера. Как правило, факты нарушений прав человека выявляются при осуществлении общественного контроля, анкетирования, телефона «горячей линии» и т.д. Поэтому в ряде регионов в целях повышения эффективности подобных расследований органами прокуратуры заключаются соглашения о взаимодействии и сотрудничестве с институтами гражданского общества. Примером могут выступать соглашения о взаимодействии и сотрудничестве между прокуратурой Томской области и профсоюзами [4], прокуратурой Калининградской области и Калининградской региональной общественной организацией по поддержке в формировании полноценной среды жизнедеятельности человека «СОЮЗ МАТЕРЕЙ» [2] и др. Данная форма взаимодействия весьма эффективна. По инициативе общественных организаций могут подниматься проблемы, связанные с нарушением прав детей, прав граждан на труд, соблюдением условий охраны труда и др. Сообщая о факте нарушений, институты гражданского общества способствуют органам прокуратуры и иным правоохранительным структурам в обеспечении законности и правопорядка. Однако такие соглашения о взаимодействии и сотрудничестве заключены не во всех регионах России.

5. Участие в судебных разбирательствах по уголовным и гражданским делам является важнейшим направлением взаимодействия правозащитных организаций и прокуратуры. Однако участие представителей общественных объединений в уголовном процессе существенно ограничено, поскольку представитель правозащитной организации по закону не уполномочен обеспечивать квалифицированную юридическую помощь своему подзащитному на предварительном следствии и в суде по уголовным делам. Его основное назначение заключается в осуществлении общественного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов подозреваемого, обвиняемого или подсудимого во взаимоотношениях с правоохрани-

тельными органами. Более того, института «общественный защитник» в действующем УПК РФ как такового нет. Вместе с тем, внимательный анализ ст. 49 УПК РФ дает основание полагать, что в соответствии с принятым судебным решением в качестве защитника могут быть допущены не только адвокаты, но и иные лица, о допуске которых ходатайствует обвиняемый, в т. ч. представители правозащитной организации. Зачастую представители правозащитной организации, как и адвокаты, являются юридически грамотными людьми. Однако правом на оказание квалифицированной юридической помощи обладает только адвокатура, что подтверждается Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации [6]. В связи с этим на практике многие правозащитные общества нашли следующий выход из такой ситуации: привлекли к участию в процессе адвокатов, являющихся членами правозащитной организации, либо сотрудничающих с ними на возмездной основе.

Институты гражданского общества в лице общественных организаций и прокуратура принимают участие в судебном разбирательстве, представляя интересы одного и того же участника процесса, либо защищая права и свободы противоположных сторон. В первом случае они находятся в тесном взаимодействии, что выражается, прежде всего, в совместном обсуждении правовой позиции по делу, согласовании процессуальных действий (заявлении ходатайств, представлении доказательств и т.д.). Участие институтов гражданского общества и прокуратуры в качестве процессуальных соперников не меняет форму взаимодействия: их интересы должны совпадать в части выявления нарушений закона, ошибок в правоприменительной деятельности. Однако так бывает не всегда.

6. Привлечение институтов гражданского общества к правотворческой деятельности. Институты гражданского общества наряду с органами прокуратуры могут проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов в целях обеспечения, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Такое право предоставляется им статьей 5 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Справедливости ради следует отметить, что данная форма взаимодействия встречается на практике. В частности, Приволжская транспортная прокуратура в 2015 году приглашала институты гражданского общества, граждан и независимых экспертов к проведению совместной антикоррупционной экспертизы проекта Правил внутреннего трудового распорядка работников Приволжской транспортной прокуратуры [3].

7. Иные совместные мероприятия органов прокуратуры и институтов гражданского общества.

В настоящее время в целях усовершенствования обратной связи между гражданским обществом и прокуратурой при последних формируются различные общественные советы. Это могут быть Общественный совет по взаимодействию с правоохранительными и иными общественными организациями (прокуратура г. Москвы), Общественный совет по защите малого и среднего бизнеса (прокуратура Свердловской области) и др. Основной целью деятельности данных общественных советов является оказание содействия органам прокуратуры в осуществлении надзора за исполнением законодательства в определенной сфере деятельности, организации и проведении проверочных мероприятий, направленных на выявление и пресечение нарушений действующего законодательства.

При прокуратуре Краснодарского края на основании распоряжения прокурора края от 29 июля 2011 г. № 119/р функционирует Общественный совет по защите прав субъектов предпринимательства. В работе данного совета принимают участие представители органов законодательной и исполнительной власти края, представители предпринимательского сообщества, общественных организаций таких, как Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», некоммерческого партнерства «Краснодарская краевая гильдия рынков», Кубанской ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов и др.

Полученная информация от бизнес сообщества нередко является поводом для проведения прокурорских проверок, в ходе которых выявляются различные нарушения, выражающиеся в нарушении сроков проведения контрольных мероприятий со стороны территориальных органов государственного контроля, истребовании излишних документов, отсутствии оснований для проведения проверочных мероприятий, проведение проверки под видом административного расследования без издания соответствующего распоряжения и извещения и т.д.

Органы прокуратуры могут тесно взаимодействовать с гражданским обществом посредством общественных палат, что регламентируется соответствующим соглашением о взаимодействии и сотрудничестве. Данным документом, как правило, предусматриваются такие формы совместной деятельности, как участие сотрудников прокуратуры в заседаниях общественных палат, работе ее постоянных и временных комиссий и рабочих групп, участие в общественных обсуждениях, проводимых общественной палатой, совместные мероприятия по вопросам правового просвещения с целью формирования высокой правовой культуры населения, привития гражданам уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добро-

совестности, а также преодоления правового нигилизма в обществе; участие в научно-практических конференциях, семинарах и иных мероприятиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время институты гражданского общества и прокуратура находятся в тесном взаимодействии. Как показывает практика, мероприятия, проводимые органами прокуратуры с привлечением институтов гражданского общества, вызывают у граждан повышенный интерес [1, с. 35], влияют на имидж страны не только в глазах гражданского общества, но и в глазах зарубежных коллег. Взаимодействие прокуратуры с институтами гражданского общества имеет важное значение для информационного обеспечения деятельности этих структур, накопления и распространения опыта в правоприменительной сфере. Поэтому в целях совершенствования взаимодействия с институтами гражданского общества прокуратура должна более активно использовать возможности хорошо зарекомендовавших себя структур гражданского общества и пытаться искать новые, более эффективные формы сотрудничества.

Библиографический список

1. *Лантева О.А.* Взаимодействие прокуратуры с общественными объединениями и институтами гражданского общества // *Законность*. – 2014. – № 6. – С. 32–35.
2. *Официальный сайт прокуратуры Калининградской области [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.prokuratura39.ru/public-organizations/item/3871-prokuratura-kaliningradskoy-oblasti-i-kaliningradskaya-regionalnaya-obschestvennaya-organizatsiya-po-podderzhke-v-formirovanii-polnotsejnoj-sredy-i-zhiznedeyatelности-cheloveka-soyuzmaterey-podpisali-soglashenie-o-sotrudnicestve-i-vzaimodeystvii.html> (дата обращения 13.05.2016).
3. *Официальный сайт Приволжской транспортной прокуратуры [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://ptproc.ru/ru/63/154/?a=entry.show&nid=1095> (дата обращения 13.05.2016).
4. *Официальный сайт прокуратуры Томской области [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: http://prokuratura.tomsk.gov.ru/pravovoe_prosvescenie/vzaimodejstvie_s_obscestvennwmi_organizacijami/ (дата обращения 13.05.2016).
5. *Пантелеев Б.Н.* Взаимодействие органов российской прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации (правовые и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 168 с.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агент-

ство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 1.

7. Саркисов В.И. Некоторые вопросы взаимодействия прокуратуры и правозащитных и иных

общественных организаций в области защиты прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advo24.ru/publications/article4.php> (дата обращения 14.05.2016).

УДК 342.951 ; 321

Захаревич Дмитрий Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Нижегородский институт управления), г. Нижний Новгород
zaharevich_dima@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время процесс формирования «Открытого правительства» в Российской Федерации нуждается в восполнении понятийно-терминологических пробелов. В статье проводится анализ сложившихся теоретических подходов к определению термина «Открытое правительство», в частности, рассматривается эволюция понятия «Открытое правительство» в официальных выступлениях высших должностных лиц и материалах заседаний рабочих групп по вопросам формирования «Открытого правительства», анализируются причины многообразия трактовок данного термина в Российской Федерации. Автор исследует различные интерпретации данного понятия, которые оказали влияние на развитие и восприятие обществом концепции открытого государственного управления, а также объясняет отсутствие единых подходов к его трактовке. На основе анализа сущности и содержания зарубежной концепции «Open government» сформирована авторская позиция определения данной категории. Автор обосновывает необходимость рассмотрения «Открытого правительства» с точки зрения политико-доктринальной сущности исследуемого явления и, впервые в отечественной науке, с точки зрения административного права. Делается вывод о необходимости принятия рамочного нормативного правового акта, закрепляющего определение «Открытого правительства», его структуру, цели, задачи и механизмы.

Ключевые слова: «Открытое правительство», «большое правительство», государство, общество, государственное управление, концепция/доктрина государственного управления, органы исполнительной власти, взаимодействие органов власти и граждан.

Одной из основных проблем реализации системы «Открытое правительство» в России является отсутствие единого понимания термина «Открытое правительство» в отечественной науке и практике. Во многом данная проблема обусловлена отсутствием официально закрепленной дефиниции в нормативных правовых актах, что способствует неоднозначному восприятию данного явления каждым участником общественного диалога.

В Российской Федерации термин «Открытое правительство» вошел в оборот в результате дословного перевода английского словосочетания «Open government» на русский язык. Однако стоит отметить, что английское понятие «government» гораздо шире понятия «правительство» (как органа исполнительной власти) в русском языке, и включает в себя помимо данного определения такие значения, как «государство», «управление», «власть». В частности, в западных странах концепция «Open government» предусматривает создание новых форм и методов организации государственного управления, а не конкретной управленческой структуры. В связи с этим этимологически название концепции было бы точнее перевести на русский, как «открытое государственное управление», подразумевающее использование механизмов обеспечения открытости власти и вовлечения граждан в организации и осуществлении публичного адми-

нистрирования. Аналогичное употребление слова «government» в значении «правительство» использовалось и при разработке отечественной концепции, так называемого «Electronic government» или «E-government», более известной как «Электронное правительство», поэтому, думается, немаловажную роль в русскоязычной адаптации термина «Open government» сыграла аналогия перевода реализующейся в России концепции «Электронное правительство».

Необходимо отметить, что в официальной коммуникации термин «Открытое правительство» стал использоваться не сразу. Впервые на официальном уровне данный термин был употреблен в выступлении В.В. Путина в Государственной Думе Российской Федерации с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2010 г. В своем выступлении Председатель Правительства Российской Федерации упомянул о применении концепции «Открытое правительство», основанной на вовлечении граждан в работу институтов государственной власти, в практике государственного управления развитых зарубежных стран и высказал мнение о целесообразности поощрения гражданской работы, учета предложений, советов и рекомендаций независимых народных экспертов, даже несмотря на возможные трудности в виде снижения темпов работы государственных институтов [3].

Однако в дальнейшей политической дискуссии вокруг конкретных механизмов реформирования системы государственного управления название и содержание концепции претерпело значительные изменения.

На встрече со своими сторонниками 15.10.2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев обозначил цель по преобразованию системы государственного управления посредством создания так называемого «большого» или «расширенного» правительства, действующего совместно с партией «Единая Россия», гражданским обществом, экспертами, региональной и муниципальной властью и всеми избирателями [4] и направленного на получение обратной связи от перечисленных субъектов. В рамках обсуждения данного вопроса участниками встречи использовались различные наименования рассматриваемого явления: «большое правительство», «расширенное правительство», «народное правительство». В частности, Президент Российской Федерации говорил о том, что обсуждаемое на встрече «большое правительство» и «малое правительство», под которым Д.А. Медведев обозначил реальное Правительство Российской Федерации, будут состоять из абсолютно новых людей.

В совокупности со словами помощника Президента Российской Федерации А.В. Дворковича о формировании «предложений по механизмам работы общественного Правительства» [8] данные высказывания способствовали восприятию «большого правительства» в качестве нового институционального образования, противопоставленного высшему органу исполнительной власти Российской Федерации, что противоречило первоначально обозначенной цели его формирования.

Появившиеся впоследствии выступления «доверенных лиц Президента», занимавшихся вопросами имплементации «большого правительства» в структуру отечественного государственного управления, также не внесли определенности в понимание сущности описываемого явления. Так, с точки зрения одного из членов рабочей группы по формированию «большого правительства», предполагалось, что «большое правительство» должно состоять из четырех кабинетов: «лоббистского», «медийного», «отраслевого» и кабинета «целевых программ» [2]. По замыслу идеологов данного проекта в функции «лоббистского» кабинета должно было входить рассмотрение поступающих общественных инициатив, предоставление информации о деятельности министерств и должностных лиц, общественное обсуждение законопроектов, лоббирование интересов регионов (с этой целью предполагалось вхождение в «лоббистский» кабинет руководителей субъектов Российской Федерации). «Медийный» кабинет должен был состоять из медийных лиц и заниматься вопросами открытости.

«Отраслевой» кабинет «большого правительства» по структуре выступал дублером обычного Правительства. К задачам данного кабинета предполагалось отнести анализ деятельности Правительства Российской Федерации, разработку альтернативных стратегий и обеспечение кадрового резерва для Правительства Российской Федерации. Кабинет целевых программ должен был заниматься оценкой эффективности действующих государственных программ и разработкой новых [2].

Такая широкая интерпретация «Открытого правительства» не только искажала первоначальную идею концепции, но и вступала в противоречие с действующим законодательством. В то время как концепция «Open government» в зарубежных странах предполагала сущностное изменение существующей системы управления, противопоставляя классическую систему государственного управления новой системе открытого государственного управления, основанной на вовлечении неограниченного количества граждан в выработку государственных решений, термин «большое правительство» или «расширенное правительство» в интерпретации Д.А. Медведева и его сторонников подразумевал дублирование, либо организационное, структурное изменение Правительства как органа власти, противопоставляя «большое правительство» Правительству Российской Федерации. Такая аналогия требовала установления соотношения структуры и полномочий «большого» и обычного Правительства.

Думается, именно поэтому в последующем в качестве основного был выбран термин «Открытое правительство», упоминавшийся в выступлении Председателя Правительства в Государственной Думе в 2010 г. и в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2011 г. Нормативно термин «Открытое правительство» был закреплен в Указе Президента Российской Федерации от 8 февраля 2012 г. № 150 «О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы “Открытое правительство”». Примечательно, что в упомянутом Указе Президента «Открытое правительство» употреблялось в значении «системы», что было направлено на снижение восприятия концепта в качестве той или иной вариации институционального образования.

Однако, несмотря на закрепление термина (но не его определения) в официальных актах на федеральном уровне, в силу отсутствия четкого понимания сущности «Открытого правительства», содержание данного понятия претерпевало многочисленные изменения и подвергалось различным интерпретациям.

Первоначально «Открытое правительство» было представлено Председателем Правительства Российской Федерации в качестве зарубежной кон-

цепции, применяемой в развитых странах и основанной на вовлечении граждан в текущую работу институтов власти. Задачами реализации концепции виделось поощрение активной гражданской работы и учет мнения независимых народных экспертов [3]. Стоит отметить, что в данном определении не конкретизируется, какие именно институты власти вовлекаются в процесс учета мнения граждан, что позволяет сделать вывод о реализации «Открытого правительства» в деятельности органов не только исполнительной, но и других ветвей власти. Определение «Открытого правительства» в качестве концепции, предусматривающей вовлечение граждан в деятельность органов различных ветвей и уровней власти, представляется наиболее точно отражающим содержание термина «Open government» в зарубежных странах.

Однако в последующих выступлениях Президента Российской Федерации под «Открытым правительством» подразумевалась площадка, объединяющая для решения стратегических и оперативных задач все уровни и ветви власти, общественных деятелей, экспертов, всех, кто готов участвовать в процессах реального управления государством, в выработке и экспертизе важнейших решений и программ [9]. Основной целью «Открытого правительства» виделось получение Правительством Российской Федерации обратной связи от рядовых граждан, экспертов, органов местного самоуправления и т.д., формирование кадрового резерва для обновления и пополнения федеральных и региональных органов исполнительной власти. Сужение содержания термина «Открытое правительство» от концепции государственного управления до институциональной платформы по выработке предложений для высшего органа исполнительной власти Российской Федерации не только исказило саму сущность описываемого явления, но и привело к дальнейшей неопределенности в нормативном регулировании «Открытого правительства».

В публикуемых на сайте «большое правительство.рф» презентациях, посвященных формированию «Открытого правительства» в России, содержалось большое количество противоречий, по-прежнему способствующих двусмысленному восприятию данной категории, то в качестве концепции государственного управления, то в качестве самостоятельной институциональной структуры. Так, в отчете «Система “Открытое правительство”: Запуск и функционирование» от 17.04.2012 г. при перечислении ресурсов «Открытого правительства» указывается право структур «Открытого правительства» на собственную информационную политику (без согласования с пресс-службой Правительства Российской Федерации и соответствующих ведомств), а также о независимости состава «Открытого правительства» и его структур от

исполнительной власти [7, с. 17]. В то же время само «Открытое правительство» в данном документе определяется в качестве элемента системы государственного управления [7, с. 11]. Исходя из данных тезисов не совсем понятно, какие именно состав и структура «Открытого правительства» подразумевается в документе.

Широкое обсуждение идеи формирования «Открытого правительства» на высшем политическом уровне в совокупности с отсутствием нормативных документов, регламентирующих цели, задачи, функции и механизмы реализации «Открытого правительства», а также логическими противоречиями в большом массиве информационных документов, публикуемых по результатам заседаний рабочих групп по формированию «Открытого правительства», способствовали неправильному восприятию некоторыми экспертами, а также рядовыми гражданами «Открытого правительства» в качестве незаконного и неконституционного органа власти [5], причем проблема неоднозначного восприятия данного термина в обществе остается по-прежнему актуальной.

В настоящее время существуют различные подходы к определению «Открытого правительства» через его сущностные характеристики. «Открытое правительство» употребляется и в качестве доктрины, и в качестве концепции государственного управления, обеспечивающей право граждан на доступ к информации о деятельности органов власти, и в качестве совокупности регулирующих взаимодействие органов государственной власти и общества специальных принципов, механизмов и инструментов [6, с. 2]. Ряд авторов по-прежнему отождествляет «Открытое правительство» с обособленной властной структурой. Кроме того, встречается употребление термина «Открытое правительство» в качестве долгосрочной государственной стратегии построения открытого государства, подготовленной с участием профессионального сообщества и широкой общественности; инструмента систематизации и приведения к общей концепции ранее инициированных проектов, документов и инициатив по раскрытию информации и коммуникации с гражданами; сообщества, объединяющего, как сотрудников органов власти всех уровней, так и интернет активистов, пользователей открытых данных, представителей общественных объединений [1, с. 23].

Однако наиболее распространенным в настоящее время является определение «Открытого правительства» как системы механизмов и принципов, обеспечивающих эффективное взаимодействие органов власти и общества. При этом термин «механизм» трактуется достаточно широко. Зачастую под механизмами понимают и отдельные проекты по реализации идей, заложенных в доктрину «Открытое правительство» (всевозможные

проекты в сфере информационно-коммуникационных технологий, например, портал «Российская общественная инициатива» для рассмотрения прошедших специальный отбор законодательных инициатив граждан), и самостоятельные концепции в сфере обеспечения открытости информации (например, «Открытые данные»), и уже существовавшие до внедрения концепции «Открытое правительство» политические, правовые и социальные институциональные образования (общественные советы при органах власти, институт общественного контроля и т.д.). Таким образом, в широком смысле под механизмом «Открытого правительства» следует понимать любой способ обеспечения процессов функционирования концепции «Открытое правительство».

Такая поливариантность трактовок «Открытого правительства» свидетельствует как о сложности и большой степени вариативности явления, определяемого данным термином, так и об отсутствии у органов власти и должностных лиц, ответственных за реализацию «Открытого правительства» в России, вплоть до настоящего времени, четкого понимания сущности внедряемого концепта.

В вопросе определения «Открытого правительства» представляется целесообразным исходить из политико-доктринальной сущности описываемого явления. Доктрина представляет собой учение, систему научных взглядов, основополагающих принципов достижения определенных целей в той или иной сфере. Таким образом, «Открытое правительство» как доктрина, представляет собой современную модификацию теории общественного договора, развивающую положения о подотчетности и производной сущности власти государственных органов по отношению к гражданам посредством расширения «естественных прав» граждан с учетом современных реалий. Доктрина «Открытого правительства» провозглашает право на доступ к информации, право на доступ к управлению государством, право на учет интересов граждан и организаций при вынесении решений органами власти неотъемлемыми правами граждан и закрепляет за государством обязанность по обеспечению данных прав. Рассматривая «Открытое правительство» с практической точки зрения, как совокупность теоретических основополагающих выводов наряду с практическими мерами по их реализации, можно определить указанное явление в качестве концепции государственного управления. Концепция более широкое по содержанию понятие, чем доктрина, так как содержит в себе не только теоретические положения, но и обозначает направления и этапы их практической реализации и функционирования.

Так как процесс реализации концепции «Открытое правительство» в первую очередь затрагивает изменение механизма административно-правового регулирования общественных отношений, форми-

рование новых принципов и механизмов взаимоотношений государства и общества, изменение существующих административно-правовых институтов, происходящие процессы нуждаются в осмыслении с точки зрения административного права.

С целью обеспечения эффективного правового регулирования внедрения концепции «Открытое правительство» в отечественное государственное управление необходимо дать юридическое определение «Открытого правительства». Если с точки зрения политологии «Открытое правительство» представляет собой современную доктрину/концепцию государственного управления, то с точки зрения административного права концепция «Открытое правительство» представляет собой особый механизм правового регулирования, состоящий из определенного набора правовых принципов и административно-правовых норм, обеспечивающих права и свободы физических лиц и организаций в сфере взаимодействия с органами власти, а также устанавливающих особый правовой механизм организации государственного и муниципального управления.

Преследуя своей целью формирование нового механизма публичного администрирования, основанного на вовлечении граждан и институтов гражданского общества в данный процесс, концепция «Открытое правительство» вносит изменения в следующие институты административного права: институт принципов государственного управления, институт форм и методов государственного управления, институт административно-правового статуса граждан (физических лиц), институт административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций, институт административно-правового статуса органов исполнительной власти, институт государственной и муниципальной службы, институт общественных советов при органах власти, институт общественного контроля и некоторые другие. Кроме того, концепцией предусматривается формирование новых административно-правовых институтов, таких как институт «открытых данных». Среди основных принципов «Открытого правительства» следует указать: принцип информационной открытости, принцип понятности, принцип вовлеченности гражданского общества, принцип подотчетности.

Таким образом, наиболее оптимальным видится употребление термина «Открытое правительство» (а также в соответствии с выводами, обозначенными в начале статьи, равнозначного ему термина «открытое государственное управление») в значении концепции государственного управления (в широком смысле), а также системы организационно-правовых принципов и институтов (в узком смысле), способствующих вовлечению широкого круга граждан в процесс государственного управления, в том числе благодаря использо-

ванию возможностей современных информационно-коммуникационных технологий.

Думается, употребление термина «Открытое правительство» в качестве синонима «Open government» не вполне корректно, и, отчасти, является причиной сужения рамок реализации в России указанной концепции преимущественно уровнем федеральных органов исполнительной власти. Необходимо принятие рамочного нормативно-правового акта, содержащего определение «Открытого правительства», его структуру, цели, задачи и механизмы, а также отражающего основные направления государственной политики в отношении открытости государства и его отдельных институтов. Значимость рамочного акта в сфере «Открытого правительства» обусловлена необходимостью выработки единого подхода к реализации открытости органов власти на всех уровнях и ветвях власти.

Библиографический список

1. Аксенова Е., Бегтин И., Бугров В., Ицкович Д., Кордонский С., Ослон А. Открытое государство: чем оно является и чем быть не может // Вопросы местного самоуправления – 2012. – № 6. – С. 22–25.
2. «Большое правительство» просуществует до мая // Официальный сайт издания «Московские новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/75076> (дата обращения: 01.09.2016).
3. Путин В. Выступление в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2010 г. // Архив сайта Председателя Правительства РФ В.В. Путина 2008–2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/14898/> (дата обращения: 01.09.2016).
4. Встреча Дмитрия Медведева со сторонниками // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/13065> (дата обращения: 01.09.2016).
5. Кынев А. Предвыборный капустник // Официальный сайт издания Газета.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2011/10/28_x_3815382.shtml (дата обращения: 01.09.2016).
6. Методические рекомендации по внедрению принципов и механизмов открытого государственного управления в субъектах Российской Федерации // Сайт «Открытое правительство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://open.gov.ru/upload/iblock/00f/00fe0e47c2b1d068ad07318689bb13c4.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
7. Отчет «Система «Открытое правительство»: Запуск и функционирование» по результатам расширенного заседания рабочей группы по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство» от 17.04.2012 г. // Сайт «Открытое правительство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://budget.bigovernment.ru/upload/iblock/96c/96ca23f100286531f0a0850d28bf69b2.pdf> (дата обращения: 01.09.2016).
8. Официальная стенограмма заседания рабочей группы по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «открытое правительство» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.government.ru/special/stens/20260> (дата обращения: 01.09.2016).
9. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14088> (дата обращения: 01.09.2016).

О ПРАВЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ПЕНСИОННЫЕ НАКОПЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье раскрываются вопросы признания права собственности на пенсионные накопления. Установление на данные денежные средства права государственной собственности приводит к ущемлению прав и интересов граждан, многочисленные реформы законодательства в данной сфере порождают недоверие как к государству, так и к негосударственным пенсионным фондам, действующим в системе пенсионного страхования. Правовая природа пенсионных накоплений близка по смыслу к правам граждан на банковские вклады в кредитных учреждениях. Установлено, что ограничения и запреты, действующие в отношении пенсионных резервов Негосударственных пенсионных фондов, связаны лишь с правомочием защиты собственника и в большей степени выгодны самим фондам, чем застрахованным лицам. Подлежащая принятию Концепция индивидуального пенсионного капитала призвана кардинально изменить собственнические подходы к пенсионным накоплениям. Введение частной собственности на пенсионные накопления будет всецело отвечать правам и интересам застрахованных лиц, представляя для них больший интерес с возможностью осуществлять в отношении данных средств правомочия собственника в более полном объеме по сравнению с существующим положением на сегодняшний день, включая расходование накоплений на собственные нужды и возможность распоряжения на случай наследования.

Ключевые слова: пенсионные накопления, частная собственность, наследование, распоряжение, застрахованное лицо.

В настоящее время все отчетливее проявляется острота дискуссии о форме собственности на пенсионные накопления. Принимаемые за последние несколько лет решения о замораживании выплаты пенсионных накоплений помимо снижения уверенности в надежности Пенсионного Фонда РФ, а также в целом в работе всей системы пенсионного обеспечения привели к невозможности реализации прав граждан на собственные накопления в виде отчислений. Поведение государства в виде «замораживания» средств вполне объяснимо, поскольку в соответствии с действующим законодательством все пенсионные накопления признаются собственностью Пенсионного фонда РФ, что и предоставляет возможность распоряжения ими по своему усмотрению. Несмотря ни на что, суммы накопленных средств, переводимых в так называемый президентский резерв, свидетельствуют о достаточно эффективной работе пенсионной системы. Так, например, на начало 2016 года в этом резерве находилось 342 миллиарда рублей, из которых 150 миллиардов рублей было решено выделить на спасение Внешэкономбанка: 75 миллиардов рублей поступили в феврале, еще 75 миллиардов ожидаются позже [3].

Актуальность и серьезность данного вопроса подтверждается и разработанной совместно Центральным банком РФ и Минфином РФ «Концепцией индивидуального пенсионного капитала», согласно которой пенсионные накопления граждан предлагается признавать частной собственностью [4]. По замыслу разработчиков данной Концепции, она направлена на ликвидацию несправедливости, ярко проявляющейся в системе пенсионной реформы 2003 года, определяющей право собственности Пенсионного Фонда РФ на

средства пенсионных накоплений граждан. Предлагаемые идеи в основном касаются прекращения действия накопительной части обязательного пенсионного страхования. Не ставя перед собой цели анализа отношений в сфере социального обеспечения, остановимся подробнее на вопросе возможной реализации права частной собственности обладателями сумм пенсионных накоплений. Прежде всего, необходимо разобраться в правовом режиме пенсионных накоплений граждан. В чем несовершенство действующей системы пенсионных накоплений с точки зрения формы собственности на страховые отчисления?

В реальности сущность дискуссий о статусе собственника пенсионных накоплений затрагивает далеко не социальные аспекты, а непосредственно вопросы недопущения нарушений конституционных принципов собственности, невозможности лишения лица права частной собственности на имущество без решения суда и ряд других не менее важных направлений данной проблемы. Если исходить из презумпции права частной собственности на пенсионные накопления, то потенциальными собственниками можно было бы признать работодателя (страхователя), негосударственный пенсионный фонд (страховщик) или работника (застрахованное лицо) [5]. Несмотря на достаточно продолжительное время существования современной пенсионной системы, вопрос юридической неопределенности с правом собственности на страховые взносы остался нерешенным. Вероятной причиной такого положения дел явилось изначальное включение накопительного пенсионного компонента в государственную систему обязательного пенсионного страхования. Тем самым законодатель допустил смешение форм собственности на

один и тот же объект – пенсионные накопления, не продумав надлежащим образом механизм их выделения, или, точнее, косвенно допуская нежелание государства передавать частным собственникам их же средства, за исключением предусмотренных законом случаев.

Так, страховые взносы по обязательному пенсионному страхованию, как и другие обязательные платежи, находятся исключительно в государственной (федеральной) собственности. Первоначально же они подлежат перечислению именно из частной собственности работодателя на формирование накопительной трудовой пенсии работников. Из этого следует, что именно государству принадлежит возможность реализации триады правомочий (владение, пользование, распоряжение) в отношении данных средств в классическом понимании. Хотя это, в свою очередь, не исключает возможности передачи государством на временной или постоянной основе своих полномочий другим субъектам отношений по обязательному пенсионному страхованию. По мнению ряда авторов, с момента поступления в бюджеты фондов и до их расходования взносы не являются личной собственностью застрахованных лиц, как и одновременно не могут рассматриваться в качестве федеральной государственной собственности [16]. Приблизительно аналогичного подхода придерживается В.В. Соловьев, по убеждению которого таким средствам должен быть придан особый статус, отличающийся от собственности как Российской Федерации, так и собственности негосударственного пенсионного фонда [15; 7], что вполне согласуется с нормой статьи 18 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (далее – Закон № 167-ФЗ). В любом случае, необходимо исходить из того, что основной целью страховых взносов выступает обеспечение будущего трудозанятого населения (застрахованных лиц) в рамках системы страхования.

Возможности, предоставленные законодателем застрахованным лицам, весьма наглядно отличаются от обычных способов реализации принадлежащих собственнику правомочий. В соответствии со статьями 5, 32 Закона № 167-ФЗ, застрахованное лицо вправе отказаться от получения накопительной части трудовой пенсии из ПФР и передать свои накопления, учтенные в специальной части индивидуального лицевого счета, в негосударственный пенсионный фонд или управляющую компанию. Именно посредством распоряжения застрахованным лицом средствами пенсионных накоплений происходит смена государственной собственности на частную в пределах соответствующего негосударственного пенсионного фонда. С момента приобретения такого права на негосударственный пенсионный фонд возлагаются обязанности перед

застрахованным лицом по назначению и выплате ему накопительной части трудовой пенсии, при соблюдении установленных пенсионным законодательством условий. Вместе с этим правомочие распоряжения, как элемент права собственности, не выполняет в данном случае своего основного предназначения, а проявляется в большей степени лишь в волевом выражении лица, в его усмотрении по размещению пенсионных накоплений с точки зрения надежности и выгоды. Переход пенсионных накоплений в частную собственность работника (застрахованного лица) возможен только в форме назначенной и выплаченной ему накопительной части трудовой пенсии. Иные формы реализации права собственности со стороны работника суммами страховых взносов не допускаются. В этом проявляется режим ограниченной собственности. Хотя можно задуматься и над тем, а возможно ли реализацию правомочия распоряжения рассматривать в данном случае как элемент права собственности в его классическом понимании.

Наследственные отношения наглядно проявляют особенности правовой природы пенсионных накоплений с точки зрения выявления в них частноправовых начал собственности. Так, наследование пенсионных накоплений не укладывается в традиционные положения перехода имущества после смерти лица к его наследникам. На это указывает сам законодатель. При этом переход пенсионных накоплений умершего застрахованного лица к его родственникам регулируется не нормами законодательства о наследовании, а положениями специального института правопреемства, наличие которого связано именно с отсутствием права частной собственности на пенсионные накопления. Получается, что невозможность распоряжения такими средствами лицом в полном объеме отражается и на недопущении включения таких средств в состав имущества, переходящего в порядке наследования по завещанию. Вместе с этим нормы Федеральных законов «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О негосударственных пенсионных фондах» устанавливают возможность распоряжения на случай смерти застрахованного лица пенсионными накоплениями посредством подачи заявления в Пенсионный фонд. Согласно п. 12 ст. 9 ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», застрахованное лицо должно указать в заявлении правопреемников из числа родственников, предусмотренных п. 6 ст. 16 данного нормативно-правового акта, или других лиц, которым может быть произведена такая выплата. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 3 ноября 2007 г. № 742 «Об утверждении Правил выплаты негосударственным пенсионным фондом, осуществляющим обязательное пенсионное страхование, правопреемникам умершего застрахованного лица средств пенсионных накоплений, учтенных

на пенсионном счете накопительной части трудовой пенсии», правопреемники имеют право на получение средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица, учтенных в специальной части его индивидуального лицевого счета, в случае если смерть застрахованного лица наступила до назначения ему накопительной части трудовой пенсии или до перерасчета размера этой части указанной пенсии с учетом дополнительных пенсионных накоплений (п. 3) [13]. По мнению В.В. Соловьева, такое положение ущемляет интересы лиц, в то время как все невыплаченные средства пенсионных накоплений, а также доходов, полученных в связи с их использованием, должны переходить правопреемникам застрахованного лица, а ограничение возможности наследования таких денежных средств лишь наследниками первой и второй очереди вовсе незаконно [15].

Собственное имущество негосударственного фонда состоит из имущества, предназначенного для обеспечения уставной деятельности, пенсионных резервов и пенсионных накоплений (ст. 16, 18 Закона № 167-ФЗ). Для обеспечения целевого назначения фондов исключается обращение взыскания на пенсионные резервы по долгам фонда, вкладчиков, страхователей, управляющей компании (управляющих компаний), специализированного депозитария и иных третьих лиц, включая застрахованных лиц и участников, с дозволением взыскания лишь по долгам фонда перед его участниками. Такое положение дел еще раз подчеркивает принадлежность накоплений на праве собственности не застрахованным лицам, а фонду с ограниченной возможностью распоряжения ими. Если бы можно было допустить, что такие средства признаются частной собственностью самих застрахованных лиц, то это могло бы подразумевать распоряжение ими в более полном объеме, включая возможность обращения взыскания по долгам самого физического лица. Но все же не следует торопиться с выводами, поскольку распоряжение такими средствами в целях удовлетворения интересов кредиторов и иного назначения может привести к нарушению обеспечения пенсионных прав застрахованных граждан. Это, в свою очередь, может породить подмену пенсионными накоплениями иных способов инвестирования и скопления денежных средств, подверженных обращению на них взыскания.

Если обратиться к правовой природе рассматриваемой категории накоплений, то получается, что и для государства, и для негосударственного пенсионного фонда они выступают как обязательственные права, а на праве собственности находятся в кредитных учреждениях путем размещения на соответствующих счетах [15]. В то же время необоснованно признавать обязательственные права на эти средства за застрахованным лицом, по-

скольку он является их вкладчиком по отношению к НПФ, соответственно между ними и возникают обязательственные отношения. Пожалуй, такая схема идентична вкладам в коммерческих банках. По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, вполне допустимо включение обязательственных прав в состав имущества, которое (имущество в целом) принадлежит определенным физическим и юридическим лицам на праве собственности или на ином вещном праве [1, с. 276]. В существующей схеме, согласно которой пенсионные накопления, изначально представленные как страховые взносы работодателей и выступающие как пенсионные взносы вкладчика – застрахованного лица, вполне соответствуют и структуре инвестиционных отношений, возникающих из договора пенсионного обеспечения [15]. Указанный договор является по своей природе гражданско-правовым, что вытекает из анализа правоотношений, возникающих в результате его совершения [9].

Невозможность реализации права собственности на пенсионные накопления в классическом его понимании встречает значительное количество препятствий как в теории, так и на практике. Весьма специфичным, но в то же время обоснованным представляется мнение В.В. Соловьева о том, что у указанных денежных средств собственник вовсе отсутствует, поскольку инвестиционными инструментами НПФ могут являться и иностранная валюта, и ценные бумаги, и иные объекты вложений, наделяя всех участников пенсионной системы лишь правами требования различной правовой природы и объема [15].

В том случае, если бы накопительный пенсионный компонент функционировал как самостоятельная частная система – система негосударственного пенсионного обеспечения (а не внутри государственной системы обязательного пенсионного страхования) и регулировался бы не пенсионным, а гражданским законодательством, вопросы собственности на пенсионные накопления были бы решены иначе и изъятие в каком-либо виде пенсионных накоплений было бы полностью исключено [8].

В целях приумножения пенсионного капитала, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2007 г. № 14-П, возможны различные варианты институтов рынка инвестиций, что в свою очередь должно обеспечиваться готовностью заинтересованных юридических и физических лиц к инициативному и ответственному участию в инвестиционной деятельности. При поиске альтернативных вариантов действующей системы пенсионных накоплений основной целью должно выступать признание права частной собственности в его классическом понимании с сохранением публичного элемента, обеспечивающего целевое использование средств. На этом основании авторами

даже была предложена необычная формулировка новой формы собственности как «общественно-личная собственность» [16]. Кроме того, возможен пересмотр нормативов распределения страховых взносов. Всю сумму страховых взносов возможно направлялась на финансирование исключительно страховой части трудовых пенсий и применить их либо ко всем, либо к отдельным категориям застрахованных лиц, тем самым отдав предпочтение принципу единства или принципу дифференциации в правовом регулировании отношений в сфере обязательного пенсионного страхования [8].

В.В. Соловьев вовсе предлагает отойти от традиционного представления о праве собственности, руководствуясь тем, что в вещно-правовых конструкциях проявляются обязательственно-правовые элементы [15]. Ранее к числу объектов личной собственности граждан относились «трудовые сбережения», под которыми понимались именно вклады граждан (ст. 105 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.). Аналогичная конструкция применялась и в отношении объектов собственности профсоюзных и иных общественных организаций, включающих права требования, адресованные банку (ст. 103 ГК РСФСР 1964 г.). В настоящее время указание на принадлежность юридическому лицу имущества на каком-либо вещном праве оказалось исключено из п. 1 ст. 48 ГК РФ [14, с. 79]. Все это лишь подтверждает вывод о том, что в современных условиях четко прослеживается позиция признания объектами права собственности не только вещей, но и прав [12, с. 231].

Мы считаем справедливым вывод В.В. Соловьева о том, что средства пенсионных накоплений, переданные НПФ, не только составляют обязательственные права вкладчика (участника), но и являются объектами его права собственности. Хотя, например, К.А. Коньков считает, что некорректно говорить о праве собственности, основаниях и моменте перехода права собственности на средства пенсионных накоплений, которые не являются вещью и, следовательно, не могут быть объектом вещных прав [6, с. 154–159]. Анализируя права застрахованного лица в отношении средств пенсионных накоплений, данный автор придает им публично-правовое основание, а также исключает принадлежность пенсионных накоплений на данных правах застрахованному лицу. Эти права приобретают гражданско-правовую природу с момента заключения договора об обязательном пенсионном страховании с НПФ и являются обязательным его условием.

Таким образом, когда речь идет о средствах пенсионных накоплений, несмотря на их существование в форме безналичных денежных средств, нам представляется необходимым применение конструкции права собственности вкладчика, а не НПФ в их отношении. Именно на этом основыва-

ется Концепция индивидуального пенсионного капитала, которая предполагает выплаты сверх ставки в 22 % в негосударственные пенсионные фонды, исключая накопительную часть пенсий из под контроля ПФР. При этом пенсионный капитал будет определяться как частные пенсионные накопления граждан, включая те, которые были перечислены работодателем за работника в 2004–2016 годах, а также те, которые возникнут в будущем с распространением на них режима частной собственности. Данная система предполагает конвертацию накоплений в дополнительные баллы в страховой части пенсионной системы либо получение их как первого взноса на новый счет в пенсионном фонде. Данные действия должны быть реализованы в течение двух лет, а в дальнейшем предлагаются освобождать от уплаты налога на доходы физических лиц новые средства, уплачиваемые в накопления в НПФ. При этом государство готово софинансировать платеж на часть налога и разрешает незначительно сокращать платеж в ПФР, а ставка дополнительного платежа на накопления устанавливается плательщиком самостоятельно: в диапазоне от 0 % до 6 %. Все льготы и гарантии действуют, все уплаченное свыше 6 % не освобождается от НДФЛ, не изменяет сумм платежа в ПФР и не подлежит госгарантиям. Несмотря на достаточно диспозитивный подход, полная добровольность накоплений исключается, а их взносы устанавливаются для всех категорий работающих граждан, но с возможностью применения дифференцированной ставки процента отчислений по годам. Также предполагается уменьшение платежа до 0 %, а также фиксация ставки на любом уровне в диапазоне от 0 % до 6 % на постоянной основе. В качестве предложений в отношении уклоняющихся лиц указано на автоматическую «переподписку» от накоплений (и после нее отказываться придется еще раз) либо возможность фиксации ставки платежа в 0 % только на пять лет («каникулы»), после чего она вновь начнет расти. Кроме того, предлагается создание института Центрального администратора, целью которого будет координация переходов и информирование НПФ об индивидуальных ставках. Однако потенциального субъекта, выполняющего данные функции, пока не предложено. Гарантия по системе страхования вкладов будет распространяться только на накопления, сделанные по ставке 0–6 %. И, наконец, перечислим самое главное с точки зрения реализации прав частных собственников: получение накопленных выплат будет возможно за пять лет до выхода на пенсию; 20 % накоплений возможно истребовать в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств; все накопления возможно изъять и потратить в случае тяжелой болезни. В зависимости от объема накоплений (больше накоплений – больше вариантов) доступны будут несколько схем выплат, в идеальной ситуации (на-

копления позволяют обеспечить аннуитетные выплаты более 5 МРОТ) возможен выбор из четырех вариантов: ежемесячные выплаты до исчерпания накоплений, срочные выплаты, аннуитет с привязкой к инфляции, выплата остатка накоплений, обеспечивающих выплаты такого аннуитета почти в любой форме [2].

Несмотря на презентабельность и исключительно новый подход к системе пенсионных накоплений, нерешенными остаются вопросы реализации прав лица как собственника таких средств. Обозначение предлагаемого капитала как частной собственности еще не гарантия того, что применяемый механизм сможет предоставить гарантии реализации принадлежащих лицу полномочий. В связи с этим возникает еще ряд вопросов. Перечислим некоторые из них. Каким образом предполагается компенсация потерь пенсионных накоплений от инфляции? В какие активы будут инвестироваться эти деньги, на каких условиях? С точки зрения интересов собственника вносимых средств решение данных вопросов более чем актуально, поскольку наряду с обязательностью и принуждением взносов со стороны государства заинтересованность в их сохранении и, следовательно, обеспечении достойного будущего и надежных гарантий является одной из основных задач пенсионных реформ. Предлагаемая в Концепции схема в большей степени отвечает лишь за создание определенного капитала за счет пенсионных взносов, в то время как ни порядок распоряжения им, ни условия гарантированного возврата средств с начислением дополнительного дохода не разъясняются. Исходя из опыта зарубежных стран, инвестиционные пенсионные программы там основаны на элементе обязательных взносов, что обеспечивает их надлежащее исполнение и достижение поставленной цели. По этому поводу уже сегодня, еще до принятия Концепции и активного реформирования пенсионной системы, существует мнение о том, что большинство граждан перестанут платить взносы через несколько месяцев после введения новых правил [10]. По мнению проректора Академии труда и социальных отношений Александра Сафонова, налоговые послабления стали бы отличным стимулом для граждан и компаний для подключения к новой системе. Специалисты Института оценки доходов и уровня жизни считают, что обсуждать реформу логичнее после стабилизации экономической ситуации и повышения уровня доходов населения, поскольку в сложных экономических условиях у людей нет лишних денег, которые они могли бы отложить на черный день, а тем более на будущую пенсию [11]. Безусловно, признание за пенсионным капиталом права частной собственности способствовало бы повышению заинтересованности граждан в собственных накоплениях, при этом любые предложения по расширению сво-

боды собственников, включая распоряжение этими средствами помимо получения их при достижении пенсионного возраста, должны учитывать целевой характер и ни в коем случае не заменять иные способы инвестирования денежных средств граждан.

Библиографический список

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. Кн. 5: в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2006. – 623 с.
2. Бутрин Д., Скоробогатько Д. Концепция индивидуального пенсионного капитала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://npf-2016.ru/koncepciya-individualnogo-pensionnogo-kapitala/> (дата обращения: 25.09.2016)
3. В России могут ввести частную собственность на пенсионные накопления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/v-rossii-mogut-vvesti-chastnuyu-sobstvennost-na-pensionnye-nakopleniya-1001172218> (дата обращения: 25.09.2016)
4. Еще одна концепция пенсионной реформы: все очень индивидуально. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/economy/565191.html> (дата обращения: 25.09.2016)
5. Коган Г. Чьи деньги? Почему накопления россиян на старость им не принадлежат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2014/07/29/pensgorp>. (дата обращения 20.08.2016)
6. Коньков К.А. Субъекты права на средства пенсионных накоплений // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2015. – № 1. – С. 154–159.
7. Колюхова Т.В. Правовое регулирование финансовой деятельности пенсионных фондов, использующих средства накопительной части трудовой пенсии граждан // Банковское право. – 2005. – № 2. – С. 51–54.
8. Комментарий к законодательству Российской Федерации о пенсионных накоплениях (постатейный) / отв. ред. Ю.В. Воронин. – М.: НОРМА, 2015 // СПС КонсультантПлюс.
9. Майфат А.В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 328 с.
10. Накопительная часть пенсии: приказано уничтожить. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://consultcapital.ru/stati/nakopitel'naya-chast-pensii-prikazano-unichtozhit.html> (дата обращения: 26.09.2016)
11. Пенсионные новости 2016 на сегодня: концепция индивидуального пенсионного капитала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://subsidi.net/%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%B8/%D0%BF%D0%B5%D0%BD>

%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/item/874-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB.html (дата обращения 25.09.2016).

12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 353 с.

13. Постановление Правительства РФ от 3 ноября 2007 г. № 742 «Об утверждении Правил выплаты негосударственным пенсионным фондом, осуществляющим обязательное пенсионное страхо-

вание, правопреемникам умершего застрахованного лица средств пенсионных накоплений, учтенных на пенсионном счете накопительной части трудовой пенсии» // СЗ РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5581.

14. Рахмилович В.А. О достоинствах и недостатках Гражданского кодекса Российской Федерации // Государство и право. – 1996. – № 4. – С. 78–84.

15. Соловьев В.Н. Право собственности на средства пенсионных накоплений, переданных в негосударственный пенсионный фонд // Юрист. – 2009. – № 2. – С. 14–20.

16. Черешева Е.А., Карташова Ю.А., Шапкова О.В. Комментарий к Федеральному закону от 7 мая 1998 г. № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (постатейный) // СПС Консультант Плюс. 2010.

УДК 347.97/99

Коваленко Татьяна Сергеевна

кандидат юридических наук

Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, г. Луганск
kovalenkots@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЗАРОЖДЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Автором статьи проводится анализ пути зарождения и развития судебной власти в России. Исследование происходит сквозь призму концептуальной и комплексной теории судебной власти. Подводя итоги, автор подчеркивает, что система судебной власти на Руси прошла долгий нелегкий путь с момента зарождения в древности и до наших дней. За этот период, насчитывающий около тысячи лет, можно наблюдать ее исторический генезис от «суда лутших людей» до современной демократической судебной системы, основанной на общепризнанных международных ценностях, призывающих суды служить верховенству права и закона, а также охранять и защищать права и свободы человека и гражданина. Этот путь условно можно разделить на несколько основных отрезков, характеризующихся определенными особенностями: 1) этап зарождения судебной системы; 2) период сословного правосудия; 3) период подготовки и проведения Большой судебной реформы 1864 г.; 4) постреформационный период; 5) период советского правосудия; 6) постсоветское реформирование судебной системы; 7) современная судебная система.

Ключевые слова: суд, судебное право, судебная власть, судебная система, судопроизводство, правосудие, судебные органы.

Когда возник первый суд? Науке на сегодняшний день доподлинно неизвестен ответ на этот вопрос. Однако, исходя из общеизвестных сведений по истории государства и права, мы точно знаем, что от момента, когда древнее общество впервые столкнулось с необходимостью как-то разрешать возникающие в процессе жизнедеятельности споры, до появления прообраза привычных нам судебных органов, прошло немало времени. Вначале люди сами разрешали все свои конфликты. Но, по мере развития общества, проблемы становились все серьезнее, а пути их разрешения – все сложнее. На определенном этапе возникла необходимость с целью достижения истины приглашать третьих, независимых лиц. Поначалу это были сородичи, потом – особо уважаемые в определенном сообществе персоны, позднее – князья.

Первые сведения о правосудии в России, как процедуре разрешения споров между славянскими племенами, жившими на территории Восточной

Европы, содержатся в «Повести временных лет» [8, с. 67]. А слово «суд» впервые упоминается в Уставе князя Владимира Святославича [3, с. 104] XI в. Так на Руси начал накапливаться законодательный материал, который постепенно объединялся в сборники права, на основе которых впоследствии был сформирован единый свод законов, известный как Русская Правда [13]. Этот правовой документ регулировал небольшую группу отношений, вытекающих из причинения материального, физического и морального вреда, а также из гражданских обязательств и деликтов. По мнению Ю.П. Титова, именно благодаря наличию такой правовой базы и на ее основе со временем сложилась древнерусская судебная система [4, с. 39].

Верховным законодателем и судьей в этой судебно-административной системе был князь, он отправлял правосудие или поручал его своим наместникам. Судебными полномочиями также обладали бояре, тиуны, огнищане и другие лица княжеской администрации. Судебное производство

называлось тяжбы и начиналось с подачи жалобы (поклепа). Процесс же насчитывал три стадии: заклич, свод и гонение следа [7, с. 65–66].

С принятием христианства в 988 г. на русские земли пришло церковное право, которое также нашло свое отражение в правовых документах того времени [25].

Нужно отметить, что в исследуемый период наравне с органами княжеского суда судебной властью обладал суд общины и Божий суд, под видом которого проводились испытания жезлом и водой. В церковном суде применялся розыскной, вошедший в средневековую историю как инквизиционный, метод со всеми его атрибутами, в том числе и пыткой [24].

Дальнейшее развитие судебной системы на Руси было связано с Грамотами князей, которые регулировали процесс судостроительства и судопроизводства. Они имели особое значение в период феодальной раздробленности, наступившей на Руси во второй половине XII в., и продолжавшейся более трех столетий.

Позднее, в силу объективных политико-экономических причин, назрела необходимость централизации русского государства. Так, перед правительством Ивана III (1440–1505) встала задача создания судебной системы, способной реализовать в своей деятельности единое для всей страны законодательство, вследствие чего со временем появился сборник общерусского права – Судебник 1497 г. [12, с. 36].

Данный правовой документ определил систему суда и администрации всего государства, установил надзор со стороны высших государственных органов над местными административно-судебными органами, а также способствовал законодательной борьбе против феодального произвола, подрывавшего устои нового политического строя. Кодекс явился мощным средством для усиления эксплуатации крестьян, а предусмотренная им процедура судебного производства служила интересам господствующего класса. Высшими судебными инстанциями (органами), согласно Судебнику, были Суд Великого князя (для высших феодалов, рассмотрения апелляций), Боярская дума, путные бояре, приказы [9].

Как подчеркивают О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев и Г.Ю. Семигин, на местах суд по-прежнему вершили наместники и волостели, находившиеся на иждивении у населения. Кроме того, Судебник установил два вида кормлений: кормление с боярским судом и кормление без боярского суда. Представители последнего, прежде чем вынести окончательное решение по делу, должны были докладывать его в вышестоящий суд на утверждение (ст. 43 Судебника). Высшей инстанцией для кормления без права боярского суда была Боярская дума, для государственных тиунов – сам великий

князь, а для тиунов боярских – наместник с правом боярского суда. Органы, осуществляющие суд на местах, обязывались решать все дела в присутствии «лутших людей» и старост (ст. 38 Судебника).

Помимо этого, в данный законодательном акте была предпринята попытка искоренения судебной волокиты и взяточничества со стороны судебного аппарата, а также из подсудности духовных, вотчинных и помещичьих судов изымались наиболее важные дела: душегубство и разбой, которые подлежали рассмотрению только в государственных органах [7, с. 66].

Надо отметить, что в рассматриваемые времена в судах царил неприкрытый произвол в отношении крестьян. Такое угнетенное положение эксплуатируемых масс в 1648 году привело к их массовому восстанию. По этой причине был созван Земский собор, которым в 1649 г. было принято знаменитое Соборное Уложение [23, с. 136]. Судебное право в Уложении составило особый комплекс норм, регламентирующих организацию суда и процесса. Впервые вводилась определенная система классификации преступлений, утверждались основные формы судебного процесса, была значительно расширена система наказаний, главой 10 «О суде» регламентировались отдельные вопросы правового статуса судьи. Так, согласно пп. 1, 2 Уложения, «суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, судити бояром и околничим и думным людем и дяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая росправа делати всем людем Московского государства, от большого и до меньшого чину, вправду... А бояром и околничим и думным людем сидети в полате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе» [18].

Соборное уложение так же, как и предыдущие нормативно-правовые акты, предусматривало полное подчинение судебных органов администрации.

С конца 30-х по конец 50-х гг. XVI в. проводилось новое реформирование судебной системы России, в ходе которого правительство подготовило и приняло новый Судебник 1550 г. [21], существенно поднявший авторитет центральных судебных органов и предоставивший им контрольные полномочия в отношении нижестоящих судов.

Таким образом, в период централизации российского государства, несмотря на присущие ему существенные негативные характеристики, происходит постепенный переход от наиболее простых к более совершенным формам судопроизводства. А осуществление правосудия из орудия в руках власти имущих все более превращается в вид постоянной профессиональной государственной деятельности. Последнее закономерно влечет за собой необходимость установления единообразия судопроизводства и создания законодательных основ судебной власти. Однако на данном этапе говорить

о правосудии в привычном для нашего понимания смысле еще слишком рано.

Следующий этап трансформации судебной власти (конец XVII – начало XVIII вв.) на Руси был связан с реформами Петра I. На первом этапе реформ (1717–1719 гг.) особого внимания заслуживает попытка отделения суда от администрации. Однако вновь созданные судебные органы не соответствовали усложнившимся задачам управления, потому на втором этапе реформ (1722–1727 гг.) они были ликвидированы, вследствие чего в этот же период суд и органы управления вновь слились воедино, а состязательный принцип судопроизводства был заменен следственным принципом, что обуславливалось обострением классовой борьбы [14, с. 402].

В последующем не оставляемые прогрессивно настроенными политическими деятелями того времени идеи развития государства в направлении гражданского общества способствовали тому, что Екатерина II лично принимала активное участие в подготовке проектов преобразования судебной системы. Она была сторонницей запрещения судебных расследований с применением пыток, а также подготовки нормативных документов по основным отраслям права.

Однако в целом реформы 1775–1785 гг. способствовали упрочению сословной судебной системы, отражая в первую очередь интересы дворян. Последние же обладали правом осуществлять общее руководство судами и определять руководителей судебных учреждений на местах. «Каждое состояние должно судиться равным себе состоянием», – говорила о правосудии Екатерина Великая [11, с. 217]. Как отмечают В.А. Воропанов и Е.А. Крестьянников, так называемое сословное правосудие существовало вплоть до введения в стране гласности судопроизводства, когда судебная власть была поставлена под общественный контроль, а сословного контроля за правосудием более не требовалось [2, с. 116].

Во время правления Павла I реформы судебных органов проводились в рамках преобразования всей системы государственной власти и главной их целью была бюрократизация и централизация государственного аппарата. Однако они не смогли улучшить сложившуюся при Екатерине II судебную систему. Новые судебные органы на местах часто оказывались неэффективными, а политика Павла I не соответствовала интересам значительной части дворянства, которая могла утратить гарантии своего господствующего положения в обществе, что в конечном итоге привело к заговору и дворцовому перевороту 11 марта 1801 г. [15, с. 62–63].

Следующий важный этап исторического генезиса судебной власти – Большая судебная реформа 1864 года, которая привнесла революционные изменения в систему судостроительства и судопроизводства. Основной ее идеей, на наш взгляд, стала

идея единства судебной власти и целостности механизмов правосудия, которая нашла свое воплощение в Судебных статутах 1864 г. [22]. «Судебная реформа, – писал А.Ф. Кони, – призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке было нечего делать [5, с. 3]. Результатом этой реформы стало воплощение международных стандартов и принципов осуществления правосудия: гласности, состязательности, равенства сторон в судебном процессе и др [6, с. 67].

Серьезным испытанием для судебной системы России стала Первая мировая война. Правительственный аппарат перестроился на военный лад, что нашло отражение в создании системы военно-полевых судов. Законом от 20 июля 1914 г. учреждались полковые и этапные, корпусные суды, военно-окружные и главный военный суд, которые рассматривали судебные дела не более чем в течение двух суток. Политическая нестабильность, отсутствие четких ориентиров и разноплановость интересов привели к тому, что Временное правительство не смогло удержать власть [17, с. 39].

С победой Октябрьской революции 1917 года начался новый советский этап истории российского суда.

В результате указанных событий полному уничтожению подверглись жандармерия, полиция, тюрьмы и суд. Однако, как замечает А.С. Смыкалкин, будучи юристом по образованию, В.И. Ленин понимал, что полное упразднение судебной системы приведет к хаосу и беспорядку. Потому им было принято решение об упразднении верхушки судебной системы России – Сената, судебных палат, окружных судов с сохранением системы местных судебных органов. В этих условиях стихийно, спонтанно, еще до первых декретов о суде в разных регионах страны создаются свои революционные суды, формируемые не правительством и не властью, а зачастую непосредственно народом, трудящимися [17, с. 41].

Так, в соответствии с Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 г., местные судебные органы должны были руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

15 февраля 1918 года постановлением ВЦИК был утвержден Декрет о суде № 2, который значительно усилил роль Советов народных комиссаров в подборе судебных кадров, одновременно поднимая авторитет и роль местных судов.

Однако гражданская война 1918–1921 гг. затормозила развитие советской судебной системы.

Следующий этап ее строительства начался лишь в условиях новой экономической политики, когда в РСФСР в 1922 году была проведена судебная реформа. В этот период активно строилось социалистическое государство, в котором суд осуществлял социалистическое правосудие, являющееся важнейшим видом государственной (правоохранительной) деятельности [19].

Последующее крупное реформирование судебной системы состоялось благодаря утверждению в декабре 1958 года Верховным Советом СССР Основ законодательства о судостроительстве, а также уголовного и гражданского законодательства СССР и союзных республик [16, с. 811]. Советское право отличалось высокой степенью кодификации и юридической техники, а советское правосудие основывалось на принципах социалистического демократизма и социалистической законности. Известный советский процессуалист М.С. Строгович раскрывал это понятие как государственную деятельность, выполняемую советским судом и направленную на осуществление функций Советского социалистического государства, на разрешение стоящих перед ним задач [20].

А.Я. Вышинский подчеркивал, что это был уже не тот «гласный» суд, какой пользовался таким успехом у буржуазии в эпоху расцвета ее «демократических» увлечений, с его лицемерием и пустословием, а подлинно народный советский суд, творящий правосудие руками самих трудящихся. Значение такого суда, с его беспристрастием и объективностью, с его гласностью, состязательностью, равенством сторон со всеми процессуальными гарантиями, огромно. Это его значение отражено с исчерпывающей полнотой в Законе о судостроительстве 16 августа 1938 г., разработанном под непосредственным руководством товарища Сталина [1].

Постсоветский период развития процессуальной доктрины характеризуется продолжением реформирования судебной системы стран СНГ с учетом международных правовых стандартов, а также сбережением и продолжением изучения судебного права.

Сегодня судебная система России определяется Федеральным Конституционным Законом «О судебной системе Российской Федерации», ч. 2 ст. 4 которого четко определяет круг судебных органов государства.

В условиях реформирования гражданского общества и правовой системы большинство государств по-прежнему особое внимание уделяют повышению эффективности правосудия, оплотом которого является судебная власть. «От уровня и качества работы судов сегодня прямо зависит и социально-политическая обстановка внутри страны, и, без всякого преувеличения, отношение к России в мире», – подчеркнул Президент Россий-

ской Федерации В.В. Путин на торжественном заседании, посвященном 80-летию Верховного Суда Российской Федерации [10, с. 1].

Подводя итог нашего исследования, подчеркнем следующее. Система судебной власти на Руси прошла долгий нелегкий путь с момента своего зарождения в древности и до наших дней. За этот период, насчитывающий около тысячи лет, мы можем наблюдать ее исторический генезис от «судов лучших людей» до современной демократической судебной системы, основанной на общепризнанных международных ценностях, призывающих суды служить верховенству права и закона, а также охранять и защищать права и свободы человека и гражданина. Этот путь условно можно разделить на несколько основных отрезков, характеризующихся определенными особенностями: 1) этап зарождения судебной системы; 2) период сословного правосудия; 3) период подготовки и проведения Большой судебной реформы 1864 г.; 4) постреформационный период; 5) период советского правосудия; 6) постсоветское реформирование судебной системы; 7) современная судебная система.

Однако и сегодня юридические механизмы реализации судебной власти требуют анализа и переосмысления в свете современных мировых политико-правовых преобразований.

Библиографический список

1. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1950. – С. 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scilib.narod.ru/Other/Vyshinsky/v.htm> (дата обращения: 14.05.2016).
2. *Воропанов В.А., Крестьянников Е.А.* Сословное правосудие в западной Сибири (1822–1885 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 116–120.
3. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я.Н. Шапов. – М.: Наука, 1976. – 241 с.
4. История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, А.А. Сенцов, О.В. Сиваков, Н.Ю. Титов и др.; отв. ред. Ю.П. Титов. – М.: Былина, 1996. – 502 с.
5. *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы (Къ пятидесятилтію Судебныхъ Уставовъ) 1864–1914. – М.: Типографія Т-ва И.Д. Сытина Пятницкая улица, свой домъ, 1914.
6. *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 185 с.
7. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Первый суд // Российская юстиция. – 2005. – № 3. – С. 65–66.
8. Повесть временных лет / [Рос. акад. наук]; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.

9. *Попова А.В.* История государства и права России: учебник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/istoriya-gosudarstva-i-prava> (дата обращения: 19.05.2016).
10. *Путин В.* От позиции Верховного Суда России зависит качество и содержание судебной реформы. Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на торжественном заседании, посвященном 80-летию Верховного Суда Российской Федерации 24 января 2003 г. // *Российская юстиция.* – № 3. – 2003. – С. 1.
11. Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М.А. Балутьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями // *Сборник императорского исторического общества.* Т. 90. – СПб, 1894.
12. *Российское законодательство X–XX веков:* в 9 томах. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления государства. – 520 с.
13. *Русская Правда.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litopys.org.ua/statut2/st1566_05.htmhttp://loveki.ru/museum/docs/russkaya_pravda_yaroslava (дата обращения: 14.05.2016).
14. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование: монография. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2009.
15. *Слободянюк И.П.* Судебная система России в период «просвещенного абсолютизма» // *Российская юстиция.* – 2005. – № 3. – С. 62–63.
16. Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. – М.: Изд-во «Юридическая литература». – 1967. – Т. XIV. – 501 с.
17. *Смыкалин А.* Судебная система России в начале XX века // *Российская юстиция.* – 2001. – № 12. – С. 39–42.
18. *Соборный устав 1649 года.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/10.htm> (дата обращения: 14.16.2016).
19. *Советское право: учебник / З.Г. Андропова [и др.]; под ред. Н.А. Теплоевой.* – М.: Высш. шк., 1987. – 463 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/SOVPRA2/01.htm> (дата обращения: 24.05.2016).
20. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – М.: Издательство «Наука», 1968 – Т. 1. – 1968. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf (дата обращения: 17.06.2016).
21. *Судебник 1550 года // Судебники XV–XVI вв.* – М., 1952.
22. *Судебные уставы императора Александра Второго, изданные по велению императора Александра Александровича.* – СПб.: Государственная типография, 1883.
23. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, – 1961. – 444 с.
24. *Толстая А.И.* История государства и права России: учебник для вузов. – М.: Юстициформ: Омега-Л; Москва; 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litres.ru/static/trials/03/14/81/03148165.a4.pdf> (дата обращения: 24.06.2016).
25. *Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_gpz/145126us.htm (дата обращения: 14.06.2016).

Бабичев Дмитрий Александровичкандидат юридических наук
Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко
dotsent_07@inbox.ru**Бабичева Наталья Александровна**Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко
Babicheva_natalya@inbox.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО УМЫШЛЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ ПОДЖОГА

В статье на основе результатов пилотажного опроса респондентов и изучения судебной практики проанализированы социально-демографические, потребностно-мотивационные, ценностно-нормативные и социально-ролевые (функциональные) признаки современного преступника, совершающего умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога. Совокупность этих признаков дает возможность составить обобщенный портрет вышеуказанного преступника, а также определить социальные группы, наиболее нуждающиеся в превентивном на них воздействии.

Ключевые слова: криминология, личность преступника, криминологический портрет личности преступника, уничтожение имущества, повреждение имущества, поджог.

Общеизвестно, что сведения о личности преступника существенно дополняют познавательное представление о субъективной и объективной сторонах любого совершенного преступления. В связи с этим доктринальное осмысление личности преступника выступает закономерной составляющей многочисленных разноаспектных исследований по актуальным проблемам криминологии. Не является исключением и характеристика преступника, совершающего умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога (ст. 167 УК Российской Федерации). Полноценный ее анализ позволяет в перспективе последовательно подходить к решению ряда важных вопросов – от правильной квалификации преступления до разработки мер превентивного характера.

В криминологической науке проблеме личности преступника либо смежным ее аспектам посвятили свои работы такие известные ученые как В.Н. Бурлаков, Ю.А. Воротина, А.И. Долгова, М.П. Клейменов, Н.М. Кропачев, И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков, С.В. Познышев, В.Л. Попов и др. Труды указанных специалистов, безусловно, имеют весомое теоретическое значение, являются прочным фундаментом для формирования общенаучных представлений о личности преступника, совершающего умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога. Тем не менее, эти знания требуют соответствующей содержательной и прикладной конкретизации.

На наш взгляд, в систему элементов, отражающих особенности личности преступника, совершающего умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, относятся следующие признаки: социально-демографические, потребностно-мотивационные, ценностно-нормативные, социально-ролевые либо функциональные. Останемся на их рассмотрении детальнее.

Социально-демографические признаки. Будучи классическими для большинства исследований по проблемам криминологии, эти признаки составляют собой сведения о поле, возрасте, образовании, семейном положении, отношении к труду и источникам доходов и др.

Так, результаты пилотажного опроса респондентов позволили установить, что абсолютное большинство лиц, совершающих умышленное уничтожение имущества путем поджога, – это лица мужского пола. Процентное соотношение выглядит следующим образом: мужчины – 92 %, женщины – 8 %. Отметим, что в научных работах по родственной тематике внушительная разница процентных показателей уже комментировалась. Авторы объясняют ее следующими причинами. Во-первых, совершение преступления часто связано с злоупотреблениями алкоголем, с межличностными конфликтами, что в большей мере характерно для мужчин. Во-вторых, для поджога нередко необходимо применение определенных, достаточно значительных физических усилий, знание свойств различных веществ, умение применять легковоспламеняющиеся вещества, поджигающие устройства [7, с. 82].

На наш взгляд, с таким мнением можно согласиться лишь частично. Действительно, количество лиц мужского пола, злоупотребляющих алкоголем, значительно больше, чем лиц женского пола, и поэтому этот фактор является весомым. Однако о наличии специальных знаний или физических усилий вышеуказанное утверждение является дискуссионным. На сегодняшний день осведомленность о свойствах легкого возгорания бензина, керосина и других распространенных в быту веществ одинакова как для мужчины, так и для женщины. При этом в объемах канистр либо других больших емкостей их не используют, а поджигают преимущественно обычную ткань, бумагу или сено.

Для примера сошлемся на случай, описанный в приговоре Костромского районного суда Костромской области от 21 октября 2015 года по делу № 1-19/2015. Так, судом установлено, что гр. Телова О.А. подожгла автомобиль сотрудников охраны путем смешивания заранее приобретенных в аптеке веществ с иными веществами хозяйственного назначения. По заключению эксперта их термическая реакция привела к воспламенению салона автомобиля с дальнейшим повреждением ряда его элементов [5].

Что касается возраста, то он, как известно, в значительной мере определяет жизненные цели, установки, потребности человека, круг его интересов, знакомств, образ жизни и, как отмечают авторы, является одной из причин, с которой связаны различные социальные проявления личности [3, с. 39].

Согласно результатам проведенного исследования показатели, отражающие возраст преступников, совершивших умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, выглядят следующим образом: от 14 до 17 лет – 11,2 %; от 18 до 25 лет – 27,4 %; от 26 до 30 лет – 18,5 %; от 31 до 40 лет – 29,7 %; старше 40 лет – 13,1 %. В ряду указанных эмпирических данных вызывает беспокойство высокий процент совершения преступлений лицами в возрасте 14–17 лет. Их поступки можно объяснить социальной незрелостью, незавершенным процессом социализации, низким уровнем культуры, отношений и поведения, отсутствием устойчивых жизненных планов. Привязываясь к орудию совершения преступления, отметим, что для лиц в возрасте 18–25 лет характерно совершение поджогов без специальной подготовки (с помощью спичек, зажигалки). Старшая возрастная группа (31–40 лет) использовала для поджогов горючие предметы, легковоспламеняющиеся вещества.

Образование, как элемент социально-демографической характеристики личности преступника, отражает, прежде всего, уровень его правосознания и правовой культуры. Умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога совершается лицами со следующим образованием: основное общее – 18,1 %; среднее общее – 51,9 %; среднее профессиональное – 28,6 %; высшее (бакалавр) – 0,4 %; высшее (специалист, магистр) – 1 %. Как видим, 98,6 % поджогов совершаются лицами, не имеющими высшего образования. Эти данные показывают невысокий интеллектуальный уровень преступников, влияющий на потребности и интересы человека.

Семейная микросреда играет важную роль в формировании личности, а ее изменение может влиять на направленность и устойчивость преступного поведения. Семейное положение лиц, совершивших умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога, выглядит следующим образом: женатые – 25 %; холостые –

72 %; в гражданском браке – 1 %; вдовцы – 2 %. Небольшой процент преступников, имеющих неродительские семьи (26 %), объясняется наличием в них определенных морально-психологических особенностей, не отвечающих общепринятым догмам о становлении семьянина. В определенной степени такие последствия обусловлены особыми отношениями в семье родителей, где нормой является употребление спиртных напитков, использование нецензурной брани в межличностных отношениях, «воспитание» детей с применением физической силы. Подобный жизненный опыт преступники часто экстраполируют в свою собственную семью. Преимущественно это касается мужчин. Большинство женщин подобные правила воспринимают как недопустимые.

Отношение к труду лиц, совершивших умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога, можно характеризовать, исходя из следующих показателей: работающие – 16 %; не работающие – 84 %. Среди работающих выделяются частные предприниматели, водители, шахтеры, слесари, сельские работники, а также лица, занимающиеся неквалифицированным трудом (например, пособничество в строительстве). Уровень материального благополучия преступников характеризуется резким имущественным расслоением. В частности, 63 % являлись малообеспеченными, находились на грани бедности, а 37 % имели нормальный на сегодняшний день достаток.

Потребностно-мотивационные признаки. Их система (потребности, интересы, мотивация) отражает и объясняет внутренние побудительные причины преступного поведения человека.

Так, общее изучение личности поджигателя показало, что у нее обычно не доминируют потребности материального порядка, как, например, у вора, совершающего разбой или кражу. Однако в одном из фактов поджог был совершен в целях дальнейшего трудоустройства, то есть получения легальной работы и обеспечения нормального материального положения. Также в спектре рассматриваемых потребностей можно выделить стремление к самоутверждению, убеждению себя и окружающих в своей значимости, а в некоторых случаях – получение высокой оценки со стороны окружающих. Почти у всех поджигателей слабо развиты потребности в познании, самовоспитании, творческой деятельности, труде.

У несовершеннолетних, совершивших уничтожение или повреждение имущества путем поджога, прослеживается потребность, которая криминологами (А.И. Долгова и др. [4]) называется «потребностью относительной нужды», когда подростки стремятся иметь деньги или вещи, не соответствующие их возрасту и материальному положению (примерно в 87 % случаев). Характерна и такая потребность, которую условно можно на-

звать игровой. Ярким примером проявления обеих потребностей является катание несовершеннолетних на украденном автомобиле с последующим его поджогом.

Потребности, как известно, порождают соответствующие интересы. Результаты проведенного нами исследования показывают, что значительное количество поджигателей проявляли интерес к уголовной субкультуре, ведению паразитического существования, употреблению спиртных напитков. Тем не менее, указанные негативные интересы могут сочетаться одновременно с интересами положительного порядка. Например, у некоторых преступников прослеживались интересы к современной эстрадной музыке, спорту, кино. В меньшей степени проявлен интерес к художественной литературе и еще в меньшей – к театру. Интерес к трудовой деятельности проявляли примерно 57 % поджигателей. При этом, несмотря на мизерные показатели фактического трудоустройства, в своих показаниях они акцентировали внимание на существенные сложности в поиске работы в современных экономических условиях, особенно такой, которая была бы по душе и достойно оплачивалась.

Потребности и интересы составляют мотивацию деятельности, определяют ее цели, а также мир ценностей и ориентаций, присущих данному лицу или группе лиц [8, с. 88]. В литературных источниках к мотивам и целям уничтожения или повреждения имущества путем поджога относятся: сокрытие ранее совершенного преступления или иного события (убийства в жилом помещении, кражи и т.д.); создание обстановки, облегчающей совершение другого преступления (например, в целях привлечения внимания работников полиции к специально организованному пожару и совершение в это время кражи на объекте, оставшемся без охраны); мести (на почве обиды, ссоры, ущемления прав и т.д.) владельцу имущества, другим лицам, деятельность которых связана с данным объектом; осуществление запугивания человека при вымогательстве денег и материальных ценностей; получение страхового возмещения, новой квартиры и других подобных благ; из хулиганских и иных побуждений [6, с. 93–94].

Проведенное нами исследование позволило выделить фактическую ситуацию относительно мотивов умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога. Так, среди наиболее распространенных мотивов можно выделить: 1) неприязненные отношения – 55,5 %; 2) хулиганские побуждения – 25,5 %; 3) месть – 15,5 %; 4) сокрытие совершения преступления – 6,7 %; 5) другое – 2,1 %¹.

Ценностно-нормативные признаки. Ценностно-нормативная сфера сознания личности преступника определяется взглядами, убеждениями, внутренней установкой, ценностными ориентациями, направленностью личности. В совокупности

они позволяют определять причины возникновения мотивов противоправного поведения, прогнозировать поведение человека в различных ситуациях, применять необходимые профилактические мероприятия.

Среди ценностных ориентаций у большинства поджигателей доминируют индивидуально-эгоистические убеждения, взгляды, обуславливающие негативное отношение к собственности других граждан, пренебрежительное отношение к человеку. Одновременно для них не характерно отрицательное отношение вообще ко всем существующим ценностям. Поэтому в шкале нравственных приоритетов далеко не последнее место занимают и такие ценности, как любовь, товарищество, дружба, авторитет, верность, долг. В то же время часто наблюдается феномен двойной морали, когда есть существенные различия между истинными ориентациями человека (по отношению к себе и своей специфической среде) и теми ориентациями, которые диктуются лицу обществом, и которых человек придерживается только внешне и не в любых ситуациях.

Специфической установкой поджигателя является отсутствие или неопределенность жизненной перспективы. Так, 81 % преступников не имели определенной жизненной перспективы, хотя хотели жить на достойном уровне. Наряду с этим у большинства преступников отсутствовали глубокие переживания по поводу нарушения закона, прослеживался внутренний разлад между стремлением совершить преступление и эмоциями морального и правового плана.

Социально-ролевые или функциональные признаки. Они определяются исходя из вида деятельности лица в системе общественных отношений как гражданина, члена трудового коллектива, семьянина. Под социальной ролью принято понимать реальные социальные функции конкретного лица, обусловленные его положением в системе общественных отношений и принадлежности к определенным социальным группам [1, с. 88].

Заметим, что социальная роль связана с определенным социальным статусом человека, обуславливающим определенный образ поведения и поступки. В этом контексте проведенное нами исследование позволило установить, что для лица поджигателя характерны:

- низкий престиж их социальных ролей – 91 %;
- несогласованность социальных статусов – 82 %;
- отчужденность от трудовых коллективов – 76 %;
- ориентация на неформальные группы или отдельных лиц с социально отрицательной направленностью – 69 %;
- отсутствие или неопределенность социально-позитивных планов – 63 %;
- завышенные социальные притязания при ограниченных возможностях реализации – 59 %.

Обобщенный анализ содержания структурных элементов личности преступника, совершающего умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога, дает возможность создать обобщенный его криминологический портрет.

Преимущественно это молодые люди 18–25 лет и 31–40 лет, не состоящие в браке, не занятые общественно полезным трудом и не уважающие результаты труда других лиц. Время от времени они пытаются заниматься мелким бизнесом, причем не всегда легальным. Выходцы из неблагополучных семей, в быту характеризуются чаще всего посредственно. Им присущи эгоизм, равнодушие к возможности наступления от поджога тяжких либо особо тяжких последствий, низкий уровень правосознания и культуры. Общеобразовательный уровень также низок – преимущественно среднее образование. Периодически или систематически употребляют спиртные напитки, в связи с чем у них возникает зависимость от алкоголя. Отрицательно характеризуются по месту жительства. Более половины лиц ранее привлекались к уголовной ответственности за преступления против собственности. 93 % поджогов совершили мужчины, 7 % – женщины. При этом поджоги чаще всего совершаются в одиночку. Такие люди стараются держаться в кругу общения себе подобных. Особенно заметны цинизм, враждебность к окружающим. От собственной семьи факт совершения преступления скрывают. Об этом родные узнают от посторонних людей или правоохранительных органов.

Примечание

¹ Общее число всех вариантов составляет более 100%, так как в некоторых случаях мотивов совер-

шения преступления было несколько. Например, неприязненные отношения и следом сокрытие совершения преступления.

Библиографический список

1. *Козаченко И.Я., Корсаков К.В.* Криминология: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 304 с.
2. Криминология: учебник для вузов: для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.Д. Малкова. – М.: Юстицинформ, 2006. – 524 с.
3. Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева, Н.С. Лейкиной, Г.М. Миньковского и др. – М.: Юрид. лит, 1975. – 270 с.
4. *Мазеин А.В.* Мотивация и мотивы противоправного поведения подростков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2013/2013-3-29.pdf>
5. Приговор Костромского районного суда Костромской области от 21 октября 2015 года по делу № 1-19/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/81793564/?mode=full>
6. *Рогова Е.В.* Уголовно-правовой анализ уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирских регионах в 2-х ч. – Красноярск: Сиб. ЮИ МВД РФ, 2008. – С. 90–94.
7. *Хуснутдинова А.А.* Личность преступника по делам об умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога // Закон и право. – 2009. – № 10. – С. 81–83.
8. *Шляпочников А.С.* Значение категории интереса в криминологии // Советское государство и право. – 1972. – № 10. – С. 88.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ
КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются юридические факты как один из элементов метода правового регулирования (наряду с субъектами и объектами права): привязка факта к праву в правоинтерпретационном процессе происходит при помощи метода правового регулирования, который является мостиком между ними. Метод правового регулирования активно развивается, особенно в связи с появлением нового предмета регулирования (отношений по поводу Интернета, компьютеров, мобильных телефонов и т.д.). Возникли и новые юридические факты, помогающие устанавливать окончание, изменение, возникновение правоотношений (например, в сфере торговли с использованием сети Интернет). Поэтому на современном этапе развития общества уже недостаточно рассматривать метод правового регулирования только как особенность каждой отрасли права. В связи с этим в статье подвергнута дополнительному изучению современная роль юридических фактов в определении метода правового регулирования. Функции метода правового регулирования состоят не только в том, чтобы служить критерием разграничения системы права на отрасли, но и в решении задач по достижению определенных целей, поставленных реальными ситуациями перед обществом и государством. Юридические факты помогают, прежде всего, идентифицировать суть общественной ситуации, которую необходимо урегулировать.

Ключевые слова: элементы метода правового регулирования, юридические факты.

Метод – способ воздействия, который складывается из совокупности приемов юридического опосредствования общественных отношений [1, т. 1, с. 134]. Однако нерешенной частью общей проблемы остается исследование элементов метода правового регулирования. Необходимо выяснить, какие именно элементы включает в себя этот метод.

В.Б. Исаков выделяет три элемента метода правового регулирования: первый элемент – определение субъектов правоотношения (право фиксирует социальную ситуацию путем указания на круг субъектов – участников правовых отношений); второй элемент – определение объектов правоотношений. Дифференцируя правовой режим объектов (например, территорий, объектов государственной собственности), право тем самым устанавливает пределы для их функционирования в правовых отношениях (купли-продажи предметов, изъятых из гражданского оборота); третий элемент метода – закрепление юридических фактов [6, с. 36–38].

Но спорным остается вопрос, являются ли юридические факты элементом метода правового регулирования. Л.С. Явич не относит к элементам метода правового регулирования юридические факты, упоминая только лишь о наличии или отсутствии конкретной юридической связи между субъектами прав и обязанностей [14, с. 89]. С.С. Алексеев упоминает в качестве одного из элементов метода «характер оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений (т. е. юридических фактов)» [1, т. 1, с. 134].

А.З. Долова рассматривает юридические факты «как один из элементов юридического метода» [5, с. 15–16]. Похожей точки зрения придерживаются В.В. Ярков [15, с. 26], А.Е. Воронин [4, с. 83]. Так, В.В. Ярков утверждает, что «юридические факты выступают в качестве одного из элементов

гражданского процессуального метода правового регулирования» [15, с. 26–31]. Как подчеркивает С.В. Бошно, «метод зависит от оснований возникновения правоотношения» [3], то есть от юридических фактов. Таким образом, можно согласиться, что процесс установления юридических фактов является элементом метода правового регулирования.

В данном исследовании юридические факты рассматриваются как обстоятельства реальной жизни (действия и события), с которыми нормы права связывают установление, изменение, прекращение, приостановление, возобновление правоотношений.

Необходимо особенно подчеркнуть обязательность **привязки факта к праву** в правоинтерпретационном процессе. При этом квалификация правом факта осуществляется через юридическое осмысление (осознание текста законодательства, выявление жизненных обстоятельств, мыслительный процесс по подыскиванию необходимых в данной ситуации норм права). Именно на этом этапе метод правового регулирования является мостиком между текстом законодательства и конкретным жизненным случаем. Важно подчеркнуть, что правовое регулирование осуществляется при помощи людей (юристов, государственных служащих, судей и т.д.), которые не только осуществляют правовую деятельность, но и выбирают подходящие в конкретной ситуации правовые меры применения (в рамках закона).

С другой стороны, можно было бы подумать, что привязка факта к праву может осуществляться при помощи правоотношения, однако это не так. Именно юридический факт подтверждает возникновение, изменение, завершение правоотношений. Поэтому привязка факта к праву происходит непосредственно путем **фактоустановительной деятельности** (фиксирование, закрепление, уста-

новление, доказывание). Так, любой факт может приобрести статус юридического только при фиксации его человеком. Даже форс-мажорные обстоятельства (наводнения, землетрясения) как правовые факты используются только после их подтверждения соответствующими органами (Торгово-промышленной палатой, метеослужбами и т.д.). Поэтому такой элемент метода правового регулирования как установление юридических фактов выходит на первый план. Особенно актуально это для международного частного права. Юридические факты получают основную роль при выяснении коллизионных вопросов с иностранным элементом – отсылки к определенному национальному правопорядку (например, при выяснении личного закона юридических лиц, осуществляющих деятельность в Испании).

Что дает такой подход к юридическим фактам как элементу метода правового регулирования? Как указывает В.Б. Исаков, «сопоставление отраслевых методов позволяет увидеть, что между элементами метода существуют не только взаимодействие, но и известное «разделение труда». Более детализированное определение субъектов или объектов правовых отношений в нормах права позволяет снять часть «нагрузки» с системы юридических фактов» [6, с. 36–38].

Интересна также точка зрения, что «метод правового регулирования есть качественная характеристика механизма правового регулирования» [7, с. 43]. Это необходимо помнить в связи с тем, что правовое регулирование в какой-либо отрасли обладает своим особым отраслевым методом, который охватывает все особенности и специфику данного регулирования.

Кроме вышеуказанного, подход к юридическим фактам как элементу метода правового регулирования позволяет развивать и усовершенствовать метод правового регулирования. В различных сферах жизни общества для регулирования смежных отношений возможно развитие метода правового регулирования путем совершенствования порядка применения его элементов, в том числе юридических фактов (при решении методологических проблем классификации, оценки, идентификации, установления, доказывания). Таким образом, существует связь между развитием метода и совершенствованием порядка применения его элементов.

Так, несмотря на изучение правоведами смежных понятий в различных сферах, в доктрине слабо применяется комплексное исследование отдельных отношений (например, категории отношений несостоятельности). Комплексный анализ предполагает определение соотношения соответствующих методов правового регулирования, а в научном плане – выявляет необходимость дополнительного исследования и современных элементов метода правового регулирования (в том

числе и юридических фактов). Многие ученые называют основными специфическими чертами правового регулирования некоторых отношений (банкротство, трудовые отношения, предпринимательские, налоговые и т.д.) сочетание частноправовых и публично-правовых интересов, обеспечиваемых частноправовыми и публично-правовыми средствами. Например, Н.О. Можаровская предлагает восстанавливать нарушенные права на торговые марки и применять юридические санкции путем применения методов не только гражданско-правового воздействия, но и методов административно-правового и уголовно-правового принуждения [10, с. 13]. Ранее ученые также высказывали точку зрения о существовании одного единственного метода правового регулирования. Например, В.Д. Сорокин считал, что «метод правового регулирования может существовать только как объединение всех трех первичных компонентов: дозволения, предписания и запрета» [12, с. 111].

На современном этапе развития науки некоторые ученые, к примеру, С.П. Маврин, также подчеркивают, что «сегодня сама проблема деления права на какие-то квазисамостоятельные отрасли не актуальна, поскольку её решение не оказывает никакого практического воздействия на эффективность правотворчества и правоприменения» [8, с. 212].

Похожую точку зрения поддерживает А.В. Альференко, которая считает, что «во всех отраслях права в процессе правового регулирования, так или иначе используются одни и те же элементы метода, но в разном соотношении» [2, с. 49–50].

Поэтому можно рассматривать метод правового регулирования как специфический юридический режим (но не нужно путать с правовым режимом). Однако необходимо расширить такое понимание на изучение смежных понятий путем комплексного использования методов правового регулирования. Такой ракурс позволяет создавать необходимую направленность регулирования для очерченных во временных, пространственных или технологических границах общественных отношений (для определенных субъектов или объектов права) и создания необходимых условий. Примером ограничения общественных отношений технологическими границами может выступать сеть Интернет, сотовая сеть.

Как считает А.В. Минбалеев, специфика отраслевого метода информационного права проявляется в «совокупности императивных и диспозитивных начал <...>, применении ряда специфических способов правового регулирования, в том числе интегрированных из других наук и областей знаний» [9]. Поэтому можно прийти к заключению, что в методах разных отраслей права используются интегрированные из других наук и областей знаний способы правового регулирования, а также существует определенное соотношение императивных и диспозитивных начал.

Подытоживая вышесказанное, можно согласиться с мнением В.Б. Исакова о том, что «отправной момент выбора юридических фактов – выявление их места в структуре правового регулирования» [6, с. 59].

Однако в связи с развитием экономики и появлением новых научно-технических достижений (сеть Интернет, сотовая сеть, компьютеры, мобильные телефоны и т.д.), новые общественные отношения требуют новых подходов к их регулированию. Одними и теми же юридическими фактами могут подтверждаться возникновение, изменение и окончание различных правоотношений. Юридический факт принадлежности мобильного телефона определённому лицу может входить в различные юридические составы, позволяющие зафиксировать существование гражданско-правовых отношений (например, для ремонта купленного по гарантии телефона); уголовно-правовых отношений (например, использование мобильного телефона для осуществления террористических действий) и т.д.

Поэтому очень сложно заранее решить вопрос, каким методом будут регулироваться отношения по поводу вновь созданных научно-технических достижений человечества. Соответственно, невозможно сразу определить группу правовых средств для их упорядочения.

Кроме этого, роль юридических фактов как элемента метода правового регулирования состоит в том, что развитие метода правового регулирования происходит в результате совершенствования порядка применения юридических фактов. Поэтому на первое место выходит не установление места юридических фактов в общей картине правового регулирования, а установление юридических фактов вообще (особенно в связи с развитием цифровых информационных технологий). Можно согласиться с мнением В.Б. Исакова, о том, что «перспективы и само существование теории юридических фактов зависят от того, сможет ли она освоить эмпирические методы исследования. Изучение приемов правового регулирования заметно расширяет эмпирическую базу теории юридических фактов, открывает новый важный канал связи с юридической практикой» [6, с. 67].

Необходимо выделить критерии эффективности юридических фактов как элементов метода правового регулирования: а) качественные и количественные характеристики; б) удобство правоприменителя при фиксации, учете, установлении, идентификации, оценке, доказывании юридических фактов; в) удобство правоприменителя при использовании юридических фактов для идентификации других элементов метода правового регулирования – субъектов и объектов правоотношений.

Установление юридического факта выступает «звеном» в цепи мыслительной деятельности правоприменителя. Именно юридический факт

«связывает» субъекта и объект правоотношения. «Звенья» цепи должны быть установлены по порядку (без подтверждения предыдущего «звена» цепи жизненных событий невозможно перейти к установлению следующего). Процесс перехода от одного «звена» к следующему происходит, пока не восстановлена вся картина жизненных обстоятельств по интересующему поводу (причем не только в восприятии правоприменителя, а с обязательным документальным подтверждением).

Отличие признаков юридических фактов, входящих в механизм правового регулирования от юридических фактов, входящих в метод правового регулирования, состоит в их назначении: 1) цель юридических фактов механизма – связать конкретные обстоятельства с нормами права; 2) цель юридических фактов метода – выявить связь конкретных обстоятельств с определёнными субъектами и объектами права для того, чтобы осознать, какие именно необходимо использовать методы регулирования данных отношений. Общие признаки юридических фактов: и метод, и механизм правового регулирования устанавливаются одни и те же факты по конкретному случаю. И как всякая деятельность имеет практическую и мыслительную (теоретическую) составляющую, так и механизм и метод правового регулирования выступают практической и теоретической составляющей правового регулирования. Именно юридические факты помогают выявить «ширину» и «глубину» правового регулирования. Именно факты, являясь элементом метода, позволяют установить конкретный круг лиц и объектов регулирования; выявить «многоэтажность» определённых отношений между субъектами; позволяют целесообразно установить, какой именно метод необходимо применить для регулирования отношений на том или ином «этаже» идентификации социальных отношений.

Рассмотрение юридических фактов в этом ракурсе позволяет говорить о развитии новых методов правового регулирования по отношению к самому правоприменителю, который «заблудился» на каком-либо «этаже» идентификации социальных отношений и проявил волевою бездеятельность, хотя обязан был совершить предписанные правом действия. Таким образом, важно учитывать субъективный характер осмысления человеком объективных обстоятельств (юридических фактов). В то же время «исторический опыт свидетельствует, что попытки втиснуть новое в старые правовые формы, как правило, сопряжено с большими издержками для общества» [13, с. 89].

Особое место может занять координация, стимулирование, поощрение и саморегулирование (например, в сфере новых технологий) как специфические методы правового регулирования. Кроме этого некоторые авторы считают актуальным применение комплексного метода и универсального

метода. В то же время, необходимо учитывать, что появление новых методов правового регулирования требует классификации соответствующих им юридических фактов.

Кроме этого, развитие рыночных процессов предлагает широко применять методы, сочетающие частноправовые и публично-правовые интересы. Такие методы можно было бы назвать методами «коллег». В связи с этим можно было бы говорить о качественной и количественной характеристике юридических фактов, которая определялась бы не только получением доходности, но и выявлением затратной составляющей в каждом конкретном случае, на каждом этапе регулирования, в том числе в разрезе «глубины» на всех «этажах» социальной ситуации. Количественными характеристиками юридических фактов могут быть не только число судебных решений, возбужденных по определённым категориям дел, но и просто данные из государственных органов.

Смысл основного спора по поводу метода правового регулирования заключается в том, выступает ли какое-либо право в качестве самостоятельной отрасли или же оно является составной частью другого права. Так, ученые спорят о месте семейного, предпринимательского права в системе права: является ли семейное право, предпринимательское право самостоятельными отраслями либо входят в гражданское право. Разграничение в данном случае следует проводить не только в связи со спецификой метода правового регулирования (то есть выявления преобладающего значения диспозитивности или императивности, а также выявления соотношения их присутствия), но и в связи со спецификой юридических фактов (в их структуре большее значение имеют события или действия). Поэтому необходимо использовать доктринальные достижения теории юридических фактов при возникновении проблем в регулировании смежных отношений.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 1. – Свердловск: Свердловский юридический институт: Уральский рабочий, 1972. – 396 с.
2. *Альфериенко А.В.* Метод регулирования в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 193 с.
3. *Бошино С.В.* Способы и методы правового регулирования. Право и современные государства. – 2014. – №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-i-metody-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 20.07.2016).
4. *Воронин А.Е.* Юридические факты-события в российском праве: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – 191 с.
5. *Долова А.З.* Юридические факты в трудовом праве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 381 с.
6. *Исаков В.Б.* Юридические факты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1984. – 144 с.
7. *Кутюхин И.В.* Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2004. – 183 с.
8. *Маурин С.П.* О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 205–216.
9. *Минбалева А.В.* Характеристика метода правового регулирования (на примере метода информационного права) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2013. – Т. 13. – № 2.
10. *Можаровська Н.О.* Адміністративно-правові аспекти набуття права на торговельні марки, їх охорони та захисту в Україні: автореф. дис... канд. юрид. наук. – НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. – К., 2009. – 21 с.
11. Проблемы методологии и методики правоведения / под ред. Д.А. Керимова. – М.: Мысль, 1974. – 205 с.
12. *Сорокин В.Д.* Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. – М.: Юридическая литература, 1976. – 142 с.
13. *Сурилов А.В.* Теория государства и права: Учеб. пособие. – К.; Одесса: Выща шк., 1989. – 439 с.
14. *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М.: Юрид. лит., 1961. – 172 с.
15. *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

В статье сообщается информация об очередной Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», которая явилась важным событием в научной жизни, способствующим развитию ономастической науки.

Ключевые слова: ономастика, конференция «Ономастика Поволжья», ономастические исследования.

С 13 по 16 сентября 2016 года на базе Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского состоялась XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья».

В оргкомитет конференции было представлено 127 докладов 137 авторов-ономастологов из 42 городов России (Анапа, Арзамас, Астрахань, Белгород, Борисоглебск, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Иваново, Йошкар-Ола, Казань, Кострома, Махачкала, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новозыбков, Орёл, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Смоленск, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Тольятти, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Ханты-Мансийск, Шуя, Элиста, Якутск, Ярославль). Были представлены 22 доклада зарубежных учёных (из Азербайджана, Белоруссии, Индонезии, Казахстана, Польши, Украины), в том числе начинающих (10 студентов и магистрантов из Китая, Вьетнама, Туркменистана, Франции, обучающихся в Ульяновском государственном педагогическом университете им. И.Н. Ульянова). К началу работы конференции был издан сборник её материалов, содержащий 127 статей.

На торжественном открытии конференции выступили: ректор ННГУ, доктор физико-математических наук, профессор Е.В. Чупрунов; мэр г. Арзамаса Т.Ю. Парусова; директор Арзамасского филиала ННГУ, доктор филологических наук, профессор С.Н. Пяткин; председатель постоянно действующего организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья», доктор филологических наук, профессор Волгоградского социально-педагогического университета В.И. Супрун; председатель организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья» в Арзамасе, доктор филологических наук, профессор Л.А. Климкова; доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Республики Беларусь А.М. Мезенко. В адрес конференции поступили приветствия от участника первой конференции «Ономастика Поволжья»,

доктора филологических наук, почётного профессора Пензенского государственного педагогического университета, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Бондалетова; доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов, председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам М.В. Горбаневского

На заседаниях присутствовало около 100 участников конференции. Состоялись два пленарных заседания, восемь секционных заседаний («Теория и методология ономастических исследований», «Проблемы антропонимики», «Проблемы топонимики», «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье», «Литературная и фольклорная ономастика», «Педагогические аспекты ономастики», «Ономастика в восприятии начинающих исследователей»), круглый стол «Арзамасский край в истории и культуре народов России», в работе которого приняли участие представители разных научных дисциплин: филологи (лингвисты и литературоведы), историки, географы, культурологи. Участники конференции общались со студентами, магистрантами, аспирантами историко-филологического факультета вуза. Доктором филологических наук, профессором Белгородского государственного университета В.К. Харченко был проведён мастер-класс «Ориентиры лингвистического поиска на современном этапе». В рамках социально-просветительского проекта «Арзамасский грамотей» состоялась акция «Секреты ономастики».

В центре внимания участников XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» находились проблемы теории и методологии ономастических исследований, антропонимики, топонимики (в том числе микропонимики и урбанонимики), литературной, фольклорной и переводческой ономастики, вопросы изучения ономастической периферии и ономастического пограничья, педагогические аспекты ономастики, а также другие направления ономастических исследований. Особенностью научного форума явилось участие в нём учителей, краеведов, любителей родного языка из небольших городов и сёл страны: Боровичи Новгородской области, Заборье

Смоленской области, Княгинино Нижегородской области, Новые Параты Республики Марий-Эл, Сухой Лог Свердловской области.

На закрытии конференции выступили руководители секций, члены оргкомитета конференции, была принята её резолюция. С приглашением на следующую конференцию поволжских ономастологов выступила кандидат филологических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова С.В. Рябушкина – председатель оргкомитета XVI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья».

В решении конференции отмечается высокий научно-теоретический, научно-методический, методико-практический уровень большинства докладов и сообщений всех участников конференции и подготовленных ими материалов; выражается благодарность организаторам конференции, в том числе постоянно действующему комитету научной конференции «Ономастика Поволжья» (проф. В.И. Супрун) и арзамасскому оргкомитету (проф. Л.А. Климкова); отмечается высокий уровень организационной культуры, творческое отношение к делу, доброжелательность и оперативность

сотрудников кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ, преподавателей, сотрудников и студентов историко-филологического факультета АФ ННГУ; рекомендуется всем участникам конференции своей исследовательской деятельностью способствовать распространению ономастических знаний (публиковать научные и научно-популярные статьи, книги, сборники, словари; проводить в вузах спецкурсы и спецсеминары по проблемам ономастики; вести в школах, гимназиях и лицеях элективные курсы, курсы по выбору для учащихся 9–11 классов; выступать по радио, на телевидении, в Интернете с пропагандой достижений современной ономастики); предлагается при проведении следующих конференций «Ономастика Поволжья» считать целесообразным устраивать встречи участников конференции со студентами вуза-организатора конференции, активно привлекать магистрантов и аспирантов к участию в пленарных и секционных заседаниях конференции.

XV Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья» можно считать важным событием в научной жизни, способствующим развитию ономастической науки.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Roman S. Berestnev

*Museum of Local History of Voronezh Region
romario19911@rambler.ru*

Forest-steppe between the Khopyor and the Volga rivers in the late Sarmatian time

The article is devoted to the main trends of ethno-cultural development of the forest-steppe between the Khopyor and the Volga rivers in the 2nd—mid 4th centuries. At the beginning, the groups of monuments in the northern part of the area between the Don and Volga rivers are characterised. These are the local versions of Sarmatian culture. Next, we focus on the forest-steppe between the Khopyor and the Volga, which are mostly not investigated ethnically. On materials of the excavation sites of the specified area we proved the presence in the region of at least three ethnic groups: the two ethnic groups have different time nomadic appearance and are Sarmatians, one – of similar archaeological horizon of the early Zarubyntsi – late Kievan antiquities (such monuments as Inyasevo). Traditional archaeological research categories – funeral ceremony and inventory accompanying the dead one – undergo analysis. In addition, attention is paid to the characteristics of the adjacent territories. In the study, area substantiates the coexistence of two different ethnic waves – Southern Sarmatian (the Aorsi) and western (the Wends), which replaced the tribes coming from the North Caucasus and the Lower Don region (ethnic groups that were included in the Alan tribal union). The paper emphasises the uniqueness of the area in the issue, because there is no fixed fusion of the phenomenon of Sarmatian and other cultures.

Keywords: early Iron Age, Sarmatians, Alans, Wends, forest-steppe, burial mound, ethnic history.

Magomed-Pasha B. Abdusalamov

*Dagestani State National Economy Institute,
City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
vikingpasha@mail.ru*

Role of the Kumyk feudal lords in safety of the trade way in Seaside Dagestan in the first half of the 18th century (on the materials of Kizlyar commandant's archive)

The role of the Kumyk lords in safety of the trade way passing through Seaside Dagestan is considered in the article, on the basis of the analysis of materials of Kizlyar commandant's archive. This considerable piece of the trans-Caucasian trade highway also ran through the territory of Kumyk feudal lords, exerted important impact on social and economic and cultural historical development of the population of the land. Thanks to an advantageous geographical position of the feods, the Kumyk princes kept under control all trade in the region. The trade way running through Seaside Dagestan was dangerous to passable merchants, couriers and other Russian citizens. In the conditions of feudal division and civil strives, the Kumyk lords

not always managed to ensure safety of trade in the Peri-Caspian land. Travelers might not only be robbed, but also have their lives taken. Each lord could guarantee safety only in case of journey through his territory and made all efforts for this purpose. The Kumyk princes who were on the Russian service played an important role in safety of the Caspian overland way. Understanding it, Kizlyar commandants, when sending to Persia the people, in the cover letter on it in advance informed the Kumyk lords, who were by the Russian citizen also asked to provide the return safe journey as well.

Keywords: Russia, Seaside Dagestan, feudal division, Kumyk feods, Kizlyar commandant, trade way, merchants, safety.

Oksana S. Mutiyeva

*Dagestani State National Economy Institute,
City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
mutiewa.oksana@yandex.ru*

Transformation of labour responsibilities of women under the influence of the Caucasian War (in terms of Dagestan)

We study the issues related to the specifics of the labour of Mountaineer women during the Caucasian War. The author proceeds from the assumption that the traditional patriarchal relations established in the Caucasus, Dagestan contributed to labour exploitation of women in the period of the Caucasian War, but on the part of Russian troops and garrisons. Under the influence of the military factor, women performed not only the usual amount of deeds, but they often had to heap on their shoulders the new burdens and taking care of the family, showing initiative and responsibility. The study of archival materials and other sources revealed that under the influence of the military factor, a new labour practices emerged, involving mostly women: roads, transportation of cargo and food for the needs of the army. The conclusion is that the objective conditions caused by military factors, led to the transformation of labour duties of Dagestani women.

Keywords: Caucasian War, Dagestan, traditional society, Mountaineer woman, women's work, military factor.

Viktor V. Mitrofanov

*branch of the South Urals University in the City of Nizhnevartovsk,
Khanty-Mansi autonomous district AKA Yugra, Russia
viktor-n1962@mail.ru*

«... We are leaving for Kostroma...»: some facts from Nikolay Shamonin's life

There is not much information about Nikolay Shamonin's life, his teaching and organisational activities in the field of gymnasium education. His name is mentioned in the historiography just occasionally. At the same time, his outstanding abilities in scientific activities should be noted as well. The main source of his gymnasium and student years is published in «Memoirs» by Pavel Milyukov, the well-known political figure. Nikolay Shamonin's activities during Kos-

troma period, when he was the headmaster of the local boys' grammar school (gymnasium), are mentioned by his former pupil Leonid Kolgushkin who later became a famous educational specialist in Kostroma. Some important information on the history of gymnasium education development is contained in Nikolay Shamonin's letters introduced into scientific use for the first time and addressed to the prominent historian Sergey Platonov and his relative (his elder sister was the wife of the latter).

Keywords: Nikolay Shamonin, Pavel Milyukov, Sergey Platonov, Leonid Kolgushkin, gymnasium, student, headmaster, memoirs, correspondence.

Artur I. Maksimov
Petrovsky Bryansk State University
arturmaksymow@gmail.com

The role of Russian reformer in the Kingdom of Poland in 1864

The key issue of the article is the role of Russian reformer Vladimir Cherkassky in the Kingdom of Poland after the January Uprising (1863—1864). It is proved in the article that the situation of strain in the high political quarter in Poland had a significant influence on Vladimir Cherkassky's activity. It has been argued that state officials, who held key positions, in practice, were divided into two «camps». Vladimir Cherkassky and his advocates among the state officials were members of «camp of reformers» on the one hand, and governor-general (vicegerent) Friedrich Wilhelm Rembert von Berg and his advocates on the other. The author considers that the key role in whole process of reforms belonged to the viceregent. The author shows the opinion Vladimir Cherkassky about which militated in his activity as reformer and it were some factors like – Polish landlords, generalship, variance it the Constituent Committee. Archived materials from Russian State library, particularly, correspondence of Vladimir Cherkassky and Nikolay Milyutin have been used in the article.

Keywords: Kingdom of Poland, reforms, Russian Empire, vicegerency, Vladimir Cherkassky, state policy, bureaucracy.

Natal'ya V. Milovidova
Nekrasov Kostroma State University
kaf_history@ksu.edu.ru

Memories of the writer and reporter Vasily Nemirovich-Danchenko on the Russo- Turkish War of 1877—1878 as a historical source

The article briefly examines the main stages in Vasily Nemirovich-Danchenko, the brother of the well-known theatrical figure Vladimir Nemirovich-Danchenko, as a writer, journalist and war correspondent whose materials in the Soviet years were less in demand; more detail is represented by its analysis of the diary entitled «The Year of War 1877—1878», dedicated to different subjects Russo-Turkish War, including the topical problem – the everyday military life, suffering, valour and heroism of soldiers and commanders, the people as a whole; criticism of

phrasemongers and those who bowed and scraped before leaders seeking promotion, those who were not the case prior to these martyrs; militant commanders Mikhail Skobelev, Nikolai Stoletov, Mikhail Dragomirov, Fyodor Radetskiy. Thus, the author concludes memories, being interesting and valuable resource, expanding our understanding of the Russo-Turkish War of 1877—1878.

Keywords: Military history of Russia of 19th century, memoirs, diaries, Vasily Nemirovich-Danchenko, Russo-Turkish War of 1877—1878, commanders' portraits, everyday military life in Balkans.

Nikolay A. Zayats
Voronezh State University
nikza91@yandex.ru

Activity of Voronezh governors during the World War I

The article examines the activities of the Voronezh governors since the beginning of the World War I until the February Revolution of 1917. The article shows how to modify their functions during the war and what the nature and results of their work were. Since the beginning of the war, the value of the governors was increased. They were given extraordinary powers to maintain order in the home front during the war. In the first stage, they have successfully provided control over the population and the rule of law in the region, suppressing arose from time to time, there were few unrests and riots. However, with the development of the economic crisis was revealed the limits of their capabilities. The main questions for them were the fuel supply to the population and the food that they were unable to solve – the old powers which they possessed under the prewar law were inadequate under the new conditions. At the same time, the governors were unable to recognise the need for radical changes in the management of the war and stood in defence of the old order. This has led to a mismatch and going out of the control of the Governing Bodies of economic processes, to the growth of the revolutionary crisis. Overall, the activity of the governors was unsuccessful.

Keywords: Governor, World War I, Voronezh Province, Zemstvo, mobilisation, costliness, dry laws, food crisis, fuel crisis, surplus-appropriation system.

Yelizaveta A. Buluchevskaya
Saint Petersburg State University
buluchevskaya.liza@gmail.com

Social position of Russian emigrants in Italy (1918—1939)

Social aspects of Russian emigrants' being in Italy in 1918 – 1939 are analysed in the article. Among the emigrants, Russian artists played a significant part. Unlike other centres of Russian emigration (Paris, Berlin, Prague, Belgrade), in Italy several centres of Russian location were formed (Rome, Milan, Florence, Venice, Genoa, the Ligurian coast, Capri). After 1917—1918, academic institutions (Russian institute) as well as charitable organisations (Russian society, the Red Cross) united the emigrants. However, after

1922 Benito Mussolini did not encourage Russian emigrants' initiatives of creating Russian press and organisations. Social, legal and economic conditions of immigrants' accommodation were not established as well. Against the background of the lack of united Russian Diaspora, unstable social, legal and economic situation it was remarkably that Russian emigrants successfully integrated into Italian cultural context. It was manifested in the specific artist's influence on the Italian culture during the 1918—1930s.

Keywords: Russian emigration to Italy, Russian Diaspora, emigrants' social situation, Russian institute, Russian society, Red Cross, Benito Mussolini, creative integration, Italian culture.

Viktor R. Veselov
Nekrasov Kostroma State University
kaf_history@ksu.edu.ru

Teachers intellectuals and power in the 1920—1930. The experience of political trust

The urgency of the problem is determined by the growing importance of political culture in modern society, the need to harmonise the conflicting relations between the authorities and society, the intelligentsia at a critical stage of historical development, the consolidation of all public institutions in strengthening of Russian statehood. The historical experience of relations between the authorities and teachers, the most numerous detachment of the intelligentsia, in 1920s—1930s, with all its contradictions and concrete temporal features is not only theoretical, but also social and practical interest in the context of the search for an optimal model of development of educational, cultural space of modern Russia. On the basis of a wide range of sources, mainly archival material identified and characterised the main directions of state activities and party institutions for the organisation of a broad and multi-level system of political education teachers in 1920s—1930s, defined the relationship of ideological and social aspects of professional and public teaching activities, its social and cultural role in the Russian province.

Keywords: teaching, intellectuals, political upbringing, ideology, system of education.

Yelena F. Tomina
Orenburg State University
teador17@yandex.ru

The development of education in the Orenburg Province in the 1921—1925

Regional features of the process of development of education system in the Orenburg Province and expanded activities subdivision, which has made every effort to ensure that employment, research and demonstration and summer schools have been opened, are in the article. Branch has set itself the task to eliminate illiteracy as the school-age population and the adult population. Schools factory training sought to attach to the enterprises for comprehensive material support. Particular attention was paid to physical education on the part of the Communist Party organisations, and by

the trade unions. Of particular importance are acquired in the exercise of trade union mass militarisation. After a difficult period of 1921—1922, famine commission to combat illiteracy identified deploy additional seasonal points of illiteracy liquidation. For coverage of all educational institutions teachers what was organized were by the provincial training schools in the city of Orenburg. Also what increased the number, were children's homes and children who came to them. In comparison with the years 1923—1924, by 1925 their number decreased significantly. In 1924 in Orsk district with the full support school-commune for Kyrgyz (in fact, Kazakh) children, of which there were 80 people, it was created.

Keywords: points of illiteracy liquidation, illiteracy, physical education, school-commune, factory training.

Aleksandr F. Krivonozhenko
Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
krivfed@yandex.ru

Some problems of formation of the Soviet higher school: experience of the University of Petrograd

The article is devoted to the study of specific problems of higher education system formation in the first years of the Soviet power. The author considered a reflection of the general directions of the reform on the fate of Petrograd University. According to the historian, a major stumbling block in relations between the government and the University has become the problem of preserving University autonomy. For the University, it has been a cornerstone of the University Corporation. For the People's Commissariat, it has been a symbol of professors' conservatism. The article describes the main stages of the reform and the main activities undertaken by the People's Commissariat for it. The historian drew attention to the fact that the October Revolution, in contrast to February one, was generally met hostilely by the University community. The author characterises the decision of the People's Commissariat for education in the field of higher education reform in 1918—1920 as not effective enough.

Keywords: higher school reform, Petrograd, University Charter, People's Commissariat of education, professors, students, revolution of 1917.

Andrey A. Rybin
Nekrasov Kostroma State University
rybin-andreyka@bk.ru

Kostroma people participating in the Virgin Lands Campaign in Kazakhstan (1954—1964).

According to the materials of periodical press

Currently, government is implementing a target program of development of territories of the Russian Far East, and in order to understand how to act in modern conditions, developing vast, new territory, it is important to refer to the experience of the Virgin Lands Campaign of the USSR. The residents of the Central region of the country, as well as many citizens of the Soviet Union were sent by order of the Com-

munist Party to the areas of development of virgin and fallow lands and faced various negative factors, while in new climatic and economic conditions. The study of periodicals allows one to determine how actively representatives of Kostroma Region participated in the events aimed at development of virgin and fallow lands in Kazakhstan in various areas, to identify the main stages of sending able-bodied citizens on virgin soil and to characterise them, to distinguish the characteristics associated with holding this campaign at the regional level. The chronological framework of this study allow one to more comprehensively study the problem, paying particular attention to various changes of the program for the development of virgin and fallow lands of the Kazakh SSR in the period of its validity.

Keywords: virgin and fallow land development, periodicals, government regulations, Kostroma people, Kazakhstan.

Dmitriy I. Sazonov

*Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
razbeyko.n@gmail.com*

The problem of «staff shortage» in the Russian Orthodox Church and its resolution from 1958 to 1988 based on materials of Kostroma diocese

The result of Nikita Khrushchev's attack on the Church in the late 1950s, the power was said to plan the elimination of the Church as an institution. One solution to this problem was the creation of skilled staff's shortage, so that the authorities would have had a reason for the closure of «unprofitable» parishes which had no priests. Contrary to that times' situation and thanks to the consistently pursued diocesan bishops of the strategy for strengthening discipline and the development of skills oriented to the educated, morally impeccable and deeply religious priests, plans to drastically reduce the number of clergy was curtailed. By the 1980s, there was built a dialogue with the authorities interested in supporting the Church by its peacekeeping and Patriotic activities, after the celebration of the 1000th anniversary of the baptism of Rus', the Church-state celebrations, allowed to talk about Church's revival.

Keywords: Diocese, clergy, education, Bishop, staff, parish, community.

Aleksandr A. Kiselyov

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
ripli50@yandex.ru*

Trade and public catering reform of in Karelia (1991—1993)

On the basis of numerous archival materials and statistics data, the article analyses the reform progress in trade and public catering. We considered in detail the processes of trade liberation from the state monopoly, commercialisation and privatisation in Karelia in the early 1990s. Soviet trading system was overly

centralised, which was one of the causes of the crisis in the consumer market. Reforming trade industry eliminated deficit, but imperfection of legislation, difficult economic situation and lack of experience of regional governing bodies and commercial ethics formed a number of new challenges that had to be solved in the course of transformation. Such problems included a significant increase in sales of low-quality products, the loss of progressive forms in trade, illegal trade without a license, tax evasion, etc. The article reflects the ways of solving the problems, taken by the Karelian Government. The conclusion is that despite all the difficulties, trade sector quickly adapted to new market conditions in Karelia. This allowed it to stand at the leading position of the regional economy.

Keywords: Karelia, free trade, catering, commercialisation, privatisation, consumer market, deficit, commodity saturation.

Svetlana N. Golikova

*The All-Russian State University of Justice of the Ministry
of Justice of the Russian Federation (Tula Institute)
rybin-andreyka@bk.ru*

Development of the German migratory legislation on the eve of the all-European migratory crisis (1998—2013)

The problem of legal regulation of immigrant policy of Germany – the changes in the German legislation caused by specifics of migration flows, requirements of development of the country and processes of European integration – is considered in the article. The periodisation of post-war migration policy of federal government of Germany added with the author is given in the work. The main attention is paid to development of the German legislation throughout a pre-crisis stage of this policy of 1998—2013. The amendments made to the Fundamental law Germany, which have added the principle of receipt of nationality «the blood right» with «the soil right», and also a little facilitated naturalisation procedure, are analysed. The law «On Immigration», essentially new to Germany, and also amendments made to it, is considered. Dependence of legal regulation of migration on requirements of post-industrial economy of the beginning of the 2000s is shown: there is a cancellation of the ban on a labour migration imposed earlier in the conditions of a shortcoming of highly qualified specialists. The all-European immigration initiatives (Blue Card program) are analysed, with a support on statistics conclusions are drawn on their productivity. Comparison with the Green Card program is carried out. The author of the article comes to a conclusion that migration policy has been considerably liberalised, however it is poorly adapted for emergence of crisis situations.

Keywords: Germany, legislation, immigration, nationality, «Green Card», «Blue Card», European integration, migratory streams, foreigners.

Vadim Ye. Fedotov
Saint Petersburg State University
 vadymfedotov@mail.ru

Pre-revolutionary historiography on Kyiv Mohyla Academy

The article is devoted to the research of Kyiv Mohyla Academy during the pre-revolutionary period. Metropolitan Yevgeny (Bolkhovitinov) was a pioneer in this process, then Metropolitan Macarius Bulgakov, Viktor Askochenskiy, Stepan Golubev, Nikolay Petrov and other representatives of clergy continued his deeds. Kyiv Collegium which became Academy over time being the first educational institution in the that times' Russian Empire, attracted the huge interest of historians.

Keywords: Peter Mogila, Kyiv Mohyla Academy, Collegium, education, history, culture.

Aydar A. Kadymov
*Ufa Jural Institute of the Ministry of Internal Affairs
 of the Russian Federation, City of Ufa,
 Bashkortostan autonomy, Russia*
 aidar.kadymov@yandex.ru

History of development of physical culture and sport in the 1920s—1940s in Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic

The history of development of physical culture and sport in the 1920s—1940s in Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic is examined in the article, the characteristic of the considered period as a hard time when the country was in post-war deterioration, in an economic and political crisis, is given. From the first days of existence of the young Soviet republic, the state has everywhere begun to deal with issues of improvement of physical training of workers and peasants, to hold various all-Bashkirian Olympiads, Spartakiads, to open and to organise courses on training of instructors of physical culture. In Ufa, the City Soviet on Physical Training under the Soviet of of Workmen's, Peasants' and Soldiers' Deputies of Ufa was organised, the Bashkirian technical school of physical culture was open.

Keywords: physical training, sports, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, physical upbringing, City Soviet on Physical Training, all-Bashkirian Spartakiad, Bashkir folk sport disciplines.

SCIENCE OF LITERATURE

Mariya R. Nenarokova
Gorky World Literature History Institute, Moscow
 maria.nenarokova@yandex.ru

The didactic text in the Early Medieval school: unity in diversity

The article focuses on the main features, typical for the medieval didactic texts. Medieval school inherited its curriculum from the system of the Roman education. The contents of the curriculum were the result of the synthesis of the classical culture with Christianity, on the one hand, and with folk culture, on the other. The opinion of Venerable Bede on including classical texts into the repertoire of the school reading was very important. By the 9th century, school reading included

the best specimens of the Roman poetry and prose, and Christian texts as well. Medieval schoolbooks belong to various genres. A kind of «business card» for the early medieval didactic texts includes their encyclopedic character and their tendency to use allegory. All the textbooks are within the framework of seven liberal arts. The textbook can be written as a monologue or a dialogue, inducing the reader to study.

Keywords: Early Middle Ages, didactic text, seven liberal arts, allegory, Antiquity, Christianity, folk culture, dialogue, monologue.

Andrey V. Golubkov
Gorky World Literature History Institute, Moscow
 andreygolubkov@mail.ru

Molière's «The Affected Ladies»: on the typology of female characters

The article is dealing with the analysis of women's characters in Molière's comedy «The Affected Ladies» and with the search for their typological sources in Western European literature. Molière's play is featuring two young ladies, Cathos and Magdelon, called «the affected ladies»; their direct prototypes were Catherine de Rambouillet and Madeleine de Scudéry – the hostesses of two high society salons in Paris. However, the underlying sources of salon woman's character type remount to an important cultural heritage of late Italian Renaissance – Baldassare Castiglione's treaty «The Book of the Courtier», dealing with aristocratic behaviour rules. The ideal of «court lady» was personified by Baldassare Castiglione in the characters of Elisabetta Gonzaga (the spouse of Guidobaldo da Montefeltro, the Duke of Urbino) and of her friend Emilia Pia. Both of them preached the ideals of agreeable pastime, high society courtesy and gallant manners, that became the foundation of «gentleman» honour code. The women caricatured in Molière's comedy have played a leading part in the development of new aristocracy type, and French high society salon, prefigured in Urbino court society as described by Baldassare Castiglione, has become a source for various scientific and secular organisations, including the French Academy, that has been granted official status afterwards.

Keywords: Molière, Baldassare Castiglione, précieuse, aristocratic behaviour, salon.

Yelena V. Khaltrin-Khalturina
Gorky World Literature History Institute, Moscow
 elenakhaltrin@yandex.ru

Elements of detective fiction in Jane Austen's parodies

Here we discuss the famous gothic parody written by Jane Austen («Northanger Abbey», 1803/1817) as a novel enriched by proto-detective elements. Some narrative tricks used by Jane Austen are congenial with those employed in ironic detective fiction, which blossomed in the mid 20th – early 21st century. Today, the ironic detective compositions are often seen as belonging to a sub-genre, which branches off from the «earnest» detective fiction. However, a close look at the British novels of the early 19th century reveals that

ironic mystery stories were likely to come into being simultaneously with graver detective fiction. Irony was a decisive factor, which helped to turn horror fiction into literature about successful investigation. This article offers a short account of works presenting Jane Austen as a master of humorous inspections; the article also contains a reading of chapters 11 and 12 of «Northanger Abbey».

Keywords: Jane Austen, gothic parodies, irony, suspense, proto-detective fiction, «Northanger Abbey».

Vera V. Korolyova
The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru

**Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's
style features in the novel
«The Petty Demon» by Fyodor Sologub**

The article discusses the features of Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's style, reflected in the novel «The Petty Demon» by Fyodor Sologub – romantic irony, grotesque, psychologism, Doppelganger phenomenon, carnival-pattern, puppet-pattern and mirror complex. At the core of Fyodor Sologub's novel «The Petty Demon», just as in «The Devil's Elixirs» by Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, there is the idea that is implemented in a new way: his characters do not develop, but they stand still or degrade. Every negative trait of Ardal'on Peredonov turns another personage in its ironic Doppelganger. «Nedotykomka» is a Doppelganger in which. What is concentrated, is all the evil of the hero. The image of the «nedotykomka» resembles a mad monk – a Doppelganger of Medardus from «The Devil's Elixirs». In «The Petty Demon», just like in the novel by Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, the characters look and behave like puppets. But objects and animals on the contrary start to be active (playing cards, glasses, rag, ribbon, etc.). Fyodor Sologub uses also a complex of mirrors which semantically is close to the short story by Ernst Theodor Amadeus Hoffmann «The Sandman», because in addition to the traditional images (mirror, glass, eyes), it includes such images-symbols, as circle, dance, fire, Doppelganger, madness.

Keywords: way idea, romantic irony, grotesque, psychologism, Doppelganger phenomenon, carnival-pattern, personages' puppet-pattern, mirror-complex.

Yuliya Z. Mirkina
Kant Baltic Federal University, City of Kaliningrad
julia_mirkina@mail.ru

**Time Organisation of the novel «Homo Faber»
by Max Frisch**

This article is devoted to considering the works written by a famous doer of the Swiss literature of the 20th century Max Frisch. Particular attention is paid to the temporal space as to one of the morphogenetic categories of the author's literary-artistic world. We also expose the specificity of the chrono-space structuring in the novel «Homo Faber». Despite being the diary of the main character (the engineer Walter Faber) and titled «the Report», the narration is chronologically disordered, which reveals the fact of temporal

discontinuum typical for the text of the novel. Time is multidimensional and discrete in the structure of the novel. There are three temporal positions mutually reinforcing and influencing each other (the 1930s, March to May 1957 and June to July 1957). What is another characteristic of the temporal continuum of the novel, is its inhomogeneity: as a result of temporal shift and emphasis on the key events, the time alternately shrinks or stretches. This specificity of temporal organisation of the text enables us to prove that Max Frisch is in inseparable unity with the time he lives in.

Keywords: time, text time organisation, temporality, temporal discontinuum, Max Frisch, «Homo Faber».

Natal'ya V. Volodina
Cherepovets State University, City of Cherepovets, Vologda Region
natalivolodina@mail.ru

**Leo Tolstoy's novel «War and Peace»
in the evaluation of Nikolay Akhsharumov
(article two)**

Nikolay Akhsharumov again referred to the Leo Tolstoy's novel «War and Peace» after the publication of its parts 1 to 4; his last article is devoted to the fifth volume and he left unattended the final sixth volume. In these articles, the interpretation and evaluation of the novel acquire a detailed, conceptual and analytical character but also save the style of artistic discourse. Obviously, the aesthetic analysis dominates in the article, because Nikolay Akhsharumov estimates Leo Tolstoy's novel primarily as a phenomenon of art. It is no coincidence that the comparison with the painting, which has been repeated more than once in the first article, gets here strongly marked and programmatic character. The characters of the novel are interesting for Nikolay Akhsharumov first of all as people of the «transition» era; that is why he emphasises the typical, repetitive, historically determined behaviour and human nature. The position of the author is still deprived of authoritarianism, but now it is more critical, even in relation to the main characters of the novel. The polemics between the critic and the author is caused by Leo Tolstoy's philosophical position, which Nikolay Akhsharumov defines as fatalism and skepticism; as the actualisation of the idea of the unconscious, pre-termination of human behaviour and of whole nations subordinated to some unknown laws of history.

Keywords: writer's artistic skill, realism, Leo Tolstoy's psychological analysis, synthesis and conceptualisation as critic's methods, polemics with author's philosophical position.

Irina Yu. Luchenetskaya-Burdina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
luciano55@yandex.ru

**Novel genre peculiarities in Fyodor Dostoyevsky's
creative work of 1860s to 1870s**

Features of Fyodor Dostoyevsky's artistic method which was defined by him as the «utter realism» have been considered in the article. It is conventional, that, unlike the 19th century classical novels, Fyodor Dostoyevsky created a special genre form, a type of the

philosophical novel in which a peculiar aestheticisation of the idea happens. The mechanism of the embodiment of this creative task is shown in the article, ideological coordinates of the novels «Crime and Punishment» (1866) and «The Idiot» (1868) are determined. It was shown that the idea is a plot-forming factor and causes multilevel structure of the work. It was proved that novels by Fyodor Dostoyevsky, since «Crime and Punishment», are necessary to be considered from the point of view of display of empirical reality in them, on the one hand, and of metaphysical perspective, on the other hand. These plans of the narration are united by the level of general-symbolical figurativeness. The image of the idea life as a philosophical novel's plot-forming factor causes the composite organisation of works, system of images, ways of the image of consciousness of the ideologue personages, features of the narrative organisation and chronotope. The role of the novels' common cultural images and intertextual aspect have been considered. The original genre which was developed by Fyodor Dostoyevsky in 1860s—1870s will be realised in the subsequent philosophical novels. The novel's new genre form is defined as universal, uniting various genre parameters – an ideological novel, a polyphonic novel, a tragedy novel, a religious tragedy – in uniform artistic space.

Keywords: idea's being, ideologue personage, genre forms, ideological novel, polyphonic novel, Russian literature philosophic potential.

Nina L. Yermolayeva
Ivanovo State University
ninaermolaeva1@yandex.ru

Depicting the Character in the Dramatic Histories by Alexey Pisemsky («Lieutenant Gladkov») and Alexander Ostrovsky's («Tushino»)

The article views one of the key problems of the art – the problem of character and means of its depiction – on the material of the little-studied and little-known dramatic histories by Aleksey Pisemsky «Lieutenant Gladkov» and Alexander Ostrovsky's «Tushino», respectively. Comparative analysis allows to see the substantial difference in the approaches applied by the two contemporary writers to its solution. Aleksey Pisemsky follows the West European writers (tragedy of the Antiquity, William Shakespeare's plays). Calling his plays tragedies, he portrays the characters by the means typical to tragedy of fate: the guilt of ancestors before descendants, fatal mistake of the character, complex interconnection of the positive and negative qualities of the character, etc. Depicting the character of another historical period, Alexander Ostrovsky applies the everlasting moral values. His story contrasts the characters of «modest» and «impassionate» types, the criminal character is depicted contradictory, the «cursed» character in Alexander Ostrovsky's creative work differs from that of Aleksey Pisemsky by having practically no positive features. Portraying the Motherland defender in his plays, Alexander Ostrovsky uses the special measure of hu-

maneness: his «modest» character (Nikolay Redrikov) becomes strong, steadfast, self-denying; his characteristics have much in common with those of the similar type in «War and Peace» by Leo Tolstoy.

Keywords: dramatic story, tragedy of fate, tragic character, «cursed character», characters of «modest» and «impassionate» types, measure of humaneness.

Irina A. Ovchinina
Ivanovo State University
ovchn@yandex.ru

«Minin» by Alexander Ostrovsky: at opinions' intersection

The article is devoted to the historical chronicle by Alexander Ostrovsky «Koz'ma Zakhar'ich Minin, the Withered Arm» and its reception in literary criticism of 1862—1864. Most of the critical comments contained negative remarks: critics mentioned the sluggishness of action, lack of conflict, wrong and unsuccessful depiction of the epoch. The characters of the history were regarded as unconvincing. A variety of critiques contained the reproaches to the overuse of religious element, as well as disgust to the poetic form of «Minin». It was hard for the contemporaries to accept the genre of the play which combined dramatic, lyrical and epic aspects. Apollon Grigoryev, as opposed to other critics, considered the history as a literary phenomena of great importance and saw its «organic connection with life». Meanwhile, Pavel Annenkov attracts the attention to the fact that Alexander Ostrovsky shows such historical fact that was kept in the folk's memory as a sacred one. This sacred character determined the specificity of genre, dramatic action, language and the leading characters of the play.

Keywords: Alexander Ostrovsky, criticism, genre, characters, conflict, dramatic action.

Ol'ga B. Kustova
Ivanovo State University
kustovaob@yandex.ru

Images of nature in the mirror of similes and comparisons expressed in the voyage diary of Ivan Goncharov «Frigate «Pallada»»

The article describes the features of similes and comparisons in the pictures of nature in the «Frigate «Pallada»» by Ivan Goncharov, summarises the history of the issue. A large number of similes and comparisons on different textual levels indicates that the most important feature of Ivan Goncharov's thinking is associativity. It is the ability to see the world in all its diversity and to synthesise various phenomena by using the technique of comparison. Obviously, similes and comparisons in this book are possible to identify the writer's dominant worldviews and keynotes. The comparison method actively promotes the expression of emotional, aesthetic and ethical views of the writer, reflects his symbolic representation of the world, realises the author's idea of ontological community of the processes of natural, mental and spiritual life and relations of nature and man. Special attention is paid to the comparison Ivan Goncharov's style with romantic

aesthetics, in particular, with Goethe's essay «Nature». The article points to the writer's innovation in the using of similes by comparing the natural and urban phenomenons.

Keywords: comparison, juxtaposition, similes, nature images, paysage, myth, Goethe, romantic aesthetics, functions of comparisons.

Anna A. Fedotova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
gry_anna@mail.ru*

Leo Tolstoy, Nikolay Leskov and «the Terrible Issue» of 1891

The article raises the topical problem, which is to analyse the ways of Leo Tolstoy's ideas reception among his contemporaries. The analysis is based on Leo Tolstoy's and Nikolai Leskov's letters and articles, written owing to the famine in the Russian Empire in 1891—1892. The author discusses two Nikolai Leskov's articles, which have not been reprinted since the late 19th century: «Leo Tolstoy on short commons» and «Nikolay Mikhaylovsky's verbal attacks on Count Tolstoy». The publication of these articles was provoked by the edition of the private Leo Tolstoy's letter, written to Nikolai Leskov owing to the famine. However in Nikolai Leskov's works the need of making excuses to Leo Tolstoy is not as important as the desire to popularise Leo Tolstoy's works among the audience of «Petersburg Newspaper». In spite of Nikolai Leskov's disagrees with some principles of Leo Tolstoy's opinion, in his articles, written for this popular edition, Leo Tolstoy's life and works are always favourably received.

Keywords: 19th century Russian literature, Leo Tolstoy, Nikolai Leskov, discussion, Nikolay Mikhaylovsky, «Petersburg Newspaper».

Sof'ya M. Mikhal'kova

*Ivanovo State University
zolotoyogon@mail.ru*

Vladimir Mayakovsky and Andrei Voznesensky: from «the Bridge Poet» to «the Airport Poet»

The purpose of the study is to find out the causes and specifics of creative consonances between Andrei Voznesensky and Vladimir Mayakovskiy, which were emphasised by the former poet himself. The main tasks are the comparison of their understanding of the poet's place in the world, the principles of organisation of the material, the ideas of «constructive» transfiguration of the world. The research methodology is based on the combination of comparative, typological and structural methods in their philosophical and aesthetic aspect. The results of the study show that Vladimir Mayakovsky and Andrei Voznesensky are close to each other as experimenters and utopians in poetry. Common to both is the pathos of romantic purification of life. The similarity can be seen also in the mounting-collage approach to the architectonics of the poem. Both poets advocate for the accelerating rhythm of life, for the remaking of the world by methods of utilitarian understandings art. The similarities between the two po-

ets is primarily deeply architecturally, as can be seen from a comparison of the poems «Brooklyn Bridge» and «Night Airport in New York». Vladimir Mayakovsky's bridge is a transcendent locus from which the poet observes the modern world, thinking about the future. Andrei Voznesensky's airport is already the world itself, intended for motley human polyphony. Urbanism and constructivism of Andrei Voznesensky additionally upgraded in the spirit of the era of scientific and technological revolution.

Keywords: tradition; futurism; architecture; constructive principle; transfiguration of the world; urbanistic; mounting; collage.

Valeriya A. Galanova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
galanova712@yandex.ru*

Poetic narrative in the poem genre and in the poems by Fyodor Glinka

This paper is discussing the problem of poetic narrative in the poem genre and in the poems by Fyodor Glinka. Wolf Schmid names several criteria of narrative discourse. Texts of a romantic greater poem may be of narrative or describing nature, but division between of them sometimes is uncertain. Unlike another types of narrative discourse, poetical narrative has a specific composition. That criteria are also valid for some poems by Fyodor Glinka. The poem texts by Fyodor Glinka show specific narrative, too. We are discussing several poems, which were written in the different periods of the poet's life. Those poems are: «Karelia, or Seclusion of Martha the Nun», «The Maiden of Karelian Forests», and «The Mysterious Drop». All of them speak to a reader about events, that happened many years ago. Their texts give effective illustration to the modern theoretical views concerning the genre of a greater romantic poem.

Keywords: language and literature, narrative, greater poem, narrative discourse, descriptive discourse, poetry, Romantism, Fyodor Glinka.

SCIENCE OF LANGUAGE

Irina A. Kyurshunova

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
kiam@onego.ru*

The Turkic name in anthroponymicon of Karelia in the 15th—17th centuries

This article researches anthroponyms, which have Turkic origin and which are recorded in clerical written language in pre-national period of Karelia. It determines their quantitative structure in the regional system of persons' naming, determines the spread of Turkic names within Karelia and reasons which influenced the range of use of such names. In the basis of the analysis, the list of names of permanent population of the territory – peasants, lonely men, artisans, Church employees, who represent local society, – is taken. Turkic names are divided into onomastic groups which are caused by their specified functioning in the text of written monuments. The author finds out the

reasons of the names' assimilation with non-calendar names from primordial Russian Onomasticon and nicknames. She shows the features of «new» motives of naming, associated with isolation of the inner form of Turkic name from the basis meaning, presented in the source language appellative. The conclusion is made about the place of anthroponyms with Turkic base in onomastic system of Karelia and Russia.

Keywords: historical anthroponymy, regional onomastic system, Turkic name, non-calendar names list, nomination motive, onomastic units functioning.

Lidiya A. Isayeva

*The Kuban State University, City of Krasnodar
vlisaev@rambler.ru*

Svetlana G. Budanova

*The Kuban State University, City of Krasnodar
lanastar@bk.ru*

Alevtina G. Ryabinina

The Kuban State University, City of Krasnodar

A plot-figurative secondary nature in a modern advertising text

This article describes the specifics of the plot-figurative secondary nature, which is based on an inter-related organisation of several texts. Precedent and inside advertising methods of building and visualising the material are described. Precedent methods require the inclusion of well-known subjects and characters in a media text. Inside advertising methods what is used, are the characters and events that become recognisable by means of the frequent realisation in the advertising discourse. Special inside advertising types of secondary texts are identified and analysed from the point of view of the plot-figurative content. Such as texts-cycles, texts-continuations, texts-understudies, texts-reactions. Texts-cycles are most widely used in the advertising discourse. They are characterised by combination of the author intention, the plot, the system of images without the event editions. Texts-continuations are characterised by joining plotlines together. Texts-understudies have the same type of literary organisation, but another conception and the author's intention. Texts-reactions contain linguistic and extra-linguistic references to other media content.

Keywords: text, secondary text, advertising text, media discourse, plot-figurative secondary nature, texts-cycles, texts-continuations, texts-understudies, texts-reactants.

Yelena L. Freydina

*Moscow Pedagogic State University
freydina55@mail.ru*

Prosodic variation as the basis of eloquence

The article reports on the study of the phonetic aspect of eloquence. Focus is given to the variation of prosody in British public presentations. Within the context of the discussion concerning the differentiation of «eloquence» and «rhetoric», the author argues that special attention should be given to the analysis of the prosodic means that contribute to the expressiveness and aesthetic value of the speech. The choice of

the optimal means of expression, including the prosodic means, at the stage of speech delivery is regulated by the principles of variation and appropriateness. The study of the prosodic variations viewed as an integral component of eloquence should include the analysis of the vocal qualities that contribute to comfortable interaction of the speaker and the audience as well as the analysis of intonation means that make the speech expressive. Drawing on the findings made in the course of the analysis of the samples of English public speeches, the author demonstrates that cooperative speaker-audience interaction, typical of contemporary rhetorical discourse is reflected in a special manner of delivery, characterised as «impressive and natural». The article contains an overview of the prosodic parameters relevant for eloquence: loudness, rate of speech, pauses, pitch characteristics. The combination of prosodic parameters, speaking voice, prosodic contrasts provide effective interaction of the discourse participants. The study of the prosodic aspect of eloquence is relevant for the development of speech culture in cross-cultural communication, since euphonical speech is one of the important components of sociocultural competence.

Keywords: eloquence, rhetoric, prosody, variation, appropriateness, prosodic contrast, expressiveness.

Irina Yu. Pavlovskaya

*Saint Petersburg State University
pavlovskayairina2@gmail.com*

Experimental contrastive research of English and Chinese intonation

The paper presents the results of instrumental and auditory analysis of Chinese intonation in comparison with the English intonation. Prosodic features of the Chinese language are considered not only from the point of view of their morpho-phonological distinguishing function, but also from the point of view of relating communicative intention in speech. On the basis of auditory analysis, a corpus of samples of native speakers' utterances representing different tonemic forms and belonging to different communicative types was selected. Prosodic and temporal features were analysed with the help of the programme «Speech Analyser». Illustrating tonogrammes are presented in the paper. The perception of the stimuli was investigated in the cross-linguistic experiment. The research shows that there are both common and differential prosodic features of speech in the two contact languages. They may lead to interference or to positive transfer of pronunciation habits from the native tongue to the target language. Such a comparison is relevant for teaching English intonation to the students from China and teaching Chinese intonation to the native speakers of English.

Keywords: phonology, prosody, intonation, tone, Chinese language, English language, contrastive analysis.

Tat'yana M. Pchelina
Moscow Pedagogic State University
carrie.t@mail.ru

**The problem of correlation of the notions
 «voice quality» and «timbre»
 in modern linguistic researches**

The article raises a most interesting question of correlation of the notions «voice quality» and «timbre» in modern linguistic investigations. It is true to say that these notions have a long linguistic history. There is still a lot of debate among scholars about this problem. As a result, these terms may be broadened, narrowed or equated with each other. Foreign investigators show more interest in voice quality research. They take great pains to explore its acoustic nature. Basing on John Laver's works, they consider it to be a distinctive hearing characteristic of a speaker's voice which is produced by the function of the laryngeal and supralaryngeal settings. John Laver's emphasis is laid on the function of voice quality as an index not only to physical but to psychological and social characteristics of the speaker as well. Besides, foreign linguists state that a skillful public speaker is capable of exploiting the muscular tissue structure of his vocal apparatus to produce some particular sound effect. As far as phoneticians of this country are concerned, they are interested in the research of both voice quality and timbre. It should be noted that they may consider these notions as identical. The scientists observe that it is an acoustic characteristic which reveals the speaker's emotional state. The speaker can intentionally exploit it to produce the sound effect which makes a great impression on his listeners. Nevertheless, some phoneticians report that timbre should not be equated with the voice quality. In their opinion, timbre is a complicated psychoacoustic phenomenon which demonstrates some psychoemotional state of the speaker. This special colouring depends on the phonation type, articulatory settings and resonant qualities of the vocal apparatus.

Keywords: voice quality, timbre, laryngeal and supralaryngeal settings, resonant qualities of vocal apparatus, psychoacoustic phenomenon.

Yelena B. Volkova
Moscow Aviation Institute
(Research University of the Russian Nation)
lenka@mail.mipt.ru

Irina A. Remennikova
Moscow Aviation Institute
(Research University of the Russian Nation)
vladrem@list.ru

Yelena A. Vecherinina
Moscow Aviation Institute
(Research University of the Russian Nation)
vealek@mail.ru

Vladilena L. Korotun
Moscow Aviation Institute
(Research University of the Russian Nation)
vladakor@mail.ru

Comparative analysis of the structure and semantics of compound sentences with object clauses in Russian and Romano-Germanic languages (on the material of mathematical works)

The article deals with basic structural and semantic qualities of two-component compound sentences with

object clauses functioning in mathematical works in the Russian, the English and the French languages. The works of outstanding modern mathematicians in the field of differential geometry and algebraic topology served as a material for the research. These authors achieved fundamental results in the above stated fields; their works written in an irreproachable style serve as the basis for further studies. For the difficult material to be apprehended properly, the language of mathematical works must obey some definite syntactical laws. Compound sentences with clear subordination of clauses favour to a great extent the logical consecutive statement of the mathematical text. Having more complicated structure than simple sentences, they are more evident in semantic facilitating apprehension of the information being conveyed. Constructions with object clauses are highly productive among the compound sentences of the inseparable type. As a rule, it is the subordinate clause that contains somewhat new that promotes advancement of the course of reasoning whereas the main clause is assigned only an auxiliary part. The article covers such important features of the studied sentences as position and construction of the main and subordinate clauses, their means of connection, morphological and semantic properties of the subordinating word, presence/absence of the correlate etc. In the course of analysis of these structures in the three languages, some common features (for example, absolute predominance of the preposition of the main clause) as well as considerable differences (for example, the absence of a conjunction similar to the Russian чтобы in Romano-Germanic languages) are revealed, which should be taken into account at working with the texts of mathematical works in these languages.

Keywords: compound sentence, main clause, subordinate clause, compound sentence with object clause, subordinating word, conjunction, correlate.

Yelena Yu. Ivkova
Nekrasov Kostroma State University
ivkova.elena@gmail.com

**Multicomponent complex sentences
 as system-forming factor in bilingual writing
 speech of characters in literary text (a case study
 of the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy)**

This article is focused on the structural-semantic peculiarities of the multicomponent complex sentences (hereinafter MCS), widely represented in the letters of Maria Bolkonskaya, the heroine of the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy. The language of the epopee novel forms a complex system of interaction leading functional styles of the Russian language. The bilingual text of the letters, which reflected the secular-conversational style of the period represented, reveals an abundance of structural models of MCS, a variety of grammatical and grammaticalising conjunctions in their structure, as well as the coherent structural and semantic components of a text character that facilitate the functioning of MCS on the whole. MCS with consecutive subordination of components are the most

productive type of composite deployment of such MCS in written speech of the heroine. Their composition has a clearer linear direction, a clearer grammatical perspective. They can include parallel subordination of components, forming a contaminated structure. The written speech is an attempt to overcome some confusion of thoughts. MCS in a written speech are a kind of «islets of organisation». Having a clear hierarchical structure, they help the reader to trace the process of thinking of the character. Being a kind of text, MCS is able to perform text-forming function and participate in the organisation of a one literary space. To recreate the style of the epoch, Leo Tolstoy variously and historically plausibly introduces the French language in the linguistic tissue of the text. Comparison of MCS in French, in letters of Maria Bolkonskaya, with the author's translation allows us to consider examples of full match and partial mismatch between the grammatical organisation of MCS and by that, to identify certain structural-semantic peculiarities of these sentences more clearly.

Keywords: multicomponent complex sentence, consecutive subordination of components, conjunctions, literary text, bilingual speech, French language, Leo Tolstoy, «War and Peace».

Adelina R. Safina

*Naberezhnye Chelny State Pedagogic University
safina-adelina@mail.ru*

Communicants' mental state and its influence on certainty of the statement

The present article is devoted to study the influence of communicants' mental state on choice of lexical (modal words) and lexico-grammatical (modal verbs) means of expression of epistemic modality in modern English. The author's attention is focused on three levels of manifestation of mental state: emotional, cognitive and social ones. In order to achieve the goal of the research, communicative-pragmatic and cognitive methods have been applied. The results of this research allow drawing a conclusion that the degree of certainty of a proposition (providing reliable information or distortion of a situation in objective reality towards confidence or, on the contrary, doubt) has direct dependence on the speaker's mental state and can be used in further researches of epistemic modality within pragmatics, psycholinguistics and cognitive linguistics. It is also worth noting that communicants' mental state, exerting influence on the degree of certainty of a proposition, functions in unbreakable link with other pragmatic factors including communicants' personality and characteristics of their interpersonal relationship, illocutionary force, a perlocutionary effect and others.

Keywords: epistemic modality, epistemic necessity, epistemic probability, modal word, modal verb, mental state, pragmatics.

Tat'yana G. Popova

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
tatyana_27@mail.ru*

Ol'ga V. Mingaleva

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow*

Irina G. Anikeyeva

*Moscow Aviation Institute
(Research University of the Russian Nation)
irganik3@mail.ru*

Metaphor in intercultural communication

The article is devoted to research of metaphor's role in intercultural communication and to conveying it in the translating language. The metaphor is described in the paper as a complicated, multidimensional phenomenon and is considered in two aspects: as a trope and a figure of speech which serves for expressivity and expression of opinion of the author in the artistic text as well as a language metaphor which has lost the figurativeness and expressivity as a result of the broad use by language community whereas translation process is considered to be a psychological process. The authors of the article in detail dwell on a polysemantic basis of the translation. It is importance of process and result of the translation in modern society to which special attention is paid in the work as translation has a public mission.

Keywords: metaphor, translation, intercultural communication, language, speech, society.

Tat'yana G. Popova

*Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation, Moscow
tatyana_27@mail.ru*

Yelena V. Sachkova

*Emperor Nicholas II Moscow State University
of Communication Lines
november29@yandex.ru*

Metaphor in official documents style

The article is devoted to the language metaphor and its functioning in official documents style. The article discusses such issues as metaphor, language metaphor and speech metaphor and their key features. We aim at analysing metaphor in substyles of the official documents style for which it was non-characteristic previously but has appeared lately due to the factors that influence the development of languages. Metaphor is considered in two aspects. First, it is treated as a trope and figure of speech used for expressiveness and expression of the author's opinion in belles-lettres style. Secondly, it is analysed as a language metaphor that has lost its imagery and expressiveness as a result of extensive use by the linguistic community. However, language metaphor, as well as verbal metaphor, is based on the transfer meaning on the basis of similarity or association, and retained emotive or evaluative component in its meaning in a weakened form. Moreover, the definition of the functional style is given, and examines the official documents style, as one of the major functional styles, with a special overview of its specific features and styles. Functional style is defined as a type of literary language in one or another socially

important public speech practices of people, the features of which are defined by the peculiarities of communication in this field. The examples from business and military documents illustrate the presence of metaphor in the texts of these substyles and peculiarities of its functioning.

Keywords: language metaphor, official style, substyles of business and military documents.

Nelli G. Oleynik

*Nekrasov Kostroma State University
inyaz@ksu.edu.ru*

Marina Ye. Dubova

*Nekrasov Kostroma State University
inyaz@ksu.edu.ru*

Linguistic picture of law and order powers and those who break it in modern English

The ever increasing role of the law and order powers, able to withstand the refined methods used by law breakers of different types, makes the theme of the article acute. It was considered important in this respect to follow all the history of embracing different departments of the police. Thus the stylistic peculiarities of the police jargon and the word building techniques were investigated through the prism of perception of both the law enforcement and those they pursue ever since the very appearance of the police in the 18th century in England and up to the present day. The investigation testified that since the very start and on and on there have been two active tendencies in the use of stylistic means such as metaphor, metonymy in their different structural variations. They actually demonstrated (and have been doing it now) polar, even excluding attitude of the speakers – hostile-pejorative or euphemistically veiled and apparently passionately meliorative. A whole bulk of synonymic means is used in present day English to denominate the police departments which upon the whole reflect the relations within everyday service, their aims as well as methods used to put them into practice. The linguistic matter is limited to the terms denoting the police itself, its modern departments, their methods of work. Treatment of unusual cases in police practice as well as manner of recreation is of particular interest. It is a kind of «litmus test» that exposes the police operation pattern from the inside.

Keywords: cop speak (cop talk), antonomasia, letter shortening (lexical abbreviation), compound shortenings, abbreviation synonymy, partial analogy changing stylistic colouring, verbal metaphors, nominative metaphors, euphemistic effect extended metaphors, oxymoron effect coupled (group) epithets.

Yelena S. Zinov'yeva

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
zinyel@yandex.ru*

The formation of a stereotypical male image in glossy magazines (in the Russian and English languages)

The article deals with the category of «gender» as a subject of study of gender linguistics, gives the characteristics of the concepts of «gender picture of the world», «gender concept», «gender stereotype»,

«masculinity vs. femininity», traces a correlation between a concept and a stereotype, emphasises image-estimated nature of stereotype. The author reveals the role of print media in the creation of a gender picture of the world of cultural communities at the present stage and an active participation of glossy magazines in this process; she defines the characteristics of the discourse of gender-oriented publications as a means of forming stereotypes about males and females in the mind of the reader; she also analyses the way the content of modern concept of masculinity is reflected in a stereotypical male image created in gender-oriented publications in the framework of the scheme, consisting of stable clusters common to multilingual versions of glossy magazines; finally, she conducts a comparative analysis of a male image in the West and in Russia in terms of the ratio of hegemonic and natural masculinity. As a result of the research, the author concludes that the male image presented in the English and Russian versions of glossy magazines is stereotypical, correlates with modern meta-gender norms and, at the same time, possesses some distinctive features, which reflect stereotypical views on modern masculinity in different national gender pictures and linguistic peculiarities of different cultures.

Keywords: gender, gender linguistics, concept, stereotype, stereotypical image, masculinity, femininity, glossy magazine, hegemonic and natural masculinity.

Oleg A. Titov

*Ushinsky Yaroslavl State University
olegtitov20009@yandex.ru*

Proper names' semantics in Vladimir Nabokov's story «Catastrophe»

The paper deals with ways of proper names' organisation and correlation of their meanings with different levels of contextual structure of the work. The author makes a conclusion that the name of Vladimir Nabokov's character appears to be mostly polysemantic and built on several principles simultaneously. Vladimir Nabokov often uses palindrome and either full or partial anagram. The primordial lexical meaning of foreign names is also applied in the story. The character of the story can also obtain a real person's name. Each of the meanings of proper name is a kind of a key to one of the story implicit content levels. The semantics of the proper name enables to pay attention to a number of details scattered throughout the text. The combination of these details makes up the levels of the multilayered content of the story. New system links are found on each contextual level of the proper names' meaning resulting in a complex macro-system formation which leads to a full and thorough understanding and perceiving Vladimir Nabokov's short story.

Keywords: Vladimir Nabokov, short story «Details of a Sunset», character's name semantics, implicit content, lexical-semantic field, palindrome, anagram, entomological topic.

Svetlana Ye. Lyubimova
Nekrasov Kostroma State University
solnyshthenok@yandex.ru

**Onyms of the «Martian» language as means
of creation of a fantastic world мұпа
(in terms of the story «Aelita»
by Aleksey Nikolayevich Tolstoy)**

The article deals with the onymic system of artificial, Martian language, created by Aleksey Nikolayevich Tolstoy for his sci-fi novel «Aelita», which tells about the flight of the Soviet men to Mars. The definition of «artificial language» is given and its functions in creation of the Martians' image is stated. The article gives data of nominal and proper nouns amount, with the last ones prevailing. From the author's point of view, it is connected with the main function of proper nouns – distinguishing of particular phenomena or people from the rest ones. A little amount of objects exists both on Earth and on Mars. That is why there are few nominal nouns. Phonosemantic analysis of nominal and proper nouns is given according to Aleksandr Zhuravlyov's method. Phonetic pronunciation features of Martian words are considered (nominal nouns consist of hushing sounds and this makes them sound rude, proper nouns contain voiced consonants and sound more euphonic). Special attention is paid to the name of the main character, Aelita and other anthroponyms – Ikha, Tubal, Tuskub, Gor, Rama, Uru. The names of planets, countries, cities, mountains and islands are also analysed. The phenomenon of double nomination in the names of space objects is revealed (Mars – Tuma, Earth – Taltsetl, the Sun – Soatsr). Different names for the same phenomenon in different linguistic cultures is typical for natural languages. As a result of investigation it is concluded that personal nouns play an important role in the system of artificial, Martian language. They perform the function of distinguishing an object out of the same ones and create onomastic background, that is so necessary for creating a fantasy world.

Keywords: science fiction, onomastics, literary onomastics.

Yevgeniya V. Zimina
Nekrasov Kostroma State University
ezimina@rambler.ru

**Specifics of translating contemporary
Polish poetry**

The article discusses approaches to translating contemporary Polish poetry as well as translational strategies influenced by new tendencies in versification. Although the Polish and Russian languages are closely related, translators into Russian experience no fewer difficulties than translators into other European languages. These differences are accounted for by the difference in development of the Polish and Russian literary tradition and in perception of metres. Certain metres and the Polish syllabic verse are perceived by Russian listeners and readers as free verse, therefore, they are erroneously translated in free verse. The au-

thor pays special attention to the graphic design of the text as a semantic component, requiring additional translational means. Free verse also poses difficulties as it is less widely spread in Russian poetry in comparison with that of Europe. The author gives recommendations on developing a translational approach to Polish poetry, based on the genre of the original text, and emphasises the necessity to combine new and traditional approaches to produce an adequate translation.

Keywords: translation, contemporary Polish poetry, free verse, translation from related languages, translation difficulties, metre, verses' graphic design.

Zhanna A. Zubova
Turgenev Oryol State University
kafrusogu@gmail.com

**About the paradigmatic relations
in phraseology of Oryol patois**

Some materials of the Dictionary of phraseological units of Oryol patois being prepared for the edition are presented in the article. The dictionary is supposed as a binary one. The first part of the dictionary is constructed on alphabetic, and the second, on ideographic approach. Such an approach allows not only to specify definitions, but also to reveal the paradigmatic relations between phraseological units (PhU). Therefore the alphabetic part of the dictionary has included also data on the paradigmatic relations between PhU. It is noted in the article that semantics of PhU is multilayered. It, in particular, can be shown in some features of representation of the synonymic and homonymic relations. The characteristic features connected with a synonymy problem are noted. Features of the synonymic relations between multiple-valued units and their synonyms are established. For each of the marked-out values a synonymic row is given. Some units (as a rule, polysemantic) act as synonyms more than to one value of multiple-valued PhU. At the same time the multilevel basis of value of a phraseological unit fixes existence of PhU with two and more equilibrium nuclear seme. The two-uniform basis is the basis of PhU value: the phraseological unit both calls and characterises this or that person, action, state, time, measure, etc. Thereof allocation of several values at a number of PhU is impossible, they remain monosemantic. It allows to give several synonymic rows for such phraseological unit depending on activation of one or other seme in a concrete context. The analysis of the paradigmatic relations allows to investigate a phraseological continuum to establish interrelations and interdependence between fraseosemantic fields, the nuclear and peripheral organisation of a phraseological fragment of Oryol patois.

Keywords: Oryol patois, dialect, phraseological unit, paradigmatic relationships, synonym, homonymy, dictionary.

JURAL SCIENCES

Vladislav V. Gruzdev
Nekrasov Kostroma State University
vgruzdev@ksu.edu.ru

Problems and the prospects of realization of the rights of citizens for education in the unrecognized states of the southeast of Ukraine

The situation in the higher education which has developed in the southeast of the Ukraine in connection with military operations is considered in the article. Violation of the international and interstate precepts of law, including the Ukraine citizens' education rights, is stated: the Ukraine not only does not provide realisation of the citizens' education constitutional rights, but also actively and purposefully counteracts it. Versions of the solution of the question of recognition of documents on education in these territories are offered: 1) issue of documents on education of the Ukraine sample; 2) adoption of documents on education which are issued by the unrecognised states, without recognition procedure; 3) issue of documents on education of the Russian sample. The article's author considers that in the current circumstances what is seen to be the most realistic, are the second and the third options.

Keywords: state, right, education, Ukraine, Donetsk, Lugansk, education documents, concluding attestation, external studies.

Gennadiy G. Bril'
Kostroma State Technological University
kuin@kstu.edu.ru

Policy of the Soviet state with respect to the «Tsarist» technical intelligentsia in the 1930s (in terms of the Upper Volga region)

The article reveals features of relationship of the Soviet state and the technical intelligentsia during the most difficult historical period – collectivisation of the USSR agricultural sector. The archival regional materials of the Upper Povolzhye (Kostroma and Ivanovo provinces) are used by the author. The analysis of archival evidences revealed the roughest violations of standards of the criminal procedure law when the defendant and witnesses were exerted pressure on from the direction of investigators, indications were forged, the defendant lost the right of recusation of investigators, terms of investigative actions were reduced, waived hearing was held without participation of parties, there was extinction of the accused of right to appeal from judgement etc.

Keywords: intelligentsia, social conflict, political regime, illegal activities, action, repressions of criminals.

Stanislav V. Rozenko
Yugra State University, City of Khanty-Mansiysk,
Khanty-Mansi autonomous district AKA Yugra, Russia
rozenko_sv@mail.ru

The system of measures of social protection of the RSFSR criminal code as of 1926 as an alternative to punishment

The article is devoted to the content and value system of social protection measures enshrined in the Criminal code of the RSFSR of 1926, as an alternative

to punishment. This socio-legal experiment in the field of criminal law differed in many fundamentally new approaches and had a significant mixed impact on the subsequent development of Soviet criminal law. We recognised the inevitability of the destruction of crime as the social consequences of class society through the implementation of the new criminal policy, in respect of categories of persons recognised as socially dangerous. The Soviet state not only punished for the commission of criminal attacks, but also proactively provided its own security against further criminal behaviour on the basis of subjective evaluation of the defendant: it tied with the criminal environment or the anti-social activities of the perpetrator. Special attention is paid to the situation that these measures were a dynamic manifestation of the punitive policy of the Soviet state. Social protection was enshrined as a complex system, which in essence was a punishment, which allowed the expansion to apply the measures of criminal repression in respect of an unlimited circle of persons, and was also a complex upbringing and coercive measures against crime.

Keywords: social protection measures, criminal penalties, RSFSR criminal code as of 1926.

Yevgeniy A. Nesvit
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of the Russian Academy of National Economy
and Civil Service under the President of the Russian Federation
4632316@mail.ru

Administrative norm of right protection: issues of terminology

The purpose of the article is to reveal the term «administrative defence of the citizens' rights», the significance of which is determined by the priority of the citizens' rights and freedoms and the state's duty to ensure its protection. For the purpose, the compound term was decomposed into such components as «rights», «administrative norm of protection», «rights' legal protection». The disclosure of these terms' content, in particular through the delimitation of competing terms, such as «freedoms», «legal interests» and «legal protection», provide attaining the aim. The article notes that the main semantic stress of the concept is on the term «protection», which has a regulatory definition. The definition varies depending on sources and is also distinguished from the terms «legal protection» and «rights' legal protection». The same is applicable to the term «rights' legal protection» as well. The approach of interpretation with the help of normative legal acts in conjunction with the theoretical concepts is provided with the opportunity to define the «rights' legal protection» as a human rights' activities aimed at restitution of violated rights and prevention of their further violation. The article concludes the differentiation of the legal protection and the legal protection activities, determination of the main subjects and actors of legal protection, determination of the main forms and methods of administrative norm of protection.

Keywords: custody, protection, protection administrative norm, rights, freedoms, legitimate interests, citizens, foreigners.

Yuriy V. Morozov

*Border Service of the Federal Security Service
of the Russian Federation
morozov-j-v@mail.ru*

Administrative banishment of foreign citizens and stateless persons from the territory of the Russian Federation: main issues and solutions in relation

The subject of this research is an institution of administrative banishment of foreign citizens. The purpose of the work is to study the peculiarities of administrative banishment of the foreign citizens being in the territory of the Russian Federation, to identify topical problems and to give recommendations on how to handle the problem. The legal ratio of administrative banishment is investigated in the work; peculiarities of application concerning banishment of foreign citizens are revealed. The special attention in the research is paid to identification of the reasons interfering productive activity of competent authorities on bringing foreign citizens to administrative responsibility. The author presented offers and justifications of need to improve the legal acts regulating the order of administrative banishment of foreign citizens.

Keywords: administrative banishment, deportation, institution, foreign citizens, punishment, responsibility, court.

Denis S. Hizhnyak

*Saratov State Jural Academy
denis_khizhnyak@mail.ru*

Specifics of transnational investigation (forensic) situation and its typical model

The forensic (investigation) situation as an important scientific category has a great methodological significance in relation to investigators' work connected to crime investigation. The forensic (investigation) situation as a model of typical situations stipulates the investigators' typical versions, developed by science and practice and the specific character of implementation of tactics. It directly affects the algorithm of the investigators' actions. Some time ago, justification of transnational crimes as a specific criminal activity caused a number of innovations in forensic science, since such activity has its own specific features. It is obvious that transnational investigative situations also have some specific features, the consideration of which is the aim of this article. Based on the construction of a mental model of transnational investigative situation, its formal declarative frame model is produced, which in its turn contributes to the study of correlation of the investigation situation with the situation of investigation of transnational crimes. The latter is of practical importance for the process of investigation of transnational crimes.

Keywords: forensic (investigative) situation, investigation situation, transnational criminal activity, modelling forensic situations.

Sergey I. Sayenko

*Didorenko Lugansk Academy of the Internal Affairs
sergeisaenko@rambler.ru*

The role of the concept of the bill in the preparation of high-quality sources of Russian norms of administrative law

The article draws attention to the fact that the members of parliament, while adopting laws, try to position them to Russian citizens as legal and aimed at regulations, which satisfies the interests of society. However, scientists and ordinary citizens in most cases point out that the Russian parliament adopted laws do not possess the similar properties. The latter also has the appropriate doubts if laws are able to effectively fulfill the role of the main sources of norms of administrative law in Russia in the longer term. In this paper, what was referred, were the causes of the negative attitude of citizens to the modern legislative process. They include: ignoring of the scientific technology of the law; the lack of specific laws of social destination; poor quality of legislation; the absence of direct effect of the law. Also, attention in this work is drawn to the fact that the development and adoption of necessary law inhibited by differences in positions of the developers, who reflect the different social interests, party sympathies and needs of the regions. The author of the article proves the feasibility of creating generalised model concept of the bill by representatives of administrative science, which would have a clear structural framework with a meaningful description of its elements, and which would act as a guide and methodological tool to assist in administrative rulemaking process.

Keywords: lex, bill, concept, administrative law norm, Russian administrative law norms sources.

Aleksandr G. Galkin

*The Kuban State Agricultural Academy, City of Krasnodar
alex-amway@inbox.ru*

Aleksandr S. Kainov

*Public procurator's office in Krasnodar Land
kainov-aleksandr@mail.ru*

Cooperation of institutions of civil society and the Prosecutor's office

It is registered in the article, that a supervision after the observance of rights and freedoms of person and citizen comes forward the independent type of public prosecutor's activity. For its effective realisation, the office of public prosecutor attracts the institutions of civil society. The analysis of cooperation of supervisory department with the public associations specialised on the protection of human rights showed that the various forms of collaboration are distinguished in practice, in particular: joint realisation of research and practice conferences, seminars, «round» on questions of strengthening of legality and law and order table; informing of population of role of office of public prosecutor and institutions of civil society in the protection of rights and freedoms of person and citizen, about the

state of legality in a country and accepted measures on its strengthening; legal enlightening of population as consultations, lectures, conversations, legal quizzes about rights, duties, responsibility for offences, including by means of placing of elucidations of legislation in mass medias; participating in judicial trials on criminal and civil cases; realisation of anticorruption examination of normative legal acts for providing, custody and protection of rights, freedoms and legal interests of citizens and organisations; joint investigation of violations of human rights by the institutions of civil society and office of public prosecutor. For the achievement of general goals and tasks, the state and civil society face agreements which consist the organs of office of public prosecutor concerning co-operating and collaboration with the institutions of civil society in a number of regions. Special attention in the article is paid by the author to the public advices formed at the offices of public prosecutor, as forms of rendering assistance to the organs of office of public prosecutor when realising supervision after execution of legislation in the certain sphere of activity.

Keywords: collaboration, violation of human rights, legality, public advice.

Dmitriy A. Zakharevich

*Nizhny Novgorod Management Institute – branch of the Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation
zakharevich_dima@mail.ru*

The development of the «Open government» concept in the Russian Federation

«Open government» development in the Russian Federation nowadays needs in filling terminological gaps. The article addresses the issues associated with existing theoretical approaches to the «Open government» definition in Russia, in particular, to the evolution of the «Open government» concept in official speeches of senior officials and the public working group's materials, and the reasons for the variety of interpretations of this term in the Russian Federation. The author analysed different interpretations of the concept that has influenced the development and perception of the «Open government» and also explains the lack of unified approaches to its interpretation. Based on the analysis of the essence and content of the foreign approach to the «Open government» the author proposed his own definition. The author substantiates the necessity of consideration of «Open government» either in terms of political and doctrinal essence of the phenomenon or in terms of the administrative law. In the conclusion, the author referred to the necessity of adopting a framework legal act that would contain the definition of «Open government», its structure, goals, main tasks and mechanisms.

Keywords: «Open government», «greater government», government, society, public administration, public administration concept/doctrine, public authorities, civil engagement.

Tat'yana V. Belova

*Russian State University for the Humanities, Moscow
tanik1796@rambler.ru*

On the right of a private property to pension accruals: current state of the legislation and tendency of its development

Issues of recognition of the property right to pension accruals are revealed in the article. Establishment of the right on this money of a state-owned property leads to infringement of the rights and interests of citizens, numerous legal reforms in this sphere generate mistrust both to the state and to the non-state pension funds operating in the pension insurance system. The legal nature of pension accruals is faithful to the rights of citizens to bank deposits in credit institutions. It is established that the restrictions and prohibitions operating for pension allowances of non-state pension funds are connected only with competence of protection of the owner and are more profitable to funds, than to insured persons. The concept of the individual pension capital which is subject to acceptance is designed to change proprietary approaches to pension accruals cardinally. Introduction of a private property on pension accruals will be entirely equitable to the rights and interests of insured persons, being to them of bigger interest with an opportunity to perform concerning these means of competence of the owner in more complete amount in comparison with the current situation today, including an expenditure of accumulations for own needs and a possibility of the order on an inheritance case.

Keywords: pension accruals, private property, heirdom, disposition, insured person.

Tat'yana S. Kovalenko

*Didorenko Lugansk Academy of the Internal Affairs
kovalenkots@mail.ru*

The historical way of origin, formation and development of the judiciary in Russia

The author of the article analyses the way of origin and development of the judiciary in Russia. The study takes place from the conceptual and comprehensive theory of the judiciary. The author emphasises that the judiciary system in Russia has come a long hard way since its origins in ancient times to the present day. There has been its historical genesis of the «Court of top people» to modern democratic judicial system, based on generally accepted international values, calling on the courts to serve the rule of law, as well as to protect and defend the rights and freedoms of person and citizen during this period. This path can be divided into several sections, which are characterised by certain features: 1) the nucleation stage of the judicial system; 2) the period of origin of justice; 3) the period before and during the Great Judicial Reform 1864; 4) post-Reformation period; 5) the period of the Soviet justice; 6) the post-Soviet reform of the judiciary; 7) the modern judicial system.

Keywords: court, judiciary, judicial system, court proceedings, justice.

Dmitriy A. Babichev Natal'ya A. Babicheva
Didorenko Lugansk Academy of the Internal Affairs
babicheva_natalya@inbox.ru

Criminological portrait of offender who commits intentional destruction or damage of property by arson

The features of modern criminal who commits intentional destruction or damage of property by arson were analysed on the basis of the results of a pilot survey of respondents and the study of jurisprudence of socio-demographic, need-motivational, value-normative and social-role (functional). The combination of these features makes it possible to make a generalised portrait of the above criminal, as well as to determine the social groups which are in need of preventive influence on them most of all.

Keywords: criminology, identity of offender, criminological portrait offender, destruction of property, damage to property, arson.

Natal'ya V. Razbeyko
Donetsk Management University
razbeyko.n@gmail.com

Legal facts as an element method of legal regulation

This article discusses the legal facts as one of the elements of the method of legal regulation (along with the subjects and objects of law): binding to the fact that the Law is done by the method of legal regulation, which is a bridge between them. right control method is actively developing, especially in connection with the introduction of the new subject of regulation (relations on the Internet, computers, mobile phones, etc.). There were new legal facts that helped to establish the

latter, to change the appearance of relations (for example, in trade with the help of the Internet). Therefore, at the present stage of development of society, it is no longer sufficient to consider the right method of regulation only as a feature of each branch of law. In this regard, the article subjected to further study the role of modern legal facts in determining the method of legal regulation. Not only the subject, method and mechanism of legal regulation, differentiation and integration of legal forms determines the branch of law, but also the legal facts to some extent determine the branch of law. Functions of the right method of regulation is not only to serve as a criterion of demarcation system rights to the industry, but also in the task of achieving the specific objectives set out as real situations to the society and the state. And that assist the legal facts that help, above all, to identify the essence of the social situation that needs to be addressed.

Keywords: legal regulation method elements, legal facts.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Yelena V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University
elv15@list.ru

The XV International scientific conference «The Povolzhye Onomastics»

Information on another International scientific conference «The Povolzhye Onomastics» which has been an important scientific life event which promotes development of onomastic science, is reported in the article.

Keywords: onomastics, «Povolzhye Onomastics» conference, onomastic investigations.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы
kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2016 – Т. 22 – № 5

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 24.08.2016.
Дата выхода в свет 29.12.2016.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 36,8.
Уч.-изд. 38,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 149.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна